

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 3 2022

ДМИТРИЙ КЕДРИН

КРАСОТА

*Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотивших снопы спозаранок.*

*У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.*

*С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!*

**Поздравляем наших прекрасных читательниц
с праздником весны!**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

**Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,**
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
Э. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Содержание

Поэзия

- Марина КОТОВА**
Как до войны 3
- Анна ДОЛГАРЕВА**
Это моя страна 36
- Марина САВВИНЫХ**
От корня одного 75
- Полина КОРИЦКАЯ**
Скрой меня от печали..... 119
- Маргарита КАРАНОВА**
Весна побеждает уверенно 147

Проза

- Ирина ИВАНЦОВА**
Человечье тепло. Рассказы 6
- Зинаида КУЗНЕЦОВА**
Взрослые люди. Рассказы 29
- Роман КОЖУХАРОВ**
Днепр впадает в Чёрное море.
Роман (продолжение) 39
- Николай ЗАЙЦЕВ**
Территория войны. Роман 78
- Эвелина АЗАЕВА**
Канадский клён стучит в окно.
Рассказы 123
- Светлана ЛУЧКИНА**
Гармония. Рассказ 139
- Татьяна ЖАРИКОВА**
Ожог. Рассказ 150
- Юлия НЕВОЛИНА**
Бабье лето. Рассказы 158

Очерк и публицистика

- Роберт НИГМАТУЛИН**
Демографический кризис и
коронавирусная пандемия:
условия преодоления 165
- Елена ЛАРИНА,**
Владимир ОВЧИНСКИЙ
Квантовое превосходство
и квантовая мобилизация 173

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
*заместитель главного
редактора, зав. отделом
публицистики* —
(495) 625-01-81

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Н. Тимофеев —
*редактор отдела
критики* —
(495) 625-30-47
ns-kritika@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Мир Свиридова

Александр БЕЛОНЕНКО
Шостакович и Свиридов:
к истории взаимоотношений 178

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов 219

Вячеслав ЩЕПОТКИН
Люди на пороге жизни 229

Фёдор СУХОВ
Пересвет и Ослябя 264

Валерий ЧЕРКЕСОВ
Правда Фёдора Сухова 269

Критика

Михаил ГУНДАРИН
Валентин Распутин и
Владимир Маканин: в тисках
великой модернизации 273

Книжный развал

Наталья МЕЛЁХИНА
В зеркале провинции 277

В конце номера

Письмо Президенту 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2**

Сайт в интернете: **www.nash-sovremennik.ru**, эл. почта: **n-sovrem@yandex.ru**

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 03.03.2022. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №0459-2022. Тираж 3300 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

МАРИНА КОТОВА

КАК ДО ВОЙНЫ

МОСКВА ВОЕННАЯ

Москва, духота, бродит пыль по проулкам,
у дней этих мёртвых ни цели, ни даты,
здесь каждый, как в капсулу, замкнут, и гулко
шаги в переходе звучат без возврата.

Зарница сверкнёт, но бессильны стихии,
асфальт раскалённой дымит сковородкой,
но страх надевает перчатки тугие,
и чёрные тряпки на подбородке.

Напрасно три ангела, сидя у Чаши,
толкуют о вечном в звенящей лазури.
Пустые глаза и сердца безучастны,
а вспомнят о Боге, то разве что всуе.

В пустынном кафе одинокая Ева
над рюмкою плачет, что некого нежить,
с рекламных щитов, возносящихся в небо,
напившись тоски, ухмыляется нежить.

Пройдёт человек, озираясь, как пьяный,
и смертью потянет из колотой раны.

КОТОВА Марина Ананьевна родилась в г. Дзержинске Нижегородской области. Окончила филологический факультет Нижегородского университета и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького. Автор трех книг стихов. Лауреат нескольких всероссийских премий. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

* * *

Вода, как ночь, в ней зыблются вершины
и облака — виденья наяву.
Спасибо, Господи, за жёлтый лес кувшинок,
через который я сейчас плыву.

Вода, как шёлк, от запахов пьянею,
от медленных касаний донных трав,
бутоны на змеиных гибких шеях
прохладой дышат, над рекой привстав.

Всё уже чёрный коридор, и листьев блюда
на шёлке плотном водяном дрожат слегка,
могу я без усилий дотянуться
до стебля золотистого цветка.

Так влага обнимает плечи нежно;
стрекозки синие скользят среди трав льняных
прозрачно, эфемерно, безмятежно,
как до войны.

* * *

Луга веют мёдом и тмином,
лимоном и горькой корой,
и чем-то печальным, старинным,
как пахнут развалины в зной.

Какие-то тёмные были,
чей отзвук ещё не утих,
как грудью крестьянки кормили
щенков драгоценных борзых,

как слепли при жёлтой лучине,
как жаждали люди земли,
как пели о горе-кручине;
как голых и нищих секли.

Над Волгою светятся горы,
а травы — уйти и пропасть.
Какие земные просторы,
какая ничтожная власть!

Плывёт, поражая величием,
кроваво сверкающий шар —
подавленных бунтов мужичьих
и будущих бунтов пожар.

НОЧЬ

Нет надежды у нас ни на волос,
ночь горит, белой тьмою лучась.
Говорит мне таинственный голос:
существует одно лишь “сейчас”.

Деревенская эта терраска,
скатерть в синих сухих лепестках,

половицы с облупленной краской,
ты с истрёпанной книгой в руках.

Говорю, что поэты живые, —
ты киваешь, мол, правда твоя, —
к нам приходят сквозь мороки злые,
возвращаясь из небытия.

Ты читаешь, что всё стало ложью
(свет неверный трепещет, как тать),
что помочь никому невозможно
и не надо уже помогать,

что сердца равнодушны и грубы,
что в России, как в склепе, темно.
Говорим о скитальцах угрюмых
и печальное тянем вино.

На правах жили, хоть и на птичьих,
горечь души разъела, как ржа.
Ну, а нам-то с тобой, горемычным,
нам-то некуда больше бежать.

Перекрыты надёжно границы —
ни сверчок не проскочит, ни мышь,
под запретом Венеция с Ниццей,
и Харбин нам закрыт, и Париж.

За колючкой чумные бараки,
только к смерти открыты пути.
И грозят цифровые маньяки
тихой сапою мир извести.

Так читай золотые кошуны,
может, нет никаких райских кущ.
И Георгий Иванов на стуле
нервно курит и смотрит, прищурясь,
на сверкающий пламенем плющ.

ИРИНА ИВАНЦОВА

ЧЕЛОВЕЧЬЕ ТЕПЛО

РАССКАЗЫ

СЧАСТЬЕ ПАХНЕТ МАНДАРИНАМИ

В весеннем лесу хорошо, и в летнем — с таинственными проблесками солнца меж стволов, с завораживающими прятками света и тени; да и в зимнем на лыжах с рдеющими щеками, с ветром в ушах тоже не хуже. Но всё-таки лучше всего там осенью. Даже если дождь, подслеповатый, серый и несколько грустный. Но воздух в эту пору особенный! Пряный, насыщенный оттенками, трогательный до невозможности: всё в нём угадывается — и еловая смола, и преюющие листья, и берёзовые разломы, и грибные споры, но в то же время он неуловим, как неуловимо всё возвышенное и прекрасное.

И звуки особенные... Мягкий шорох под сапогом слюдяных пластов опавшей листвы, удары капель по козырьку кепки и кашпоному плаща: уверенные, сильные и упругие, словно кто-то кинул в тебя россыпь горошин. Осень заявляет свои права на этот лес, на эти деревья, листья, доживающие свой век, и даже на тебя, заставляя подчиняться: кутаться, стоять, пережидая, под раскидистой елью, поднимать ещё выше воротник, прятать ладони в рукава.

Грибов немного: подосиновик да пяток маленьких сыроежек — даже дно корзины не прикрыто. И он вот уже скоро битый час кружит, желая набрать хоть что-то на жарёху. Правду сказать, он никогда не был ловким грибником, всегда удивлялся, как это другие умудряются тащить по две корзины,

ИВАНЦОВА Ирина Владимировна родилась в 1968 году в Пушкино Московской области. Окончила Московский государственный открытый пединститут. Работает преподавателем русского языка и литературы в школе. Публиковалась в "Литературной газете" и журнале "Север". Живёт в Пушкино.

да ещё и рюкзак — где они столько берут? По осени все автобусы наполняются грибниками, а весь мир — разговорами о том, что места надо знать, что те, которые знают — вот они-то и тащат вёдрами, что какие прекрасные бывают рецепты засолки, а если ещё и в кадке, как раньше, у тёти Клавьи, в подполе со смородиновым листом и хреном — то и за уши не оттащишь...

Но ему не надо ведра, не надо никакой практической пользы — так, погулять и чуть-чуть насобирать, на сковородочку. С маслицем, лучком и картошечкой. О! это просто волшебство.

И он забирает то вправо, то влево, то лезет через бурелом, то бредёт, поглядывая сквозь просветы, вдоль небольшого лесного ручья. Но нет как нет. Словно какой-то неведомый властелин леса спрятал все грибы именно от него. А он... что он? Чем он мог бы прогневить невидимого лешего? Или он не леший? А кто тогда? Пан? Нет, это точно нет. Это из другой истории. Из другой страны, где лес не бывает таким глухим и сиротски бесприютным. Собственно, эта неприкаянность больше всего ему и нравится. Эта лесная тоска, что сродни вековой тоске всего русского народа: дорога ли бежит — даль, неизвестность — тоска; поле ли раскинулось — неоглядная ширь, поглощающая человека своими размерами — тоска; лес — молчание одиночества, деревья, умирающие стоя, — тоже тоска. И шемит qualcuno сердце печаль, бьёт в лицо дождь, замирает дыхание в предчувствии... ничего... только дождь, только дождь, только дождь.

И вот уже подкрадывается нелепая мысль почувствовать себя неудачником. От того, что дождь, от того, что нет грибов, от того, что дома никто не ждёт и не поставит даже чайника ему, продрогшему и как-то враз осиротевшему. Хотя грех жаловаться, потому как сам рванул на дачу, желая побыть в одиночестве. Но внутри какая-то муть, только тень слов, которые, возможно, уже готовы сорваться, но не срываются, не успевают упасть и задавить своей тяжестью. И тут он, случайно чиркнув боковым зрением, зацепил яркий фантик от конфеты на сером фоне преющей прошлогодней листвы. “Господи, пораскидали мусор даже в этой глухомани”, — мгновенно пронеслось в голове.

Он с любопытством пригляделся, но это оказался не фантик — рыжая крупная лисичка развернула свою резную розетку, похожую на маленькую рюмочку. Тут бы ему впору устыдиться своих мыслей, осознать свою неправоту и покорить себя за напраслину, но радость обладания лисичкой не позволила состояться акту раскаяния. Он рванул к ней, влекомый почти детским восторгом, как бывает, когда тебя поманили обладанием возжеленного предмета. Рванул, в один прискок оказался рядом, срезал, любуясь её неотразимостью, поворачивая на ладони, наслаждаясь холодной упругостью. Что за прелесть!

И тут, скорее почувствовав, чем догадавшись, он стал раздвигать слежавшуюся прошлогоднюю листву, поднимая её серыми пластами, а под ней (ну, кто скажет теперь, что он неудачливый, незнающий грибник!), под ней — россыпи лисичек, похожих на весёлые конопушки, что не смогли прорваться на поверхность, пробить почти ледяную толщу, навалившуюся на них. Он раскидывал листья вправо и влево, всё более и более обнажая чёрную землю с рыжими точечками. И на душе становилось так хорошо и весело, будто он высвобождал подземное солнце, раздвигая тучи и выпуская на волю его лучи.

Насобирав пол-лукошка, он по едва заметным приметам зашагал обратно к машине, которую оставил сразу за знаком “Охраняемая зона” на дороге, больше похожей на проторённую колею, чем собственно на дорогу, и в корзинке его дрожало солнце, а в душе переливались солнечные зайчики.

И день стал весёлым, наполненным запахом леса, картошки с луком и грибами, радостно шёлкавшими на сковородке, и даже сунчик, состряпанный всё из тех же грибов, оказался на редкость солнечным и прекрасным, поскольку лисички, как подлиннные световые блики, не утратили золотого блеска даже в варёном виде.

Он открыл глаза, буквально через силу заставив себя разлепить веки. Вставать не хотелось, а хотелось спать. И тут он понял, что это просто сработала привычка, что сегодня-то никуда не надо! Сегодня первый день летних каникул, седьмой класс остался позади. Все контрольные написаны, оценки получены, даже взбучка от мамы за тройку по английскому, так утешавшая его, — уже в прошлом.

Если честно, то тройки невозможно было избежать. Майя Алексеевна, их учительница английского, была женщиной, как бы это помягче сказать, специфической. Увы, но именно её внешность, привычка красить губы и противный характер стали причиной стойкой нелюбви к предмету. Красить губы... Вы скажете: “Почти все женщины красят губы”, — и будете правы. Да, почти все, но она это делала во время урока, наклоняясь за доску, где стояла плакатница с небольшим квадратным зеркальцем и несколькими тюбиками в золочёных корпусах перед ним. О, эта сокровищница могла бы быть названа “милой”, “симпатичной” и даже “трогательной”, если бы не одно “но”... Но такое, что сердце холодело, а голова отказывалась соображать.

Когда Майя Алексеевна наклонялась за доску к своим сокровищам и, скорее всего, опиралась на левый локоть, чтобы обрести уверенность и правой рукой довести губы до совершенства, когда это всё случалось, то подол её юбки подло поднимался, скользя по розовой комбинации и обнажая широкую полоску кружева, из-под которого сияли всей своей вульгарностью белые панталоны в лёгкую зелёную крапинку. А! О боги, боги! Убейте меня! Пусть молния испепелит моё брренное грешное тело! После такого выжить невозможно. Но...

Но Майя Алексеевна, закончив макияжные экзерсисы, появлялась перед светлые очи учеников, как ей, вероятно, казалось, посвежевшей. Губы сияли наведённым лоском, что делало её ещё более... безобразной. Увы, но она являла собой исключительный образец безвкусия. И панталоны здесь были самой безобидной деталью, хотя бы потому, что другого белья в магазине не продавалось, а матери внушали девочкам, что носить их практично, тепло и полезно во всех отношениях. Было ли это попыткой преодолеть проблему дефицита или всё это являло собой некую и в самом деле непреложную истину? Бог весть! Возможно, Майю Алексеевну также зомбировала её собственная родительница. Но, повторюсь, панталоны тут почти ни при чём. Главное — это её внешность, её причёска а-ля пудель с широченной, стоявшей дыбом чёлкой, что называется от уха до уха. Вторая половина головы вилась длинными кудрями ниже плеч. Всё это выкрашено в белый цвет и, казалось, способно хрустеть, как снег от самых ничтожных прикосновений. И к этому чёрные брови, глаза, широко подведённые, как у египетских фараонов, но в отличие от последних, её стрелки растекались в мимические морщинки. И вообще, всё её лицо было довольно помятым, желтоватым, с пятнами нарумяненных щёк. И очень хотелось, по примеру Раскольникова, тянуть её топором по голове. Но это забегая вперёд. В седьмом ещё Достоевского не читали и о существовании Раскольникова не подозревали, а вот в девятом его образ встал перед глазами со всей очевидностью, и Тёма Коробов даже нарисовал в тетради “Убийство Майи”, где был изображён некий ученик с топором в руке, разбивающий череп англичанки.

Была у Майи Алексеевны ещё одна странность — одеваться в один цвет. Если красный — то красная куртка, красный берет, шарф, брюки и даже перчатки. Если синий — то читай список сначала, заменяя лишь цвет. Но были ещё и жёлтый, и зелёный!

И всё же странности облика англичанки меркли в сравнении с её характером. Она была гадина. Несправедливая, визгливая, не щадящая никого. Способная оскорбить самым немислимым образом. Смотрела на всех с презрением, свысока, как на плебеев. Называла учеников серой массой: откроеет дверь кабинета, приглашая учеников к уроку, и непременно: “Заходите, серая масса”. Не обходилось, конечно, и без любимчиков, которым прощалось

всё. Не успела Лидочка Воробьёва, птичка наша сладкоголосая, выучить слова: “Ну, ничего, учи, спрошу в другой раз”. И никто указать Майе на несправедливость не смел, опасаясь стать объектом её нападков.

За неделю до конца четверти умудрилась вызвать родителей Коробова. “Майя в своём репертуаре, — развёл Тёмка руками. — Ни одна училка не стала бы вызывать — какой смысл, четверть заканчивается. Чего уж тут исправлять? Всё и так ясно”. Хорошо, что мать в этот день не смогла — явился отец. И Майя орала на Коробова коробовскому отцу, что мол сын — мерзавец, что постоянно опаздывает (а опоздал-то всего лишь раз: к ней опаздывать до обморока боялись!), что произношение у него мерзопакостное, и вообще “он постоянно жуёт на уроке! Тащит еду из кармана и жуёт! Все губы в крошках! Хамло-о-о-о!” — завывала Майя Алексеевна. Она бы ещё добавила резких слов, в этом сомневаться не приходилось, но тут Тёмкин батя со свойственным ему пролетарским спокойствием рубанул: “А вот тут, гражданочка, прошу поосторожней, сын мой, может, и оболтус, и с языками не очень, а вот про крошки — это вы хватили: у него бородавки, никак свести не можем, по врачам мать с ним забегалась совсем: мази, примочки — всё испробовали. И за это пацана обижать не дам. Ясно?” Попрошачся и вышел из её кабинета. За углом школы Коробов-младший получил, конечно, подзатыльник от Коробова-старшего с наставлением, мол, учись, обормот, иначе гайки на заводе всю жизнь крутить будешь. Но получил, можно сказать, с удовольствием. Мать бы точно наказала. А так... живём!

И вот оно долгожданное лето. Фанфары! Военный оркестр играет марш — и мы шагаем прочь от школы рядами и колоннами, вперёд к каникулам! Утро. Во дворе ещё довольно пусто. В песочнице возится малышня, девочки прыгают на скакалке.

Он вышел на кухню, поставил чайник, открыл холодильник. Хлеб с маслом и кусочком сыра, чай... И вот уже Тёма Коробов звонит в дверь, и они бегут, перепрыгивая через ступеньки, вниз, во двор, который встречает их ослепительным солнцем.

Сейчас почти вся ребятня на речке. И песок на берегу — золотое покрытие, и река — жёлтые брызги с рыбками дрожащих на поверхности бликов, и день — расплавленный зной с вязким сливочным воздухом. Сбросив одежду на небольшом зеленоватом пятачке с выжженной солнцем травой, они кидаются в реку — и живительная прохлада принимает их разгорячённые тела, мгновенно отрезая от всего мира: от марева раскалённого солнца, от криков и визга на пляже, от мыслей о чём бы то ни было. И тело, становясь невесомым, отдаётся блаженству слияния с новой стихией, подчиняется и одновременно борется с водой, делит всю её однородную массу на пласты, извивается, режет руками, размалывает ударами ног. И в ответ вода мучительно трепетно скользит по телу, оглаживая почти сладострастно кожу, ласкает и баюкает, нащёптывает свои сказки.

Рыночная площадь в базарный день гудит, дрожит воздух от голосов торговцев и криков разносчиков свежей выпечки. Это только в сказке Русалочка лишается голоса, чтобы стать человеком, а на самом деле голос — это наказание, данное человеку при выходе из моря. Конечно, при условии, если теория Дарвина о том, что все вышли из мирового океана, верна. И мы вечно обречены теперь путаться в словах, сжимать губы в недомолвках, объяснять то, что на самом деле имели в виду в противовес реально сорвавшемуся с языка. Кружимся в словесной карусели, разносимые законом центростремительной силы, всё более отдаляясь.

То ли дело рыба! Ах, рыба, что за чудо! Живая, трепетная, с запахом сильной чистой реки и деревянной кадки, с упругими изгибами тела и фианитами блёсток. Если бы вернуть всё назад, пусть даже с муками: пусть кровотоцит горло от вырванного голоса, пусть ноет тело от гвоздей, крепящих слюду чешуи к коже — лишь бы плыть, сливаясь с дикой водой, пока не выскользнет ненароком сердце через жаберную щель. Ну, хоть денёк так!

А потом пусть ловят кто сетями, кто на крючок, пусть тащат с гиканьем щенячьей радости меня, прыгающего в руках, пусть потрошат — ничего там нового нет — рыба я! Рыба! И всё тут! Ни одного слова я уже не скажу!

Прощай, моё молчаливое царство! Здравствуй, родное горластое человечье торжище!

* * *

— Уплотняйте, уплотняйте глину. Вот так, — И преподаватель пристукивает её деревянной палкой. — Глина — она материал упругий и любит грубость.

И, следуя совету, он ударяет её несколько раз.

— Да не так, — слышит снова над ухом. — Вы её дубасите без толку. Тут стукнули сильно — с другой стороны вылезло. А надо вот как. — И Александр Павлович берёт всё в свои руки, показывает, разъясняет толково, проникая словами в самую сердцевину его существа, засевая благодатную почву зёрнами науки под названием “Скульптура”.

До встречи с Александром Павловичем он думал, что скульптор непременно должен быть могучим мужиком, возможно, даже с косматой бородицей и львиной гривой. Ну, а если и не могучим, и не бородатым и гривастым, то хотя бы с сильными руками, мощными ладонями. И вообще должен быть приземистым, так сказать, приближённым к материалу, с которым работает.

Но с Александром Павловичем всё обстояло иначе. Он разбивал все стереотипы: был высок, худ и почти изящен. С небольшой головой, увенчанной русыми волосами, колыхавшимися над просветами лысины. С лёгкой сединой на висках, аристократически аккуратными ушками и каким-то особенно неприметным лицом. Всё это великолепие держалось на длинной, не сказать бы лебединой шее, и хотя данный эпитет более приличествует женскому описанию, но удержаться и не употребить его сейчас просто невозможно. А дальше всё под стать: мешковатая одежда на узких плечах, брюки, ох, если бы не ремень — точно упали бы вниз, руки, казавшиеся чуть не раздвижными, всеохватными из-за их длины, доведенные до логической черты тонкими узкими кистями с сухими пальцами, казавшимися паучьими лапками, особенно когда Александр Павлович поднимал руку вверх и, раскинув розетку ладони, начинал философствовать о роли искусства в современном мире. В общем, не скульптор, а какой-то балетный танцовщик, или пианист... нет — он одуванчик!

— Доводите всегда работу до абсолюта. Добивайтесь совершенства, — увещевал Александр Павлович. — Выравнивайте бока и выглаживайте пирамиду со всех сторон.

— Но она у меня и так уже хороша, — возражал он преподавателю, устав от монотонности занятия и, как ему казалось, от его бессмысленности. Вместо того, чтобы лепить что-то конкретное — всего лишь геометрические тела.

— Господи, да вы у меня, голубчик, никак Роденом себя почувствовали? Азбука вам не нужна? Вам сразу университеты подавай? Так вас понимать? А материал вы как научитесь чувствовать? Ремесло — первым делом. Промеряйте и выравнивайте, — не сдавался Александр Павлович.

— Да она у меня уже и так великолепна, хоть Хеопса хорони, — шутил он, вызывая дружный смех группы.

— Сначала лепить научитесь, а потом поговорим, господин шутник. — И Александр Павлович, качнувшись, продолжил своё мерное шествие от одного студента к другому.

И при всей своей нетипичной внешности именно Александр Павлович привил редкостное прилежание и восторг перед ловким аккордом пальцев, когда, исправляя модель, делаешь уверенное, единственно верное нажатие — и глина, отдаваясь прикосновению, вдруг двигается именно туда, куда и должна, плоскости занимают естественное положение, а формы обретают законченный лаконизм.

Да, были потом левый глаз Давида, за ним правый, нос, губы, ноги и руки микеланджеловского творения, но самое главное, самое сильное — чувство первой работы: ощущение растерянности и беспомощности, перехо-

дящее в уверенность, что под цепким взглядом преподавателя всё сложится, построится и состоится.

И в конце обучения в училище, когда защищали диплом, самым радостным стали не похвалы и восторги окружающих, а тихое, почти робкое рукопожатие Александра Павловича:

— Спасибо, голубчик, всё срифмовали верно. Композиция славная получилась.

И рука у него была сильная, и ладонь крепкая и упругая.

* * *

Только учась в художественной школе, он узнает, что портрет инфанта написал Веласкес. А сначала явилась сама инфанта. Маленькая, худенькая, бледная до фарфоровой белизны и какая-то удивительно невесёлая, какой, скорее всего, и должна быть настоящая инфанта. Он влюбился сразу, увидев в школьном коридоре её, стоявшую у окна с раскрытой книгой. И это было самое странное зрелище из всех, которые ему доводилось видеть к своим девяти годам, потому как на перемене вся начальная школа неистово металась, пытаясь расстаться с вынужденной гиподинамией уроков. А тут окно, рыжие волосы на прямой пробор, свет в колечках баранок, загнутых за ушами, книга в бескровных руках. Он остановился на всем скаку и, сдавая задом, не спуская с неё глаз, медленно попятился за угол, из-за которого всего секунду назад выпрыгнул в припадке оживлённого восторга.

Застыв в недоумении, он стал следить за ней из своего убежища: коричневое платье, чёрный фартук, белые манжеты, октябрятская звёздочка у сердца — первоклашка или уже из второго? Вообще-то она довольно обычная, если бы не книга, ну, и ещё воротничок. Он как-то чуть кружевнее, чем у остальных: немного больше размером и пышнее заложен в складки, и выглядит как нечто отдельное, а не часть школьного платья, точно залетел сюда из другой жизни.

Это потом выяснится, что всё-таки первоклашка, что в праздники к воротничку добавляются особенно громадные, словно нанизанные в семнадцать слоев, кружевные банты, что носит платья с брошками под воротничком, что даже когда оживлена и весела, лёгкая грусть сквозит в её подёрнутых серой дымкой глазах, что россыпь веснушек делает лицо ещё бледнее, губы — бескровнее, что живёт она в пятом доме, во втором подъезде на первом этаже. Слава Богу, что на первом, иначе пришлось бы краснеть, а так просто проскользнул мимо, пока она открывала дверь своей квартиры, будто шёл к какому-то знакомому по делу. Затем пришлось тихонько выбираться назад, прижимаясь к стене, уходить под окнами в сторону — всё казалось, что она выглянет и заметит. Словно это “заметит” — синоним слова “смерть”.

А ещё она носила поистине громадные шапки, будоражившие воображение и казавшиеся какой-то сложной механической конструкцией. Совершенно очевидно, что кто-то ей эти шапки специально вязал, поскольку они были в два раза больше, чем обыкновенные, и над её головой они образовывали пространство, равное по величине самой голове. Пространство, которое не проминалось, не проседало и было увенчано громадно-восхитительным помпоном. Если бы не завязки, фиксирующие шапку под подбородком, то она, несомненно, слетела бы — и вот тогда с каким бы удовольствием он разглядел её содержимое! Ну, не может же она быть пустой! Это точно! Она просто обязана быть наполненной. И он пытался представить, чем. То это были девчачьи бирюльки: блокнотики, банты, резиночки, карандашники, куколки, лепесточки цветов и пёрышки птиц. То вдруг казалось, что там целый тайный мирок: живут маленькие человечки, подобные тем, что в часах крутят колёсики и перемещают стрелки, что там у них целый пушистый городок с домиками, лесенками, садиками и мостиками... А когда он, будучи в гостях, случайно увидел в книжке, где были собраны репродукции с картин известных художников, портрет инфанты Маргариты, то был сражён тем, что это она, а посему, сомнений быть не может в том, что в шапке сложены

жемчуг, веер, перчатки и, конечно, записки от тайных дыхателей, к которым, если честно, он её несколько ревновал.

И книжка, где впервые он её увидел, была удивительная, почти огромная, с глянцевыми листами и на немецком языке. Конечно, он тогда не знал, что бывают художественные альбомы, и уж тем более, что их практически невозможно купить на русском. И вот, оказавшись на дне рождения одноклассника, вместе с другими детьми сидел на диване, разглядывая экзотику. А Танька Солович, держа её на коленях, по праву того, что сидела в самой середине, аккуратно приподнимала страницы, как приличная воспитанная девочка, за правый верхний угол и перелистывала под возгласы: “Всё, уже можно дальше”. И когда вдруг доходили до обнажённой натуры, девчонки краснели и смущённо хихикали, а Тёмка Коробов грубовато басил: “Во, блин, дают”, — а он смущённо отворачивался и смотрел то в окно, то на праздничный стол, который всё ещё заполнялся новыми блюдами.

— Ну, дети, прошу садиться. Убирайте всё и к столу. — Мама именинника сняла передник, книга захлопнулась, пряча в своих недрах инфанта.

* * *

Ради неё он поступил в художественную школу, хотя это был несколько сомнительный поступок: вроде нормальный пацан, а полез в бабские дела. Но удивлённых разговоров хватило всего на пару дней, а посему инфанта продолжала его вести за собой. Дело в том, что он самонадеянно решил, что должен выучиться и её нарисовать. Нарисовать не так, как Веласкес, нет, а так, как она тогда стояла у окна. У него и название уже сложилось в голове: “Портрет инфанты у окна”.

Он думал, сейчас его быстренько выучат всему, и он уйдёт из художки, ему бы только чуть-чуть, только одну эту картинку нарисовать, а там уж больше ничего и не надо. Но оказалось, что всё не так просто. Вернее, даже ужасно! Вместо того чтобы рисовать что-то дельное — горшки, горшки, горшки, яблоки, лимоны, груши, бутылки, скрипки, книги, вазы, тыквы, цветы, но самое ужасное — драпировки. Складки, складки, складки. А! Хотелось выть! Все эти ужасные слова: “разберитесь в тоне”, “следите за контуром”, “тон, полутон, свет”, “где рефлекс”, — способные свести с ума. И он никак не мог понять, почему синий и коричневый такие разные и очевидно непохожие — по тону одинаковые! Иногда казалось, что просто стал слепцом и бредёт в крошечной тьме, вытянув руки и обшаривая пространство слепыми пальцами. И выхода нет, и отчаяние берёт за горло, и инфанта ускользает от него, обращаясь в крохотную точку.

Однажды в школе, оказавшись рядом с ней на скамейке, он сел переобуться, посмотрел почти в упор, зло, раздражённо, а она, почувствовав на себе посторонний взгляд, повернула к нему лицо, наклонила голову чуть набок и улыбнулась своей тихой, какой-то шелестящей улыбкой и спросила: “Мальчик, ты чего сердитый?”

А он, мгновенно растерявшись и совсем уже не злясь, неожиданно застигнутый врасплох и обезоруженный её словами, вдруг почувствовал, что внутри спадают какие-то засовы и отрываются тайные дверочки, и ветер, прохладный и чарующий, врывается туда, в самую сердёвку, куда посторонним вход воспрещён, и, пытаясь запахнуться, защититься, не пустить, он грубо ответил: “А чо разложила тут свои шмотки? Одна, что ли?!” — и толкнул на пол её огромную пушистую шапку.

Шапка упала, отскочив, как мяч, и он увидел, что её нутро наполнено газовым платком, чтобы держать объём. А инфанта, захлопав ресницами, подавила в себе подскочившие вдруг слёзы, встала и, подняв с пола шапку, отряхнув и надевая на голову, сказала: “Ты просто прости того, кто тебя так обидел. И всё пройдёт”.

Затем надела пальто и шарф и пошла к выходу. “Я не злюсь... я так просто!” — хотел он крикнуть ей вслед, но не крикнул, потому что их разделяли века. И он ещё не знал, что жизнь есть приближение, сближение

и соединение людей и судеб, он ещё думал, что взрослость — это когда ты отдельно от всех, когда сам за себя.

* * *

— Александр Павлович, вы, наверное, за всю жизнь этого Давида раз сто слепили целиком, ну, если зачасти вместе сложить, — он не смотрит сейчас на преподавателя, он со всей важностью лепит копию гипсовых губ микеланджеловского творения.

— Да что там сто... пятнадцать тысяч раз слепил, — отзывается Александр Павлович, настроенный сегодня шутливо.

И вообще, он сегодня какой-то особенно праздничный — не иначе как влюбился: вот и стрижечка свежая, и лицо оживлённое, и глаза с радостной искрой, и наодеколонился. Точно влюбился!

— Вы, господин шутник, работайте больше руками, что вы прилипли к инструментам. Материал надо чувствовать пальцами. Наблюдайте за парными точками. Где они у вас? Ось симметрии опять замылилась. Ну, что это такое?

Александр Павлович склоняется, делает пару точных движений и приводит подбородок в полное соответствие с моделью. Затем молча (но так и хочется сказать, “напевая”) удаляется, кружит среди станков с глиняными полужуфобрикатами, над которыми с разной долей успеха бьются его студенты, делает замечания, показывает, смотрит пристально, склонив свою аккуратную голову набок.

А ему, следящему в эту минуту за преподавателем боковым зрением, вдруг представляется, как сизый вечер проникает в мастерскую сквозь приоткрытые форточки своими серыми крыльями, растекается белесоватым туманом, превращая всё пространство в одну сплошную тень. И в этом мраке редкими всполохами, похожими на свет уличных фонарей, начинают светиться фигуры людей, раскачивающихся вокруг глиняных моделей. И кажется, что там, за окном, есть люди, которые в сговоре с темнотой, что есть какое-то тайное общество поддержки вечерних сумерек, члены которого поднимают невидимые занавесы, пуская серую хмарь в наш мир. Тьма делит, разобщает людей: именно в сумерках каждый выглядит ещё более одиноким. А мрак обретает плоть, скользит туманными струями между людьми, слепыми пальцами ощупывает тела, заглядывает в лица. Но здесь, в комнате, люди смелее, чем кажутся, и их пылкие души не дают тьме сомкнуться и поглотить мир. Их страстные сердца отвоёвывают кусочки пространства, освещая их трепетом чувств, словно неведомый Ангел Хранитель Одуванчиков, чиркая огнём, зажигает белое пламя. И вот, уже все они — одуванчики, мерцающие в темноте своими пышными белёсыми головками. И разорвана ткань грядущей симфонии глубокой сизой мглы. И мир опять спасён. Но надолго ли? Хрупок мир воздушных цветов, всегда готовых к полёту.

* * *

— Нет, сегодня совершенно чумовая луна. Смотри же, смотри! Она похожа на яркий мандарин! — Варька теребит его за рукав куртки и тычет в небо.

— Почему именно на мандарин? А не на лимон, например? — интересуется он, поднимая лицо в сторону указующей Варькиной руки.

— Нет, ну, вы на него посмотрите! Издеваешься? Оттенок цвета совсем другой. Здесь чисто мандарин, — подводит Варька черту.

— Согласен. Мандарин, уговорила.

— Нет, ну, что значит — уговорила? Ты сам разве не видишь?

— Ой, вижу я, вижу.

— Вот ты так всегда, лишь бы отвязаться. На всё согласен, только б тебя не трогали. Ты просто как бирюк какой-то.

— Варь, ну, не сердись, в самом деле.

— Да ну тебя!..

И дальше до метро она шагает уже молча. И ему досадно от того, что Варька думает теперь, что он такой толстокожий и бездушный, что прекрасные и возвышенные чувства ему неведомы. И хотелось бы ей всё это объяснить, но он наперёд знает, что это напрасный труд, что вот начни они с ней сейчас говорить, она станет возражать, приводить свои доводы — и всё рассыплется, как карточный домик. Надо, чтобы не перебивали, слушали, да и даже при этом он не сумеет растолковать ей и половины. Да и возможно ли — объяснить себя? Это надо прожить. Простоять летним вечером во дворе, провозжая семейные инфанты Маргариты, переезжающее в неведомую даль, увидеть её растерянное лицо в последний раз, за секунду до того, как за ней закроется дверца машины. А потом сесть на лавку, потому что нет больше сил держать на плечах эту вдруг навалившуюся пустоту, сидеть и ни о чём не думать, а только слышать, как она (эта самая ужасная и звенящая пустота!) тихо скользит внутрь, убивая тебя.

А Варька... Варька напоминает ему подбитую ворону, что, расправив крылья, скачет то на одной, то на другой ноге, свешивает чёрные плоскости крыльев и становится похожей на индейский вигвам, домик-шалаш, в котором бьётся жизнь, трепещут мысли и чувства. И Варька в своём коротеньком пальто с раструбами широких рукавов, всё время находящимися в движении, тоже домик, где сокрыты от посторонних глаз её тайны, страсти — её жизнь.

Он резко остановился посреди улицы. Варька, проскакав пару шагов вперёд, тоже замерла, развернулась, и вот уже почти кричит: “Ты что? Что случилось? Тебе что, плохо? Ответь! Ты меня слышишь?”

И он, с трудом преодолевая навалившуюся вдруг немоту, еле слышно: “Подожди. Всё хорошо. Подожди. Помолчи. Сейчас... сейчас... а то я потеряю...” — и стоит соляным столбом посреди улицы, посреди города, да и мира всего, словно земная ось вдруг пронзила его, унося душу из тела в самое дальнее поднебесье. Стоит, пытаюсь ухватить, повернуть, рассмотреть внезапно пришедшую мысль: чиркнувший по краю восприятия яркий, но пока ещё не до конца ясный образ.

Это был тот самый первый раз, когда в ответ на мучения и горы смятых эскизов, в ответ на метания в поисках, когда до шизофрении кружишь детали композиции в голове, переставляя её элементы, в ответ на тупое упрямство, когда просто рисуешь или лепишь всё равно что, только затем, чтобы не думать о невозможности создания того единственно необходимого образа, пришло то предчувствие, какое скребётся на самом твоём доньшке зародышем чего-то явного, которое будет воплощено; то предчувствие, что вдруг получает свою осезаемость, и ты это не выдумал, не домыслил, а получил, как дар, как сокровище; оно словно само по себе родилось в тебе вдруг и ниоткуда. И он даже чуть согнулся, чтобы удержать, не упустить, не выронить это из себя. А Варька кружит, тревожно поднимая брови. Кружит, но молчит. Молчит, как он и просил.

И он удержал. Это был ворон. Ворон — мир, небесный, распластаный над миром людей, где били в бубны шаманы, вызывая солнце, где стояли чумы и паслись олени, где древние легенды сплелись с реальностью. И крылья птицы падали в бесконечность, и перья взлетали выше всего видимого, и лапы вгрызались в землю когтями, становясь силой корней. И зачарованная Варька прищуривала глаз, пытаюсь скрыть восторг, изучала композицию, рассматривая каждую деталь, забывая дышать.

И он был счастлив радостной усталостью творца, и ему казалось, что мир вокруг, маленький, понятный и уютный, способный уместиться в кармане пиджака.

А потом над его “Вороном” кружил. О! Нет! Не кружил! А тонконогой цаплей рассказывал Александр Павлович, заложив руки-крылья за спину. Шёл, пристально ощупывая взглядом, раскачиваясь мучительно-мерно в тишине аудитории. А он стоял поодаль и не мог дышать от ударов сердца, подпрыгнувшего куда-то в голову: ноги подкашивались, очень хотелось упасть

на колени, а голова раскалённым шаром витала в пространстве, будто оторванная от остального тела.

— Ну-с, — прервал шагистику Александр Павлович, — что я вам хочу сказать. Композиция в целом неплохая. Но вы всё слишком усложнили. Попробуйте упростить. Избавьтесь от лишних деталей, чтобы они не отвлекали от главного. Но в целом неплохо, неплохо. Есть срифмованность.

И дальше он перестал слышать что-либо. Видимо, сработал инстинкт самосохранения, отключивший слух затем, чтобы сердце не разорвалось. Он оцепенел.

— Вы меня слышите? Слышите? — вопрошал, как сквозь сон, Александр Павлович.

— Да, конечно, — пролепетал он, с трудом разлепляя спёкшиеся губы.

— Да вы в обмороке прям. Я вам говорю, что в целом хорошо. Слышите? Хорошо, но дальше идти надо. Понимаете? Главное сейчас — не останавливаться. А идти и искать свою тему, свой почерк. Вы меня понимаете? И проще. Упрощайте, а то завязнете в мелочовке.

Он кивал. И, подчиняясь цепким рукам преподавателя, вскоре был выведен на тёмную улицу с сизым, ещё потухающим небом, где ему стало легче от прохладного воздуха, где его воспалённая голова остыла, а сердце успокоилось. Александр Павлович, получив его согласие, уже тащил его под руку на соседнюю улицу в пельменную, где они взяли по порции основного блюда, чай в гранёных стаканах, по пирожку с повидлом и пристроились за круглый “стоячий” столик у окна.

Ели молча, обжигаясь горячим бульоном, неожиданно брызгавшим и охватывавшим небо и язык. Знали, что так и будет, что брызнет и обожжёт, но всё равно это было так неожиданно, что, словно рыбы, хватали воздух ртом, таращили друг на друга глаза, мотали головой и смеялись. А слов не было... только смех.

Воздух в пельменной был густой и душистый, порой казалось, что он, как в бане, паром клубится в помещении и что снующие фигуры посетителей, словно вышедшие из парилки, раздвигают его своими телами. А то вдруг сейчас достанут венчики и ну махать во все стороны, разгоняя, очищая от удушливости в пользу чистого кислорода.

Играла музыка. Пошловатая песенка, так подходившая и к лицам едоков, и к их масляным рукам, и к распаренной красной физиономии буфетчицы, отпускаявшей еду, и к её франтоватой наколке, торжественно венчавшей пышную, взбитую до предела причёску.

За соседним столиком ближе к выходу стояла некая мадам странного вида. Высокая, тощая, в какой-то детской шапке, застегивавшейся под подбородком (такие ещё называли эскимосками, поскольку они напоминали головной убор этого народа: мех вокруг лица и дублённый затылок). Надета на даме была не по сезону “лисья” шуба: такая рыжая, почти огненная, с ворсом средней длины, перехваченная широким чёрным ремнём. Довершали облик дамы варежки на резинках, торчавшие из рукавов. “Жези”, — определил он её для себя. “Луноликая Жези... месяценосная”, — уточнил ещё раз мысленно, внимательно осматривая её лицо, действительно похожее на месяц или даже, скорее, на дольку арбуза или дыни: острый подбородок резко выдавался вперёд, из-за чего всё лицо казалось каким-то вогнутым; кругленькие глазки смотрели на окружающее наивно-простоудшно. Жези тихонько приплясывала, словно эстрадная певица возле микрофона, качала в такт разносящейся музыке головой и пельменем, нанизанным на вилку, — и пела. Пела почти беззвучно, но явно повторяя звучавшие слова. Пела самозабвенно, не обращая ни на кого внимания. И пошлая песня вдруг перестала быть пошлой, а обернулась своей иронической стороной, наполнилась каким-то новым смыслом.

Он усмехнулся, Александр Павлович, стоявший спиной к Жези, обернулся, оглядел её, поняв, кто стал объектом внимания ученика, и, вернувшись к своим пельменям, спросил:

— Любуешься? Да, вот это персонаж.

И улыбнулся так хорошо, что светло стало на душе. Словно эта неведомая Жези была огонёчком, от которого по невидимому бикфордову шнуру разбегались вокруг искры, зажигая сердце счастьем.

— Любуюсь! — без всякого страха и тушёвки перед преподавателем сказал он.

— Вот и хорошо. Всё в зачёт. Все впечатления, все люди, все встречи — всегда в зачёт. Запомни!

— Хорошо.

“Ещё как хорошо...” — пело его сердце. А сам он удивлялся, что впервые перестал робеть перед учителем, что вот так здесь, не вымолвив почти ни одного слова, они стали вдруг близки и понятны друг другу. А что им понятно? В чём близость? Кто в этом может разобраться? Просто хорошо! Жить хорошо! Обжигаться пельменями хорошо! Смотреть на эту волшебную Жези тоже очень хорошо.

* * *

Директриса орала уже целый час. О том, что они подлецы, позорят семьи, что вот матери сидят и плачут, а им хоть бы хны, что управы на них нет и всыпать бы, что в восьмом классе уже ведь лбы здоровые, а ума нет.

Они с мальчишками стояли на малом педсовете перед учителями и собственными родителями. Стояли все восемнадцать человек мальчишек их 8-го “В”. И Васька Котов, Кисёныш, первым стал каяться, обещать, что больше не будет, что всё понял. А он стоял и думал: “Ну, как это так бывает, что вот они приличные, почти примерные мальчики, каковыми их считали до сих пор, хорошо в принципе учащиеся, вдруг, словно по мановению волшебной палочки, превратились в хулиганов-рецидивистов! И почему? Всего лишь из-за одной безобидной шалости”.

А Тёма Коробов шепчет ему на ухо в ответ на покаяние Котова: “Ну, Кисяндер, ну, тварь! Всё, я тебе говорю, он — труп!” Но всем было ясно, что трупов не будет. Что скоро все всё забудут, хотя эта история и будет всплывать периодически, пока они не закончат школу.

— Вы же пионеры! Вы же должны понимать, какой пример подаёте другим! Это вы что хотели продемонстрировать?! Что это за революционный протест?! Вам чего не хватает? Вам Родина всё дала: и бесплатное образование, и медицину, и кружки разные, вон Дворец пионеров какой отгрохали, право на труд вам государство обеспечило, и право на отдых, а вы, значит, так! И откуда в вас эта гниль? Вы же советские люди! — грохотала теперь завучиха.

Матери плакали. Земля уходила из-под ног, но он не каялся. Не мог. Это было бы предательством самого себя. Ему до боли, до спазмов в горле жаль маму, которая тихо утирала лицо платком, но не могла унять слёз. Она несколько раз пыталась смотреть в окно, чтобы успокоиться, сжимала до боли ладони, только бы унять этот плач, но ничего не помогало. Самое ужасное, что и на него она не смотрела: всё время куда-то мимо, в сторону, на директрису, учителей, а если и на него, то как-то, скорее, сквозь него, будто и не стоял он возле доски, распинаямый больше и дольше всех, поскольку считался зачинщиком, и на все вопросы: “Как тебе это пришло в голову? Что ты этим хотел доказать?” — отвечал односложно: “Просто так... Ничего... Это шутка была. Просто шутка”.

— Шутка, — редела директриса. — А на лица эти обезьяньи рожи зачем нацелили? А по школе зачем ходили? Взяли бы и дома их напаялили. Или что, дома эффект не тот?

И он понимал, что ничего не может им объяснить. Не поймут эти рыби морды, пучащие глаза и хлопающие красными губами, что и как произошло. По факту — да. Они, вероятно, даже правы. Похоже было на манифестацию, здесь он согласен. Здесь сказать нечего! Ещё бы! Нарисовали маски на альбомных листочках, прикрепили тонкую резиночку, вырезанную ножницами из обычной белой бельевой, и давай в этих масках по школе

ходить. Зрелище было, конечно, великолепное! Во-первых, потому что смотрелось всё как-то мистически: синяя форма, пионерский галстук алым пятном и фарфоровая белизна маски. А во-вторых, сами маски — лица испанских синьоров. Он сам нарисовал их все восемнадцать! Каждому персональную! И вложил в них всю свою тоску по инфанте Маргарите. Это всё в её честь! Но об этом не знал никто! Ни один человек в мире не был посвящён в его чувства.

И вот уже по школе шагают: Дон Петюня (Петька Демьянов), Дон Алехандро (Сашка Киреев), Дон Антон (Тёма Коробов) и Иуда — Дон Кисёныш. И вся школа врассыпную от восторга.

Всего одна перемена... А потом всё сорвано, измято, растерзано.

О, прекрасная инфанта Маргарита, я сделал всё, что мог. Я шёл к вам, но был сражён шайкой разбойников, напавших так подло из-за нескольких монет на поясе в моём кошельке. Я не успел сложить серенаду для вас, поцеловать вашу мраморную руку... Счастье ускользнуло. И вот я лежу почти бездыханный на рыжем песке просёлочной дороги с глубокой раной в груди. Мне осталась всего пара слов, четыре вдоха, шесть ударов сердца! Но эти удары — вечевой колокол, кричащий о моей любви, эти вдохи — запах рыжей пыли, похожей на цвет ваших волос, эти слова — “Как прекрасно умирать от любви к вам, сеньора...” Всё. Теперь многоточь...

* * *

Он проснулся. Болели бока, отлёжанные на жёстком полу, где он спал вот уже вторую ночь. Бока болели, но ни вставать, ни поворачиваться не хотелось. Не хотелось даже открывать глаза. Пахло мандаринами. И лёжа на импровизированном матрасике, больше похожем на собачью подстилку, он думал, что вот так мандаринами пахнет само счастье: это раннее утро, с хмурым, почти неразличимым зимним рассветом, обрывки вчерашней радости, когда принесённые им в сетке мандарины, добытые мамой в неравном бою с извечным дефицитом и переданные ему возле станции метро, эти мандарины были высыпаны на стол, ошупаны и обнюханы, окутаны возгласами восхищения. И, наконец, очищены и съедены, а корки свалены горкой посреди стола. И это они сейчас ещё благоухают, дарят последние минуты душистой благодати, увядая и становясь жёсткими и скрюченными. Всего через несколько минут их смахнут в мусор — и счастье потухнет, будто его и не было. Поэтому он не спешит открывать глаза, он дышит угасающим великолепием, радостью новогодних праздников, которые всегда сулят что-то необыкновенное, дарят какие-то надежды, придают сил и уверенности в том, что светлое будущее всё же существует, и, при известном желании, до него лишь рукой подать.

Он открыл глаза, потянулся. Его руки и ноги осторожно обогнули ножки стола, под которым он спал за неимением другого места, вылезли наружу, вытянулись до предела, дрогнули в напряжении и бессильно упали на пол.

— Рота, подъём! — гаркнул он.

Ребята на койках зашевелились, кто-то недовольно буркнул, Сёмка Степанов вскочил и, ничего не понимая, качая включенной головой, сел на кровати.

Он, как черепаха, втянул свои руки-ноги обратно под стол, перевернулся и, встав на четвереньки, выполз, оставляя свой панцирь позади.

Комната проснулась, зажила, чайные ложки застучали о стенки бокалов, размешивая сахар, мандаринные корки полетели в мусор — воздух наполнился запахом яиц и колбасы. Финита ля комедия! Что и требовалось доказать.

Они готовились к просмотру, сдавали работы, рисовали с утра до ночи, как сумасшедшие. Серая глиняная пыль осела под ногтями, и даже зубная щётка, которой её вымывали, порой не спасала: мотаться домой и обратно, тратя на дорогу два часа в один конец, было бессмысленно. Вот он и поселился в общежитии ребят под столом.

Удобно. До мастерских рукой подать. К тому же это пьянящее чувство свободы, когда не надо быть лицом подотчётным со всеми этими вечными, похожими на выстрелы в спину: “куда пошёл”, “когда вернёшься”, “с кем гулял”, “где были”. Не надо докладывать, не надо врать — это почти полёт. И они бегут по заснеженным улицам, и на Сёмке Степанове хлопает ушами танкистский шлемофон. А они с Аликом и Колькой, раскинув руки, заходят на посадку, словно стайка птиц, — врываются в учебный корпус, подрезая у самого входа Александра Павловича, вжавшегося в стену, сыплются горохом к окошку раздевалки и, отхлынув, исчезают в аудиториях.

Александр Павлович ожившей цаплей выдвигается следом, снимая на ходу “пирожок” с головы, расстёгивает пальто.

— Вот природы! А? И где их берут-то, свору енту оголтелую. Вот чуть порядочного человека не задавили! Душегубцы! — возмущается гардеробщица Вера Романовна нарочито громко.

— Добрый день, Вера Романовна, — здоровается с ней Александр Павлович.

— Здравсьте, здравсьте... Вот, говорю, природы, чуть вас не зашибли, — повторяет женщина, почти приседая от уважения к персонам.

И Александр Павлович, улыбнувшись, удаляется прочь, ничего ей не отвечая.

А он лепит, ломает, снова мнёт глину, мечется по коридору, бессмысленно глядя на пейзаж за окном, пытаясь уцепить то единственно верное решение, тот композиционный ход, который удовлетворил бы его полностью. Он не может ошибиться. Не имеет права. Его курсовая работа — Инфанта Маргарита. Не Веласкеса, конечно. А та — с шапкой-коконом, с книгой у окна, с мраморным профилем в окошке отъезжающего грузовика... или, вернее, даже не она, а какая-то вдруг другая, словно ещё одна, неведомая, стоящая где-то у кромки его предчувствий.

Кажется, легче сойти с ума, чем уловить то, что колыхнется где-то на поверхности кожи, прикасается к ней, будто шёлковая ткань, скользит, исчезая. И вот ещё чуть-чуть — и можно будет с ней слиться, ухватить, сдерживать исчезающее движение, но всё тщетно, она растворяется, обрекая тебя на новые поиски, новые витки страданий, терзаний и метаний.

А Варька крутит вилку за самый кончик, машет ему свободной рукой, делая пригласительные жесты к своему столику в столовой. И он согласно кивает ей, ставя на поднос комплексный обед. Варька что-то возбуждённо рассказывает своей подружке Ане, с которой учатся в одной группе, живут в одном городе у другого конца Москвы. Он рад, что его не цепляют, не втягивают в беседу. Он хлопает борщ и смотрит, смотрит на Варькину руку, продолжающую вращать вилку туда-сюда, собирающую вермишель в причудливые складки. И вот оно! Вот же! Эта рука с гибкими пальцами, эта вермишель — имитация кружева: руки, манжеты, корсеты, шнурки, парики.

Он резко встаёт и стремительно идёт в мастерскую, чтобы успеть, не растерять, не забыть, спешит, додумывая нюансы на ходу.

Нет, Александр Павлович не ходит сейчас цаплей вокруг, он неподвижно сидит на стуле. Лучше бы ходил! Лучше бы бухтел, делая замечания, а так сидит, как доктор перед смертельно больным, и словно не решается огласить диагноз. А он перед Александром Павловичем, как бедный родственник, как паж, почти склонился пополам, сложил руки, словно собрался взять благословение у священника и умер, вот уже четыре раза умер за последние семь минут.

— Недурно. Продолжайте работать, — только и изрёк Александр Павлович.

“Вот спасибо... недурно... Не ел, не пил, не спал, пахал, как проклятый... А в результате — “недурно”, — пронеслось у него в голове.

— Она прекрасна, — тихо прошипел он.

— Что? — Александр Павлович поднялся со стула.

— Она прекрасна, — сказал он твёрже.

— Я и говорю — недурно. Работайте. Надо облизать, довести до совершенства. Всё, чему учил. До последней капли. Всё отдайте. Всё, что знаете. Вперёд. Работать, — и вышел из аудитории.

Он упал на стул, с которого только что встал педагог. Хотелось плакать, но не плакалось. Внутри была объективная пустота. И теперь он смотрел на свою работу оттуда, и взгляд его стал тоже объективно отстранённым.

Она была хороша... Руки, раскинутые в стороны, с запястьями, сжатыми шорохом белых крахмальных манжет, с фигурой, наклонённой вперёд, как в полёте, с устремлённым вверх лицом, словно вырванным навстречу переменам из плена жёсткого воротника, схваченная в минуту некоего падения, похожего на прозрение, застигнутая в той точке, когда кажется: вот сейчас душа оставит тело — и мы это увидим. А перед ней тоже она, только не парящая, не готовая взлететь, а распластанная на земле, раздавленная судьбой, перемолотая обстоятельствами. Его “Инфанта перед зеркалом”. Две инфанты Маргариты: живая и отражение. В том ракурсе, что искал он много дней и нашёл в Варькиной руке с вилкой.

Да, инфанта была хороша... но не великолепна.

И он встал со стула, надел синий фартук, укрывавший его с головы до ног и, подчиняясь справедливости слов Александра Павловича, начал работать, доводя всё до совершенства. И это родило в нём особое сладкое чувство, сравнимое только с тоской по несбывшимся мечтам.

* * *

Скульптура человечна по своей природе и божественна одновременно. Человечна в силу того материала, из которого она рождается. Того извечно-го земного теста, что было с самого начала времён, когда Бог сотворил твердь. Глина — кусочек земли, из коего слеплен, по преданию, и сам человек, той земли, что дышит жирной, спелой благодатью, такой отзывчивой на ласковое прикосновение рук. Той земли, которую из века в век вспахивает и засеивает человек, меняя облик её, подчиняя своим прихотям и желаниям. Той земли, которую лишь человек способен изуродовать и отравить до полного оскудения, но вместе с тем способен изуродовать и возвысить, воспеть своим трудом, возродить любовью, жизнь за неё положить. Или вот так вытащить на свет Божий и раскрыть её суть, её душу, придавая новые формы, создавая невиданное до сих пор произведение.

Глина божественна. В своей пластичности и умении следовать замыслу творца. И когда она в руках — человек подобен Всевышнему: он также вдыхает в неё душу, заставляя жить своей жизнью. И скульптура, как благая весть, ведёт свой рассказ от человека к человеку своими заповедными тропами, закоулками памяти, где на самом деле ничто не исчезает, а просто хранится до срока.

И всё-таки глина сильно замыкает человека в себе: кажется, что не ты терзаешь её, придавая форму, а она, сопротивляясь, моделирует, нет, не твой облик (хотя, может быть, и его), а твою душу, твоё естество, словно проникая через поры кожи внутрь, скользя по венам, оседая в сердце. И вот ты уже у неё в плену, но это сладкий плен, которому можно отдаться без остатка, где можно прожить весь век, не замечая, что ты пленён.

Марья Ефимовна, бывший врач-педиатр, малюсенькая, худенькая старушка в вечной вязаной серой шапке на голове, сидит на стуле, и кажется, что её ножки в клетчатых шлёпанцах не достают до пола, а свисают, как у ребёнка. Марья Ефимовна, подруга его тётки Аллы, дымит, как паровоз, и не чтобы что-то “благородное”, а грубые папиросы. Он-то к ней привык, а вот Варька смотрит с нескрываемым восторгом и готова уже буквально на колени умолять, чтобы та попозировала ей для портрета.

Марья Ефимовна посмеивается хрипатым басом, звякает чашкой с кофе, пыхает папиросой и отказывает.

— Ну, Марья Ефимовна, ну, пожалуйста... — На Варьку просто жалко смотреть.

— Да бросьте вы! Зачем это? От ведь вздумали рисовать старух. Эка невидаль! Красавиц, что ли, мало?! Вот Аллу напишите.

— Марья Ефимовна, это другое. Как вы не понимаете... Ну, хоть пару набросков? А?

— И не просите. Что за блажь! Вот ещё вздумали!

— Марья Ефимовна, а я вам шапку свяжу вместо вашей... такую же... новую... Ваша-то вон вся линялая.

— Шапку? — неожиданно оживляется старушка. — Э, милая, да такую шапку больше никто связать не сможет. Рецепт утрачен. Я её почитай уж лет пятнадцать ношу. Сколько кто ни брался — не смог такую же связать. О как!

— Я смогу. А вы мне портрет. Слово даёте? — горячится Варька.

— Хорошо. За шапку. Но будет не такая — договору конец.

— Не волнуйтесь. Копейка в копейку будет. Она легко вяжется. Мне только вашу голову измерить надо и нитки подобрать.

— Давай, снимай мерку, — соглашается Марья Ефимовна.

И всю обратную дорогу Варька весело хохочет, как обомлеет Марья Ефимовна, когда она ей свяжет шапку, что всей хитрости-то в ней только на два притопа: надо сначала связать резинкой ободок по голове, а потом, набрав петли по его длине само полотнище шапки — английской резинкой. Вот и всё! Варька подробно рассказывает, что оттого и нравится шапка старушке, что удобно сидит из-за плотного ободка, а дальше наподобие берега и красиво ложится “симпатичной шишечкой”.

Он ничего не понимает в этих её объяснениях, но радость передаётся и ему, он словно попадает в воронку таких забытых простых вещей, таких понятных отношений. Ему хорошо и легко: это реальная жизнь реальных людей с их простыми желаниями и незамысловатым счастьем. Это то, чего ему давно уже не хватает, о чём он почему-то стал забывать и к чему так вдруг захотелось прижаться — надеть это чужое счастливое возбуждение на себя, как надевают пальто или пиджак.

И вот уже двадцать минут безостановочно Марья Ефимовна поёт Варьке дифирамбы. Двадцать минут кружит по квартире тётки Аллы, заглядывая во все зеркала, нежно поправляя новую вязаную шапку. И её восторги золотыми искрами брызжут через край, радостной волной накрывают, и все вокруг тоже становятся глупо счастливыми, тем самым первозданным счастьем, которое теряется за долготой прожитых лет и так характерно для детей и стариков. Варька явно любит произведённым фурором... И вот они обе, обнявшись от восторга, кружат по кухне: и Марья Ефимовна все спасибокает без остановки, а Варька напоминает о данном обещании.

Старушка валится на стул и, придвинув пепельницу, затягивается, кажется, что с особым удовольствием. Да, так и есть! По лицу видно, что у папироски сегодня другой вкус.

— Не, я не согласна, — пускает дым Марья Ефимовна, — но уговор есть уговор. Посижу.

— Спасибо вам! — Восторгу Варьки, кажется, тоже нет конца.

И они сговариваются, что, где и когда будет. И Марья Ефимовна приходит в назначенный день, а он открывает ей дверь, помогает снять пальто и... видит на ней старую вязаную шапку. Варька, выбежав в коридор, тоже сразу натывается на неё взглядом и, недоумённо вскинув брови, спрашивает:

— Марья Ефимовна, вы опять в старой?

— Конечно, — уверенно отвечает та. — Не могу же я носить такую красоту в каждый след. Она у меня теперь для парадных случаев. Кстати, я вам вот... принесла подарочек.

И она подаёт Варваре пакет, в котором лежит коробочка, похожая на упаковку от будильника. Варя ловкими пальцами вынимает содержимое. Это маленькая заводная итальянская карусель.

— Боже! Прелесть! Откуда она? — сыплет Варька.

— Это мой Андрей Сергеевич из командировки заграничной привёз. Там ещё ключик, чтобы заводить. Меня он хотел порадовать. Все ковры да хрусталь везли, а он мне три платья да карусель. Я вам её подарить хочу... на счастье. Мы-то вон больше полвека вместе прожили. Ты заведи, лошадки так славно прыгают... здесь такую вещь не сыскать.

И вот уже в комнате тоненько играет незамысловатая мелодия, кружат лошадки, прыгая взад-вперёд, и кажется, что наступил Новый год и в воздухе разлит аромат еловых веток и мандаринов.

* * *

На прилавке, искристом и многоликом, разложены все самые вожделенные вещи, о которых можно только мечтать: ручки, книжки, цветные карандаши, блокноты, кнопки (такие огромные, что класть их кому-нибудь на стул — одно удовольствие!), кнопки в большой картонной коробке, значки и марки. Последние особенно хороши — и можно простоять весь день, разглядывая сквозь стекло витрины все мельчайшие подробности их изображений.

Они с Тёмкой залипают у киоска “Союзпечати” почти ежедневно, благо, начались летние каникулы! Знают все его закоулки, оцепанные пытливым взглядом. Знают, что и где лежит, сколько стоит. И киоскёрша уже привыкла к их лицам в стекле с той стороны и даже угощала их пару раз конфетами. И ребятам во дворе уже можно смело говорить, что у них есть “своя киоскёрша”, вызывая всеобщую зависть.

Всё они знали про этот киоск, кроме одного, того момента, когда в нём появился “Красный конь”. Этого они не помнили. Казалось, что он был там всегда, с самого начала времён, что видел его чуть ли не библейский Ной. Конечно, такого быть не могло! Но избавиться от этого чувства тоже было невозможно.

“Красный конь” был реальнее всего реального: он зиял огненным пламенем и солнечным летом, и в осеннее ненастье, особенно яростно полыхал зимним тоскливым бесцветьем, разрывая белое окружье красным пятном.

Ничего так в жизни не хотелось, как стать обладателем “Красного коня”. И мысль эта была глупейшая: ну, как так, в самом деле, паренёк хочет не машинку, не мяч и даже не велик (если честно, просто знал, что велик никто ему сейчас не купит), а какую-то картинку.

Хотя это не картинка была вовсе, а большой плакат, что висел позади киоскёрши и занимал добрую четверть всей задней стены.

Он помнил в мельчайших подробностях всю эволюцию чувств к этой картине Петрова-Водкина. Сначала “Красный конь” его раздражал: не, ну, дурь же реальная! Как это конь — красный? Потом, разглядывая фигурку мальчика на нём, он стал воображать себя на его месте, тоскуя о лете и радостном барахтанье в реке — и ощущение лета и реки, несомненно, были красные! Тут уж ничего не попишешь! И как-то незаметно сросся и с конём, и с водой, и с тем днём, что распластался на репродукции. И вот иной раз, когда плескался с Тёмкой в реке, ловил себя на мысли, что вот всё ему кажется, что где-то обязательно сейчас вынырнет красная морда, фыркнут ноздри и потянется алая спина.

В Новый год он нашёл коня, свёрнутого трубочкой и перевязанного лентой под ёлкой. И теперь вот, ложась спать, всё думал, что у Тёмки над кроватью — географическая карта СССР, а у него — “Купание красного коня”.

* * *

На столе стояла мисочка. Керамическая. Со скучным узором по краю. В ней дымился суп.

Он аккуратно выбирал сначала бульон, долго дул и шумно тянул губами с ложечки, пытаясь не обжечься. Гущу оставлял на потом — она самая горячая. Суп он всё же недосолил. Но подниматься за солью не стал — не хотелось разрушать счастлирое очарование момента.

Он жмурился, понимая, что у счастья есть запах и вкус. У него, как и у всего на земле, есть природа (место рождения): этот день, этот дождь, этот лес. И жизнь готова дарить человеку свои щедроты снова и снова. Вот

он в своём сегодняшнем одиночестве на остывшей даче ощущает всю полноту сопряжённости мира и человека, словно скрученных в один упругий жгут: неразрывно, навечно и справедливо. И всё это понимание, всё счастливое погружение в “философию” бытия уместается в ложке супа. Приходит понимание, что сейчас, в эту минуту высшего наслаждения, когда будто открываются невидимые двери, письма на скрижалях не требуют перевода, читаясь бегло с листа, ему до боли не хватает Варьки. И было бы чудом (самым великим на земле!), если бы она, вопреки его запрету не приезжать, не мешать работать, приехала бы. Господи! А? — Он замер с ложкой в руке, глядя в окно, словно надеясь, что сейчас ударит калитка, запахиваясь за спиной жены, отрезая их двоих от всего мира: на несколько мгновений он даже перестал дышать, вытянув шею, устремившись туда, прочь, за окно — навстречу ей. А когда смог, наконец, вдохнуть, отчётливо услышал её запах рядом...

Он открыл глаза, и сразу же веки тяжело упали назад, словно глухие шторы, беспощадно отрезающие его от мира. Попробовал пошевелиться, но затёкшее тело не слушалось.

Он снова замер. Боль охватила весь правый бок. “Отлежал, — подумал он, — Надо бы напрячься и встать, ну, если не встать, то хоть как-то пошевелиться. Хоть чем-то дёрнуть”.

Снова попытался открыть глаза, снова хлопнули ставнями веки. Новое усилие — разжал губы, разрывая белую пелену налёта, повисшую тонкой полоской и продолжавшую склеивать рот в уголках губ. Провёл языком по верхней губе, как наждачной бумагой, — сухость; заняло лишённое влаги нёбо, ухнул стоном тяжёлый комок воздуха, ворвавшийся в гортань. Отчаянным усилием он разжал веки.

Первое, что увидел, — разбитый будильник на полу: значит, он его действительно скинул, желая заглушить всепроникающее тиканье, и это был не сон. В кресле, стоявшем возле кровати, свернувшись и поджав ноги под себя, спала Варька. Значит, она уже вернулась. Рядом на тумбочке огромным тусклым апельсином светился абажур настольной лампы. Который сейчас час? Вечер или утро? А может быть, ночь? Непроницаемые шторы не позволяли определиться.

Веки снова упали. Отёкшие, безумно тяжёлые, они казались чем-то отдельным, независимым от него, какими-то живыми существами на лице, что ведут совершенно автономную, неподвластную никому жизнь.

Снова открыл глаза — снова разбитый будильник; блестит отлетевшее стёклышко, раскатились детальки и колёсики. Значит, у него ещё были силы, смахнул он его довольно мощно. Хотя, может, просто будильник был старенький в зелёном металлическом корпусе с огромной кнопкой звонка наверху и ужасно раздражал своим громким, почти наглым тиканьем. Вот он и не выдержал — махнул его об пол. Значит, обезболивающее и антидепрессанты тогда ещё не успели навалиться на него всей своей мощью. А Варька не стала убирать разбитое, чтобы не потревожить его, не разбудить. Словно его и вправду можно разбудить. Он и сам рад бы проснуться от этого лекарственного дурмана: вот так встать бы, встряхнуться, пройти по комнате. И чтобы ничего не болело... И эти мысли... мысли... думы, нет, Думы (то есть с большой буквы), тяжёлые, тягучие и грустные до невыносимости, что выросли в нём, как небоскрёбы, заполонили всё его нутро, упёрлись острой болью в подбородок.

И вся его храбрость теперь состоит только в одном — не жалеть себя, перестать это делать, иначе жизнь кажется бессмысленной, а прожитые дни — бессмысленными. Жалость — это какой-то суррогат, имитация любви, а этого бы ему меньше всего хотелось. Ведь если следовать правде жизни, то у него было столько счастливых дней, что ящиков не хватит уместить всё это.

И эта болезнь, которую он проклинал и ненавидел: да, потому что ему всего тридцать два, потому что у него планы и выставки, мастерская, наконец... Эта болезнь всё же обернулась благодатью. Именно потому, что умирало тело, не хотелось больше сопротивляться, вырывая ещё хотя бы день (может, это такая фаза, может, так на каком-то этапе всегда бывает — равнодушные и надмирная лёгкость?), тело умирало, становясь несущественным

в его жизни, величиной пренебрегаемой, и он вдруг по-новому, с неведомой силой ощутил жизнь. Вдруг понял всю её суть и красоту, которую прежде не мог разглядеть за суетой и текучкой дней.

Теперь он вспоминал все самые счастливые дни. И они были другими, нежели он думал раньше: истинное счастье было не там, где он предполагал.

Только сейчас, скованный болезнью, глядя на Варьку, думая о ней непрестанно, он начал понимать всю её скрытую прелесть, о которой знал, по сути, только он и никто больше на этом свете. Понял всё её благородное, истинно женское, что неподвластно времени и что проявилось в ней с особой силой. Это умение растворяться в мужчине, умирать, давая жизнь чему-то другому: детям, мыслям, чувствам. Умение стать землёй под ногами, плодородной почвой, чтобы на ней вырос другой человек. Она прожила его жизнь. Стала ему твердью и корнями. Чтобы он состоялся, сумел стать тем, кем хотел. Он передумал и пережил заново (особенно с тех пор, как совсем слёг) все чувства и мысли и начал по-другому понимать любовь. Сейчас, словно раздвоившись, разделившись на серёдку и оболочку, сейчас он чувствовал, как любовь к этой жизни по-настоящему наполняет его. Как она с каждым днём всё глубже проникает в его плоть, в его душу, в его суть и как всё менее значимым становится его телесное существование.

Вообще он всегда гордился своей образованностью, умением остро чувствовать и глубоко переживать явления искусства, как только немногие могут; понимать и видеть особым взглядом, испытывать от этого понимания своеобразное упоение; но это всё игры ума, которые лишь подменяют умение наслаждаться самой жизнью и зачастую ведут в никуда, в пустую комнату, где нет людей, но есть портреты. Великих, талантливых, гениальных, но только портреты! Картинки, где нет настоящих людей!

Только теперь он понимал, как прекрасно любить что-то всем нутром, всей своей силой. Любить, не обращая внимания на жизнь, диктующую свои законы, законы удобства и предметного мира. Любить, осознавая, что вещи никогда не заменяют людей. И достижения, успех, обладание чем-то, когда ты думаешь: вот сейчас я добыюсь того-то и того-то, ещё чуть-чуть, надо тут или там договориться, успеть, появиться, напомнить о себе. И вот оно, желаемое, у тебя в руках. И что? День, два — и разочарование. Человеку всегда всего мало. А в это время настоящее, стоящее, проходит мимо.

Вот так, как он проглядел Варьку в погоне за успехом, в работе, в погоне за химерами, поскольку она для него была величиной само собой разумеющейся, привычной и постоянной.

И отчего он не понимал этого раньше? Почему не ценил? Не мог найти времени, чтобы лишний раз поговорить, выслушать её? Боже, как ничтожно мало времени в этой жизни отдано самым близким людям, как мало сказано им хороших и нужных слов...

Варька пошевелилась и приподняла голову. Щурясь, она пыталась понять, спит он или открыл глаза. Затем уловила его взгляд:

— Ты проснулся?

— Что сейчас? Вечер или ночь?

— Вечер. Почти семь. Как ты? Чего-нибудь хочешь?

— Нет.

Она села в кресле, и в апельсиновом свете лампы мелькнули её локти, поправлявшие волосы.

— Варя, знаешь, ты похожа на Инфанту Веласкеса... Я знаю, тогда это была ты.

“ПАЗИК”

В столовой давали чудесный клюквенный морс, лучший из всех, какие только бывают в столовых маленьких провинциальных городков. И есть я начала именно с морса. Хотя, конечно, в самой фразе “есть морс” заключён какой-то речевой каламбур. Но факт остаётся фактом: первым был морс. В качестве напитка “на закуску”, конечно же, — кофе.

Но до него дело ещё не дошло, а в небе повисла уже та самая серая громада, которая, как правило, всегда становится итогом удивительно душных летних дней, когда человека придавливает к земле вполне осязаемая толща воздуха и хочется из неё безуспешно выбраться, как из сбитого пододеяльника, опутавшего и душащего своей пеленой. И ты барахтаешься, дрыгаешь ногами, пытаешься вырваться, но — увы! Так и сегодня. День был предсказуем. И, честно говоря, дождя хотелось, будто милости небесной. Чтобы лопнул, наконец, этот зной, чтобы ушла телесная жажда, распирающая сосуды, чтобы грянуло, гикнуло, застучало и побежало по улицам, лицам, телу — прохлада, свежесть, бодрящая радость.

— Я так и знала. Сейчас ливанёт! — Это Надежда Геннадиевна сидит напротив и тоже держит стакан с морсом.

— Ничего. До автобуса ещё сорок минут. Переждём.

— У меня, собственно, зонт есть. Добежим.

— А у меня плащ полиэтиленовый. Конечно, добежим.

И сизая тьма за окном, наконец, дрогнула, заходила, хлынула потоками с небес — и предчувствие грозы обрело реальность. Громадные окна столовой наполнили ветром паруса своих штор, и, казалось, всего минута-другая отделяет нас от настоящего плавания, в которое мы непременно должны отправиться, причём первым классом, потому как вместе со столиками, ранним ужином, буфетчицей, сидящей за кассовым аппаратом, стойками с салатами, компотами, котлетами, бифштексами, овощами и фруктами, с поварихой и едоками за соседними столиками. Эх, красота!

Но... но автобус-то ничего не знал о том, что мы не отказались бы поплыть, он выехал на перрон в строго определённое время и одиноко, почти по-сиротски жался под дождём.

И вот мы на крыльце: Надежда Геннадиевна раскрыла зонт, я разочарованно надеваю свой плащ. Разочарованно оттого, что надеялась, выйдя за порог столовой, ощутить освежающую прохладу, но увы! Загустевший на солнце воздух, обретая желейную тягучесть, продолжал мучить удушливым маревом и никак не собирался улетучиваться. Он с завидным упорством неподвижно стоял на месте, словно бык на ристалище, готовый либо погибнуть, либо убить матадора.

Но делать нечего. Мы, лавируя между лужами, заспешили к автобусу.

— Здравствуйте! — я вскочила на верхнюю ступеньку и стала сдёргивать налипший плащ.

— Здравствуйте, — ответил водитель и добавил: — А всё-таки в этом дожде есть какая-то предопределённость.

— Ну, ещё бы, — зашуршала я ещё активней.

Сзади щёлкнул зонт, закрываемый Надеждой Геннадиевной. Я обернулась к ней и спросила:

— Вы не обидитесь, если я сяду одна рядом с водителем? Уж очень я люблю это место. Сидишь, словно в стеклянном стакане.

— Конечно, садитесь, — это Надежда Геннадиевна.

— Только пристегнитесь, — это уже водитель.

— Хорошо, пристегнусь, — это я.

Но ремень не поддался. Я его дёргала туда-сюда, вертелась, даже тайно втягивала до предела живот, но он не хотел застёгиваться, поскольку защёлки самым подлым образом не дотягивались друг до друга. “Надо меньше есть”, — в голове пронеслась, можно сказать, “суперклассическая” мысль. “Вот уж дудки”, — ответил организм, только что испытавший прелесть вкусной еды. Я отложила сумку и плащ, тем самым полностью освободив руки и ноги от вещей, и закружилась энергичнее.

Оказалось, что ремень просто заломился вне поля моего зрения, где-то за краем сидения, и, когда я случайно ткнула туда пальцами, расплёлся и лихо заскочил. Я победоносно щёлкнула замком и, подняв глаза, наткнулась на весёлое лицо водителя, с интересом наблюдавшего за моей возней.

— Я уж думал, вас спасать придётся, — ещё шире улыбнулся он.

— Ничего. Это же ремень, а не змей-искуситель. Как видите, справилась.

— Ну, и славно.

Я надела громадные наушники и включила музыку. Эти наушники у меня специальные, дорожные. Куплены на случай, если надо ехать час или больше, с тем расчётом, чтобы показать окружающим, что я, мол, ничего не слышу, я в домике! Со мной не разговаривать! В дороге я люблю молчать и смотреть за окно.

И вот маленький рейсовый “пазик” “Мышкин — Углич” дрогнул, что-то там задёргалось, заклокотало в его естестве с характерным звуком, и мы поплыли по пустым улочкам, несущим дождевые реки в Волгу.

И, признаться, “пазик” наш был серьёзный, кругленький и рычащий, как майский жук, что спешит по своим неотложным делам. Он двигался как-то особенно осторожно, можно сказать, деликатно. Медленно разрезал вечерний дождь, притормаживая, пропуская вперёд несущиеся внедорожники, сторонился лихачей и вежливо останавливался на обочине или остановке, подъезжая передней дверцей к самым ногам, если видел стоящих людей. Этакий майский жук-джентльмен.

Я любовалась дождём, дорогой, тем, как мы прекрасно неспешно едем, будто двести лет назад, тихонько покачиваясь в бричке (кстати, интересно, можно ли так и в самом деле сказать “тихонько покачиваясь в бричке”? Можно ли в самом деле тихонько в ней покачиваться? Или это мне на ум просто пришёл красивый описательный оборот?) А ещё я любовалась водителем. Сначала его правой рукой. Упругой, с длинными пальцами, какие были бы под стать самому Рахманинову и какие бывают только у очень высоких и худых мужчин, а потом уж, конечно, я любовалась им всем целиком: тем, как он приветлив с пассажирами, как добродушно раскланивается со знакомыми, улыбается незнакомым, промокшим и продрогшим. Он был прекрасен той самой нездешней красотой, о которой пишут в романах и определяют её метким эпитетом “внутренний свет”. Он был словно полон этим самым тихим и лучезарным состоянием, которое делает человека почти святым. На ум пришла история о Фёдоре Томском. Вот! Точно! Образ найден. Это он — Александр Первый — Фёдор Томский — водитель заштатного “пазика”. Всё в этой жизни повторяется. Всё приходит на круги своя. Всё освещает нам путь.

К слову сказать, любовалась им не одна я.

Первое, что мы с Надеждой Геннадиевной сказали друг другу, выйдя на своей остановке в Угличе: “Какой красивый человек!” И больше ни слова — боялись выплеснуть эту радость из себя.

* * *

На восьмичасовой маршрутке я уже неслась из своего Пушкино в Углич. Три с половиной часа промелькнули, как несколько минут, поскольку я спала. Первый раз за все мои наезды спала в дороге. Обычно сижу, таращусь в окно, а тут вошла — стёкла запотевшие, разомлевшие ото сна пассажиры, соседка слева, качающая в дремоте гривастой головой и периодически приваливающаяся к моему плечу, — и я сдалась. Подчинилась общему настроению, закрыла глаза и улетела.

Даже что-то снилось...

В Калязине очнулась и позвонила Оле, которая должна была меня встретить в Угличе. Позвонила и снова повалилась в мерную дрему, покачиваясь, словно в люльке, в дорожном сидении. И опять что-то снилось...

Дремоту разорвал телефонный звонок. Оля говорит, что ждёт меня на Ростовской у монастыря. Маршрутка как раз притормозила, и в лобовое стекло видны голубые купола. “Я уже выхожу,” — кричу в ответ, подхватывая два рюкзака и запахивая на ходу дублёнку. Вылезаю, как медведь из берлоги, на свежий снег. Вокруг метель какая-то особенно яростно-радостная в начале ноября, словно ордынское племя, захватившее город и носящееся по нему с бесшабашным гиканьем.

Мне показалось, что я вышла всего в двух шагах от места, но пришлось топтать минут пять под Олины звонки: “Ты где? Я тебя не вижу”.

“Я здесь, здесь. Иду. Я тебя вижу! Я тебе рукой машу! Видишь?”

Всё же великое счастье, когда тебя ждут. Всё равно — кто, всё равно — где. Главное — ждут. Тянут шею, выглядывают. А ты такой — ап! — и вот уже объятия: “Я так соскучилась! — И я! И я! Я тоже!”

Мы заходим в гостиницу, бросаем вещи и едем на автовокзал на таксомоторе со “своим таксистом Колей”, потому как в 13:00 у нас автобус на Мышкин.

В маленьком зданьице в ожидании транспорта переминаются человек десять. Мы покупаем билеты и выходим на воздух. Там всё же благодать свежего ветра в противовес влажной духоте станционного нутра.

— А у вас варежки на резинке, — это девочка в синей шапке сделала два шага в мою сторону, отлепившись от матери.

— А я знаю, — отвечаю я ей.

— Скажите, а разве тётеньки носят варежки на резинке?

— А я не тётенька.

— Как же не тётенька? — удивляется девочка, недоверчиво поглядывая на меня снизу.

— Я просто большая девочка. Поэтому и ношу варежки на резинке.

— А... ну, тогда ладно, — успокаивается синяя шапочка и, вернувшись на место, объясняет матери: “Она не тётенька. Она просто большая девочка. Поэтому у неё резинка на варежках”.

Подожёл автобус. Не “пазик”. Большой, мягкий — провинциальный комфорт, — и мы, плавно покачиваясь, заскользили в сторону Мышкина.

Мы ехали в гости к Сергею Васильевичу Курову, местному краеведу, художнику и коллекционеру. И дорога по угличским взгоркам была поистине прекрасна... Почему? Бог весть. Скорее всего, потому, что некуда спешить, что ты свободен от рутинной каждодневной текучки, что ты, в конце концов, почти путешественник, открывающий неведомые земли. Ну, про неведомые земли — это яхватила, конечно, но в любой дороге, даже самой до боли знакомой, всегда таится элемент неожиданности. Это как в одну реку нельзя войти дважды.

Сергей Васильевич встретил нас какой-то особенно парадный. Засуетился, загромыхал чайником, развернул полиэтиленовые пакеты со сладостями.

Я не пью чай. Я убеждённый кофеман! И тем более не пью горячий чай. Но Сергей Васильевич, налив чая (это я вытерпела, поскольку в левой руке уже держала восхитительную безешку), Сергей Васильевич наотрез отказался добавлять холодную воду в мою кружку: “Что это за чай с холодной водой?! Вот глупости! Он скоро остынет! Пейте!”

Оля поддержала его, дуя в свою чашку, отхлёбывая и жмурясь от тонких струек пара, щекотавших нос. “Ладно уж”, — подумала я, ничего не подозревая. Хотя, по правде сказать, и подозревать было нечего.

Сидели мы хорошо, весело, за приятной беседой, за приятными и воздушными пироженками. Сидели как-то почти по-московски, по-купечески. Хотя чай пили не из блюдец. Всё равно было душевно и хорошо.

Потом ходили по залам Куровского домашнего музея, рассматривали прописи и тетрадки XIX века, одежду и посуду. Спорили о видах кружева, что называется, “с учёным видом знатока”. И наконец, пришло время отправляться нам обратно в Углич.

В просторной прихожей мы надели свои шапки, куртки, сапоги и выкатились на улицу, которая довольно круто уходила у нас из-под ног уклоном к Волге.

Сергей Васильевич, как свадебный генерал, шёл между мной и Ольгой — и это было здорово. О чём-то говорили, над чем-то смеялись... Жизнь определённо удалась.

Вот так невольно и задумаешься, много ли для счастья нужно человеку? В глобальном смысле, возможно, и да. А по сути — всё вот так просто: сыплет снег, идут рядом люди (не друзья-приятели, не близкие и родные, а просто люди), улыбаются, шлёпают сапогами по ноябрьской жиже — и хорошо! И ты шлёпаешь. И ты счастлив! Абсолютно и безусловно! Счастлив тем, что жизнь легка, проста и понятна. Тем, что не нужно мудрить

и что-то изображать. Что нет необходимости, подбирая слова, скрывать какие-то мысли. Тем, что ты сам себе понятен и понимаем другими. И есть какая-то блистательная прелесть в этой твоей однолинейности. Словно вот сейчас ты не ты, а только та твоя абсолютизированная часть, где есть только этот вечер, эти люди, эти слова, и ничего нет ни позади, ни впереди. Жизнь только в одной этой точке: без прошлого и будущего.

Возле автостанции Ольга отбежала в магазин, а мы, как брошенные дети, переминаясь с ноги на ногу, остались под снегом дожидаться её.

“Пойдёмте, посмотрим”, — Сергей Васильевич махнул рукой в сторону освещённых окон дома.

За большими стёклами, сиявшими тёплым светом, расположилась маленькая уютная изостудия. Дети рисовали, между мольбертов ходила учительница, мы смотрели на них и на то, как над тёмным вечерним Мышкиным плавает эта яркая солнечная комната, будто лодочный фонарь над ночной Волгой...

Мы бы пропустили Ольгу, но я успела ухватить её фигурку боковым зрением. Она, не заметив нас, перебежала через дорожку к зданию автовокзала. Мы окликнули её и всей компанией ввалились в небольшое помещение, где продавались билеты.

Я подскочила к окошку и, сунув сто рублей, попросила билет до Углича. Получив его и десять рублей сдачи, я услышала, как Сергей Васильевич говорит: “О, у вас будет прекрасный водитель. Он здесь самый лучший”.

Ну, кто бы, скажите мне откровенно, устоял бы на месте после этих слов! Только ангел небесный, и то лишь потому, что может видеть сквозь стены (или, по крайней мере, мне так кажется, что может). Я ангелом не была и с любопытством заглянула через кассовое окошко ещё раз в служебное помещение, но уже с того места, где всего секунду назад стоял Сергей Васильевич.

“О Боги! Боги! Это он!” — как вскричала бы героиня любовного романа. Но у нас повествование попроще. А посему, увидев того самого водителя, я отпрыгнула и, глядя на Сергея Васильевича, восторженным шепотом зашипела: “Это такой водитель, такой! Это чудо, что за водитель!”

Тут и Оля подошла к нам с билетом. А я, продолжая выпучивать от восхищения глаза, стала говорить уже ей: “Оля! Оля! Это он! Это тот самый водитель, о котором мы тебе говорили летом! Ах, какой он потрясающий! Оля, это чудо, что за водитель!”

Только морозный уличный воздух смог несколько охладить мой пыл. Но чувство щенячьей радости, словно граната, лопнуло где-то у меня внутри — и я не просто взорвалась, а переполнилась им настолько, что была вынуждена повиноваться его настоящему требованию быть излитым на всё окружающее.

Мы стояли кружком, как заговорщики, смеялись и притопывали, отряхивая с обуви снег. Вдруг дверь служебного входа Мышкинской автостанции отворилась, и вышел он! И направился к своему “пазику”.

Мы наскоро простились с Сергеем Васильевичем и пошли в автобус. Я уже поднялась на верхнюю ступеньку, когда услышала голос водителя: “Вам не сюда. Вы билеты до Углича покупали, а я на станцию “Волга” еду”.

Не буду описывать всю глубину моего разочарования. Разве можно помыслить, что мы поедем с кем-то другим. Нет! Так не бывает! Так не должно быть!

Но вот мы снова стоим втроём на улице. Снова о чём-то говорим, над чем-то смеёмся, снова почти счастливы... Почти...

Но граната ведь уже взорвалась... “Я так не могу! Я должна сказать ему, какой он чудесный! И вообще, хотя бы узнать, как его зовут”, — и я снова направилась к “пазику”. Подошла к автобусу со стороны водителя. Он увидел, приоткрыл дверцу и, наклонившись сверху, повернулся ко мне.

Я, как пионер на линейке, дающий торжественную клятву, крикнула ему снизу: “Знаете, вы меня, конечно, не помните. Но мы ехали с вами как-то летом из Мышкина в Углич, в дождь. Я хочу сказать, что вы удивительный, деликатный водитель. Я таких внимательных шофёров ещё ни разу

в жизни не встречала. Спасибо вам! И ещё, скажите, пожалуйста, как вас зовут? Просто, чтоб знать”.

Он смущенно улыбался во все время этой моей тирады и, кивая, повторял: “Спасибо! Спасибо!” — и сказал, что зовут его Саша. “Как его зовут? Как его зовут?” — это кричат выскочившие из-за открытой водительской дверцы Оля и Куров.

“Александр”, — ору в ответ, перекрывая порывы ветра.

И тут Сергей Васильевич, как настоящий лиходец, выступает вперёд и прямо водителю Саше: “А она про вас рассказ написала. А она про вас рассказ написала”. Сдал, что называется, со всеми потрохами.

А Ольга то ли поддакнула Курову, то ли так показалось, но в голове пронеслось: “Вот бандиты, так бандиты! И когда это они успели объединиться?”

Тут-то и вспомнилось, как дружно они выступили против меня тогда, когда пили чай. А я-то ничего не заподозрила, а вон оно как получается.

Вот мы снова стоим под снегом, ждём автобуса на Углич. А водитель Саша, аккуратно развернув свой “пазик”, уже едет в сторону неведомой мне станции “Волга”...

И всего через пять минут мы опять прощались, теперь уже наверняка, потому как подошёл автобус на Углич. И это тоже “пазик”, как у Саши. И мы с Ольгой, плотно прижавшись друг к другу, мирно покачиваемся в нём, унося с собой всю радость этого дня, всё человечье тепло, что так весело плескалось через край и является в жизни единственно необходимым.

ЗИНАИДА КУЗНЕЦОВА

ВЗРОСЛЫЕ ЛЮДИ

РАССКАЗЫ

НАПРОТИВ ЁЛКИ

Двенадцатилетний Дима заявил родителям, что всё знает.

— Что ты имеешь в виду? — Папа отпил чай из кружки.

Суббота. За окном мирно падали огромные белые хлопья. Румяная мама стояла у духовки и ждала, когда та звякнет — имбирное печенье будет готово. А рядом с мамой на полу лежал Джим — чёрный пудель, её верный спутник, завитки которого давно покрылись сединой.

— Да ладно вам! Вы думаете, я не видел красный мешок якобы Деда Мороза, который у бабушки в шкафу спрятан? Знаю я, что вы свет за минуту до боя курантов выключаете не для красоты, а чтобы незаметно было, как дядя Павлик этот мешок тащит к ёлке из этого шкафа. Так что я всё знаю. Имейте в виду! Можно, теперь я буду сидеть с вашей стороны стола, лицом к ёлке? Ну, я ведь всё уже знаю, я взрослый, чего комедию ломать! А с вашей стороны телевизор лучше видно.

Мама подошла к папе. Джим тут же вскочил, прошёл за ней и сел, привалившись боком к её ноге. Родители как-то расстроено переглянулись. Звякнула духовка, но внимания на неё никто не обратил.

— Ну, раз взрослый... — начала мама.

— Ну, раз взрослый и раз знаешь, — пожал плечами папа, — зачем, действительно, комедию ломать.

Дима ликовал. Взрослый! Он взрослый!

Когда тридцать первого декабря все семья традиционно собралась под крышей большого деревянного дома, построенного ещё в начале прошлого

КУЗНЕЦОВА Зинаида Андреевна родилась в 2001 году в Воткинске. По окончании школы поступила в Литературный институт имени М. Горького, где и учится по сей день в семинаре А. Ю. Сегеня. Живёт в Ижевске. Публикация является дебютной.

столетия их предком, Дима торжественно отодвинул стул со “взрослой стороны” стола и сел напротив ёлки. Его десятилетняя сестра Маша удивилась:

— А почему ты там?

— По кочану.

Детям никогда не позволялось сидеть лицом к ёлке, и Дима верно вычислил причину.

— Мама! — надулась Маша. — А почему Дима с вами сидит?

— Мест не хватает с вашей стороны, Машунь. Настя ведь подросла — в общей сумме, если считать двоюродных братьев и сестёр Димы, в семье росло семь детей. — Ей теперь хочется с вами сидеть, и Дима как взрослый мальчишка уступил.

Маша недоверчиво посмотрела на Диму, а он показал ей язык.

Когда президент уже заканчивал свою речь, а родители привычно выключили весь свет в комнате и осталась гореть только гирлянда на ёлке, Дима обрадовался и заволновался. Сейчас, через несколько мгновений, он, наконец, увидит, как всё происходит!

Но вот, началось! Куранты бьют.

Дима замер, наблюдая, как мама встаёт за спинами детей, чтобы они из любопытства не оглянулись на ёлку раньше времени. А дядя Павлик с трудом, но всё-таки бесшумно достаёт из старого шкафа, стоящего прямо тут же, в гостиной, тяжёлый, огромный красный бархатный мешок и быстро кладёт его под ёлку.

Да! Вот теперь он, Дима, взрослый. Одно дело знать, а другое — увидеть своими глазами. Теперь точно всеми признанный взрослый! Дима насмешливо смотрел на детей, которые, завидев толстый, набитый подарками мешок, с радостным визгом бросились к нему.

— А почему Дед Мороз всегда так быстро убегает?

— У него очень много дел. Надо же всем деткам подарки раздать.

Смехота! Дима снисходительно покачал головой. Как глупо! А он когда-то такой же был! Как замечательно, как прекрасно сидеть между папой и бабушкой, напротив всей этой малышни с наивным взглядом. Ему даже предложили немного шампанского! И вместо Машкиной болтовни он слушает негромкие рассуждения бабушки и папы о чём-то серьёзном.

И всё-таки интересно, что в этом году лежит в мешке для него? Дима пытался держаться, не думать о подарке, даже подвинулся поближе к папе, чтобы внимательнее слушать разговор, но взгляд его то и дело убегал к ёлке.

— Очевидно, что, как в 90-х, точно не будет, — папа.

“А если там новый телефон?”

— Да, да... — бабушка.

“А может, приставка?”

— Понимаешь, да? Предпосылок тех нет, экономика другая...

“О, а если!..”

Дима не выдержал, подошёл к другим детям.

— Гироскутер! Вау! — Дима с восторгом посмотрел на маму. Она улыбнулась.

Ему захотелось прыгать — так велика оказалась радость, — но он сдержался, напомнив себе, что вообще-то сидит по другую сторону стола отныне.

Когда Ваня, двоюродный Димин брат, попросил гироскутер, чтобы покататься по коридорам дома, Дима отказал. Это его подарок! А Ваня обязательно что-то сломает. Ваня попросил ещё раз. Дима снова отказал. А когда он увидел, как Ваня, решив в этот раз не тратить время на пустые разговоры, стоит на гироскутере, налетел на него и поколотил. Их разняли.

Ближе к двум часам ночи Диме написали друзья. Они собирались на центральную площадь. Там обещали городской салют.

— Можно? — спросил Дима у папы.

— Нет, конечно. Ночью ходить опасно. Чуть-чуть подрасти ещё.

— Если ты забыл, я не ребёнок уже. Имею я право побыть с друзьями? Мне здесь скучно!

Папа стал суровым:

— То, что ты чуда себя лишил — это не о взрослости твоей говорит, а о глупости. Ни на какую площадь ты не пойдёшь, это я уже сказал. Тема закрыта.

Дима обиженно пнул стул и ушёл наверх.

* * *

Дима хмурился и зевал. Мысли о сегодняшнем дне в школе его не радовали. Перед летними каникулами все учителя как с цепи сорвались. Контрольные...

И манка невкусная! Несладкая! Дима отодвинул от себя тарелку и стал смотреть на последнюю конфету. Их вообще-то две оставалось, но свою он только что съел, а эта для Машки. Она как раз зубы чистит. Услышав шаги сестры, Дима быстро схватил конфету и спрятал в ладонь. Маша пропажу заметила быстро.

— Дима, где?

— Съел!

— Дима!

— Съел, я тебе говорю!

— Мама!

Мама, кутаясь в свитер, зашла на кухню. За ней, как всегда, тяжело вздыхая от старости, шёл Джим. Он сильно сдал за последние месяцы, почти оглох и совсем ослеп.

— Что случилось? — спросила она.

— Дима у меня конфету забрал!

— Ой, ябеда! — сказал Дима.

— Дай конфету!

— Я же говорю, что съел её.

— Дим, правда съел, что ли? — спросила мама и закашляла.

Ей нездоровилось уже несколько дней. Дима хотел продолжать упорствовать уже назло, но бросил быстрый взгляд на маму и вспомнил, как папа утром говорил ей: “Слушай, тридцать восемь и пять, это уже никуда не годится. Я вызвал тебе врача. Лежи сегодня, не вставай. Я приеду в обед и выведу Джима”, — и Диме вдруг стало стыдно упрячиться.

— На, нюня, не ел я. — Он бросил конфетку на стол.

Из школы Дима вернулся довольный.

— Mam! — крикнул он с порога. — Я только портфель бросить забежал, мы в кино с классом собрались, там сеанс начнётся вот буквально через пять минут. Ой, мам, а ты чего?

Маму Дима нашёл в гостиной, она надевала на Джима ошейник.

— А разве папа не приезжал его вывести?

— Приезжал, — слабо отозвалась мама, — только мы ведь Джиму таблетки даём, они на почки влияют. Он на улице стал проситься чаще. Как контрольные?

— Написал, лёгкие. Оценок ещё нет, но я знаю, что нормально там всё.

— Ну, хорошо. Ты беги в кино, опоздаешь.

Дима нерешительно застыл в дверном проёме. Он смотрел на дрожащую, видимо, из-за высокой температуры маму. Но ведь кино скоро начнётся... Его друзья ждут. И даже на попкорн с колой карманных денег в этот раз хватает! Если он задержится, ему уже не успеть ничего купить к началу фильма, а Джима выгуливать долго. Он старенький, медленно ходит. Хорошо, если удастся хотя бы к середине фильма прийти.

Мама снова кашлянула и поверх водолазки натянула тёплый свитер.

— Mam, — преодолев себя, сказал Дима, — давай я его выведу. Чего ты... болеешь ведь.

Мама улыбнулась:

— Всё хорошо, беги в кино. Это тот фильм про супергероев, которого ты ждал с прошлого лета?

— Он, да.

— Иди обязательно тогда. Опоздаешь.

Дима бросил взгляд на часы. Он ведь предлагал, а мама сама отпустила... После кино они с друзьями погулять хотели. Весело будет! Солнце уже яркое, тёплое. А фильм точно хороший, Дима не сомневался! И потом — если он сейчас не пойдёт, придётся завтра тащиться одному. Друзья второй раз не захотят смотреть.

Дима бросил на маму извиняющийся взгляд и выбежал в подъезд.

* * *

Окна в квартире — настезь.

Июльский ветер треплет лёгкие ажурные занавески. С улицы доносятся детские крики. Машка там тоже где-то бегает.

Дима играл на компьютере у себя в комнате и обратил внимание на противный звонок домофона, только когда мама крикнула:

— Дима! Открой, пожалуйста. Я бельё развешиваю.

Пришлось прерваться.

— А это что, папа так рано вернулся? — спросил он у мамы громко, повернув ключ в двери.

— Нет, — мама показалась в коридоре. — Техник. Стиральная машина сломалась.

Потеряв всякий интерес к происходящему, Дима вернулся к себе. Поиграв ещё минут пятнадцать, он вышел из комнаты, чтобы попить воды. И, проходя мимо ванной комнаты, услышал:

— А вы кем работаете?

— Бухгалтером вообще, но сейчас пока не работаю, — негромко сказала мама.

— А руки у вас, как у прачки. Красные такие, как раки. Знаете, большие... Я недавно тоже на вызове был. Так там девушка — белоручка! Ручки такие, заглядение!

Дима поднял брови от изумления и даже остановился. Дверь ванной открылась, мама вышла в коридор с опущенной головой. Когда заметила Диму, тихо спросила:

— У меня, что, правда, руки такие ужасные?

Дима и хотел бы соврать, но ведь костяшки и пальцы действительно краснели, словно мама всю зиму без перчаток проходила. Он так и сказал ей, но тихо, смутившись.

— А почему они у тебя такие? — добавил он. — Это ведь недавно... Болеешь?

Мама спрятала руки за спину:

— Я вещи Джима стирала, миски мыла в холодной воде. Горячую же отключили...

— А-а-а, — протянул Дима.

Пить всё-таки хотелось. На кухне он набрал воду в стакан, но ко рту его не поднёс.

Замер.

Перед глазами пронеслась прошлая пятница. Родители похоронили Джима на даче. Потом мама весь день спала. А ночью, когда Дима встал вот так же, чтобы попить воды, увидел, что дверь в ванную приоткрыта. Полоска света лежала на паркете. В квартире тишина. Он подкрался, а там, в ванной комнате — мама тихо плачет! Стирает руками в тазике лежанку Джима и его любимую игрушку — одноглазую, общипанную за столько лет курицу, — а спина её трясётся от слёз и всхлипываний.

Дима со стуком поставил стакан на кухонную тумбу и быстро вернулся. Мама удивлённо посмотрела на него, когда он резко открыл дверь в ванную комнату и сказал высокому крепкому небритому мужчине:

— Уходите отсюда.

Тот удивился. Не понял.

— Уходите, говорю, — повторил Дима. — Нам ваши раки тут не нужны. Техник пожал плечами, хмыкнул насмешливо, вышел в коридор и стал обуваться. Но из квартиры не вышел:

— Никуда я не уйду, пока вы мне не заплатите, — сказал он. — Это так не выйдет у вас. Я своё дело делать готов, это вы своего мальчика успокоить не можете. А мне что, деньги терять? Нет, не выйдет у вас!

— Я вам оплачу дорогу и эти пятнадцать минут работы.

— Нет, хозяйка, вся сумма, или я никуда не уйду, — и он нарочно развалился в кресле, которое стояло в прихожей.

— Берите и уходите, пожалуйста.

— Тут не вся сумма. Я что-то говорю непонятно, что ли, хозяйка?

Дима злился с каждой минутой всё больше. Он и забыл, что техник больше его раза в три, — только сжимал кулаки, готовый в любой момент броситься на него. Мама, видимо, поняла это и положила тёплую руку Диме на плечо.

— Я добавлю ещё сто рублей, но больше ни копейки. Берите и уходите, пожалуйста. Покиньте мой дом, иначе я позвоню мужу. Он полковник полиции. Берите уже деньги, пожалуйста, и уходите!

Напуганный званием Диминого папы, техник выхватил деньги. Протянул квитанцию:

— Распишитесь, что работу приняли.

Мама нервно поставила подпись. Техник взял квитанцию и назло хлопнул дверью.

— Детский сад... — покачала головой мама.

— Мам, — позвал Дима.

— Да?

— Хочешь, я сам найду другого техника? И в магазин за кремом для рук сбегаю, хочешь?

* * *

В декабре Дима снова занял своё место напротив ёлки, на “взрослой” стороне, но уже не потому, что ему действительно этого хотелось. Мест не хватало, а сажать других детей лицом к ёлке было никак нельзя, и Дима спокойно, без слёз и истерик, уступил своё место.

Потушили свет. Только гирлянда мигала. Дима услышал, как Маша тихо шепчет Ване:

— Вот смотри, сейчас обернись тихонько. Увидишь, что это не Дед Мороз.

Улыбающаяся мама на своём посту — за спинами детей, но пронырливая Машка и любопытный Ваня изворачиваются, изворачиваются... Дима бросил взгляд на дядю Павлика — он почти дошёл до шкафа!

— Машка, Маша! — позвал Дима сестру.

Та сначала отмахнулась, а потом всё-таки недовольно спросила, повернувшись к нему:

— Ну, чего?

— Ты знаешь, почему пираты ходят такие некрасивые, с повязкой на глазу?

— Почему?

Ваня тоже заинтересовался и на секунду про ёлку забыл.

— Потому что они много пьют, и им в глаза часто пробки от шампанского попадают, — Дима мотнул головой в сторону дедушки, который как раз собирался открыть бутылку. — Если тебе попадёт, будешь тоже...

— Что?

— А вот. Без глаза. Пираткой.

Маша вся сжалась, вмиг забыв про разоблачение родителей. Теперь они с Ваней прятали головы под столом, как страусы. Довольный собой Дима стал смотреть, как дядя Павлик одним ловким движением вытащил из шкафа набитый подарками мешок и положил под ёлку.

Часы пробили полночь, зазвенели бокалы.

Дима вышел из-за стола, легко дёрнул Машу за платье, как бы подавая знак, что опасность миновала, и направился к ёлке с замирающим от восторга сердцем: “Интересно, что Дед Мороз принёс в этом году?”

ВЗРОСЛЫЕ ЛЮДИ

Октябрь. Промозгло. Я едва успеваю запрыгнуть на первую ступеньку старого, не отремонтированного с советских времён трамвая перед тем, как двери с шумом сталкиваются. За стёклами дверей замелькали дома.

В салоне — не протолкнуться. Сегодня ощутимо похолодало, даже лужи покрылись тонкой корочкой льда, поэтому главными пассажирами, которые занимали всё место, были пальто и куртки. Я поднимаюсь ещё на одну ступеньку, да так и остаюсь стоять — прижавшись спиной к кабине водителя.

Устала. На первой встрече заказчики сказали: “Мы за минимализм и простоту!” — а посмотрев проект, предложили: “А вы не хотите добавить побольше вензелей?” Философская мысль: “У всех свои вкусы”, как оказалось на деле, из рук вон плохо успокаивает художника, чётко понимающего, что можно отнестись к прекрасному, а что — нет. На встрече через пару недель заказчики переглянулись и с застывшей улыбкой сказали: “Очень мило!” — а потом перестали отвечать на сообщения. Если бы мы были в фильме Хичкока, я бы их придушила.

Трамвай едет неаккуратно. Всех то резко бросает вперёд, то откидывает назад. В большие окна не посмотреть — их даже не увидеть из-за толпы. А толпа нескончаемая, в тёмных куртках. Чтобы пробраться к выходу, все друг друга пихают. Мне вдруг подумалось о Петербурге Достоевского, и стало совсем грустно.

Казалось бы — язык наш, человеческий, — замечательное достижение эволюции. И сказать пять слов: “Нам не нравится, давайте исправлять”, — несложно. А нет, для кого-то недостижимая вершина. Моя бабушка — женщина общительная, и её сосед-священник часто пьёт у неё чай. Я как-то спросила у него: “Вот скажите, Бог создал людей, так? А взрослые среди них есть?” Он засмеялся. Подумал, я шучу.

Наушники я оставила дома, поэтому в трамвае бездумно смотрю на свои ботинки. Зелёные. А пальто бежевое. Позорище какое! Как люди вообще мне свои интерьеры доверяют?

Где-то рядом играет мелодия вызова на телефоне, но человека я не вижу, наверно, он за девушкой, которая стоит прямо передо мной. Юношеский высокий картавый голос отвечает:

— Да, привет...

В ответ заговорила женщина. Голос её — высокий и злобный. Динамики на телефоне хорошо работают, поэтому я и все в передней части трамвая почти разбирают, что говорит его собеседница.

Мальчик слушает. Дождавшись паузы, отвечает:

— Я понимаю, извини. Я понимаю... Мне правда жаль. Я не хотел, чтобы ты расстраивалась, я просто опаздывал, я уберу...

Противный голос что-то визжит. Но получает по-прежнему спокойный ответ:

— Мне очень жаль, правда, давай не будем ссориться. Зачем ссориться?

Я поняла, что ошиблась. Всё-таки говорит не мальчик, а мужчина, просто у него голос высокий и дикция не очень чёткая, поэтому речь похожа на детскую.

Женский голос продолжает оглушать всех, кто стоит около мужчины, а в ответ раз за разом звучит доброе, но уже с нотками волнения:

— Давай не будем ссориться, мне очень жаль. Я всё уберу сам... Я понимаю, что ты устаёшь, я виноват...

Женский голос в последний раз берёт высокую ноту и обрывается.

Сбросила.

В салоне сразу становится тихо и даже хорошо. Оказывается, я вся

сжалась, как в детстве, когда поняла, что мне предстоит серьёзный разговор после того, как никого не предупредила и ушла на весь день к подружке.

Через несколько секунд начинается снова:

— Ну, прости меня, пожалуйста...

Минута визга и в конце отчётливо:

— Я сказала, чтобы ты уже отстал от меня!

А в ответ дрогнувшим голосом:

— Давай успокоимся и просто поговорим. Давай не будем ссориться. Зачем ссориться?

Она снова сбрасывает, а он снова перезванивает, и всё по новой:

— Давай успокоимся. Я понимаю, что виноват. Зачем ссориться из-за ерунды, можно ведь всё обсудить. Я вот как раз домой еду. Приедем, и мы поговорим, хорошо?

Господи, скорее бы уж моя остановка!

Он снова перезванивает ей. От её громкого голоса даже я, стоящая далеко от телефона, морщусь. Давно пора сказать: “Хватит визжать!” Но я думаю, что они оба стоят друг друга. В конце концов, зачем столько раз перезванивать?

Трамвай, наконец, останавливается. Я вся подтягиваюсь и собираюсь, готовясь вывалиться из салона, когда слышу всё ещё спокойное, но одновременно и пропитанное отчаянием:

— Мама, давай спокойно поговорим, зачем ссориться?

В изумлении я оборачиваюсь. Так всё же мне не показалось, и это не юноша, а мальчик?

В эту секунду двери трамвая разъезжаются. Поток людей выносит меня на улицу, но перед тем, как двери снова с шумом сталкиваются, я успеваю оглянуться и увидеть мальчика, который держит телефон больше его ладони и повторяет:

— Давай всё обсудим спокойно. Зачем ругаться? Я приеду, и мы всё обсудим, мамочка...

Трамвай уезжает.

АННА ДОЛГАРЕВА

ЭТО МОЯ СТРАНА

* * *

Зелёная вода нечаянной реки —
здесь раньше часто были рыбаки,
а нынче лодка дремлет кверху брюхом
и зарастает мхами вопреки
предназначенью — развалюха развалюхой.

И в деревянной церкви на холме,
где пахнет ладаном и свечи в полутьме
выхватывают жёлтый лик Марии —
покров вот этот мшистый досок меж
Татьяна Савишна увидела впервые.

И, ковыляя в опустевший дом,
ещё немного думала о том,
как нынче стало пасмурно и тихо.
И вышла к людям белоногая лосиха
и повела её за окоём —

За горизонт, что от дождей промок,
за чёрные деревья, влажный мох,

ДОЛГАРЕВА Анна Петровна родилась в 1988 году в г. Харькове. Лауреат Григорьевской премии (2019); победитель VII Международного поэтического конкурса “45-й калибр” (2019); спецпризёр Гумилёвского конкурса “Заблудившийся трамвай” (2019), лауреат премии А. И. Левитова (2021). Публиковалась в журналах “Урал”, “День и ночь”, “Крещатик”, “Юность”, “Дальний Восток”, “Нижний Новгород”, “Перископ”, “Аврора”. Живёт в Москве.

туда, где нам прощаются печали.
И звонкий слышится собачий брѣх,
и лодка ожидает на причале.

* * *

Ну, вот и ещё одно лето растаяло на языке,
Растеклось мороженым по подбородку и по щекам.
И у подъезда старушка, одуванчик в её руке
Отпускает свои семена туда, где не видно нам.

И нас стало меньше. Однако во дворе тополя —
Устремлённые, как ракеты, в звёздную высь.
И девочка с расцарапанными ногами, и глинистая земля,
И козырёк подъезда выдаётся, как мыс.

И нас станет меньше, нас не станет совсем,
Но это неважно. Лето течёт по щекам, не попадает в рот.
Солдатик идёт домой, он с войны возвращается в семью,
И мама его обнимет и старого мишку найдёт.

И заснёт солдатик с мишкой под головой,
И мы заснём среди лета, янтарным ложем станет кровать.
Девчонка во дворе считает: первый, второй,
Выходи играть.

* * *

Бежал, бежал, бежал, потом упал,
А сверху небо крыло миномѣтом,
Земля передо мной была слепа
И пахла мѣдом.

А я не умер, нет, не умер я,
Сказали, будто умер, но не умер,
Стал лёгким, как кувшинка у ручья,
Почти бездумен.

И призывали женщины весну
В проѣмах окон. Протирали окна,
Чтоб свежий ветер больше не заснул,
Трепал белья полотна.

И пели детям женщины: “Бай-бай,
Спи, милый, станешь красным командиром,
Меня забудешь, папку забывай,
Скачи над миром”.

А я не умер, я лежал везде,
Расслаблен был и радостен, безмыслен,
Но кровь была в серебряной воде,
И чёрная земля прокисла.

Под синим небом, под жарой земной
Лежал, и облака — как простокваша.
И крови на два метра подо мной.
И всё то наше.

* * *

На границе с зоной боевых действий,
рядом с танками, самыми могучими в мире,
я сижу на съёмной квартире,
я считаю: “Раз — и, два — и, три — и, четыре”,
песня, лейся, да знамя, взвейся.

Я думаю про девочку, инвалида из Киева,
она написала: “Ты мне сегодня снилась,
я жду тебя в гости”.
Я помню, как льётся кровь, отрываются ноги,
ломаются кости,
эта память мне всё нутро выела.

Я видела это под Луганском и под Донецком
в степи рыжей.
Я думаю: “Выживите!”

Я молюсь за русского офицера,
за украинского призывника.
Эта хрупкая моя вера
никого не спасла пока.

Я сижу, прижавшись спиной к батарее.
Пусть всё закончится побыстрее.

Выключается свет.
Ночь будет чудищ полна.
Но права моя страна или нет —
это моя страна.

* * *

Выживи, мама, мама моя — Россия,
Выживи, папа, папа — мой город сивый.
Жили, дружили, пили да не тужили.
Выживи, Тоха, с которым мы вместе жили.

В две тыщи десятом жизнь дала трещину —
Я из Харькова в Киев переехала на Троещину.
Так пила, что заработала панкреатит.
Самолёт, самолёт, посмотри, летит.

В двенадцатом уехала в Питер,
В пятнадцатом сделалась невъездной.
Что происходит этой ранней весной?
Хлеб на столах — это мы-то жали и сеяли.
Выживи, мама, мама моя — Расея.

Эх, наступает ночь, тревожное небо.
Как там белая хата, садок вышнэвый?
Кто меня предал-продал властям Украины —
Не умирай, падла, не умирай-на.

Братцы да сёстры, сгоревшее поколение,
Кто там вместо Бандеры вешает Ленина?
Ночь наступает, времени очень мало.
Выживи, мама, Русь моя, мама, мама...

РОМАН КОЖУХАРОВ

ДНЕСТР ВПАДАЕТ В ЧЁРНОЕ МОРЕ

РОМАН

5. Облако (Баттл)

Циклопический столп электричества на контрасте чернит простёртую ниц Нистрению. Ослепительный гиперболоид венчает эмблема ЦИРКа: трижды, в равных долях прерванная окружность. Пылая розовым пламенем, сегменты окружности циркулируют по окоёму со скоростью семь верет, или, иначе — один узел в час. Сама эмблема вращается на оси с той же скоростью.

Скорость в вёрстах-узлах — дань “Восьмой миле”, байопику, посвящённому жизни и творчеству бледнолицего рэпера Эминема. И — водной стихии, наполняющей гигантскую искусственную котловину, уже прозванную журналистами Нистрянским морем. Или — в других источниках — Зебуловым озером.

Много званых в канун, в ходе судьбоносного волеизъявления и по его завершении посетило Нистрению, и никак она перед ними не проявилась. Вот и вопрос: стоило ли тянуть за язык Левиафана? Не сподручней ли было оставить его в господарском болоте?

Инженер человеческих душ Припёков Евграф, по пути к вожделенному ЦИРКу, пожелал обозреть бытие за периметром, вернее — окружностью гиперболоида и мега-деревни Валя-Зебулуй, заглянул в нистрянские города и даже, совсем уже краем, — в веси, встречался с аборигенами в аудиториях.

Популярные телеведущие Решка с Орлом колесили по выдущенным под асфальт рыбнищким, бендерским и парадизовским улицам. Сочинитель выцеливал вглубь, монетки катились вовне, но их усилия в равной мере оказались тщетны. Может, ЦИРК стал тому причиной, обнулил на корню, под орех раскатал, подобно асфальтоукладчику, накопленные впечатления. Но в итоге упёрлись в одно: ничего они там не увидели. Вернее — тут.

Получилось, как с понаехавшими на всенистрианские выборы наблюдателями-депутатами. Сагитировали, пронаблюдали и убрались восвосяи, в олимпийские выси садово-бульварных колец всевластия.

Но перед сном, на самой грани яви и небыли, у каждого из них в головах вдрут возникал — *генерировался* — урчавший мотивчик — точно ария

многострадальной Нистрени из некоей одноимённой оперы, вернее же, оперетты, подобно миоритической “Миорице” — мыльной и потому — горько щиплющей очи:

*У Днестра пасутся овцы:
Приднестровцы, приднестро-о-овцы...*

Иттрий Сбоков, либеральный словесник, представлявший, вкупе с ведущими представителями литературы, музыкальной индустрии, кинематографа, российский сегмент интернационально-межконтинентального бомонда важнейших искусств, приглашённый на торжество по случаю своеволеизъявления, вне и внутри во всём осознанный антипод-дискриминатор аудиторупочвокопу Припёкову, невпопад ситуации и контексту призывал пресечь крысолова, и в итоге едва не доигрался, очутившись под дамочловым мечом угрозы быть вызванным Наф-Наф Догой на баттл.

Но словесник и сам порой уподобляется крысолову. Посредством катарсиса предоставляет миру возможность очиститься, подобно тому виноградаря, что чистит лозу от засохших ветвей. Подобно тому дудководу, что своєю игрой спасает город от крыс. Но страшно не воздать должное обладателю чудной дудочки: тогда из города, запертого на засовы, созовёт он самое дорогое — малых сих, светлое будущее. И вот вопрос: кого он спасёт в тот момент? Тех, кто из города выйдет, или тех, кто останется?

Вознесённый отцом на самую маковку гиперболоида, МС Наф-Наф Дога покоряет эфиры, умы и сердца. ЦИРК — это столпотворение, монструозный гигант развлекательной индустрии. Центр избирательно-развлекательных конструкций, иначе — Извечно-Развлекательного Кайфа. Иначе расшифровывается и аббревиатура МС: раньше это были Миротворческие Силы — ангельский чин и заповедь блаженства. Ныне эМСи — это Master of Ceremonies, то есть ведущий мероприятия, точнее — Господин Церемонии. Господарь Всенистрианского Празднества.

Титул Наф-Наф Доги уточнён, а вернее же, утучнён, и отныне возглашается как “МС ЦИРКа и не-ЦИРКа!”. Под “не-ЦИРКом” подразумевается обитаемый мир за окружностью гиперболоида. И — никакой конкретики, потому масштабируй, как хочешь, понимая под “не-ЦИРКом” и мега-деревню Валя-Зебулуй, и Нистрению, и всю обозримую с МКС ойкумену.

Нескончаемый праздник — такова начинка опоясанного кругами воды Зебулова острова наслаждений. И девиз для ЦИРКа выбран соответственный — “Всё дозволено!”. С эмблемой в виде прерванной трижды окружности, трёх нитей, как бы кружащихся в хвосте друг у дружки колесом нескончаемых догонялок. Или просто — ноля?

Ступивший в ЦИРК уже не выйдет оттуда прежде бывшим, отряхнет, аки прах, цепи-вретие ветхого человека, облячится в одежды новые.

“Море любви” растворит тяжкие думы, скорби и горести. Клиент мега-ЦИРКа испытает обнуление грусти. Потребительский груз и загруз будет отправлен на переработку и выработан на-гора в неисчерпанном море любви. Каждый встречный без осадка, как какая-нибудь солёная куколка, претворится в поперечного.

ЦИРК — как какое-нибудь МГИМО, где у пирса моря политики всяк нырнувшему с головой обеспечивают безвозвратное погружение. Но Зебулово мега-строение круче, ибо ещё относительнее и международнее.

ЦИРК вообще ни с чем и ни с кем не сравнить, кроме как, только лишь — со своим Всея Миротворцем — Вседержительным Господарём Наф-Наф Догой, вознесённым на самую маковку всенистрианского торжества ради дарования миру сему новых идей и альбомов. Догоина мысль всеобъемлюща, концептуальна по сути, как сам он определяет — альбомна. Дога мыслит альбомами.

В числе первых в этом смогли убедиться первые offline-слушатели семи композиций нетленного “Ласкового и нежного зверя”, избранные счастливики — участники многотысячной вечеринки по случаю открытия мега-Центра избирательно-развлекательных конструкций “Море любви”. Даже

сверхискушённых, всё апробировавших до состояния отсутствия места для пробы увиденное повергло в шок и трепет.

Этажи бутиков, как гирлянды, расцвели семиярусную громаду неизбежного шумного действия и созерцания, с самозабвенным шопингом, умопомрачительными аква-, аэро-, космозоопарком, с дух захватывающими аттракционами, развивавшими свой динамичный сюжет во всех четырёх стихиях, конференц-залами, и наконец, собственно с “Зебулариумом” и забавами — нескончаемыми по количеству и составу предлагаемых разновидностей играми, на любой вкус и возраст.

Каждый из семи надземных ярусов-небес наделен даром кардинального переконструирования, в соответствии с новонайденным замыслом продолжения весёлого игрища на новом витке и дыхании, причём процесс преображения интерьера, с учётом кардинальной смены эпох и эонов, климатических и часовых поясов, микро- и макрокосма, наконец, вкусов и предпочтений — индивидуальных, групповых, общественно-массовых — занимал время в интервале от минуты до суток — для наиболее сложных заданий, например, по переводу небо-яруса из состояния пляжной вечеринки для тех, кто любит погорячее: в интерьере побережья Маллине с ослепительно золотым, будто просеянным песком на острове Барбадос или одесского Ланжерона — в ледовое, но не менее горячее по динамике и итоговому согреву Арктик-ралли на снегоходах и собачьих упряжках, по скрипучему насту, под красно-синезелёные всполохи северного сияния и бодрое покусывание щёк заполярным морозцем.

Пользователь* по своему усмотрению мог моделировать климат, время, пространство, обращать его в куб, по примеру Хеопса воздвигать пирамиду, сворачивать в цилиндр или свивать в морской узел, раздвигать в циолковскую сферу космического беспредела, привязываться к любой местности на планете и в иных областях человеческого воображения, начиная содержанием себе по вкусу — “стрелялками” в руинах сталинградского тракторного завода или поверженного берлинского рейхстага, или в насквозь простреливаемых и прожариваемых адским июньским солнцем Бендерах, формульными гонками хоть в Сочи, хоть в Монте-Карло, или поездкой на разбитой каруце по сельским погребам в дни винодельческого праздника урожая, с дегустацией виноматериалов, песнями и прочими увеселениями на сельском сеновале, до романтических отношений на фоне Эйфелевой башни, с взаправдашними Моникой Белуччи, круассанами, чарующим ароматом колониального гайянского кофе и запахом жареных каштанов на площади Конкорд. Вместо Моника Белуччи можно было выбрать Маню из нистрянских Белочей, Жюльет Бинош, Брижит Бардо или Скарлетт Йоханссон, с Токио вместо Парижа, или оставить в опциях родной Парадизовск, или ледовитый Норильск, или Анадырь, или Магнитогорск, или Норт-Слоуп, добавив плавающих от развратного зноя Сашу Грей, или Джемму Джеймсон, или Лену Беркову, или всех скопом, для лучшего согреву.

Выбор, в случае необходимости, спутниц, должных с разным уровнем участия сопровождать клиентов, либо группы, либо целые компании, являясь составной частью контента развлекательного трипа. Официально данные сотрудницы ЦИРКа обозначались *проводницами*, являясь отборным, венчающим звеном многотысячного персонала, обеспечивающего безбрежно-безудержный плеск “Моря любви”.

За глаза, с подачи коллектива, элитное подразделение проводниц в прессе стали именовать *девушки Наф-Наф Доги*, или *красны девицы*, проще же —

* В обиходе и номенклатуре документации Центра избирательно-развлекательных конструкций “Море любви” для обозначения посетителей использовалось именно это слово. “Клиент”, “потребитель” и прочие синонимы и эвфемизмы применялись, но значительно реже. Для идеологии ЦИРКа, в свете продвижения его мега-контента, основанного на принципах работы с многомиллионной (скоро счёт пойдёт на девятизначные цифры) аудиторией, принципиальным представлялся учёт объекта своей деятельности именно как “пользователя”, суть которого, как известно, составлял не столько сам человек (клиент, потребитель), сколько устройство, которым он пользовался для вступления в контакт с контентом “Моря любви”, то есть — для соединения с облаком.

девки Доги, поскольку МС ЦИРКа и не-ЦИРКа и устроитель всенистрианского праздника являлся руководителем подразделения согласно штатному расписанию, хотя в действительности всю черновую деятельность подразделения, насчитывавшего четырнадцать сотрудников в возрасте от 18 до 35 лет, чрезвычайно сложную, кропотливую, в части безотказного функционирования многоуровнево-многоходового механизма отдела *проводниц* в действительности осуществляла Клодия Диас-Янковская, зам. эМСи ЦИРКа по развлекательной деятельности, негласная длань Зебула.

Злыдни за пределами ЦИРКа (то есть в пределах не-ЦИРКа) говорили даже, что в отдельных, наиболее деликатных и ответственных случаях руководительница подразделения роль проводницы брала на себя, тем самым являя для своих подопечных неподражаемый образец исполнения профессиональных обязанностей, вдохновляющий пример для делавших первые робкие шаги в этом качественно новом деле девчушек, по нетленному принципу “делай, как я” явленный наставницей, не только назубок разбирающей цирковые правила, но и в совершенстве по ним играющей.

Краеугольным принципом избирательно-развлекательного конструирования являлось одно: сверхпроводящее преобразование идеи из состояния выдумки в состоянии факта, из фикции в режим pop-fiction, из режима online в режим offline, другими словами, реализации сказки в быль, настолько неукоснительное, что дух захватывает.

Процедура воплощения заветной мечты подразделялась на этапы. Вначале пользователь вступал во взаимодействие с “Морем любви” (впрочем, инициатором, всегда и в любом случае, выступал ЦИРК, но данное уточнение несущественно, особенно в свете постулируемой установки ЦИРКа на прерогативу и всеобъемлющую изначальность стремления пользователя).

Посредством удалённого доступа, через облако, с подключением предупредительнейших и дотошнейших сотрудников мега-ЦИРКа, специалистов экстра-класса в области шести чувств, психического цветodelения и тончайших нюансов душевных, сердечных и прочих страстей и переживаний, прорабатывалось в мельчайших подробностях и деталях воплощение воображаемого. Далее, прямо в облаке, с использованием электронной подписи и всех необходимых реквизитов, заключался контракт, назначалась дата посещения гиперболоида, и в назначенный срок на одном из семи небоязусов, вознесённых по-над нистрианскими поймами, осуществлялся сбыв неизбывного кайфа, иначе, попросту говоря, сбывча мечт, от которой захватывало дух.

В этом суть Зебулова “Моря любви”. У толпы, текущей по галереям и эскалаторам центра, волнами накатывающей в магазины, кинотеатры и игровые комнаты, дух захвачен. В остатке лишь плоть. Потакать её прихотям — закон для персонала центра, такого же бессчётного, как количество утоляемых им от рассвета до рассвета желаний.

Сама природа укрошена в угоду капризному настроению безликого и бессчётного потребителя. “Море любви” — воплощение грандиозного проекта, небывалого в регионе, да что там — во всей юго-восточной Европе, в масштабах Нистринии сравнимого разве что с поворотом сибирских рек в Каракумы.

Зебул укротил и направил в услужение Центра извечной развлекаловки, а следовательно — на потребу его посетителям — воды Днестра. Речные потоки наполнили чашу каньона, загодя выскобленного динамитом. И здесь, в образованном озере, река не обрела покоя.

Вода циркулирует вокруг “Моря любви”, замыкаясь сама на себе, образуя подобие вечного двигателя, который приводит в движение смонтированные в основании грандиозной махины ЦИРКа генераторы электричества.

Нескончаемо изливаемый ток ликвидировал разницу между днём и ночью. Для всех и для каждого посетителя мега-центра исподволь или въеве наступал миг озарения — констатации стирания грани между собственным микро- и макрокосмосом — ни с чем не сравнимого ощущения, от которого дух захватывало.

Возведённый в стиле крайнего “хай-тека”, и внутри мега-ЦИРК напичкан хай-теком в той же степени, от пучинных ярусов энергетической генерации

и стрим-ТВ-студий до гели- и квадрокоптерных площадок и эмблемы Троегрия, венчающей маковку на 170-метровой высоте.

Последнее слово IT-инженерии заведомо облегчает персоналу и посетителям гиперболоида взаимный процесс, с одной стороны, -максимально широкого проявления прихотей, а с другой — максимального им потакания.

ЦИРК “Море любви” явил собой последнее слово, воплощённый ответ на каверзное пророчество: “А что, если вместо апокалипсиса нас ожидают бесконечные ряды буфетов?” Первое слово в огне горит, последнее — правду говорит.

Конвейер циркулирует по принципу *Perpetuum Mobile*, перерабатывает чаяния тьмы и тьмы потребителей — до двадцати четырёх тысяч посетителей гиперболоида в сутки.

На всех семи небо-ярусах гранёной сетчатой композитно-стале-стеклобетонной громады — от утопленной в воду ступни до самой макушки со *смотрящей* эмблемой — генерируется контент. Поток выдает на-гора, питая *облако* — безбрежное супервместилище “Моря любви”.

Неизбыточность сияния символично отображает режим тотальной ретрансляции ЦИРКа. Нутро гиперболоида — пол, потолки, стены, мебель, столы, стулья, подлокотники кресел, спинки кровати, люстры, торшеры и бра, барные и регистрационные стойки, пивные и винные краны, салфетницы, крепёжные части тарзанок, сидухи каруселей, доски для сёрфа, даже лестничные перила и ступени эскалаторов — каждый миллиметр пространства мега-Центра являет совокупную часть мириад оптических капсул, именуемых специалистами скотошическими.

Новейшая разработка использования фотопигмента, по составу аналогичного родопсину, наполнителю палочек сетчаток глаз глубоководных рыб, позволила превратить мега-Центр в вывернутый вовнутрь фасеточный мега-глаз. Словно загнали участнику небывалого эксперимента под кожу чудесный состав, и участник эксперимента обрёл дар зреть кожей.

ЦИРК захватывал дух и дотошно, до восторженных судорог фиксировал потакание плоти, вглядываясь в себя неусыпно циклопическим внутренним зрением. Но око не только всё видит, но и всё пожирает, не оставляя ни крошки, до капельки переваривая содержимое гиперболоида в абсолютный онлайн неизбывной ретрансляции.

Ток бесчётных ручьёв, каналы стриминговых сервисов без устали полонят девайсы и гаджеты многомиллионной аудитории пользователей — *безумцев* в том буквальном смысле, в каком Кощей являлся бессмертным, ибо смерть его хранится вовне — в игле, игла — в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце, заяц — в ларце, ларец — на ветвях дуба, а умы и сердца вышеназванных миллионов, да что там — миллиардов, хранятся в Википедии, та — в облаке, то — в интернете, а тот — в смартфоне, засевшем в карман зеркальным осколком, одним из 250 млн, вынесенных за рамки, или — за скобки, короче, перепрятанных вовне — в “штучку”^{*}.

“Гаджет” — таково было имя первой ядерной “штучки”, взорванной американцами в тexasской пустыне. Испытания в окрестностях Аламогордо окрестили “Тринити”, сославшись на гремучий пафос строки “разбей мне сердце, Тринединь Бог...”, принадлежавшей перу настоятеля лондонского собора святого Петра, того самого, колокольный звон которого: дондонн, — равно ввергал в мальстрем паранойи и бесстрашного морского волка Хемингуэя, и тритоноподобного в глубоководном дайвинге Бродского.

Светло-зелёный отсвет полимерных ячеек, покрывающих громадину ЦИРКа, напоминает вовсе не мглистые отсветы днестровских вод, как в том убеждали гимнопевцы и одописцы в своих дифирамбах в адрес Зебула и его детища. Сверкание чешуи гиперболоида по цветовой гамме ближе всего тринититу — минералу, образовавшемуся в момент “штучного” взрыва в тexasской пустыне из сплава кварца и полевого шпата.

ЦИРК весь — как бы око, смотрящее в мир сквозь фасеточный хрусталик из аламогордового стекла.

^{*} Gadget (англ.) — штучка, безделушка, новое приспособление.

Лазерные лучи с гиперболической высоты простираются по окрестностям, как прожекторы средств ПВО или мега-мечи из культовой франшизы, ворошат закоулки и медвежьи углы сумеречных холмов и равнин, потрошат низко облачность, неоновой азбукой Морзе транслируют речитатив — не потому, что от них, мол, темно, а потому что с ними не надо света.

Имели ли эти лучи те же свойства, что красный луч профессора Персикова, превративший Рокковые яйца в роковые, или смертоносный луч инженера Гарина, превративший изобретателя в диктатора США Гарри? Впрочем, никаким изобретателем Гарин не был, идею гиперболоида он украл.

Так и Зебул, верховный правитель и жрец, жрёт чужие идеи, насыщая ими содержание, захватывающее дух. Не он ли утверждал, что ЦИРК на самом деле — воплощённый символ нистрянского виноделия, что сам замысел его возведения вдохновлён исполненным романтики и героизма походом бесстрашных виноградарей, их эпической схваткой с воплощением зла — речным монстром?

И ведь именно монстр, а вернее — его разлагающийся труп, в омерзении выблеванная рекой, указал Зебулу место возведения ЦИРКа.

И разве не в память и честь речного чудовища названа гордость ЦИРКа, жемчужина комплекса гиперболоидных развлечений — аквариум-парк “Зебуларум Лаур-Балаур”, с феерическими водными аттракционами, сёрфинг-волной, а также составленной в виде гигантского и протяжённейшего лабиринта небывалой коллекцией интерьеров мирового океана с аутентичными им обитателями?

Тать чужих мыслей с горкой наполнил ими опрокинутый гранёный стакан, а его сын, Господарь Всенистриянского Празднества с титулом Миротворца, “МС ЦИРКа и не-ЦИРКа”, с самой кромки гиперболоида в мировой микрофон возглашает:

— Не пойман — не зверь!

Господарь торжества без остатка покончил с собой, чудесно-сознательно лучами излив, излучив свою душу:

Поэт — лучина нации.

Из башни слоновой кости, сокрытой в нутре,

Художник излучиной переходит в башню управления обществом,

Выворачивает собственную шкуру наружу мездрой.

Поэт всегда подставляется

(и — всегда подставляет),

Преображая посетителей ЦИРКа в поголовных артистов,

Их бытие — в искусство,

пространство без стен,

день без ночи.

“Море любви” разрушило дамбу между внутренним миром человека и внешним.

Отдёрнут железный занавес.

Зритель канул, и в пене его агонии рождается новая, ослепительно-спасительная красота,

Ибо когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше

Молчания.

И непредвиденным молчаньем вдруг наполняется стакан.

* * *

Затрубили зазывные горны из красной пищевой меди. В превосходную степень возведённые непомерными недрами гиперболоида губки-вишенки, спелые яблоки щёк красных девушек Наф-Наф Доги (в обиходе же — проводниц Дога-девок) кинули мировой клич: “В ЦИРК! В ЦИРК! В ЦИРК!”.

Из багряных клубов меди звенящей, слепящих софитов предъёмы и тьмы алчущих очей репортёров и объективов, из междурядья облачённых лишь в алые галстуки-перевязки горнисток неспешно явился в вепреподобной личине эМСи.

Он выступал босиком, а кроссовки болтались у него на груди, на закинутой за шею перевязи шнурков. Меж кроссовок сияла непомерная цацка, верига: на цепи из червонного золота, размерами и толщиной продолговатых колец похожей на якорную, висел, собственно, якорь — подвеска, спаянная из букв наподобие логотипа:

— ?DOGAGOD?

На кончике сцены, высунутой языком в зрительский амфитеатр, стояло покрытое сусальной чешуёй кресло. Наф-Наф Дога в нём угнездился, считай, утоп: закинул ногу на ногу, выставив на всемирное обозрение босые ступни, поставил на подлокотник бокал — большой стеклянный пузырь, наполненный, судя по кристальной прозрачности содержимого, водой. По пути успел по-свойски, как милый друг, перемигнуться с хроникёршей селебрити-сплетен, светской львицей, помахать ещё одной, потом третьей, аккредитованной в качестве глянцевого колумнистки и в этом качестве призывно блиставшей брюликами в первом ряду.

Но этот и прочие блески, и сияние фотовспышек, наполнявшее амфитеатр, и фотонное море софитов вдруг кануло в маковойный сумрак, безропотно уступив световому потоку, изливавшемуся со сцены.

В жаре горения драгоценных чешуек явленный напоказ вид Наф-Наф Доги источал флюиды умиротворения. Обстановку комфорта не портили рыжим пеклом напиравшие из-за спинки драгоценного Дога-кресла лоскуты меднотельных горнисток. Блики, что били от их горнов, блеск очей, окантованных червонными полумасками, застили зал подобием каминного пламени, что в стужу прогревает нутро и озябшего дома, и разморенных долгожданным теплом гостей.

Дога молчал. Держал паузу, как бы давая понять: валяйте, приобщайтесь к дармовому наслаждению, успеите вкусить. Для полноты домашней картины не хватало, пожалуй, лишь стоптанных тапочек на гигантских — не меньше сорок шестого размера — разлапистых ступнях восседавшего.

Но ноги его были босы, а вместо тапок свисали на грудь кроссовки на шнурках, перекинутых через шею.

— Молчание — золото! — наконец произнёс Наф-Наф Дога. Словно тронул драгоценной булавкой пузырь тишины, и тот, набухший томлением, лопнул. Гул облегчения прокатился по амфитеатру, словно зал, стоявший по стойке “смирно”, наконец дождался команды “вольно”.

— Ведь не зря было сказано: первичный автор облачается в молчание. И кому, как не автору-читчику собственных песен надлежит знать про первичность. Тэча читик! Молчи, как рыба, ибо твоё изначальное молчание воплотится по-разному. Не зря было сказано: “В начале было Слово”. Тэча читик! Словом истекает молчание Наф-Наф Доги, точится речь. Выходит *на вы*, отвечая на вопрос не “что?”, но “каков?”. Речитатив — медоречив? Или медноречив речитатив? Тетива гудит козлиной жилой, наливается речитативом. Тик-так, тик-так! Зов зуммера-метронома заставляет восстать ротозея, вручает читчиково предписание, должное мёдом и медью нарушить молчание. Будит послание граду и миру, бочкой и ложкой — дёготь и миро. Великолепнейший лепится страх: праховый, терракотовый прах. Нет спасенья пользователю от вирусной рассылки, система наведения влечёт оперённые стрелы точно в материнскую плату. Тэча читик. Адресату нет схрона от читчиковой почты. Жмени негасимых корабликов будут пущены в акваторию, устрелят по волнам свой неумолимый бег. Комарихой влекомый фонарик взлетит из шахты и прочертит свою замысловатую траекторию караморы, чтобы сбить с толку и в итоге без зазрения и зазора уколоть малярийной иглой в самое сердце.

Он умолк и вдруг рассмеялся раскатисто, запрокинув голову на спинку кресла, так, что зал, обомлев, разглядел ощеренный под маской исполнительства собственных текстов частокол золотых зубьев. Только тут большинство из гостей обратили внимание, что врепреобразная маска, проще же — харя, закрывала лишь верхнюю половину лица Наф-Наф Доги, на манер богатырского наносника.

— Простите мне смех... — с доверительно-извинительными нотками в голосе рассеянно произнёс Наф-Наф Дога. — Просто зря утруждаете себя

и всех нас фотографированием и видеосъёмкой, совершенно в ЦИРКе излишними. Система скотопической онлайн-ретрансляции ЦИРКа обеспечивает тотальную четкость трёхмерного изображения абсолютной онлайн-ретрансляции и при ярком свете, и в сумерках, и в полной темноте. Все части целого без остатка запечатлеваются воедино. Остановка мгновения неизбывна, ибо оно прекрасно. Настоящее здесь и сейчас, каждую долю миллисекунды, наполняется вечностью, обретает бессмертие. Разве вы не чувствуете, как праздник пропитывает ваше нутро, подобно тому, как инъекция ботокса впрыскивается под кожу, преобразует захламлённый склад старческих складок в белоснежный атлас новобрачного ложа, старательно застеленного и разглаженного миловидной проводницей? Оставь фото-, видеокамеры в мусоросборнике, всяк в ЦИРК идущий. Ибо ЦИРК сам — камера.

Наф-Наф Дога выдержал паузу и вдруг запросто предложил:

— Порешаем задачку?

Тяжёлый палец, точно указка по грифельной доске, в два касания прошёл по спаянным буквам подвески.

— Doga — God??? Ну, теперь вы...

— DO-GA-GOD... — в три слога выдохнул амфитеатр.

— Эй... Стоп... Стоп... — парировал этот коллективный выдох Наф-Наф Дога. — Давайте ещё раз, с начала прочтём условие. Только правильно. И не заглядывать в конец задачника в поисках подсказки! Вопросы... Они живо трепещут. Как хвостики и плавнички золотых рыбок в моём мини-аквариуме...

С этими словами, будто провозглашая тост, он поднял вверх левую руку с бокалом. Стекло сфера, действительно, походила на маленький аквариум в объёме надетой на шуйцу Наф-Наф Доги перчатки — бойцовской, с торчащими пальцами. На внешней её стороне было выведено, как логотип, тем же шрифтом, что и подвеска на цепи:

“?DOGAGOD?”.

Ропот недоумения прошелестел по залу. Бокал до краев наполняла влага, настолько кристально-прозрачная, что он казался пустым. Но рыбки, тем более золотые, в нём отсутствовали.

Дога поднёс сферу к маске-личине-харе и отпил в три протяжённых глотка. Тягучие струйки засосались по вогнутым стенкам опорожнённой сферы, вбирая звенящий блеск меди и кумача, золотую зарю на груди и на кресле Наф-Наф Доги. Заиграли в бокале червонные всполохи, будто и вправду золотые рыбки, попархивая сусальными опахальцами, затеяли в нём догонялки.

Дога крякнул, словно выдул стакан самогонки. Бокал с драгоценной чехардой вернулся обратно на подлокотник, десница в перчатке смачно обтёрла закрытые под наносником губы.

— Вот... Видите? Концы перекладины буквы “А” далеко за краями спасительной крышки-домика. К чему этот риск? Почему бы не сидеть себе “чур, я в домике” и не высовываться? Но она спаивает группы букв одесную и ошую от себя. Как правильно: “спаивает” или “паяет”? Питие или пойло? Пойло! Пойло! Ибо А — та же Альфа, а Альфа — тот же Алеф, который суть — бычья голова. Потому и торчат-выширают рога. Или роги? Короче, потому и с припуском. Собирает разобщение, паяя его воедино. Как гриф единит груды тяжких блинов в единую штангу неподъёмно-победного веса. Перекладина потому ниже пояса, что — несущая, золотой серединой покоится на помосте судьбы. Вот он, канун того самого мига, когда тяжелоатлет раз и навсегда решает сверхзадачу: из точки Альфа, из неподъёмной пучины рывком вознести рекордный вес в точку Омега. В зенит всесветной славы.

Он водил по подвеске пальцем, как указкой — по грифельной доске.

— Вот и вот...То ли молнии, то ли руны, заделанные мастаком-ювелиром. Пользователь, что не в теме, то бишь — чайник, поди примет их за решётки хещ-тегов. Да, будь они восклицательными, быть бы им охранительными решётками, подпирающими высказывание с боков. Чтоб не подступиться. А вопрос, он как титло, размыкает замки. Титла, не водружённые венценосно, а скромно притулившись с боков. Привратники, что нависают огненными секирами над обращающимися. Откуда ни подойди, мимо них не

пройти. Никакой констатации, никакого безоговорочного... Говори, говори, да не заговаривайся. Говори да приговаривай, оговаривай сверх меры. Сплошной оговор — к высшей мере приговор. Ибо что выше титла? А коли оно Пилатово? Пили того, того — милуй. Секир башка, ибо — знаки вопроса. Поэтому — давайте ещё разок. Только теперь — как должно...

И он произнёс, помогая себе бокалом, зажатым в шуйцу, на манер дирижёрской палочки:

— Doga — God?

— Ну... Все вместе... Тэча читик... Три-четыре...

Хрустальная сфера, по размашистой амплитуде качелей качнувшись влево, прочертила обратно вправо траекторию, исполненную червонной чехардой.

Амфитеатр, будто хор первоклашек на уроке чтения, на “раз-два” выдал два слова, спаяв их воедино многоголосым усилием, на излёте возведя интонацию к искомой вопросительной вершине.

Читчик остался доволен. Десница Наф-Наф Доги вздёрнулась вверх. Сжатый кулак демонстрировал залу и миру надпись, нанесённую на внешнюю сторону перчатки.

— Наф-Наф Дога выходит на поединок босым и в перчатках, — начал он разглагольствовать. — Но кроссовки нужны, чтобы как следует подготовиться к бою. Наф-Наф Дога ответственно заявляет: к бою готов. Ибо вот они...

С этими словами МС зацепил и снял через голову висевшие на груди кроссовки.

— Итак, линия “?DOGAGOD?” устремляет свой путь отсюда к вершине всесветной победы!..

Он болтал кроссовками на шнурках перед залом, как парой схваченных за уши испуганных кроликов.

— Видите, на подошве оттиснуто то же: “?DOGAGOD?”. Каждый шаг владельца новейшей модели, вершины дизайнерской и технологической мысли интернационального коллектива обувщиков — концерна компаний, воплощённого не где-нибудь, а здесь, в непризнанной, но непокорённой Нистрени, на Бендерской обувной фабрике, — будет впечатан в прах неизбывным вопросом, той энергией неустанного следования, которая и призвана обеспечить обретение заветной цели — искомой всесветной вершины, ответа на главный вопрос. Но тут ещё одно, загадка, таящаяся в самой загадке. Вернее, одно и то же, не менее важное, чем тщательно зафиксированное впечатление траектории кремниевго пути из точки А в точку Ω... Возвращение. В этом оттисте — залог обретения истинного спасения. А спасение в том, что, добыв руно червонной овечки, должно вернуться домой, пространством и временем полным, чтоб постелить эту шкуру у домашнего очага. Одержавшему верх в ристалище за руку и сердце всесветной невесты, должно везти её в родительский дом, ибо негоже оставаться примаком-приживалом даже в невестиних всесветных хоробах. И тогда впечатление бойцовской поступи сродни ариадниной нити поможет вернуться с добычей домой. И разве кроссовки не суммируют дробь лачуг и дворцов, ярого голода пацанских улиц и отрывивающих устричной изжогой лужаек для гольфа? Да, они объединяют! А посему “?DOGAGOD?” предписывается к немедленному обуванию!

— Это бренд, чтоб вы знали... — икнув, продолжил читчик. — Мы тут, собственно, собрались, чтобы сбрендить и поразглагольствовать. Бренды Доги — телу (десница читчика показала залу кроссовок), душе (бокал в шуйце вознёсся с подлокотника в воздух). Мало бой провести, надо как следует его отпраздновать. Ибо бой — это высшая точка праздника. Дарю вам спойлер*: самое вкусное пойло — вино Победы (он снова приложился к бокалу). А-э-э-ух!.. Йеху-у!.. Назову-ка его “Миорица” — в честь первой наставницы, наушницы-тренерши первого, кто отважился не на жизнь, а на смерть соревноваться за руку и сердце всесветной царицы.

* Спойлер (от англ. — to spoil — “портить”) — преждевременно раскрытая важная информация, касающаяся замысла, которая разрушает задуманную автором интригу, не даёт её пережить самостоятельно и, следовательно, лишает зрителя некоторой части удовольствия от сюжета, чем портит впечатление от него.

“Читчик пьян... Наф-Наф Дога лыка не вяжет... Что у него там в бокале?..” — пошёл по рядам шепоток. Акустика в амфитеатре ЦИРКа была превосходная.

Наф-Наф Дога прервал разглагольствование, словно прислушиваясь. Зал притих.

— А ведь “соревнование” от “ревновать”. Поревнуем совместно?

Он махнул рукой с бокалом так, словно полководец, какой-нибудь Карл XII, сидя в кресле под Полтавой, двинул на битву войска. Поток проводниц, делясь на струи расплавленной меди, устремился по залу. На гуттаперчевых шеях гроздьями висели кроссовки. Подносы, уставленные бокалами, такими же бургундскими пузырями, как у Наф-Наф Доги, сверкали золотоёрыми бликами. Чаша амфитеатра заискрилась, как стенки бокала Наф-Наф Доги.

— Дегустируйте, вкушайте. Ибо хрустальный мрак бокала таит колдовство и спасение. Вино, изготовленное из рыбок — да не простых, а золотых, — дарит эффект обретения золотого руна. Или — чешуи. Энергия чуда преобразуется в чистый этиловый спирт, хранящий чудодейственные свойства. Владычицы морские огненные у вас на посылках. Вкус и послевкусие незамедлительно обрётённого счастья. Поначалу чуть солоно, как слеза Миорицы, но потом...

Читчик опять пригубил, следя, чтобы пользователи тоже пили.

— Потом хочется сладкой жизни. Новизны. Давайте назовём этот мегапродукт “Долли”. Или “DOLLI”. В честь овечки, не канувшей в океан слёз, но вышедшей из мутирующих пучин, подобно Афродите, из пены рождённой. С паршивой овцы — хоть шерсти клок! И ведь “Долли” — “DOLLI” так рифмуется с “I-DOLL”! Вы ведь ещё не в курсе...

Читчик покачал головой, как бы виноватясь перед публикой; а та веселела; напиток пришёлся пользователям явно по вкусу.

— Мы тут собрались насчёт сбрендить и поразглагольствовать. И вот вам пункт первый: линия спортивной обуви “?DOGAGOD?”, линия обуви для физкультуры и спорта, и для бескультурного отдыха на лоне природы и в уличных подворотнях, на все случаи жизни и схватки со смертью, дабы было в чём победно ступить на упрямую шею безоговорочно капитулировавшей. Одним словом — кроссовки. К общему знаменателю приведут не добро, не совесть и нравственный закон, а — кроссовки! Поступь их одинаково хороша для паркета палатцо из чёрной заморской берёзы, или круче того — из красного карагача, который не боится воды и дружит с нечистой силой, и — для загаженного окурками и плевками асфальта бендерского закоулка.

Знаменатель, как ему и должно, под ватерлинией, ниже пояса, оборачиваясь небывалым брендом, атрибутом иконы стиля, сбывчей мечт и знаменем, то бишь — обувкой.

Слова Наф-Наф Доги сопровождались показом ролика, рекламирующею линию спортивной обуви “?DOGAGOD?”.

Окоём амфитеатра и сцены на все 360 градусов обернулся 3D-экраном, с эффектом присутствия транслируя пиршество ассортимента трубящего мегабренда: от пляжных тапочек-сланцев до зимних кед для полярников — бутсы, борцовки, теннисные тапочки, слипоны. Мужские, женские, детские, для бега — спринта, стайерских дистанций, для марафона, забега в ширину, штангетки, высокие — для баскетбола, для верхолазанья, и — для уличных понтов. В потребительском раже — ноги, ноги, а на них — кроссовки, кроссовки, в движении, которое с разных стартов, со всех концов устремилось к началу тремя линиями. Сойдась воедино, троеतिре закружилось и вдруг застыло в упительной статике победного финиша, развернувшись в логотип “?DOGAGOD?”.

— Пункт второй: “Миорица”, она же — бренд “DOLLI”, вино столовое номер “ноль” из напитанной спиртом ювелирной плоти! — молвил Наф-Наф Дога, и по его мановению вновь развернулась непомерной конфетной обёрткой видеопрезентация.

Зал словно канул в пучину ювелирного моря. Мириады рыбёшек косяками червонного золота ходили в чистойшей, как слеза ребёнка, воде, завивали

зал в парчовые пелены, укутывая всё плотнее, так, что неизвестно почему стало трудно дышать.

— Золотые рыбки *Carassius auratus* подвергаются в ледовитый анабиоз, — пояснял читчик. — Процессы жизнедеятельности затормаживаются, прекращается доступ к кислороду, под золотой чешуёй копится молочная кислота.

Так вот оно что! На глазах изумлённого зала струящиеся потоки схватывались и застывали кладкой красновато-жёлтых слитков. Стены, слитые воедино, наваливались и вмуровывали, давили громадой. Зал зароптал.

— Чудо, достойное брака в Кане Галилейской: рыбе молоко по чудьему велению превращается в этанол, — не обращая внимание на охи и возгласы, гнул свою линию Дога. Стынь засветилась, словно омытая изнутри и снаружи чистящим средством. Краснота зачервонела, желтизна засияла сушью, раскрошилась на мириады чешуек-крупниц, икринок-бусинок, забродивших веселяще-шампанскими пузырьками.

— Спиртуозная плоть подвергается дистилляции, дух высвобождается из медного перегонного куба, исполнившись свойством утоленья желаний. Такова в общих чертах технология производства “Миорицы”. Или “Долли”. Или, может, по созвучию со златопёрой жар-птицей: “Жарь-рыба”?! Ибо огонь сей — из... Язык норовил ляпнуть: “польмя”, но нет никакой польньи. Огненная вода истекает из ледовитой тверди. Дистилляцию предваряет процесс подготовки виноматериала. Применяемая тут технология “ice-wine” требует заморозки исходного продукта.

Вихри-сполохи захватили разинувших варежки пользователей, со всех концов тремя линиями понесли к одной точке. Сойдясь воедино, троетире закружилось и вдруг разом осело на стенках чаши амфитеатра дрожащими каплями-пузырьками, которые то собирались в надпись “МИОРИЦА”, то стекали до “DOLL”, то сгущались в “Жарь-рыбу”, которая словно изжаривалась до трёх рёберных косточек — метко схваченного тремя росчерками схематического изображения рыбки.

— А теперь пункт третий: ЦИРК в лице (и личине!) его МС — Наф-Наф Доги презентует новую линию проводниц на концептуальной платформе “Intellectual Doll”*, в сокращении — “I-DOLL”, а по-нашему: “ай-долли”. Плод транснационального сотрудничества на почве новаций, нано- и свертехнологий нистрианского ЦИРКа, российского Сколково, китайского Чжуньюаньцзуна, североамериканских Кремниевой и, главное, Долины Сердечной Услады в Сан-Фернандо, иначе же — Силиконовой. Плантаторы имплантантов превзошли сами себя. Разработчикам из Чатсворта и Каного Парка удалось достичь невозможного: абсолютной степени физического и поведенческого мимесиса. Отныне проводницы ЦИРКа в потакании клиенту обладают способностями сверхпроводимости. Сенсорное считывание пристрастий, морально-нравственного уровня и IQ, автономная подстройка под вкусы и прихоти. Ай-долли не врут, ибо преданы, вне зависимости от того, в какой ипостаси — раболепной исполнительницы воли повелителя, равноправной подруги или стервозной мегеры — по запросу клиента они выступают. Собственно, вот они, плоды, достигшие спелости, червонные статью и чревом, собраны в корзине амфитеатра. Вкушайте и пользуйтесь, оценивайте труд разработчиков в полной мере. Каково это, а? — сверхспособности сверхпроводниц у вас на посылках?

Зритель ждал очередного умопомрачительного видео, но вместо кино устроитель предложил реалиги-действие.

Наф-Наф Дога вскочил с кресла, отшвырнув его в сторону, и оно, тяжёлое, загромыхав по сцене, отлетело, как детсадовский стульчик.

— Медный куб раскалён! Да — дистилляции! Уготованное уксусу, порче и гибели по капле выдавливают раба, преображаясь в нектар чистоты. Градус на выходе настолько высок, что способен парить, теряя способность портиться!

— То, что раньше накрывалось медным тазом, связалось медным бантом! Разве горн, что трубит, впечатанный в губки ЦИРКовой сверхпроводницы,

* Кукла, наделённая интеллектом (англ.).

не тот самый бантик?! Отныне, ухватив за концы пространство и время, ЦИРК вяжет сюжет истории медным речным узлом!

Не горнило горнов, но тугоплавкое горло горнисток “ай-долли”! Ибо не сверхпроводницы уподоблены флейтам и трубам, а наоборот. Такова их плотью оплаченная, полная сладости доля. Тело поющее и есть изначальный амбушюр, музыкальный инструмент как таковой. Ай-долли уподоблена флуэру, костяной дудочке, своим “ай-люли” увязывая в триединство пространство, время и пользователя. Ибо плоть — от места и жизни, а кость — от сроков и вечности. Взимай плату плотью, дабы дистиллят незамутнённой слезинкой был восхищён! И медь вострубит о победе!..

Презентация брендов венчалась концертной феерией. Амфитеатр кружило гигантским кумулятивным веретеном, исполненным горних сияний и восхищения сознания, меркнувшего в воронке “Зебулариума”, откуда встречу, на противоходе стремительно поднималось к поверхности неизбывное празднество.

Наф-Наф Дога начитывал и уже полюбившиеся миллионам, да что там — десяткам миллионов слушателей и пользователей во всем мире хиты, и новые, здесь и сейчас, вкуче с брендами Наф-Наф Доги явленные миру композиции.

В качестве интро слоновьей поступью фанфар прошествовал “Марш Черномора”. Нутряной тревогой будоражила тема собаки Баскервилей маэстро Дашкевича — неизбывная в выступлениях Доги, пронзительно исполняемая на флейтах, валторнах и флуэрах, предмет долгого судебного разбирательства с автором композиции.

Трубила, резонируя в исподних полостях, скрежетом зажатых в тормозные колодки колёс паровоза по рельсам выворачивала нервы и чувства наружу “Реальная Анна” — произведение, созданное специально к релизу линии спортивной обуви “?DOGAGOD?”, спиртосодержащего утешителя желаний “Миорица” и сверхпроводящей digital-модели* “ай-долли”.

Текст читчика был положен на музыку амеробарбадосской певицы Лианны. Вернее же — слиянно возлёг на нее, будто дело происходило не в “Зебулариуме”, а на ложе, мерцающем страстью смугло-нежного тела. Впечатлённые представители и особенно представительницы масс-медиа не замедлили чутко отреагировать на один раз увиденный, во всеулышание переименовав использованный в “Реальной Анне” мотив одного из известнейших хитов топ- и поп-исполнительницы: “Pop de replay” — в “Porn...” и дальше по тексту.

Читчик искусно дирижировал навалом звуковых валов. Если и был он пьян, то на уровне вещания и исполнения это не отразилось ни капельки, красноречиво продемонстрировав уровень исполнительского мастерства и профессионализма. Как говорится, призвание не пропьёшь.

Наф-Наф Дога умело контролировал хариусов своего опьянения, направлял их в русло творческого нереста и спиртуозной харизмы. Он вошёл в раж и был в ударе. В рожу мира сего летел окутанный медью звучащей бесстрашный ключ читчика. Непомерное дерзновение выказывалось одним уже тем, что мир сей был стар, от времени оно, и молодчик посмел возвысить глас (и поднять руку!) на старого, выказывая тем самым явное непочтение к ветхим его годам.

Впрочем, миру сему, старому, но не немощному, лукаво неуязвимому в хитроумной своей безликости, не привыкать юлить, заплетая восьмёрки и кольца Мёбиуса, уходя от прямой честной схватки, изматывая противника, доводя храбреца до той стадии, когда, подобно всеильному Святогору, сам себя добрый молодец изнурит, сожрёт, обглодает избытком своей глуповатой удали. Мир, как дряхлый, но упертый змей, изгалялся под пение Доги, как под дудку факира, будто и вправду был загипнотизирован его оголтело жгущим глаголом.

* Digital — использование цифровых технологий как основы приёмов и методов при продвижении и сбыте товаров и услуг для привлечения потенциальных пользователей и удержания их в качестве потребителей.

Глагол Наф-Наф Доги изгалялся и жёл, возглашал, что, прах отряхнув, горнилом очищен, что сивуха выведена за пределы ЦИРКа, “в не-ЦИРК!”, и тот обречён втягивать чахлой дышалкой прах, смог, вздор и чепуху. *Гиль*, одним словом! Таков не-ЦИРКа удел: выковыривать грязь из ноздрей.

И тут Наф-Наф Дога вдруг возвестил о запуске приложения всеобъемлющей помощи страждущим.

DOGA-DOPOMOGA

Все-то думали, что презентация кончилась и начался праздник. А тут вдруг это приложение — словно обух на расслабленные мозги! Наф-Наф Дога предьявил его, как заветный козырь, что скрывал до поры, с нечеловеческим долготерпением оттягивая миг лишь ему одному известной кульминации.

— ДОГА-ДОПОМОГА спасает всех и каждого!!

И — “спасёт!” — без обиняков заверял читчик. Любые вопросы, печали и чаяния будут утолены и, как следствие, — удалены в режиме времени столь же реального, насколько реальна Анна в новом хите Наф-Наф Доги.

Залогом завета служит тот факт, что приложение “Дога-Допомога” поддерживают все версии Android, равно как и мобильные операторы контентов стран четырёх (плюс один) континентов. Тотальная совместимость обуславливает абсолют общего знаменателя. Максимальную функциональную эффективность обеспечивает тотальная соотнесённость приложения “Дога-Допомога” с разворачиваемой сетью “ай-долли”. Возможно даже говорить о степени органической встроенности, которая размывает и практически исключает наличие интерфейса, обычно возникающего в подобной киберприменительной практике.

В приложении “Дога-Допомога” не будет тех, кто взывал о помощи и остался без ответа. Кто был позвонившим, станет дозволившимся. И станут обратившиеся обращёнными! Глас вопиющего будет услышан. Но этого мало. Сверх того “Дога-Допомога” гарантирует: на каждый вопрос — исчерпывающий ответ. Сверхпроводницы “ай-долли” измерят и взвесят проблему каждого позвонившего, воздадут в должной и необходимой мере, оказав всемерную поддержку, включая её психологическую и материальную составляющую.

Наконец, соль завета: приложение предполагает благо от первого лица — лично Договору допомогу. Как такое возможно? Осилит ли читчик, такой занятой торец-исполнитель и МС-распорядитель? Возможно! Осилит, ибо МС ЦИРКа и не-ЦИРКа всеобъемлющ в стремлении создавать для всех и для каждого. А создание подразумевает со-творчество, сопричастное бытие в периметре ЦИРКа и за гранью его увенчанных троетирием пределов.

Итак, отныне в каждом планшете, смартфоне и мало-мальски задрипанном гаджете дубликатом заветного SOSa — канал прямой связи, неразрывной, не в пример службе 911 эффективной и молниеносной, — спасительное приложение:

DOGA-DOPOMOGA.

Царственным рыком пронизывал клич Наф-Наф Доги бескрайние информационные просторы, и те немели от благоговейного ужаса, сотряслись в ледовитом ознобе от трепетного предвкушения грядущего пиршественного зрелища, словно нестройные ряды супостата пред богатырским кличем ясноликого витязя, что борзо гарцует пред лицом несметного чудища поганого, зазывая на бой басурманского удальца.

Лик Наф-Наф Доги в тот миг, когда он бросал перчатку вызова на баттл, окутывала непроглядная завеса в виде капюшона и рьяльной маски. Но не являл ли капюшон его толстовки в судьбоносный момент всесветного трубного клича подобие богатырского шлема и бармицы — чешуйчатой сетки, прикрывающей шею от стрел супостата? Не являлась ли маска поэта-читчика подобием воина-носника или же, говоря по-старинному — *личины*, а если ещё проще, по-простонародному — *хари*?

Саднила в этом рыке готового к битве Доги нотка беспомощности, едва уловимая, но тем не менее ничем её было не свести. Ибо читчик вызывал на бой весь мир, а следовательно, клич его был отправлен без адреса.

Поди найди дурачка, который вознамерится в здравом рассудке и ясной памяти подставиться под поезд. Другое дело, найти беспамятного безумца.

Кто ищет, всегда найдёт. “Эй, богатырь, ты кто? — Никто! — А звать тебя как? — Никак!”

6. Роса

— Слова идут с бумаги и через глаза попадают в мою голову, а потом мои губы передают их тебе. Вот откуда они идут.

— Как охотник глядит на следы на снегу и говорит, что тут было то, а тут — это, так и ты глядишь на бумагу и говоришь, что здесь то, а там — это, и что всё это сделал старый Имбер?

Лига стариков

В Христофоровке пропала девочка. Симона Караиванченко вышла из дома в 08.30 и направилась на утреннюю воскресную службу в расположенный поблизости, в урочище Калагур, монастырь, известный соседством своим с древними скальными пещерами. Служба закончилась в девять утра. Свидетели видели, как несовершеннолетняя ушла с территории храма в неизвестном направлении, и до настоящего времени её местонахождение неизвестно.

— Ничего страшного: нагуляется — вернётся... — набрав воздуха, веско произнесла тётя Зоя и только после выдохнула. — Не зря вон и про пещеры сказано. Может, зашла и заблудилась.

— Гляди: и портрет...

— Лерка, дай же ж мени подивитися... — нетерпеливо запрочитала баба Аня.

— Да что тебе “дай”, с твоими диоптриями... — съязвила тётя Зоя, довольная, что первая высказалась по поводу новости, принесённой на хвосте Леркой Ветчаниновой.

— А у самой чи не диоптрии? Вона яки два аквариума...

— Может, и аквариум, да только со знаком плюс. А у тебя “минус”. Всё равно ничего не разберёшь...

— Да не рвите, успеете все посмотреть... — призвала хозяйка газеты. — Говорю же, не моя газета. В совете дадена. Митрич с утра как раз был, разрешил позаимствовать, но с возвратом. Так и говорит: “Лерочка, с возвратом!” — а потом добавляет: “Или с возвратом?” Шутник!.. Так что вернуть надо в целости. Репетиция нынче в 15.00. И вы приходите.

— Что за репетиция такая? — спросила тётя Зоя, передавая газету бабе Ане.

— Как что? “Нистряночка” наша, в полном составе. И Антон Валерьянович, и весь *кол-лек-тив!*..

Последнее слово Лерка произнесла вразрядку, ударяя на каждый слог. Ветчанинова была добычица новостей и активистка. Вообще-то она была швея и всю жизнь проработала на швейной фабрике имени 40 лет ВЛКСМ. Родную фабрику, в послесоветские годы переодетую в “Одему”, Лерка именвала строго по-старому, как форму воздаяния безмерного пиетета по отношению к эпохе легендарного директора фабрики коммунистического труда Соловьёвой. Зарю своей биографии, собственно и осветившую горнилом общественной деятельности, точно прожектором, всю следом прочерченную траекторию Леркиной судьбы, та характеризовала коротко: “Жили при коммунизме”.

В послужном списке Ветчанинова имела самое деятельное участие в исторических акциях женского забасткома, как то: сидение на бендерских рельсах в сентябре 1991 года, готовка борща в окопах гвардейцев на Кошницком направлении в апреле 1992 года, исполнение обязанностей санинструктора в Бендерах в последней декаде июня того же 1992-го и даже непосредственное участие в “живом щите”, выставленном из числа бесстрашных нистрянских валькирий на Парадизовском аэродроме, дабы заблокировать взлётно-посадочную полосу и не дать приземлиться транспортному борту с вновь назначенным командующим и тем самым не дать стать на крыло командарму Лебедю.

После, когда, уже отстояв мир на Днестре, женский забастком начал делиться, а её соратницы — ссориться, в разборках и дрызгах активного участия не принимала (хотя руку на пульсе держала) в силу того, что ушла с головой в жизнь личную, встретив в кроватке 92-м Сашка Ветчанинова.

Причём встретились они дважды: сначала под Кошницей, на гвардейских позициях, где Лерка занималась стряпнёй и на Сашка даже не обратила внимание. Гвардейцев была целая рота, а за ней ухаживал тогда ротный Саблюк, и она ему отвечала взаимностью. Через две недели произвели ротацию, и гвардейцев сменили бойцы ТСО, а для них варить борщ Лерке стало неинтересно, стала стряпню недосаливать, чем вызвала нарекания со стороны личного состава и в особенности командиры подразделения ТСОшников, и в итоге, ничуть не расстроившись, вернулась обратно в Парадизовск, активнейшим образом включившись в акции забасткома по пикетированию российской инженерно-сапёрной части в Парканах с целью добиться предоставления оружия и боеприпасов для защитников Нистрени, сидевших на тот момент по постам и окопам с арматурами и монтировками и одним АК-47 с одним рожком на пятерых.

Через неполных два месяца они встретились снова в прожаренных зноём и смерти Бендерах. Сашка, контуженного, с залитой кровью штаниной, принесил в плащ-палатке, оставил на полу вместе с другими, стонущими, ворочавшимися в бреду, застывшими в неподвижности навсегда, и он всё просил: “Пить, сестрёнка... пить!” — и жадно сушил в два глотка кружку за кружкой, и кажется, не мог напиться, а когда, наконец, перестал, сказал вдруг: “Лера, будьте моей женой”.

Он её сразу узнал. Мало того, оказалось, что с Кошницы он был в неё влюблён. От Сашка Лерка узнала, что Саблюк, их ротный, погиб от вражеской снайперской пули на следующий же день, как они вошли в затянутый запахом гари город.

С этой встречи Лерка и Сашок уже не расставались до самой смерти Сашка от большой печени. Сашок был разведённый, от первой жены был сын Валерка. От Сашка взяла фамилию, сама до двадцати пяти лет исправно проходила под своей девичьей — Валерия Жосан.

С пасынком она ладила, звала его Тёзка, а тот её — мамка Лерка. Впрочем, все её звали Лерка, уже и когда добралась она до пенсии, за год до того схоронив своего бедового гвардейца. Иногда только Сашок обращался к жене без сантиментов, привычной игривости и уменьшительной ласки. Случалось это в те частые времена помрачения, когда он запоями лечил неизбывную головную боль и ночные кошмары, и в ходе совместного с супружницей и однополчанами распития спиртных напитков принимался вспоминать светлой памяти ротного Саблюка, а после скандалить и драться, в том числе и в отношении Лерки. Вот тогда-то, выпуская, словно выстрел из одноразового гранатомета “мухи”, свой тяжёлый кулак по жене, он её выкликал сурово и строго: “Валера!”

Союз нистрянских защитников, надо сказать им спасибо, помог с организацией похорон, равно как и женский забастком. К тому времени, надо сказать, и те, и другие превратились в авторитетные и многочисленные общественные организации, пользующиеся у народа и во властных структурах заслуженным уважением и льготами.

Эта-та многолюдность более всего сбивала Лерку с толку. Сашок её вот ушёл, незадолго перед тем умер безрукий Степчук, следом вот Миша Цуркан, Мариночка Урсу, с которой они вместе сидели на рельсах.

Участники боевых действий, реальных событий уходили один за другим, а количество членов героических организаций только увеличивалось. Валерка Саньч, выучившись в строительном техникуме, подался в Петербург, работает там в строительной компании по возведению монолитных многоквартирных жилищных корпусов, уже вот паспорт внутренний сделал, звонит раз в полгода “мамке Лерке”.

Вновь потянуло Лерку Ветчанинову “в народ”, в сутолоку общественной жизни. Выпростался вдруг из наслоений, словно никуда и не девался, забивший ключом на заре её швейной юности комсомольский задор.

Верная славному прошлому, она и нынче не унывала, впрочем, с некоторыми коррективами: упор делала на искусство, силы и предпочтения отдавая участию в заслуженном коллективе Парадизовского отделения Всенистриянского Совета ветеранов вооружённых сил (ПО ВС ВВС) — в образцовом хоре “Нистрияночка” под управлением отличника нистриянской культуры Антона Валерьяновича Пуццепрежного.

А ведь зная, что петь она горазда, зазывали её и в другие лакомые места: и в Союз нистриянских защитников, и в родной забастком, вернее же, в оба нынешних забасткома, отпочковавшиеся ещё в девяностые от прежде единого. И даже в безголосую эту “Сударушку”, где верховодит эта размалёванная, как буфетчица, ни слуха, ни голоса, гримза Ведина.

Лерка оглядела себя спереди, оправила платье на груди и коленях и с жаром произнесла:

— В костюмах будем. Выход отрабатывать. Отборочный же тур вот-вот, на носу!..

С этими словами она стала нещадно чесать свой вдавленный нос. Нос ей сломал Сашок в одной из перебранок, ещё когда они только начали жить вместе, и теперь всегда нещадно зудел, когда она вдруг начинала волноваться.

— А и, справди, бабоньки, красуна... Ох, спаси, Господи!.. — пристально посмотрев в газету, выдохнула и перекрестилась баба Аня.

— Ага, именно, что — прости Господи... — веско сказала тётя Зоя. — Нашастаютея, а потом являютея: здрасьте-пожалета, я, мама, пришла, да не сама, а ещё в подоле принесла...

— Зойка, молчи уж... Пишут же вот: “Несовершеннолетняя отличница... Ранее девочка из дома не уходила”, — произнесла Фроловна.

Настала, наконец, её очередь рассматривать фото в газете.

— Ну да, *девочка*... Раньше не уходила, а теперь, стало быть, пришла пора.

— Зря ты, Зоя... Сказано же: “Приметы: на вид 13-14 лет. Была одета: серая болоньевая куртка длиной до колен с капюшоном (как на фото), серая шапка, брюки тёмного цвета. Была обута: демисезонные сапоги 39 размера чёрного цвета с невысоким каблуком”. Вишь, черным по белому: 13-14 лет. Стало быть, ребёнок.

— Ага, *ребёнок*... А тут, вишь, и *куртка с капюшоном*, и *сапоги с каблуком*... Всё у них, вишь, имеется, от того и бесятся...

— Зоя, что ж, дитю раздетым ходить?

— Да мне, вишь, сапоги первые только на двадцать лет купили. Как зарплату на Ткаченко получила. Папа с мамой, Царствие им Небесное, добавили. Как сейчас помню, югославские. Я в их лет шесть ходила. Ох, ноженьки мои... Вот были ноженьки... Весь завод Ткаченко заглядывался на эти ноженьки... А тут: *тринадцать лет*... Да у Алёнки бабы Аниной 38-й размер, а ейная Настька — внучка Анина старшая — уже школу заканчивает.

— Вот за Настьку и думаю... — закачала головой баба Аня. — Нога-то у неё бильше мамкиной, а думками: дитё дитём.

— Это она в отца, — подхватила Ветчанинова. — У Сашки, зятя твоего, — чисто ласты, а не ступни. Я ить, когда провожали его на заработки, говорю ему: “Гляди, Саня, будь осторожен там в Норильске, там снега много, осторожно ходи, в сугроб не свались”. А зятёк твой ножищу свою из-под стола выставил и говорит: “Не бойсь, Лерка, не свалюсь. Мне с моей лапой и лыжи не нужны”. Сашка твой — что мой Сашок в молодости. И звать так же, и такой же весёлый. Только у моего нога малость поменьше была, не такая ласта. Эх, кабы Сашок мой не пил...

— А зять мой и не пьёт, — с гордостью ответила баба Аня.

— Ну да, а на провожанке забыла, как под твою селёдку горилка шла?

— Так то за столом... А в запое ни разу Саша не бывал... — сказав это, баба Аня снова перекрестилась и тут же добавила:

— Что селёдка... Алёнка вон всего сколько наготовила! Как Саша уехал, а мы три дня ещё всё ели...

— А то мы не помним... — согласилась Лерка под одобрительные кивки тётя Зои и Фроловны.

— Не забывает хоть?.. — спросила Ветчанинова. — Мне вот тёзка мой звонит. Правда, раз в полгода. А мне что: жив-здоров, и слава Богу. Строят и строят. Шас, говорит, небоскрёб ведут... А ты, баба Аня, так и не сказала, как селёдку солила. Вкусная на провожании селёдка у тебя была...

— Так то ж не я солила, а Алёнка солила... Каждый месяц перевод ей шлёт... — с гордостью ответила баба Аня. — Вот Настька закончит, дай Бог, поступать будет, в Москву или ещё куда в Россию. Всё ж папка там. Алёнку хочет забрать с малым.

Тут она вдруг посерьёзнела, выдохнула тяжело и перекрестилась.

— Дай-то Бог... Чтоб получилось у них.

— Как же уедут, а тебя оставят? — спросила тётя Зоя.

Вздыхнув, баба Аня отмахнулась газетой и тыльной стороной ладони отёрла пучки мелких-мелких морщин за дужками тяжёлых очков.

— Тяжело им порознь. Я ж вижу, как они в интернате кажный Божий день в воскресенье друг в дружку глядятся. И Алёнка тут с двумя, ещё Настька в выпускном классе...

— В каком ещё интернате?

— Ну, в этом, в скайпе. Спать-то надо. Я спрашиваю: чего не идёте во двор, погода какая. А Алёнка с Настькой хором: скайп, у нас сегодня скайп. Торчат в экран, “с папкой разговаривают”. Толик, тот молодец, по-быстрому: привет-пока и на улицу. А эти сидят — не отодрать. И Настька, вишь, готова хоть весь день сидеть. Скучает сильно за отцом. Если тот в смену на заводе своём попадает на воскресенье, так та черней тучи ходит.

— То-то и оно... — веско подхватила тётя Зоя. — Все они так: поперву звонят, деньги шлют...

— Знаешь, как он там вкалывает? У него там испытательный срок ещё, началству надо себя показать... — не согласилась баба Аня.

— Ага, так-то оно так, — поддержала тётя Зоину линию Ветчанинова. — А потом глядишь — он уже себе кралю нашёл какую-нибудь, и ладно из местных, а то своя же, нистрянская, с какой-нибудь Суклеи или Ближнего Хутора, за лучшей жизнью наострилась.

— Мелешь ты, Лерка... — насупилась баба Аня.

— Да что я мелю? Вон у Митрича младший подался за длинным рублём, на маршрутке работал, потом в охране в Подмосковье, в супермаркете. Так и сошёлся там с одной: на кассе сидела. А сама из Суклеи! Вон как бывает. Ну и что? А у него тут жена и дитё малое. Тоже слал сначала деньги, а после — всё. И главное Галка его — баба собой видная и хозяйственная. А ребёнка кормить надо. Хотя у Митрича и пенсия военная, а на шею у свёкра сидеть не пожелала. Как малой в первый класс пошёл, в башню подалась, в ЦИРКе работает, должность имеет в *системе снабжения*. Домой только на выходные является, работы, говорит, невпроворот. Зато малому ни в чём отказа нет. Телефон, вишь, купила ему за пять тыщ. По виду — как ломтик хлеба, а в нём и телевизор, и игры, и с мамкой можно говорить. И отец на связь выходит. Только, Митрич говорит, так, чтобы Галка не знала. Сильно она на мужа своего зло держит.

— Да уж, *отказа*... — вздохнула Фроловна. — Нынче, вишь, как: в башню, как в баню.

— А в бане нечто плохо, а, Фроловна?

— Хорошо, чтобы грязь соскоблить. А так чего хорошего? Батька за тыщу километров, Бог знает с кем, матка раз в неделю, как в детдом, приезжает. А с дитём через корочку хлеба говорят. А у дитя кто спросит, ему какво?

— Дед за внуком присматривает.

— Это который Митрич? Из совета ветеранов?

— Ну да... Он, считай, как мой Сашок, только отставной из вооружённых сил. Они и на рыбалку вместе ходили. А нынче и не ходит. У него, говорит, вся страсть в общественную работу перешла.

— То-то и оно, — показала головой Фроловна. — Он теперича из совета ветеранов своего не вылазит. Как ни приду, постоянно там торчит. Позавчерась спевка хора была в клубе, а эти, совет, собрались на заднем ряду и — бу-бу-бу, бу-бу-бу. Антон Валерьяныч даже замечание делал им: мол,

шумно, мешает репетировать. Так чуть до драки не дошло. Оскорбили его, и Митрич твой хорош... Валерьянкой его обозвал...

— Пусть твой Пущепрежний жертву из себя не строит. Он хоть и отличный культуры, и на баяне играет, а вот, чтоб отстоять коллектив, в обиду не дать, тут у него слабина на слабине. И Тетырчев туда же. И совет не *свой*, а *наш*! И хор — соответственно. Да нас бы уже “Сударушка” с её Ведьминой клятвой уели давно, кабы не Митрич. Об нём же радеют, об хоре вашем. У них ить серьёзное дело... — с жаром заступилась Ветчанинова.

Больше всего Лерку взбудоражило то, что баба Аня приписала к ней Митрича.

— Охранители эти, будь неладны, в конкурсе заявку задним числом подстроили и свой хор поперёд нашего вписали, — терпеливо, но настойчиво разъясняла она, нещадно шкрябая ногтями по носу. Она начала делать маникюр с тех пор, как график репетиций перешёл в ежедневный режим. — Таперича их шансы на смотре не в пример нашего выросли. Вот совет и решал, как справедливость восстановить, а обидчиков проучить, чтоб неповадно было.

— Это какие охранители?

— Ну, эти, из Совета ветеранов правоохранительных органов.

— Силу они что-то взяли чересчур наглую... — согласилась баба Аня. — Ведут себя, как хозяева.

— Вот и Митрич, и другие в совете так говорят. Зажимают всех прочих. Это всё от того, что верховный сам из правоохранителей и, мол, своим благоволит, так им теперь все печеньки, кисельные берега да молочные реки — и наборы продуктовые ко всем праздникам, и льготы персональные, и жюри подсуживает где ни попадя. Можно ли мириться? Наши говорят — нельзя... А нынче же на носу отборочный тур.

— Какой отборочный тур?

— Вечно ты, Фроловна, будто только на свет народилась. Я ж кому разъясняла только что?

— Да ты не митингуй... — осадила её Фроловна. — Ещё раз разъясни. Только без горлопанства.

— Какой тур? Такой — отборочный... — сбавив тон, ответила Лерка. — Для хора нашего. “Битва...” же “...хоров” идёт, причем не на жизнь, а на смерть. И Митрич так говорит: “Не на жизнь, а на смерть!” И Валерьяныч ему кивает, и прочие подакивают. И сам Тетырчев соглашается. Или вы не в курсе, что по всей Нистрени конкурс среди ветеранских организаций — “Битва хоров”? И что мы с нашими “Нистряночками” — наипервейшие претенденты. Совсем вы от общественности и коллектива оторвались. Всё печёшься об своих, пирожки им печёшь и соли подтираешь.

— Не хуже твоего знаю про “Битву...”-то. Это кто ж вам такое сказал, что ваши “Нистряночки” наипервейшие?

— Да все говорят. Хоть и Митрича слово...

— А Митрич у вас ещё и за музыковеда?

— Так и говорит: “Ничего, бабочки-нистрияночки. Нам бы день продержаться, да ночь простоять! Особенно ночью!..” Это он, значит, “нистрияночек” и “ночки” обыгрывает. И многозначительно так говорит, бровями своими кустистыми так поигрывает, что у нас у всех аж горячо в грудях становится... А он пуще прежнего, значит, вещает: “Как вдарим “Нистряночками” по безголовым этим “сурдо-старушкам” — мокрое место останется!” Это, значит, он “Сударушек” имел в виду, из СВОПРа*. Мол, голоса у них нет настолько, что им только на пальцах изъясняться. Как сурдопереводчицам...

— Да поняли мы, чай, не совсем дремучие...

— А я вот не поняла, что за сурдо... Мне вот спасибо, что растолковала...

— Да ты, Фроловна, и правда, что дремучая...

— Да ты на себя, Зойка, глянь. Сама, небось, ни черта не поняла, а умничаешь...

— Ладно вам ссориться... — властно осадила спорщиц Ветчанинова. — Главное ведь прочие: “Черноморочка” там из ПКНН, “Нистрянский настрой”

* СВОПР — Союз ветеранов охраны правопорядка.

из СЗН — те нашей “Нистряночке” не чета и не конкуренты. Ни костюмов, ни голосов, ни рожи, ни кожи. Не зря, вишь, одних пуканками, а тех — сазанами кличут. Это значит, от ПКНК и СЗН. Это Митрич надумал. И он, и Валерьяныч считают, что мы на голову впереди, а те без шансов. И Тетьрчев согласен. А вот “ударушки” — эти да... Жюри, вишь, сплошь из управления культуры, а там главная Букина, которая замужем за замначальника УВД, а тот с председателем СВОПРа на охоту ходит. Да и Вединая, худручка “Сударушек” — та ещё ведьма. Одна фамилия чего стоит. И Митрич говорит: говорящая фамилия — от “Ведьмина”. Сказывают, мужика-то своего живьём на тот свет отравила.

— Как так — живьём?

— А вот так: мужик её под каблуком у неё сидел, ни полслова против, сам из ППСников, из каменской Валя-Адынкэ родом, так всю пенсию ей приносил. Так та матери его не давала помогать, какие-то крохи выдавала. А тот и рад, без ума, говорят был от своей Анжелочки, хотя та его старше на три года и страхолюдина. Зато шибко умела одним местом работать. А как мать померла, так заставила продать дом родительский, хотя муж не хотел. А квартиру ему по выслуге дали, так эту приватизировали, добавили от продажи дома и двушку купили на Федько, с видом на Днестр, значит. Вообще зажила барыней. А что, детей нет. Только и знала, что фуфыриться. Сама всё только на общественной работе. В “Нистряночку” ж поначалу пришла тише воды и ниже травы. Тогда ещё Томка руководила хором-то. Так у той музыкальное образование, у той голос. А эта Ведьмина стала ей козни строить, по нарастающей. С головой и чёрт знает с чем в культурную деятельность, значит, окунулась, обретя самую горячую поддержку, значит, в лице Хавченецкого, который в вечных замах в СВОПРе сидит лет уже с двадцать и который в аккурат тогда жинку свою схоронил и вдовым соколом на новобранную “нистрияночку” и озирается. Муж Вединой тухатухой, да стал, видимо, что-то подозревать, пить стал горькую. Та его с глаз долой и спровадила: поезжай, говорит, милый, на заработки, ты ить привык охранять мир и покой граждан, оттого и куксишься, нет достойного применения светлой твоей натуры. Отправился бедолага подмосковные дачи стеречь. А эта, прости Господи, супружница совсем волю взяла, в открытую стала с Хавченецким жить на восьмом этаже с видом на Днестр, а муженька под всяким предлогом от дома отваживать. Даже пару раз говорят, сама к нему ездила. Так, вишь, года три прошло, и тут он приехал. Звонит, значит, в дверь собственной квартиры с видом на реку, а оттуда тянет вкусно так котлетным духом, которые только Анжелочка его умеет жарить. Открывает ему в майке и трусах старый его товарищ и друг Эдик Хавченецкий, глядит на него молча, словно не признал, а после зовёт: “Ангелиночка, иди сюда, тут *пришли*”. А сам стоит, как бы загораживая вход в квартиру. И только когда Анжелочка подошла, вернее, выпорхнула из коридорного полумрака в пеньюаре на телеса, словно заступив место в карауле, убрался в квартирную глубь. А та смотрит на мужа своего, словно впервые его видит. “Анже... Анжелочка!.. Зд... здравствуй! Это же... я, муж твой!” — ей, сбиваясь, лепечет, ничего ещё толком с дальней дороги не соображая. Ведь это он так всегда называл ненаглядную, беззаветно любимую супружницу: “Анжелочка”. А та ему отвечает: “Мой муж Эдуард Олегович. И я вам никакая не Анжелочка, а Ангелина Альбертовна. А вы уже шесть месяцев, как умерший. Соответствующее постановление суда ещё в марте вышло по поданному мной иску, с соблюдением всех процедур в очерёдности, с официальным запросом и объявлением в розыск, признанием по суду навечно выжившим, то есть умершим, с возможностью прекращения брака и оформления выписки из квартиры и переоформления жилплощади. Так что вашего тут ничего нет — ни жены, ни квартиры, и притязать вы ни на что не можете. Потому что и вас самого как бы нет”. И суёт ему под нос номер “Нистрянских сведений”, значит, где чёрным по белому в рубрике “Объявления” пишут, что, мол, такой-то-такой-то признан безвременно умершим, согласно постановлению Парадизовского суда, рассмотренному по заявлению такой-то-такой-то, официально признанной скорбящей вдовой, с наделинием

гражданки такой-то всеми вытекающими имущественными и гражданскими правами.

— А дальше-то что? — не утерпела Фроловна.

— А что? Кинулся новопреставленный с этой газеткой туда-сюда. А во всех инстанциях пожали плечами и развели руками. Против суда не по-прёшь. Вернее, попересть попытаться бы можно было. Да силёнки надо и, главное, деньги. Отговорили знакомые, отсоветовали: мол, не связывайся с этой стервой, себе дорожке будет. Митрич сказывал, Хавченецкий помог лахудре повернуть, а у того и в судах, и в нотариусах все свои.

— Так она, вишь, по мужу Веди́на, или как? Или Хавченецкая? — спросила тётя Зоя.

— Не разберёшь её, по ком... — с запальчивым презрением ответила Лерка. — Эдика она точно в квартиру вписала, но так вроде и не расписались. А Вединой все её знают. Так и зовут — Вединой.

— И куда муж, умерший-то?..

— Муж объелся груш. Да разное говорят: что назад уехал, в Подмоскowie, другие — что на родину вернулся, в село. Мол, родственница у него там, сестра троюродная, чи шо... Кто-то сказывал: на Киевском вокзале бомжует. Вот ведь с каким злом нам выпало в битве сойтись. Но ничего, правда и талант на нашей стороне. Сколько воронью этому ни каркать, а “Нистряночка” одолеет!.. Митрич так и говорит.

— Что-то, смотрю, Митрич много говорит. Большую силу, гляжу, забрал. Видно, в председатели метит.

— Да Тетьрчев только кивать может. Не зря за глаза тетерей его кличут. Кабы не Митрич, мы бы и заявку оформить на “Битву хоров” не успели.

— А всё ж таки Тетьрчев офицер. Как и мой Васенька, Царствие ему Небесное, подполковником технической службы в отставку ушёл. Васенька шибко его уважал: вот кто знает, говорил, кодекс офицерской чести, порядочный, говорил, человек. А Митрич твой что? Прапорщиком просидел в ОБМО, с каптёрщиками водку пил да срочников на огороде сапать да прошевать заставлял.

— Враки это всё...

— Да уж, враки... Скажешь, не строили ему гараж срочники, когда боевую тревогу по дивизии объявили и пятерых недосчитались? И твоему Митричу, начальнику ОБМО и зам по тылу не сделал комдив потом на плацу выволочку? Его ж за недостачу чуть со службы не попёрли! Кабы зам по тылу дивизии не прикрыл, был бы щас твой Митрич...

— Так то когда было-то, Маня? То ещё в прошлой советской жизни было. Считай, что и не было. Да и не попёрли же. Значит, напраслину возвели на человека... Тут не о прошлом, а про вот сейчас радеть надо. Нам щас отобраться по городу, дать последний бой выскочкам этим ведьминским, да так, чтоб впредь неповадно было, и на республику прорваться.

А там — финал! Не где-нибудь: на Дне города! Марафон победителей отборочных туров, переходящий в гала-концерт лауреата. Во как! Со всей Нистрении съедутся и на площади, перед всем честным миром будем выступать. А организатор-устроитель и председатель всенародного жюри не кто-нибудь, а сынок самого (Ветчанинова многозначительно ткнула облагороженным маникюром указательным пальцем куда-то вверх)... Наф-Наф Дога!

— Страхомордый, что ли?..

— Тише ты, тишун тебе на язык...

— А что? Не я говорю, люди говорят...

— Ох, темнота... Это ж образ такой. Сценический. А на самом деле Зебул-младший порядочный молодой человек, юноша с ясным лицом и добрым сердцем, чуткий и отзывчивый к чужим невздам.

— Это кто ж такой гимн сочинил про ясноликого?

— Это сноха Митричева, и не сочинила, а говорила, как есть.

— Она сама что ль морду его без занавески видела? Сама его чуткость к своим невздам ощутила?

— Сама не видела, а слыхала от тех, кто действительно видел. И то же насчёт доброты и отзывчивости. И в ЦИРКе, ну, в башне Зебуловой, всем

про то ведомо. Уж не знаю, как там Галка, сноха Митричева, чуткость ощутила, да только свёкор тут целиком и полностью её поддерживают. Я так думаю, он ЦИРК в расчёт берёт и в уме держит и по поводу нашей “Сударушки”. Дай Бог, в финал прорвёмся, а там не кто-нибудь, а сам Наф-Наф Дога, Зебул-младший, в жюри председателем воссядет судить. Тут любая причастность к мухомору пригодится. Может, он через сноху, раз она в ЦИРКе не на последних ролях, норовит как-то ситуации поспособствовать. Вишь, Митрич стратег всамделишный, не то, что тетеря Тетырчев.

— Вот ведь страсти... — покачала головой Фроловна.

— Я и кажу, — согласилась баба Аня. — Де ж тут за онучком наглядаты.

— Да он даже на акробатику малого водит. А когда не получается, тот сам ходит. Большой уже, самостоятельный.

— Вот-вот. В першому-то классе... На Настьку иноди дивлюся: за фактурую хошь щас пид венец, а умом — теля телёй.

— Это потому, что Алёнка её опекает слишком... — вывела тётя Зоя. — Как квочка над цыплятами, над ними трясётся и чуть не за руку всюду.

— А краще пустити по свиту як по ветру? Щоб их до наркоманив в пригон або на обочину вдоль дороги на трассе прибило?

— Да уж не знаешь, что лучше — на обочину или под колёса. У меня все девочка-сирота не выходит из головы. Та, что джип задавил. Вишь, как собаку какую, и ничего им за это не стало.

— Так и собаку жалко... А тут человек...

— Так о том и речь. И сирота.

— Ну, ничего не стало... Тут я, Фроловна, с тобой не согласная. Та за рулём, хоть и дура губатая, да ей поди тоже не сахар в убилицы попасть.

— Так кто её с куриным-то мозгом в такой танк посадил? Думал, наверное, на что её отправляет?

— Они там, Фроловна, в мухоморе не думают...

— Сама вот его мухомором кличешь... А меня за поганку совестишь.

— Так то поганка, а то мухомор! Полезный гриб — всяких мух, мошек и прочую сволочь изводит. И лоси его, говорят, едят.

— Ну да, и в Рязани, говорят, есть грибы с глазами: их едят, а они глядят...

— Ну, ты, Фроловна, как выдашь... — заколыхалась от смеха тётя Зоя. — Грибы с глазами...

— Тебе смешно, Зойка, а мне не смешно... — посетовала Фроловна. — Потому что точно, как те мухи. Которые не слетаются на мёд, а бегут от того мёда, кто куда... А кто не успел, у кого, значит, крылышки ещё не окрепли, того, значит, изводят...

— Ерунду ты, Фроловна, говоришь...

— Не ерунду... Вон одну под колёсами, чисто собачонку, задавили... Теперь вот пропала...

— При чём тут “чисто собачонка”? Несчастный же случай. Той, за рулём, чай, тоже не мёд. Народ-то загудел. И негатив-то весь — на эту дурю, — развивала Лерка.

— И в новостях показывали, как она там ходила потом с цветами, — сказала тётя Зоя. — Видно, как перекосило её всерьёз... Богатые, вишь, тоже плачут.

— Ага, народ загудел. Точно мухи — пожужжали, да и разлетелись. А что она хотела: сотворить такое, да ещё чтобы никто не сказал ничего? Шутка ли: ребёнка убить. Это ж теперь на всю жизнь.

— Ничего, откупились, — вдруг заговорщицки проговорила Лерка. — Как Митрич говорит: всё, что решается с помощью денег, решается дёшево.

— Богатые-то, циркачи эти... С них, ладно, взятки гладки, им свой ответ. Тут другое страшно: несчастная-то, выяснилось, сирота при живых родителях. Папаша ейный, гад, вдруг объявился. На крови и смерти, значит, дочкой зарабатывать.

— С ним-то ответчики, видать, и договорились. Сколько-то заплатили за смерть дочери?

— Ох, лучше и не знать. И то, и то страшно. Всё страшно.

— А папашка-то взял денежки и не побрезговал.

— А чего не брать, если дают. Дитё-то теперь не вернёшь. У неё, может, сёстры или братья есть.

— Брат меньшей, тоже в интернате живёт, в Попенках. По новостям передавали.

— Свят... Свят... Оно, вишь, в школе учат про *мёртвые души*, так оно то же самое, что здесь: при *живых родителях*. Я бы этих *живых родителей* при жизни бы жизни лишила...

— Ты, Фроловна, уж больно сурова...

— Точно, слышь, бабоньки, как этот певицы батька, которая померла, с такими ногами и фигурой, как у Галки, Митричевой снохи. Ну, эта...

— Фриски, что ли?

— Точно, Фриске! Как папашка её надрывался за наследство дочкино. Смотрела ток-шоу на Первом. Как они сцепились с мужем бывшим ейным! Чуть глотки за миллион не перегрызли друг дружке. Точно две сварливые бабы на Зелёном базаре.

— Дак то ж миллион. Чи не пучок редиски...

— Я тоже смотрела... Всё ж не по-людски. При всём народе. Хошь и за три миллиона.

— И тут — чисто собачонку... Жалко сиротку. Ведь неполных семнадцать лет. Всё перед глазами, как лежит она, бедная, в новостях, в задратой курточке, перекрученная, голый пупок наружу. Худенькая, как тростиночка. И тут махина эта чёрная, как гроб на колёсах. И никто ведь не догадается животик голый ей прикрыть.

— Ты что городишь, Фроловна! Это ж место преступления. Там трогать рукава ничего нельзя. А ты — *прикрыть*...

— Ты, Фроловна, говоришь, неполные семнадцать. А Настьке шестнадцать ось тильки буде. Купила мамка ей телефон, на бабкины переводы, та хошь трохи легче, по телефону созваниваются, контролирует, значит, хто где. Да тут инша напасть: Настька кажнюю минуту в том телефоне, прям как привязанная до нёго... Та — в телефоне уткнувшись, а тот — кроссовки на ноги — бегом из хаты, и до ночи не найдешь. Толика попробуй — за руку. Тот весь в отца — чтоб всё по-евонному, во всё сам хочет влезть. Правда что и то, сейчас же такой стал, с шестого классу. А раньше всё с отцом. На речку, в гараже... Справила малому взуття. Красивки. Уж больно тот просил. Ничё ему не треба — подавай только те красивки. Тоже выдумал: в Бендерах, на обувной фабрике сшиты, а форсу стильки, что чуть не дороже того Настькиного телефона. А тому: купи да купи! Ну, мамка и купила, с отцом советовались, по скайпу этому. Так тот — кроссовки на ноги — бегом из хаты, и до ночи не сыщешь. Уж больно взрослый стал, самостийный.

— Ох, смотри, Аня... Чересчур рано самостоятельность эта у них...

— А то ж, будто мы не бачимо... — вздохнула баба Аня. — Да где ж мне с ногами моими ёго втыгнуты? Да и не будешь над душой стоять. Только гирше буде. И так стал вспылчивый, матери, мне грубит, если что не по-евонному. Ещё с отцом по тому скайпу сохраняет, значит, приличия. Алёнка, ясное дело, в тревоге вся, на двух роботах своих... “Швыдче бы до Сашки уехать”, — одно и твердит, как заведённая. Так Толик, вишь, что заявил: не хочу, говорит, никуда уезжать. “Бабулю не залишу!” — кажет.

Баба Маня примолкла, краем платка отерев подобравшиеся чередой складочки нижние веки.

— Вот молодец внучок! — чуть не вскрикнула тётя Зоя, колыхнувшись всем телом. — А взяли моду: чуть что — бегом отсель. А жить-то кто будет?

— А мы ось и будемо: старый да мальый... — сокрушённо выдохнула баба Аня. — Я йому кажу: “Толечка, на шо жити-то будемо?” А вин мени: “Пока на твою пенсию, бабушка... Родители присылать будут”.

— Ишь, как посчитал-то всё... Быстро учатся они денежки считать, особенно когда чужие... — с деланным удивлением отозвалась Лерка.

— Так в том, вишь, и дело, что не чужие... — отозвалась Фроловна, покачав головой.

— Не чужие... — аукнулась баба Маня. — А потом заявляет мне при Алёнке, при Настьке: “Я, — каже, — тебе, баба, годуваты буду. Всех вас прогую”.

То ли закашлявшись, то ли подавившись смешком, тётя Зоя сотряслась всем объёмом своей переполненно-дряблой плоти.

— Ох, Аня, насмешила меня. Чем же он кормить-то вас собирается?

— “У ЦИРК, — каже, — пиду працовати. В службу безпеки. Там, — каже, — боксёры потрібни”. Не будет папка на север от нас йиздыты, каже, и мамку с Настькой не будет забирать.

— Да, Толик ваш всегда по спорту бегал.

— Так вин же у нас тры роки на бокс ходыть. А в школи, каже, вчить-ся йому не треба.

Фроловна покачала головой.

— Молодёжь теперь вся на стакане этом Зебуловом повёрнута. Точно загнипнотизированная. Витька мой тоже вот... Только и слышно от него: “ЦИРК” да “ЦИРК”. И кроссовки ему до зарезу купи. Да всё что-то бормочет с утра до ночи. А сам в наушниках постоянно, не докричишься. На обед зову, так где там. Сидит в комнате да только и головой трясёт. Или почнёт что говорить. Я думаю: мне или родителям. А он сам с собой. Я ему: чего ты бормочешь сам с собой? А он мне: “Ничего ты, баба, не понимаешь. Это песня”.

— Да уж... — согласилась тётя Зоя. — Нынче точно ходят, как полоумные. В ушах провода и сами с собой на всю улицу разговаривают. Идёшь по улице, будто среди психов. В наше-то время сами с собой только больные на голову разговаривали. Помните, Столпняков всё ходил по Театральному да по Миру?..

— Да как не помнить?.. — с готовностью отозвалась Лерка. — Идёт и всё одно и то же, как пластинка, твердит: “Расстреляю, распатроню ваш котёл... Расстреляю, распатроню ваш котёл...”

— Таньки Столпняковой брат. Ох, свят, свят... — запричитала Фроловна.

Баба Аня, вздохнув в унисон, перекрестилась.

— Он же с Сашком моим в одном классе учился. В школе, Сашок рассказывал, ничего, нормальный был. Это при развале Союза крыша у него поехала...

— Да знаем мы, от чего у него крыша поехала. Это он поперву в седьмую школу, а после Танька его уже в *дебилку* водила. Благо, что рядом. Из школы раз пришли с мамкой на два урока раньше, а дома папка на чужой бабе. Мамка в крик, батьку с шмарой той за дверь выставила, а после пошла и в туалете удавилась. Танька с продлёнки пришла под вечер и так их и нашла: мать в петле висит на стояке, а Женька сидит в комнате: сторожу, говорит, чтобы маму не беспокоили. Только это не при развале ещё, а в перестройку было. Я ещё на заводе Первого Мая тогда работала в бухгалтерии, ещё на Ткаченко не перешла, а Столпняков-старший, отец Женькин, там в транспортном работал. Видный был из себя мужчина.

— Танька и в дом батьку потом не пускала.

— Ну, не пускала... Помогать-то он Таньке помогал. Попробуй одной справиться.

— Танька за братом-то пеклась пуце няньки.

— И отец подсоблял. На лечение Женьку возили в Одессу. То уже при развале было. Только не помогло лечение...

— Раньше-то хоть больные были, как нормальные, а теперь — вроде нормальные, а как больные. В уши затолкают музыку свою, орёт, как резаная, глаза стеклянные и — по зебре. Хоть бы по сторонам посмотрела.

— Так та задавленная вроде без наушников была...

— Ну и что?

— А то... Жалко девчушку. Сиротка.

— Вот ведь: при живых родителях точно сироты, бурьян бурьяном. А потом пропадают...

— А видели, бабоньки, что пишет газета: “Особые приметы: на нижней трети левого предплечья имеется послеоперационный шрам длиной примерно 5 см. В левом глазу — лопнувший сосуд”.

— Ну и что?

— Как что: и шрам, и лопнувший сосуд.

— Так сказано: послеоперационный.

— Какая на руке операция у ребёнка может быть? Да ещё сосуд лопнувший. Может, обижали дитё? Может, из неблагополучной семьи?

— У меня третьего дня теж був сосуд лопнувший.

— Так, вишь, давление атмосферное какое высокое уже который день. И спать не могу. И музыка из забегаловки этой, будь она проклята, кажну ночь... — заворочалась на скамейке тётя Зоя и добавила, вызвав смех соседок на скамейке:

— Им бы всем наушники повставлять в одно место...

— Та я те ж Олёнке кажу. А та: “Ты, мамо, богато телевизор дывышься”. А що багато? Я тильки Перший Нистрянский — новыны да сериал “Долгие провода”. Вони показывают.

А всё же Зебул наш молодец. И сын його — така известна, талантлива детина. Все вид нього без розуму.

— Именно, что без розуму, — аукнулась Фроловна. — Совсем уже мозги потеряли. Где уж тут дитю не потеряться.

— Попомните моё слово — найдётся пропажа... — не уступала Фроловне тётя Зоя. — Им, видать, время такое — лишь бы бегать да шляться. Для того и кроссовки эти, видать, так им охота.

— Митрич говорит: у малого на акробатике всем сказали приобрести спортивную обувь от нашего производителя, — в тему тётя Зое сказала Ветчанинова. — Как бы добровольно, но принудительно. И кроссовки, и чешки. А малой в первом классе, у него ножка растёт. Ему ж на следующий год новые надо.

— Так на то и расчёт... Чтoб каждый год покупали. Это что же за *наш* производитель? — вопросом подытожила Фроловна.

— А их будто у нас пруд пруди... Их не то что, а раз и — обчёлся... У нас, вишь, нынче все дороги ведут в Валю Зебула... — отозвалась Фроловна.

— А всё ж таки зато свой, тутошний... — отстаивала Лерка. — Вон Катька сказывала, в Бендерах зато фабрика обувная в три смены теперь работает, станки новые поставили. А то в полсмены трудились, да полфабрики по полгода за свой счёт по домам сидели.

— Это какая Катька, из хора, что ль, Веверица?

— Ну да, Веверица...

— Так у неё и сынок *циркач*, и невестка там же, в твоём, Лерка, *стакане-мухоморе*.

— А чего он мой? Никакой он не мой...

— Как Катьку ни встретишь, у неё одни разговоры: как ценят её Димочку и как он растёт там по службе, и жёнку свою сумел пристроить, и какой он знающий и незаменимый, — подтвердила тётя Зоя.

— Так и слава Богу... Люди работу имеют и не шастают по свету, чтоб на кусок хлеба заработать. А Катька сказывает, что и на масло на хлеб достаёт...

— Да уж, Катька не то расскажет. А люди вот сказывают про *поганку* совсем другое. Я раз заглянула случаем Витьке за шиворот, пока он в телефон в наушниках свой пялился, так такое там увидела, что потом наказывала отобрать у него эту глупость. Да мамка отмахивается, говорит, что у неё всё под контролем, что как раз спасибо этому телефону, потому что они всегда на связи и её материнское сердце хоть немного на месте.

— Увидела... — отмахнулась тётя Зоя. — Тебе, вишь, с диоптриями твоими примерещилось чего, а ты на дитё потом и накиннулась.

— Да уж лучше б примерещилось. Там, вишь, этот страхоголовый с девами такой стыд непотребный творил...

— Какой ещё страхоголовый?

— Ну, Зебула твоего сынок...

— А чего это моего? Я одна, что ль, за него голосовала? Ты будто, Фроловна, и тётя Зоя, и баба Аня не за него голосовали?

— Я-то сразу за него стояла, — поспешила заявить тётя Зоя. — Прочие — шибко сомневались, что получше выискивали.

Она мотнула головой в сторону Фроловны и бабы Ани.

— А я сразу знала: от добра добра не ищут. Такой пакет привезли: и масло, и мука, и горошка две банки. И гречка...

— То-то же... А ты, Фроловна?..

— А что *Фроловна*? Чего ты меня пытаешь? За кого надо, голосовала. Ну, за него. Так и что? Всё равно вон кандидат мой — Диснейленд, в той же мухоморовой башне, у Зебула в заместителях. И Анина кандидатша — в ЦИРКе на больших ролях. Чего ж за подставных голосовать, когда сразу можно за главного? И греча... Я её, когда варю, всё как будто про нас. Ссыпали нас зёрнышко к зернышку, круто посолили и на огонь, кашу замешивать.

— Прежде перебирать её надо с час, — сказала тётя Зоя. — Мусора там — вполовину веса.

— Мусора — да... — многозначительно согласилась Фроловна.

— А чего её замешивать, чай, не мамалыга... Соли вперёд того, как закипит, тогда самый вкус... — сказала тётя Зоя. — Но прежде промой. Залить надо и дать постоять. Чтoб набухла.

— Любишь ты учить, Зойка...

— А как вас не учить, — снова заквохтала-заперхалась тётя Зоя. — Кабы не разъяснила вам правильную политику, кабы вот Лерку не позвала в агитацию, так бы и проголосовали, как те дурёхи. А мучица с маслицем, вишь, не помешают.

— А правда, что деревню свою Зебул в честь бабы своей назвал? Мол, Валя Зебула и есть баба его тайная, которая Валентина и мать его сына страхоголового?

— Откуда мне знать? На то, знать, и тайна, чтоб не знать...

— Ну, может, Митрич сказывал. Ейная же дочка там трудится. Или Катька что говорила.

— Ничего они не сказывают. Ничего про то не слышала.

— Тоже, вишь, ничего про мать его не слышно. Выходит: сирота.

— Много тебе чего слышно. У тебя слух в аккурат с твоим зрением — ноздря в ноздю. Мать его умерла, в Христофоровке похоронена, на родине... Катька-то родом из Мокры, так она сказывала...

— Погоди, чья мать?

— Ну, чья-чья — Верховного нашего, Зебула...

— Так я не про его мать, а про сына его мать...

— А-а, про сына мать... Так ты так и говори, а то запутала меня, какая мать...

— Да уж, тебя запутаешь: канатов не хватит тебя путать...

— Да ты на себя-то посмотри...

— Будет вам, бабоньки... Разгадделись, чисто малые дети. Вы ещё подеритесь...

— А и подерусь. Будешь, Фроловна, на тучность мою намекать, как дёрну за космы, так на парик будешь пенсию свою копить. Всё, вишь, про Васеньку своего вспоминает. А будто мы не знаем, что Васька твой, обормот, к Тamarке шастал.

— Ах ты, черноротая, гнилой твой язык!.. Да ни один мужик на тебя не зарился. *Намекаю!*.. Я не намекаю!.. Я те в глаза говорю, что ты чистый левиафавн!..

— Кто?!

— Левиафавн...

— Это кто?

— Бегемот, только больше. Не на полскамейки, а на цельную...

— Ах ты, паскудница...

— Ой, Аня, держи её, одна не удержу!..

— А где Фроловну-то потеряли?

— Так на кухне вона, готуе. Чувешь запах, по всему двору? Аж желудок зводит. У Витька ж сегодня день народження. Вареныкы, каже, з картоплею, з капустою и з сыром. А пияля плацинды почнёт пич.

— А и верно, Витька сегодня именинник. Ох, и в самом деле, пахнет... А у меня с утра маковой росинки: в клуб на репетицию, потом в Совет...

— На что Фроловна вкусно готовит, а Алёнка Анина всё ж вкуснее.

— Да ладно... Фроловна те ж смачно готуе... — ответила баба Аня, с удовольствием засмущавшись от признанных вслух кулинарных способностей невестки.

— Так ты, Лерка, вечером подходи-то во двор, — сказала тётя Зоя. — Фроловна обещалась за внучка вынести нам *лялечку*, ну, и к ней — закуска, как полагається. Понячим лялечку под акацией, на свежем воздухе. Ой, а что это с лицом-то. Где упала-то? Не на репетиции, часом?

— А вы будто не слышали? Ну, да... Это ж вчера в вечеру случилось. Весь совет гудом гудит, только и разговоров сейчас.

Лерка Ветчанинова не торопилась подсаживаться на место, которое освободила ей Фроловна на скамейке. Как бы невзначай приподняла, поправляя, старомодные солнцезащитные очки в громоздкой роговой оправе. По левой стороне, из-под покрытого царапинами стекла, подтёком стекал лилово-сиреневый синяк с кровавым подбоем.

— Это я об поручню, в троллейбусе... — горделиво пояснила Лерка. — Ведьмина, стерва, за волосы меня схватила и об поручню двинула. А я ей парик за то стянула. А она лысая — при всём своём ансамбле. Ох, вид у её был, точно в сортирную яму провалилась. А я ещё успела ноги об парик её вытереть — чисто об половик: “Носи на здоровье!”. Эх, жаль не видел её хахалёк ейный, Эдик Хавчик. Да где ж ему увидеть: машинку свою оплакивает! Третьего дня, видишь, сгорела машина его, “Иж-комби”. И теперь, видишь ли, королевне его, хударучке “Сударушек”, не на чем ездить, окромя как на I-м троллейбусе.

— Дак они всегда на “однёрке” в центр ездют. В “Сударушке” у них все, считай, с Кировского, вот они на вокзале собираются и на “однёрку”.

— Зоя, да нечто я не знаю, что это их маршрут. Да мы с Катериной к Ленке Солонарь зашли, насчёт реквизита к номеру договориться, и ещё там, по заявке на конкурс... Митрич просил, чтоб с глазу на глаз, не по телефону всё обговорить. Ленка у нас же секретарь в ВэВэСе. А она на Цви-гуненко, в “сталинке” живёт. Туда через парк-то прошлись в своё удовольствие пешком, а назад решили подьехать, потому как быстрее надо было в Совет бумагу отвезти. Ленка-то на больничном с внучкой сидит. Ну, мы ей по-фронтовому: “На сборы пять минут. Тут обстановка, приближённая к боевой. Народ в Совете ждёт”. Ленка, правда, начала было, что вот, мол, внучка с температурой. Но мы это дело быстро пресекли, как Митрич говорит, “по законам военного времени”: чай, на дворе не мороз, а весна-красна, дитю дышать надо, бактерии гонять. Короче, дитё одели-обули, в охашку и — с собой. Надо молодёжь с малых лет к общественной жизни приучать, тогда и патриоты вырастут.

Лерка перевела дух и, наконец, уселась.

— Мы, значитесь, в троллейбус только шасть, а там вся эта кодла Веддинская, с гримзой своей во главе. А назад же не погрёшь. Чтобы Лерка Ветчанинова такой швали спину показала? Да ни в жись! А та сходу, падла, как накинется! И при ребёнке! Сначала словесно: вы, мол, гады, моему Эдику ненаглядному машину спалили! За то, что мы вам не дали очередность выступлений в отборочном туре нарушить. Так и кричит, на весь салон! “За машину твоему Митричу срок впают!.. Пусть, — кричит, — сам скорее бегит сдаётся, а то, если его раньше найдут, хуже будет”. А я только поперву растерялась. Как зашли, гляжу: салон-то, считай, битком, и весь из “сударушек”, будто, слышь, цельный троллейбус под себя заарендовали. Как она про заявку да про машину хахаля своего старпёрного, так взяла меня ярость

благородная. “Врешь, паскудница! — ей в рожу кричу. — В заявки свои, как ни садитесь, а всё равно вам медведь на уши наступил, да ещё и попрыгал на них! Вон, — кричу, — ухи-то у тебя, чисто две плаинды!”

— А ухи у Вединой и в самом деле, как два блина.

— Да не то слово! Она их всё под парик прячет. Ну, сейчас и до парика дойдёт. “Ты, — кричу, — шалашовка, ещё угрожаешь? Да машину твою хахалю, такому же бесстыжему, как и ты, бесстыжая тварь, небось, мужик твой спалил! Или думала, что не будет с тебя спроса? погоди, это ещё цветочки... Есть и высший суд, *наперсница разврата!*..” Как я про наперсницу ввернула, троллейбус аж будто вымер. У этой твари плаинды ейные с рубиновыми серьгами стали красные, точно те два рубина. Ну, тогда и сцепились мы. Ох, скажу я вам, это было дело. Хорошо, что с Катькой я была. У Катьки рука — чисто, как у вас, тётя Зоя. Да в движении ещё и потяжеле будет. А Ленка-то Солонарь, мало, что грамотная да в бумагах сечёт, а все ж трусоватая. Всё Олечку, свою внучечку, да печать Совета в кулёчке под себя прятала. Эх, кабы эти знали, что печать при нас была, живыми бы нас не выпустили... Ха!.. Где им?!.. Получили по первое число. А хорошо, однако, что и остановка уже подоспела. У винно-коньячного как раз и вырвались от подлюк этих...

— А, вишь, значитя, правду говорят, что Вединая химию принимает. Если, говоришь, лысая...

— А вот потому и говорю: есть Божий суд... Со всей силы — об поручень. С утра шевельнуть всей стороной левой не могу. И жевать не могу — больно...

— А нечто Митрич к машине сгоревшей отношение какое имеет?

— Да эта из ума выжила или от химии своей, вот и несёт чёрт знает что. Там такое корыто, что само небось загорелось. Или ещё того хлеще: специально сами подожгли, да так обставили, чтобы улики на нас напраслину навели. Там, вишь, нашли спичку и обрывок обгоревший газеты, и в аккурат с адресом подписки будто бы нашего Совета. Митрич так и говорит: происки врагов, коварство и неразборчивость в средствах достижения далеко идущих целей. А всё ж пока перешли на конспиративное положение, “по законам военного времени”. Сегодня у Валерьянки, ну, у Антона Валерьяновича собираемся. У Пущепрежнего квартира двухкомнатная, и порепетировать можно. А Совет на кухне заседает. Отслеживают обстановку, проводят диспозицию и рекогносцировку. Только вы, это, никому ни-ни, где мы репетируем. И Фроловне не говорите.

— А что Фроловна?

— Так сын у неё милиционер.

— Так он сколько уже на пенсии. Да плюс к тому с Веркой на заработках они сколько уже...

— Сколько не сколько, а бывших ментов не бывает. В гости-то приезжают, пенсию получает? Получает. В общем, смотрите мне...

— Да кому мы когда что рассказывали!.. Ты же знаешь, Лерка, — могила!..

— То-то, что знаю... Тут до отборочного тура надо продержаться, а там, Митрич говорит, пойдёт полегче. Так что, бабоньки, борьба прям как в прежние времена...

— Да, только прежде по делу боролись...

— Ну, такова, как говорит Митрич, диалектика истории. Прежде был внешний враг, а нынче — пятая колонна проникла в самую нутрь... И вишь, сила за ними, репрессивный, как Митрич говорит, аппарат... И, видишь, ищут. Тут, главное, сдуру под горячую руку не попасться...

— Да уж, ищут. Девочку вот пропавшую тоже ищут уже какую неделю?..

— Другу...

— Ага, вторую неделю... И всё найти не могут. Так что Митрича твоего не сыщут...

— А як же ш вчера её бачили, в Шмалене? Сама бачила, як по телевизору показывали...

— А, про беглянку эту? И я вчера в новостях видела... Говорила, что шлёндрается где-то, приключения ищет на свою...

— Ой, бабоньки, а я вчера новости-то и не посмотрела. Всё из-за битвы этой... До того ли было... Мы вчера допоздна в Совете заседали...

— Так вчера в новостях показывали девушку с собачкой. Выгуливала она собачку, значит, сама рыбницкая, а дача у неё на озере в Шмалене. Так эта шлёндра возле дач шмаленских подошла и просила у девушки пятьдесят рублей, говорила: “На дорогу”. А та не дала, конечно, и спрашивает: “Как тебя зовут?” А та вдруг — бежать. Ну, и убегла в сторону дач. А по описанию точь-в-точь пропавшая: и куртка, и сапоги, и шапка серая.

— У Катьки дача в Карагаше, так она туда ещё не выезжала. Говорит: рано ещё, вот через недельку надо копать-прошевать.

— Да где Карагаш, а где Шмалена!

— Хиба ж я знаю, где твоя Шмалена!.. — Карагаш — он вот он, тут, под боком. А Шмалена — то аж Рыбница...

— Так я не про то, что Карагаш, а про то, что рано ещё, на дачах делать нечего...

— Так и девушка та, значит, в Шмалене, говорила, что на дачах ещё никого нет. “Не сезон”, — говорит. А эта, вишь, шлёндра, сообразила, где спрятаться.

— Так и что?

— Что “что”?

— Ну, поймали её? В смысле: нашлась пропажа?

— Так в том-то и дело, что не нашли. Эта, значит, с собачкой, подняла тревогу, мужу позвонила, тот сказал: “Звони в милицию”. Ну, и приехала, значит, милиция, прочесали весь дачный посёлок, поблизости все дома обошли. Нигде, говорят, не обнаружили.

— Швыдка.

— Не то слово... Ей, вишь ли, пятьдесят целковых вынь да положь.

— Да из Рыбницы в Христофоровку за четырнадцать можно доехать. Катька вон ездит в Карагаш на дачу за полцены как пенсионерка, за три пятьдесят. Это значит, полный билет до Парадизовска — семь рублей. А там расстояние до Рыбницы такое же, как из Парадизовска до Карагаша — пять рублей. У нас же в “Нистряночке” Тамара Петровна, сама мокрянская, к брату, к родне часто туда ездит. Так она, значит, с бабушкой этой пропавшей Симоны в кумэтрах...

— Какая Тамара? Томка Тихолаз, что ли?

— Ну, да... Это, значит, сын кумэтрин женат на старшей сестре этой, которая пропала. И ещё брат у них. И младшие вместе со старшей сестрой и семьёй её живут, и она им заместо матери.

— А мать где? Родители?

— Померла вроде...

— Вроде... Что ж ты, Лерка, у Томки не вызнала?..

— Да некогда было мне. Про отца только сказала, что, как матери не стало, стал он сильно пить, домой не являлся. Как являлся, скандалить начинал. Ну, муж дочки старшей пару раз его на место ставил. На порог, значит, выставлял по-мужски. Так его родительских прав лишили, так тот теперь в Плоти. Сам оттуда родом.

— Какой плоти?

— Плоть, село такое, в Рыбнице там же. А ты не знаешь?

— О, дивиться!.. Фроловна иде. И щось смачне несе...

— Здравствуйте, соседки! Вот вам на пробу. Только с плиты сняты.

— Ох, горячие... Пусть остынут-то... Мочи нет терпеть, как вкусно пахнет...

— Это, что ль, на кефире твои, Фроловна?..

— На кефире... С капустой, с картошкой, а вот, с краю, — с творогом.

— За здоровье Витька твоего...

— За здоровье рано ещё. Он после обеда народился, в 15.30. Вечером посидим, за здоровье внуково поспрадуем. И ты, Лерка, подходи...

- А-а!.. Так бы сразу, Лерка, и сказала. Понятно теперь, что откуда берётся... Эта, видать, в папашу пошла...
- Да в том-то и дело, что и семья благополучная была во всех смыслах. Петровна так говорит. А Петровна зря говорить не будет.
- Да, Томка-то жинка дуже правильна.
- Батька их по строительному делу был очень большой мастер. По дому всё сам. И в доме достаток, трое деток, и все в заботе и любви. И на башню взяли его, на строительство нашего, значится, гиперболоида, ещё только когда стены возводили. А туда любого не возьмут. А потом вот так пошло всё: как мамки не стало, мужик под откос пошёл. Так и всё одно дети на улице не остались. Старшая-то замуж вышла, и живут в родительском, значится, доме, и младшие при ней, и вроде как дружно живут. Петровна вот говорит: девчонку именовали не иначе, как: “Симоночка”. И телефон новый ей купили, такой, что с экраном. Да только на связь не выходит. Звонят ей, а телефон отключён.
- Вот, вишь, и возраст подошёл: вишь, передавали: по факту двенадцать, а выглядит на все тринадцать.
- Так и що? Всё одне дитя...
- Дитя, а пятьдесят рублей сообразила просить. Это куда ж она намылилась? В новостях-то вон потом передавали, что после как из Шмалены был звонок, и там всё прочесали и обыскались, после из Каменки был звонок. И там видели девчонку, похожую на ту, что разыскивают. И тоже обыскались, а ничего не нашли. Ох, Фроловна, а с капустой-то — прям гает. И жевать мне с моими протезами не надо...
- А мне с картошкой попался... Вкусно, Фроловна, твоё тесто на кефире.
- Так я ж тебе рецепт говорила.
- Говорить-то говорила, а всё одно не так у меня получается. Петровна говорила, мол, в Христофоровке, ещё только семья в розыск пропавшую объявила, сами сельчане организовались, человек двести вышли и лес прочёсывали. Всё излазили и в лесу, и вдоль берега, никого не нашли.
- Ищи ветра в поле. Да тем более — в лесу... Она, небось, уже где-нибудь по Одессе колесит. Эх, время молодое!.. Где мои годочки молодые!.. Сядешь, бывало, на дизель, и через два часа уже на море. А мамка-то и не знает!..
- Ну, ты, тётя Зоя, вспомнила... Времена-то не ровняй. Ей, чтоб на дизель, до Парадизовска ещё надо добратсья. Кто ж её нынче пустит в Одессу? Она ж без документов. На границу бы сунулась, её бы первым делом домой доставили. Петровна сказывает, Симоночка эта и деньги копила, откладывала. Компьютер хотела купить. Так и деньги, и документы дома остались.
- Значить, не було у ней задумки з дому ити...
- Да кто их разберёт, что у них в головах нынче робится? У них все мозги нынче в телефонах ихних... А тут ещё вот компьютер ей подай. Значится, одной игрушки с экраном мало, ещё одну подавай?
- Почему же “подавай”... Копила, сама хотела купить.
- Хотела... А откуда у ней деньги свои в двенадцать лет? То-то и оно, что хочется им, чего ещё рано им...
- Поначалу родные думали, что до батьки она подалась. И милиция у него в Плоти была. Да там её не было. И отец их сам допившийся до чёртиков. За четыре года, как его прав родительских лишили, ни разу детей-то не приехал повидать. На принудительном уже побывал, из запоя не выходит, а как выйдет, соображает еле-еле.
- Может, оно и хорошо, что подальше от такого держатся. Да и он, видать, не настолько мозги пропил, что понимает: деткам без такого, поди, лучше будет.
- Без какого “такого”? Отец, какой ни есть, всё одно отец. Может, он и спился от того, что детей его лишили. А об чём речь-то?
- Вот, вишь, Фроловна, узнаю тебя... Вишь, не ведаешь даже, об чём речь идёт, а уже своё веское норовишь вставить...

— Да как об чём бы речь ни шла, отец и мать детям всегда нужны. Я вот с утра сегодня Витьку пытаю: внучек, коток, чего хочешь на день рождения? Мамка денег вчера прислала переводом, аж две сотни долларами.

— Избаловала вас Ленка-то...

— Да не перебивай ты, Зоя... А он мне знает, что в ответ: ничего, говорит, мне, бабушка, не надо, ты мне, говорит, кроссовки купила и — спасибо, купи лучше себе что-нибудь. А мне надо: пусть мамка вернётся. И папка...

— Ох, свят, свят... А ты що?

— А что я? Говорю: “Мамка приедет”. А он: “Когда приедет?” Я говорю: “Скоро”. А он опять вопрос: “А папка?” Ну, я что отвечу? Говорю, как есть: “Ты, Витенька, уже взрослый, понимаешь, что папка с мамкой развелись”.

— А вин що?

— А он говорит: “Никакой я не взрослый. Я маленький и хочу, чтобы у меня были папа и мама, — говорит. — Ты же, баба, купила мне кроссовки, когда я сильно захотел. Ты, баба, всё можешь. Так если они развелись, ты их сведи, потому что я сильно этого хочу!” И не говорит, а кричит уже, а у самого слёзки в глазёнках дрожат. Крикнул и побег в кроссовках своих заветных...

— Так, вишь, сидим-говорим, глядь: Витька точно угорелый пронёсся. Вот, думаю, Фроловна внучка покормила, энергия через край так и прёт...

— Так про кого разговор-то у вас?

— Так про эту девчонку, что в церкву пошла, да, видать, не на ту тропинку свернула.

— Так нашли же её, девочку эту.

— Как нашли?!

— Вишь, говорила, что прочёсывают... И в Шмалене, и в Каменке видели, и урочище прочесали монастырское Калагур, и Христофоровский лес. До шмаленского Комсомольского озера, и Днестр весь, вдоль берега, до самой Рыбницы обыскали. Кто ищет, тот всегда найдёт.

— Это ж докудова успела гастролёрша эта убежать?..

— В лесу нашли... Ох, свят, свят... Вот только по радио передали. Я как раз с картошкой со сковородки снимала. А тут по радио: пропавшая и объявленная в розыск найдена мёртвой, возле Днестра. Тело обнаружено рыбаками рано утром, между сёлами Христофоровка и Зозуляны, возле Днестра.

— Ох, свят... свят... Утонула, что ли?..

— В заводи была, под скалой, у водопада. Говорят: оступилась...

* * *

— Симка! Хорош в прятки играть! Открой!..

Брат уже не дёргал ручку двери. Постучал аккуратно, подождал, постучал снова. Было слышно, как он терпеливо сопит за дверью. От этого сразу стало легче. Но обида ещё горячо ворочалась внутри, то прихватывая, то разжимая сердце.

— Слышь, Симона? Ладно, ты это... Не дуйся... Короче, больше не буду... Симоночка!.. Пора нам. Ну, открой. Идём вместе. Ладно, как знаешь... Хочешь: возьми телефон, если тебе так надо. Я иду, короче, а ты догоняй... В монастыре отдашь...

“Иди-иди...” — беззвучно, одними губами шептала девочка, отирая слёзы. Плечо почти не болело. Вовка, когда забирал телефон, толкнул её, и она ударилась о дверной проём. Даже не ударилась, а кожей на предплечье саданулась по касательной. Поначалу было больно, а теперь уже почти не болит. Только красное пятно.

А Вовка грубый стал. И жадный. Раньше чтоб её когда толкнул... Никогда. Папа, когда от них ушёл, сказал лёле*: “Аннушка, ты не бойся. И ты,

* Лёля (молд.) — старшая сестра.

Симоночка, не плачь. Я вас буду защищать”. А Аннушка обняла их тогда — её и брата, и тоже плакала. А она ревела тогда в голос. А Вовка их обоих утешал, и действительно, казался Симоне взрослым и сильным. Хотя он всего-то на год старше.

А как он заступился, когда Пысларь возле школы хотел книжку у неё забрать. Аннушка купила ей книжку — “Волшебные сказки”. Там и про Белоснежку и семь гномов, и про Золушку, и про Красную Шапочку, с такими картинками, что она не могла оторваться. Особенно про Красавицу и Чудовище, которое было нарисовано таким жутким, что страшно было открывать эту страницу, но в то же время необъяснимо тянуло это сделать, ведь там, дальше, чудовище превращалось в прекрасного принца. Всё казалось ей, что она в этом мире волшебном, где обязательно исполнится её самое заветное желание, и она встретит маму и папу. А Аннушка — добрая фея. Надо только очень захотеть и сильно-сильно, что есть мочи, всё это представить. И у неё получалось войти в этот волшебный мир почти без усилия. И в школу несла волшебную книжку в руках, боялась, что в ранце помнётся. Пысларь говорил: “Да не ной ты... Посмотрю и верну...” А она плакала, безутешная от того, что не вернёт. А другие мальчишки, те, что с Пысларём были, смеялись, что она сопли пускает, и ей от этого ещё горше и обиднее плакалось. А Вовка подбежал и молча ударил Пысларя. У того кровь пошла на лбу. И шишка выросла. Неделю потом в школу с шишкой ходил. А он старше Вовки на два года. Она ещё брата никогда таким не видела. Яростным, что ли... У него, оказывается, камень в руке был, кусок красного кирпича. Сам, говорит, не понял, где и как его поднял, видел только, что сестрёнка плачет, а эти гады смеются. Так и сказал: *гады*. Книжка в пыли испачкалась, но у Симоны сразу слёзы высохли. Точно камень тогда с души упал. Вовка, видать, тем камнем Пысларя и звезданул. Ничего Вовке не сделал. И дружки его. Книгу выронил и убежал. И друзья его следом. Но это четыре года назад было, сразу, как папа от них ушёл.

А теперь брат грубый. Стал водиться с Сереньким и стал жадный. Перестал с ней играть и называет Симкой, как мальчишки в классе и Серенький. Ей это прозвище не нравилось, и она на него не отзывалась, а они чувствуют это и начинают дразнить. Раньше не дразнились, потому что Вова заступался. А теперь в школе, когда сам встретит, спрашивает: “Ну как, Симка?...” Она не отвечает, хочет показать, что не нравится ей эта “симка”, чтобы он понял и назвал её, как всегда называл: Симона. Или Симоночка. А он только махнёт рукой и такое равнодушие напустит, что у неё в груди начинает ныть.

Только и осталось от прежней их дружбы, что совместный поход в монастырь. На воскресную службу они всегда ходили с мамой, а потом, когда мама умерла, с лёлей, а потом, когда Аннушка вышла замуж за Стаса, — с его матерью, бабушкой Милой.

Пока текли дни недели, исподволь нарастало предвкушение праздника, и каждый раз это ожидание не обманывало, словно какое-нибудь негромкое, но неизбежное чудо, которое непременно свершалось, обступая в церковной ограде радостным звоном колоколов, запахом пчелиного воска и мёда от горящих свечей, вкусом монастырских пирожков, лицами односельчан — нарядных, словно бы с готовностью откликавшихся на этот звон, по пути в монастырь — радостных по случаю недолгого избавления от хозяйских забот, а на службе — торжественно сосредоточенных.

Дети играли в чисто выметенных, ухоженных аллеях, и Симона с Вовой тут же к ним присоединялись, среди тени и света, и маминого голоса, негромко и ласково призывавшего их не бегать так быстро.

А потом Вовка вёл её к пещерам. Их сухой, прохладный сумрак исподволь пронизывал тайной и трепетом, и как хорошо было после подставлять ладошки под сверканье струй, срывающихся со скалы отвесной стеной. Не зря это место прозвали цыганским омутом. У водопада, безоглядно летевшего в пропасть, душа трепетала, нанизываясь на страх, но совсем по-иному — вся в облаке туманно-искристой росы — плескалась в безудержно ярком восторге.

Один раз, в конце лета они с Вовкой отправились подальше от взрослых глаз, на задний двор, где у монахов были посажены виноградники.

На кустах висели крупные янтарно-сиреневые грозди. В воздухе между рядами стоял медовый дух, а от гроздьев шёл свет, будто внутри каждой бо-бочки прятался язычок золотистого пламени. Вовка захотел сорвать гроздь, чтобы её угостить, а Симона его отговаривала. У них дома тоже зрел виноград, среди прочих сортов — и духмяные грозди Изабеллы. Но монастырский должен быть не в пример вкуснее, и Вовка не совладал с искушением. Гроздь всё никак не отделялась от лозы, и тогда Симона взялась помочь брату, и в этот миг их и застал у куста монах. Он показался суровым и страшным, с испещрёнными морщинами, утопленными в густую седину бороды и волос, ниспадавших из-под чёрной шапки, суровым лицом старика. Сердце Симоны обмерло от испуга. Вовка, побелев, выбежал из рядов на дорожку. Монах вдруг улыбнулся, и морщины, словно сухие русла ручьёв, вдруг наполнились светом, удивительно схожим со свечением виноградных кистей.

“Это вы верно тянетесь в лозие”, — сказал отец Серафим. Так его звали. Ещё он сказал, что небесный покровитель нистрянского монашества, преподобный отче Паисий одно время вкушал лишь грезнь винничия. “Ибо в лозе виноградной — благословение Божие”, — произнёс отец Серафим. В руке его был секатор — садовые ножницы, такие же, как у отца. Отец Серафим срезал две грозди и угостил детей, напутствовав, чтобы в следующий раз не брали без спроса, а просили. Ибо сказано: просите и дано будет вам.

Они с Вовкой всегда вспоминали про этот виноград, пока шли на воскресную службу. И Вовка словно сбрасывал с себя холод и нарочитое пренебрежение, которые напускал, придя домой из школы, или тем более в школе. И всё становилось, как раньше, и приближение к монастырю превращалось в приближение к празднику.

Монастырь располагался в урочище Калагур. Пугающе чудны были для детей эти слова: и “урочище”, и “калагур”. Будто урчит огромный балаур. Отец Серафим говорил, что место называлось так издревле, в память об отшельнике, добром старце, когда-то молившемся в соседних пещерах. А баба Мила говорила другое: что “калагур” — от сектантов, что ещё при царе поселились возле Христофоровки и творили непотребное, и раз выкрали из села дитё и до смерти замучили в своём сатанинском обряде, и сельчане учили над сектантами самосуд и всех извели, с бабами их и приплодом, то ли избили, то ли заперли в ихних хатах и пожгли.

Сейчас окрестности монастыря и всё урочище скорее походило на парк, ухоженным своим видом внушая умиротворение и мысль о том, что верны слова про Калагур отца Серафима.

Симона вдруг спохватилась, что Вовка-то вот уже ушёл. Ещё есть возможность его догнать. Вот он сейчас, за дверью, говорил уже не “симка”, а “Симона”, “Симоночка”. Баба Мила тоже обращается к ней “Симоночка”. Она добрая. И Стас, Аннушкин муж, добрый, хотя и хочет казаться серьёзным и строгим. Но это он больше на людях перед Аннушкой себя так показывает. А так он сестру любит. И сестра его любит. И прав отец Серафим: то, что Аннушка полюбила Стаса, не значит, что она перестала любить Симону и Вовку или стала любить меньше. Так отец Серафим и сказал: “Истинная любовь не перестаёт”.

И слово такое: “не перестаёт”. Отец Серафим всегда такие слова говорит: вроде и не понятно, а будто съел ягоду от грозди виноградной, и стало вкусно и хорошо. Он же и совет дал: не копить обиду. Обида всегда пустая. Она, как яма: роешь её в собственной душе, и сам в неё попадаешь. Батюшка так и сказал: на добро свои мысли направь, подарок какой-нибудь сестричке старшей сделай, своими руками, чтоб от сердца. Добрая мысль, она как павить*, с которой доброе дело обымает**.

Вот она в школе после уроков подушечку для иголок пошила, в виде сердечка — для лёли Аннушки. Нина Ильинична, учительница по технологии

* Павить (церк.-слав.) — виноградная лоза.

** Обымать (церк.-слав.) — собирать урожай с виноградной лозы.

и домоводству, помогла с тканью и материалом для набивки, и с выкройкой, и подсказывала, как правильно шить. И как Аннушка обрадовалась сестричкиному сердечку-подушечке, и как она плакала, и вместе они плакали, обнявшись, и Симона нисколько не стеснялась своих слёз и Стаса, который стоял тут же и был не серьёзен и строг, а смущён, и ни капельки не мешал.

А потом сладкие и лёгкие-лёгкие слёзы сменила досада. Симона расстроилась. И всё из-за того же сердечка. Пришла баба Мила и начала подушечку Симоночки хвалить. И Симону вдруг точно обожгло: а ведь про бабушку Милу она не и подумала! А ей вон как понравилось сердечко. И как бы она обрадовалась такому подарку! Надо обязательно что-нибудь придумать для бабушки, может, и не дожидаясь какого-то повода.

Тогда же, уже основательно рассудив и запланировав, задумала Симона, что сделает к 23 февраля танк из солёного теста, а вернее, три танка: один — Стасу, один — Вовчику и для деда Петра. Сейчас, на 14-е, Андрейка Салкуцан, который с ней на русском и литературе сидит, нашёл у себя на стуле сердце из солёного теста — раскрашено в алый цвет, а сверху — выпукло белым: “Поздравляю, Андрей!” — и завитушки тоже выпуклые, белые. Красивое. Салкуцан ещё спросил: “Симка, откуда это взялось?” А она ответила, что не знает. И ещё добавила, что точно не она положила, а он в ответ рассмеялся. И пошутить получилось удачно. Когда Серенький начал после урока её дразнить, рассмеялась вдруг ему в лицо и только махнула рукой, так что он перестал дразниться и растерянно умолк.

А ведь она знала, кто Андрейке Салкуцану сердечко подарил. Ксюша Гыжа положила его на стул в самом начале перемены, когда только заходили в класс. От этого знания чужого секрета почему-то становилось тепло и радостно, потому что в ранце была спрятана её подушечка-сердечко для Аннушки.

Она даже хотела попросить у Ксюши, чтобы та научила её, как лепить из солёного теста, но потом передумала. Ведь если она спросит, тем самым выдаст, что знает чужой секрет.

Нина Ильинична с солёным тестом не работала, но обещала узнать и рассказать. Но это аж в понедельник, а тут целые выходные и времени до праздника мало.

А тут они с утра готовились уже идти на службу, а Вовке позвонил Серенький, что-то ему не по телефону надо было срочно обговорить, и тот крикнул, что “шас вернётся!” и убежал, а телефон оставил на тумбочке. И Симона решила глянуть в интернете, как лепить из солёного теста.

Вовка январский, и ему подарили телефон на день рождения, его мечту всего предыдущего года. Аннушка призналась Симоне по секрету, что они со Стасом и с бабушкой Милой и дедом Петром подарят и ей телефон. А у Симоны день рождения аж в сентябре. А ей очень-очень, прямо до зарезу нужен телефон уже сейчас, ко Дню защитника отечества. Не только из-за этого солёного теста. Из-за папы.

Симона придумала сделать к празднику танки из солёного теста, раскрасить их зелёной и чёрной краской — для Стаса, для Вовки и для деда Петра. А какой лучше получится, сфотографировать и послать по интернету папе. Только не с Вовкиного телефона и не от Аннушки. Потому что они против папы сильно настроены. А отец Серафим говорит, что обида — это пустота, и тот, кто копит обиду, на самом деле роет в душе яму.

Симоне трудно понять, как это: копить пустоту. Она обязательно разберётся в этом, но потом, а сейчас надо выяснить насчёт солёного теста. И ещё — адрес отца, на который можно будет отправить фотографию танка. Электронный адрес у папы есть. Вернее, был. Когда он работал на строительстве ЦИРКа, мама с ним через интернет связывалась. Потом Аннушка ему писала. Они ещё ходили в интернет-кафе в центре села. Симона тогда была совсем маленькая, но помнит, как они ждали, когда освободится место. Тогда дома мало у кого был свой собственный интернет. А теперь он у каждого в телефоне. У Аннушки где-то адрес папин есть, только лучше об этом не спрашивать. Расстроится и начнёт сердиться. Лучше самой это решить.

Вовка с Сереньким вот вчера по телефону весь вечер трындел, и всё про новый *поисковик*, и не какой-нибудь “Гугл” или “Яндексе”, а прямо волшебный: не просто отыскивает, а оказывает помощь в любых вопросах. Только и слышно было: “Дога-Допомога”. И Вовка потом на шёпот перешёл и бубнил что-то своему дружку Серенькому. Толком ничего не было слышно, только что-то про голых женщин. Она не подслушивала. Читала в соседней комнате, по программе. А потом взяла книжку, которую так любила, — “Волшебные сказки” — и пошла во двор, и во дворе просто листала, картинки смотрела, хотя на улице было холодно. Правильно бабушка Мила говорит: Вовка и друзья его в такую пору вступили, что гормоны в бошку бьют, и от того, как дурные, делаются. А дед Петро говорит, что ремня им надо, чтоб дурь из башки выколачивать, как пыль из мешка.

Только дурь эта и грубость — пустое. Друг перед дружкой красуются, кто взрослее, а сами сопляки. Вовка проболтался: Серенький ему признался, что, мол, Симона ему нравится, и он даже хотел ей “валентинку” подарить. Да только такого ухажёра ей не надо. Дураки!

Думать об этом было почему-то щекотно и весело, пока она пролистывала картинки. А вот и сказка “Двенадцать месяцев”, и корзинка с подснежниками в девочкиной ручонке. Эта корзинка, так упруго набитая красивыми цветами, всегда вызывала у Симоны восхищение. Щедро воочию явленное чудо: “Говорите, не бывает зимой подснежников? А вот вам, полная корзинка!” И тут вдруг озарило Симону: пролески! Вот что она бабушке Миле подарит. И Аннушке соберёт букет. Девчонки же вчера рассказывали, что в лесу уже появились пролески. Ксюша с подружками ходила в сторону Зозулян, у Днестра в лесу собирала. И чего она вчера с ними не пошла? Она надеялась, что Вовка телефон дома оставит, когда вечером пойдёт гулять. Он иногда забывает. Так он почти весь вечер дома просидел, а потом вышел ненадолго, а телефон с собой забрал.

Вовка всё-таки добрый, несмотря на то, что его друзья глупые так на него влияют. Вот назвал её Симоночкой. И телефон сам оставил.

Чуть не выронила его, когда торопилась обуть сапоги. Испуг окатил горячей волной, на лице выступила испарина и вспотели ладони. Не хватало ещё его разбить! Тогда лучше в петлю... Положила его на тумбочку, пока застегивала змейку куртки и надевала шапку. Она ещё успеет по дороге посмотреть про тесто. И — про папин адрес.

Дорогу до монастыря Симона преодолела, не заметив. Кто-то окликал её, здоровался, а она, посредством какого-то волшебства, целиком поместившись в узкое окошечко экранчика, отвечала оттуда машинально, как из потусторонней бездны. А ведь и удобная штука: по поводу солёного теста разложилось ей сразу, как на ладошке, и на душе сделалось так легко, что казалось, она запросто может перелететь через высоченную монастырскую стену, и Боженька нисколько не рассердится. Но вот отец Серафим бы сделал замечание. Симона вошла внутрь, как обычно, через главные ворота, перекрестившись. Народу было много. Служба уже началась. Проводили её ещё в зимнем храме, и у входа толпился народ. Значит, внутри храм полон. Вовки нигде не было. Значит, он уже там. Наверняка, встретился с бабушкой Милой и вместе зашли внутрь.

Отца Серафима во дворе не было. Захотелось его увидеть, спросить про папин адрес. Он бы подсказал, как лучше сделать, у кого спросить помощи.

Симона отошла в глубь аллеи и остановилась у безлистных клёнов. Необъяснимое волнение охватило её. Она выдохнула и набрала по буквам в поисковике: “Дога-допомога”.

Экран сверху вниз залило оранжево-красное мерцание, похожее то ли на угасание вечернего заката, то ли на едва зардевшуюся утреннюю зарю. Из багряных всполохов соткался образ женщины. Края смартфона очерчивали его в строгую рамку, словно фото на документ, увеличенное до размеров экрана.

Красная её красота была ослепительна, сверкая огненно-рыжими отсветами, разбрызганными по волосам, лицу, оголённым шее и плечам. Первые

секунды было даже больно смотреть глазам, вернее — не комфортно, как руке касаться оголённых проводов со слабым напряжением.

— Симоночка, милое дитя, чего тебе надобно?

Вопрос прозвучал так вкрадчиво, обволакивая и вовне, и внутри. Женщина назвала её по имени. Голос был так сообразен внешнему виду говорившей, что Симона растерялась.

— Папу... — пролепетала она и добавила, уже увереннее:

— Мне нужно найти папу...

Женщина молчала, неотрывно, пристально вглядываясь в девочку (фея? Голос и красота у неё были, как у феи. Но фея носит прекрасное платье. Королевы и принцессы носят платья, где плечи могут быть оголены. Как раз так, как очерчивала нижняя линия экрана, оставляя обзору лишь самые краешки плеч и всю целиком, стройную, словно башня, шею. От этой шеи, лица, выставленных на обзор, почему-то казалось, что там, за экраном, никакого платья на женщине нет и что она вообще без одежды).

— Хорошо, Симоночка, — вдруг произнесла она. Голос, нежный и ласковый, вливался в уши, облик её заполнял глаза. — Чем ты сейчас занята?

— Хочу собрать цветы... Для бабушки. И для Аннушки...

— Хорошо, Симоночка. Собирай цветы. Я соединю тебя. Мы найдём твоего папу.

Рдяные всполохи на экране погасли, но алая заря горела внутри, и щёки Симоны горели, когда она выходила из монастыря.

Служба будет идти ещё часа полтора, и за это время она успеет за пролесками. Бабушка Мила с Вовкой выйдут из храма, а она их встретит, с цветами, и Вовке вернёт телефон. И, может быть, уже будет знать адрес папы. Заря внутри занялась ещё ярче и горячее. Только за оградой монастыря Симона сообразила, что женщина назвала её по имени. А ведь девочка не представилась. Настоящая фея!

Она знает такую полянку, о которой не знают Ксюша с Викой, и никто не знает. Даже не полянка, а пятачок земли, полоска между лесным буреломом и скальным обрывом. Прямо на берегу реки. Но рыбаки там не ходят, потому что от воды высоко, а с берега на обрыв не забраться. Туда летом тяжело пройти, потому что заросли кустарника и бурелом. А сейчас можно, главное найти тропинку через бурелом. Там солнечная сторона, прогревается, и поэтому пролески всегда рано появляются. Если девочки уже в лесу собирали, то там цветы точно должны быть.

* * *

— Эй, красавица, куда ты? Погоди... Я тебя не съем!

— Да оставь ты её... Пионерка ещё.

— Ага, пионерка... Помнишь, как Жёрнов говорил: “Четырнадцать кэ-гэ весу есть? Можно есть”.

— Балабол Жёрнов пустопорожний... Нашёл, кого вспомнить... Жернаков по мохнатке срок мотал.

— А я чё... Я так, прогуляюсь до ветру.

— Да оставь ты малую в покое...

— Ага, оставь... Ты видел, чё у неё в руке было?

— А чё у неё в руке было?

— Потому что ты на воду пялишься, а добыча вон, по берегу косяком идёт. Смартфон у неё был. Гаджет, как надо нонче базарить.

— Гад же ты...

— Ну, ты за базаром следи...

— Говорю, оставь её, она уже вон убежала, где её искать.

— Хошь, выжидай у моря золотую рыбку. А я тут соскучился торчать, как в ступе пестик. И не клюёт ни хрена. Где тут обещанная рыба, в твоём Днестре?

— Так это же не сразу: вынь да положь...

— А я вот именно что захотел: вынуть и положить... Ха-ха! Ща быстро... С малолетки люблю в “казаки-разбойники” резаться. Козырная, скажу тебе, игра. “Кто ищет, тот всегда найдёт...” Эй, красавица!.. Погодь... Где ты? Я иду искать...

* * *

Царапина только сейчас стала больно саднить. Ветки сплелись так густо, что она насилу продралась через чашу. Будто нарочно не хотели пускать. Слово сговорились и были заодно с тем, который окликнул её и пошёл за ней следом. Хлестали по лицу, но она не замечала. Только сейчас стало болеть. Этот когда окликнул во второй раз, она обернулась и увидела, что он идёт следом, и вдруг побежала. Не надо было бежать. Это как с собаками: если показываешь, что боишься, они могут кинуться и укусить. Но шёл он как-то страшно, совсем не торопясь, всем своим видом словно показывая: никуда ты не убежишь. И вид у него такой... И мерзкий, и в то же время жалкий какой-то. Чем-то на Серенького похож, только страшный и намного старше.

Она в первые секунды никак не могла отдышаться, с силой втягивала воздух. И вид речного простора, распахивавшийся с обрыва, утолял эту жажду дыхания, с каждым разом делая его всё спокойнее. Река была пуста, на противоположном берегу рыбаков нигде не было видно.

Ну, и ладно. Никому здесь её не найти, в её заветном, укромном местечке. А вот и пролески. Много-много. Хватит и бабушке Миле, и Аннушке. И Нине Ильиничне завтра в школу отнесёт.

— Красавица? Ау!.. — раздалось вдруг совсем близко. Этот шёл по её следу. Даже были слышны его вкрадчивые шаги. Вот остановился. Прислушивается.

— Эй, красавица, отзовись...

Надтреснутый, сильный голос звал приглушённо, мерзко имитируя ласковую интонацию. Наверное, рассчитывал, что она спрячется где-то неподалёку. Стало жутко.

Ему и невдомёк, что тут её убежище. И тропинки никакой за зиму не осталось, потому и пришлось напролом. Потому она и исцарапалась.

— Дурочка... Всё равно найду. Не буди во мне зверя...

Этот удалялся. Сам дурак, ищи ветра в поле. Теперь надо посидеть немного. Пока этот совсем не уйдёт.

Звонок телефона словно током ударил. Дурацкая мелодия, которую Вовка поставил на телефон, новый хит Наф-Наф Доги “Реальная Анна”, которым заслушивались Вовка и Серенький с друзьями. Сгрудившись стриженными головами, развесив растопыренные уши, пилились в экран на полуголых девушек, танцующих в клипе. Танцевали они очень хорошо, но что-то было в их танце такое, что Симоне не нравилось.

И сейчас, когда она, остолбенев от звонка, замерла у самого края обрыва, пунцовая пляска застила ей глаза. Звонок, казалось, оглушил не только её, но всю реку, онемевшую настолько, что контуженная рыба начнёт сейчас всплывать кверху брюхом. А ведь она забыла про телефон! Что он может всего-навсего зазвонить! Эти мысли как-то криво скакнули в унисон с дикой пляской, ухающей в висках. Всё в том же остолбении она смотрела на зажатую в руке строгую рамку экрана, который оплывал багряными всполохами. Они вдруг стали закручиваться веретёнцами и густеть и вдруг обернулись взором. Не лицо, и даже не глаза как источник взгляда и зеркало души. Зрачки, уставившись двумя набрякшими вишнями, взирали в упор прямо в душу, пронизывая насквозь.

— Здравствуй, дитя моё. Тебе нужна помощь? Спрашивай.

— Почему... у тебя... такие красные глаза?

— Это — чтобы лучше тебя видеть...

(Продолжение следует)

МАРИНА САВВИНЫХ

ОТ КОРНЯ ОДНОГО

* * *

А земля, товарищ, у нас одна.
И за нами — топь да степь, да тайга.
Незабытые дедовы времена,
За горами схороненная тамга...
Да Ярилин сход, да Христов погост,
Да вчерашнее горе, да Китеж-град,
Да сосна — макушкой до самых звёзд,
Да любовь — на тысячу лет подряд...
И никто не осмелится — вот те крест! —
Осквернить наше слово, поджечь наш дом,
Потому что, друг, это наш Брест, —
Значит, мы, даже мёртвые, не уйдём.

САВВИНЫХ (Наумова) Марина Олеговна родилась в Красноярске. В 1978 году окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (ныне — университет имени В. П. Астафьева). Стихи, проза, публицистика печатались в журналах и альманахах “Юность”, “Уральский следопыт”, “День и ночь”, “Москва”, “Дети Ра”, “Крещатик” и др. Несколько стихотворений переведены на польский, французский, испанский, осетинский языки. Автор более десятка книг стихов, прозы и публицистики. Обладатель Красноярского краевого Губернаторского гранта за заслуги в области культуры (2008), ордена Достоевского I степени, главного приза Международного всеславянского литературного форума “Золотой витязь”. Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея. С 2007-го по 2019 год — главный редактор журнала “День и ночь”. Председатель издательского совета Редакционно-издательского центра “День и ночь”. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Член Союза писателей России.

* * *

А. Т.

Чинара меня позвала золотая,
Но осень прошла, и зима пронеслась,
И ветром весна обожгла, пролетая,
Покуда я к ней, наконец, собралась.
И вот, под покровом полдневного жара,
Сестра от таинственных древних корней,
Стою пред тобой, золотая чинара,
И радуюсь тихой молитве твоей.
Так руки твои над тропею воздеты,
Так речь твоя льётся, так слёзы горчат,
Что знаю — отхлынут всесветные беды
От грешной юдоли Дажьбожьих внучат,
Коль скоро просить за грехи человечьи
Деревьев становится праведный клир,
И смотрят настойчиво зрячие свечи
В унылые склепы ослепших квартир.
Как птице вернуться в постылую клетку?
Как снова поверить чужому добру?
Я молча целую цветущую ветку
И память причастья в дорогу беру.

* * *

Когда погребают эпоху...
А. Ахматова

Когда убивают Европу,
Не слышно крушенья систем —
Не время, подобно потопу,
Смывает стигматы со стен,
Не время меж морем и сушей,
Не время меж ночью и днём —
Гнилая вода равнодуший,
Как ртуть, растекается в нём.
Что слышим, что видим воочью?
Шакалы снуют по следам,
Тяжёлой обугленной ночью
Костями хрустит Нотр-Дам,
Пока ещё трезв и солиден,
Сопит почерневший Берлин,
Гуляет по Унтер-ден-Линден
Навеянный сплетнями сплин...
Что ж, мойры, злосчастье ткёте?
Приятно ли козни плести?
Потомство Вольтера и Гёте
Не смеет глаза отвести,
В припадках блудливых коллизий
И стыд позабывши, и честь,
От вывесок радужной слизи,
Которых повсюду не счесть.
Под ними все дыры бездонны —
Весь мир безнадёжен и сер...
И катятся слёзы Мадонны
По мёртвым глазницам химер.

* * *

Река и речь — от корня одного.
В мерцании значения былого
Присутствует их древнее родство..
Так в громком “слава” проступает “слово”,
Так “слово” расцветает в “соловье”
И в “солнце” — благодатно и сурово.
А “речь” живёт и в ласковом ручье,
И в отреченье схимника святого.

Отражены “начало” и “конец”
Друг в друге прорастаньем вечных зёрен.
“Кров” — “крови” прирастающей венец,
И “чёрт” не зря и чопорен, и чёрен.
“Род” в “радости” и в “гордости” гудит,
И в “раде”, вести вольного совета..
А в “стаде” спрятан “стан” и слышен “стыд”,
Как в песне — птица, а в полёте — лето...

НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ

ТЕРРИТОРИЯ ВОЙНЫ

РОМАН

Враги твои в доме твоём...

В небесно-прозрачной, необъятной водной глади озера плескались, остужаясь, лучи жаркого солнца, восшедшего в зенит дня. Ветерку не хватало дыхания, и он не мог вспенить голубых вод озера и тем самым внести волнение в эту безмятежную тишь и красоту окружающей природы. Во всей этой тиши и глади, что казались вечным присутствием покоя на планете, не чувствовалось никакого напряжения, это состояние окружающего мира было настолько естественным, и даже чуть слышный шум в зарослях прибрежного камыша не раздражал, а лишь усиливал желание остановиться, взглядеться и, может быть, забыв обо всём на свете, пройтись прямо по глади озера туда, где над водным простором, в чуть дрожащей дымке, живёт радость, которая и есть жизнь всего, что существует на Земле. Но хотелось и смирить дыхание, чтобы полнее услышать музыку этой затаившейся вокруг озера тишины, где раздавались редкие всплески и шорохи, будто невидимый музыкант, задумавшийся над сочинением мелодии Вечности, изредка трогал клавиши, настраивая инструмент для воспроизведения великой музыки.

Журнальный вариант.

ЗАЙЦЕВ Николай Петрович родился в 1950 году в Казахстане. После школы работал в топографической экспедиции, закрытщиком, радиомехаником, корреспондентом. Мастер по изготовлению очковой оптики. Печатался в журналах "Простор", "Нива", "Наш современник", "Молодая гвардия" и многих других. Автор поэтических сборников, книг повестей и рассказов. Лауреат премий имени В. И. Белова 2009 года и В. М. Шукшина 2013 года. Победитель множества литературных конкурсов. Член Союза писателей Казахстана и Союза писателей России.

В разломе камышей, что опоясали ближний к лесу берег озера, можно было видеть обычную рыбацкую лодку, а в ней человека, замерших здесь, неразрывно слившись с тишиной и музыкой, и потому оказавшихся необходимыми предметами в природном сюжете уже кем-то выписанной картины этого пространства жизни. Нос лодки, втащенный на берег, слился с твердью, а корма осталась в воде, неразрывно связав собою две стихии — водную и земную — и человека, оказавшегося меж ними. Одет человек был просто: футболка, давно выцветшая в совсем неопределённый цвет, и старая шляпа с опущенными к лицу полями, какие обычно надевают рыбаки. Поза его сидения в лодке носила отпечаток какой-то трагической обречённости, но не только своей, а распространялась вокруг и куда-то дальше: руки и голова были безвольно брошены книзу и так замерли, будто представляли собою персонаж некоей скульптурной композиции. Изваяние печали — так можно было поименовать это выражение одинокой грусти среди музыки тишины. Фигура, сломленная всемирной усталостью, внезапно наступившей в счастливом течении окружающей жизни, образовалась здесь, среди пространства радости и света, и застыла отображением ещё неизвестной миру печали.

Но вот человек встрепенулся, будто услышал какой-то нарождающийся звук, что пригласил к действию, шагнул за борт лодки и стал подниматься на невысокий берег озера по деревянным ступеням, почерневшим от времени и воды. Взобравшись на берег, он направился к лесу, на опушке которого одиноко высился сруб дома, собранный из цельных брёвен по всем правилам постройки лесного жилища. Из будки, прижавшейся к боку порога, выскочила овчарка и закрутила головой, хвостом, негромким повизгиванием приветствуя хозяина. Человек потрепал пса по загривку, поднялся на крыльцо и вошёл в дом. Прошёл к шкафу, достал буханку хлеба, накрошил в чашку и залил молоком из стоящего на полу бидона, вновь сошёл с крыльца и вылил эту нехитрую, но вполне съедобную мешанину в собачью чашку, устало поднялся на крыльцо и, войдя в дом, прилёг на кровать, закрыл глаза, и присутствующий окружающий мир исчез, его заменило пространство некоего другого бытия. И вот такого.

Вот он, Иван Заводьев, принимает из рук сестрички милосердия розовый свёрток и, улыбаясь, несёт его в дрожащих от неуверенности и непривычности к этой ноше руках к машине, а за ним гурьбой следуют друзья, родственники и жена, подарившая ему первенца — дочь. Ещё через год родился сын, семья стала полной радостью, а он трудился не покладая рук в цехе мебельной фабрики в качестве сборщика шкафов, тумбочек, кроватей и прочей домашней утвари. Потом сам, вдруг вспомнив уроки черчения, стал проектировать эту самую утварь, и начальство оценило его проекты: он был назначен мастером мебельного цеха и стал частым гостем в конструкторском бюро. Его мебель уже присутствовала на выставках, он имел патенты на свои конструкции, называл кухонные и гостинные ансамбли именами дочери и жены, гордился своим трудом, но грянула перестройка — спутались дела и мысли — всё переменялось, стало непонятным, и если бы не случай, возможно, Иван пополнил бы ряды армии безработных.

В цех, уже наполовину остановленный в работе, заглянул сам директор фабрики, всегда хорошо относившийся к Ивану как к дельному работнику, и предложил ему купить мебельный цех, в котором он с недавнего времени был начальником.

— Как это — купить? — не понял Иван.

— А так, заплатит некоторые деньги, и всё это, — директор повёл рукою вокруг, — будет ваше, Иван Александрович. Я возражать не стану, но если вы откажетесь, купцов на это предприятие найдётся много. Я уважаю ваше трудолюбие, смекалку и настоятельно советую принять моё предложение. Если вдруг возникнут финансовые затруднения, мы поможем оформить кредит в банке. А теперь ступайте в бухгалтерию, там уже подготовили документы на продажу цеха.

Когда Иван получил на руки все бумаги, дающие право на покупку цеха, он был удивлён суммой платы за предприятие, где трудилось два десятка человек, работали станки, пилорама, да и само здание недавно прошло

капитальный ремонт. Сумма в бумагах была прописана невеликая, будто покупалось что-то не совсем настоящее, игрушечное. Вечером состоялся семейный совет, и было решено: брать. Жена подсуетилась, собрала всю сумму наличными, и Иван с большой сумкой, полной денег, прибыл в бухгалтерию, где кучеры долго пересчитывали, а ближе к обеду он стал единственным владельцем цеха по изготовлению мебели. Всё это произошло буднично и просто, потому, наверное, ещё долгое время он не воспринимал себя как хозяина, а работников цеха — прилагающейся сюда же наёмной рабочей силой.

Прошёл немалый срок, когда ему стал понятен смысл перемен, и сама жизнь и работа приняла в себя реальные черты времени, разумно и решительно отвергнув сомнительную роль стороннего наблюдателя за чередой новых событий. Теперь нужно было самому искать заказы, налаживать контакты с мебельными магазинами, что стало очень непростым делом — на страну обрушился шквал низкосортной импортной продукции, но пригодились образцы мебели, придуманной и сконструированной им самим, и дело малопомалу пошло в гору. К чести нового хозяина, он в трудные для предприятия годы никого не уволил, платил скудно, но вовремя, что в то недавнее дикое время считалось неплохим результатом: на других частных предприятиях не платили вовсе. Десяток с лишним лет протетели в трудах и заботах незаметно, без отлучек, отпусков и с крайне редкими выходными днями. Иван ощутил прошедшее время, только когда вдруг заметил, как повзрослели его дети: дочь превратилась в необыкновенно прелестную девушку, а сын — в ладного парня, широкого в плечах, непривычно серьёзного, увлечённого спортом, театром и литературой. Дочь училась в медицинском вузе на провизора и подрабатывала в аптеке, где хозяйкой была жена Ивана, то есть мама. Сын занимался в театральной студии и посещал спортивную школу плавания. Говорили, что у него неплохие творческие задатки и в спорте он тоже не последний в группе пловцов вольного стиля. Всё это радовало Ивана, но как-то мимоходом, основное время занимала работа. К тому времени он стал акционером родной мебельной фабрики, возродившейся из пепла вокруг его цеха, вставшего на ноги и потянувшего за собою основные мощности упавочного производства, вошёл в совет директоров, что поимённо числился на бумаге: руководить расширенным предприятием приходилось в одиночку.

Когда же всё это случилось, как он остался один в этом доме у леса, у озера? Работа, работа, и вдруг болезнь остановила бег времени, поставила его жизнь на край бытия и спросила: “Зачем и куда ты торопишься?” Он ответил: “Спешу жить”. А теперь, когда ты знаешь, что жизнь вот-вот кончится, как поступишь с остатком временем существования на Земле? Этого он не знал, не ведал и даже не догадывался, что эта страшная беда могла произойти с ним, и не верил, что она уже происходит.

В кабинете после совещания с начальниками цехов Иван Александрович остался один, позвал секретаршу и спросил себе чаю. В одиночестве пил любимый напиток, размышляя о будущих поставках нового оборудования, организации итальянской линии по сборке мебели, но неожиданно почувствовал жжение внутри себя, где-то под грудной клеткой. Он поднялся, но голова закружилась, в глазах поплыли чёрные метляки, и пришлось вновь опуститься в кресло. “Совсем закрутился. Надо ехать домой, отдохнуть”, — решил он и вызвал машину.

Что-то позванивало в голове и подташнивало изнутри, когда он вошёл в дом. Немного послонялся по пустым комнатам, ничего не пытаясь в себе распознать, не признавая возможных недужных перемен, переоделся в домашнее, прилёг на диван и быстро задремал.

Проснулся Иван только утром, заботливо укрытый одеялом, сразу поднялся и вновь ощутил лёгкое головокружение, но после умывания прохладной водой и бритья вернулась всегдашняя бодрость духа и тела. Уже поднялась жена, и он слышал, как на сковородке шкворчала его любимая утренняя еда — омлет. Он оделся и вышел к завтраку, но после первого же проглоченного кусочка омлета появилось жжение внутри; однако Иван промолчал, допил чай и в неприятном состоянии неравновесия мыслей отправился на работу.

За делами, встречами неприятные ощущения забылись, но наступило обеденное время, и после первого глотка апельсинового сока изнутри организма что-то вздрогнуло, и боль потекла от желудка к глотке, заставив Ивана вскрикнуть. Его пожилая секретарша, а он всегда обедал с нею в соседнем с контрольной кафе, удивлённо взглянула и, заметив непривычную растерянность на лице шефа, спросила: “Что с вами, Иван Александрович?” — “Больно, вот здесь”, — он приложил руку к солнечному сплетению. “Одну минуту”, — секретарша порылась в сумочке, нашла таблетки и, подав одну из них, попросила выпить. Иван редко принимал медицинские препараты, но эту таблетку покорно проглотил, запил водой и, закрыв глаза, стал вслушиваться в себя. Через некоторое время боль и вправду утихла, и он не спеша, без особого аппетита покусался. В офисе секретарша по-матерински настойчиво посоветовала обследоваться на предмет состояния здоровья, и даже назвала адрес клиники и дала визитную карточку врача.

Иван же думал по-другому: “Пройдёт. С чего бы это ради идти на обследование. Нужно просто хорошо отдохнуть. Через два дня выходные, уеду куда-нибудь на реку, поброжу на воздухе, порыбачу, и здоровье поправится”. Но не прошло. За ужином он опять ощутил жжение, а потом по телу раскатилась боль, и он, сославшись на усталость, отказался от продолжения ужина и прилёг в своей спальне, затворив двери и выключив свет. Ему казалось, что в темноте боль, ослепнув, отступит, и можно будет уснуть, а утро вечера всегда бывает мудрее. Боль действительно ещё немного посетилась, потыкалась сослепу в разные отделы живота и исчезла. Иван искал её, ощупывая свой живот, грудь и даже лицо, но от боли не осталось и следа, и как он ни давил руками части своего тела, никаких неприятных ощущений не обнаружилось, и, успокоившись на этом, он заснул.

Утром Иван не стал завтракать — боялся прикасаться к еде и, отговорившись занятостью, отбыл на службу. Но как бы он ни торопился уехать от объяснений по поводу нарушения привычного ритма жизни, успел заметить встревоженный взгляд жены, проводивший его к двери. “Как же быть? Голодом ведь я долго не протяну. Правда, и кушать не хочется. Может быть, всё-таки поехать в клинику? Ладно, проведу совещание, подпишу бумаги и поеду к врачу”, — и он не смог вспомнить, когда последний раз был на приёме в поликлинике.

На службе он отвлёкся от болезненной проблемы, быстро завершил необходимые дела, но в преддверии обеда начался усиливаться страх перед едой. Он уже мог себе представить, как проглатывает первую ложку супа, и боль сразу же отзывается навстречу еде и пронзает насквозь его могучее тело, и тут же противно начинало сосать под ложечкой. В этом состоянии предчувствия опасности он поехал в клинику, предупредив секретаршу о какой-то деловой встрече. Удивился, войдя в помещение больницы, — всё здесь блистало чистотой и дышало каким-то небольшим уютом. Тут росли вечнозелёные тропические растения, ходили улыбающиеся, длинноногие медсёстры, ухоженные, как и декоративные цветы, росшие в красивых кадках, горшках и вазах. “Больницей здесь и не пахнет. Оранжерея какая-то, а не клиника”, — подумал Иван и спросил в регистратуре доктора, фамилия которого была указана на визитке. Из двери приёмного отдела выпорхнула девушка модельной внешности и повела его за собой в глубины оздоровительного комплекса. Поднявшись на лифте, миновав пару коридоров, он оказался в кабинете тет-а-тет с доктором, что внешностью напоминал библейского царя Соломона, а речью — неисправимого пессимиста.

— Ну-с, и с чем вы к нам пожаловали? — задал вопрос доктор.

— Пока только с жалобой, — бодро ответил Иван, но доктор ничуть не изменился в лице, а напротив, стал ещё угрюмее.

— Выкладывайте всё, как есть. А если не секрет, кто вас направил ко мне? — не скрыл своего интереса врач.

— Мой секретарь, — сразу на второй вопрос ответил Иван и назвал имя интересующего объекта и название своей фирмы.

— Ах, да, Анна Сергеевна! Как же помню, помню. Милая женщина. Как она себя нынче чувствует? — Доктор отчего-то повеселел.

— С нею, слава Богу, всё хорошо, — успокоил Иван, — но неважно чувствую себя я, её шеф. Вот она и направила меня к вам.

— Ну что ж, рассказывайте, что с вами случилось, а я буду думать, как вам помочь, — обнадежил доктор.

— Боюсь кушать, доктор. Проглатываю первый кусок, и тут же возникает жжение. Вот здесь, — Иван приложил ладонь руки к животу, — а потом начинается боль. — Доктор поднялся из-за стола, подошёл к окну, глянул за стекло, будто там, где-то в тихом больничном саду и затаилась боль, беспокоящая его пациента, потом обернулся к Ивану, велел раздеться до пояса и лечь на кушетку, что стояла отделённая белой ширмой с другой стороны стола.

Иван улёгся на белую прохладу кушетки, и доктор принялся мять его живот своими очень уж костлявыми пальцами, бесконечно вопрошая: “Больно, больно, больно...?” Неприятно было, но только от самой процедуры и холода кушетки под спиной, но боли Иван не чувствовал и отвечал, как есть.

— Интересно, — только и сказал врач после недолгого ощупывания Иванова живота и велел одеваться. Потом он что-то долго писал, изредка поглядывая на пациента и только после этих действий начал задавать вопросы:

— Как вы питаетесь? Что кушаете?

Иван рассказал всё, что знал о своём питании, и доктор удовлетворённо кивал вслед словам этой исповеди головой.

— Итак, любезный, — доктор глянул в карточку, — Иван Александрович, вам надобно срочно лечь в нашу клинику и пройти полное обследование на предмет установления точного диагноза болезни, чтобы потом применить необходимые методы лечения.

— Но вот вчера Анна Сергеевна дала мне выпить какую-то таблетку, и боль исчезла, — возразил Иван.

— Это временное средство, точечное. А надо искать причину боли, чтобы её устранить. Навсегда, — умно ответил доктор.

— Но у меня много дел. Нельзя ли как-нибудь в рабочем порядке, — противился Иван.

— Как-нибудь нельзя и в рабочем порядке тоже. У вас свои методы работы, у нас — свои. И потом — это ваше здоровье, и чем быстрее мы узнаем диагноз, тем оперативнее будет вмешательство.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Иван, совершенно не понимая, над чем он хочет думать.

— Вот вам направление. Не волнуйтесь, весь процесс вашего оздоровления буду курировать лично. За приём рассчитаетесь в регистратуре.

Промучившись ещё долгих два дня, которые раньше пролетали незаметно, а теперь наполнились страхом перед едой и потому тянулись неуверенно и неторопливо, боясь лишних движений тела — чаще стала кружиться голова, — уже оголодавшего и потерявшего аппетит, а вместе с ним интерес к радостям жизни, Иван закончил трудовую неделю и начал размышлять, как провести выходные дни, чтобы обрести душевное равновесие, а с ним и телесное здоровье.

В субботу ранним утром с другом детства и всей другой жизни они отправились на рыбалку. На свежем воздухе, у воды, настроение Ивана улучшилось, но как только из пойманной рыбы сварили уху и открыли бутылку водки, он испугался, предчувствуя окончание этого маленького праздника, который может омрачить боль в теле. На берегу озера, на небольшом столе, в тиши и покое окружающей природы, в котле дымилась наваристая уха, отдельно в большой чашке лежала отварная рыба, овощи, а он никак не мог заставить себя отведать всех этих простых яств. Друг заметил его нерешительность и, закусив выпитую водку, спросил:

— Ты что это, Ваня, сачкуешь, приступай к обязанностям, что на рыбалке святые. Выпивай и закусывай.

Осмелев от этих добрых слов, Иван выпил, водка прокатилась в желудок, отдалась изнутри теплом, но не вызвала ни жжения, ни боли. Он стал осторожно закусывать, почувствовал аппетит и, совсем осмелев, принялся за рыбу, заметно повеселел, а после второго стакана и вовсе забыл о своих былых

мучениях. Однако в дальнейшей дружеской беседе он поведал Сергею (так звали друга) о своих неприятностях, о страхе перед пищей, про клинику и желание доктора уложить его на обследование в стационар. Друг внимательно его осмотрел и только потом высказал свои мысли:

— Вижу, что таишься от всех, но этого делать не нужно. И болезнь загонять в глубь себя тоже не следует. А перемены в себе никуда не спрячешь — похудел, нервничаешь. Жена твоя ко мне приходила, говорит о тебе, о твоих нынешних причудах, а ты всё думаешь, что никто ни о чём не догадывается. Мы с тобой выросли вместе, как братья, почитай, а жена тем более — бок о бок с тобой живёт много лет. Ты ещё думаешь о чём-то, а она уже знает, чего ты хочешь. Обидно ей, будто не доверяешь, который день дома не ешь и всё причины всякие придумываешь. Огорчить боишься? Если радость вместе, то и горе пополам. А тут и горе, ещё неизвестно — какое; если сейчас выпил, закусил, и ничего не болит, значит, ничего страшного. Бог даст, сама болезнь пройдёт, а нет — ляжешь на обследование. Знай наперёд, мы всегда с тобой! — И Сергей поднял налитый стакан.

Дружеская беседа за ухой и водочкой продолжалась до полуночи, и ничего у Ивана не болело, и страх пропал, и жить хотелось не на шутку, долго и счастливо. Разговор шёл о делах, просто о жизни, женщинах, детях, а потом, наговорившись и насытившись, поднялись от берега озера в дом и легли спать. Но утро не стало продолжением здоровой радости — тошнота подступала к самой глотке, и это была не похмельная тягость, а что-то иное, тайное, зародившееся в теле и требующее платы за всякое неводержание в еде и питье. Сил отлёжаться от желания исторгнуть из себя лишнее не хватило надолго, Иван вышел во двор, его долго рвало, а когда мучительное действие закончилось, он едва поднялся на крыльцо, вошёл в дом, упал на постель и провалился разумом в мутный мир неизвестности. Там жили какие-то люди, угрюмые и неласковые, они что-то недоговаривали, а на вопросы Ивана о будущей жизни отводили взгляд и быстро исчезали. Так и не добившись в ином мире никаких новых познаний, Иван вернулся в реальность, ещё более неясную, чем прежде. Чувствовал он себя неплохо, но тревога, поселившаяся прямо под солнечным сплетением, мешала поверить в будущую деятельную жизнь.

Он выглянул в окно, по берегу озера прогуливался Сергей. “Когда успею подняться?” — подумал Иван и тоже вышел на воздух. На берегу озера стояла девственная тишина, внизу в раннем утреннем времени дремала ровная водная гладь — ни ветерка, ни единого шороха в зарослях камышей. Друзья тоже молчали, бродили туда-сюда по тропинке, проложенной вокруг водного пространства, и казалось, что все желания и чувства окружающего мира притихли, охраняя покой вздымающегося над водой будущего дня. Но вот Сергей повернул свои шаги в сторону дома, входить не стал, а присел на крыльце, и когда Иван подошёл к нему, спросил:

— Домой поедем или как? Тебе что, опять плохо было?

— Да, рвало ночью, — ответил Иван.

— Надо ехать. Дома, в семье решайте, как быть. На неделю я тебя подменю, в моих цехах заместитель справится. Но только на неделю, долго и не думай болеть, производство не терпит остановок, а человеческий организм — тем более. Давай, собираться будем. — Сергей поднялся и пошёл в дом.

Дорога, на которую они вскоре выбрались с просёлка, была пуста, и автомобиль весело помчался вдаль, будто радуясь вольному движению своих колёс. В пути друзья молчали, Сергей включил приёмник, и салон наполнили звуки звонкой итальянской мелодии, нехитрой в исполнении, но приятной для слуха. Хрипловатый голос Челентано рассказывал что-то интересное о красотах Италии с той доверчивой приятцей, что свойственна только итальянской песне, схожей в своей простоте с трелью соловья.

Время в пути пролетело незаметно. На прощание Сергей сказал:

— Если что, звони. Ну, там отвезти, привезти.

— Пока ещё сам могу добраться и убраться. Спасибо, — грустно улыбнулся в ответ Иван, на том и расстались. Дома всё внешне выглядело спокойно, семья встретила его, завтракая в кухне за столом, он присоединился

и выпил чашку чаю с молоком, съел кусочек сыра и, почувствовав тошноту, ушёл в свою комнату отдохнуть. Прилёг и организм перестал волноваться, он незаметно задремал, а когда проснулся, увидел у кровати жену, что сидела в кресле и безотрывно смотрела на него. Иван улыбнулся ей, и это послужило неким сигналом — из глаз жены полились слёзы. Но если для женщины слёзы — благодать облегчения, то мужчине женский плач — будто в сердце нож, тем более, когда причиной этих рыданий является он сам. И пусть он лишь косвенно виноват перед ней, но такая боль была видна на её мокром, беспомощном лице, что Иван поднялся с кровати, встал на колени, прижал всё её содрогающееся тело к своей груди и замер, ничего не говоря, а только целуя глаза, щёки, ощущая солёный вкус горькой тревоги, что поселилась в сердце любящей его женщины. Это его молчаливое откровение успокоило Марину, она немного отстранилась, отёрла слёзы и спросила:

— Что ты решил?

— Завтра поеду в клинику, на обследование. С Серёгой договорились, на работе он меня подменит. Детям пока ничего не говори, — шёпотом проговорил последние слова Иван.

— Они сами обо всём догадываются. Спрашивают, почему папа ничего не ест? Выросли уже, переживают по-взрослому, а ты всё боишься нас испугать. А мы не боимся, когда ты рядом с нами, а если молчишь и боль свою прячешь — нам страшно.

— Думал, как лучше, а получилось... Никто не знает, и болезни вроде нет. Не болел никогда серьёзно, потому и не знаю, как себя вести. Прости, но я не хотел, чтобы ты лишний раз тревожилась. — Иван погладил жену по голове.

— А ты меня не жалеи. Для того я жена и мать, чтобы в тревоге жить, а кончится это чувство непокоя, когда меня не станет, но если душа вечно жива, наверное, и там, в другом мире она будет полна волнений за оставшихся здесь родных людей. И так будет всегда. Тот, кого не заботит судьба своих близких, не достоин называться живым существом, Божьим творением, — ответила Марина.

— Ты что, в Бога веришь? — вопросом прокомментировал последние слова Иван.

— Да, верю. И в храм хожу. Тебе бы тоже не мешало покаяться и причаститься, а уж потом в больницу ложиться, без тягости на душе.

— Ну, что ж, если ты так советуешь, то завтра заеду в церковь, помолюсь, как могу, свечи поставлю.

— Это не моё желание, тебе нужно веру обрести, тогда и страх исчезнет, а с ним и болезнь, — уверенно ответила жена.

День прошёл в разговорах у телевизора, они обсуждали какие-то текущие дела и будущие тоже, заглядывали дети, оповещали о своём присутствии и снова исчезали вместе с запахом здоровой юности. Иван искренне радовался домашнему уюту, открытости всех тайн, блеску в глазах жены и улыбкам на лицах детей. Теперь он осознал свою глупость в желании уединиться от семьи со своей бедой, которая ещё вовсе и не страшна потому, что неясны причины болезни. Скоро, очень скоро завеса с тайны его недомогания спадёт, и всё станет по-прежнему хорошо. Он ещё ничего не знал, но верил в свою семью, друга, себя, а где-то внутри вырастала надежда на необозримость вечности будущего, что и должно определить пути его выздоровления.

Утром, не сомневаясь в правильности поступка, Иван приехал к храму святителя Николая Мирликийского и вошёл внутрь, чтобы выполнить наставления своей жены Марины и успокоить свою мятущуюся душу. В храме было пусто, только горели лампы перед образами святых, да пара благообразно-чистеньких старушек обмахивала пыль у икон в левом приделе. Иван купил свечи, подошёл и преклонился к аналою, к распятию Христа, встал у образа Николая Чудотворца и попросил у него скорого заступничества перед Господом. Божью Мать просил охранить семью, помянул родителей, а на выходе столкнулся с настоятелем, подошёл под благословение и, получив, попросил выслушать его:

— Батюшка, я хотел покаяться и причаститься.

— Сегодня службы нет, но к чему такая спешка? — спросил священник.

— Да, уж так случилось, — Иван рассказал, что привело его в храм.

— Дело серьёзное. Помолитесь у иконы Спасителя, а я сейчас приду, — батюшка ушёл, а Иван трижды прочёл “Отче наш”, встав на колени у ног распятого Христа, а когда поднялся, появился священник с Евангелием в руках, крестом и покрывалом. Внутри Ивана поднялась дрожь, когда он подходил к покаянию, возлагал у вечной книги свечу, а голову — на Святое Писание, потом каялся в малом уважении к почившим родителям, к своей семье, но после не помнил, о чём говорил. К причастию шёл со слезами на глазах, очнулся у поминального стола, где старушка подала ему кусочек хлеба и водички, а потом всё в том же лихорадочном состоянии смутения разума подошёл к аналою, коснулся губами образа Спасителя и, перекрестившись у выхода, покинул храм, продолжая трепетать душой и телом.

В двери здания клиники Иван входил в совершенно спокойном состоянии духа, и даже мысли его были не о болезни, а о будущем отпуске, благодатные дни которого они с женой решили провести на берегах Байкала, и Марина уже отыскала турагентство, что гарантировало комфортный отдых и полноценную культурную программу. Но вот кабинет доктора, и он не знал, что там, за дверьми, думают несколько по-другому, совсем не замечая отвлечённых и потому благих человеческих помыслов о жизни в этом мире. Иван постучался и вошёл. Он заметил, что доктор необычно оживился, пригласил присесть и спросил:

— Значит, решились к нам? Как себя чувствуете?

Иван без утайки рассказал и о поездке на рыбалку, и о твёрдом решении пройти необходимое обследование по поводу своего недомогания.

— Хорошо, хорошо, — одобрил доктор его планы доктор. — Сейчас дам задание медсестре, она приготовит палату. Вам отдельную или на двоих?

— Лучше отдельную. Люблю читать, да и одиночество больше нравится, суеты на службе хватает, — озвучил свои мысли Иван.

— Где служите, если не секрет? — в ответ спросил доктор.

— Какая тут может быть тайна. На мебельной фабрике, в совете директоров, — размыто ответил Иван, не упомянув себя в качестве хозяина одного из крупных сборочных цехов.

— И что, хорошую мебель производите? — интересовался далее доктор.

— Не хуже импортной. Итальянские линии производства, хорошие специалисты, твёрдый спрос на продукцию в ближнем зарубежье, — по-деловому отрапортовал Иван, и тут появилась медсестра и объявила, что палата для приёма больного приготовлена. Слово “больного” резануло слух, не хотелось, едва вошедши в клинику, переходить в разряд калек. Он хотел что-то возразить против такой бесцеремонности, но пришла старая, как мир, мысль, что в чужой монастырь со своим уставом нечего соваться — здесь другие порядки и названия, и звания у людей тоже иные, привычные для царства белых халатов. Так Иван окрестил это тайное для него сообщество врачей, медсестёр, белых стен, халатов и шапочек.

— Покуда отдыхайте, — сказал на прощание доктор, — но уже после обеда вами займутся специалисты. Если что-то вам покажется неприятным в процессе диагностики, звоните прямо мне. Зовут меня Юрий Михайлович. Запишите номер сотового телефона. — Он назвал цифры, и большой покорно записал их череду в телефонную книжку с припиской “Доктор”.

Больница — не родной дом, и в палате, пусть даже самой белоснежной и оборудованной всей новейшей системой жизнеобеспечения, человек чувствует себя неуютно, одиноко, а наличие различных медицинских аппаратов, окружающих тебя на больничном одре и должных при случае поддержать жизнелюбие твоего тела, наоборот, внушают страх разуму неясным назначением своего неустанного присутствия рядом с тобой. В таком окружении чудес цивилизации и поселился Иван, и первое, о чём пожалел, оставшись один в холодных кушах больничного рая, что не захватил с собой ни книг, ни журналов, а вся литература, которую он обнаружил на тумбочке у кровати, прописывала качество лекарственных препаратов, и после беглого просмотра этих красочных проспектов к горлу подступила тошнота, будто он испробовал

на себе действие всех этих чудодейственных средств. Отказавшись от изучения достижений медицинского прогресса, Иван прикрыл глаза и мысленно перенёсся в мир, где обитали здоровые люди.

Мысли Ивана ещё не прониклись присутствием болезни, существующей где-то там внутри тела, он не представлял этого события как свершившегося и не хотел вести разговоров о печальном происшествии в своей жизни, и даже думать об этом не желал. Его чувства не приобрели откровения жалости к себе — сильному, смелому, — не подверглись панике от страха перед неминуемой немощью, что всегда угнетает больного человека и делает его зависимым от болезни, и он становится заложником мыслей о своём недуге. Потому Иван думал о своей жизни так, будто ничего в ней не переменялось, и он по-прежнему участвует во всех её движениях лучшими желаниями и помыслами. Он желал поскорее выбраться из белоснежного царства медицины и продолжать жить за пределами понимания надобности докторов, медсестёр и всех этих хитроумных приспособлений их профессиональной деятельности. Он размышлял о работе, наладке новой сборочной линии, жене, детях и своей причастности к тому миру, в котором было привычно жить.

Но не далее как после обеденного перерыва его стали приучать к местным правилам проживания, совершенно не интересуясь его мнением по поводу надобности всех этих анализов и процедур. Возили в разные кабинеты на каталке, чему он отчаянно сопротивлялся, говорил, что может передвигаться на собственных ногах, но ему отвечали, мол, здесь так заведено, и они лишь исполняют указания доктора. Врачи и медсёстры действовали автоматически точно, и к вечеру он так устал от их по-хозяйски назойливой, вежливой речи и неустанного желания помощи в простых движениях, что появление в палате родной жены воспринял, как радость узрения ангела-хранителя. Хотя она тоже по необходимости надела белый халат, но её образ не совпадал с безликим населением клиники. Он так обрадовался её приходу, что какие-то чужие, но добрые слова рвались с языка и, долго не останавливаясь, лились речью, совсем не похожей на прежние беседы с женой. Потом он немного успокоился, и они обстоятельно говорили о детях, о будущем семьи и многом другом — старых и новых событиях, из чего и состоит жизнь. Жена ушла только поздним вечером, оставив в палате запах его любимых духов, фрукты, напитки и прочую снедь, которую люди несут в больницу, почему-то считая, что именно эти продукты должны ускорить выздоровление больного. Но главное, что Марина не забыла и принесла газеты и парочку новых художественных журналов с хорошими стихами и прозой, которые он нашёл на их страницах. Иван увлёкся чтением и на время выпал из реалий собственной жизни.

Утром натошак Ивана отвезли в кабинет внутренней диагностики, уложили в некий ящик, похожий на гроб, но сверкающий металлом, попросили закрыть глаза и загнули загруженный его телом аппарат в чёрную пасть какой-то конструкции, напоминающую модернизированную печь крематория. Чудо медицинского обследования называлось томографией и в чём-то заменило знакомый всем рентген, и под его всевидящее око попал Иван. В этом разоблачительном поле зрения его продержали несколько минут в полной темноте, вынули обратно и отвезли в палату, накормили и приказали отдыхать до получения результатов обследования. Он только успел спросить:

— Когда это произойдёт?

— Дня через два, — был ответ.

— А можно подождать дома? — пожелал отпуска больной.

— Нет. Курс лечения уже начат, вы получаете препараты, которые позволяют вам полноценно питаться. Ведь вы уже не испытываете прежних болей при приёме пищи? Это очень важно, дома всё может измениться в худшую сторону.

Иван, конечно, был рад такому событию, боль действительно исчезла, но сказали об этом счастье скучным, казённым голосом, с интонацией, выражающей приказ, потому особой радости от слов доктора он не испытал.

Другие два дня, оставшиеся до получения результатов обследования, Иван бездельничал, предавался чтению литературы, что доставляла жена,

гулял по больничному парку. Погода стояла чудесная — начало лета, — и он бродил меж огромных деревьев, разговаривал с ними, философствовал, и это всё получалось у него удивительно просто, будто в детстве, когда юные силы вводили его из дома в соседнюю с жилым массивом рощу, где с закадычным другом Серёгой они наслаждались пением птиц. Тогда они мечтали, что когда вырастут, то станут музыкантами и будут так же, как соловьи, творить мелодии райской музыки, которую соберутся слушать все жители городка, знакомые и нет, но все будут счастливы от чудесных звуков потому, что сейчас многим не хватает времени просто пройтись по роще и вслушаться в прекрасное пение невидимых птиц. Музыкантами они не стали, но музыку полюбили навсегда, покупали пластинки, записывали магнитофонные кассеты, а позже это были лазерные диски, и слушали, собираясь вдвоём, будто в той роще, под пышным кустом можжевельника.

Когда настал вечер последнего дня перед объявлением результата томографического диагностирования, пришла Марина, принесла фрукты и после недолгого обмена информацией о происшедших во времени переменах вдруг сказала:

— Иван, мне всё это время кажется, что я уже где-то встречалась с этим доктором. Эта бородка разночинца, улыбка отпетого негодя и взгляд, всепроникающий и отдающий холодным ознобом в спине, особенно когда он смотрит тебе вслед.

— Брось ты, Марина, доктора — они все на одно лицо. Привычка к человеческой боли порождает необходимый цинизм, как защитное средство от желания поскорее бросить эту работу и укрыться где-нибудь в лесу, чтобы не видеть слёз и глаз людей, вопиющих к тебе о помощи. Добрые, милосердные люди редко идут работать врачами, а если и становятся вдруг хирургами или, того хуже, онкологами, то очень скоро бегут... в провизоры, как моя жена. Потому, что она и есть само милосердие, — перевёл философию в юмор Иван.

— Не знаю, не знаю, но доктор этот мне знаком, — осталась при своём мнении Марина. — Ваня, ты только не обижайся, но я хочу спросить: завтра мне обязательно нужно присутствовать на этом самом консилиуме врачей, что соберутся по поводу определения причины твоего недомогания? Я так боюсь, а вот чего, не знаю сама.

— Ни в коем случае. Я сам тебе хотел об этом сказать. Справлюсь. Всё будет хорошо. А теперь иди, займись чем-нибудь, испеки большущий пирог с рыбой, а то я завтра вернусь домой, а есть нечего. — И он нежно прикоснулся губами к её лбу.

На следующий день около десяти часов утра его пригласили к доктору, где Иван ожидал увидеть толпу из светил медицины, но врач был один, видимо, консилиум состоялся без присутствия пациента. Некоторое время они смотрели друг на друга: доктор — изучающе, Иван — в ожидании, с надеждой. Потом между ними произошёл диалог, где вначале главенствовали слова доктора, но потом инициативу перехватил пациент:

— Иван Александрович, не хотел бы вас огорчать, но вы взрослый и умный человек и поймёте меня правильно, — начал с похвал разуму Ивана доктор. — К сожалению, у вас обнаружена опухоль на стыке пищевода и желудка. Задеты сразу два жизненно важных органа. Опухоль, к несчастью, недоброкачественная.

— У меня рак? — спросил Иван, перебив витиеватую речь врача.

— Да, так эту болезнь называют в народе. — Доктор резко отделил слушателей Гиппократов от других людей.

— Сколько мне осталось жить? — в упор задал вопрос больной.

— Так вопросы не решаются. Оперировать поздно, но продлить дни вашей жизни можно: несколько сеансов химиотерапии, и вы продержитесь ещё довольно долго.

— Но это будет полноценная жизнь или существование некоего полутрупа? — опять спросил Иван.

— Мы всегда рядом и будем готовы помочь вам. Правда, иногда придётся недельку-другую полежать в стационаре. Укрепить организм. Лечение, конечно, недешёвое, но другого выхода у нас нет.

— У кого это “у нас”? — речь Ивана задышала огнём.

— У нас, у всех. — Доктор абстрактно повёл рукою вокруг. — Мы продлим ваши дни в этой жизни, а вы нам за это заплатите.

— У вас здесь что, магазин? Вы предлагаете купить некий отрезок существования, жизни неизвестно какого сорта, а я должен платить за это туманное будущее. Вы мне можете обещать десять лет полноценной жизни? Если да, я оплачиваю каждый день по вашему счёту.

— Такого вам никто не может обещать, — занервничал доктор.

— Тогда зачем весь этот торг? Предлагаете неизвестный срок какого-то будущего, как товар неясного качества. Но я не хочу тратить средства на бесполезный отрезок будущей жизни. Я отказываюсь от лечения.

— Вы твёрдо решили?

— Да.

Доктор попросил написать расписку об отказе от лечения, ещё раз взглянул на него, будто на какое-то своё несбывшееся желание и отпустил.

Через полчаса Иван был дома, благо машина всё это время ждала хозяина на стоянке у больницы. Дом был пуст, и ещё некоторое время, находясь в состоянии крайнего возбуждения, он продолжал разговор с доктором, как ему казалось, только начатый в клинике, придумывая всё новые и новые злые слова для определения самой высшей меры безнравственности, озвученной в предложении доктора, осуждающие все условия несостоявшегося торга. Потом, немного успокоившись, он напился чаю с тем самым пирогом, что заказывал испечь жене, и только поднялся из-за стола, как хлопнула дверь и влетела Марина, упала ему на грудь и разрыдалась. Иван гладил жену по голове, спине, но какие слова утешения надобно говорить в этом случае, он не знал. Он всё ещё не понимал, что умереть скоро должен сам Иван Заводьев, то есть муж этой женщины, что плачет, уткнувшись в его грудь, боясь поднять лицо и взглянуть в глаза потенциальному покойнику. Он не считал себя таковым и потому не предполагал, что плачут именно о нём, и о ком можно так горько рыдать, тоже не понимал. Иван сдерживал своими ещё очень сильными руками трясущееся тело жены и думал, что вот так же точно Марина плакала после первой ночи, проведённой с ним, когда безвозвратно потеряла девичью невинность. Но тогда он, как мог, успокаивал её и всё повторял, что обязательно женится на ней и, если она захочет, завтра можно подать заявление в загс, их сразу же расшлют, потому, что они любят друг друга. Но сейчас Иван не знал, как унять эти горькие женские рыдания, в которых чувствовалась безнадежность исхода от беды, уже наполовину заполнившей этот дом.

Дальнейшие события показали, что семья испытывает самые искренние чувства от пришествия в дом неожиданного горя. Жена и дети окружили Ивана такой заботой, что это их сочувствие его болезни обещало совершенно беззаботный уход его души в мир иной. Такое непривычное участие напугало, умирать не хотелось, и потому он просил своих близких не обращать на него внимания, а ещё меньше — на саму болезнь. Иван ходил на работу, ловил на себе мучительно-жалостливые взгляды сослуживцев, но, будучи человеком мужественным, старался не думать о скором фатальном выходе из жизни. Только друг Серёга никак не реагировал на разговоры о болезни Ивана, приглашал его домой послушать музыку, выпить по рюмке чаю и ни разу не спросил, как себя чувствует друг.

Однажды глухой и какой-то особенно тёмной ночью, лёжа в постели без сна, Иван вдруг осознал, что он эгоист и что смерть не должна напоминать живым людям о своём присутствии на земле. Люди не должны видеть рядом постепенно разлагающееся существо, внимать ему и содрогаться при мысли о том, что может случиться сейчас, через час и даже пусть немного позже, но это обязательно должно произойти. Он понял, что наполняет пространство вокруг себя смертельным страхом. И он принял решение — исчезнуть.

Наутро следующего дня, находясь в конторе своей фирмы, он поручил юристу перевести акции предприятия, принадлежащие лично ему, на имя жены Марины. Это послужило началом ухода, нет, не из жизни — от людей, благородное человеческое желание избавить окружающих от присутствия

смерти. В этот же день Иван встретился с другом Сергеем и попросил помочь в предстоящем нелёгком разговоре с женой, а потом неожиданно попросил: — Серёга, продай мне тот дом у озера. Ты всё равно там редко бываешь. А я там буду жить — сколько проживу.

— Иван, ты думаешь, о чём говоришь? Продай... Подарить могу, хочешь, сейчас поедem к нотариусу и оформим дарственную — только живи.

— Ну-ну, — похлопал друга по плечу Иван, — рано меня ещё оплакивать. Буду сопротивляться, пока хватит сил. Будем жить, Серёга. Просто мне надо подумать о многом, а заодно и о том, как остаться с вами на долгие годы. Я этого очень хочу.

Иван опасался разговора с женой, но он должен состояться, независимо от его желания, и не трусость присутствовала здесь, в этой боязни (что может испугать человека, стоящего у порога другого мира, может, лучшего, а скорее, неизвестного!), он не хотел видеть слёзы в глазах Марины и содрогался от знания того, что это не последние горькие проводы. Помог друг Серёга — через слёзы, несогласие с решением мужа, он сумел убедить Марину, что на природе, на вольном воздухе скорее придёт выздоровление. Почему это оздоровление должно произойти, никто не знал, но любящие Ивана люди верили в такой исход непонятной болезни. Верил и сам Иван. И поверил ещё больше после слов жены:

— Иван, я не верю этому доктору. Я его узнала. Это он посылал меня на аборт, когда я носила Володю. Он обманывает людей, а значит, хочет обмануть и тебя. Не верю, не верю! — Жена обтёрла полотенцем мокрое от слёз лицо и совершенно спокойно пошла собирать вещи.

Уже в дороге вспомнилась давняя история с абортom, о которой говорила жена. Забеременев вторым ребёнком, Марина отправилась в женскую консультацию. Как водится, сдала анализы, но когда пришла узнать результаты, её пригласил врач и сказал, что дела её плохи — плод подвержен необратимой патологии. Марина вернулась домой в слезах, но с твёрдым желанием — рожать, невзирая на угрозы со стороны медицины. Она больше не ходила в поликлинику, а когда пришло время родов, уехала в другой город, к своей давней подруге по институту, которая в то время заведовала родильным отделением ташкинской больницы, где благополучно разродилась здоровым младенцем мужского пола. Она была так рада этому происшествию, что простила местных врачей их ошибку. Но вот теперь оказалось, что не совсем она, эта докторская ошибка, была позабыта.

Теперь уже больше месяца Иван жил отшельником в доме на берегу чудного озера с названием Камышовое. Так называли эту залитую в земную чашу живую водную стихию, обрамлённую по краям зарослями камыша, жители деревни, что находится неподалёку. Иван обосновался в доме друга и даже завёл собаку, что сама прибилась к жилищу, да так и осталась жить здесь, скрашивая одиночество человека, который по доброте своей приветил животное, кормил и беседовал с ней в отсутствие других слушателей. Собака, которую он назвал Альфой (как первую в новой жизни), вначале всюду следовала за ним, первой забиралась в лодку и лежала на дне, не поднимая головы, пока хозяин рыбачил или просто совершал прогулку по озеру, но потом вдруг перестала сопровождать его, оставалась дома, в своей сколоченной Иваном будке, всем своим видом показывая, что охрана дома и есть её основная собачья служба. Хозяин не протестовал против такого собачьего решения — дом не должен оставаться пустым в его отсутствие, а отлучался он часто: ходил в деревню купить молока, хлеба, катался в лодке по озеру, рыбачил, брал в лесу ягоду. Болезнь не сильно его донимала, трудно было сделать первый глоток молока и проглотить кусок хлеба, а потом боль успокаивалась, и он оставался жив, хотя питался только хлебом и молоком, добавляя в рацион варёную рыбу и лесную ягоду. Жизнь продолжалась, и он был доволен этим малым счастьем и улыбался новому дню, шуму камыша, разноголосому крику птиц, налетающих к озеру рыбачить, собачьим глазам, преданно глядевшим ему в лицо, и многим другим чудесам, что бываюT и происходят всюду, но часто остаются нами не замеченными в суете городов и вдруг становятся искренней радостью одиночества среди живой природы.

Сегодня он долго бороздил вёслами воды озера, потом, причалив, сидел в лодке, тяжело думая о неясности событий, происходящих с ним, о болезни: если она есть, почему не прогрессирует? Утомился, но заставил себя подняться и пошёл в дом, и увидел, как за деревьями в лесу мелькнуло что-то, похожее на силуэт человека, но меньшего размера, детского. Иван уже не впервые замечал такое мелькание, и ему казалось, что кто-то ведёт наблюдение за его жизнью здесь. Он ходил и осматривал опушку леса, но никаких признаков присутствия человека не находилось. Его это мало тревожило, и он справедливо считал, что взять с больного, одинокого жителя этого захолустья нечего, а причина чьего-то перемещения в лесу выяснится сама собой.

Покормив собаку, Иван вернулся в дом и, сняв обувь, прилёг на кровать отдохнуть от долгой прогулки, изрядно намахавшись вёслами. В несовершенном дремотном сне ему виделась пустыня, он брёл по песку неизвестно в какие дали и желал только одного: где-нибудь остановиться и прилечь. Оазис появился, будто из-под земли, здесь росли мандариновые деревья, и обильные плоды клонили их ветви долу. Среди деревьев бил родник и наполнял водою небольшое озеро в низине. Иван напился студёной чистой воды и присел, прижавшись спиной к стволу дерева, но тут стали падать ярко-жёлтые мандарины, громко стуча о землю, голову, воду ручья. Проснувшись от этого стука, Иван не сразу понял, что стучат в окно дома, дальше от крыльца, куда привязь не даёт подойти собаке, злое рычание которой слышалось во дворе. Он поднялся и выглянул в окно — на дворе стоял мужчина высокого роста и, широко улыбаясь, как бы просил хозяина выйти из дому.

Иван вышел, цыкнул на собаку и огляделся. Неподальку стояла запылённая, потрёпанная “Нива” — надёжный транспорт охотников и рыболовов, возле неё двое мужиков, а один, что стучал в окно, шёл к нему.

— Хозяин, можно тут у вас порыбачить? — спросил он на ходу.

— Можно, если удочки есть, — ответил Иван.

— Есть. А лодку можно взять? — опять спросил он.

— И лодку можно. Только осторожно, не перевернитесь, посудина ветхая, и спасать вас здесь некому, — предупредил Иван.

— Уж постараемся. А вы что, один здесь живёте? — вопросительно глянул по сторонам проситель.

— Не совсем один, собака тоже душа живая.

Пёс в подтверждение слов хозяина вышел из будки и добродушно взлаял.

— Ну, тогда мы пошли, — и мужчина отошёл к машине. Рыбаки вынули снасти и направились к берегу озера. Иван тоже подошёл ближе, но вниз спускаться не стал, а наблюдал сверху, как ловко мужики управляют с лодкой, отчаливают и, в душе пожелав им удачного клёва и лова, вернулся в дом. Надо было ждать, когда вернутся мужики с рыбалки, может быть, им ещё что-нибудь понадобится, и удастся перекинуться словом, а возможно, и беседа получится. Нельзя сказать, что Иван сильно скучал без общества людей, но поговорить хотелось, а мужики, как он их определил, были нормальные — без хамских замашек и нынешних блатных выкрутасов. Не нувориши, а обычные люди, решившие немного отдохнуть на природе. Иван подошёл к полкам, на которых стояли книги, что недавно привёз друг Серёга, выбрал “Дар” Набокова и, присев в кресло, начал читать, и сразу же растворился в распахнутом к читателю мире изящной словесности, прекрасного сплетения набоковского слога, из которого состоят объёмные, длинные предложения, где начало и окончание означают уже совершенно различное действие. Он так увлёкся чтением, что не заметил, как день стал клониться к закату, а когда в окно вновь постучали, подумал: “Уж больно быстро вернулись мои рыбаки. Не ловится, видно, рыба”.

Заложив меж страницами карандаш, отправился встречать мужиков. Гости складывали снасти в багажник машины. Иван подошёл к ним и спросил:

— А рыба-то где?

— В лодке осталась. Не найдётся ли котла, хозяин, ушницу сварить?

— Найдётся. Вы несите рыбу, чистите, а я огонь разведу и воду поставлю греть. — Гостеприимный хозяин ушёл в дом. Дело заспорилось — мужи-

ки разделявали пойманную рыбу, а Иван развёл огонь, подвесил к нему котелок с водой, и разговор затеялся сам собой:

— Решили в кои веки отдохнуть от работы, от семьи — рыбки половить.

Высокий назвался Алексеем, круглолицый и плотный, как боксёрская груша, — Виталием, худощавый очкарик — Олегом. Иван спросил гостей, мол, надолго ли в эти края?

— Пару дней можем побывать. Только с ночлегом не знаем, как сподобиться. Двое в машине, а вот третьего куда девать? — И двое взглянули в сторону очкарика, что усердно ломал хворост и не слышал их слов.

— Ночуйте в доме. На двоих есть диван, кресло раскидывается. Места хватит. — Иван был рад решению рыбаков остаться погостить у него.

Поспела уха. Иван не поскупился, добавил картошки, луку, специи, и чудный запах вкусной еды взволновал воздух озёрного приволья и ноздри людей, сидевших за самодельным дощатым столом, тумбы ножек которого навсегда были вкопаны в землю. Уха была подана на стол хозяином дома, мужики вынули из багажника машины свои припасы: сало, хлеб, овощи. Вскоре стол был сервирован чисто по-деревенски — крупными ломтями порезанный хлеб, овощи, котёл с ухой взгромоздился в середине стола, рыба, целиком сваренная, дымилась в большой железной чашке, появились бутылки с водкой, коньяком и минеральной водой. Разнокалиберных чашек в самый раз хватило на всех участников пира. Иван разлил в чашки уху, а Алексей водку по стаканам и произнёс тост, приближённый к действительности:

— За доброго хозяина!

Все выпили, однако Иван не решился последовать их примеру, а начал осторожно хлебать уху.

— Хозяин-то наш почему не пьёт? — поинтересовался очкарик, внимательно взглянув на Ивана.

— Болею, — просто ответил Иван.

— И что за недуг не даёт вам радоваться жизни? — не отступал Олег.

— Рак, — в упор ответил хозяин.

За столом наступила тишина, челюсти перестали двигаться, ложки замерли, повиснув в воздухе на полпути от чашки ко рту. И только очкарик Олег не ступевался и снова спросил:

— А чего рак?

— Пищевода и желудка, — спокойно ответил Иван.

— И давно вы с этой болезнью живёте? Я случайно врач-терапевт и интересуюсь чисто профессионально. — Олег, не отводя взгляда, рассматривал больного.

— Уже больше месяца, как болезнь определили. Бросил всё и уехал в надежде жить или умереть, не доставляя никому хлопот.

— Второй месяц, говорите. Такого не может быть. Столь долго больные раком пищевода не живут. Химию делали или ещё там что-то?

— Нет, я отказался от лечения. Не вижу надобности в продлении неполноценной жизни, — ответил Иван. — Давайте есть. Зря мы затеяли этот разговор за обедом.

— Нет, не зря, — твёрдо объявил терапевт. — Как вы себя чувствуете, и что вам мешает жить?

— Чувствую себя нормально. Когда начинаю есть, делаю первый глоток, возникает боль. Вот здесь. — Иван показал месторасположение неприятного ощущения. — А потом проходит. Ем немного — молоко, хлеб, рыбу. Боязно приступать к еде, но терплю и жду, что будет дальше, но никаких изменений с начала болезни не чувствую.

— Давайте оставим этот разговор, но отвечаю за свои слова — это не рак, что-то другое, но не смертельная болезнь. Мы с вами, Иван, завтра обсудим все эти дела в деталях. Я работаю врачом в простой поликлинике, но опыт и знания имею и постараюсь вам помочь. Ваше здоровье! — Олег поднял стакан с водкой.

От сна хозяин дома поднялся поздно и, обнаружив, что гостей нет, вышел на двор, машина стояла на месте: “На утреннюю поклёвку решили попасть.

Раз решили рыбачить, то время нельзя терять”, — подумал он. Вспомнил, что пожаловался Олегу на плохой сон и дурные сновидения, и тот принёс ему из машины таблетку и, наверное, потому он проспал сбирание и уход мужиков на рыбалку. Снов тоже никаких не привиделось, и чувствовал он себя бодро и как-то более уверенно, чем всегда. Отправился к берегу встречать рыбаков — солнце всходило, а значит, кончался утренний клёв, и мужики, должно быть, уже возвращаются. Присел на камень у самого берега и стал вглядываться вдаль, где нарождался новый день; лучи солнца золотили озёрную водную гладь, а камыш недовольно шумел, преодолевая дремоту, которую разгонял лёгкий ветерок. На рыбалку вылетела стая птиц, и они начали кружить над водою, высматривая добычу на завтрак. Из зарослей камыша степенно, будто малые суда на морском параде, выплыла утка с выводком утят, громко крякая и оглядываясь на детишек, боясь растерять их в пути. Чинным строем они пробороzdили небольшое расстояние на тихой воде и исчезли в камышах. Ветер вдруг посвежел, подул смелее, гребешками вспенил воду озера, и Иван, почувствовав зябкость от этого прохладного дуновения, пошёл к дому.

Подошедши к самому крыльцу, он заметил, что собака чем-то встревожена, но не лает, а взглядом показывает в сторону леса. Он тоже взглянул туда и увидел девочку, одетую в тёмное платье и повязанную платком. На вид ей было лет десять, она сидела на пне когда-то спиленной сосны, на котором он и сам любил сидеть после прогулок по лесу или сбора ягод. Иван было направился к ней, но не успел пройти и половину пути, как девочка поднялась и исчезла в лесу. “Лесная нимфа, — подумал он. — Чудеса начинаются”, — отчего-то пришло в голову. Но особого значения этому случаю не придавал, не спеша накормил Альфу и стал думать, что приготовить гостям на завтрак. От вчерашнего пиршества осталась варёная рыба, немного овощей, кусок колбасы, но ему хотелось угостить рыбаков чем-нибудь от себя, от души. Когда располагаешь малыми средствами для исполнения своих желаний, решение приходит быстро. Иван набил в большую сковородку яиц, залил молоком, тщательно перемешал, развёл костерок и начал готовить своё любимое утреннее блюдо — омлет.

Когда гости позавтракали, Олег встал из-за стола, взял хозяина под руку и увёл в дом.

— Какие мысли вас тревожат? — спросил врач совсем не о болезни.

— О семье, детях, работе, как там это всё без меня, — ответил Иван.

— А о смерти вы думаете или нет? — обозначил направление вопроса Олег.

— Нет, думаю только о жизни, её продолжении, — высказал свои надежды Иван.

— Это очень хорошо. — Олег смотрел на хозяина оцупывающим взглядом врача. — В какой клинике обследовались, у какого врача, фамилию помните? — Иван назвал адрес клиники, имя и отчество врача, но фамилию не вспомнил.

— Достаточно. Я его знаю. Скажу вам одно — это не первая ошибка диагностиков в этой клинике, а потому у нас есть надежда излечиться от болезни, которую надо точно определить. — Олег подал Ивану визитку и попросил не затягивать время для посещения больницы.

Гости уехали только к вечеру следующего дня, и Иван всё это время сутеллся, стараясь угодить добрым людям, вдохнувшим в него надежду на исцеление от теперь уже неведомого недуга. У него будто выросли крылья — он ходил в деревню, где, не торгуясь, покупал хорошие продукты: деревенское сало, ошипанную у него на глазах курочку, чистый, как слеза, самогон и прочие простые, но вкусные и полезные яства. Снова и снова варил уху и потчевал своих гостей, будто они были его самыми близкими родственниками. Когда они уезжали, он сложил в багажник оставшуюся рыбу, обнял каждого из них и просил приезжать, не церемонясь, в любое время. На том и расстались.

На неделе Иван должен был посетить больницу, где врачом-терапевтом работал Олег, но судьба распорядилась по-своему. Утром, едва вернувшись от сна в реальную жизнь, Иван вышел на крыльцо и тут же снова увидел

девочку, сидящую на пне. Он решительно направился в её сторону, но девочка встала и пошла к лесу. Она двигалась не очень быстро и, как показалось, махнула рукой, предлагая Ивану следовать за ней, что он и сделал. Не теряя ориентира своего движения — маленькую тёмную фигурку девочки, — он вдруг обнаружил в лесу хорошо приметную тропу, по которой и уходила его проводница. Лес был им изучен уже довольно хорошо, но этой утоптанной дорожки Иван раньше не замечал, а начиналась она сразу за опушкой леса и петляла меж вековыми деревьями, и не зная об этом пути куда-то вглубь таёжных дебрей было нельзя, проживая рядом и обходя лесные уголья чуть не каждый день. Но тропа была, и по ней уходила неизвестная девочка, оборачиваясь, точно следила, чтобы ведомый ею человек не заблудился в лесу. После получасового пути перед Иваном открылась совершенно неожиданная панорама — деревня, состоящая из бревенчатых изб, тесовых ворот и таких же заплотов. Всё, увиденное прямо перед собою, — деревня лежала в низине у реки, что несла свои воды в долине, свободной от лесного массива, — представило удивлённому взгляду жилища людей из далёкого прошлого русских лесных поселений. “Окраины старой Москвы”, — вспомнил Иван о книге, в которой рассказывалось про жизнь московского люда середины семнадцатого века и были запечатлены дома, точно такие, какие он видел сейчас. Между тем девочка спустилась к реке и пошла по единственной деревенской улице между домов, которых насчитывалось, на скорый взгляд, около 50–60 дворов, и он поспешил за ней.

В конце улицы девочка повернула к воротам одного из домов и, повернув кольцо на калитке, вошла во двор. Иван хотел последовать за ней, но дверь захлопнулась, и он остался один на пустынной улице. Дома тоже хранили молчание, но, несомненно, в них жили люди — резные ворота и заборы были изукрашены зелёной и белой красками, а перед входом в калитку каждого жилища песком была насыпана дорожка, и потом, когда Иван на подходе сюда оглядывал деревню с верховья, то видел, что в низине у реки, на заливном лугу пасётся домашний скот — коровы, овцы. До выяснения причины своего присутствия здесь он стал прогуливаться у ворот дома, куда скрылась девочка, ожидая чего-то незнаемого, чему должно случиться в скором времени.

Иван успел пройти по улице, рассмотреть узоры на воротах домов: от самих жилищ за высокими заборами были видны только крытые тёмом крыши. Резьба и окраска, и даже металлические кольца, вдетые в калитках для открывания дверей, отличались от соседних, и, пройдя половину улицы, он не нашёл ни единого схожего рисунка. Каждый хозяин метил свои ворота резьбой и окраской, отличной от соседних оград. Над воротами высилась неширокая продольная крыша, которая, наверное, сберегала шедевры разнообразного народного искусства от посягательств дождя и снега. Знаков, обозначающих название улицы, и номеров домов не обнаружилось, и как звалась сама деревня, тоже было неизвестно. “Давненько я не бывал в незнакомой деревеньке, на безымянной улице”, — подумал Иван, и тут распахнулась калитка дома, где пропала девочка, и оттуда вышла женщина, повязанная тёмным платком так, что видны были только глаза и нижняя часть лица. Глаза пытливо смотрели на Ивана, губы были плотно сжаты, а лицо разливалось свет душевного покоя. Фигуру женщины, её руки и даже обувь скрывал наряд из тёмной одежды покроя времён царя Алексея Михайловича Тишайшего, известных Ивану опять же по книгам. Когда Иван приблизился, женщина сказала: “Ну, заходи, коли пришёл”, — и пошла впереди гостя.

Двор, где стоял дом, был обнесён таким же высоким заплотом, как и со стороны улицы. По двору бродили куры, у своей будки лежала белая лохматая собака, но не залаяла, а только чуть приподняла голову, взглянула на незнакомца и снова положила голову на лапы, однако не теряя гостя из виду. Женщина взойшла на высокое крыльцо и отворила дверь в дом, приглашая Ивана войти. В комнате, куда они вошли после прихожей-сеней, стоял круглый стол, покрытый самотканой скатертью с кистями по подолу, лавки у стен, иконостас в красном углу с зажжённой лампадой перед святыми ликами, высвеченными на литых иконах. Справа от входа — русская

печь, занимающая четверть комнаты, — вся эта обстановка была для Ивана внове, и он замешкался у порога, оглядываясь вокруг. Хозяйка присела на лавку и ждала, покуда гость осмотрится. Из всех этих атрибутов прошлой жизни Иван помнил только печь, в которой его бабушка пекла очень вкусные пироги и готовила ещё много разных кушаний, и сама спала на лежанке, куда пускала погреться и внуков. Он прикрыл дверь и хотел было пройти в глубь жилища, но хозяйка остановила его: “Лоб-то пошто не крестишь? Али совсем в своих городах одичали?” Иван трижды перекрестился на иконстас, поклонился Спасителю и святым отцам и сел на лавку напротив хозяйки, не зная, зачем его позвали и какой разговор может здесь произойти. Хозяйка избавила Ивана от стеснительной неуверенности в надобности его присутствия здесь и заговорила первой:

— Чего это ты один мыкаешься там, на берегу? Почитай, дён сорок прошло, а ты всё никуда не торопишься. Поди, семья есть, дети?

— Есть. И семья, и дети. Заболел вот и уехал сюда, вроде как помирать, но Бог смерти не даёт. А уехал сюда потому, что не хочу мешать живым жить, — ответил Иван, не глядя женщине в глаза.

— И что, жена, дети так и отпустили тебя сюда помирать? — хотела дознаться хозяйка.

— Нет, со слезами, уговорами, но я сам настоял и упросил отпустить, — честно признался гость.

— Ну, ежели всё так по-доброму, как говоришь, то спрошу — болит-то чего? — хозяйка сложила руки на коленях, приготовляясь слушать.

Иван коротко поведал свою историю болезни и завершил её словами:

— В больнице всего просмотрели, просветили — определили рак, хотели лечить, но я отказался. Лучше умереть вовремя, чем жить непонятно зачем.

— Господу ведомо — сколько нам жить и зачем. Мне уже девяносто скоро, а живу, Богу молось, правнуков нянчу, не ропщу на жизнь. Непохож ты на скорого покойника, исхудал, правда, голодом живёшь, моришь себя, — точно определила меру его бытия женщина.

— Боюсь есть. Начинаю, и боль приходит. Хлеб да молоко — вся моя еда, — пожаловался гость.

— Попробую тебе помочь. Мужик ты смиренный, не богохульствуешь, семьянин и детей своих, видать, крепко любишь, что не стал им своей немощью досаждать, — рассуждала хозяйка. — Только вот что скажу: не болезни надобно бояться, а грехов своих и Бога, гнева Его. А врачи, они только то и ведают, что Господь им знать дозволяет. Молитву-то знаешь какую?

— “Отче наш” знаю. Бабушка в детстве учила, и креститься тоже, — сознался Иван.

Женщина поднялась, подошла к гостю и положила ему руки на голову:

— Закрой глаза и молчи, — сказала она и зашептала слова, знакомые где-то в глубине души, но плохо понимаемые разумом. Процедура заговора продолжалась минут пятнадцать-двадцать, но за эти мгновения в памяти Ивана пронеслись многие события жизни — радостное детство, с нередким непослушанием и покаянием от страха наказания хлёстким отцовским ремнём, страсти и неразбериха юношеского возраста, когда влюблённость казалась смыслом жизни, и уже взрослая жизнь в суете и желании жить не хуже других. Прошлое оторвалось от него нынешнего и уносилось куда-то вдаль, оставляя его один на один с чем-то необъяснимым — сознанием могущества сил, неподвластных притяжению земного бытия.

Когда женщина отняла свои руки от его головы, Иван очнулся, будто от сна, так ему показалось, и он сразу спросил:

— Я что, уснул?

— Не знаю. Твоего покоя не ведаю, а вот душевный покой надобно обрести, чтобы болезнь изгнать. Дам тебе настой семи-семисот трав, будешь пить один глоток каждый раз перед едой, но сразу еду не вкушай, подожди, покуда зелье утробы к приему пищи приготовит. И молись. Встал от сна — твори молитву, сел за стол — твори молитву, пошёл из дому — твори молитву и так везде и всюду, как принимаешься за дело — твори молитву. Образ-то есть какой?

— Какой образ? Икона, что ли? Нет, нету. Дома есть, а здесь нет, — Иван отвечал кратко, будто чего-то испугался. Женщина отошла к сундуку, стоящему под иконостасом, сдёрнула с кованой его поверхности покрывало, открыла крышку и, покопавшись, извлекла из его глубин мешочек с чем-то тяжёлым и квадратным по форме. Развязав на мешке тесьму, достала несколько литых икон разного размера и положила на стол. Выбрала большую из них, завернула в чистую белую тряпицу и подала Ивану:

— Образ святой Троицы — храни его, молись и никому не передавай. Эта икона намолена нашими отцами, лет ей много — века.

— А вы кто будете? — решил определиться Иван.

— Старообрядцы мы. Как ушли сюда при Никоне-антихристе, так здесь и живём, — женщина вздохнула, видимо, вспомнив о тех испытаниях, что выпали на долю приверженцев старой веры.

— Люди-то где все? Деревня как будто пустая, — любопытствовал Иван.

— Время пришло собирать плоды труда своего. Все в поле: и стар, и млад. Там и ночуют. Люди наши робят, а мы с Феткой, — она показала глазами на девочку, смиренно сидевшую в углу на лавке, — за стариками немощными приглядываем и за домами смотрим.

— Чем живёте? — не верил Иван.

— Чем Бог пошлёт. Земля родит, скота у нас много, мельница есть вверху на реке, крупорушка, пчёлы мёд дают. Сами себя обихаживаем. Ты, как уйдёшь, никому о нас не рассказывай, сам приходи, но никого не приводи. При Советах нас долго мытарили, а теперь забыли, слава Богу. Таперица ступай с Богом. Молиться не забывай и тверди в каждый час: Господи, помилуй. Он и помилует. Верь в Господа, и Он не забудет тебя своей милостью. — И женщина пошла к двери. На выходе со двора он окликнул её:

— А зовут-то вас как?

— Марфа, Божьей милостью, — промолвила женщина, отворяя калитку.

Они вышли на улицу, Марфа перекрестила Ивана и ушла в дом, а он, сопровождаемый девочкой Фетой, придерживал у груди деревянную посудину с лекарством и образ Святой Троицы, а левую руку его доверчиво взяла в свою ладошку маленькая проводница. Снова вышли на лесную тропу и скоро оказались на опушке леса (дорога домой всегда ближе и скорее), откуда дом у озера казался похожим на большой гриб, выросший здесь обособленно и забытый всеми, высохший на солнце, но от этого ставший только крепче, жизнеспособней и притягательней. Иван пригласил Фету к себе в гости, но она отказалась, поразив звонким тембром певучего голоса, который он впервые услышал:

— Бабуля не велит. Я уж пойду. Попрошусь у бабушки, ежели разрешат, тогда зайду.

— Но как она узнает? Я ей про это ничего не скажу, — ему очень хотелось приветить девочку у себя дома и что-нибудь подарить.

— Боженьке всё знамо. Его не обманешь, — тихо сказала Фета, низко опустив голову.

— Да-да, конечно, — заторопился от неловкости разговора Иван, где он — взрослый человек — как бы поменялся местами с маленькой девочкой, которая в понимании нравственности поступка превосходила его разум. Иван направился к дому, а когда оглянулся, то девочки уже не было видно.

Время близилось к обеду, Иван осторожно открыл крышку деревянного жбана и сделал хороший глоток настоя, как оказалось, очень горького, затем приготовил еду — налил в кружку молока, отрезал ломоть хлеба и, вспомнив наставления Марфы, установил икону на книжной полке, прочитал молитву, попросил благословения во имя Отца и Сына, присел к столу. Голод давал себя знать, он ушёл в лес, не позавтракав, но всё же немного подождал по совету знахарки, потом откусил хлеба и, запив молоком, стал жадно отторжения пищи, но в желудке что-то всколыхнулось — не болью, а каким-то страхом напоминания о ней, потом стихло, и Иван спокойно продолжил трапезу. По окончании обеда он поблагодарил Господа за хлеб и соль, что был дан Его милостью и, взяв с полки книгу рассказов Паустовского, уселся в кресло.

Иван любил этого писателя за его житейскую мудрость, необычное восприятие окружающего мира, а главное — за умелое воспроизведение своих творческих замыслов на страницах книг. Повествования писателя можно было читать и тут же перечитывать, и находить всё новые и новые зёрна мудрости в историях, изложенных изящным слогом русского языка, поражающих своей простотой и в то же время загадочностью сюжета, где окончание рассказа никак нельзя угадать в начале повествования. Он выбрал рассказ “Корзина с еловыми шишками” и углубился в чтение, вновь переживая в музыке Грига радость девушки, что внезапно узнала в гениальном вдохновении композитора посвящение самой себе, их давней встрече в лесу, забытой, но вновь выросшей в памяти со звуками мелодии, исполненной оркестром в её честь.

Неделя прошла без каких-либо серьёзных событий — Иван жил без всяких расписаний и схем, рыбачил, ходил в деревню, но теперь в его разум вошла молитва, и он вначале, как старательный ученик, твердил её, будто домашнее задание, но чуть позже пришло некое понимание разумных слов, вопиющих к Господу, и каждое предстояние перед иконой Святой Троицы обратилось в необходимость прикосновения души к Высшему началу. Появилась страстная истовость в словах простой молитвы, они, казалось, горели на устах, желая привлечь внимание Божьей милости к человеку, молящему о том. Казалось, что молитва не выходила из него словами, а входила в уста духом святых слов, их вечным праздником — душа расцветала и просила новых молитв, которые он теперь сам сочинял и подносил к Господнему престолу. За эти дни Иван исписал строками придуманных им самим обращений к Небу в стихах и прозе небольшую тетрадь и читал их после “Отче наш”, утром и вечером. Болезнь его больше не тревожила, а к концу недели Иван почувствовал, что в его измученное тело прибывают силы — новые, молодые, будто он хорошо выспался после трудного дня и утром проснулся, вскочил ото сна в неодолимом желании немедленно растратить накопленную силу на созидание чего-то большого — целого мира, в котором будет радостно жить.

В субботу к обеду приехал друг Серёга и привёз всю его семью. Иван от радости не знал, за что взяты, суетился, чистил рыбу, готовил уху, угощал жену и детей лесными ягодами и был счастлив этим их присутствием рядом безмерно. После обеда они долго гуляли по лесу, а потом решили покататься в лодке по озеру, но, когда спустили посудину на воду, дети и Серёга вдруг отказались от путешествия и, оставив их тет-а-тет с женой, ушли к дому. Иван понял добрые мысли детей и друга, что дали ему возможность побыть наедине с женой, и он, легко взмахнув вёслами, направил лодку подальше от всех берегов. Марина улыбалась, глядя, как муж ловко управляется на вёслах:

— Ваня, а ты совсем не похож на больного. Лицо разгладилось, и гребёшь, будто сил девать некуда.

— Это от радости, что вы рядом. Душа поёт, и в руки сила прибывает.

— Расскажи-ка, что у тебя здесь произошло? В доме икона и молитвы в тетради записаны, отчего всё это?

Иван пояснил все события местного масштаба, начиная с приезда рыбаков, посетивших его дом, доктора, который усомнился в правильности диагноза смертельной болезни, а после рассказал о поселении староверов и о встрече с ними:

— Таперича, — сказал он, подражая говору Марфы, — пью настой семи-семисот трав и чувствую своё возвращение к жизни. И молось — Марфа сказала, что без молитвы никакой пользы от лекарства не будет.

— Может, домой вернёшься? Хватит уже тут бирюком жить, одичаешь совсем, что будем потом с тобой делать? — шутила жена

— Не одичаю. Книжки читаю, молось, в деревню хожу, с людьми разговариваю. Народ в деревне хороший, работающий и приветливый. Всеякие перестройки им нипочём и слышать о политике не желают. Выбрали себе голову умную в руководители, уважают и слушаются во всём. Да вот и Марфа сказала, что у них, у староверов, тоже все в поле, и стар, и млад — от зари до зари трудятся, чтобы прокормиться. Везде бы так. Работать и не ныть, и путей лёгких не искать.

— Марфа-то, наверное, баба молодая? Больно уж часто о ней вспоминаешь... — шутя, надула губы жена.

— Выглядит на пятьдесят, а самой под девяносто. Молодая совсем, но нравы у них иные, не нынешние, — и он рассказал Марине, как пригласил девочку в дом и что она ему ответила. Жена даже не удивилась рассказу, а только задумчиво вымолвила:

— Всем бы так жить, с Богом в душе. С малолетства и до старости.

Иван молча с ней согласился, бросил вёсла, подсел к жене, обнял её за плечи и вдруг, неожиданно для себя запел песню: “Я люблю тебя жизнь...”, — Марина подхватила слова и мотив, и песня поплыла над озером — задорно и задумчиво, весело и нежно переплетая чудесные слова.

Когда они вернулись с прогулки, у дома на поляне шла игра в бадминтон — на вылет. Серёга сидел в плетёном кресле и судил игру, а дети соревновались. Хвостатый волан перелетал с одной ракетки на другую и никак не желал приземлиться, уважая спортивное усердие игроков. Серёга встретил их радостным возгласом:

— Ну, наконец-то прибыли. Сижу и сужу, а они, как заводные, по часу на один матч уходит, когда их игра. А меня за пять минут назад в кресло вышибают. Потренируйся тут с ними. Не уважает молодёжь старость, не даёт кости размять.

— Наоборот. Мы вам стараемся дать отдохнуть и заслуженно, так сказать. В судьи призвали, а значит, в мудрость и честность вашу верим, — хором ответили дети.

— И на том спасибо. Но теперь играйте сами, без мудрого судьи, а когда подерётесь из-за спорного очка, вспомните меня, своего честнейшего рефери, и всплакните о недостойном своём поведении, о том, как вы заставляли его проигрывать, почти не начиная игры, — Сергей встал, помахал игрокам рукой и ушёл вслед Марине и Ивану, направившимся к дому.

Когда вошли в дом, Иван спросил:

— Останетесь до завтра или как?

— Он ещё спрашивает, — ответил Сергей, взглянув на Марину. — Дай хоть наглядеться на тебя, живого и здорового. Завтра после обеда рванём в свой дымный город. Ты с нами?

— Нет. Лекарство допью, схожу на консультацию к моему доктору, а там видно будет, — он ещё раз поведал Сергею историю посещения старообрядческой деревни.

— Нам-то можно туда попасть как-нибудь? Одним глазом взглянуть, как настоящие люди живут, — проявил интерес друг.

— Я и сам толком ничего не видел. Дома старомосковские, как в книгах о временах патриарха Никона и его супротивника Аввакума-протопопа, ворота расписные, у каждого хозяина свой узор, а людей нет — урожай убирают всем миром. У них вся работа вручную, серп да коса — главные помощники, комбайнов нет. Но не велили они, мой друг, про них рассказывать, а тем более приводить с собой чужих людей.

— Это мы-то чужие, — возмутился Сергей.

— Им все чужие. Много бед они пережили, потому и сторонятся людей другой веры. Раскол в русской православной вере много горя народу принёс. Оттого и хоронятся староверы от чужаков.

— Ладно, — примирительно сказал Сергей. — Может, потом как-нибудь согласятся нас принять.

К вечеру следующего дня гости уезжали, можно сказать, в праздничном настроении. Дети хорошо отдохнули — накупались в озере, побродили по лесу и даже сходили в деревню, посмотреть на тамошнее житьё-бытьё. Им, как они сами признались отцу, понравилась сельская неторопливая жизнь, приветливость людей, весёлая непринуждённость ребятишек, отвешивающих поклонки и желающих здравия первому встречному. А если уж спросишь какой-либо адресок, возьмут за руку и доведут к самым дверям дома, магазина и всего другого, что интересует здесь тебя. Жена была рада возвращению Ивана к полноценной жизни, но в ночи, после страстных и долгих обоюд-

ных ласк, вдруг загрустила и жарким шёпотом стала говорить слова, никак не относящиеся к радости встречи.

— Ваня, а представляешь, если бы ты поверил этому доктору, что бы сейчас было с нами? Когда я смотрю на нашего сына, его счастливую молодость, то меня охватывает дрожь — всего этого могло не быть. И всё это могло случиться по недоброму желанию, а мне кажется — по злому умыслу одного и того же человека. Со мной тогда в палате лежали три женщины, и все они согласились на аборт, хотя очень желали родить ребёнка, но испугались докторских слов о неполноценности плода, зревшего под сердцем. Наверное, только одна я сбежала из больницы, не поверив в уродство нашего будущего мальчика. И оказалась права. Как и ты, когда отказался от губительного лечения, — и заключила разговор страшными словами. — Убить его мало, этого доктора, и всех тех, кто им управляет.

— Марина, Марина, — он нежно провёл рукой по её растрепавшимся волосам. — Успокойся. Каждый человек может ошибаться, и доктор тоже. Давай, забудем обо всём.

— Нет, я не могу этого забыть. Один раз можно ошибиться, но дважды в случаях, что приводят к смерти людей, — нельзя. Я всем своим знакомым расскажу, как лечат в этой крутой клинике. Сколько ещё там таких, как ты, “раковых” больных? Они и присловицу новую изобрели: “Самый богатый человек — это раковый больной”. Это я подслушала в разговоре медсестёр, и такой довольный смех сопровождал эти циничные слова, что я подумала: с такими сестричками милосердия мы бы и войну проиграли. Да, собственно, она, эта война, идёт, без объявления, без пушек и пулемётов, но в этой невидимой боине гибнет народ — наш народ. И тот, кто ещё не родился, и тот, кто уже живёт и жить хочет. Юрий Михайлович Миркин — так полное имя твоего доктора — участник этой войны против нашего народа, а территория войны — не только его клиника, а вся наша страна.

Иван испугался этого внезапного женского откровения и прижал голову Марины к своей груди, боясь услышать продолжение страшного обвинения не только врачей-вредителей, но себя самого, в бездействии.

Утром этот разговор немного забылся, тем более что за завтраком, происходившим всё за тем же дощатым столом, навсегда вкопанным ногами в землю, во дворе у дома, в беседке, крытой черепицей, впрочем, совершенно невидимой со стороны, заросшей по всем сторонам до самого флюгера с петухом густыми побегам дикого винограда, дети своими зоркими молодыми глазами увидели на опушке леса девочку, ту самую, про которую рассказал им отец. Сын и дочь тут же вскочили из-за стола и бросились знакомиться с лесной жительницей. Фета и не подумала исчезнуть, как в первые дни своего появления здесь, а только опустила на пенёк и стала ждать приближения ребят. Взрослые наблюдали за их сближением, сидя за столом. Вскоре, судя по взмахам рук, — звуки слов не долетали к беседке — у леса, на опушке начался оживлённый обмен приветствиями и какой-то разговор. Люди, оставшиеся сидеть за столом, решили не вмешиваться в этот детский праздник встречи двух разных миров и, хотя дети были неравного возраста, но всё равно не виделось причин, что могли помешать им общаться. Взрослые пили чай, а их дети беседовали с девочкой Фетой, усевшись на траву у пня и наваясь на него плечами.

Скоро прибежала дочка Светлана, собрала со стола все конфеты и печенье, что привезли из города, приговаривая при этом:

— Ой, она такая серьёзная. Такие слова говорит, будто уже целую жизнь прожила. Кое-как уговорили гостинцы бабушке отнести. Заладила, мол, не надо ничего, дома всё есть: и мёд, и ягода разная, сладкая. А сама ну такая хорошенькая — глазки, как два озера синих, и смотрит доверчиво и приятно.

Светлана сложила собранные со стола гостинцы в пакет и умчалась обратно, а за ней к месту знакомства двинулись и все остальные. Марина, подойдя к девочке, пожала маленькую ладошку и, поцеловав Фету в щёчку, спросила:

— Как бабушка поживает?

— Дома управляется. А меня послала к деду Фрисану, отнести ему пирога с клюквой да киселя брусничного. Он совсем старенький, из дому едва выходит. Бабушка говорит, что ему уже сто двадцать лет, он молодым мужиком был и семью свою имел, когда она такой, как я, была. А ещё она благословила меня к вам, дядя Иван, дойти и сказать, чтобы вы, как настой выпьете весь, к ней пришли. Спаси вас Бог! — Фета встала и ушла в лес, не внимая уговорам остаться с ними хотя бы ещё на полчаса.

Потом был ещё обед, после которого дети убежали кататься в лодке, мужчины сидели за столом, обсуждая события, произошедшие на фабрике в отсутствие Ивана. Марина не стала слушать их деловых разговоров и ушла в дом, а они около часа обговаривали работу новой линии по сборке мебели, которую успели запустить за прошедшее время. Интерес Ивана к новому производственному участку был велик, и Сергею пришлось, не упуская малых величин, рассказывать о преимуществах работы заморской автоматической линии. Иван остался доволен объяснениями друга о качественных изменениях в мебельном производстве и попросил ненавязчиво подготовить коллектив к его возможному будущему возвращению к работе. На что Сергей ответил:

— Тебя никто и не списывал с рабочего места. Так и сказали, мол, Иван Саныч — наш родной отец. И вы его нам верните живого и невредимого. Приеду да как скажу, что болезнь твоя отступила, то-то обрадуются. Меня хоть и слушают, но я им чужой. Так что давай, поправляйся и вперёд — труба зовёт.

Машина запыхтела и тронулась, увозя родных сердцу людей, а из всех её окон махали руки, не прощаясь, а будто выговаривая: “Ждём, ждём, ждём”. Иван сразу почувствовал усталость от праздничной суеты, от многих слов, сказанных и выслушанных за эти дни. От раннего своего пробуждения — сплавал на лодке проверить сети, чтобы снабдить гостей свежей рыбой. И всё удалось на славу: и праздник встречи, и рыбы набрал два больших мешка — для семьи и друга Сергея. Теперь он стоял недалеко от дома и смотрел в ту сторону, где ещё клубилась пыль, поднятая колёсами уже пропавшего из поля зрения автомобиля. Мыслей никаких не возникало, они тоже спрятались в какие-то свои потаённые места отдыха, освободив пространство для новых светлых раздумий. Иван медленно пошёл к дому. Собака Альфа, закорюченная в эти дни женой и детьми, уставшая от беспрестанной беготни наперегонки, игр, купания в озере, даже не поднялась навстречу хозяину, а лишь моргнула умными глазами: “Дескать, я тоже хочу отдохнуть. Немолода уж, чтобы носиться от зари до зари”. Мысленно пожелав собаке спокойного отдыха, Иван и сам, как только вошёл в дом, разделся и лёг в постель с одним желанием — выспаться. Но перед пропаданием в царствие Морфея думал о том, что Маринка чересчур не на шутку озлобилась на доктора. Убить его мало — это уже совсем тяжкое желание для слабой женщины. Может, он и вправду ошибся? А может, и нет. Деньги мутят человеческий разум, и жизнь перестаёт казаться самоценностью, а только видимые её атрибуты признаются действительностью — богатство, власть, а вместе — возможность распоряжаться судьбами людей. Этого в морг, другого на операцию, а того на порог клиники не пускать, потому как нищий он. Но, может быть, не всё так плохо? Хотя женщина, она сердцем чует, что плохо и где счастье живёт. Мужики, они на войне хороши, там долго думать не дают — ура, вперёд! — коли, руби, и враг — вот он, явный, сильный и злой. А в жизни мирной русский мужик, если задумается о чём-нибудь и пока свои несчастливые мысли осилит, доведёт к решению дела, то такое действие уже не надобно, не годится к нему приступать — время ушло. Снова мысли вынашивает и опять впросак попадает из-за неверия своему же разуму. В драке всё просто, здесь нашему мужику равных нет, другие же задачи решать возьмётся — сомнения начинают мучить. А как же, надо бы всё по чести, по совести. Но когда против тебя скрытно и тайно дела мерзкие творят, как это узнать и понять? А понять надобно, чтобы вперёд врагов от друзей отличать. Во имя истины.

Спал хозяин дома крепко, не просыпаясь, до самого утра. Во сне видел доктора в каком-то демоническом виде. И в окружении демонов. Надо было вставать, кормить собаку, проверить сети. Иван проспал время своего утреннего

подъёма и теперь плохо соображал, вникая в подробности сновидения, в пространстве которого он только что побывал. Этот доктор, назначивший ему смерть, не просто так посетил его в виртуальном мире. А все эти козлиные рожи, получеловеческие, они зачем? Половинная реинкарнация? Как там Высоцкий сказал: “Быть может, тот облезлый кот был раньше негодяем, а этот милый человек был раньше добрым псом”. Неужели такое происходит всерьёз и люди раньше были зверьми? Как никогда, звериная сущность проявляется сейчас, в век высоких технологий и умных слов. Почти не видно вокруг Божьих агнцев — сплошь волки. Всем нужны только деньги и власть, чтобы вольно распоряжаться человеческой жизнью. Тот доктор однажды возымел власть над жизнью его ребёнка, а недавно и самого отца приговорил к медленному умиранию. И права Марина в словах о том, где она говорит о людях, что поверили доктору и обрекли своих нерождённых детей и себя на смерть. Те доктора, что делают смертельные инъекции людям, желающим уйти из жизни добровольно, выполняют если не гуманную, но всё же милосердную миссию, избавляя человека от мучений, а другие, что против воли, обманом, нарушая все законы врачебной этики, обрекают людей на смерть неверным, а ещё хуже — самоизобретённым диагнозом... Они кто? Врачи? Да, они врачи и живут здесь, в нашей стране, в нашем доме, владея клиниками и кабинетами, где и плодят наивысшее зло — лишают человека Богом данной жизни. Сказать, будто они не знают, что совершают смертный грех, по меньшей мере — наивно, а значит, либо они сами считают себя богами, или есть некие силы, которые отпускают им все их грехи во имя какой-то цели, оправдывающей средства её достижения. Но какова же должна быть эта цель, в желании достигнуть какого величия зла, когда путь к ней лежит через отвергнутое право человека на жизнь?

Неделя пролетела незаметно. Иван чувствовал себя вполне здоровым человеком — законопатил и просмолил лодку, обновил крыльцо дома, подвёл воду из лесного ручья прямо к столу, где принимал гостей, для этого дела пришлось звать деревенских мужиков, и они, немного покумекав, изладили жестяной жёлоб, по которому отвели часть родниковой водицы к хозяйскому жилью. Во время обеда в честь пуска водопровода (было их трое) степенно выпивали чарку, наполняемую хозяином, ели, не суетясь, а когда поднялись от стола и собрались уходить, Иван предложил им денег за работу, они отказались, мол, доброму человеку помочь считают за честной долг.

В пятницу утром он обнаружил, что чудодейственное зелье закончилось, сколько ни тряс посудину, из неё не выкатилось ни капли. Однако это событие его не расстроило, лекарство оправдало своё назначение. Иван глянул в зеркало, висевшее на стене, обрамлённое в необычную рамку работы искусного мастера, отвечающую матовым серебряным цветом плетёных узоров, и остался доволен своим отображением. На него смотрел мужчина средних лет, крепкого сложения, с немного грустным, но смелым взглядом, и только давно не стриженный волос, плохо поддающийся расчёске, падая на лоб и уши, скрывал часть лица, придавая облику схожесть с незаконченным автопортретом художника, не ко времени ушедшего в запой, радость которого он уже предвкушал во время этой последней работы. “Постричься надо бы, — подумал Иван, — на бомжа похож”. Но едва он, выйдя и дому, ступил на крыльцо, как все грустные мысли моментально растворились в воздухе, напоённом запахом хвой и наполненным нежным светом лучей утреннего солнца, озвученного пеньем птиц. Он бодрой походкой направился к озеру, чтобы совершить обзорную прогулку — проверить сети и просто посмотреть, что творится на водном просторе, вверенном ему в хозяйство.

Причалив через недолгое время к берегу, Иван остался в лодке, что делал всегда, будто исполняя некий ритуал, им же самим придуманный. Почему-то после передвижения по водной глади, махания вёслами хотелось посидеть тихонько и, закрыв глаза, думать о маленьких радостях жизни вроде живых солнечных бликов на воде, ропота недовольного даже малым перемещением воздуха камыша, птичьих криков, приглашающих рыбу покинуть глубины озера и поиграть в догонялки, а открыв глаза, увидеть голубую чистоту вечного Неба и ощутить нерасторжимую причастность к жизни Божьего

мира, к его необозримой красоте. Он понимал, что таких заповедных уголков, где хранится первозданная красота, на планете осталось немного. Человеческая алчность губительна, в первую очередь, для живой природы и её обитателей, но и сами люди тоже — неотъемлемая часть земного бытия, хозяевами которого они вдруг себя назначили. Без понимания красоты не может существовать жизнь на земле. Но, увы, понимание красоты перестало быть всеобщим человеческим достоянием и тоже пало к ногам Мамоны, лукаво переиначивая вкусы, запахи и взгляды на природу, вещи, искусство. Появились некие мерила природной, женской, художественной красоты, несвободной от мнения “высокого” жюри, где заседают люди, непричастные к пониманию её божественного начала. Мир пошёл во вульгарности, выращенный в подворотнях, трущобах, вырвался на сцены, экраны телевизоров и кинотеатров, создавая и проповедуя омерзительные по сути модели нового искусства. Картины нынче пишут маляры, скульптуры лепят из мусора, женщин пытаются одевать уроды и геи. Достаточно одного взгляда на модного кутюрье, чтобы понять, что этот неудавшийся ни ростом, ни лицом шут появился в кулуарах моды не затем, чтобы служить желаниям прекрасного пола, а с целью отмщения за долгое невнимание к своей убогой персоне. И теперь он, как может, уродует лики и фигуры женщин, скрывая под несуразным платьем красоту и выпячивая недостатки. Юность и молодость, прошедшие в неудачной борьбе за утверждение мужского начала, жизнь “шестёрки”, презираемой мужским и женским сословием, накладывает неизгладимый отпечаток ущербности на мысли и дела такого вот обиженного в прошлом существа. Вся его жизнь занята накоплением энергии отмщения силе, смелости и красоте. Эти люди объединяются в союзы, общества, юродствуют на экранах, опошляют всё, в чём люди видят спасение души, уродуют сознание слабых духом, увлекая их за собой в пропасть безнравственности и мерзости.

“Неужели всё так плохо?” — подумал Иван, устремившись взглядом в небо и как бы пытаясь найти там ответ. Нет, нельзя позволять выдавать мерзость за добродетель, поделки — за искусство, а уродство считать красотой. Всё, что создано Господом, должно содержаться в разумном порядке, чтобы вызывать у человека чувство удивления красоте, благоговение перед мудростью Божьей, отвращение к мерзости. Перемена этого порядка вещей в сознании людей приведёт к окончанию человеческого участия в жизни на Земле. Человек выпадет из сюжета Создателя величайшей картины — красоты мира.

Утро прекрасное, здоровье — слава Богу, улов неплохой, а мысли отчего-то невесёлые. Надо бы как-то отвлечься. Мудрые люди говорят, что рак — болезнь души, которая разрушает тело. “Не надо печалиться, вся жизнь впереди...” Вспомнив очень к месту слова известной песни, Иван стал подниматься по ступеням на берег, закинув за спину мешок с рыбой. Как всегда, сначала показалась крыша избы, а прежде — верхушки дальних сосен, что росли на взгорке, потом сам дом, крыльцо, но теперь на его ступенях сидела девочка Фета и гладила по голове Альфу, которая, видимо, признала гостью за своего человека, не опасного для дома и хозяина, и доверчиво принимала ласки своего нового друга. Иван на минуту залюбовался этой милой сценой единения земных существ, безгранично поверивших в святость дружбы и родства человека и животного. На душе его поднялась лёгкая волна радости, необычайно светлой, как слёзы, что навернулись на глаза, чуть затуманив видение нежной любви.

Девочка, увидев хозяина, поднялась с крыльца, а собака побежала навстречу, повливая и хвостом, и телом, повизгивая, как бы приглашая к знакомству со своей новой подружкой. Фета поклонилась и на приветствие Ивана ответила:

— Здорово ли живёте?

— Теперь, слава Богу, здорово. Как бабушка? — спросил он.

— Велела вас звать к ней. Спросить чего-то у вас хочет, — говорила девочка, рукой осаживая лынущую к ней Альфу.

— Прямо сейчас и пойдём. Вот только рыбу в холод брошу да молока выпью. Ты заходи, чаем тебя угощу, — пригласил Иван.

— Нет. Я лучше здесь подожду, с собачкой поиграю.

Он ушёл в дом, выпил кружку молока, сообразил еду собаке, хотел бросить рыбу в морозильник, но передумал, а решил отнести улов в деревню, в качестве гостинца. Вышел на крыльцо, подал Фете чашку с собачьей едой, решив, что гостья должна закрепить дружбу кормлением пса, а сам встал в сторонке и спросил:

— Бабушка не злится, если я ей рыбы принесу?

— Чего же на доброе дело ругаться.

Они двинулись к лесу, Альфа побежала вперёд, но у опушки присела, наострила уши, повернула голову в сторону дома, поскулила, мол, дальше не могу, сами понимаете — служба и, не оглядываясь, побежала назад.

Показалась деревушка, и снова Иван залобовался постройками, будто перенесёнными сюда, в эту лесную чащу, где им нашлось место у дивной реки, из прошлого русской столицы.

В доме их встретила Марфа, она работала у прялки, как смутно представил себе древнее орудие труда Иван, и то лишь догадка пришла от вида шерсти и собранной на веретене пряжи. Он поздоровался.

— Здорово живёте, — ответила Марфа.

— Теперь уже совсем здорово. Вашими молитвами.

— Спасайтесь своими молитвами и ими же живите. Человек сам себе и лекарь, и убивец.

— Не сердчайте, матушка, просто хотел поблагодарить вас от души. Живу с охотой, сил прибью, и пищу вкушать не боюсь, но только одна мысль тревожит — доктора, что ж, не могли вылечить или не захотели?

— Врачи тоже, кто от Бога, кто от дьявола. Одни лечат, другие калечат, как распознать, когда они сами не ведают, что творят, — говорила Марфа, не бросая работы, и ловко крутила веретено.

— Распознать легко, — осмелел Иван. — Меня ещё и не лечили, а уже цену назначили за каждый день жизни. Мол, всё равно умрёшь, а коли заплатишь хорошо, то поживёшь ещё недолго. Но я отказался потому, что они даже не знают, сколько мне дней отмерено, но деньги давай уже сейчас. Много денег.

— Совсем плохи дела у вас там. Срок жизни Господь определяет, и никакие деньги это время не отменяют. Если же кто-то обещает такое сделать и тебе помочь жизнь продлить, то знай — перед тобой враг человеческий. Чудеса никто не волен творить, только Господу подвластно незнание нами, а вот обман великий глаза застит и душу вынимает, и станет человек хуже пса паршивого — лаять да кусать, а доброго от него ничего не жди. Потому и обличье у людей разное. Одни образ Божий носят в себе, другие — дьявольский. Но прячутся под разными личинами, не сразу распознаешь. Ты узнал и ушёл от них, а те, которые к нему потянулись, поверили, что с ними стаслось? — Марфа поднялась от прялки, перекрестилась на образа и спросила: — А что семья, дети есть, не забывают?

— Конечно, есть, — скоро ответил Иван. — Они на прошлой неделе приезжали меня проведать. Уговаривали домой ехать, но я куда остался.

— Чего же ты от семьи-то ушёл, не насовсем ли? — нахмурилась хозяйка.

— Не ушёл я. Не хотел, чтобы они мою слабость видели. Меня же врачи к смерти приговорили. Вот и поехал я сюда умирать или выжить. Чего мёртвому среди живых делать, — Иван вспомнил картину своего бегства, разговор с Мариной, и слёзы навернулись ему на глаза.

— То нехорошо, что совсем плохо, а то, что не плохо, можно поправить, — загадочно молвила хозяйка и показала рукой на лавку. — Садись уже, в ногах правды нет.

— Матушка, я вам рыбки принёс. Свежая, только сегодня утром из воды, — вспомнил гость, садясь на лавку. — В сенях мешок оставил.

— За то благодарствуем. Пирог испек. Мы летним делом скоромного мало кушаем. Всё больше ягоды, грибы. Бывает, когда мужики куропаток набьют, а то и сохатого подстрелят. Тогда праздник на всю деревню. Нынче все заняты, некогда охотиться. Урожай соберут, будем с кашей. Она-то

и есть наша родимая еда. С грибами, ягодой, маслицем постным, а то и с молочком. Могу угостить, полон горшок в печи томится, — хозяйка глянула куда-то за окно.

— Не откажусь. — Иван даже слону слотнул, не завтракал с утра.

— Пойду с рыбой управлюсь, на ледник снесу. Лёд-то в нём уж совсем истаял, но прохлада какая-никакая держится. А ты, мил человек, язык мне покажи и в глаза тебе гляну, — вспомнила о цели визита Марфа. Она взглянула на Иванов язык, подвернула ему веки и сказала:

— Другого снадобья дам, а ты ещё помешкай домой ехать, побудь на месте. Вольный воздух телесного здоровья прибавит. Молитва дух укрепит, а там ступай с Богом к дому, к семье. — И хозяйка вышла.

Вернулась с дымящейся кашей. Поставила чашку на стол и не спеша достала хлеб, завёрнутый в белое полотенце, и, приложив к груди, отрезала матёрый ломоть и приложила на стол у каши.

— Ты уж не обессудь, но одному придётся пищу вкушать. Не положено нам с мирскими за одним столом сиживать. И посуда у нас другая для гостей. Но ты уж прости, мы в лесах да горах долго жили и ваших болезней городских боимся. По старине это всё и случилось — приедет бывало чужой человек, посадят его за стол, покормят и сами с ним поедят, а после отъезда гостя половина деревни в жару да в бреду лежит. Кто выживет — хорошо, но больше помирали. Тут запрет и вышел от наших духовных пастырей — в еде и питье не отказывать, но посуду для гостей держать особую и мыть после с песком и известью. А то, небось, наслышан, что староверы после гостей и посуду выбрасывают, а то ни пить, ни кушать не подадут. Это всё выдумки. Накормим, напоим, но по-своему.

Покидая гостеприимный дом, Иван спросил:

— Матушка, может быть, вам деньги нужны. За вашу доброту и участие к моему горю я готов всё отдать.

— Денег нам не надобно, а вот что от души подарить, приму с благодарностью. Ты лучше деток своих корми хорошо и жену не забивай, от того всем вам добро будет. Добрый ты человек, но пуще всего мерзости сторонись. Чувешь, сердце волнуется — не ходи в ту сторону, куда враги Божьи зовут. С любовью живи к людям, тварям, деревьям и травам. Всё кругом Господом создано, Его любовью. Иди свой путь, но помни, куда придти должно. К образу и подобию Отца Небесного. Ступай с Богом! — И Марфа, благословляя, закрестила дорогу.

Проводив гостя, Фета тут же заторопилась домой, как просила бабушка, а Иван остался ожидать чего-то, кого-то — утра, ночи, себя в них, не совсем привычного, уже тронутого раздумьями не только о себе, но и о человеческих мирах, не соответствующих друг другу в понимании сути добра и зла и находящихся в непримиримом антагонизме между собой из-за этой разности простых понятий. Ему, Ивану, назначили смерть, а он пренебрёг исполнением такого решения, и этого ему не простят.

Иван глотнул нового снадобья, на вкус оказавшегося, не в пример первому — даже приятным, немного прибрался у дома — подмёл и сгрёб нечаянный мусор, вошёл в дом, скушал хлеба с молоком и прилёг. Прогулка туда-сюда по лесу, мешок с рыбой, что отнесён Марфе, разговор — всё это немного утомило его начинающий восстанавливать к силе организм, и он скоро уснул, как, впрочем, уже привык делать в послеобеденное время. Дремотные видения только начали появляться в его сне, как застучали в окно, и он, выглянув, увидел запылённую “Ниву” и всё тех же троих своих теперь уже друзей и сразу вышел во двор. Иван был рад этим людям, их появлению здесь, словам приветствий. Немного погодя они сидели в беседке и говорили о житье-бытье, городской суматохе и деревенской тишине, здорвье, рыбалке, мировых новостях.

Вечером готовили уху из новопойманной рыбы, накрыли стол и чуть не до утра пировали. Хозяин участвовал в пиршестве и разговоре теперь уже на равных. Гости уловили перемены в настроении хозяина дома, говорили тосты за здоровье, за красоту природы и даже за то, чтобы в озере плодилась рыба — мала и велика. Уже ночью купались в озере, остужая хмельные

головы, гуляли по берегу, пили у самовара чай, вкусный, с дымком, с мятой.

Иван проснулся от звучания солнечных лучей, что проникли в комнату и хозяйничали по всей территории, распевая свои звонкие песни. Он любил слушать эти весёлые переливы солнечных голосов и подголосков, которые звучали со всех сторон — от окна, стен, пола, даруя радость нового дня и желание жить в нём. Ещё в детстве он полюбил эти звуки, когда, открыв глаза, видел, как лучики солнца золотят мелкие пылинки в светлом воздухе, наполнившем его комнату, и тогда же сложилась мелодия, которую маленький Ваня назвал солнечной. Мальчик вырос в мужчину, а музыка осталась и продолжала звучать в утреннем свете, перестраивая свои лады согласно изменениям природных явлений за окном. В пасмурную погоду это были осторожные, несколько печальные звуки, но стоило хотя бы одному солнечному лучу пробиться сквозь завесу облаков, как мелодия оживала, светлела и звала за собой ввысь, к самому солнцу. Музыка дождя звучала особенно — будто сотни больших и малых барабанов затевали концерт, звуки различной тональности проникали в дом, но не какофонией, а ладными перепевами ударных инструментов, что собирали звучание капель о крышу, листья деревьев, асфальт и наводнённые дождём лужи. “Шлёп-шлёп, тук-тук, кап-кап” — и из этих простых звуков рождалась музыка. Снег, кружась за окном, дарил вообразительно мелодии вальса, и позже, когда Иван полюбил музыку Штрауса, ему всегда при прослушивании концертов австрийского композитора в зале или с грампластинки чудился снегопад, так же естественно возникающий, будто в детстве за окном комнаты. Ещё была музыка весенней капели, выпадения осенних листьев, их шорохи, вздымаемые над землёю ветром или ногами прохожих. В детстве, а позже и в юности он удивлялся, как много в мире прекрасной музыки, но куда же спешат люди, не замечая чудесных звуков, что окружают их доверчивой любовью своих мелодий? Но повзрослев, и сам стал меньше замечать природные музыкальные действия вокруг себя. И только по утрам продолжал ловить и впитывать в себя радость солнечных мелодий.

Нужно было подыматься от постели, гости, наверное, уже рыбачат и скоро возвратятся к дому. К их возвращению надо успеть вздуть самовар, чтобы порадовать мужиков горячим, душистым чаем. Все его утренние дела заняли не более получаса — закурилась дымом самоварная труба, а Иван приступил к собиранию на стол завтрака, принялся сбивать яйца с молоком для приготовления своего фирменного блюда — омлета по-крестьянски. Поставив сковороду на огонь, задумался: вчера доктор-терапевт не задал не единого вопроса о здоровье хозяина. Почему? Наверное, не хотел вторгаться в общее веселье неуместными здесь врачебными интересами или заметил новое, здоровое отношение к жизни у Ивана.

А вот и они! Врач несёт снасти, а позади него друзья несут ведро с пойманной рыбой. Что ж это они так тяжело нагрузили доктора, а сами несут одно ведро на двоих?

Иван снял сковороду с огня и установил в середине стола, потом стал доставать из холодильника закуски, уцелевшие после ночной пирушки. Гости, умывшись, быстро расположились за столом и так же скоро употребили всю еду, что выставил хозяин. Вольный воздух, ранняя прогулка по озеру возбудили аппетит, и было здорово наблюдать, как мужики мечут со стола всё, что подано на завтрак.

— Вы домой когда? — спросил Иван.

— Сегодня к вечеру тронемся. На сутки отпросились от работы, от дома, — ответил за всех Олег.

— Меня возьмите с собой, — вдруг решил Иван. — Домой хочу.

— Конечно, возьмём. Враз домчим. Машина — зверь, — улыбнулись его решению рыбаки. Иван разволновался от своего неожиданного решения и пошёл в сторону леса, к старому пню, где любил проводить время, оглядывая с возвышенности озёрную гладь воды и прилегающие к ней просторы степного раздолья. За ним к опушке леса подошёл Олег, молча встал рядом и тоже стал смотреть на окружающий озеро ландшафт. Молчание затянулось, но друзья не тяготились тишиной.

— Что о здоровье не спросишь? — наконец, молвил Иван.

— И так вижу — здоров, а вот как это тебе удалось, узнать хочется из чисто профессионального любопытства, — Олег присел на ствол поваленного дерева и приготовился слушать.

Иван подробно обо всём рассказал и закончил такими словами:

— Не свою мы жизнь живём, чужую, кем-то нам подsunутую, а не дарованную Господом. Страдаем от своей бестолковости и безумства зависти. Искали мы и ищем даров драгоценных, а нашли пустоту. Драгоценный дар — душа человеческая, а мы её выхлостили, опустошили, золотому тельцу кланаясь. Отсюда и беды наши.

— Согласен, — в задумчивости промолвил Олег. — Я почему в простой поликлинике работаю? А потому, что могу человеку помочь, без оглядки на обстоятельство. Приглашали, а как же, — в клиники, где каждое слово лечащего врача больших денег стоит. Успел и там поработать, но всегда возвращался обратно, не смог увидеть в больном человеке денежное пособие для доктора.

Дома никого не оказалось, и он позвонил соседям, которым обычно оставляли ключ, ну так, на всякий случай. Соседка, давнишняя пенсионерка, всегда чистенькая и приветливая, открыв дверь, всплеснула руками:

— Иван Александрович, какая радость! Тут столько всяких разговоров о вас ходит, а вы вот он — живой, здоровый. Прямо до смерти рада вас видеть, а уж как Марина-то обрадуется! Извелась вся, голубушка. Счастья вам, и вот ваши ключики. — Соседка сдёрнула ключи с гвоздя у двери.

— Спасибо, тётя Маша. Но до смерти радоваться не нужно, живите долго.

В обстановке дома ничего не изменилось. Мерно гудел на кухне холодильник, из комнаты дочери, приветливо мявкнув, вышла кошка и направилась навстречу хозяину, потёрлась о ногу и пошла на кухню — спросить себе еды, наверное, внеочередной порции за встречу. Иван разулся, надел тапочки, столь долго ожидавшие его возвращения, и прошёлся по комнатам, присел на диван и ощутил счастливый покой в душе. Но тут же вспомнил, куда он уходил из этого дома, а ведь было это совсем недавно, и провожался Иван сам собою умирать... Прожил где-то в глуши остаток жизни и, как бы народившись вновь, не забыл своего земного пристанища, родной семьи и вернулся, чтобы занять своё место, что, к счастью, осталось пустовать без него. Вздрыгнул от страха, оставшегося в памяти, и, избавляясь окончательно от причины того испуга, пошёл на кухню кормить кошку — та уже пару раз выглядывала из проёма двери, не понимая, почему хозяин медлит в таком серьёзном деле.

Совсем ли он приехал домой? Иван не знал ответа на такой вопрос, но чувствовал, что уже не сможет долго здесь оставаться. И не то, чтобы он отвык от дома, вовсе нет — дом оставался для него местом если не святым, то родным гнездом, где жили его любимые люди, а бродягой Иван тоже никогда не был, душа его не стремилась в неизведанные дали, жила рядом, смиренно радуясь бытию окружающего мира. Но мир очень быстро менялся, и требовался выход в некое пространство, где связи души, природы и разума не оборваны, а лишь дополняют друг друга, образуя свет на том пути, куда следует ступать человеку. На том пространстве осталось немного жизни, но она есть, там живут Марфа, девочка Фета, деревня староверов, и даже собака Альфа живёт в нём и стремится сохранить свою территорию от посягательств недоброжелателей, что, наверное, изо всех сил желают погубить эти дивные места. Так оно и есть. Никто никого не спрашивает, как надобно сделать жизнь лучше, и только нажива возбуждает разум. Брать, рвать, потреблять, будто только для этих действий создан человек. Потому и придумали, что люди произошли от мартышки, — проще стало жить, никакой ответственности пред Богом. Что за спрос с обезьяны?

Из печальных раздумий о мире его вывел дверной стук, и будто вихрь пронёсся по комнатам, возник радостный звук, вскрик, и Иван попал в объятия лёгкие и нежные.

— Доченька, — выдохнул Иван и прижался к родному существу.

— Ты уже позвонил маме?

— Нет, решил не беспокоить, хотел стать сюрпризом.

— Не беспокоить! Сюрприз!.. Ты, папа, думай, о чём говоришь, — нацидательно сказала дочь. — Мама места себе не находит, а ты говоришь о каких-то приятных неожиданностях. Самая большая радость — это то, что ты дома. — Дочь взяла телефон и набрала номер: — Мама, папа дома. — Повернулась к отцу: — Видишь, она даже и говорить не стала. Со всех ног домой помчалась, а ты — сюрприз. Сиди и жди, а я за тортиком сбегаю. Праздник у нас сегодня. Ура!

Через короткое время вся семья сидела за столом и между ними шла оживлённая беседа. Ивану было легко и просто находиться в кругу своей семьи, на лицах близких ему людей жила радость, и никто не скрывал того, что счастливые взгляды и весёлые слова посвящены ему, его возвращению домой. Слова не имели цели обозначить какой-то свой особый смысл, а лишь звучали радостью от присутствия человека, которого здесь долго ждали. Никто не вспоминал причины его отсутствия и уже не верили, что такое когда-то было, то время прошло и забылось, и повторения того давнего кошмара больше никто не ждал, остались лишь воспоминания — озеро, лес, дом, где они побывали в гостях у больного отца, но помнили это событие, как радостную встречу с природой, и выражали желание быть там для продолжения знакомства с краем девственной красоты. Сам виновник торжества, выпив пару рюмок коньяка, расслабился и теперь уже совсем и телом, и разумом вернулся домой, наслаждался словами, смехом и просто счастливыми лицами родных людей.

Спать легли за полночь, наговорившись обо всех новостях семейных и тех, что произошли за это время в городе, радостных и не очень. Звонил и друг Серёга, радостно кричал в трубку, не давал Ивану и слова сказать, а о чём они говорили, потом не помнилось — нескрываемая радость, и всё тут. Спал Иван, как убитый, но не усталостью или горем, а сном счастливого человека, вернувшегося домой, вырвавшись из цепких, костлявых лап смерти.

Утром после завтрака жена, собираясь на работу, спросила:

— Что делать собираешься?

— Серёга просил приехать, да и самому хочется на фабрику. Узнать, как там нынче дела идут, — ответил Иван. — А потом к доктору одному знакомому. Он на озеро приезжал, на рыбалку, хотел посмотреть меня повнимательней, чтобы убедиться в моём выздоровлении.

— По этому поводу я не хотела тебе ни о чём напоминать, но приходила бумага, а потом звонили из той самой клиники, просили придти и снять тебя с учёта. Сам понимаешь, что они считают... Ладно, не будем о плохом прошлом, но выбери время и зайди к ним, скажи им пару ласковых слов о себе, а я уже по телефону всё сказала и повторять не буду даже для любимого мужа. — Марина улыбнулась, махнула рукой. — До вечера. Звони, если что забыл из этой жизни, — напомню.

К воротам фабрики Иван подъехал с некоторым волнением. Охранник вышел из проходной будки проверить машину, но, узнав шефа, разулыбался так, будто увидел наяву своё детство, побежал, открыл ворота, снова вышел во двор и всё с той же улыбкой проводил автомобиль взглядом до самого административного корпуса. Секретарша, несмотря на свой серьёзный возраст, подпрыгнула со стула, как девочка, пискнула что-то невразумительно-радостное и бросилась обнимать Ивана, будто родного сына, и глаза её наполнились слезами.

— Но-но, Анна Сергеевна, плакальщицы нам уже не нужны, — сказал Иван, поднося к её глазам платок.

— Я от радости, Иван Александрович, от радости, — зашмыгала носом секретарша и отворила двери в кабинет. Из этих дверей выскочил друг Серёга, схватил Ивана в охапку и буквально втащил в кабинет, усадил в кресло, сел напротив и стал неотрывно смотреть на друга, задержав на своём лице блаженную улыбку. Наконец, глубоко вдохнув, выдохнул слова своего облегчения:

— Слава Богу, начальник вернулся, кончилась моя каторга. Давай, принимай дела, а я к себе, в родной цех.

— Погоди, не торопись. Пройдём по фабричным цехам, посмотрим, с коллективом поздороваемся, жалобы на тебя выслушаем, а потом решим — кому и куда. Может быть, я в цех пойду, а ты здесь останешься? — принял иронию разговора Иван.

— Нет-нет, — взвился Серёга. — Не моё это место, очень хлопотно здесь. Жульё всякое одолевает, их в дверь выгоняешь, они в окно лезут.

— Какое ещё жульё? — не понял Иван.

— Приходили головорезы бритые, хотят фабрику купить, но я ответил: самим нужна. Хорошие деньги предлагали. Говорю: я не решаю такие вопросы, акционеры есть, председатель, а они, мол, вы бумаги подпишите, берите деньги, остальное дело вас не касается. Позвонил директору, предупредил, он сказал, что примет меры. Больше не появлялись, но, думаю, придут, уж больно вид их фейсов и слова нахальством полны, — Сергей сделал пальцы веером.

— Ты своё дело сделал — директора предупредил, а у него прокурор в друзьях, так что нам думать не надо, пусть они со шпаной решают, а мы работать будем, — успокоил друга Иван.

Освободился он от фабричных дел только ближе к обеду и остался доволен действиями друга Серёги в управлении производством, самим трудовым процессом, настроением рабочих, что искренне, без показухи, выражали радость возвращением шефа и его добрым здравием. Осмотрел он и новую итальянскую линию по производству комплектующих для мебельных гарнитуров из дорогостоящих пород дерева, смонтированную и запущенную в его отсутствие. Прежние и новые участки производства он осматривал досконально, вникая в каждую мелочь, выпрашивая мнение людей о нововведениях, качестве импортных и отечественных конвейеров и других мощностей, будто видел всё это впервые. Никакой нервозности в поведении рабочих он не ощутил — они охотно шли на контакт и рассказали о преимуществах и недостатках оборудования, как нового, так и модернизированного старого. Производство работало, продукция имела спрос на отечественном рынке и в других странах — это радовало и вселяло надежду на какую-то новую жизнь. Иван уже видел и ощущал надобность своего присутствия на фабрике, улицах города, в семье.

В поликлинике новый его знакомый врач без лишних церемоний по случаю встречи сразу приступил к осмотру — осмотрел язык, прошупал живот, оттянув веко, заглядывал в глаз, а потом, записав что-то в карточку, отправился вместе с другом-пациентом в рентгеновский кабинет.

— Да, что-то тут было, видимо, острое воспаление. Вот здесь, — доктор ткнул пальцем в готовый рентгеновский снимок. — Есть некоторые изменения, небольшое загрубение слизистой оболочки начала желудка в конце пищевода. Но ведь это не раковая опухоль, а небольшое напряжение тканей рассосётся, значит, диагноз был поставлен неверно. С той аппаратурой, что имеется в клинике господина Миркина, куда вы имели несчастье зайти, неверный диагноз поставить невозможно. Что тогда это было? Некомпетентность врача или намеренное искажение фактов — вредительство? Вопросы серьёзные, но ответа на них никто никогда не получит. Масштабное сокращение населения в нашей стране и в других государствах третьего мира — основная задача глобального переустройства планеты, и медицина здесь — не последнее из средств достижения этой цели. “Золотой миллиард” решает проблемы народонаселения по-своему — без шума. Мировая революция не удалась, война тоже обманула надежды мировой закулисы — остались живы и Россия, и Германия. Теперь ведётся массовое вторжение без оружия — пресса, юстиция, финансы, медицина.

— Как же мне поступить теперь? Ведь мне необходимо снова появиться в камере смертников и доложить, что я остался жив и после расстрельного диагноза.

— Иван Александрович, вы только не торопите события. Ничто вам не угрожает. Спокойно поезжайте и снимайтесь с учёта, и говорите, что прошли курс лечения в столичной больнице или за рубежом — ну, где угодно и постарайтесь, чтобы объяснение вашего доброго здоровья выглядело правдиво. Ни на какие дополнительные обследования не соглашайтесь, на доверительные

контакты не идите. Снимитесь с учёта и долой с глаз деловой их медицины. Они будут уговаривать вас остаться под их наблюдением, предлагать льготное обслуживание и ещё что-нибудь приятное, но вы держитесь своей стороны, а ещё лучше — напугайте их связями в министерстве здравоохранения. А теперь с Богом. И знайте, вы совершенно здоровы.

В клинике ему настойчиво предлагали пройти новое обследование у того же врача, но Иван твёрдо заявил:

— Он уже вынес свой приговор, который не был приведён в исполнение, и больше я сюда никогда не приду. Не беспокойте меня, пожалуйста, своими требованиями, иначе сюда будут приглашены сотрудники Минздрава — мои хорошие друзья.

Мысленный злой кураж сопровождал его до машины, а потом и в пути. Отправляют здорового человека умирать — и всё нормально, всё хорошо. Ещё и спрашивают, мол, как же это так, почему вы не умерли? Мы же вам сказали, что у вас рак, значит, нечего людям голову морочить — ждите костлявую с косой, только прежде отдайте нам свои сбережения, на том свете ничего материального не понадобится, а нам жить. Чёрт возьми, тачки-то какие у больницы припаркованы — все как на подбор новенькие и дорожные. И всё это богатство — за счёт умирающих здесь несчастных людей. Чуть заболел — деньги отдай и ступай на кладбище. Вот сволочи! Надо было к доктору зайти, благодарность свою выразить. В рыло бы ему заехать, сразу бы легче стало, но нельзя, засадят в тюрьму, а там тоже лазарет имеется, и никто не знает, где могилка твоя.

Иван в мысленном озлоблении на время забыл о дороге, правилах движения и проскочил на красный свет светофора. И тут же попал в поле зрения гаишника, будто ожидавшего его промаха в нужном месте. Полосатый жезл метнулся вверх и тут же опустился, указывая водителю остановку, где его ждут новые неприятности, не смертельные, но и не совсем нужные в данный момент. Но за всё надобно отвечать, платить — везде и вовремя. Иван не стал ожидать, когда постовой подойдёт к машине, а сам вышел из-за руля. Милиционер двинулся навстречу, козырнул, представился и спросил:

— Запрещающий сигнал видели?

— Извините, задумался.

— За рулём нужно думать о дороге. Ваши права, пожалуйста. Пройдёмте в машину, составим акт, а уж суд решит, что с вами делать?

— Первый раз можно и простить, — начал свою защиту нарушитель, шагая за лейтенантом.

— Сейчас и подумаем вместе, как нам быть? — многообещающе ответил страж порядка и открыл дверь машины.

— Не дадут помереть в срок, — произнёс фразу Иван, что совсем неожиданно пришла ему в голову.

— О чём это вы? — спросил гаишник, усаживаясь за руль.

— Из больницы еду, сказали — помирать скоро, я и поехал по назначению, а тут светофор, думал это для живых — стоп, а покойникам — вперёд. Поспешил, а теперь думаю — куда? Торопиться теперь некуда, — грустно соврал Иван.

— Это вы что серьёзно, про больницу? — лейтенант замер с чистым листом протокола в руках.

— Хотелось бы пошутить, но не получается, — продолжил игру Иван.

— Ладно, поезжайте с Богом. Будьте осторожны, кто знает, сколько ещё жить придётся... — Офицер вернул документы.

— Вы меня отпускаете? Просто так? — не поверил нарушитель.

— Мы тоже люди, — ответил гаишник. — А то, что про нас говорят, так кто на виду, тем и достаётся. Счастливого пути.

Иван поехал дальше, мысленно беседуя сам с собой: “А врать-то хорошо. Похоже, хорошего человека обманул. Как-то очень уж всё просто получилось. Соврал — и поверили. И кто поверил? Старший лейтенант ГАИ. — Иван заглянул в зеркало. — Что-то не больно я на покойника похож. Хотя кто знает, каким себя увидишь в гробу? Не расскажешь уже никому. Но врать всё равно стыдно. А ещё Богу молишься, Иван

Александрович! Господи, прости, беру обязательство не нарушать правила дорожного движения!”

Паркуя машину у своего дома, он неожиданно подумал: “А что, если его убить? Доктора, который хотел убить тебя. А что, неплохое решение, мужское. Задавить гадину”, и сразу стало легко на сердце, на душе — везде, где до этого жила ненависть к врагам человечества, вольготно устроившим *пир во время чумы*, что охватила эпидемией его Родину.

Иван вошёл в дверь своего дома в добром расположении духа, вышел чаю и задумался над своими дорожными мыслями. Убить доктора, что предлагает хворым людям купить смерть, — совсем неплохое дело, но как это осуществить? А Божья заповедь: “Не убий”? Но ведь доктор убивает, и пусть не ножом, не выстрелом из пистолета, но работает он, заведомо зная, что делает. И делает он своё чёрное дело из-за денег, а может, ещё почему. Но все эти дела его — врача — грех, а если убить доктора, кто будет тогда убийца — грешник или герой? С одной стороны, он, Иван, освобождает человечество от чудовища, которое с помощью медицины и своего звания врача безнаказанно пожирает жизни людей, но как не говори о некоем монстре, а обличье у доктора вполне человеческое, и на Страшном Суде отвечать придётся, как за Божью тварь. Хотя и твари у Бога разные — одни траву кушают и нахваливают, а другие без крови обойтись не могут. Но то твари бессловесные, они живут, как им Господь заповедал, а человек, он кто — хищник или овца? Тоже, как и у животных: одни на подножном корму жизнь проживают, другие же из них кровь пьют. Волки и овцы, и в какую сторону ни глянь — всюду так. Только очень уж расплодились волки, овец перестало им хватать, начинают друг другу глотки рвать. Отстреливать надо волков. Удачливый охотник за шкуру волка хорошие деньги получает, тем и живёт. Сколько же можно получить за шкуру доктора? Лет пятнадцать, как минимум, но стрелять надо, иначе дело швах, как говорят французы или немцы. У них в клиниках тоже дела не лучше обстоят — режут людей, как собак в научном центре Павлова. Раньше — для опытов, теперь — ради денег и не только, судя по заявлениям глобалистов о необходимости сокращения населения в определённых странах. Мол, не прокормить такую массу народонаселения, будто они этот народ кормят. Как раз всё наоборот, но миллионеры так не считают, у них всегда пипл виновен. Они судьи, а присяжные, они в каждом правительстве всякой страны имеются, кивают головой и подсказывают: “Да-да, и наш народ тоже ленивый, и наших людей надобно тоже под нож пустить”. Вот, суки, всё продали: и честь, и совесть, и Родину. Иван нервно зашагал по комнате, но этот его злой порыв к действиям отменил телефонный звонок.

— Иван Александрович, здравствуйте, — загудел в трубке басовитый голос. — Меня зовут Александр. Можно просто Саша. Вы уж простите, ради Бога, но у меня случилась беда. Хотел бы встретиться с вами, поговорить. Вы уж не откажите, пожалуйста, а то мне хоть в петлю лезть...

— А что произошло, можете объяснить?

— По телефону не сумею. Вы можете ко мне приехать, а то мне очень тяжело мотаться по автобусам? — И собеседник назвал адрес.

— Хорошо, я сейчас буду, — сказал Иван, взглянув на часы. Времени до прихода Марины оставалось достаточно, и расстояние, что нужно было осилить, для автомобиля оказалось недолгим, и скоро он стоял у небольшого дома, оторый замер среди рослых деревьев старого сада.

Дверь открылась, и тут же за домом раздался лай собаки, и на крыльцо вышел мужчина богатырского сложения и махнул рукой, мол, заходите. Гость прошёл по уложенной камнем дорожке и, встав перед хозяином, что стоял на возвышении крылечка, почувствовал неловкость карлика — едва доходил ему ростом до пояса. Поднял руку, чтобы ответить на приветствие, и за этим рукопожатием, не отпуская его, хозяин втащил Ивана в дом.

— Заходите, заходите, — твердил он, тяжело дыша.

В доме их встретила сухонькая пожилая женщина, взгляд её излучал какую-то добрую надежду. Иван сразу понял, что в доме его ждали и верят — его появление здесь принесёт уверенность в избавлении от беды, которая явилась сюда и тревожит души людей.

Из прихожей Ивана провели прямо к столу, что накрыли, видимо, к его приходу, неброско, небогато, но с чувством уважения к гостю. На столе в вазах лежали конфеты, печенье, фрукты, а в середине ещё что-то, прикрытое вышитой салфеткой, наполняющее воздух комнаты ароматом свежеспечённого пирога, наверняка, с капустой. Старые, надёжные шкафы, тумбочки, стулья, люстра из чешского стекла, нависшая над столом — всё здесь напоминало эпоху социализма, а для многих — целую жизнь. Под салфеткой и впрямь оказался пирог — румяный, с хрустящей корочкой, что аппетитно захрустела уже под ножом, когда хозяйка принялась резать угощение на куски. В чашки налили душистого чаю, и за столом установилась уютная тишина, будто давно знакомые люди сошлись здесь для дружеской беседы, но разговор не начинали, а решили прежде отведать вкусного пирога, чтобы потом вести речи в добром душевном расположении. И вот от пирога осталась малая часть, а чай хозяйка подлила уже по третьему разу, и Александр заговорил:

— Вы простите, Иван Александрович, что отвлекаю вас от дел, но тому виной моя болезнь. От вашего работника я узнал, что вы чудесным образом излечились от... не буду называть от чего, но, может быть, вы и мне что-то посоветуете? Я тону и пытаюсь ухватиться за всё, что может подарить мне надежду.

— Простите, Александр, но я и сам не знаю, была у меня болезнь или её придумали доктора. А вы где проходили обследование?

— В клинике, у доктора Юрия Михайловича Миркина.

— У Миркина! Опять он, всюду он. А в другую больницу не обращались?

— Да нет. Когда узнал про болезнь, началось такое, что забыл о лечении и о себе тоже.

— А что случилось с вами?

— И вспоминать не хочется. Жена, как узнала о диагнозе, сразу сторониться меня стала, в другую комнату спать перешла, будто я прокажённый. На работе предложили уволиться, пособие дали на три месяца, думают, наверное, что больше и не проживу. Обидно и стыдно не за себя, за людей родных и знакомых.

— Что за болезнь у вас обнаружили?

— Опухоль в лёгком, а лечить, говорят, поздно — операцию надо делать, но никто гарантий не даёт, что другое лёгкое цело и болезнь не перейдёт в него. Они же в паре работают, одним воздухом дышат. Если одно убрать, второе тоже недолго проживёт. Врачи говорят, что будут наблюдать, помогать, но мне кажется, операцию сделают и забудут о тебе навсегда.

Иван тотчас позвонил Олегу:

— Ты ещё долго будешь на службе?

— На пару часов задержусь, писанины много, — отвечал тот.

— Мы сейчас приедем, помощь твоя требуется.

— Жду.

Когда Олег повёл Александра обследоваться, Иван остался в его кабинете и задумался, как и у кого испросить разрешения на убийство врача-вредителя. Может, и не надобно никакого благословения — замочить гадину и дело с концом? Лучший выход из этого положения, что между совестью и грехом, — нанять киллера, заплатить ему, а когда он с доктором разберётся, жить дальше с чувством исполненного долга перед собой и людьми.

Впрочем, нет, этот грех должен всецело принадлежать ему — Ивану Заводьеву, потому что он обнаружил намерение зла в человеке и желает его уничтожить. Не надо обременять своим страшным замыслом других людей.

Вернулись врач и пациент. Олег присел за стол и стал что-то записывать в карточку, а Саша сидел на кушетке и пытался улыбаться в сторону Ивана. Разговор не получалось начать, его должен был продолжить Олег, но он занимался написанием диагноза и, видимо, пытался осмыслить будущие действия и слова, которые ему будет нужно произнести. Наконец, он обратился к пациенту:

— Вы, Саша, взрослый мужчина, и потому не буду от вас скрывать — состояние здоровья вашего организма серьёзно подорвано в области дыхания.

Не стану выносить приговора в диагнозе болезни, но думаю, что возможность излечения от недуга есть. Завтра будет врач-пульмонолог, и мы вместе определим методы вашего лечения, а пока вы остаётесь у нас. Сейчас медсестра отведёт вас в палату. Можете позвонить домой. — Олег подвинул телефонный аппарат на край стола.

Выходил из больницы Иван уже вместе с Олегом. Они остановились у машины, той старенькой “Нивы”, исправно служащей доктору, и заговорили:

— Надежда-то есть? Хороший мужик, богатырь. Надо же такому приключиться.

— На днях всё узнаем, а надежда всегда есть. Все невесёлые приключения случаются с хорошими, добрыми людьми. Мерзавцев, тех ничего не берёт, никакая зараза.

Назавтра, когда Иван прибыл в храм, там проходила служба — читали акафист святителю Николаю Чудотворцу. После богослужения Заводьев прохаживался во дворе храма и обдумывал предстоящий разговор с настоятелем. Наконец, отец Николай вышел к нему:

— Что привело вас к нам, Иван Александрович?

— Вы знаете моё имя? — удивился Иван.

— Бывал у вас на фабрике, правда, в отсутствие ваше, заказывал кое-какую мебель для дома. Ваш друг, Сергей, много и с добром о вас рассказывал, с большим беспокойством о здоровье вашем. Такими словами только о хороших людях заботятся. После он в храм приезжал и здравичу вам заказывал. Верный он друг ваш. И Марину, вашу жену, знаю, наша прихожанка и тоже о вас молилась и меня просила умолить Господа о здравии вашем. Берегите эту добрую дружбу и любовь. Не всякому дано обладать таким счастьем. — Батюшка вздохнул.

— А мебель-то вашу изготовили? — расчувствовавшись, спросил Иван.

— Изготовили, и привезли, и установили, где надо. Красиво и добротно, не нарядуюсь, право дело. А вы о чём спросить хотели? — глядя в глаза, спросил священник, и Иван понял — надо отвечать прямо сейчас.

— Батюшка, вопрос у меня серьёзный, но не знаю, по верному ли адресу я пришёл получить ответ? Множество сомнений одолевает мою голову, но одно несомненно: действовать надо, и очень решительно, иначе покоя моей душе не будет никогда. А грянет ли в душу покой после свершения действия, ещё более неизвестно. Наставьте на путь тот, что будет прав в этой жизни, — Иван опустил голову, верно, от тяжести мыслей. Священник потянул его за рукав куртки:

— Пойдёмте со мной. Я здесь недалеко живу. Там и обсудим дела ваши обстоятельно и по совести, не спеша.

В небольшом кабинете поповского дома, где на полках сгрудилось мудростью множество книг, пол был устлан мягким ковром. Они сидели за столом и молчали, пока сухонькая женщина неопределённого возраста подавала на стол сладости и включила стоящий тут же электрический самовар, который вскоре наполнил воздух комнаты мерным шумом закипающей воды. Батюшка насыпал в маленький расписной чайник заварки, залил кипятком, накрыл крышкой, а сверху надел шерстяную накидку в форме курицы и присел напротив гостя:

— Ну что ж, куда чай упаривается, можно и побеседовать.

— На добрую беседу я не рассчитываю, у меня к вам вопрос, не вопрос, а есть какое-то неясное желание поиска выхода из запутанной ситуации понятий того, что можно, а чего нельзя совершать, но надо. Как эту надобность увязать с пониманием смертного греха, который ты хочешь совершить, и как простое человеческое желание жить в сознании исполненного долга перед людьми поможет преодолеть страх Божьего возмездия. — Иван говорил медленно, выбирая нужные слова из глубины сознания причин, приведших его сюда.

— Вы меня пугаете, Иван Александрович. Что это за помыслы о грехе и желание такое действие осуществить?

— Скажите, батюшка, если вы знаете, что перед вами враг твоего на-

рода, людей, живущих рядом, родственников и твоих детей, как ты должен поступить? — пошёл в наступление Иван.

— Защита Отечества благословляется как подвиг. Но нынче, слава Богу, войны нет. Какого врага вы имеете в виду? — уточнил священник.

— Настоящего. Вместо врачебной помощи люди получают диагноз смертельной болезни и, как правило, лечатся, платят деньги, желая продлить свои дни на земле, но результат получают один — смерть.

— Вы имеете в виду медицину? Везде и всегда случаются ошибки, их совершают люди потому, что они не Бог, а только образ и подобие, и часто не верят в венец своего творения. А что у вас произошло?

Иван подробно обо всём поведал. Выслушав, отец Николай помолчал и ответил:

— Но поймите, Иван Александрович, совершив эту свою задумку, вы уподобляетесь самому объекту мести. Становитесь вместе с ним на один греховный уровень перед Господом. Перед человеческим же судом вы будете выглядеть куда как опаснее одного разбойника.

— Пусть, суд Божий меня страшит, но человеческий нисколько меня не пугает, и если процесс когда-нибудь состоится, то можно будет многим открыть глаза на происходящее вокруг нас.

— Не хочется говорить, что вы наивны, но это именно так. И если даже предположить, что задуманное вами, не дай Бог, свершится, при первом же упоминании о причинах, побудивших вас к действию, а тем более о глобальности этих процессов вы будете отправлены в сумасшедший дом, где очень скоро станете увлечённо играть в мяч и лучшего занятия более никогда не узнаете. Конечно, я не советчик вашим мыслям, а только предостерегаю от них, как и положено мне по сану. — Батюшка несколько угас взглядом, и Иван понял: разговор окончен. Уже на крыльце дома, провожая гостя, отец Николай промолвил:

— Бойся себя, сын мой, мыслей своих, не гожих для жизни, слов дурных, а Господь — Он сам всё устроит, как Ему надобно. Убить, конечно, можно, но зло — оно, как тот змей трёхглавый — одну голову срубишь, другая вырастет. Убить человека нетрудно, но этот грех таким мраком на душу ляжет, что жизнь адом покажется тому, конечно, у кого душа не остыла от рук Господних, её вложивших в брненное тело. И помните, дух человеческий в смиреннии крепчает, а главный суд заключён в самом человеке. Ступайте с Богом. — Он перекрестил Ивана и всё стоял на крыльце и смотрел вослед, пока машина не скрылась за поворотом.

Планы по спасению человечества от злодея-доктора Миркина пришлось отложить и работу тоже. Позвонил на службу Олег и попросил приехать. Иван прибыл в больницу к завершению рабочего дня. Олег, уже снявший халат и шапочку, что-то записывал в тетрадку.

— Стихи, наверно, сочиняешь? — пошутил Иван.

— Не до стихов, брат. У нашего с тобой Александра действительно опухоль. Отдавать его в клинику Миркина — это операция, химия, большие деньги, которых у него нет, и конец тому лечению известен. Я вот что подумал: мы его тут подлечим, ну, укрепим организм, а потом давай отвезём Сашу к твоим кержакам, они там, может быть, молитвой и травами с болезнью справятся. А нет, так хотя бы отойдёт в мир иной без мучений. Без операций, удалений, химий и прочих достижений нынешней медицины. Ну, как — согласен?

— Что тут думать, так и поступим. В лесу, на воле, всегда лучше умереть, чем в больнице, — согласился Иван — А можно с ним повидаться?

— Отчего же нельзя. Вместе и пойдём, — поднялся доктор.

Проходя по коридору, Иван неожиданно сообщил:

— Знаешь, я решил его убить.

— Кого, Миркина? — сразу догадался Олег. — С ума сошёл?

— Не знаю, может быть, и сошёл, но я должен это сделать, иначе разве можно жить спокойно, если знаешь врага в лицо, и тот спокойно продолжает жить и вредить исподволь, тайно. Он диверсант, живёт в этой стране по какому-то дьявольскому заданию. Это моё интуитивное мнение, но оно

подкрепляется многими фактами, да хотя бы и самой перестройкой, развалом страны, вымиранием населения, внезапным обогащением всяких мерзавцев. Почему так происходит?

— Это “почему” задаёт себе, наверное, каждый житель нашей страны, наделённый разумом. Однако это не причина убивать, пусть даже врагов. Враги среди нас, в нашем доме, но о них уже знают, и это неплохо. Шаг вперёд сделан, узнавание состоялось, теперь должны созреть и действия, которые обратятся в события.

Они вошли в палату, где им навстречу поднялся всей своей огромной фигурой Александр.

Неделя прошла в трудах фабричных, а после работы Иван отслеживал пути доктора Миркина, но тот из клиники ехал прямо домой, а дом, где он проживал, был окружён оградой, и выпускали за неё только через домофон, и уже внутри, в холле посетителя ещё раз проверял охранник: звонил в нужную квартиру и выяснял у хозяев, надобен ли им такой гость. Иван понял, что войти в дом почти невозможно, а если всё же туда проникнуть, выйти оттуда, завершив своё чёрное дело, он не сумеет, — выход осуществлялся только с согласия хозяина квартиры, и все пути отслеживались камерами. “Комфортная тюрьма, да и только”, — подумал он про элитное жилище и немного растерялся от беспомощности перед этими хитроумными препятствиями. Но позже ему удалось выведать, что в субботний день после обеда доктор уезжает на дачу, и он посчитал этот вариант самым удобным для исполнения своего замысла.

В пятницу они вместе с Олегом и больным Александром отбыли на озеро, чтобы встретиться с Марфой. Осенняя пора ещё только вступала в свои права, вкрадывалась в листву деревьев золотыми красками, но лето неохотно отдавало пространство своих тёплых дней и, не желая перемен к увяданию природы, пусть и сказочно красивому во временном прощании с радостью жаркого солнца, прятало желтизну в гуще покрытых зеленью веток. Высокие зелёные тополя, стоящие по обочине трассы, по которой следовала машина с нашими героями, чуть шелестели покрытой пылью, отяжелевшей к осени листвой, и становилось грустно на душе от этого доверительного шёпота листьев, будто напевающих вполголоса печальную песню прощания с летом. Осень наступала своей особенной тишиной, ещё без красок, но уже без пения птиц, улетевших или собирающихся к отбытию в тёплые края, и только вездесущие воробьи суетились повсюду в поисках зимних квартир — гнёзд, оставленных хозяевами до весны.

В этом состоянии осенней грусти наши мужчины прибыли на островок нетронутой чудесами цивилизации природы, к воде озера, лесу и вольному ветерку, будоражащему воздух, напоённый звуками и запахами свободы, как душевной, так и телесной. Собака, чуточку одичавшая от одиночества, в радости встречи едва не сбила хозяина с ног, пытаясь непременно облизать его лицо. Оставшись одна, она не бросила дом, но, видимо, навевдалась в деревню, где её знали и, наверное, подкармливали — заброшенной она не выглядела, а от радости встречи носилась вокруг гостей, взиала, визжала, ни на минуту не сомневаясь в своей любви к людям, вернувшимся к ней и только к ней. Через некоторое время, успокоившись после щедрого угощения, она нашла себе место в сторонке, лениво грызла сахарную кость, однако зорко следила за передвижениями хозяина в обозримом пространстве, боясь его нового исчезновения.

Больного оставили отдыхать в доме после дорожной маеты, а сами принялись готовить еду из привезённых продуктов. Гостинцы, что собрала для Марфы Марина, занесли в дом, а главный подарок всему мужскому населению староверов — бензопилу и две канистры бензина — оставили в машине, надо было подумать, каким способом всё это доставить в деревню. Марина прислала Марфе два полных сервиза — столовый и чайный, которые выбирала очень осмотрительно, чтобы получилось не очень современно, но добротно и надёжно, старалась для этого и нашла на каком-то складе посуду советских времён, удобную и без нынешних бездарных дизайнерских “изысков”. Она будто бы знала, что на столе у людей из оставшегося в другом времени

мира должны находиться простые, удобные в пользовании приборы, созданные для нормальной человеческой еды.

Оказалось, что Олег родился в Узбекистане и провёл там время своей юности и молодости, и потому, доверив Ивану разведение огня, решил угостить друзей настоящим восточным пловом. Он долго колдовал у стола: нарезал мясо, лук, другие овощи, укладывал всё это в казан, а потом, когда запах мяса распространился в окружающем пространстве, аппетитно щеко-ча ноздри, засыпал рис, долил воды и присел рядом с хозяином, который наблюдал за действиями повара.

Открыв крышку казана и перемешав содержимое его чрева, Олег объявил:

— Ну что, кушанье готово. Будите Александра, обедать будем. Или ужинать. — Он глянул на часы.

Заводьев пошёл было к дому, но тут собака сорвалась с места и побежала к опушке леса, где появилась Фета. Она присела на пенёк, а Альфа, подбежав к ней, уткнулась в колени и замерла, только хвост вилял из стороны в сторону. Иван сразу понял, кто подкармливал пса в его отсутствие на озере. Он тоже двинулся к месту встречи, и Олег поспешил за ним. Когда Иван подошёл к девочке, та поднялась и с поклоном поздоровалась. Он ответил на приветствие, а собака принялась метаться от одного кормильца к другому, видимо, предлагая им объединиться в своей любви к ней. Хозяин отправил собаку домой, подошёл доктор и между девочкой и взрослыми мужчинами завязался разговор о житье-бытье, о здоровье бабушки, о ягодах в лесу.

— Фета, ты можешь спросить бабушку, разрешит ли она прийти к вам с моими друзьями? Скажи ей, что они люди добрые, а один очень болен и хочет, чтобы она его полечила. Попроси ради Бога, пусть она не откажет в милости, а мы уж, как сможем, отблагодарим, — попросил Иван после всех других разговоров.

— Спрошу. А как бабушка ответит, так я прибегу и вам обскажу. — Девочка встала и подала Ивану небольшой свёрток. — Я тут собачке курицы косточки принесла, да вижу, она сытая. Ладно, потом съест.

Александра в доме не оказалось, а когда хозяин вышел на крыльцо, то увидел, что тот стоит на берегу озера, оглядывая водный простор. Иван поспешил к нему, чтобы позвать к ужину, но когда приблизился, молча встал рядом: не хотелось мешать этому задумчивому созерцанию красоты водного пространства, ловящего на себя лучи заходящего солнца, отражающиеся на воде алыми переливами пятен и линий. Стрелы этого красочного явления расходились по воде, достигали берега, золотили камыши, и воздух предвечернего сумрака оживал, и казалось, что гладь озера приняла в себя энергию солнца и сама светится жарким светом огненно-водной стихии. Это несовместимое совокупление двух всегда противоборствующих стихий завораживало взгляд человека, непривычного к такому внезапному объединению этих природных сил. Иван потянул очарованного земного странника за рукав, Саша обернулся, в глазах его догорали печальные блики угасающего светила. Он ничего не сказал и молча двинулся за хозяином в сторону беседки, видимо, размышляя об угасании дня, будто о жизни некоего существа, посланного Господом на землю на короткий период времени. Но, как заходящее солнце цеплялось за жизнь светлого дня и продолжало жить на водах озера, так и человек не должен поддаваться болезни и бедам, а обязан найти в себе силы для продолжения жизни, объединить стихию духа и тела в совместном неистребимом желании — жить.

Назавтра хозяин с доктором встали рано и отправились проверять сети, поставленные с вечера. Александра не тревожили, ему надо было отдохнуть от страха медицинского диагноза, от больничной суеты и самой болезни. Улов оказался приличным для осенних дней затишья, малых рыбных передвижений в охлаждающей воде — жители озера тоже готовились к зиме, к спячке.

Они уже занялись разделкой улова, когда на крыльцо вышел Александр, потянулся и пошёл умываться, и тут же на опушке леса появилась Фета, но не стала ждать, как обычно, усевшись на пенёк, а подошла к беседке, поздоровалась и, присев на чурбак, стала наблюдать за действиями мужчин.

Подошёл и Александр, усялся на бревно, лежащее вплотную к беседке. Он тяжело дышал, но, умывшись и причесавшись, выглядел свежо и молодо. Девочка спокойно, но внимательно смотрела на него, понимая, что это о нём шла вчера речь как о человеке, страдающем серьёзной болезнью.

Скоро группа из трёх мужчин, нагруженных подарками для бабушки, ведомая девочкой Фетой, двигалась по лесной тропинке в сторону деревни староверов. Бензопилу и канистры с бензином оставили в доме — этот груз оказался неподъёмным, его перенос занял бы очень много времени, больной мог ослабеть в дороге и не дойти до цели. Иван не сразу узнал деревню, ожившую от присутствия на улице детворы, собак и кур. От такой неожиданной картины он приостановился, оглядывая живое течение времени в пространстве простой русской деревни семнадцатого века.

Марфа встретила гостей приветливо, усадила на лавки, с благодарностью приняла подарки, а когда Иван распаковал коробки с посудой, только и сказала:

— Эко диво. Тут на всю деревню накрыть стол хватит. Спасибо жёнушке твоей. Зело добра! — И захопотала у стола, выставляя угощение для гостей. Когда гости напились душистого травяного чаю с мёдом, вареньем и белым домашним хлебом, Марфа повела беседу о жизни, о здоровье и, услышав рассказ доктора про недуг Александра, только покачала головой и сказала:

— Перемерёте вы все там, в своих городах. Жить там негде и дышать нечем, и Бог от вас отвернулея, а без Его милостивого присмотра гуляют бесенята без удержу, сеют разор в души и немощь в тело. Такого богатыря чуть не уморили, видано ли дело? — Она подошла к больному, положила руку ему на голову, и в наступившей тишине остался слышен лишь невнятный шёпот, слетающий с её чуть шевелящихся губ, и натужное дыхание Александра. Напряжение ослабло, когда Марфа отняла руку от головы больного и присела рядом с ним на лавку.

— Скажи, мил человек, чем тебя в больнице лечили-то? — Она приготовилась слушать, но ответил на вопрос доктор и рассказал, что он предпринимал для поддержания жизненных сил организма, чтобы доставить Александра к ней, — это было совместное решение и принято потому, что без нелёгкой и дорогой операции с болезнью не справиться, но и после удаления лёгкого нельзя говорить о полном выздоровлении.

— Резать — много ума не надо. Распорол животину, выпотрошил, да и на погост его, тело-то. Что-то отрезать можно, но только на виду — шишку там какую-то, руку, ногу, если гноище и вонь пошла, но внутрь не заглядывай — тамо дух правит, силён верой человек и болезнь остановится и придёт здоровье вдвое, а нет — не жилец, так постоялец на белом свете. Ну, вы ступайте, а он, если желает себе добра, пусть остаётся здесь. Не знаю, какое время ему отведено Господом, но жить надобно и в скорби, и в радости. Помогу ему, коли Господь сподобит.

Двое мужиков-староверов унесли бензопилу и бензин к ней. Основательного знакомства с ними не получилось, от угощения они отказались, тепло поблагодарили Ивана и Олега добрыми словами за дары неожиданные — так они выразили своё отношение к подаркам.

— Очень уж они суровы, эти отшельники, — глядя им вслед, сказал Иван.

— Такая у них жизнь — цари гнали, большевики кулачили, советская власть тоже любви к верующим людям не питала, вот они и отгородились от мира лесом да крестом. Больше у них ничего и нет, кроме веры и умелых рук, — определил отношения между двумя мирами доктор. — Мы-то что будем делать? Может, отдохнём здесь денёк-другой?

— Останемся, конечно. От добра добра искать — совсем худо будет. Сейчас ухи наварим, обедать будем, а завтра в дорогу. Как думаешь, Саша поправится? — Иван смотрел в сторону леса, где они оставили своего друга.

— Не знаю. Чудес на белом свете мало осталось — без веры какие могут быть чудеса! — но где-то они происходят, наверное, там, где меньше всего суеты и можно успеть заметить пришествие чуда красоты окружающего мира.

Два дня отдыха во времени тихой осени пролетели, как часы наслаждения музыкой или строками бессмертных стихотворений великих поэтов, которые тоже были влюблены в окружающий их мир, обживая его просторы в разных уголках земли, и в своём восхищении красотой природных явлений творили гимны ясному утру, светлому дню, удивлялись загадкам тёмной ночи, в пору весеннего цветения, утомлённой зрелости лета и красочной тишине осени. Друзья совершали лодочные прогулки по широкому простору озера, рыбачили, бродили по лесу и говорили о первозданной красоте мира и уродливости явлений, привнесённых в ареал этой небесной красоты человеком. Приходила Фета, играла с Альфой, и воздух раздольной тишины наполнялся собачьим визгом и детским смехом, а взрослые люди, наблюдая за этой потешной вознёй девочки и животного, дивились созвучию радости в звуках человеческого и собачьего голосов. Первой уставала Альфа, укладывалась у беседки и поскуливала, будто бы винясь за нехватку собачьих сил для продолжения игры, но всегда шла провожать свою маленькую подружку до опушки леса, возвращалась, ложилась у крыльца дома и, засыпая, о чём-то вздыхала сквозь дрему.

Разговоры мужчин начинались темой природы, нехваткой времени для полноценного отдыха от городской суеты — беседы велись неспешно. Потом говорили о некоем коварном плане, который продолжает осуществляться во всём мире и призван превратить человечество в рабов на благо кучке богачей.

— Триста тридцать каналов телевизионного просвещения в дом проведут, картины красивой жизни покажут — добрых воров и шикарных проституток, голубых министров и щедрых банкиров, политических жуликов всех мастей, — рассуждал Иван. — Готовят же скот на бойню с юных лет — ЕГЭ в школе, чтобы свиньи не размышляли, а лишь учились отвечать на вопросы хозяина. Мыслить не надобно, спросят — ответишь, а то просто смотри яркие картинки и радуйся, не воображая никаких других красот неземных. Возьми сельское хозяйство: все продукты модифицированы — огурцы, помидоры, яблоки, будто солдаты, одинакового роста, веса и цвета. Генная инженерия тренируется на овощах и фруктах, но главная цель — человек. Приходишь в клинику господина Миркина, там тебе вводят ген скорпиона, и сразу захочется кого-нибудь укусить ядовитым жалом. Ещё лучше превратить сознание человека в понимание себя в образе навозного жука, расходы по уборке территории земли от дерьма более не понадобятся — сам нагадит, сам и пожрёт. Уже и доктора появились, что лечат людей их же фекалиями, приучают к будущей жизни. Людей станут делить не по расам, а по генетическим свойствам разума, образованного простой инъекцией у домашнего врача. Будут люди-жуки, пауки, бараны и прочий скот и насекомые, и гады ползучие. Люди и сейчас очень похожи на братьев меньших, но всё-таки человеческие качества преобладают. Пока.

Уже в пути к дому они продолжали беседовать.

— Угадайте, доктор, что везли домой победители, дошедшие до Берлина? Победу и славу народа — это понятно. Ещё они везли всякую бытовую мелочь — чашки, ложки, статуэтки, зажигалки. У кого возможность была что-то покрупнее взять с собою — тоже везли вещи для жизни, для семьи. Они жить собирались в мире и добре и, наверное, в справедливости. Союзники наши американские увозили к себе разработки новых секретных вооружений, созданных Третьим рейхом, не успевшим их применить, проект ядерной бомбы и самого её немецкого отца — Вернера. Они не собирались жить в мире и дружбе. Они хотели овладеть мировым пространством, которым не удалось овладеть Гитлеру. В этом, я думаю, и таится разница в мыслях и чаяниях тогдашних победителей. А главное, мой друг, американцы нашли и забрали себе архив исследований доктора Менгеле с его работами по превращению человека в безгласную рабочую скотину. И это была их главная находка в подвалах поверженного врага. По этим особо ценным бумагам ведутся новые исследования, и готовится человечеству печальное будущее. Наша медицина, в особенности её частный сектор, тоже готова выполнять задания, что будут поставлены перед ней Хозяином. Ошибочные диагнозы — это только начало наступления на народы и страны, которые не вошли в состав “золотого миллиарда”.

Когда вернулись в город, события развивались со стремительной скоростью. Иван продолжал выслеживать пути продвижения своего врага, чтобы найти возможность оборвать эту самую ненавистную для него, чуждую всякой жизни жизнь. Дачный посёлок тоже усиленно охранялся, но с другой его стороны шло разнообразное строительство новых домов, и можно было почти беспрепятственно проехать вглубь жилого комплекса, а тем более незаметно пройти пешком. Иван выяснил, что доктор никогда не въезжал на машине за шлаббаум, а выходил перед ним, отправлял машину домой, а сам неспешно прогуливался к своему дому. На этом пути Заводьев и решил встретить свою жертву.

Нет, Иван не считал себя опытным киллером и не мог предполагать такого своего жизненного предназначения, но просчитывал ходы, как шахматист, и не потому, что хотел уйти от ответственности, а только для того, чтобы не промахнуться в желании отмщения. Дом доктора находился поодаль от других строений, у леса, сразу за новостройкой, и Иван определил место встречи — на дорожке, ведущей к воротам, — и если всё получится, он мог просто уйти в лес и оттуда выйти на дорогу, к автомобилю.

А впрочем, он мало думал о путях отступления, скорее полагался на судьбу. Иван не желал называть будущее убийство доктора преступлением против личности и закона. Может быть, это будет уничтожением части зла, ничтожной его крупинцы, но положить начало этой борьбе нужно, и он делает то, что наметил, а последствия сейчас были для него неважны. Ведь иногда в жизни складываются такие несомненные обстоятельства, как смерть. Тогда чего же бояться — она всё равно придёт. Рано или поздно, но надобно забрать с собою малую или большую часть зла, и если каждый нормальный человек осуществит такой подвиг, будто солдат на войне, равновесие величин добра и зла восстановится, а это уже победа.

В послеобеденное субботнее время Иван “повёл” автомобиль доктора по дороге на дачу. Километров за пятьдесят до объекта, где должна была произойти развязка его замысла, он обогнал машину доктора и стремительно умчался к месту намеченной им же встречи со своим врагом. Оставив машину среди деревьев берёзовой рощи, прилегающей к дачному комплексу со стороны новостройки, он отправился к месту ожидания, не ощущая даже малого волнения. По разбитой большегрузными машинами грунтовой дороге миновал новостройку; люди трудились, и никто не обратил внимания на его передвижение по территории посёлка. Благополучно добрался до дома Миркина и спрятался в ельнике у дороги. Достал пистолет, приладил к нему глушитель, и всё это делалось без дрожи в руках, будто всю жизнь он только и занимался охотой на злых, предприимчивых докторов, потом присел на ствол упавшего дерева и стал ждать.

Время двигалось нестерпимо медленно, но прошло пятнадцать минут и полчаса, ещё больше, а доктор не появлялся, и Иван, разволновавшись от такой неожиданности, потерял осторожность, вышел на дорогу и стал открыто прогуливаться перед домом, выглядывая свою жертву из-за поворота. Прошёл час, ещё минут двадцать, и Иван уж отправился к охраннику у центральных ворот что-либо узнать, но вовремя одумался и пошёл к месту стоянки своего автомобиля. По дороге он злился, в мыслях поминал доктора нехорошими словами за то, что тот не явился на свидание с собственной смертью. В сердцах пнул консервную банку, и та, загремев о груды сваленных неподалью камней, этими весёлыми звуками привела его в чувство, он сразу успокоился, понимая, что не в меру разгулялся на чужой территории, а задание не выполнено и придётся сюда вернуться.

Усевшись в машину, достал бутылку виски, махнул прямо из “горла” граммов двести, подождал, пока алкоголь рассосётся по телесной периферии и приведёт в порядок мысли и нервы, а потом не спеша вырулил на трассу и поехал домой. Тихим ходом, дабы не привлекать внимание дорожных служб полиции, Иван возвращался в город в крайне замутнённом состоянии мыслей.

Километрах в пяти от дачного посёлка он увидел на дороге какое-то столпотворение. Поперёк трассы, боком, стоял гружённый щебнем “КамАЗ”,

вокруг него суетились люди, к обочине с обеих сторон припарковано множество машин. У Ивана ёкнуло под ложечкой, но не от выпитого виски, а от предчувствия чего-то необычного, страшного, но вместе с тем ему в этот момент зачем-то нужного, наверное, для душевного успокоения. Он вырвался на обочину, остановился и, невзирая на то, что у места происшествия дежурили сотрудники ГАИ, направился в гущу народа — узнать о происшедшем. Волнение в его груди нарастало по мере приближения к толпе, сердце колотилось, не хватало воздуха. Иван не спеша, пытаясь сдержать неосознанное волнение, обогнул развёрнутый грузовик и сразу всё понял: “джип” доктора Миркина, смятый чуть не до самых колёс, развороченный спереди до половины, стоял поодаль от “КамАЗа”, будто растоптанный кем-то жук.

— А что пассажиры-то, живы? — спросил Иван у мужика рядом.

— Какой там! Оба в лепёшку. Спасатели доставали, дверь вырезали. “КамАЗ” гружёный. Скорость — под сто, “джип” на встречку выскочил — и всё!.. Вон, водитель “КамАЗа” стоит, до сей поры трясётся, как осина. Говорит, и не понял, откуда этот “джип” взялся, хотел вывернуть в сторону, да куда такую машину, ещё и гружёную, враз откатаешь. От судьбы, видать не уйдёшь ни на “джипе”, ни на “КамАЗе”, — мужик махнул рукой. — Гоняют на этих крутых тачках, как сумасшедшие. Ни себя не жалеют, ни других. “Других им было не жалко — это точно подмечено”, — подумал про себя Иван.

Иван опустил на сиденье автомобиля, склонился на руки, положенные на руль, и будто задремал, внезапно освободившись от внутреннего напряжения. Картины аварии носились в его голове, повторяясь вновь и вновь в едва различимых в своей непохожести эпизодах. Но окончание этих видений было единым — смятый до основания “джип” — то, что он видел в реальном свете. Чья-то чужая мысль громко прозвучала в сознании: “Ну, вот всё и случилось без твоего участия”, — и он сразу очнулся, завёл машину и тронулся в путь, осторожно обогнул место аварии, чтобы не спугнуть видение произошедшей радости. Сама судьба освободила людей от доктора-убийцы! Заводьев выехал на трассу, дал волю автомобилю, и тот, рассекая пространство, понёсся в сторону города, освобождённый от всех недавних препятствий к движению.

Уже никуда не хотелось, как после тяжёлого трудового дня, и он, поставив машину в гараж, пошёл домой. Не раздеваясь, налил стакан виски, проглотил огненную жидкость и присел на диване, ожидая растекания алкоголя по крови, а пуще того — в полушариях мозга.

Утром понедельника, просматривая почту и газеты, Иван отметил, что чуть ли не везде разместили некрологи по поводу гибели “известнейшего в стране доктора, которого прозвали врагом рака за то, что он спас множество человеческих жизней от неминуемой смерти”.

И Заводьев почему-то с уверенностью подумал, что теперь там, в сказочной деревне, под присмотром Марфы, всё будет хорошо у раба Божьего Александра.

ПОЛИНА КОРИЦКАЯ

СКРОЙ МЕНЯ ОТ ПЕЧАЛИ...

* * *

— Не ходи на войну, моя девочка,
Там болотные птицы безгласые,
Там бесплотные тени безглазые,
Не ходи, посиди у окна.

— Не могу не ходить, моя маменька,
Слышу, кичут болотные певчие,
Вижу, кличут бесплотные зрячие,
Не хватает там только меня.

— Не ходи, не ходи, моя девочка,
Вот тебе веретёнце и горница,
Вот тебе полотенце и горлица,
Всё, что хочешь, тебе пропоёт.

— Не могу, не могу, моя маменька,
Я спряла уже перья крапивные,
Я сняла ожерелья рубинные,
Изувечила горлице рот.

КОРИЦКАЯ Полина Николаевна родилась в Томске. Выпускница Литературного института имени М. Горького (семинары Ю. П. Кузнецова, Г. И. Седых). Поэт, прозаик, детский писатель, автор-исполнитель. Победитель и лауреат многих литературных конкурсов. Публиковалась в журналах и газетах: "Литературная Россия", "Сибирские Афины", "Тверской бульвар, 25", "Российский колокол", "Кольцо А", "Литературный оверлок", "Подъём", "Юность", "Начало века", "Сибирские огни", "Крещатик" и др. Автор книг "Самокрутки" и "Симптомы быта". Член Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

— Не ходи, говорю, моя девочка,
А не то я тебя изуродую,
Лучше сразу сама изуродую,
Подойди, говорю, подойди.

— Не могу подойти, моя маменька,
Я уже далеко и безногая,
Я уже глубоко, и высокая
Надо мною густая трава.

— Не лежи, моя девочка, некогда,
В этой прялке — война настоящая,
В этой клетке она — бесконечная,
Я сказала: садись у окна.

— Я встаю, я иду, моя маменька,
Только где веретёнце и горлица,
Только где ты, и где наша горница,
И — зачем ты зовёшь не меня?

* * *

Яблонька-яблонька, скрой меня от печали
летят за мной гуси, шипят уже за плечами
летят за мной гуси тоски, лебединые шеи
хотят утащить меня, замуж отдать за Кашея...

— Съешь моё яблочко с ветки любви и разлуки
съешь целиком, ну, а косточки складывай в руки
и посади в рукава, стань сама и стволом, и землёю
я за это тебя и листвою, и ветвями прикрою...

— Гуси близко уже, шибче, милая, солнце садится
муравейник закроется, съест меня серая птица
твоё яблоко горько и кости внутри человечьи
что-то шепчут в ладонях на лебедином наречии

Печка, матушка-печка, спаси меня, я победила
я ушла от земли, солнце вынула из крокодила
только гуси кружат, стонут лебеди над головою
леденят мою кровь они песней своей горловою

— Полезай мне в жерло, загляни в моё чёрное горло
ты же знаешь дитя, где чисто и бело, там голо
а во мне пироги, я сто лет это тесто месила
двести лет выпекала, бросила все свои силы

— На слезах и войне твоё тесто, на пыли и саже
ты прости меня, печка, я лучше последую дальше
уж один лебедёнок влетел в моё левое ухо
коли выйдет из правого девочка, будет старуха

— Речка, быстрая реченька, спрячь меня поскорее
в молоко искупаюсь, съем и вершки и коренья
стану рыбой-русалкой, кисельною розовой пеной
не достанусь гусям и Кашея иголке репейной

Но сказала река: “Уноси своё целое тело...”
Тогда я поднялась над рекой, над рекой полетела
обняла лебедей, а потом незаметно убила
и над лесом лечу безутешна, бесцельна, бескрыла

ЧИТАЯ МАНДЕЛЬШТАМА

Золотистого мёда струя из бутылки текла
Слишком бегло — был мёд этот не настоящим.
Я смотрела на стену, на блик голубого стекла
От бутылки — как в ж-кристаллический ящик.

И растила я взглядом зелёный пустой виноград,
И срывала глазами его недоступную зелень.
Если ты возвратишься, то будешь, наверное, рад
Моему урожаю, и в верности будешь уверен.

Я забросила вышивку — только кресты да кресты.
Мне довольно крестов, однозначно — не вынести столько.
Собрала, распустила, потом завернулась в холсты
И себя уложила куда-то на верхнюю полку.

Помнишь, в греческом доме?.. Да я и сама — не вполне.
Виноград на обоях не станет таврическим соком.
Только блик голубой на твоём золотистом руне,
Только мёд всё течёт, очень бегло течёт, очень долго...

* * *

на кисельном яру шоколадная плитка
и волны голубой молоко
что ещё тебе дать государыня-рыбка
ореол тебе нужен какой

вот орёл тебе финист пронзённая птаха
синеоко глядящая вверх
где кончается панцирь земной черепахи
и качается Вещий Олег

вот арахис и финик, и пальмовый войлок
твоя пойма по-царски полна
и не будешь добычей дешёвых столовок
отдыхающих дома волна

что ещё тебе надо какая надсада
Фигаро, Лафонтен фуэте
заберёт тебя папа из рыбьего сада
отвоюет сережки вон те

государыня-рыбка оставшийся мальчик
королёк уповающий на
что ещё тебе надобно отче мой старче
чем тебе неужгодна блесна

* * *

Ну, давайте, продолжим негромко —
Вполнакала — читать “не своё”.
Мы устали ловить похоронки
Не надеясь, что это враньё.

И, всё чаще боясь перепутать —
Неживого на пир пригласить,
Мы стоим на привычном распутье
И боимся дороги спросить.

Хорошо, что глаза мои чёрным
От рождения были полны,
Не темнеет в глазах от “Вечёрки”
И других публикаций страны, —

Но от чёрной тесёмки “фейсбука”
Тень сползает по верхней губе,
И бежит круговая порука,
И влечёт на подмогу себе.

И никто не умеет “про это” —
Нам при жизни такое нельзя, —
Если Общество Мёртвых Поэтов
Не одобрит заявки в друзья.

* * *

Был табун лошадей, конь доверчиво тыкался в шею
И губами брал яблочной дольки зелёную мякоть.
Оскудел водопой и опал, оставляя сухую траншею.
Пала долька из губ, словно яблоки, начали падать
Все саврасые, чалые, белорождённые, вороные,
Вороньё закружило, захлопали чёрные крылья.
Где мой серый, мой яблочный, где, говорю, остальные?
Провалились сквозь землю, покрыв мои волосы пылью.

Были яблони, ветви которых росли напрямую до неба
И листвой доставали до звёзд неизвестных созвездий.
На одной из таких, например, на заснеженной Гебо,
Урожай собирали в течение многих столетий.
Только соки иссякли земные, губы земли пересохли,
Перекрыло дыхание птицам, поющим по кронам.
Где же яблони, яблоки, птицы, зачем вы оглохли?
Память пенья, как перья, пала на радость воронам.

Мои лошади, яблоки, может, вы всё же успели
И домчались туда, куда мне перекрыты дороги?
Где же вы схоронились, когда и почём вас отпели?
Были ласковы к вам или били, ломая вам ноги?
Может, вам повезло, и для вас не окончилось солнце,
Пенье просто меняет тональность, а яблони в белом,
И мой серый, мой яблочный больше ко мне не вернётся.
Никогда не вернётся, а значит — останется целым.

ЭВЕЛИНА АЗАЕВА

КАНАДСКИЙ КЛЁН СТУЧИТ В ОКНО

РАССКАЗЫ

СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ

Здравствуйте, меня зовут Александр Суханкин, я канадский иммигрант. Приехал в Торонто из Алма-Аты и живу здесь уже семь лет. За это время я сократил своё имя до Алекса, нашел более или менее стабильную работу по своей компьютерной специальности, купил в кредит дом, и от меня ушла жена. Жена ушла не к мужику, а к бабе. Только в прогрессивном и подлинно демократическом государстве она вдруг поняла, что любит женщин.

Одиннадцатилетняя Маруся, наша дочь, разумеется, живёт со мной. Вот я написал “разумеется”, но на самом деле вовсе и не разумеется. В Канаде гомосексуальным парам детей дают воспитывать с гордостью, фото таких семей печатают на первых страницах газет, как у нас когда-то печатали передовиков производства. Но, к моему счастью, бывшая супруга с её подружкой растить Марусю не возжелали и удовлетворились тем, что моя дочь будет

АЗАЕВА Эвелина Шамильевна родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак Казахского государственного университета. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором “Комсомольской правды” в Сибири. С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету “Комсомольская правда в Канаде”. Является корреспондентом “Комсомольской правды” в этой стране. С 2018 года издаёт газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде, — “А хочешь в Канаду?” и “Полное накрытие”. Печаталась в журналах “Нева”, “Аврора”, “Огни Кузбасса”, “Крым”, “Байкал”. Дипломант 1 степени литературного конкурса “Мгинские мосты” (Санкт-Петербург 2021). Член Новосибирского отделения Союза писателей России.

посещать их по выходным. Я бы, конечно, и это запретил, но если я только посмею не пустить Машку к матери, ко мне приедут двое, с конвоем. Оденься, скажут мне, и выходи.

И тогда Машку отдадут матери насовсем, поскольку я — нарушитель прав женщины и гомофоб. А ничто в Канаде не является для её граждан более мерзким. Каждый приехавший должен зарубить себе на носу, что в стране этой уважать он обязан женщин, гомосексуалистов, полисменов и бобров с гусями — символы Канады.

Поэтому каждые выходные я отпускаю Маруську к жене с неопишуемым чувством. Во мне кипят ненависть, стыд и страх. Страх, что дочка увидит что-то непотребное, что... в общем, вы понимаете, и в итоге я останусь без внуков. Да и без дочки. И тогда я буду совсем один. Я часто думаю об этом. Дочь — единственное, что у меня есть.

А женщины, спросите вы? А женщин у меня нет. Когда работал на стройке и ездил на подержанной машине, к женщинам подходить было бесполезно. Сейчас не шарахаются, но теперь шарахаюсь я. Последнее моё знакомство зовут Ольга, она тоже иммигрантка. Едем мы с ней в первую нашу встречу в моей машине, она в солнцезащитных очках. Я ей:

— Какие у тебя очки красивые!

Она:

— Хочешь, продам? Всего семьдесят пять долларов. — И тут же начала мне пропихивать, наряду с очками, какие-то пищевые добавки и фильтры для воды.

Я даже и не знаю, есть ли здесь женщины, в мозгах которых не наступает замыкание, как только они понимают, что я не только сексуальный партнёр, но и потенциальный покупатель. А ведь я не уродлив, мне всего 35, и в Алма-Ате я женщинам нравился.

Я уже и не сужу их, канадских женщин. Система заглотнула их с каблуками, и даже наши иммигрантки, кто быстрее, а кто медленнее, перестраиваются. Однажды одна случайная знакомая привела меня в пустую квартиру и отдалась. Я думал, это любовь. Я трепетал, я чуть не плакал. А она после всего спросила, обведя красивыми глазами комнату:

— Тебе здесь нравится? — И в ответ на мой неосмысленный, совершенный в состоянии аффекта кивок, добавила: — Хочешь купить?

Оказалось, риэлтор. И это квартира на продажу. Хозяева — в Штатах. Я думал, это любовь, а это был “шоуинг”. То есть, когда продавец с выдумкой демонстрирует свой товар.

Маруська в этом году пошла в новую, католическую, школу. Эти школы лучше, и я долго обивал пороги, чтобы туда приняли мою дочь. А мне в ответ говорили:

— Нельзя, вы православные.

А я им указывал на то, что у них учатся дети моих друзей — прихожан Украинской Православной Церкви. А мне говорили:

— Да, потому что украинцы с нами сотрудничают, а русские — нет.

В итоге, через школьное управление и с помощью благотворительной католической организации, которая помогает всем, независимо от конфессиональной принадлежности, Марию всё-таки приняли.

Одной её подружкой в классе стала еврейская девочка, а второй — иранка. Но я не стал спрашивать, сотрудничают ли раввины и имамы с католиками больше, чем православные. Радость — она молчалива, это недовольство кричит.

Раньше Машка училась в обычной государственной школе. И у неё были проблемы. Одна, например, возникла после того, как учительница сказала на уроке:

— Все католические страны — богатые. А все православные — бедные.

Маруся сообщила, что Россия до революции была одной из самых богатых стран, да и после революции превратилась в могущественную державу, а сейчас снова набирает обороты, даже флаг в Арктике поставила.

Этого делать было не нужно. Особенно про Арктику. Оценки у моей Мэри упали.

Потом мы съездили с Машкой на Кубу, оба были в восторге, и, естественно, что когда мы вернулись и в школе ей задали написать реферат про любую страну, она выбрала Кубу. Накатала десять страниц, на обложку приклеила фото Фиделя Кастро, Че Гевары и нарисовала кубинский флаг.

Реферат вернулся с самой плохой оценкой. А вскоре на Машку вызвали полицию за то, что она якобы сексуально приставала к однокласснице. Это выразилось в том, что девчонки повздорили в туалете, и моя со злости оттянула резинку на трусах у неприятной ей особы и отпустила. Вообще, оттянуть резинку у канадской девочки нетрудно — стринги у них выглядывают из джинсов, мода такая. Та пошла к директору и сказала, что Мария пыталась снять с неё трусы. Директор вызвал полицию...

Как нас запугивали полицейские — это не описать. И мы перешли в другую школу.

Это было четвёртого сентября, в первый школьный день. Марусю обещали забрать в школу на школьном автобусе. Она поднялась ни свет, ни заря, нарядилась — белый верх, тёмно-зелёный низ, форма такая, и стала ждать, пока проснусь я. Потом торопила, потом побежала впереди меня к перекрёстку, где должен был ждать автобус. Я смотрел на дочь и думал: как всё-таки славно устроены дети — у меня её школа оставила горький осадок, а она уже за лето всё забыла.

Автобус не пришёл. Мы простояли двадцать минут и поняли, что пора ехать своим ходом, иначе опоздаем. Машка страшно волновалась — в новую школу, в первый день, и опоздать! Только мы выехали из своего переулка, как ко мне сади пристроилась полицейская машина. Мигает...

— Вы превысили скорость, — сообщила мне похожая на бульдозер полицейская. Она была в бронежилете и тёмных очках — совсем как в боевиках. — Ваши права!

Она разглядывала права, а я разглядывал её в зеркальце заднего вида. Типичная канадская ментура. По внешности их выбирают, что ли? Коренастая, твёрдо стоящая на ногах, этакий мустанг. Волосы светлые, забранные в пучок. Сняла очки. Глаза светлые. Они в большинстве своём голубоглазые, эти полисвумен.

Знакомые, сталкивавшиеся с канадской полицией по всякого рода мелким делам, — кто-то выгнал неплатящего квартиранта, другой совершил мелкую аварию — говорят, что полиция ведёт себя жёстко. Подозревают, что из нелюбви к русским. Но доказательств нет, напрямую никто ничего не говорит. А взгляды и тон к делу не подошьёшь. Коллега-араб уверяет, что с ним обращались вообще, как с животным. Вернее, хуже, чем с животным — к животным в Канаде отношение любовное. Так что, может быть, полиция вообще со всеми такая сволочная, а может, только с иммигрантами, и неважно, из какой страны...

— Ну, когда же нас отпустят? — нервничает Маруська. Я и сам уже тарабанно пальцами по рулю. Опаздываем. Уж выписала бы эта дочь мустангов штраф и отпустила.

А она пишет и по рации разговаривает. Выйти к ней и попросить отпустить нас быстрее — нельзя. Положено оставаться за рулём, а то могут принять за нападение. И начать стрелять. Случаи уже были. Когда стреляли, скажем, в семнадцатилетнего мальчишку, начавшего вытаскивать руки из карманов. Полицейскому показалось, что тот вынимает оружие, и пацана убили. Потом какая-то газета опубликовала число убитых полицией за последние десять лет — три тысячи человек. Внутреннее расследование показало, что полиция была неправа только в семи случаях...

— Ну, хоть бы по ногам стреляли! — возмущалась тогда жена моего приятеля.

— По ногам нельзя — выживший потом полицейского засудит, потому быют наверняка, — объяснял ей муж.

— Ну, тогда должны делать контрольный выстрел! — смеялся я.

— Мне опоздание запищут! — Машка расстроена, чуть не плачет.

Выхожу из машины, руки держу чуть в стороны, как балерина, чтобы было видно, что в них ничего. Иду к мустангу. Походка у меня при этом

несмелая, а спина — согнутая. Так, наверное, крепостные к барину подходили.

— А можно я отвезу дочь в школу и вернусь? Это рядом, а то мы опоздаем, — прошу.

— Езжайте, — отвечает мустанг. — Встретимся здесь же.

Даже не верится. Я отвёз Марию в школу, она выскочила и побежала к входу. Увы, мне уже не познакомиться с учителем, не помочь Маруське найти, где её новый класс. Меня дама ждёт.

Мустанг меня, верно, ждала. Она вручила мне “тикет” — бумажку о штрафе. Я не спорил. Потому что бесполезно. Этим можно только усугубить ситуацию. Я хоть и взволнован, но помню, что бобров и полицию надо уважать.

Когда полицейская машина уехала, посмотрел в “тикет”. Там было написано, что я ехал со скоростью 60 км/час по улице, где положено ехать со скоростью 40 км/час. Это было неправдой. Я ехал по улице, на которой движение — 60 км/час. Название улицы тоже было указано неправильно. Я решил идти в суд и оспаривать штраф.

И тут я увидел, что и время, в которое меня остановили, тоже указано неправильно. Там стоит “9:22”, а сейчас ещё 8:40. Сообразил, что в суде придётся доказывать, на какой именно улице дело было, а доказательств нет, но мне больше поверят, если я докажу, что и время указано неправильно.

Недалеко от моего дома — офис министерства транспорта. Я поехал туда. Должен успеть. Они увидят, что я в 9 часов у них, значит остановить в 9:22 меня никак не могли, значит, они могут на штрафной квитанции написать, что я у них нахожусь в 9 утра уже со штрафом. Стало быть, офицер написала неправду. А там, где одна неправда, там и две...

Так я рассуждал по своей русской логике.

В офисе министерства транспорта очередь. Я отстоял к окошечку, в котором сидел пузатый, будто надутый воздухом, блондин моего возраста.

— Мы таких справок не даём! — сообщил.

— Но вы видите, что я у вас, а ещё нет девяти утра, а офицер написала, что я ехал в 9:22 с непопозволенной скоростью, — объясняю. — Если вы подтвердите, мне легче будет доказать, что и улицу офицер неправильно указала, и вообще зря на меня штраф навесила. Тут дело не в деньгах, просто — зачем обманывать?

— А откуда вы знаете, какое время указано на “тикете”? — нагнулся ко мне Пузырь. — Может, это московское время?

Я застыл.

— Может, это московское время, а может нью-йоркское, а может парижское, — вертелся на стуле служащий, и по выражению его лица я так и не мог определить шутит он или всерьёз.

— По торонтскому времени, — наконец, проронил я изумлённо.

Он расхохотался:

— Не факт. Может быть, всё-таки, время московское, так что платите штраф.

Старичок в очереди тоже рассмеялся.

— Это вы мне про московское время потому, что я русский? — догадался я.

Пузырь смотрел с насмешкой.

— Вам нравится унижать иммигрантов, да? — произнёс я громко.

Очередь оглянулась на меня, но я уже не видел лиц. Я вышел и направился к своей машине. Лицо моё пылало. Мелькнула мысль об отъезде домой, но дома не было, и я знал, что никуда я не поеду. В Алма-Ату не вернёшься, русские там, когда я уезжал, в девяностые, были людьми второго сорта, а второго сорта я могу быть и здесь. В Россию ехать? У меня нет гражданства, да и жена не даст разрешения на вывоз ребёнка. А без разрешения на самолёт не посадят.

На пути домой я увидел машину мустанга. Увидел её внезапно, потому резко затормозил. Я хотел спросить у неё, зачем она написала не ту улицу, не то время и не ту скорость.

Я вышел из машины и направился к офицеру. Находясь во власти своей обиды, может быть, слишком резко захлопнул дверцу. Я заметил, как мустанг в машине вскинула голову на этот звук.

— Стоять! — скомандовала.

Я остановился и стал задавать ей вопросы с расстояния в три метра. Пытался приблизиться, она не разрешала. И не отвечала.

— Зачем вы написали не ту улицу? — горячился я. — Некому, что ли, штрафы выписывать? Я превысил, может быть, на пять километров, а вы написали на двадцать. Зачем? Ну, вы же человек, вы же не только офицер. Ну, что вы молчите? Не в деньгах дело! Просто надо же правду писать!

Она молчала и как будто не обращала на меня внимания. Её глаз за тёмными очками я не видел. Я не заметил, что кричу и машу руками, и не услышал, как сзади меня остановилась другая полицейская машина.

Я продолжал взывать к Мустангу на своём ломаном английском, а закончил громко по-русски:

— Как вы мне все надоели! И ваши голые парады, и ваша держиморда-полиция, и ваши корыстные бабы со своим маркетингом!

— Ваши документы! — внезапно потребовала Мустанг.

— Будут вам сейчас документы! — крикнул я и побежал к машине. Мне показалось, что сзади кто-то крикнул, но я не оглянулся. Я сел на переднее сиденье и стал рыться в бардачке. Меня трясло. Почему она со мной так? Почему нельзя мне просто хотя бы ответить?! Сердце скакало у меня не в груди, а в горле.

— Стоп! Бросай оружие! — раздалось рядом.

— Какое оружие? — оглянулся я, вынимая из бардачка свой чёрный бумажник с документами.

— Руки вверх! Не двигаться! — Неизвестный мне молодой полисмен стоял в метре от меня со странным прибором в руках. Он тоже был в тёмных очках. Да что ж они все, как роботы?..

— У меня нет оружия! — крикнул я и тут же вспомнил, что документы не в бумажнике, а во внутреннем кармане куртки, на груди. Я засунул руку в карман, и когда стал вынимать её, случилось нечто странное, я даже не успел понять, что.

Внутреннее полицейское расследование показало, что погибший уроженец Казахстана Алекс Суханкин в день инцидента был оштрафован за превышение скорости и в отместку за это через час разыскал офицера полиции. До этого он обругал служащего министерства транспорта, и свидетели из очереди подтвердили, что мужчина выбежал из офиса министерства с пылающим лицом, ругаясь.

Мистер Суханкин нашёл офицера полиции Эрин Уайтмор и стал угрожать ей расправой. Затем он побежал в машину, чтобы взять оружие. На требования полицейского наряда, оказавшегося свидетелем сцены, не реагировал. При попытке мистера Суханкина вытащить оружие офицер Роберт Уиллис применил к нему электрошоковый пистолет.

Случайные прохожие подтвердили, что мужчина кричал на женщину-офицера, а затем побежал к своему автомобилю и стал рыться, как будто что-то искал. Бывшая супруга погибшего Ирина Суханкина сообщила, что её муж принимал таблетки от депрессии, иногда выпивал и был груб и нетерпим. Он неоднократно на почве гомофобии оскорблял её и её гражданского партнёра Барбару Миллер, грозился убить миссис Миллер и миссис Суханкину, говорил, что их несовершеннолетней дочери такая мать не нужна. Миссис Суханкина также подтвердила, что у её супруга было больное сердце.

В машине мистера Суханкина обнаружен перочинный нож, который мог быть употреблён для убийства.

Патологоанатомическая экспертиза показала, что у погибшего Суханкина был врождённый порок сердца, и организм не вынес удара электрошоком. Внутреннее полицейское расследование показало, что Роберт Уиллис действовал в соответствии с инструкциями, защищая общественную безопасность.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК И ВЕГА

Виолетта не любит своё имя. А её мать не любит, когда она об этом говорит. Обижается.

— Что, надо было тебя Леной назвать? Это всё равно, что пронумеровать! — заводится мать.

— Всё равно надо было не Виолеттой, — отвечает сорокалетняя дочь. Этот спор у них уже лет тридцать длится.

— А как?

— Мне нравятся древние римские имена.

— Перепетуя? Цецилия?

— Нет, правда же у них имена красивые? — мечтательно уводит глаза вверх Виолетта. Точнее, Вега. Так она переименовала себя ещё в юности, и все вокруг уже привыкли к тому, что эта хрупкая, невысокая женщина носит имя звезды.

— Да. Имена замечательные. Особенно мужские. Марк Трахал Пизон. Или Публий Галерий Трахал. Тебе какое больше нравится? — ехидничает мать.

Мать Веги, Лариса, преподаватель античной литературы. В России была преподавателем. А сейчас они с дочкой владеют цветочным магазином в Канаде. Уже почти двадцать лет. Но каждая о первой своей профессии не забывает. Лариса пишет научную работу, сравнивая литературу Древнего Рима и Греции, а Вега, окончившая Суриковское училище, в свободное время пишет картины. Для души — на разные сюжеты, чаще всего героические — из истории древней Руси, а для денег — портреты. На юбилей, свадьбы... Портреты хозяев магазинов и салонов красоты, риэлторов и прочих коммерсантов продаются в русскоязычной общине куда успешнее, чем “Оборона Козельска”.

Вега все двадцать лет чувствует себя белой вороной. Нет, всё хорошо: цветы покупают, деньги есть, муж — тоже (именно в этой, увы, последовательности), дочь учится в университете. Мама жива и здорова. И вообще, в Канаде очень комфортно, спокойно. Но про оборону Козельска поговорить не с кем. А ещё говорят, что уехали мозги.

Но это же блажь — понятно же. Ну, не знает большинство эмигрантов историю так, как она, ну, мало книг читают, и что? Если духовный вакуум — ездай в Россию, надышись, и назад... В тёплое, уютное канадское гнездышко. Которое выют вовсе не с помощью чтения, а одной сплошной пахотой.

Вега с матерью так и делают — ездят в Россию. Правда, не вместе, а по очереди. Магазин же не оставишь. Набегается Вега по московским театрам и галереям, и домой, в ридну Канадщину. С наполненной душой, набитыми чемоданами и радостным блеском в глазах. Потому, что Россия — уже совсем не та, что в девяностые. Страна на глазах лучшает, с каждым годом хорошеет. Вот в прошлом году улица, где Вега всегда селится в съёмной квартире на три недели, не была вымощена, а в этом уже вымощена, и ресторан на ней роскошный открыт. В прошлом году храм рядом только закладывали, а в этом уже стоит и храм, и колокольня!

Вега родину любит. Уехала в Канаду в середине девяностых, когда стране не нужны были ни художники, ни писатели, ни поэты. В общем, когда творческая интеллигенция глодала корку. Ну, поработала в “комке” продавцом, так её уже через неделю хозяин выгнал — не давалась в руки... В газете попыталась графиком-дизайнером поработать, наскоро окончив курсы, однако тоже не пошло. Зарплату перестали платить.

Мать вообще в то время голодала бы, если бы не спасалась тем, что на оставшейся от бабушки швейной машине шила мягкие игрушки — собачек и кошечек. На фабрике по дешёвке скупала лоскутки и строчила после занятий в университете. Там мизерную зарплату ей платили раз в три месяца.

И вот — Канада. Вега живёт здесь уже почти двадцать лет. И не то, что бы полюбила эту страну. Нет, она считает, что любитесь только своё. Чужое — уважается. Или не уважается. Нравится. Или не нравится. Но любитесь

только родное. Забодаетесь по всему миру-то ездить и всё любить. Вон у неё сосед — сначала жил в Аргентине, потом в США, теперь в Канаде. А сам — еврей из Белоруссии. И любит, как говорит, только Израиль.

Так вот, Вега не то, чтобы полюбила Канаду, нет. Она привыкла к ней и относилась с пониманием, если можно так выразиться. Она видела в этой стране очень много хорошего и очень много плохого. И понимала. Что никто ей ничем не обязан. Что они сами, коренные канадцы, живут непросто. Тяжело работают, жизни духовной практически не имеют. А правительства их, лишь условно отличающиеся друг от друга, постоянно вводят какие-то странные законы, как будто специально придуманные для того, чтобы обыватель пугался и бледнел. Вот до невозможности расширили права органов безопасности — и канадцы вышли на митинги. Стоят себе, зайчики, с плакатиками. Тихонечко... Протестуют. Потом сворачивают плакатики, на которые власти и не посмотрели, и расходятся по домам.

Но стояли же! Тысячи человек. Вега в те дни ими восхитилась.

Или сексуальные новшества. Тут власти будто соревнуются меж собой — кто безумнее. То какую-нибудь программу сексобразования придумают, от которой родители в обморок падают, то про зоофилию постановят, что “без проникновения” в животное — это не секс, а бирюльки, потому всё позволено (наверное, надеются, что собаки и кошки будут звонить на “горячую линию” и докладывать, как дело было), то сообщают, что полов, оказывается, не два, а много, и туалетов диковинных для новооткрытых полов понаделают...

Вега была советским человеком. В многополость не верила, а вот версия о масонском заговоре, целью которого является превращение общества в безыдейное, бесполое, послушное стадо, смеха у неё не вызывала. Вызывала задумчивость. Хотя все окружающие эмигранты, про оборону Козельска не ведающие, во всю глотку ржали, услышав слово “заговор”.

Вега же, воспитанная мамой, знающей античные времена, считала, что заговоры — это перманентное состояние любого общества. Где власть, там и заговоры. Во всех странах и во все времена. Да что там страны! В каждой фирме время от времени — заговоры. Люди бьются за малёхонькое место под солнцем. А что уж говорить о большой власти и больших деньгах?

Открывая каждое утро газету, Вега читала заголовки: “В государственных учреждениях Квебека отменена молитва”, “Профессор вызвал скандал тем, что не хочет говорить о своих студентах, используя местоимение среднего рода”, “Выпускников христианского университета не принимают в адвокатские ассоциации потому, что в вузе они дали клятву не вступать ни в какие сексуальные отношения, кроме гетеросексуальных”. И каждый год, как заключительный аккорд: “Канада признана лучшей страной для проживания”.

Попробуй поспорь. Жить здесь действительно удобно. Ипотеку дают под маленький процент, у всякого есть машина. Бизнес вести безопасно. Коренные канадцы со всеми обращаются вежливо и дружелюбно, косяка на эмигрантов не дают. Картошка в магазинах мытая. Впрочем, Вега при поездках в Россию обратила внимание, что там в супермаркетах уже тоже картоху мытую стали продавать.

Так что жить в Канаде очень даже розово, если не читать газет. Но Вега продолжала читать. Она же не страус...

Вначале злилась, ругала Канаду. Потом стала жалеть её... Поняла, что как в девяностые с Россией творили что хотели, так и с Канадой сейчас. Только более мягкими методами. Так в России хоть народ — свой, поколениями там живущий, а стало быть, за неё стеной способный встать. А в Канаде — набрали со всего света людей, которые, “если завтра война”, разбегутся назад, по своим родинам.

Бедная страна, а она на них надеется! Клятву верности с них берёт...

Но, читая канадские СМИ, увидела Вега и местных героев. Коих немало. И которые ведут борьбу с Драконом по-рыцарски... Чаше это священники. Или верующие чиновники. Или верующие простые люди. Такие, будучи врачами, отказываются участвовать в “ассистировании при суициде” или, будучи владельцами типографий, не желают печатать греховную литературу,

за что их таскают по разным трибуналам, защищающим права человека. Такие с амвона говорят об информационной диктатуре — это когда выразить своё мнение вроде бы можно, но не по всем вопросам, а то затравят.

Давно привлёк её внимание мэр. Широкий, краснотлицый канадец ирландского происхождения. Килограммов под двести весом. Прославился он по всему миру тем, что не раз был встречен журналистами выпившим (в нерабочее, впрочем, время) и высказывался в разговоре с репортёрами так, что те от радости чуть не писали в штаны: будет скандал!

О, сколько им открытий чудных дал он в последние годы! Назвал чёрных словом на букву “н” — которое в России запросто везде писать можно, а в Канаде запрещено произносить, похвалил китайцев за трудолюбие и сказал, что скоро они обгонят весь Запад (за что его тут же заставили публично извиниться. Причём не за то, что низко оценил Запад, а за то, что посмел дать оценку китайцам), призвал отвязаться от России и много ещё всего непристойного произнёс.

Но Вега, которая газеты читала почти каждый день, заметила, что скандалы вокруг мэра начались с высказывания, что СПИДом болеют в основном гомосексуалисты и наркоманы.

Мэр был не Штирлиц. Он выдал себя. Белый расист, гомофоб, алкаш, с симпатией относящийся к русским (Путина похвалил однажды!), домашний насильник, ибо прошла информация, что бивал свою жену-француженку — что может быть гаже? Именно к таким выводам о мэре приходил любой, читая статьи.

Да ещё мэр начал сокращения в рядах чиновников, заявив во всеуслышание, что штаты раздуты, и нечего тратить деньги налогоплательщиков. Широким огненным потоком лавы обрушились СМИ на свою жертву. Его караулили у дома, у офиса, у загородного коттеджа. Не было знаменитости, каждый шаг которой СМИ так бы фиксировали. “Джед О’Фаррелл перешёл дорогу в неполюженном месте!” — кричали заголовки, “Мэр уличён в том, что в баре с чёрными рэперами курил марихуану”, “О’Фаррелл назвал велосипедистов на улицах болью в заднице!”, “Мэр против того, чтобы убирать из публичных мест рождественские ёлки. Он не согласен, что они оскорбляют чувства представителей других религий”.

А О’Фаррелл будто специально подливал масла в огонь: в жаркие июньские дни, когда готовился гей-парад, уезжал в глубинку и вещал в подставленные ему и там микрофоны: “Я не могу пойти на парад. Я уже обещал общественности этого городка, что буду у них на соревнованиях по прыжкам лягушек”. А после и вовсе обнаглел. Заявил, что ему не нравятся голые мужчины и он не хочет на них смотреть. И сразу слёг в клинику, где лечат алкоголиков. Спрятался.

А ведь мэр, который был до него, возглавил в своё время гей-парад, хотя и был “стрейт” — натуралом. Шёл впереди приплясывающей толпы в трусиках и кожаных ремнях (а некоторые были и без этого) и выдувал мыльные пузыри. Кучерявый такой, дружелюбный, всем махал руками, чем и заслужил любовь наиболее продвинутых горожан. Без комплексов мужик.

Вега читала газеты и не могла понять: почему город растёт и хорошеет, открывает одну станцию метро за другой, коли у него мэр — такой обормот, как пишут в газетах? Да что там местные газеты! Мировая пресса уже писала о Джеде О’Фаррелле как о сумасшедшем клоуне. В России народ раскрывал газеты и улыбался: ну, что там ещё отчебучил этот канадский комик? Жириновский кленового разлива...

— А ты бы так смог? — однажды спросила Вега своего мужа, Толика, страхового агента.

— Как? — жуя сэндвич, спросил Толик, худой и бледный, и, в отличие от мэра, непьющий и тихий.

— Ну, вот так — взять и с высоты большого поста заявить о своих взглядах на то и на сё?

— Нет, — сразу ответил Толик. — Ссать против ветра? Зачем? Твои взгляды — это твои взгляды. Зачем о них сообщать? Ты публичная персона, так и выступай по существу.

— Но О'Фаррелл христианин, а не только мэр, — тихо заметила Вега, и невидимые крылья за её спиной поникли и слиплись. — Он не случайно роняет свои скандальные фразы, он — борется, кося под простачка... Правду говорить и голову не потерять разрешают только шутам...

— Один в поле не воин, — веско заметил Толик, подливая себе чая. — Голову сломит, и всё.

— Один в поле — воин, — сказала Вега, но муж её уже не слушал, он включил телевизор.

— Один в поле воин! — крикнула Вега, и ударила своей чашкой по столу так, что та треснула и содержимое выплеснулось. — Всегда должен быть тот, кто первым произнесёт! Мысли и идеи падают в массы и там варятся. Не сразу, но они сварятся! И после первого всегда придут другие! А первый — да, он погибнет.

— Ты с ума сошла? — строго спросил муж. Подбородок его дрожал от ярости. — Что ты до меня докопалась? Иди и целуйся с этим алкашом! Его вся Канада презирает. Он расист и алкаш!

— И гомофоб?

— Меня это не волнует! Меня волнует только ипотека, которую я плачу, а ты с утра на меня орёшь из-за какого-то мэра! И если хочешь знать — да, он гомофоб, и это мерзость, потому, что люди такими родились, и нельзя их травить! Я не такой, но они мне не мешают. А если бы я был мэром, я бы пошёл на их парад. Делов-то куча! Мне ничего не стоит, а им — радость. И не было бы никаких скандалов.

— Ты пошёл бы? — побледнела Вега.

— А, ну тебя! — яростно руганул рукой воздух Толик и побежал в коридор одеваться, выкрикивая на ходу:

— Ты надоела мне со своей политикой! Ты живёшь прошлым! Не можешь перестроиться! Ты советская тётка! И мать твоя — тоже! Незачем было ехать в Канаду, если не разделяешь её ценности! Здесь все равны, и никто не имеет права дискриминировать! А Россию ругают — да, ну и что? От неё не убудет. А мэр твой...

Вега далее уже не слышала. Она сидела с прямой спиной и потерянным лицом. Она думала о том, что всегда знала: Толик — чужой человек. Но были в нём хорошие черты: трудолюбивый, ответственный. Дочку любит. Ларису, тещу, не обижает. Скучный, зануда — это да. Но это же не самое худшее, что может быть в человеке? Да, он трус ещё. Но не в атаку же с ним ходить?

Так она успокаивала себя раньше. А сейчас думалось иначе. “Я потеряла с ним жизнь... Я просидела двадцать лет с ничтожеством”. Она вдруг увидела своё изображение в зеркале. Лицо было печальным, а брови — домиком. Можно без грима играть Пьеро.

Она пошла в спальню, включила компьютер, а когда он нагрелся, нашла в Фейсбуке страницу Джеда О'Фаррелла. И стала по-английски писать в “личку”: “Дорогой Джек! Я русская эмигрантка и хочу сообщить вам, что в нашей общине вас очень любят и уважают...” Вега остановилась и подумала. Да, уважают. Все её знакомые, в отличие от Толика, к мэру относятся хорошо и жалеют его, такого русского по характеру. И газеты русскоязычные о нём хорошо пишут. “Вы — настоящий. У нас, русских, есть детский рассказ, в котором ребёнок говорит про светлячка: “Он живой и светится”. То есть обычный светлячок — лучше любой дорогой игрушки. Потому, что это живая душа. Так вот у вас — живая, неравнодушная, открытая душа! Вы — смелый человек. И умный. Вы не боитесь в одиночку противостоять. Вы смеётесь в лицо своим трясущимся за посты и репутацию коллегам, вы один победили кучу журналистов. Они смотрятся жалко на вашем фоне. Бегают за вами, ловят каждый промах. Вы творите историю города. А они только описывают ваши дела...”

И вдруг в её “личке” стали появляться буквы, слова... Вега широко раскрыла глаза.

“Дорогая Вега, спасибо вам за поддержку. Мне очень приятно! Мне пишет много людей, которые меня поддерживают, но из русской общины пишете вы первая”.

За несколько секунд, пока Вега думала, что ответить, он написал: “Kak dela?” — и поставил смайлик.

Вега тоже поставила смайлик и написала: “Русские любят таких, как вы. Которые не скрывают мыслей и чувств. Я слежу за вашей деятельностью уже четвёртый год. Вы — замечательный. Я вас люблю”.

И поставила человечка, держащего в руках свое большое сердце.

О’Фаррелл молчал. Потом появилась строчка: “Вы красивая женщина”.

Вега была так взволнована, что подскочила и прошлась по комнате. Потом закрыла лицо руками. Что за человек! Он пишет это незнакомой женщине и не боится, что она журналистка или даже журналист-мужчина, который под фальшивым именем пытается спровоцировать мэра на скандальные высказывания. Вега уселась на стул и снова принялась строчить: “Мы не верим ничему, что про вас пишут. Вы хорошо всё делаете в городе. Выставляйте свою кандидатуру на следующие выборы. Многие в русской общине — за вас”.

И получила ответ: “Дорогая, спасибо большое. Я очень рад, что у меня есть поддержка в русской общине. Я люблю вас всех, будем вместе стараться сделать город лучше”.

Вега послала мэру всё, что имелось в наличии: цветы, торт, свечи, улыбки, сердечки. Он прислал ей картинку руки с выставленным большим пальцем. Мол, всё путём.

Вега не видела, что, когда она писала последние строчки, сзади подошла мать.

— Тот самый? — ахнула Лариса, увидев имя “Джед О’Фаррелл” у дочери в “личке”.

— Ага! — радостно кивнула Вега. — Представляешь? Отвечает простым людям. Комплимент мне сделал! А-а-а-а-а! Он такой классный! А как ты думаешь, может, стоит навестить его? Ну, скажем, принести в офис корзину цветов от любящих горожан?

Мать засмеялась:

— Хочешь стать его любовницей?

— Хочу! Ему сорок пять, мне сорок. Баран да ярочка. Хоть обласкаю мужика. Ты знаешь, что его супруга на него в полицию заявление подавала? Что будто бьёт?

— Так и бьёт, поди...

— Нет, он добрый, — мотнула головой Вега. — Я читала статью, там о нём писала женщина, которая лечилась в клинике от алкоголизма, когда он туда слёг. Она писала, что он очень добрый и ласковый с людьми, что он называл её птичкой, что подолгу разговаривал, без всякой спеси. А он, вроде как, миллиардер...

— Ну, выглядит, что так... Лицо у него доброе.

— Вот из меня бы мэра получила! — мечтала Вега. — Я бы ни слова поперёк ему не сказала, потому что работа трудная, и все преследуют... Встречала бы, ботинки бы снимала — такому человеку не грех и ботинки снять. Кормила бы и слушала, и жалела.

— Что-то я не представляю, — хихикнула мать. — Ну... всё прочее... он же двести кило. Это как под танк броситься.

Они расхохотались, а потом отправились на работу в цветочный магазин.

Вега не собиралась в любовницы. Она просто хотела поддержать О’Фаррела. Она знала, что известные люди часто одиноки при всём том, что вокруг них постоянно водят хороводы. Когда-то давно, ещё в детстве, они с мамой часто слушали радио и обе очень любили композитора Георгия Свиридова. Мама однажды сказала, что надо бы написать ему о том, какой он замечательный, сообщить, что они, Лариса и её дочка, его всегда слушают и считают лучшим композитором современности. А потом Лариса передумала, потому что решила: он такой известный, ему рукоплещут концертные залы всего мира, на что ему письмо какой-то преподавательницы провинциального вуза и её маленькой дочки? Стыдно отнимать время у занятого человека...

А позже, когда композитор умер, Лариса и Вега узнали из газет, что его травили в Союзе композиторов, травили настолько, что он писал в своём дневнике: “Я живу один, как пария, ко мне никто не ходит”.

Как, наверное, ему были бы приятны письма простых слушателей! Лариса пожалела, что постеснялась написать маэстро.

Потом Вега влюбилась в одноклассника, и любила его самоабвенно и отчаянно, но так и не раскрыла своих чувств, хотя по некоторым приметам догадалась, что и она ему нравилась. А потом он разбился на мотоцикле. С тех пор, сделав выводы, Вега старалась, если ей кто-то нравится, говорить человеку об этом. Пока не ушёл. И плевать, что он там подумает. Пусть считает, что она влюбилась, что восторженная дурочка, главное — чтобы ему стало теплее жить.

У градоначальника и Веги завязалась переписка. Ну, как переписка? Вега писала короткие тексты — свои впечатления от скандальных новостей о мэре, шутила, а он не то, чтобы отвечал, но, как она заметила — читал. И всегда присылал короткий, но ласковый ответ.

Нет, она ни за что не стала бы писать, если бы не видела обратной связи и того, что ему интересно. Однажды на проверку пропала. Так в личке у неё через неделю появилось: “Что случилось?”

И Вега продолжила свои записки.

Потом Джед стал отвечать чаще и его ответы стали длиннее. Тоже шутил. Спрашивал её, как бизнес. Делал комплименты. Сообщил, что выставил свою кандидатуру на выборах (о чём она уже знала), и предложил ей прийти на пикник в парке, который он устраивает для избирателей.

Она постеснялась прийти. Долго раздумывала, потом всё же не пошла. Он там будет в толпе обожателей — таковые у него имелись в изобилии. Газеты даже ехидно называли их “легионом О’Фаррелла”. И что, ей пробиваться к нему сквозь толпу? Зачем? Она ему и так всё сказала в “личке”. Она ж не “сыриха”, чтобы за знаменитостью бегать.

После этого не писала две недели. Не знала, как объяснить, почему не пришла. И получила от него короткую строчку: “Я соскучился”.

Отношения с мужем у Веги вконец испортились. Она перестала его замечать. Толик же обзлился и замолчал. Не разговаривал даже с дочерью. Но Вега не заморачивалась. С ним и раньше говорить не о чем было — разве что о страховках. Толик любил рассуждать о том, что жизнь полна неожиданностей, и половина из них — неприятные. Что от укусов комаров, пауков и других насекомых в мире умирает намного больше людей, чем в результате автоаварий и авиакатастроф. А потому надо солонку подстилать.

— Живя с тобой, хочется купить гроб, — вздыхала Вега.

— Ну да, и обложить его цветами из твоего магазина, — парировал Толик.

Вега на какое-то время перестала читать газеты, так как наступил май — время горячее, когда начинаются свадьбы. В Канаде не знали, что “жениться в мае — век маяться”, и вовсю женились. И нужны были свадебные букеты. Вега с Ларисой каждый день допоздна работали: они не только составляли букеты, но и снабжали свадьбы нарядами чехлами для стульев, скатертями, обвивали беседки гирляндами...

Вега решила повторить здесь красивую церемонию, которая существовала в её родном Томске. Там новобрачным давали мешок с голубями, и они выпускали птиц в парке, у Вечного огня. Голуби улетали, это снимали на видео, было романтично, красиво. Правда, у ног новобрачных оставался мешок с дерьмом: птицы, пока сидели в мешке, боялись, нервничали, и усиленно ходили под себя. А потом улетали, а помёт оставался. Вега думала, что это очень символично. Но новобрачные о плохом не думали и радовались красивому обряду.

Вега наблюдала много свадеб, и заметила, что будущую семейную жизнь пары можно предсказать уже по свадьбе. Ну, если знать о ней всё-превсё... Вот свадьба, где невеста сидит расфуфыренная, на пальце обручалка за несколько тысяч, а жених бегаёт как слуга, распоряжается, то и дело песню для неё заказывает и глаз не сводит... Это добрый знак. Хорошо, когда мужчина любит, а женщина позволяет себя любить. Такой брак прочнее.

Плохо, когда на невесте платье, купленное ею же самой, или, что ещё хуже, взятое напрокат. Значит, жених не соизволил потратиться... А там

ещё и кольцо самое дешёвое, или тоже самую ею купленное. И бегают такая невеста, распоряжается всем, и даже фату сняла, так как без неё сподручнее трудиться на собственной свадьбе. А женишок сиднем сидит, красавец.

Кажется, у Островского в одной из пьес: “Красивый мужчина женщине дорого обходится”. Попашет-попашет на него бабёнка, думает Вега, да и сломается — разведётся. А может, до конца жизни будет терпеть за его смазливость. Уже на свадьбе видно, что всё оплачено невестой. Из её нарядной белой сумочки идут деньги музыкантам, её спрашивает менеджер ресторана, не подать ли ещё и супердорогой коньяк...

Вега вздыхает и думает, что у неё Толька хоть на шее не сидел никогда, зарабатывал, зарплату отдавал. А то, что трусоват и скучен — да и ладно. Что уж теперь-то, через двадцать лет, жалеть?

Она перестала читать газеты, но по дороге на работу увидела на столбе плакат о том, что в центре города намечается демонстрация против убийства христиан на Ближнем Востоке. Её это тронуло. Она видела страшные фотографии распятых в Сирии людей, окровавленные трупы. Решила пойти. Пусть видят, что и русские переживают за христиан Востока.

Утром выходного дня она надела джинсы, куртку — накрапывал дождик, удобные туфли без каблука, положила в сумку российский флаг — одно полотно, без древка, Владимирскую икону Божьей матери — свою любимую — и поехала на метро в даунтаун. Так удобнее — не надо для машины искать стоянку.

Когда вышла, сразу увидела толпу, человек с тысячу, у здания парламента. Подошла к ней, оглядела. Были в основном арабы, пакистанцы, индийцы. Белые канадцы тоже присутствовали. Вега привязала себе на шею полотнище российского флага — он стал ей как мантия, доставал до земли, и взяла в руки икону. И к ней сразу дружелюбно обратилась белая женщина: “Это украинская икона?”

— Нет, русская, — ответила Вега.

Лицо у женщины вытянулось, и она с холодным видом отвернулась. А Вега сообразила, что неправильно ответила, ведь икона — общая, и поняла:

— Икона и русская, и украинская. Мы один народ.

Женщина посмотрела на неё ошарашенно и опять отвернулась. Вега подумала, что она, наверное, украинка. Потомок западнцев, которые приехали в Канаду ещё в начале двадцатого века. Дико им, конечно, слышать, о русско-украинском единстве.

Тем временем на маленькой сцене, предназначенной для митингов, стояли несколько человек. Все англосаксы. Священники, лидеры каких-то организаций. Одного священника Вега знала по газетам. Это самый известный пастор Канады, мистер Йен Хопкинс. Борец против сексуального образования и абортов. Баптист. У него в интернете многотысячная группа и авторитет среди христиан всей страны.

Он вышел вперед и поднял руку, призывая к тишине. Все замерли. Священник начал говорить об ужасах, что творятся в Ираке и Сирии, а затем произнёс:

— Мусульмане! Мы любим вас...

И замер. И толпа замерла. Все вглядывались в себя: а любим ли? Как христиане, должны любить, не должны перекладывать вину террористов на всех мусульман. Но — получается ли? Вега думала об этом же и ощущала укор совести — она не находила в себе любви. Слишком много ужасов показывало телевидение... И хотя понятно, что “ящику” не должно быть полной веры, но всё равно действовало...

Вега почувствовала, что все вокруг думают то же самое и испытывают такую же вину, что не смогли полюбить. Она давно заметила, что когда стоишь в толпе единомышленников, — а она в данный момент стояла среди людей, которым безразлична война на другом конце планеты и которые переживают о жертвах этой войны среди христиан, таких же, как она сама, — так вот, когда стоишь в толпе единомышленников, абсолютно понятно, что толпа чувствует. Есть некое незримое, но осязаемое поле. Общее.

И без всяких слов понятно, одобряет ли толпа выступающих, осуждает ли, возмущена ли или, напротив, обрадована.

И сейчас Вега почувствовала растерянность людей, их минутную подавленность тем, что они не ощущают в своих сердцах любви к тем мусульманам, которые ни в чём не повинны.

— Мусульмане! Мы любим вас, — повторил священник. — Но мы никогда не предадим Господа нашего, Иисуса Христа!

И толпа взорвалась аплодисментами, и выдохнула...

Потом на трибуну выходили разные выступающие, говорили что-то, но Вега отвлеклась. День был пасмурный, накрапывал мелкий дождик, и собравшиеся на митинг выглядели мокро и бедно. Она обратила внимание, что люди одеты плохо. Чёрные и серые куртки и пальто, недорогие джинсы, потрёпанные сумки. Вега поняла, что стоит среди бедняков. Среди почти нищих, которые обладают отзывчивым сердцем.

Вега вдруг будто отделилась от своего тела и с расстояния в несколько метров увидела всех — весь митинг, и себя в том числе. Несчастные люди, не обладающие никакими рычагами власти, работающие на своих маленьких рабочих местах, получающие маленькие деньги и страдающие оттого, что где-то творится зло. Из пятимиллионного города их тут собралось с тысячу. Донкихотов, желающих что-то там показать сильным мира сего... Хотя бы просто пройти с фотографиями жертв. Ей стало больно за них и страшно за мир, в котором на митинг в защиту без вины уничтожаемых ходят только бедные.

— Разрешите? — К ней подошел высокий, худой чернокожий мужчина в длинном чёрном плаще. Он указал пальцем на икону. Вега поняла, что он хочет приложиться, и подставила. Он поцеловал уголок иконы, там, где одеяние Богородицы. Перекрестился, сказал “спасибо” и отошёл.

Тем временем Йен Хопкинс призвал всех идти к американскому посольству. И толпа пошла. По тротуару одной из главных улиц города. Впереди шли священники и лидеры общественных организаций. А за ними, чуть ли не приплясывая, народ. Вега пристроилась к лидерам, она видела видеокамеры журналистов и ей хотелось, чтобы они запечатлели женщину с русской иконой и флагом. Чтобы все сирийцы и иракцы Канады видели — они русским не безразличны. Русские их жалеют.

К ней подскочил журналист с камерой.

— Что означает ваш флаг и икона? Почему вы пришли на демонстрацию? — спросил он, и Вега сказала, что это русский флаг и русская икона, и она пришла потому, что её, как и всю Россию, и Русскую Православную Церковь, волнует судьба христиан Ближнего Востока. Что русские переживают и молятся за то, чтобы зверства прекратились. И Запад должен приложить все усилия для установления мира на этой древней земле.

Журналист отбежал к другим, Вега оглянулась и вдруг застеснялась. За ней шествовала толпа, по виду и поведению напоминающая цыганский табор. Выглянуло солнце, и люди порасстёгивали куртки и пальто. Под ними оказались цветастые рубашки и платья, под платьями ещё и шаровары, и вся эта толпа шествовала, почему-то напевая и приплясывая. Лицом к ним, то есть задом наперёд, как рак, шёл пакистанский религиозный деятель. Священник их. Он что-то диким, рычащим голосом, выкрикивал своей пастве. Кричал просто-таки дурниной, а толпа отвечала. Это была какая-то речовка... Вега подумала, что если бы в её церкви священник так кричал, она бы со страху описалась. Она взглянула на Йена Хопкинса и увидела, что он, не оглядываясь на тех, кого ведёт, улыбается в усы. Слегка опустив голову, скрывая улыбку. Он, видимо, не в первый раз предводительствовал такой демонстрацией, и знал, что творится у него за спиной.

Они дошли до американского посольства и встали через дорогу, напротив. Посольство было огорожено высоким забором. Металлические острые прутья. И судя по всему, никого внутри не было. Выходной.

А может, и были. Вега вглядывалась в окна. Там, наверное, есть камеры, которые записывают, что творится вокруг.

Йен Хопкинс снова произнёс речь, а за ним стали выступать разные другие деятели. Это были антивоенные речи. Под конец слова попросил парень

с израильским флагом на плечах. Незадолго до этого он сказал Вега, что является христианином, и расспросил, много ли христиан среди советских евреев. Парень попросил у Йена Хопкинса слова в оригинальной манере. Он сказал, что поскользку евреи были первыми христианами, он имеет право закруглить митинг на иврите.

Никто не протестовал. И парень что-то произнёс на своём языке. Короткую речь. Ему захлопали, хотя никто ничего не понял. Хопкинс взял у него микрофон и поблагодарил всех за то, что пришли. Сказал, что Бог видит их неравнодушие к страдающим на Ближнем Востоке и вознаградит за доброту. Всем стало приятно. Поверили. Расслабились, стали знакомиться друг с другом, образовались кучки, человек по пять-семь. Потом вдруг чернокожий, который целовал икону, громко произнёс:

— Тут рядом госпиталь, в котором лежит Джек О'Фаррелл. Давайте пойдём туда и помолимся за его здоровье!

Вега обомлела. А потом спросила мужчину:

— А что с ним?

— Опухоль мозга. Все газеты писали, — ответил чернокожий, пока люди строились в колонну, чтобы пойти к госпиталю. — Он и кандидатуру свою снял с выборов.

Вега не пошла. Она отправилась домой — расстроенная и растерянная. Когда уходила, чернокожий поблагодарил её:

— Спасибо, что вы пришли. Приятно осознавать, что русские — с нами.

Дома Вега перечитала в интернете все городские газеты, которые сообщали, что внезапно у мэра нашли рак мозга, его будут оперировать, но он держится весело, с оптимизмом. В выборах больше не участвует.

— У меня, наверное, паранойя, — сказала Вега матери. — Мне почему-то кажется, что его раком заразили. Есть же такая версия, что это инфекционное заболевание... Уго Чавес вот тоже неудобным был. Они испугались, что О'Фаррелл победит...

— Кто знает, может и так, — вздохнула мать. — Жаль Джеда. Ведь куча всякой швали живёт, а такой человек...

Она ушла стирать, а Вега открыла папку, где лежали сканированные файлы, и обомлела. Там была засканирована её переписка с мэром. Все, вплоть до "Я соскучился".

Она выскочила на кухню, где Толик ужинал.

— Зачем? — спросила, чувствуя нервную дрожь.

— Денег заработаем, — глупо ухмыльнулся муж. — Ты представляешь фурор? Идут выборы, а тут появляется инфа, что женатый мэр ухаживает за эмигранткой. За цветочницей. Да ещё и русской. Газеты будут орать про русский след, называть его бабником, а мы получим деньги. Ты понимаешь?

— Я всё стерла!

— А я записал на флэшку.

— Отдай немедленно! — закричала Вега. — Он болен, он снял свою кандидатуру с выборов!

— Да? Не знал. Жаль. Значит, заплатят меньше. Но скандал всё равно у нас в кармане.

Толик встал и ушёл. И когда она побежала за ним в спальню, оказалось, что он там закрылся.

— Я не выпущу тебя! — кричала Вега, сидя под дверью. — Ты никуда не пойдёшь!

— Дура, — спокойно отвечал Толик. — Газеты нам столько заплатят, сколько ты и не видела разом. Я, правда, не знаю сколько просить, но, думаю, сумму всё равно дадут солидную. А то цветочки свои продаёшь и думаешь, что это деньги... А мэру твоему что? Одним скандалом больше, одним меньше...

Вега постелила себе у дверей спальни, в которой спал муж, но утром пропустила тот момент, когда он приоткрыл дверь и, переступив через неё, вышел. Она рванулась за ним, в чём была, — в пижаме — и догнала у двери. Пыталась выхватить портфель, где, думала, находится флэшка. Дочь выскочила из комнаты и смотрела на всё это круглыми глазами.

Анатолий вырвался и, прыгнув в машину, поехал. Вега села в другую машину и рванула за ним. Обратила внимание, что Толик едет в центр — туда, где расположены здания главных газет. Улучив момент, когда на дороге было пусто, Вега нажала на газ и ударила автомобиль Толика сзади. Несильно, но чтобы он почувствовал удар. Он тоже нажал на газ, чтобы оторваться. Вега снова догнала, и снова ударила, уже сильнее. И Толик остановился. Он вышел из машины бледный и спросил:

— Ты с ума сошла? Сама будешь обе машины ремонтировать! За свои деньги, дура!

— Буду, — тяжело дыша, отвечала Вега. — Флэшку гони. Я убью тебя, подлеца. Меня посадят, дочь одна останется...

— Да пошла ты! — Толик бросил флэшку на землю, сел в машину и уехал.

Вега подняла её, всё ещё не веря в удачу (а вдруг это другая?), и что есть мочи понеслась домой — проверять, что на ней. Ехала и плакала. Вот козёл! Какой же козёл!

С этого дня она стала всякий раз сразу же стирать свою переписку с Джемом. А там было не так уж много... Она выражала ему сочувствие, писала, что он непременно поправится. Потому что сильный и ещё нестарый. Он отвечал в обычной своей манере — ласково и весело. Потом пропал. Потом написал, что очень плохо себя чувствует.

В газетах же появилась информация, что он идёт на поправку. А через месяц — что рак вернулся.

И Вега поняла: это конец. И почувствовала, что и он это отчётливо осознал. Она продолжала писать ему ободряющие слова. А он ответил: “Нет, я уже не выздоровею. Но я не расклеился, я приму всё, как положено мужчине и христианину. Хотя очень жаль оставлять этот мир”.

И тогда Вега написала то, что на самом деле думала с самого начала, как только услышала о его болезни. А думала она, что он, конечно, не выздоровеет. Потому, что слишком хорош. А Бог — “Он самых лучших выбирает и дёргает по одному”. Праведники не живут долго, писала мэру Вега, потому, что земная жизнь — это испытание. И тот, кто быстро доказал, что он готов жизнь положить за други своя, — солдаты на фронте или те, кто спасает девушку от хулиганов в тёмной подворотне, или просто добрый человек, который всех жалует, раздаёт милостыню, — такие не живут долго. Борцы за справедливость, то есть опять же те, кто жертвует собой ради других, тоже уходят рано. А вот самые отъявленные грешники, самые страшные негодяи — те живут дольше всех. Например, военные преступники. Их ведь время от времени то в Канаде находят, то в Аргентине, то в Уругвае... Им под это лет, а копят землю. А всё почему? Бог до последнего ждёт покаяния.

Джед несколько минут не отвечал, а потом написал: “Пожалуй, я согласен”. И попросил: “Приходи к госпиталю, я посмотрю на тебя в окно”.

И Вега в назначенное время пришла. В бирюзовом плаще и таких же туфлях на высоком каблучке. С большим букетом чайных роз. Она встала напротив госпиталя, и смотрела в окна пятого этажа. В одном из них вскоре увидела его — полного и бледного. Лысого. Помахала ему. Потом подбросила цветы в небо так, что они попадали вокруг. Потом принялась танцевать русский танец, используя вместо платочка салфетку. Упёрла руки в бока, выдывала ногами кренделя, а он стоял и смотрел. Она не могла разглядеть, улыбается он или нет. Но старалась, плясала. Даже если смеётся над ней, то пусть. Пусть она выглядит глупо, лишь бы развлечь его...

Когда приехала домой, от Джеда было сообщение: “Это было бесподобно. Будь счастлива!”

Через десять дней газеты сообщили, что мэр скончался.

На похоронах Вега плакала. Она стояла в огромной очереди, где видела и женщин, утирающих слёзы, и мужчин. Кого здесь только не было! Эмигранты со всего света, чёрные и белые, азиаты, коренные канадцы, старики и подростки... Но всё это — бедные люди или люди среднего достатка. А ведь мэр слыл богачом. Но любил его лишь простой народ. Чиновников на похоронах не было.

Газеты продолжали злобствовать, с иронией писали о “легионе О’Фаррелла” и выставляли фотографии непременно тех людей, которые смотрелись поплоче. Рабочего вида мужиков в ковбойских сапогах и клетчатых рубашках, татуированных девушек. Всё это должно было убедить читателей, что за гробом шёл “трэш” — мусор. Но люди не обращали внимания на газетные статьи.

А потом целую неделю после похорон в соцсетях крутилось и крутилось видео, которое все ставили себе на страницы: краснолицый, рыжий толстяк танцует в зале суда, куда его однажды притащили, обвинив в — ни больше, ни меньше — нападении на трансвестита. Доказать нападение не удалось, так как оказалось, что мэр был очень далеко от места происшествия, когда на сексменьшинство напали. Но организаторам иска нужен был не приговор, а шум вокруг мэра...

И вот, О’Фаррелл оправдан, и танцует перед камерами ненавидящих его журналистов. Широкий, с добрым лицом и весёлыми глазами под рыжими бровями. Он взмахивает руками, на которых пальцы, как сосиски, и, одаривая окружающих задорной улыбкой, приплясывая, удаляется. Удивительно легко протискиваясь сквозь узкий дверной проём.

А широкими дверями он никогда и не ходил.

СВЕТЛАНА ЛУЧКИНА

ГАРМОНИЯ

РАССКАЗ

Вот что в жизни главное?

Ну, скажете вы, здоровье... Не буду спорить, важная вещь. Но, бывает, человек здоров, а ему кажется, будто и не здоров вовсе.

Деньги, скажете. Понятное дело — все бедные так думают. А ведь богатые просто заколебались... У соседа денег больше, яхта длиннее. Богатые очень страдают. И лица у них оттого вечно удивлённые и вытянутые. Посмотрите любой список Forbes — таких ошарашенных людей вы нигде больше не увидите. Как будто у них перед лицом только что петарду взорвали.

Некоторые скажут, что главное — любовь! Куда ж мы без любви! И жизнь — любовь. И душа — любовь. И труд — любовь. Куда хочешь, туда её и пристраивай. Почти как у корпорации Яндекс... Только вместо слова “Яндекс” подставляй “Любовь”.

Любовь. Еда.

Любовь. Музыка.

Любовь. Здоровье.

Даже Любовь. Деньги.

В общем, полная идиллия. Но надо смотреть правде в глаза. Самое важное в жизни — это умение договориться с самим собой. Внутренняя гармония. Всё остальное — ерунда!

Вот видите, вы об этом не догадывались. А я во всём уже давно разобрался! На самом деле я как будто знал истину с детства. Просто чувствовал. Я могу быть счастливым в любом моменте. В любой компании. И почти при любых обстоятельствах.

ЛУЧКИНА Светлана Александровна родилась в Москве в 1977 году, с красным дипломом окончила факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности “связи с общественностью”. Журналист. Кандидат филологических наук.

Я чётко понимаю, что делает меня счастливым: я должен знать, что я круче всех. Точнее, вот так: все вокруг должны знать, что я круче их. Если они это признают — я счастлив. Точка.

Простой пример. Оказался я в компании ватерполистов. Ну, занесло невзначай. И стоят они вокруг меня — свет белый закрывают. Плечи здоровые. Руки до пола. Затылки отполированные. Какие-то гормональные искривления, а не люди. А я, хоть внешности и хипстерской, яркой, и даже почти с жену ростом, но в таком обществе легко могу потеряться. Точнее, мог бы! Если бы не моя природная мудрость, знание человеческой природы и три минуты “Гугла” перед атакой.

— А я ведь в тоже в сборной олимпийского резерва плавал, — неспешно так говорю.

Не все расслышали. Просто у парней рост чрезмерный. И вода годами в уши заливалась...

— Плавал, — продолжаю, — в сборной олимпийского резерва. Потом и в саму сборную взяли...

Информация попала. Секунда тишины. Потом самый большой шкаф уточняет:

— В олимпийскую сборную? Тебя? Взяли?

— Ага... мне шестнадцать стукнуло, там что-то с бумажками поколдовали. Взяли...

И вот они все развернулись ко мне и смотрят, как деревья на зайца. Кто-то решил пошутить:

— Мож, ты и на Олимпиаду ездил?

— Конечно, ездил... В Афины ездил. Первая Олимпиада моя. Мы третье место заняли.

— Чо-то не похож ты на ватерполиста.

— Ну, похож — не похож, зато я лёгкий, с поднятой рукой ходить ча-сами могу. И кидаю чётко.

— Подожди, Шурик, как твоя фамилия? Я почти все фамилии сборной с детства помню... — Это Макс, очень умный по меркам водного поло. Надо сказать, такие умники — самое плохое в борьбе за собственное благополучие. Они присутствуют в каждой компании, они всегда есть и всегда найдутся. Чудик, который помнит все фамилии сборной, или с детства выучил все созвездия, или посмотрел все фильмы Жоржа Мельеса. Ничего удивительного — по статистике, восемьдесят процентов людей имеют не диагностированные психические отклонения.

Поэтому порой приходится импровизировать:

— Ну, я в том матче не выходил... Сергеич меня на скамейке держал. У меня просто точность высокая, а там игра чисто на физике держалась.

— А с кем играли в Афинах? — спросил кто-то.

— Так с хозяевами. С греками. Игра была жёсть, ребята. Я пацан был совсем. До сих пор по минутам всё помню.

— Сергеич — это Кабанов, что ли?

— Да, я с ним несколько лет тренировался, пока он к бабам не ушёл.

Шкафы помолчали. Должно быть, пристраивали в своих тугих головах мысль, зачем Сергеич ушёл к бабам. Я решил их добить...

— Суперчеловек Александр Сергеич. Болеет сейчас, конечно, здоровье не то. Всегда мне говорил: “Дохлак ты, Шурик, но мозги гениально работают. Все чемпионы только мозгами играют. Без этого никуда”.

Помолчали снова. Самый компактный из них спрашивает, почти робко:

— А что за точность у тебя? Фишка какая есть?

Вот он, момент счастья.

Все выжидающе смотрят на меня. Эти горы мяса и мышц, молотящие воду и друг друга, как машины, думают, что я со своим живым весом в 65 кг знаю что-то волшебное.

— Да не, — медленно так роняю, — просто вратаря дёргаю. И в нужный момент кладу мяч. Чисто на реакции.

Они переглядываются:

— Так и все так... Чего тут...

— Не знаю, как это работает, мужики, — по-доброму смеюсь я. — Но работает!

Они меня, конечно, на игру позвали. Руку долго жали своими подносами железобетонными. На игру я, понятное дело, не поехал. Зачем? Я и так был счастлив ещё неделю после того эпизода.

Вот так всё просто.

Попросила жена дочку в театральную студию отвести и подождать час. Да не проблема. Пришли мы. Атмосфера какая-то нездоровая, как на войне. Прямо в воздухе конкурентный смог висит. Мне сразу тоскливо становится в такой обстановке. Маня моя тоже обычно теряется. Сел, жду. И со всех сторон от мамы летит информация, способная разрушить моё самощущение счастливого отца. Летит прямо в меня:

— А кто в нашей сказке “Буратино” играет, уже известно?

— Боря — Буратино. Петя — Пьеро. А Артём — Артемон.

— А Мальвину выбрали? А, ну Мальвина, конечно, Майя. Она ж у нас первая красавица.

— Ой, девочки, мы вчера на съёмках были!

— Да что вы? И где снимались?

— В рекламу майонеза. Лизоньку сняли. И крупный план был. И даже текст. Скоро на всех каналах.

— А нам из шоу Галкина ответили. Ну, вот это, про талантливых детей. В четверг едем.

— Правда? Это замечательно.

— А я не знаю даже, что делать, девочки... Вероничке педагог сказала, что надо срочно оперным вокалом заниматься. Говорит, что срочно надо показать кому-то. Обещала с Гнесинкой поговорить.

И всё это валится мне прямо в душу... В незащищённую душу отца! Неподготовленную для переваривания успехов чужих детей. Ну нет, думаю, просто так я вам не дамся... Покашлял и говорю:

— Простите, а вы не знаете, как здесь к пропускам занятий относятся?

Они вяло повернулись ко мне, как многоголовая гидра с одним выражением в двадцати глазах. И забублькали своими снисходительными объяснениями про то, как надо “предупредить” да “поговорить”, но “вообще не очень”. Выслушал я это с великой благодарностью и говорю:

— Спасибо большое, сегодня же поговорю. А вы не знаете, кого в “Буратине” Маня моя играет?

— Она играет куклу в первом действии. И чайничек во втором. Кажется, так.

— Ясно... Не хотелось бы коллектив подводить. Можно будет договориться, чтобы кто-то другой сыграл, а то мы около двух месяцев не сможем, скорее всего, ходить.

— Два месяца? Так это как раз до спектакля осталось?

Делаю очень серьёзное лицо, сокрушённо вздыхаю.

— Вот как раз до мая не сможем. Никак. Маня так переживает за спектакль.

— Да вы не волнуйтесь. Может, Ирина Борисовна и совсем чайничек уберёт. Он никакой нагрузки не несёт. А что у вас случилось?

Гидра о десяти головах доверчиво повернута ко мне, проникнута жалостью к театральным чайникам и прочему реквизиту. Я достаю невидимый меч. И говорю:

— У Мани съёмки до мая. Проект Диснея. Сказка. Полный метр.

Глаза гидры застывают, улыбки делаются неподвижными, как будто их только что спрыснули фиксатором.

— У Мани? Полный метр?

Я так расстроен, что некому будет играть чайник:

— Да-а-а... И никак её не отпустят — главная роль!.. Сказочника Никита Сергеич играет... А царя Фёдор Сергеич... С ними графики согласованы. Машу, конечно, не отпустят на “Буратино”...

— Подождите... Кто играет?..

— Сергеич...

— Простите, это Михалков, что ли?

Я ощущаю подступающее чувство счастья в районе кадыка, оно медленно заползает в горло и сейчас оттуда тепло польётся по всему телу:

— Да-да... Михалков и Бондарчук. А маму Машину Ходченкова играет. Говорят, сходство большое. Ну, у Светланы с Маней.

— А-а-а... — выдыхает гидра, беря цепное дыхание. — Ну да... Она ж такая бледненькая девочка...

— Blondinka, — поправляю я, — искали девочку как раз такую. Говорят, даже в Прибалтике искали. Но цвет волос не основное. Там роль сложная. Надо было, чтобы актёрски ещё потянула. Как продюсер нам сказал: искали талантливую и красивую. Ну, мне, по крайней мере, так перевели.

— Перевели? — шумно дышала гидра.

— Ну, я английский бегло не очень понимаю. Продюсер с нами разговаривал. Из Голливуда. Объяснял. Вот... такие дела...

Гидра повержена. Коллективная челюсть безвольно висела. Слюна капала и с шипением испарялась прямо в раскалившемся воздухе. Они смотрели друг на друга потерянно и бессильно, как будто я сделал что-то непотребное, как будто надругался над ними. До конца занятия в раздевалке царила тишина. Когда Маня вышла, мамы сканировали её глазами, стараясь найти, нащупать, понять, что ж в ней такого, почему она?.. Почему она?! Потому что у неё отец, который знает, как принести в семью счастье!

Так-то!

С женой, правда, потом неприятный разговор состоялся... Она человек немного другого формата, совсем простой. Ей для счастья надо удивительно мало. Иногда я думаю, что это общая женская черта. Достаточно чувства безопасности и уверенности в каком-то "будущем". Вот смех!.. Кто знает, что будет завтра, — может, кирпич на голову... Но находятся люди, которых греет "будущее". Я жену не осуждаю, в целом Нюрячка у меня весёлая и симпатичная. Но — бывает — уставится серо-ледяными глазами. Брови насупит, как мохнатый мотылёк. И смотрит.

В такие моменты я представляю, как она стремительно стареет прямо на моих глазах. Кожа усыхает и покрывается бороздами морщин. Волосы поднимаются дыбом и замирают колючими клочьями. Из милого мотылька проступает хищная старуха с серыми лезвиями глаз. И становится до жути страшно. Представьте, подходит к вам бабка, медленно, ещё медленнее. И вдруг заглядывает в лицо, глубоко и долго. И смотрит. Реально жёсть, ребята. Я еле сдерживаюсь, чтобы не вскочить и не убежать с диким воплем. Но вдруг старуха резко и беспомощно вздыхает, взгляд теплеет, льдинки трескаются, и лицо оживает добротой и цветением. Короче, повезло мне с женой, если оценивать крупно и на всякие мелочи закрывать глаза.

Но осадочек после этой истории с Диснеем всё же остался. Подошла она ко мне, демонстрируя скорбь всего женского населения земли, и говорит:

— Я тебя попрошу об одной услуге. Ради меня...

— Всё, что угодно, моя крошка!

— Перестань врать.

И смотрит. А потом повторила зачем-то:

— Перестань. Врать.

Я хотел отшутиться. Но чувствую, она снова превращается в старушку. И поспешил:

— Зайка, обещаю! Но только это же не вранье... Это же...

А она руку так подняла, как индейский вождь, и говорит мне страдающим голосом:

— Шурик. Я устала. Правда.

Повернулась и пошла так, будто в нашей квартире реально можно куда-то существенно удалиться.

И почему люди не умеют быть счастливыми? Большинство даже не понимает, как это просто. Когда вы хотите есть — вы что делаете? Правильно, берёте нечто съедобное и едите! Ну, так и здесь! Просто будьте! Вот все хотят крутую работу и огромную зарплату. Ну, как пример, да? Так и где

здесь проблемы? Берёте и идёте на свою работу мечты, если вам приспичило трудиться.

Был у меня такой период... Все вокруг карьеру делали... Какие-то блага приобретали... Какими-то словами в разговоре сыпали из бизнес-справочников. И появилось знакомое чувство, как будто ноет что-то в районе солнечного сплетения. Такая смесь тревоги и раздражения. А ведь я знаю: если позволить процессу течь дальше — можно дойти до депрессии. Значит, мне тоже нужна карьера. Но с нуля было уже слишком поздно и хлопотно. Мне нужна была уже в существенных моментах пройденная карьера, близкая к своему пику и стабильному расцвету. Я пошёл, постриг бороду, придал бакам европейский вид, и пока сидел в кресле, мысленно набросал сценарий успешного взлёта молодого, талантливоего топ-менеджера.

Я ж юридический закончил. В Омске. Учиться любил. Точнее, не учился, а сессии сдавать. Все боятся, у стенки трясутся, в обмороки падают. А это же самый кайф. Игра! Азарт и противостояние. Я приходил с настроением “кто — кого”. Пусть препод докажет, что я не знаю. Хотел бы я посмотреть на такого специалиста. В общем, провалов в университете у меня не было. Одно я понял: Омск не для меня — надо выбираться. Батя всю жизнь в этих своих гарнизонах, погонах, батальонах. Говорит по уставу. Сидит по уставу. Батя считает, что я, как бы это сказать... не получился у них. Они с мамой всё сделали, чтоб я получился, а я сломанный вышел. Давайте следующего.

В общем, я в Питер от них сбежал. В аспирантуру. Нет, я, правда, отучился. Даже что-то пытался защищать. Но тема такая интересная попала — “Развитие и перспективы структурных институциональных реформ в российской экономике”. Защитить её мог только искусственный интеллект. А я ж живой, ребята! В общем, прикинул я возможное развитие событий в случае, если бы я защитился, и весь мир бы лежал у моих ног, и с этой позиции начал новый виток своей карьеры в России.

— Конечно, очень интересен ваш американский опыт...

— Не только опыт, ещё и образование.

— Да-да, конечно, впечатляюще, более чем... Бизнес-школа Лос-Анджелеса, потом Отделение международной экономики и финансов Колумбийского университета в Нью-Йорке. Потом...

— Потом я снова вернулся в Калифорнию. Защитил степень магистра MBA в Университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе.

— Да... Да... Вот, вижу...

— Сейчас я доктор экономических наук.

— Поразительно... У нас, как вы знаете, консалтинговый бизнес...

— Я работал в Мак-Кинзи около пяти лет.

— У нас второй вице-президент тоже работал в Мак-Кинзи! Какое совпадение!

— Он в России работал?

— Да, в Москве.

— Я-то работал в Штатах... Был эпизод в Швейцарии несколько месяцев — проект требовал моего участия.

— О... У нас, вы понимаете, российская консалтинговая компания. Крупнейшая российская... Не такая, конечно, как Мак-Кинзи. Но как раз перед нами и стоит задача добиться масштабирования бизнеса. Как раз поэтому мы и ищем новый управленческий штаб...

Такая смешная была эта директор по персоналу. Уточняла, терялась. Я был совершенно счастлив в этот момент. И, представляете, они меня взяли!.. И им не понадобилось ни одного подтверждения моей американской легенды.

— Я понимаю, что у вас есть все основания гордиться... Но при оформлении мы же используем только российские данные, — извинилась эйчар-гёрл.

Я проработал в управленческом консалтинге два года. Два года в должности вице-президента. И всё, что мне надо было сделать, — набрать команду, которая и совершала все необходимые подвиги. Но постепенно мне

стало скучно... Принялись что-то считать и измерять. Внедрять какие-то коэффициенты, метрики. И я пошёл. И так ясно, с чем едят эту блестящую карьеру. Не моё! Творческий полёт с выражами и чудесами мне ближе.

Удивительно, но Нюрочка опять расстроилась. Она этот период гигантской консалтинговой аферы (так по-крупному я ещё не врал) почему-то называла “взялся за ум”. Женщины — совершенно далёкий от реальности народ... Вечно витают в облаках. После моего увольнения Нюрочка (видимо, не понимая, чего она хочет от жизни) пошла работать в лабораторию Инвитро. Она ж химик или биолог. И вот занялась вроде как профессией. Мы с Маней смеёмся, что “мама проверяет кашаки”. И вот проверяет она свои экскременты и всё мечтает об отпуске.

А тут те самые приятели-ватерполисты предложили поехать в поход в Карелию. Палатки, сосны, озеро. Собралась у них компания абсолютно диких туристов.

— Шурик! Давай с нами всей семьёй! Отдых самый настоящий. Никаких отелей. Полное единение с природой.

— Дайте подумать, черти...

— Да что думать! Мы уже третий раз едем. С детьми даже. Лодки берём. Перезагрузка глобальная. Телефон не ловит. Озеро, как море. Мы уходим вглубь. Рыбалка отличная. В лодку садись...

— Да что ты мне рассказываешь!.. Я, знаешь, на каких порогах сплавлялся!.. Я по Уралу ходил...

— Ну, так сам бог велел. Мы на опасные пороги не поедим. Там по большой воде можно до скалистых островов доплыть. Нереальная красота.

— Да я всё это знаю... Я ещё в старших классах пол-Карелии облазил. В экспедиции ходили по месяцу. А парень один в группе обе ноги сломал. Новичок был.

— Шурик! Ты должен ехать с нами! Нам опытные люди нужны! Бери семью и айда!

Искра уважения к моему походному опыту затеплила во мне огонёк счастья. Вечером рассказал Нюрочке и Маньке о предложении. Дочка в восторге:

— Поехали!!! Поехали!!!

У Нюрочки лицо стало слегка тревожным:

— Шурик, ну, а как мы? Мы ж никогда не ездили? Вдруг будет сложно?

— Ну, не понравится — соберёмся и уедем, не насильно же нас будут держать в карельских лесах?!

— А лодки эти...

— На лодках никуда не поплывём! Откажемся — у нас лодки же нет. Просто по лесу погуляем, черники собиравим!!! Маня воздухом подышит.

Маня визжала и прыгала: “В лес! В лес!”

И жена сдалась. Собираться начала за месяц. По какому-то продуманному списку. Предусмотрены любые повороты сценария: грозы, ливни, засухи, землетрясения, оползни, сходы снежных лавин, дикие животные, клещи, змеи, йети... Я давно так не веселился, как во время её сборов.

Наконец, мы погрузили невероятных размеров багаж во все отсеки машины и тронулись навстречу приключениям. Первые пару дней всё как будто шло отлично. Все барахтались у песчаного берега. Грелись на валунах. Осваивали лес (с различными целями). Если честно, я воду не очень люблю... Плавать в принципе умею. В море бодро вбегаю и заныряваю. Но не так, чтобы месить руками и ногами до полного изнеможения. Это уже лишнее. К чему это?..

Я, конечно, заметил, что купленная палатка наша тесновата. Оборудование у меня особо не было. Удочки у этих чертей-походников зачётные. Лодки — вообще шик. Мы превосходили остальных только по размерам собранной Нюрочкой аптечки, гастрономическими запасами и умением из этих запасов создать нечто вкуснейшее. Ну, это всё жена...

Невидимый червь начал подпиливать мой душевный баланс. Чего-то не хватало...

Крутого топорика. Или умения раскрошить полено. Прикольного мангала. Или заплыва на середину озера с другими дикими туристами. Суперского спиннинга. Или огромных рыбин, которых они ежедневно таскали невесть откуда. Они смотрели на меня дружески и весело, но... без восхищения. Да что уж!.. Я замечал, что с гораздо большим уважением они глядят на Нюрочку и кружат вокруг неё, особенно когда она колдует над котелком или даёт детям попробовать “картошечку”.

А вечером четвёртого дня собрались все эти черти общей сходкой и обсуждают:

— Завтра идём на остров Саари.

— Большой заплыв — круто!

— Ну, смотрите, завтра как делаем, через наше озерцо плывём к протокам. Они узкие. Сейчас выберем один, по которому пойдём. Он нас выведет в большую Ладогу.

— Шурик, ты чего скучаешь?

Я выдавил снисходительную усмешку.

— Да всё хорошо, отдыхаю!

— Слышь, завтра твой опыт очень пригодится. Первые две лодки пойдут с серьёзными бойцами. В середине остальные. И кто-то сильный должен замыкать. Смотреть за всеми.

— Так... ну, всё верно... Мы тоже так делали. И на Урале... да... Только у меня ж лодки нет, мужики! — радостно завершил я.

— Тебе Макс свою даст. Он сядет в середину на весла.

— Да, ты нужен, старичок! Хватит по ягоды ходить! — И все заржали.

— Не вопрос, — солидно говорю я, — идём так идем.

Прорвёмся — понятное дело. Лодка моя пойдёт последней, никто особо не будет мне в спину дышать и смотреть, как я гребу и чего я там делаю. Нюрочке с Маней я запретил ехать. Это лишнее. Один как-нибудь справлюсь, оно и полегче будет.

Собрались с утра выходить. Грузимся. А сын Макса, мальчишка лет одиннадцати, скачет вокруг и просится, чтоб тоже взяли. А Макс не умеет с детьми общаться. Вот я сказал своим: “На берегу!” И всё. Никто не прыгает, не канючит, под ногами не путается. А здесь — ой, полная анархия.

— Ну, па, ну, я с вами.

— Вовка, я в середине сяду для страховки. Там лодка вся расписана уже.

— Па, а в нашей лодке, можно?

— В нашей лодке дядя Саша идёт замыкающим, он следит за колонной.

— Па, я ему помогать буду! Я ж с тобой сколько раз ходил! Можно, а? Па? Можно я в нашей лодке?

— Вовчик... Если дядь Саша тебя посадит к себе, то можно. Но помогал чтоб.

— Я всё буду делать. Я даже грести могу. Я сильный.

— Шурик, возьмёшь пацана моего? Он стреляный воробей. Можешь эксплуатировать по полной!

Я криво улыбнулся... И безысходно потряс головой...

Мальчик этот странный, конечно. Как сел, уставился на меня, будто на что-то диковинное. И первые минут двадцать ничего не говорил, только тарачился. И лицо такое ошарашенное, словно мы не в лодке плывём, а какие-то вещи небывалые совершаем. Я что, полный идиот перед ним?

Из маленького озерца, на берегу которого стоял наш лагерь, мы двигались в большую Ладогу. Впереди — узкое место. Постепенно мельчало, и дно ощущалось все ближе. Наша колонна двигалась не спеша. Но потом я стал замечать, что они как будто прибавили ходу.

— Сейчас будет глубоко, — внимательно глядя на меня, пробубнил Вовчик.

— Не сказал бы, — уверенно бросил я.

Вовчик глянул на меня немного удивлённо.

— Будет глубже. Нам надо аккуратнее.

Я смотрел на удаляющиеся от нас лодки, и, казалось, они пошли быстрее и увереннее.

— Это где мелко — надо смотреть в оба, чтобы на мель не сесть. А если выплываем на глубокое место, то не бойсь! Можно прибавить.

А парень меня не слушал даже. Вертел башкой. С борзым видом.

— Там может быть подводный камень.

— Ты под водой видишь?

— Вода, видите, такими кругами ходит. Бывает, когда огромный валун рядом.

— Старик, мы в Карелии, тут огромные валуны везде рядом. Вот отстаём мы — это, действительно, непорядок...

Раздражал этот мальчишка. Умничает. Не доверяет мне. Вдруг он как заорёт:

— В сторону, меняйте направление! Левее!!!

Вот псих! Вскочил, показывает мне на что-то.

— Сядь, блин! Ты больной, что ли? — заорал я тоже.

— Сейчас врежемся, обходите!! Куда ж вы правите!!!

Он попытался схватить моё весло. Я хотел отпихнуть его руку, весло выскользнуло и, глухо ударившись, поползло в воду. Пытаясь его поймать, я резко наклонился. Не успел. Свесился, чтобы черпануть его в воде.

— Что вы делаете?! — завизжал Вовчик. — Дурак! Вы дурак!! Папа-а-а-а!!! Па-а-а-а!!!

Ничего страшного не произошло, если судить по-крупному. Ну, перевернулись. Лето. Озеро. Искупались, считай. Вовчик цел. Не утонул. Не ударился. Испугался только. Причин для паники вообще нет. Вот у костра в лагере уже смеются над этим. По шестому разу вспоминают, кто что услышал, как кто обернулся и что увидел. Ну, подумаешь...

Нюрочка немой старушкой сидит рядом и смотрит на меня цементным взглядом. По-моему, у неё вообще нет чувства юмора. Женщины — такой народ, у них это чувство напрочь отсутствует. А мне даже нравится, если разобратся. Все хлопают меня по плечу. Интересуются, как я себя чувствую.

Вовчик — противный ребёнок — всё бегаёт за папой и пытается ему что-то рассказать. Неприятный мальчик. Я слежу за ним и кутаюсь в плед. Я давно обсох, но как-то потрясывает. Адреналин, наверное.

Народ поднимает алюминиевые кружки и чокается.

— Ну что, ребят, завтра по плану карельские скалы. Есть тут такое место. Потрясное! Доедем на машинах. Потом пять километров пешком, а потом вверх. — Это Макс всё не может успокоиться и пытается сделать наш отдых экстремальным.

— Круто! Завтра в скалы! — баят со всех сторон.

— Лезем! Решено!

Я поддаюсь воодушевлению и тяну свою кружку в общий букет:

— Лучше гор только горы, ребят! Я ж в юности альпинизмом занимался! На Эльбрус ездил. Ох, бригада у меня крутая была. Мы как-то зависли над пропастью...

Сбоку что-то резко хрустнуло. Я осёкся и повернулся на звук. Нюрочка, резко встав, быстро уходила в тёмную, неосвещаемую глубь...

МАРГАРИТА КАРАНОВА

ВЕСНА ПОБЕЖДАЕТ УВЕРЕННО

ГРОЗНЕНСКАЯ ТРОЯ

*...я жил во времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.*

А. Тарковский

Город без окон, без крыш, перекрытий.
Ужас безмолвия. Год не бомбят.
Но не осталось в нём верных зиждителей —
Всех, сотворивших заводы и град.

Знаем мы Греции Древней руины,
Знаем скрижалей её письмена.
Боги, герои — грешны и невинны...
Мифами вечными дышит она.

Наши гераклы со змием сражались,
Чёрные змии с шипеньем сдавались.
Буры-сариссы вгрызались в глубины,
Были гераклы непобедимы.

КАРАНОВА (Гончаренко) Маргарита Васильевна родилась в г. Грозном. В 1968 году окончила биолого-почвенный факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Автор поэтической книги "Избранное", книг прозы "Прекрасное далёко", "Легенды и были пуцинских селений". Автор-составитель книг воспоминаний о городе Грозном. Очерки печатались в журналах, сборниках и газетах. Член Союза писателей России, кандидат биологических наук. Живёт и работает в наукограде г. Пушино Московской области.

Ритм отбивали ахиллы-заводы
В шлемах железных, в кирасах тяжёлых.
Сунжи скользили цветистые воды,
Весело мы возвращались из школы.

В школе проходят истории разные.
Перья от Клио скрипят и скрипят.
Где Геродот, что о Грозном расскажет?
Если он есть, то ему пригрозят.

Грозный куда грандиозней, чем Троя,
И не поможет нам шлиманов рать,
Чтобы дойти до последнего слоя —
Всё, что разрушено — перекопать.

ВЕСНА

*Один момент раскроет вам злодея,
Но честный познаётся лишь годами.*

Софокл

Вот опять перемены. Весна
Побеждает уверенно, бодро.
Но, как прежде, уныло у нас,
И синоптик не скажет нам: “Вёдро”.

Наш мошенник, как прежде, хитёр,
День и ночь изгаляется циник.
В нашей жизни бесчинствует вор,
Он теперь навсегда именинник.

Что-то пилят и делят — аж пот
Выступает на лбах от усердья.
И безмолвен ребёнок-народ,
Занемогший от сюра и бреда.

* * *

Отняли сына у тебя,
Спалили жизнь других,
И пепел этого огня
Разнёс по свету вихрь.

Смотрите: небо всё темней,
Ведь пепел свет прикрыл.
И с каждым днём всё холодней
Без света и светил.

СЫНУ

Я чёрные одежды не носила —
Зачем чернить мне память о тебе,
О светлом, умном, добром и красивом,
Каких совсем немного на земле?

Я чёрные одежды не носила —
Ведь ты любил весёлые цвета, —
Клубники спелой, лета, неба сини,
Но только бы не мрак и пустота.

А ночь была затем лишь интересна
И восхищала сумраком тогда,
Когда созвездьям в небе было тесно
И вспыхивала новая звезда,

А Млечный мост широк был и просторен,
Блуждали звёзды в неземном огне.
И отсвет разливался на луне,
И по земле шагал прекрасный воин.

ТАТЬЯНА ЖАРИКОВА

ОЖОГ

РАССКАЗ

Сергей приехал на полчаса раньше назначенного времени. Обошёл вокруг памятника Пушкину, с волнением взглядываясь в немногочисленных прохожих, хотя понимал, что на первое свидание Настя, скорее всего, опоздает. Так положено девочкам. Алые розы, завернутые в целлофан и обвязанные такой же алой ленточкой, Сергей держал неуклюже, неуверенно. Ему хотелось их спрятать за спину, чтобы никто не видел. Казалось, что прохожие смотрят на него с насмешкой, мол, придурок, припёрся на свидание, а девочка не пришла. Кому ты нужен?

Сергей прошёл в сквер к фонтану и сел на скамейку. Здесь, возле фонтана, в такую жару обычно бывало многолюдно, но сегодня вся Москва была окутана дымом от горящих торфяников, и почти все скамейки пустовали. Он положил цветы рядом с собой, вытер платком лоб и стал смотреть в сторону выхода из подземного перехода, откуда должна была появиться Настя. Он чувствовал, как сердце быстро и тревожно бьётся в его груди. “Здорово было бы, если бы она не пришла!” — мелькнула мысль. Тогда бы он выбросил розы в урну и ушёл.

Вспомнилось, как он долго выбирал розы, крутил в руке, разглядывал, чтоб ни один лепесток не был тронут тленем. Выбирая, представлял, как протянет Насте свой первый букет. Он снова оценивающе взглянул на цветы и подумал: “Как хороши розы! Жалко будет выбрасывать в урну. Может, лучше привезти их своей сестрёнке и подарить?”

ЖАРИКОВА Татьяна (Алёшкина Татьяна Васильевна) окончила Литературный институт имени М. Горького, член Союза писателей России с 1990 года, автор восемнадцати книг прозы и публицистики, Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Литературной премии имени Льва Толстого и др. Имеет Благодарность Президента РФ В. В. Путина.

В социальной сети “ВКонтакте” девушка, которую он ждал, представлялась как Настька Ковылёва. И волосы её пахли ковылем. Однажды в автобусе, когда Сергея толпа притиснула к Насте сзади, он почти коснулся носом её волос и вдохнул их чудесный сладчайший запах. Почувствовал нежнейшее щекотание на своём лице её волос и с замершим сердцем отстранился, опасаясь, что она обернется и взглянет на него. Он надавил на поручень своими сильными руками, оттеснил толпу от Насти, и тотчас же в образовавшийся просвет протиснулась её подруга, и Сергей повернулся спиной к девушкам, словно готовясь к выходу.

В тот день он, счастливый, ворвался к себе домой, увидел сестрѐнку Катьку за столом, за компьютером, подскочил к ней и поцеловал в затылок. Волосы у неё пахли точно так, как у Насти. Он подумал, что просто запах волос девушки остался с ним навсегда, и стал, смеясь, целовать сестрѐнку в голову, в её такие же нежные и мягкие волосы.

Сестрѐнка тоже засмеялась, закрутила головой, приговаривая:

— Ой, щекотно, щекотно!

Катьке было двенадцать лет. Она почему-то больше дружила с ним, старшим братом, которому недавно исполнилось двадцать лет, чем с младшим — шестнадцатилетним Вовкой.

— Ты чо, влюбилсн? — повернулась к Сергею Катька, глядя на него горящими чёрными глазами.

— Какая ты догадливая! — воскликнул радостно Сергей, и ему снова захотелось поцеловать сестрѐнку в её вспыхнувшие от радости щѐки.

— Она красивая?

— Очень-очень! И волосы у неё пахнут ковылѐм.

— А как пахнет ковыль?

— Так же, как ты.

— А почему ковылѐм?

— Потому что она с далѐкого севера, оттуда, где растѐт ковыль и гуляют олени. Они с удовольствием вдыхают запах ковыля, а потом едят его. А зимой олени копытами раскапывают снег, вдыхают сладчайший запах и думают, как чудно пахнет ковыль, прямо как волосы Насти Ковылёвой.

— Значит, её зовут Настя? — засмеялась сестрѐнка.

— Да, да. Это самое чудесное имя в мире.

— А зачем ты врѐшь? — серьёзно спросила Катька.

— Откуда ты взяла?

— На севере растѐт не ковыль, а ягель. Это его олени зимой раскапывают и едят. А ковыль растѐт в южных степях и совсем не пахнет, — назидательно сказала сестрѐнка.

— Какая ты у меня умная! — Сергей не удержался и расцеловал Катьку в обе щеки, представляя, что целует он не сестру, а Настю.

— Она с тобой учится? — продолжала расспрашивать Катька.

— Нет, она из другого университета.

— Она знает, что ты её любишь?

— Нет.

— Почему? — удивилась Катька.

— Откуда ей знать!..

— Сам скажи.

— Как же я ей скажу? Подойду и ляпну: “Я тебя люблю!”

— Ну да.

— А если она ответит: “А я тебя нет”?

— Нет, она так не ответит... Это же ты! Разве можно тебе так сказать? Если мне мальчик скажет, что он меня любит, я ему сразу отвечу, что я его тоже люблю.

— А если он тебе не нравится?

— Ну, тогда... тогда... — растерялась Катька.

— Ну, вот видишь!

— А ты ей напиши “ВКонтакте”, задружись, а потом скажешь, — указала Катька на компьютер.

— Это мысль.

— А как ты с ней познакомился?

— Андрей познакомил... — Сергей не стал говорить сестре, что Настя даже не догадывается о его существовании.

— Андрей у тебя хороший друг, — с удовлетворением подтвердила Катька.

— Ну да, — согласился Сергей, со стыдом вспоминая, как Андрей пытался знакомить его с девушками. — Это ты поставила? — спросил он совсем иным тоном, увидев на своём столе маленькую ёлочку, сплетённую из тонкой медной проволоки с нанизанными на неё маленькими бисеринками зелёного и голубенького цвета. Ёлочка стояла в маленьком пластмассовом стаканчике, наполненном застывшим воском.

— Я... Я нашла её в чулане... Ты её так любил, — удивилась его суровому тону Катька.

Сергей взял ёлочку и хотел выбросить в мусорное ведро, но вдруг вспомнил Настю и приостановился. Ёлочку эту сплела и подарила ему на Новый год Кристина, ещё до армии. Да, действительно, он любил держать эту ёлочку в своих руках, разглядывать, представляя, как тонкие пальцы Кристины нанизывают бисер на проволоку, как плетут ветки ёлки, скручивают ствол, закрепляют его в расплавленном воске. Эти видения вызывали томительную нежность в его душе, умиротворение.

Он даже хотел взять ёлочку с собой в армию, но побоялся там её смять, разрушить. Оставил дома дожидаться его. Ёлочка его дождалась, а Кристина нет. Тогда он выбросил ни в чём неповинную ёлочку в чулан, а теперь хотел выкинуть в мусорное ведро. Но вспомнив о Насте, так похожей на Кристину, передумал, почудилось ему, что не Кристина сплела эту ёлочку, а Настя. Не Кристину теперь будет напоминать она, а Настю. Сергей поставил ёлочку на свой стол.

Вечером на тренировке в университетском спортзале Сергей был особенно гибок, быстр, лёгок. Шпага в его руке была неутомима и точна. Тренер обратил на это внимание, и когда Сергей в очередной раз сделал точный укол сопернику, крикнул на весь зал:

— Вот как надо работать!.. Лёша, — позвал он самого лучшего фехтовальщика университета Алексея Чекмарёва, — поработай с Сергеем. На полном серьёзе! — предупредил он обоих студентов. — До пяти уколов. Я судить буду!

Все студенты прекратили тренировку и окружили дорожку, на которой напротив друг друга приготовились к схватке Сергей с Чекмарёвым. Редко когда удавалось Сергею на равных сражаться с Алексеем, но сейчас он был уверен в своей победе. Ему казалось, что Настя наблюдает за ними, болеет за него, и он старался не подвести её. Первый укол он нанёс мгновенно, едва шпаги их коснулись друг друга. Алексей откинул шлем и усмехнулся.

— Держись! — сказал он.

Но и второй укол не заставил себя долго ждать. Зато когда сошлись в третий раз, Алексей сражался яростно, словно на кону стояла его честь, и всё же он не смог коснуться первым гибкого и быстрого Сергея. Пропустил снова. Проиграл он вчистую.

— Что-то ты тяжёл сегодня, — недовольно глянул на Алексея тренер.

— Я не тяжёл, это он... Что-то с ним сегодня... — огорчённо кивнул Алексей в сторону Сергея.

— Работает парень, — ответил тренер и обратился Сергею: — Молодец, Серёга! Будешь так стараться, на Универсиаду поедешь ты, а не он.

Сергей правильно понял, что тренер говорит так, чтоб поддеть Алексея, заставить его тренироваться активней.

Ночью Сергей не спал, вспоминал то бой с Алексеем, то Настю в автобусе, то день, когда он впервые увидел девушку.

В тот день друг его Андрей хотел познакомить Сергея с Наташей, студенткой из Шолоховского университета, которая составляла какой-то молодёжный журнал. Андрею нравились стихи Сергея, и он уговорил его пойти вместе с ним к той студентке, показать стихи. Сергей не хотел идти, стеснялся, говорил Андрею, если уж тот хочет показать его стихи, пускай сам

передаст те, что ему нравятся. Но Андрей упёрся: “Нет, отдашь сам, заодно познакомишься с Наташкой. Она очень энергичная, заводная девчонка”.

Войдя вместе с Андреем в аудиторию университета, где собрались друзья Наташки, Сергей прошёл вглубь помещения, сел за стол и стал прислушиваться к разговору. Студенты распределяли роли в журнале: кто на какую тему напишет статью в ближайший выпуск. Наташка оказалась маленькой щупленькой девчонкой, действительно шустрой, заводной. Говорила быстро, строго и в то же время очень точно и чётко.

Настя Ковылёва сидела позади всех, на другом ряду, сидела молча, видимо, она уже получила задание. Сергей взглянул на неё сбоку, когда она поправила свои длинные прямые волосы, лежащие на плечах, и вздрогнул, похолодел, приняв её за Кристину, у которой была точно такая же густая чёлка, закрывающая лоб до самых бровей. И волосы у Кристины были приятного тёмно-каштанового цвета.

Сергей стал искоса наблюдать за девушкой, так похожей на Кристину. Сердце у него тревожно ныло. “Хорошо, что сижу слева от девушки, — мелькнуло в голове. — Лицо у неё серьёзное, умное. Наверно, отличница!” — Наташка в это мгновение вдруг обратилась к нему, спросила, как его зовут, с какого он курса, почему она его видит впервые и на какую тему он будет писать в журнал? Сергей смутился, замялся, промямлил, что он из университета культуры, что принёс стихи и впервые слышит, что нужно писать какие-то статьи.

— Оставишь мне стихи, посмотрю, — уверенно и властно сказала Наташка и повернулась к другому студенту.

Может быть, и не осталась бы в его памяти Настя Ковылёва, несмотря на то, что она была так похожа на его бывшую девушку, которая, провозжая его в армию, клялась, что дождётся его, если бы не шутка одного из парней. Не помнится теперь, что это была за шутка, но все ребята засмеялись, и Сергей увидел, как оживилось, преобразилось лицо серьёзной девушки с длинными волосами, как вспыхнули, блеснули её глаза. “Нет, она совсем не похожа на Кристину!” — душу Сергея в этот миг вдруг охватил непонятный восторг, словно с ним случилось что-то необыкновенно хорошее. В тот день Сергей даже имени девушки не узнал. Закончили разговор студенты и разошлись. Стихи он оставил Наташке.

Вечером он лежал в постели, вспоминал энергичную Наташку, разговор в аудитории, а перед глазами всё стояло лицо девушки с чёлкой в тот миг, когда оно озарилось непонятным светом. “Нет, она совсем не похожа на Кристину! — повторял и повторял про себя Сергей. — Она очень серьёзная! Она не могла бы, как Кристина, назвать его Жареным! Нет, не могла!”

И утром лицо девушки не выходило у него из головы. Днём в университете он не слушал лекцию, по-прежнему видел перед собой лицо девушки и разговаривал с ней. По дороге из университета домой Сергей, смущаясь, спросил у Андрея:

— Ты всех шолоховцев знаешь, с которыми встречались вчера? Как зовут девушку с чёлкой и длинными волосами?

— Да, симпатичная девчонка, — ответил Андрей. — Но я таких не люблю, слишком серьёзная. Мне пока нравятся легкомысленные. А ты бы мог найти с ней общий язык, — уверенно сказал Андрей. — Узнать, как её зовут?

— Брось. Это я так... — пробормотал Сергей.

— Узнаю, узнаю.

В тот же вечер Андрей позвонил ему и сказал, что зовут ту девушку Настя Ковылёва, она студентка второго курса.

И снова Сергей весь вечер думал о Насте. Запершись в ванной комнате, с тоской разглядывал в зеркале свою уродливую правую половину лица: изрытую глубокими шрамами щёку, скошенный вниз уголок рта так, что виднелся зуб и красный с опущенным вниз веком глаз. Когда он улыбался, зубы справа открывались полностью. Не улыбка, а неприятный оскал. Сергей, зная это, старался улыбаться сомкнутыми губами, никогда не хохотал от души. Поэтому все его считали сдержанным, серьёзным человеком.

“Разве можно полюбить такого человека? — с отчаянием думал он. — Разве может Настя обратить на него внимание? Не полюбить, нет. Просто пройтись с ним за руку. О, какое это счастье — держать в своей руке руку девушки, чувствовать её нежно-бархатистую кожу, беззащитные пальцы, ласкать, перебирать их тонко и бережно! И как недостижимо это счастье для него. Урод! Настоящий урод! Только горба не хватает. Даже у Квазимодо лицо было приятней...

“Жареный!” Да-да, Жареный, тысячу раз права была Кристина, когда порвала с ним сразу после его возвращения из Чечни! Разве можно целовать эту уродливую щеку? Стошнит! Зачем его спасли? Лучше бы он остался дожариваться на броне, пока не сгорел бы совсем!”

Всплыло в памяти, как он, с тревогой вглядываясь в придорожные кусты, покачивался на броне катившего по горной дороге БТРа рядом с шестерыми солдатами из своего отделения и как из этих кустов затрещали автоматные очереди. Четыре пули мигом прошли его насквозь, и он сразу потерял сознание, распластался на броне. Он не слышал выстрела гранатомёта, не чувствовал, как подпрыгнул, взорвался под ним и вспыхнул бронетранспортёр. Сергей лежал, прижимался щекой к броне, которую с каждой секундой накалял изнутри огонь.

Когда после боя сняли его с брони, правая щека его сгорела до кости. Почти год пролежал он в больнице, несколько косметических операций пережил, но так и остался уродом.

Вспомнилось, как Андрей хотел, чтоб и он, наконец, побыл в близких отношениях с девушкой. Привёл двух легкомысленных девчат. Когда посидели, выпили, насмеялись над шутками говорливого Андрея, тот подхватил свою девицу на руки и сказал, смеясь:

— Мы в спальню, а вы тут располагайтесь. Мы надолго.

Сергей, оставшись наедине с девушкой, не знал, как подступиться к ней, что говорить, что делать. Когда он смущённо и ласково прикоснулся к её руке, проговорив: “Какая у тебя нежная рука!” — девушка резко отдёргнула руку, выскочила из-за стола и бросилась в спальню к подруге и Андрею. Сергей слышал, как она быстро и нервно прошептала им:

— Не могу я! Не могу я с этим уродом!

Сергей, услышав это, выбежал из квартиры.

Утром его долго утешал Андрей, говорил, что та девка полная дура, ни одной извилины, обижаться на такую — самому дураком быть.

— Давай возьмём девушек лёгкого поведения? — предложил он.

— У тебя, что крыша поехала, да? — буркнул в ответ Сергей.

— Чо тут такого? Мы не один раз брали. Среди них есть такие симпатяжки. Плачу я. Позовём ко мне.

Андрей уговорил его, но вышло ещё хуже, чем с теми девицами.

“Урод! Жареный! Кристина права!” — с тоской думал Сергей, разглядывая себя в зеркало.

Ночью он впервые тихо заплакал от отчаяния. К утру смирился. “Пусть так, пусть! Разве не счастье просто видеть Настю издалека? Я никогда не умел свою любовь выразить словами, даже когда уходил в армию, не сумел ярко высказать Кристине свою любовь. Но ведь тому, кто любил и был любим, счастье и сама память о любви. Глубокая печаль и раздумья о том, что в памяти друг дружки мы останемся навсегда молодыми и счастливыми, если бы не внешние обстоятельства, которые разлучили нас”.

Утром он поехал не на лекции, а в её университет. Неожиданно спокойно прошёл в здание с толпой студентов, спешащих на лекции, узнал, в какой аудитории второй курс, и стал ждать в коридоре у окна, когда будет перерыв, притворяясь, что читает книгу. Когда студенты хлынули в коридор, он, делая независимый и спокойный вид, пошёл навстречу студентам, острым взглядом окидывая их исподтишка.

И вдруг словно взрыв вспыхнул в его груди. Настя шла навстречу, повернув голову к подруге, которая что-то говорила ей. С трепещущим сердцем и ватными ногами прошёл Сергей мимо, держась с левой стороны, чтобы она

не увидела его уродливую сторону лица. Счастливый, слетел по лестнице вниз, к выходу из здания.

Он видел её! Она шла мимо, и он чуть не коснулся её плеча! Сергей долго ещё чувствовал лёгкое движение воздуха, которое шло от неё, когда она легко и быстро проплывала мимо.

Так он стал частенько ездить в Шолоховский университет, чтоб увидеть её. Несколько раз был с ней в одном автобусе, и однажды его притиснуло к ней так, что он носом коснулся её волос, вдохнул их сладчайший запах и почувствовал нежнейшее прикосновение её волос к своему лицу.

Услышав совет сестрёнки написать Насте письмо в социальной сети, Сергей удивился, почему он не додумался до этого сам. Ведь туда можно вообще не ставить свою фотографию или поставить какого-нибудь красавца. Нет, лучше ничего не ставить. И он зарегистрировался “ВКонтакте”, но не сразу нашёл Настю Ковылёву, она представлялась там как Насты́ка Ковылёва. Это домашнее “Насты́ка” тронуло его нежностью, почему-то появилась надежда, что они могут подружиться, просто подружиться. Он хотел посмотреть на её фотографии. Но все данные её были открыты только друзьям. И он предложил ей себя в друзья. Ответ от неё пришёл быстро. Настя спрашивала:

— А мы знакомы?

Что ей ответить? Она-то с ним не знакома. Это он знаком с ней. Это его даже запах её волос сводит с ума. Но она видела его тогда, у Наташки, когда он приносил стихи, слышала, как он называл своё имя, и Сергей ответил кратко:

— Да.

— Что-то я не припомню, сорри. Не напомните?

Он ответил. Она, конечно, не запомнила его. И они стали переписываться. Было это в последние дни летней сессии. А после экзаменов Настя написала ему, что уезжает в Латвию работать вожатой в лагере.

Как он мучился ночами, представляя, как обнимает её сейчас на берегу моря под лёгкий шум набегающих на песок волн какой-нибудь ловелас-красавчик! “Пусть, пусть! — уговаривал он себя. — Ведь такое счастье не для него. Ему бы хоть изредка видеть её издали. И это невыразимое счастье! А она пусть будет счастлива так, как хочет и с кем хочет! Ему никогда не касаться даже пальцев её руки”.

В августе, когда Москва изнывала от жары и была вся окутана дымом лесных пожаров, Настя вернулась в Москву и сама написала ему. Между строк он читал, что она здорово провела время в Латвии, что радость распирает её и ей нужно с кем-то поделиться. И Сергей расхрабрился, написал ей: “Ты знаешь, а я на прошлой неделе стал победителем межвузовских соревнований! Я — фехтовальщик. Тренер говорит, что у меня реальный шанс попасть на Универсиаду! Давай встретимся, поедим мороженого в “Макдоналдсе”, и ты расскажешь мне, как тебе работалось в Латвии”.

Настя сразу согласилась встретиться у памятника Пушкину, посидеть в “Макдоналдсе”.

И вот он ждёт её, поглядывает на часы, на Пушкина, который стоит к нему спиной, смотрит на выход из подземного перехода, словно тоже ожидает, когда появится Настя. И появится ли вообще? Часы показали пять, время встречи. Сердце Сергея заколотилось сильнее. “Нет, — думал он. — В пять она не придёт. Минут на двадцать опоздает”. И в то же мгновение он увидел Настю. Она легко, стремительно выскочила из перехода к памятнику, огляделась и остановилась спиной к нему метрах в пяти от памятника. Он встал и быстро пошёл к ней, чувствуя, как ноги его слабеют и начинают мелко дрожать.

Сергей подошёл к ней сзади, закрыл своё лицо букетом роз и проговорил тихо, дрожащим голосом:

— Настя!

Она обернулась. Он видел сквозь цветы, как лицо её радостно вспыхнуло, озарилось точно так, как в аудитории, когда он впервые увидел её. И точно такой восторг, как тогда, охватил его, он забыл, что улыбаться на-

до сомкнутыми губами, улыбнулся от души, протягивая ей цветы, и с ужасом увидел, как лицо Насти мгновенно изменилось, словно вместо цветов он протянул ей лягушку. Разочарование и отвращение на миг отразилось в её глазах, но она быстро взяла себя в руки и улыбнулась уже дежурной улыбкой не ему, а цветам, говоря:

— Какие прекрасные розы!.. Ну что, пошли есть мороженое.

И пошла впереди него. Он шёл следом, с тоской и нежностью разглядывал её полуоткрытую спину, короткие шорты, стройные и загорелые до черноты ноги.

В “Макдоналдсе”, стоя в небольшой очереди (Настя ожидала его за столом), Сергей немного успокоился, принял как должное то впечатление, которое он произвёл на Настю. Подошёл к столу с подносом с бодрым видом и с полуулыбкой:

— Ну что, рассказывай, как ты мучила детей в “Альбатросе”! (Так назывался лагерь, где работала Настя.)

— Ой, — наигранно бодро воскликнула Настя. — Три дня можно рассказывать. Столько событий, столько интересного!

Она стала рассказывать, как они с детьми бывали в Юрмале, в Риге, как ездили в Эстонию, в Таллин. Рассказывала Настя с восторгом, глаза её снова загорелись, и она даже стала изредка отрывать взгляд от мороженого, на миг взглядывая на него. А Сергей любовался ею, стараясь скрыть тоску, охватившую его. Но чем больше Настя говорила, чем чаще взглядывала на него, тем глуше становилась тоска, затеплилась надежда, что пусть не любовь, пусть дружба возникнет между ними после этой встречи, и они изредка будут встречаться в кафе, чтобы просто поболтать.

И когда Настя стала рассказывать, как любили её дети, он не удержался, восторженно воскликнул:

— Разве можно тебя не любить! — и невольно коснулся пальцами её руки.

Настя вздрогнула и быстро отдернула руку, словно к её руке коснулись раскалённым утюгом, и умолкла на миг. Сергеем вдруг вспомнилась девица, которая так же, как Настя, отдернула руку, когда он прикоснулся к ней, и убежала в спальню к Андрею. Вспомнилось и почудилось, что Настя сейчас тоже назовёт его уродом. Он мгновенно сжался, ожидая удара. Но Настя сказала другое, не менее страшное для него:

— Да, да, дети там были чудные! И вожатые... да, вожатые... в общем, я в основном пришла сказать... да, сказать... Я там встретила парня... Он тоже студент... студент МГУ... Мы, наверно, с ним поженимся... Он ревнивый страшно. Всех друзей “ВКонтакте” повычёркивал. Я и пришла сказать, — улыбнулась она уверенней, не глядя на него, — что больше мы переписываться не будем.

“Нет у неё никакого парня... обманывать ещё не умеет...”, — глядел на неё Сергей. Ему стало больно до тошноты. Он испугался, что его вырвет прямо здесь, и быстро встал, сжимая себе горло.

— Я сейчас, — выдавил он глухо и заторопился в сторону туалета, прошёл мимо него и выскочил из здания.

По подземному переходу пересёк Тверскую улицу и двинулся по Малой Дмитровке в сторону Садового кольца. Он не думал, куда и зачем идёт, просто быстро шёл, ощущая в ушах шум и непонятно чей истошный тонкий крик: “А-а-а! А-а-а!” И он тоже постанывал в такт крику: “А-а-а!”

Редкие прохожие в дымной Москве оглядывались на него с удивлением. Вдали, там, где кончалась улица, за Садовым кольцом, сквозь плотный дым виднелась какая-то непонятная зловещая тёмная громадина. Она словно нависала над городом, как какое-то мрачное инопланетное существо. Эта громадина манила его к себе, притягивала. И он шёл, торопился к ней, убыстряя шаг. Почти бегом пробежал подземный переход под Садовым кольцом и выскочил по ступеням наверх на Долгоруковскую улицу. Эта зловещая громадина оказалась недостроенным домом. Окон в нём ещё не было. Сергей за чем-то направился к нему через полуоткрытые ворота.

— Эй, ты куда? — крикнул ему сторож из вагончика. — А ну, вернись!

Но Сергей не обратил внимания на его слова, просто не услышал их, влетел в дом и побежал по лестнице вверх, хрустя рассыпанным по бетону песком. Бежал он долго, остановился, когда задохнулся от быстрого бега. Отдышавшись немного, он вошёл в одну из квартир, у которой были только бетонные стены. Вышел на балкон без перил и стал смотреть на проглядывающие сквозь дым крыши домов. Он не знал, что находится на двадцатом этаже. Сердце у него разрывалось в груди от боли, тоска, страшная тоска давила душу. Он сжимал ладонью грудь, пытаясь унять боль. В голове шумело, подташнивало. Дыма здесь, на высоте, было меньше, и было видно мутно-голубоватое небо. И по этому небу летала стая голубей, ослепительно белая на ярком солнце.

“Почему я не родился голубем? — мелькнуло в голове. — Летал бы я сейчас беззаботно над Настинной головой, любовался бы её счастьем со студентом МГУ... когда тот у неё появится... Что меня держит? Я и сейчас могу стать голубем, я и сейчас могу летать над её головой...”

Сергей шагнул с балкона вниз. Последнее, что он увидел, — это летящие навстречу ему бетонные плиты, сложенные в стопу перед домом.

ЮЛИЯ НЕВОЛИНА

БАБЬЕ ЛЕТО

РАССКАЗЫ

ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ЛЕТНЕГО ОТДЫХА

За свои тридцать девять лет Инна так ни разу и не забеременела. Два неудачных брака не принесли желаемого результата. Первый муж — ошибка молодости — оказался алкоголиком, и зачать от него она особенно и не стремилась. Второй — удачный: умница, кандидат наук, встреченный однажды на юбилее подруги, в семейном быту сразу становился невероятно скучным, и, промучившись два года в плену его бесконечных алгоритмов и интегралов, она отказалась от перспективы стать в будущем профессорской женой. Забеременеть, впрочем, не удалось тоже...

Инна хорошо зарабатывала, читая лекции в престижном коммерческом вузе, по вечерам подрабатывала, редактируя статьи для модного глянцевого журнала, и перспектива родить от первого встречного и воспитывать ребёнка одной нисколько не пугала, скорее даже прельщала её. Проблема состояла в отсутствии этого самого встречного. Пытался ухаживать, правда, грузный и не в меру шумный декан факультета физического воспитания — бывший военный, полковник в отставке, “солдафон”, как прозвала она его про себя.

НЕВОЛИНА Юлия Александровна родилась в 1965 году в Перми. Окончила фил-фак Пермского государственного педагогического университета. Работала редактором, корреспондентом. Автор научно-исследовательской работы “Устные рассказы туристических групп как явление современного фольклора” (под фамилией Корабельникова). Дипломант III степени в номинации “Лучшее прозаическое произведение” краевого литературного конкурса “Решетовские встречи”. Член авторской группы издания “Времена. Книга об истории Пермского района”. Составитель учебного пособия для студентов заочной формы обучения “Информационно-экскурсионная деятельность предприятий туризма”. Живёт в Перми.

Но ухаживания были чересчур неловкими, шутки — сальными, а подарки — куцыми...

С нетерпением ждала Инна отпуска, давно запланированной поездки к южным рубежам необъятной страны, к волнам любимого с детства Чёрного моря, в местечко с ласковым названием Лоо, которое острые на язык дамы давно уже расшифровали, как “люблю отдыхать одна”. Одна она, впрочем, ехать не собиралась...

Ещё зимой состоялся у неё с небольшой компанией самых любимых студентов тайный заговор. Накачанные Лоза и Сыромятников с третьего курса уже нашли вечерние шабашки, зарабатывая на июльский послесессионный совместный отдых. Давно ушедший из семьи отец выделил искомую сумму тихому первокурснику Воронихину. “Я тоже поеду”, — уже в марте сказал ей, задумчиво глядя в окно, красивый Михеев, наматывая на указательный палец тугой тёмный локон. “Одним больше, одним меньше, — решила Инна, — пусть едет”. И Михеев занялся поисками работы.

Всю весну избранная молодёжь с азартом обсуждала южный маршрут. А она вынашивала свои собственные заветные планы. Как кто-то едет за южным загаром, незабываемыми впечатлениями, морской волной, так Инна ехала за беремностью, мечтая встретить на кавказском берегу своего пусть уже не принца, но вполне приличного кавалера, завести курортный роман и привезти домой в своём чреве плод сумасшедшей, ни к чему не обязывающей южной любви.

В последние дни июня, к тому времени, когда и студенты, и педагоги уже устали от сессионной лихорадки и сухого, без дождинки, лета, неожиданно увязался с ними декан, и в билетных кассах железнодорожного вокзала был в результате выкуплен в складчину целый плацкарт, включая узкие боковушки.

Задолго до поездки она оговорила свою позицию:

— Присматривать за вами не буду, шпионить тоже. Просто едем вместе.

Табу налагалось на две вещи: водку и одиночное ночное купание. Первокурсник Воронихин по её просьбе принёс в институт разрешающую записку от матери.

В вагоне было жарко. Спустя три часа после отхода поезда она оглядела дислокацию. Декан подрёмывал на верхней полке, напротив него маленький Воронихин уткнулся носом в дешёвый детектив, на нижней боковушке, блестя обнажёнными торсами и играя бицепсами, шумно резались в карты Лоза и Сыромятников, нагло задирая время от времени проходящих мимо девиц. Сидя у окна, наматывая по привычке тёмную прядь на палец, Михеев разгадывал кроссворд. Оставшись в целом довольной своей разношёрстной командой, Инна принялась смотреть в окно, но было скучно, пейзаж оставался по-прежнему знакомым, и она задремала, устроившись поудобнее.

Небольшое волнение вызывала процедура поисков жилья, но устроились на удивление легко: маленькая аккуратная южная старушка сдала им целую дачку, переехав на время к сестре, живущей по соседству, и торжественно вручив в обмен на оговорённую сумму ключи от собственных “апартаментов”, утопающих в зарослях бледной гортензии.

Первое южное утро встретило их пеной прибоя. Устроившись кое-как на успевшей нагретась гальке, она с удовольствием наблюдала, как её голенастые питомцы наперегонки несутся к воде. Декан сразу же оставил их, привязавшись к стайке хорошеющих женщин. Впервые попавший на море первокурсник Воронихин, восторженно искупавшись, теперь бродил по берегу, выискивая и складывая в пакет причудливые камни и блестящие раковины, и расстраивался оттого, что они теряли глянec, высыхая. Глядя с завистью на ярко-красную бандану, по-пиратски завязанную на голове у Михеева, он думал о том, что к следующему лету надо выпросить у мамы такую же.

Июль переваливал за свой экватор, а знойного красавца — потенциального отца её будущего ребёнка — на гребне этого экватора видно всё ещё не было. Пару раз навещал её тёмными южными ночами в меру выпивший декан, но положенного трепета эти встречи не вызывали, и наутро она вычёркивала их из памяти. Тем более что всю вторую половину отпуска декан

поводился ходить за три километра на танцы в посёлок, откуда возвращался под утро с помятым лицом и початой бутылкой домашней непревзойдённой “Изабеллы”, которую допивал за завтраком.

Был, правда, один персонаж, привлекавший её внимание на пляже, — фотограф-шабашник, из местных. Но его всегда окружало такое плотное кольцо почитательниц, что на личное знакомство не оставалось никаких шансов.

В один из вечеров второй половины июля, когда декан ушёл в посёлок, а порочные Лоза и Сыромятников унесли на свидание к очередным красоткам, оставив Воронихина с книжкой на веранде и потеряв из виду смугло загоревшего красавца Михеева, Инна отправилась побродить по берегу. Часа через полтора на пляже она встретила фотографа с девицей. В результате прогулка оказалась скомканной, и в плохом настроении она вернулась назад. Маленький Воронихин сладко посапывал на веранде. Больше в доме никого. Инна приняла душ, с удовольствием подставляя вобравшее дневное тепло тело прохладным струям, вошла в комнату и, завернувшись в простыню, села у открытого окна, в котором на фоне чернильного неба вырисовывались ещё более тёмные силуэты гор.

Глядя на горстеницы, стоявшие в стеклянной банке на тумбочке у изголовья кровати, она вдруг заплакала, сначала тихонько, а потом в голос. И тут же спохватилась, боясь разбудить спящего Воронихина. Но, видимо, плач её был услышан, потому что спустя несколько мгновений по коротенькой деревянной лестнице прошлёпали резвые босые ноги, и в дверь её комнаты тихонечко постучали. Потуже обернув простыню вокруг заметно постройневшего на юге тела, Инна осторожно открыла. На пороге, в неизменной бандане и самодельных шортах с рваной бахромой на коленях, стоял Михеев. К голому смуглому животу он прижимал серый бумажный пакет с неспелыми сливами, вероломно украденными в соседском саду, неосмотрительно примыкавшем к их саду общим забором.

Лицо Михеева являло странный диссонанс. Его челюсти продолжали ритмично жевать жёсткую сливу, а глаза смотрели на неё удивлённо и выжидающе. Автоматическим движением она забрала у Михеева пакет, и он воспринял это как призыв к действию. Так началась её самая романтическая ночь на Черноморском побережье Кавказа. В любовных делах Михеев оказался далеко не новичком, и это спасло Инну от мыслей о собственном греховном падении.

Южные ночи так же темны, как и коротки. Перед самым рассветом её разбудил грохот — это лезли в окно потерявшие ключ Лоза и Сыромятников. Воспользовавшись краткой суматохой, она, обернув себя смятой простыней, выставила полусонного Михеева за дверь. В окно она видела, как Михеев, пробираясь по веранде, с опаской покосился на раскладушку, но Воронихин только повернулся на бок и продолжал сладко спать, подрастая, видя во сне авторитетную жизнь второкурсника. Спустя несколько минут Михеев вернулся на веранду и, бросив взгляд на приоткрытое окно Инниной комнаты, аккуратно повесил красную бандану на спинку стула в изголовье спящего Воронихина.

С утра неожиданно пошёл дождь, уныло молотивший по крыше всю последнюю неделю июля, и о продолжении внезапно вспыхнувшего романа можно было забыть. Компания изнывала на веранде. Задрав босые ноги на потемневшие от дождя перила, Лоза и Сыромятников шлёпали картами по колченогому столу, мечтали о хорошей погоде и посещении напоследок случайно обнаруженного в пяти километрах от посёлка нудистского пляжа. Воронихин в красной михеевской бандане на голове бесконечно перебирал свои сокровища, не переставая громко удивляться причудливым очертаниям омытой волнами веков черноморской гальки. Из благодарности он старался держаться поближе к Михееву. В своей комнатухе декан отсыпался за все предыдущие ночи.

Бросающееся волнами море было прекрасно и в дождь, и Инна, взяв зонт, часами бродила по побережью. Иногда с ней увязывался Воронихин, и они подолгу любовались мокрыми блестящими спинами дельфиновых супружеских

пар, синхронно мелькавших над волнами. Пришла пора собираться домой...

Обратная дорога прошла без происшествий. Глядя на Михеева, флегматично жующего синтетическую лашшу, Инна думала: “Чёрт с ним, в сентябре уволюсь”. Воронихина на вокзале встречала бабушка.

Но во второй половине августа неожиданно собралась с мужем за границу одна из Иннинных коллег по институту, и вместо увольнения ей пришлось взять дополнительную нагрузку.

Отношения с деканом продолжались. Тяжело, туго, но тем не менее продолжались. В институте знали об этом, кто-то одобрял, кто-то тайно и мрачно завидовал: преимущественно женский коллектив по-разному воспринимал эту сторону её жизни, ревнисто следя за развитием событий. И, вероятно, поэтому никого не удивил аккуратный животик, в положенный срок приятно округлившийся под джинсовой материей просторного сарафана.

Наступили и промчались новогодние праздники, оставив за собой шлейф новомодных рождественских каникул, которые она посвятила приятным прогулкам, пешим походам по магазинам в поисках приданого маленькому, мельчайшим тонким переменам в квартире. Декан звонил ей несколько раз, поздравлял с Новым годом, с наступающим Рождеством — к встречам с ним она особенно не стремилась. На исходе затянувшихся праздников он нагрел сам, лично, без звонка, источая аромат дорогого одеколона, шелестя букетным целлофаном. “Жениться пришёл”, — догадалась она, со свадьбой не поспешила, но и не стала отказываться от неуклюжего предложения, отложив, однако, церемонию на потом, на после рождения сына. То, что будет именно сын, она узнала уже давно, ещё на третьем месяце плавно протекавшей беременности, и имя тоже давно придумала — Александр, Шурик...

Вопреки ожиданиям, декан оказался заботливым и уютным, с удовольствием занимался ребёнком, и спустя год она уже сидела за давно заброшенной диссертацией. Отрываясь от очередной главы, она искоса наблюдала, как декан, присев на корточки, играет с Шуриком. Вцепившись ручонкой в бортик кровати, малыш радостно улыбался миру, гуляя пухлыми пальчиками в рано пробившихся тёмных кудряшках...

БАБЬЕ ЛЕТО

Сон, этот странный, тревожащий душу сон, забывающийся днём, вечерами возникающий в сознании с новой ясностью, а ночь за ночью повторяющийся с пугающей чёткостью в подробностях...

Чей-то чужой, неизвестно кому принадлежащий, чрезвычайно запущенный садовый участок. Собственно — целина, и теряющиеся среди высокой травы одичавшие заросли разноцветного водосбора. Всё это тяжёлое, мокрое, насквозь пропитанное водой. И с трудом бегущие, путающиеся во всем этом великолепии ноги — мои ноги, в грязных кроссовках и мокрых джинсах, но определённо мои...

Оксана. Оксана Свиридова. Не самое затасканное сочетание звуков, не самое потёртое имя. После замужества возник соблазн усовершенствовать его, придать имени шарм и элегантность: добавить к собственной фамилии редкую и благозвучную фамилию мужа — Гросс. Свиридова-Гросс... Но ностальгия по далёким студенческим и ещё более далёким школьным годам остановила. Оксана Свиридова. Именно так звали меня в мокрогоубом детстве и шальной, не поддающейся тормозам юности. Так тому и быть. Тем более, что Андрей Гросс, сомнительно скрашивая моё существование в течение четырёх лет, исчез в неизвестном направлении, и единственным напоминанием о нём была присланная однажды, очевидно, по недоразумению, куцая поздравительная открытка к Новому году, написанная с двумя легкомысленными орфографическими ошибками. Расставаться тогда было нестрашно, даже весело. Всё это немного напоминало авантюру, фарс. Двадцать шесть лет: какие могут быть сомнения! Двадцать шесть: вся жизнь впереди, десятки гроссов, ещё не встреченных мною. “Мерзавец, ты испортил мне жизнь”, — красивые, громкие, приличествующие случаю фразы.

Сейчас мне сорок один, и из передовицы центральной газеты я узнаю, что Андрей Гросс, нет, не депутат ещё, но кандидат в депутаты, полный сил и энергии, и трогательной заботы о слабых мира сего, подающий большие надежды. Но всё это — уже его жизнь, не моя. У него новая семья, у него подрастает дочь, там, далеко, в российском “туманном Альбионе”, в “городе на Неве”.

Проходит ещё год, и в той же газете я читаю, что поздним вечером девятого сентября в подъезде своего дома на Фонтанке депутат Андрей Юрьевич Гросс был застрелен неизвестным. Следствие ведётся, версии уточняются, соболезнования приносятся...

Год от Рождества Христова две тысячи второй. Мне сорок два, и я даю себе торжественную клятву, достойную безумца: лет десять ещё подожду, этак года до две тысячи двенадцатого, а потом — простите, жизнь не сложилась, она покатилась под откос, бессовестно показав мне кукиш, вильнув опущенным кучехвостым задом. “Мерзавец, ты испортил мне жизнь!”

Я иду по осеннему парку, его самой дальней, дикой части, плавно переходящей в лес. Под ногами похрустывает успевшая пожелтеть и пожухнуть хвоя. Такие вот одинокие прогулки пешком всегда помогали мне отвлечься, скинуть со своих не по-женски прямых плеч тяжёлый груз мрачных мыслей. Особенно, когда лес чист и прозрачен, когда летят в воздухе почти невидимые глазу легчайшие паутинки, когда на голове у меня, как сегодня, привычный красный берет, плечи согревает когда-то вызывающее, а сейчас — поношенное и просто любимое пончо, а волосы забраны в струящийся на спину из-под берета легкомысленный “конский хвост”.

Но сегодня ритуальная прогулка не возымела действия. Мне по-прежнему грустно, мне жаль Гросса, жаль его дочь, подрастающую в далёком Питере, жаль даже его жену, наверняка натуральную блондинку. Он всегда любил блондинок. И я, чтобы доставить ему удовольствие, однажды покрасила волосы, осветлилась, полностью обесцветила свои тёмно-русые кудри, отчего кожа лица сразу приобрела нездоровый синюшный оттенок.

Собственное равнодушие к печальной судьбе бывшего супруга поражает меня, трогает настолько, что я принимаюсь шмыгать вмиг покрасневшим носом и даже, что совсем уж удивительно, чувствую пощипывание в глазах. Я прощаю ему всё и сразу: четыре года безденежья и постоянных склок, редкие походы “налево” и даже аляповатую открытку с двумя орфографическими ошибками. Я не сомневаюсь, что если сейчас кто-нибудь взялся бы утешать меня, успокаивать, я бы заплакала, заревела бы в голос, но рядом — на счастье — никого нет.

Но вот аллея делает крутой поворот, и, пройдя ещё несколько шагов, я убеждаюсь, что вокруг не так уж и бесплодно: за поворотом, метрах в десяти от себя я вижу парня с доберманом. Парня лет двадцати семи, в яркочерной куртке и чёрной бейсболке, надетой козырьком назад, добермана шоколадной масти, поджарого и очень красивого, с палкой в зубах. Очевидно, он только что принёс её своему хозяину. Очевидно, ему не терпится услышать команду “апорт”, увидеть, как, взлетев, палка описывает дугу в прохладном прозрачном воздухе, и стремглав бросится за ней, выразив этим ещё раз свою покорность и готовность к действию.

Пара эта до того хороша, что я на миг забываю о Гроссе и, заворожённо глядя на парня с собакой, сую руку в карман парка в поисках сигарет, достаю из пачки последнюю, пачку комкаю, но не решаюсь бросить на землю, а засовываю обратно в карман. Со спичками мне везёт меньше. Их нет: нет в карманах куртки, нет в джинсах, и я замираю в недоумении, словно эта ничтожная досадная деталь способна ввести меня в ступор, а ноги сами делают шаги вперёд. Те несколько шагов, что нас разделяют, — я не замечаю их, я приближаюсь, и вот уже около моего лица вспыхивает огонёк зажигалки.

По пути домой я убеждаюсь, что оба они ещё очень молоды, полны энергии и жадны до жизни, до всех её радостей и открытий. И трогательно наглы. Это первое из открытий, и поджидает оно меня в тот же вечер в подъезде моего собственного дома, куда следом за мной протискиваются они оба, навязавшись в провожатые. Вторым открытием становится его имя: Сергей.

Вскоре я узнаю, что числится он студентом-заочником, но учится вяло, очевидно, как он сам говорит, “перезрев” к своим двадцати семи годам. Двадцать семь — самое время поохотиться на разменявших пятый десяток простушек. Тем более, если простушки эти смотрят на тебя широко распахнутыми глазами.

Его двадцать семь и мои сорок два, как ни странно, сливаются в неплохой тандем, удививший и напугавший меня в равной мере. Как бы там ни было, вскоре мы уже встречаемся достаточно часто, чтобы я успела привязаться и к нему, и к его собаке. И впервые после разрыва с Гроссом я вспоминаю, что можно задохнуться от возможности счастья, полноты жизни и прозрачности бытия. И ещё: во мне поднимает голову никем не разбуженный раньше материнский инстинкт, и страстно хочется творить, лепить из молодого бойфренда личность незаурядную и интересную, женским чутьём угадывая, что под этой хамоватостью и внешней беспечностью скрываются острый ум и хорошее чувство юмора.

С началом лета и дачного сезона встречи наши принимают новый характер: теперь мы проводим время не так часто вместе в моей городской квартире, а всё больше на садовом участке, куда нас неизменно сопровождает Донна. Несмотря на полную, стопроцентную причастность к сословию городских жителей, Сергей довольно ловко обходится и с топором, и с лопатой.

В общем, всё идёт прекрасно, если бы не повторяющийся с завидной регулярностью мой отчаянно-цветистый влажно-напористый сон. Сон, объяснения которому я не нахожу. В ночь перед нашей очередной поездкой на дачу он вновь снится мне. Я уже привыкла к нему, он перестал меня пугать, но в эту ночь в нём появляется нечто новое. Чьё-то тяжёлое, хриплое дыхание, почти всхлипы, словно бы за моей спиной, но в то же время повсюду.

Наступившее солнечное утро, толпа дачников в автобусе, толпа дачников в электричке напрочь выгоняют из моей головы мокрые туманные ошметки давешнего сна.

Сергей удивляет меня снова огородным рвением и способностью к работе в саду, казалось бы, незатейливой, но требующей особых знаний и сноровки. В доме я накрываю живописный стол для ужина, расцвеченный зелёными перьями лука и красными боками помидоров. В центре на почётном месте красуется кастрюля горячей свежесваренной картошки. Тут же рядом громоздятся кувшины с лохматыми астрами. В ожидании, пока Сергей наносит с недалёкой колонки воду в бочку, стоящую за стеной покосившегося сарая, я, смущённая непричастностью к работе в собственном саду и не испытывающая ни малейшего желания полоть основательно заросшие морковные гряды, вызываюсь прогуляться с изнывающей Донной.

С наслаждением, написанным даже на узкой морде, собака втягивает носом сочный лесной воздух. Поначалу опасно косясь на оставшегося на огороде хозяина, вскоре она покорно идёт со мной, вслушиваясь, склонив чуткую голову, в щебетание загородных птах. Мы отходим уже довольно далеко, как вдруг из неожиданной тучки начинает моросить дождь.

Преодолев ещё несколько десятков метров, мы попадаем на дальнюю окраину дачного посёлка, в незнакомую мне часть его, плавно переходящую в лес. Там, в этом лесу — где-то в самом его сердце — неожиданно раздаётся выстрел. Напружинясь всем своим грациозным телом, Донна залиисто лает и, резко подавшись вперёд, вырвав спасительный поводок из моей не ожидавшей такого подвоха руки, бросается к недалёким берёзам. Я бегу за ней, крича, взывая к собачьему благоразумию, но она коричневой тенью петляет между стволов, постепенно скрываясь из виду. В полном отчаянье озираясь вокруг, я пытаюсь сориентироваться, и щемящее чувство дежавю охватывает меня. По колено сырая от успевшей намочнуть травы, со спутанными волосами, тяжело дыша, я стою в середине своего собственного кошмарного сна и уже вижу между собой и маячащим впереди лесом разноцветные венчики водосбора.

В лесу вновь кто-то стреляет, этот звук заставляет меня очнуться и бежать на поиски, но прямо в середине цветочных зарослей я цепляюсь грязной кроссовкой за брошенную кем-то проволоку и падаю, ударяясь грудью

о землю. Водосбор спасает меня. Не расти он так плотно и густо, удар мог бы быть гораздо сильнее. Но он и сейчас силён, силён настолько, что что-то гулко ухает в груди, и я на миг забываю о том, как дышать. “Забыл, как дышать — умер”, — некстати приходит на память дурацкая строчка из глупого анекдота. Проклиная всё на свете, я стенаю поднимаюсь, сначала на четвереньки, потом уже в полный рост и, бросив безнадежный взгляд в сторону враждебного леса, ощипывая с мокрой одежды прилипшие синие и розовые лепестки, плетусь в сторону дачи, заранее ужасаясь от неизбежности встречи с Сергеем.

— Дура, — кричит он, кривя красивый капризный рот. — Как ты могла упустить её! Ты не понимаешь, что она для меня, тебе никогда не понять! Да ты знаешь хотя бы, чего стоит такая собака? Дура!

“Хорошо хоть, не старая дура”, — успеваю подумать я в тот миг, как он опускается на крыльцо и начинает размазывать по щекам самые что ни на есть взаправдашные слёзы, совсем не мужские, а очень детские и очень искренние. Ещё до того, как он срывается с крыльца и бежит в сторону леса, я думаю о том, что обо мне, вероятно, никто никогда не будет так горевать. Но он бежит, и сгущающиеся сумерки уже скрывают его фигуру. А я слышу только отдалённый голос, призывающий Донну.

Спустя приблизительно час он возвращается один, без собаки. Ни слова не говоря, бросает свои вещи в сумку и уходит, теперь уже в сторону станции. “Пропади пропадом, дура”, — говорит вся его фигура, и мне не приходит в голову ничего другого, как протянуть ему фонарь, который он с ожесточением отбрасывает. Ни в чём не повинный фонарик катится под уклон по слегка кривоватой капустной грядке и прячется под широким листом, смирившись со своей участью. Силуэт Сергея исчезает, растворяясь в темноте, и я остаюсь одна.

Разгулявшийся не на шутку ливень, отчаянье, даже страх доводят-таки меня до слёз. Сначала потихоньку, а потом всё громче я начинаю всхлипывать, жалея себя — бедную несчастную дурочку, умирая от жалости к себе. “Всё, вот доживу до две тысячи двадцать какого-нибудь...” Мои всхлипы отражаются от стен в пустом и гулком доме, принимая странный резонанс, пока я не понимаю, что к ним примешивается ещё какой-то, проникающий извне, странно-знакомый, созвучный им шум.

Найдя в полной предрассветной тьме на ощупь дверь на веранду, я чуть приоткрываю её, но в тот же миг она распахивается шире, гораздо шире под напором чего-то тёмного, упругого и мокрого. Изображая раскаянье всем: грязной, пахнущей псиной шерстью, испуганными глазами, ушами, горизонтально прижатыми к узкой голове, — в дом вваливается Донна, бросает передние лапы мне на плечи, оставляя на рубашке грязные следы, облизывает тёплым слюнявым языком моё лицо и тут же шумно отряхивается. Брызги воды и грязи летят повсюду, попадают на постель, на обои, на обеденный стол с безнадежно остывшим нетронутым ужином, но я не сержусь, я смеюсь и плачу одновременно, обнимая собаку, целуя её в виновато вздрагивающую мокрую нюхалку.

Наконец, измученные радостью встречи, мы укладываемся вместе на одну постель. Тело собаки вздрагивает от предутренней прохлады, от пережитого ужаса. Я обнимаю её, пытаюсь согреть и успокоить. В доме наступает тишина, а откуда-то издалека уже доносятся отчётливо слышные в сыром предутреннем воздухе ранние гудки первых электричек.

И я понимаю вдруг, что эта странная круговерть, именуемая жизнью, на две тысячи двадцать каком-то никак не закончится. Что будет и две тысячи двадцать следующий, и две тысячи тридцать первый... На две тысячи тридцать пятом я перестаю считать: я сбиваюсь, я засыпаю, уткнувшись носом во влажную собачью шерсть.

РОБЕРТ НИГМАТУЛИН

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ: УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Выдающийся академик Иван Петрович Павлов в мае 1918 года свою Нобелевскую лекцию “О русском уме” начал словами:

“Милостивые государи!.. В гнетущее время, которое мы все переживаем, ... у нас должна быть одна потребность, одна обязанность – охранять единственно нам оставшееся достоинство: смотреть на самих себя и окружающее без самообмана... для будущего нам полезно иметь о себе представление. Нам важно отчётливо сознавать, что мы такое”.

И это в 1918 году!

К великому сожалению, у нас привит обычай не договаривать тяжёлую правду.

В частности, в высказываниях официальных лиц часто говорят, что наша страна лучше других преодолевает пандемию коронавируса. Говорят, что за два года в России умерли от ковида 310 тыс. человек. Но это только те, в трупах которых был найден коронавирус. И это только часть правды, потому что дополнительно к умершим с коронавирусом люди умирали от осложнений после того, как ковид был вылечен, а также те, кого не лечили или не долечили от разных болезней из-за перегрузки врачей, поликлиник, больниц и всей системы здравоохранения. И прирост смертности от всех причин за два года (2020-й и 2021 годы) относительно 2019 года по данным Росстата [1, 2] составляет 1 млн человек. По норме доковидного 2019 года за два ковидных (“пандемийных”) года должно было умереть 3,6 млн человек, а умерло 4,6 млн человек, или на 28% больше. И это главная проблема! И это самый худший результат среди европейских и всех развитых стран.

Вместе со здравоохранением наше общество удручено и состоянием образования, науки, всей социальной и экономической сфер нашего Отечества.

После 2011 года уже десять лет мы развиваемся в разы медленнее, чем большинство стран мира. ВВП России на душу населения меньше, чем в Португалии и Турции, в бывших соцстранах (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния) и в странах Прибалтики (Литве и Эстонии).

НИГМАТУЛИН Роберт Искандерович, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, Научный руководитель Института океанологии им. П. П. Шишова РАН, член Президиума РАН, заведующий кафедрой механико-математического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

И при нынешнем экономическом порядке в стране это отставание экономики увеличивается и будет увеличиваться, что будет усугублять тяжёлые проблемы как в социальной и в геополитической сферах, так и в жизни народа, в устойчивости страны.

1. Социальный блок. Правильно сказал Президент РФ В. В. Путин 18 ноября 2021 года: “Социальный блок – важнейший в бюджете страны”.

И вот на важнейшую составляющую этого блока, а именно на здравоохранение, образование, науку и культуру, определяющих перспективы страны, в течение 30 лет Правительство, Госдума и Совет Федерации выделяют в консолидированном госбюджете 9% ВВП, а страны Европейского Союза 20% своего ВВП. И это двукратное в долях ВВП недофинансирование (подчёркиваю, двукратное) по сравнению с Европой происходит в течение 30 лет. И за это расплачивается вся страна.

Президент России Владимир Путин 27 сентября 2021 года назвал четырёх главных врагов России:

- 1) бедность населения,
- 2) проблемы здравоохранения,
- 3) проблемы образования,
- 4) проблемы инфраструктуры.

А 23 декабря 2021 года Президент РФ сказал, что обостряется одна из *важнейших проблем* в сфере *демографии*, потому что “и с гуманитарной, и с геополитической точки зрения, 146 млн для нашей огромной территории совершенно недостаточно и, помимо всего, означает недостаток работников в стране”.

А получили мы “главных врагов” и “важнейшую проблему” в том числе и из-за двукратного *недофинансирования* здравоохранения, образования, науки и культуры в течение 30 лет и плюс из-за нелепых и разрушительных *чиновничьих реформ* и *оптимизации* здравоохранения, образования и науки наперекор мнению учёных.

Поэтому у нас повержено образование, деградирует наука, недостаточны мощности здравоохранения, особенно в регионах. Поэтому у нас среди европейских и всех развитых стран *самая высокая смертность*, отнесённая к численности населения (см. ниже коэффициент смертности в п. 3). А к самой большой смертности за последние два “пандемийных” года у нас, как уже сказано выше, добавился и *самый большой её прирост* – 1 млн человек.

2. Смертность и рождаемость в России. После “революции” 1991 года и развала СССР в России упала рождаемость на 40%, а смертность катастрофически выросла на 50%. А в Европе смертность постепенно уменьшалась. В 2000 году естественная убыль населения в России (число родившихся минус число умерших) составила 958 тыс. человек.

Для сравнения смертности в разные годы и в разных странах используют относительную смертность, равную отношению числа смертей за год на 1000 человек. Часто эту относительную смертность называют коэффициентом смертности или кратко просто смертностью.

В 1980-е годы величины относительной смертности в советской России и в странах Европы были близки между собой. Но после “революции” 1991 года и развала СССР смертность в России существенно подскочила с 10,5–11,0 до 16,6, то есть на 50%, а в Европе постепенно уменьшилась до 9,5–10,0. Кроме этого, после развала СССР в России на 40% упала рождаемость. В результате в 2000 году естественная убыль населения в России (число родившихся минус число умерших) составила 958 тыс. человек.

Таким образом, “революция” 1991 года была не столько кровавой, сколько удушающей, и она привела к большим жертвам нашего народа. С 1992-го по 2017 годы избыточная смертность от всех причин относительно 1980–1990 годов составила 14 млн человек. Но, кроме этого, не родилось столько же детей. И это сказывается на сегодняшнем падении рождаемости.

После прихода во власть Владимира Путина началось улучшение жизни народа и укрепление государственного здравоохранения, кратное увеличение его финансирования. В результате существенно уменьшилась смертность и выросла рождаемость. А в 2012–2014 годы рождаемость даже превысила смертность.

Но после 2015 года опять рождаемость стала катастрофически сокращаться, и к 2020 году она уменьшилась с 1,95 млн до 1,4 млн, или на 28%. Всего за 5–6 лет! А смертность, хотя и сокращалась, но очень мало.

Чем же объясняется такое падение рождаемости?

Во-первых, стал падать уровень жизни народа.

Во-вторых, пришла тяжёлая демографическая волна из 1990-х годов. Именно женщины возраста 18–35 лет, родившиеся в эти годы, рожают 80% детей. А их число с 2015 года упало с 17,5 до 13 млн, а к 2027 году упадёт до 10,5 млн. Таким образом, рождаемость будет падать.

К 2018 году к падению рождаемости присоединилось исчерпание принятого к этому времени ресурса снижения смертности, потому что перестало расти государственное финансирование здравоохранения и сказались упоминавшиеся выше нелепые и разрушительные чиновничьи реформы и оптимизации.

Сверхсмертность и неудовлетворительный уровень здоровья населения* напрямую связаны с бедностью значительной доли населения и с низкой доступностью бесплатной медицинской помощи из-за крайне недостаточного государственного финансирования здравоохранения.

3. Следствия ковидной пандемии. А теперь о демографическом ударе от пандемии.

Ещё до пандемии в 2015–2019 годах у нас умирало на 200 тыс. человек в год больше, чем по нормам советской России и новых стран ЕС (бывших соцстран), и на 400 тыс. больше, чем по нормам западной Европы.

В 2020 году из-за пандемии к высокой смертности у нас добавился её прирост от всех причин относительно 2019 года, равный 338 тыс. умерших, а в 2021 году относительно 2019 года он становится равным 650 тыс. ** Таким образом, за 2 “пандемийных” года прирост числа смертей от всех причин составил 988 тыс. человек. Практически 1 млн человек! Относительно численности населения это в разы больше, чем в Европе, США и других развитых странах.

Естественная убыль населения (превышение числа умерших над числом рождённых) в 2020 году составила 702 тыс. человек, а в 2021 году – 1,05 млн человек. Таким образом, за два “пандемийных” года естественная убыль населения России составила 1,752 млн.

Коронавирусная пандемия внесла свой тяжёлый вклад и в сокращение численности трудоспособного населения*** (взрослого возраста). Только за 2020 год численность этой группы снизилась с 82,7 до 81,9 млн человек [1], то есть на 800 тыс. человек. И это несмотря на повышение пенсионного возраста на 1 год. Система здравоохранения не справляется с перегрузкой от пандемии. Но даже до пандемии у нас было неблагополучно, когда помимо самой высокой смертности в Европе смертность в трудоспособном возрасте в РФ была выше (относительно ЕС) у мужчин – в 3 раза, у женщин – в 2 раза.

Население России очень тяжело преодолевает коронавирусную пандемию с большими потерями своих граждан, несмотря на быстрое изобретение вакцин нашими выдающимися вирусологами, поддержавшими авторитет науки и Академии наук, и несмотря на героический труд наших врачей.

4. Необходимые меры для выхода из демографического кризиса. Теперь о том, что же надо делать, чтобы преодолеть демографический кризис в нашей стране.

Прежде всего, необходимо преодолеть смертность из-за ковида с помощью регулярной вакцинации каждые 6 месяцев, охватывающей более 80% населения, и новых лекарств (как в Европе и других развитых странах). Мы отстаём в уровне вакцинации от всех развитых стран, что говорит о необходимости усиления этой кампании. В конце концов, надо осознать, что невакцинированный, контактируя с людьми, создаёт для всех угрозу заражения.

В Великобритании, Франции, Германии, других европейских странах инфицируется ежедневно более сотни тысяч человек (а в США более 1 миллиона),

* В рейтинге авторитетного международного журнала “Ланцет” по уровню здоровья населения, определяемого по 33 показателям, Россия находится на 119-м месте среди 187 стран.

** Эта цифра за 2021 год соответствует данным Росстата за 11 месяцев и оценке числа смертей за декабрь (статья писалась в декабре 2021 года).

*** До 1 января 2019 года к группе взрослого (трудоспособного) возраста относили мужчин в возрасте 16–59 лет и женщин – 16–54 лет (включительно). С 1 января 2020 года в связи с повышением пенсионного возраста к трудоспособному населению относятся мужчины в возрасте 16–60 лет, женщины – 16–55 лет (включительно).

а у нас, по официальным данным, в несколько раз меньше. А умирает у нас в несколько раз больше, что объясняется, по-видимому, тем, что у нас регистрируется только доля инфицированных, и тем, что у нас меньшая доля вакцинированных, а вакцинация существенно облегчает течение болезни и кардинально сокращает смертность вакцинированных даже, если они инфицируются.

Уровень и эффективность здравоохранения зависит от его ресурсного обеспечения. Для характеристики затрат государственного бюджета на финансирование здравоохранения в *разные годы* и в *разных странах* имеет смысл использовать величину подушных затрат, выраженную в долларах по ППС (по паритету покупательной способности)* в год и отнесённую к численности населения. Анализ корреляции относительной смертности и указанных подушных затрат государства на финансирование здравоохранения показывает, что, если подушное финансирование меньше 1000–1500 \$ППС/(душа×год), то увеличение этого финансирования сразу уменьшает относительную смертность.

А при подушных затратах государства на финансирование здравоохранения, превышающих 2000–2500 \$ППС/(душа×год), смертность слабо зависит от финансирования, и определяющую роль играют другие факторы.

После 2003 года Президент Путин инициировал кратное увеличение ресурсного обеспечения государственного здравоохранения, произошло существенное снижение смертности с 16,7 в 2003 году до 12,4 к 2017 году. Это к 2017 году продлило жизнь 4 млн человек.

Но уже в 2018 году государственное финансирование здравоохранения достигло 3,5% ВВП, и его рост прекратился. А с ним прекратилось и снижение смертности, и оно остановилось на уровне 12,3. А нам нужно приближаться к стандартам Европы, при которых подушные затраты государства на здравоохранение больше 2000 \$ППС/(душа×год), что в рублях равно примерно = 56 000 ₽/(душа×год). Именно при таких затратах в Западной Европе относительная смертность равна 9,5–10,0. А для населения России разница в величинах смертности в России и Западной Европе и определяет то, что у нас даже до ковида умирало на 400 тыс. человек в год больше, чем в Западной Европе.

В 2019 году подушное государственное финансирование здравоохранения составляло около 28 000 ₽/(душа×год). Чтобы уменьшить “бесковидную” смертность до уровня Советской России и “новой Европы”, надо это финансирование увеличить в 1,5 раза, а до уровня Европы – в 2 раза.

А для этого необходимо в течение 5 лет к госбюджету здравоохранения добавлять 400 млрд/год, и тогда через 5 лет он увеличится с 4 трлн/год до 6 трлн/год (в ценах 2020 года), а число смертей относительно 2019 года сократится на 200 тыс. в год.

Для достижения нормы Западной Европы необходимо далее к госбюджету здравоохранения ещё в течение 5 лет добавлять 400 млрд/год. Тогда число смертей (относительно 2019 г.) сократится ещё на 200 тыс. в год. В итоге за 10 лет можно уменьшить смертность на 400 тыс. в год. Это соответствует вышеописанным экспериментальным (статистическим) данным.

Теперь о *рождаемости*, которую поднять гораздо труднее. После 2015 года она упала на 28% и в соответствии с прогнозом Росстата будет продолжать падать.

Что же надо сделать, чтобы поднять рождаемость, приблизив её к уровню 2015 года?

* Именно по паритету покупательской способности (ППС) сравниваются ВВП разных стран. По последним данным \$ППС оценивается равным 26–30 руб.

Курс доллара по ППС (\$ППС) принципиально отличается от курса доллара Центрального Банка (ЦБ), который в настоящее время равен около 75 руб. Практически во всех странах с преобладающим сырьевым экспортом, за счёт которого они зарабатывают доллары, всегда курс доллара по ЦБ выше курса по ППС, чтобы защитить свою национальную валюту от бегства капиталов из своей страны, защитить свои производства от импорта и др.

Курс ЦБ, по которому обмениваются валюты, определяет соотношение между экспортом и импортом. Но для сравнения социальной значимости ВВП разных стран и соотношений цен на различные товары (в том числе и на услуги), производимые внутри страны, в частности, на народные товары (продукты питания, услуги ЖКХ, транспорт, топливо, электроэнергия), следует ориентироваться на курс по ППС с учётом доли экспортных компонент в цене товара.

Первое – поднять доходы 80% населения и *сбалансированно* к этим доходам увеличить производство товаров народного потребления.

Второе – следует кратно увеличить поддержку материнства: увеличить *материнский капитал* в 2 раза и обеспечить *пособия* до 50% средней зарплаты для женщин с детьми до 7 лет и др.

По оценке академика А. Г. Аганбегяна и профессора Г. Э. Улумбековой, эта *поддержка* женщин с детьми вырастет с 1,6% до 3% ВВП, как в странах Европы с улучшающейся демографией (Франция, Швеция). Там это помогло.

Президент В. В. Путин неоднократно инициировал поддержку семей с детьми. И деньги для этого в федеральных резервах имеются. Но следует иметь в виду, что все перечисленные инвестиции поддержки здравоохранения и материнства должны быть спланированы и сбалансированы так, чтобы быть обеспеченными *кадрами* (врачами, профессорами, организаторами, медсестрами и т. д.), *товарами, программами* строительства медицинских учреждений и закупками оборудования, в том числе и за счёт импорта. Должно быть спланировано, сколько понадобится на стройки, сколько – на зарплаты медикам и учёным (а значит, на столько же должно быть увеличено обеспечение товарами за счёт внутреннего производства и импорта), сколько – на приборы, сколько – на импорт. Если не соблюдать балансы, инвестиции уйдут в *инфляцию*, то есть приведут к повышению цен. А для соблюдения балансов нужны квалифицированные руководители и специалисты, которые, помимо всего, должны инициировать экономический рост и, прежде всего, производство товаров народного потребления.

Именно перечисленными мерами можно остановить демографическую катастрофу, преодолеть грозящую даже после преодоления пандемии убыль населения в 0,5 млн/год и добиться устойчивого роста населения.

5. Последствия от нынешней политики Правительства.

Президент РФ В. В. Путин издавал актуальные Указы о национальных целях в 2012-м и в 2020 годах.

В Указе 2012 года были поставлены жизненно важные задачи к 2020 году, а именно: войти в пятёрку крупнейших экономик мира, создать 25 млн высокотехнологических рабочих мест, преодолеть бедность, минимальная зарплата 24 000 ₺/мес. И др. Все эти цели к 2020 году *не были и не могли* быть достигнуты.

В Указе 2020 года поставлены также жизненно важные задачи к 2030 году, в частности: обеспечить устойчивый рост численности населения, снижение уровня бедности в 2 раза, войти в десятку стран мира по качеству образования и по объёму НИР и др. И эти цели также *не смогут* быть достигнуты к 2030 году

- без реформирования *экономического порядка*,
- без преодоления двукратного недофинансирования здравоохранения, образования, науки и культуры,
- без смены *кадровой политики*.

Двукратное в долях ВВП недофинансирование здравоохранения (как и образования, науки и культуры) отмечалось выше. Правительство по указанию Президента В. В. Путина в связи с разворачивающейся пандемией в 2020 году увеличило ресурсное обеспечение здравоохранения и поддержку семей с детьми, а в новом бюджете на 2022–2024 годы Правительство это обеспечение снижает, возвращаясь к двукратному отставанию от стран ЕС. Но результатом такого госбюджета будет утяжеление демографического кризиса.

Поэтому группа академиков по предложению академика А. Г. Аганбегяна направила письмо Председателю Правительства РФ Мишустину М. В. с предупреждением о тяжёлом демографическом кризисе в стране и предложениями по его преодолению, о которых рассказано выше. Письмо было отправлено в начале сентября перед обсуждением госбюджета в Госдуме.

Письмо подписали 23 академика, в том числе известные медики. Десятки членов РАН, узнав о письме, заявили, что хотели бы подписать это письмо. Ответа на это письмо академики не получили. Поэтому изменений прогноза Росстата и преодоления демографического кризиса пока не будет.

Как же будет развиваться демография нашей страны после ковидного удара при нынешней политике Правительства?

Даже если мы полностью и без последствий преодолеем коронавирусный удар к 2023 году, убыль населения после 2024 года из-за падения рождаемости будет выше 0,5 млн человек в год. Это очень тяжёлая цифра.

Но без последствий коронавирусный удар преодолеть не удастся, если не увеличить ресурсное обеспечение здравоохранения (а оно на ближайшие три года не предусмотрено). Потому что миллионы наших граждан, переболевшие ковидом, не леченые и недолеченные от других болезней, будут создавать дополнительную нагрузку на здравоохранение и будут сокращать общую продолжительность жизни и повышать смертность, то есть смертность будет выше, чем это даёт прогноз Росстата.

Бедность основной части населения, неэффективность и сокращение населения – угроза *устойчивости* страны в масштабе десятилетия.

Стив Форбс, издатель знаменитого журнала “Форбс” в 2015 году опубликовал следующее высказывание [4]:

“Поразительная неспособность экономистов и политических лидеров оценить, чем сегодня болеет большинство экономик, и назначить правильное лечение, удручает и свидетельствует об их твердолобом отказе *изучить факты*, приверженности *фальшивым идеям и умственной лени*”.

Недомыслие присуще многим правительствам.

6. Проблемы для реализации государственных инвестиций. Во всём мире усилилась *менеджеризация реальности* и снижение уровня принимаемых решений. Примером таких решений является решение молодых министров и партийных деятелей Европы по энергетике с закрытием атомных электростанций, наперекор мнению специалистов по энергетике.

Но у нас эта менеджеризация при решении даже критических проблем происходит на фоне бедности миллионов наших сограждан.

Малая масса товаров народного потребления, *неэффективность* экономического порядка, выдвигание неэффективных руководителей, коррупция приводят к тому, что любая государственная инвестиция и социальная помощь приводят к инфляции и “голландской болезни”.

Поэтому каждая мера должна быть реализована *поэтапно* и с возможной *коррекцией*. Должна быть смена *кадровой политики* и привлечение специалистов с опытом созидания вместо так называемых “менеджеров”, в частности, и специалистов из-за рубежа, в том числе и российских специалистов, сделавших карьеру за рубежом.

Обязательно привлечение малого бизнеса и частного капитала в виде государственно-частного целевого партнёрства с чёткой программой, строгим выполнением сроков и контролем использования ресурсов.

А наши руководители экономического блока, согласно известной русской половице, обоснованно “боятся волков (неэффективности инвестиций и инфляции) и не ходят в лес”. Им так легче. Но без инвестирования (“походов в лес”) невозможен экономический рост и решение социальных проблем.

7. Активизация науки и Российской академии наук. Подъём эффективности народа и руководителей – это общенациональная задача. А для этого необходимо активизировать работу учёных всех специальностей в принятии стратегических решений в делах государства, особенно в критических ситуациях, какими являются сегодня:

- демография,
- нашествие вирусов,
- климатические и энергетические проблемы,
- истощение природных ресурсов,
- технологическое перевооружение и т. д.

Необходимо восстановить значимость Российской академии наук, восстановить Российскую академию медицинских наук и Российскую академию сельскохозяйственных наук с функцией учредительства институтов

- при назначении руководителей,
- планировании государственных заданий,
- распределении базового финансирования,
- оценки институтов.

Чиновники могут только помогать учёным, в частности, при разработке предложений о законодательстве, решении проблем с финансами, содержанием зданий и сооружений, а не руководить научными учреждениями.

Ко всему прочему, это будет и дешевле, чем содержать чиновничество Мин-общины.

То, что важнейшие стратегические проблемы (в том числе обсуждаемые сегодня демографические) решаются чиновниками без учёных, уже привело к деградации науки и всей социально-экономической сферы.

Социально-экономические цели, поставленные Президентом В. В. Путиным, не выполняются уже 10 лет. А при нынешней стратегии и госбюджете не будут выполняться ещё 10 лет.

Надо добиваться, чтобы Президент, Правительство, Федеральное собрание (Госдума и Совет Федерации) и общество получали и обсуждали информацию от Академии наук и университетов, в том числе установки по организации науки и её финансированию. И не игнорировали письма академиков.

Научную и теоретическую компоненту преодоления государственных экономических, технологических, социальных и гуманитарных проблем именно учёные обязаны не только разработать, но и внедрить в общественное сознание и во власть. Это всегда тяжело.

Академик Я. Б. Зельдович говорил, что всякое внедрение вызывает сопротивление. А сейчас особенно. Так как в нашей стране, к сожалению, порой царствует социально-экономическое недомыслие, усугубляемое гуманитарным вакуумом, близорукими интересами так называемой богатейшей элиты и режимом самовосхваления.

Группа, которую возглавили автор статьи и академик А. Г. Аганбегян, а в неё входили более 15 учёных РАН, подготовила рекомендации для инициирования социально-экономического роста. Несмотря на неоднократные попытки добиться их обсуждения в Президиуме РАН, чтобы они вышли от имени всей Академии наук, сделать это так и не удалось. Текст рекомендаций был разослан всем членам РАН, депутатам Госдумы в надежде на то, что удастся добиться их публичного обсуждения и соответствующего позитивного влияния на Правительство.

На эти материалы было получено более 250 откликов, почти все с поддержкой. Но они не стали документом с позицией Президиума РАН.

Ничего не наладится без науки и активизации Российской академии наук.

Выводы

1. В России за два “пандемийных” года (2020-й и 2021 годы) прирост числа смертей от всех причин относительно 2019 года составляет 1,05 миллиона человек, что относительно численности населения в разы больше, чем в Европе, США и других развитых странах.

2. После 2015 года в России сокращается рождаемость, и к 2020 году она упала с 1,95 млн до 1,4 млн, или на 28%.

3. За два “пандемийных” года естественная убыль населения (превышение смертности над рождаемостью) у нас составляет 1,75 млн человек. Только за 2020 год численность взрослого трудоспособного населения (возраста 16–60 лет) снизилась на 800 тыс. человек.

4. Даже если мы полностью и без последствий преодолеем коронавирусный удар к 2023 году, убыль населения после 2024 года будет более 0,5 млн человек в год из-за падения рождаемости, если не принять срочные меры для снижения смертности и стимулирования рождаемости.

5. Для преодоления ковидного удара и снижения за 10 лет смертности до уровня стран ЕС необходимы следующие меры.

А. По примеру европейских и других развитых странах активизировать систематическую вакцинацию каждые 6 месяцев, охватывающую более 80% населения, и разработку новых лекарств лечения ковидной инфекции.

Б. Разработать и реализовать программу усиления ресурсного обеспечения государственного здравоохранения с финансированием 400 млрд руб/год (в ценах 2020 года). В программе должно быть запланировано и сбалансировано обеспечение кадрами (врачами, профессорами, организаторами, медсестрами и т. д.), товарами, строительство медицинских учреждений и закупки оборудования, в том числе и за счёт импорта. Должно быть спланировано, сколько понадобится на стройки, сколько – на зарплаты медикам и учёным, сколько – на приборы, сколько – на импорт. Иначе это всё уйдёт в инфляцию. И это есть главная проблема.

6. Чтобы смягчить падение рождаемости, а через несколько лет её поднять, приблизив её к уровню 2015 года, необходимо:

А. Поднять доходы 80% населения и *сбалансированно* с этим увеличить производство и импорт товаров народного потребления.

Б. За пять лет увеличить поддержку материнства и семей с детьми с 1,6% до 3% ВВП, сбалансировав эти затраты с товарным обеспечением.

7. Необходимы перемены в *экономическом порядке* и в *кадровой политике*.

8. Необходимо активизировать работу учёных, в частности Российской академии наук, в принятии стратегических решений.

Автор благодарит академика А. Г. Аганбегяна, директора Института проблем энергетике, доктора технических наук, директора Института проблем энергетике Б. И. Нигматулина, доктора медицинских наук, ректора ВШОУЗ Г. Э. Улумбекову и директора ИСЭПН РАН, доктора экономических наук В. В. Локосова за обсуждение и предоставленные материалы.

Литература

1. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник.– М., Росстат, 2020, 700 с.

2. Росстат. Уточнённый демографический прогноз до 2036 года. – 2019, <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529>.

3. Улумбекова Г. Э. Здравоохранение России. Что надо делать. Состояние и предложения: 2019–2024 гг., 3-е изд. – М.: Гэотар-Медиа, 2019, 416 с.

4. Forbes S. Unhealthy patients treated by incompetent doctors. Forbes, January 2015.

ЕЛЕНА ЛАРИНА,
ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

КВАНТОВОЕ ПРЕВОСХОДСТВО И КВАНТОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

В мире началась гонка за квантовое превосходство. В конце 2020 года руководители отдела квантовых исследований банка *“Голдман Сакс”* заявили, что **квантовые компьютерные вычисления уже в скором времени могут иметь “революционное” воздействие на банки, а также на финансы, да и на всю нашу жизнь в широком смысле.**

Ориентированные на квантовые компьютеры специалисты по биржевому количественному анализу надеются, что эти машины позволят увеличить прибыль за счёт ускорения оценки активов, поиска более выгодных портфелей, а также сделают более точным алгоритмы обучения самих машин. Проведённое в июле нынешнего года испанским банком *bbva* исследование свидетельствует, что квантовые компьютеры могут ускорить процесс оценки кредитоспособности, определить возможности для скупки акций с целью последующей перепродажи, а также ускорят так называемое имитационное моделирование с помощью метода Монте-Карло, который широко используется в финансовой области для моделирования возможного поведения рынков.

Финансы – не единственная отрасль, рассчитывающая получить выгоду даже от небольших и нестабильных квантовых компьютеров, которые доступны в настоящее время, очень многие сектора промышленности – от аэрокосмической до фармацевтической (не говоря уже о военной области) – также рассчитывают воспользоваться **“квантовым преимуществом”**. Однако есть все основания полагать, что именно финансы смогут первыми найти такой способ.

Такие банки, как *bbva*, *“Ситигруп”*, *“Джей-Пи Морган”* и *“Стандард чартед”*, создали исследовательские команды из специалистов по квантовым вычислениям, а также подписали соглашения с компьютерными фирмами. Эксперты консалтинговой фирмы *“Бостон консалтинг груп”* считают, что банки и страховщики в Америке и в Европе, по данным на июнь текущего года, наняли на работу более 115 экспертов – это большое количество, даже в академической сфере, для такой узкой специализации.

В некоторых банках сейчас больше докторов физических и математических наук, чем в университетах.

Когда же может произойти финансовая революция? По мнению одних экспертов, простые алгоритмы могут начать использоваться в течение **ближайших 18 месяцев**. По мнению большинства специалистов, срок **в три – пять лет** является более реалистичным.

На пальцах о квантовых компьютерах

Квантовым компьютерам повезло в Рунете ещё меньше, чем искусственному интеллекту. Усилиями псевдоэкспертов, различного рода неспециалистов, особенно с гуманитарным образованием, подавшихся в блогеры и выдающих себя за гуру информатики, тема квантовых компьютеров оказалась ещё более мистифицированной и запутанной, чем проблема искусственного интеллекта.

Сейчас часто говорят, что мир стоит на пороге **второй квантовой революции**. Считается, что первая случилась во второй половине прошлого столетия – это ядерные технологии, лазеры и транзисторы, то есть в итоге компьютеры и сотовая связь. Настало время следующего этапа – **квантовой коммуникации и квантовых вычислений**.

Поэтому, прежде всего, надо чётко и по возможности коротко разобраться, чем квантовый компьютер отличается от обычного и что такое пресловутое “квантовое превосходство”. В конечном счёте, привычный нам компьютер или смартфон – не что иное, как внук арифмометра. В отличие от своего дедушки, где вычисления происходили за счёт механического взаимодействия частей арифмометра, в компьютере оно осуществляется в рамках передачи электросигналов через определённые регистры. Регистр – это элементарная единица чипа процессора. Сегодня в смартфоне предусматривается несколько миллиардов регистров, обеспечивающих процесс вычислений. Регистр – и это ключевое слово для понимания отличия квантового компьютера от обычного – принимает два значения: 0 или 1. Соответственно всё, что делают современные компьютеры, включая искусственный интеллект, – это кодировка поступающей информации, превращаемой в нули и единицы, и их вычисление. Привычные нам вычислительные устройства – это плод достижений физики последней четверти XIX века и начала нынешнего. Они базируются на принципах классической физики.

Квантовый компьютер работает иначе, нежели привычный нам компьютер. В его основе лежат достижения самой быстроразвивающейся отрасли естествознания в XX – начале XXI века, а именно квантовой физики. В последние примерно 30–40 лет удалось не только открыть, но и научиться устойчиво воспроизводить условия совершенно невероятного и до сих пор непонятого процесса, который называется суперпозиция.

В мире привычной нам физики и соответственно в компьютерах и смартфонах процессоры могут работать с двумя альтернативными возможностями, которые соответственно шифруются, как 0 и 1. Минимальная единица информации в обычном компьютере – это бит, то есть способность принимать одно из значений: 0 или 1. Квантовый компьютер, в отличие от традиционного, способен работать в состоянии суперпозиции. Применительно к вычислениям это означает, что его элементарные вычислительные ячейки могут оперировать не только 0 и 1, но и во всех возможных промежуточных состояниях между ними. Казалось бы, какая разница между тем, в одном состоянии или в двух и более пребывает вычислительная система. А разница – огромная. Если квантовый компьютер имеет, например, 10 регистров, то он может пребывать одновременно в тысяче состояний. А в 20 регистрах – более 1 млн состояний и т. д.

Квантовый компьютер, или вычислительная физическая система, использующая законы квантовой механики, имеет примерно то же сходство с традиционными компьютерами, как лошадь с самолётом. И тот, и другой способны доставить путника из пункта А в пункт Б, и в этом они схожи. Однако в темпах и иных возможностях доставки самолёт на порядки превосходит лошадь.

Собственно знаменитый термин “квантовое превосходство” фиксирует достаточно простую и очевидную вещь. Квантовый компьютер на порядки превосходит по вычислительным возможностям обычные двоичные вычислительные системы, включая даже суперкомпьютеры. Причём разница в возможностях исчисляется не разами, а тысячами и миллионами раз.

Поскольку тема квантовых компьютеров достаточно запутана и мистифицирована не только среди населения, но и в так называемых элитах, она порождает различного рода домыслы и целенаправленную дезинформацию. Например, времени от времени то или иное государство сообщает, что им удалось создать полноценный вычислительный квантовый компьютер, и он устойчиво работает.

Недавно Китай заявил о том, что в стране создан квантовый компьютер, по производительности превосходящий в миллионы раз американские квантовые компьютеры, не говоря уже об обычных суперкомпьютерах. Однако беда в том, что никто из зарубежных специалистов не видел этого компьютера, и уж тем более не имел возможности работать на нём. Грешат этим не только китайцы, но и целый ряд американских компаний.

Пока в мире имеется единственный полноценный квантовый компьютер 53-кубитный квантовый компьютер *Google Sycamore*, который смог решить задачу, недоступную даже для самых мощных “обычных” суперкомпьютеров. Если быть точным, у современного суперкомпьютера IBM Summit решение этой задачи заняло бы 20 000 лет, тогда как Sycamore выполнил все необходимые вычисления всего за 200 секунд. Принципиальное отличие системы Google от иных заявленных достижений в том, что математики, физики и прочие могут подать заявку, и после рассмотрения они будут допущены к работе на компьютере. Соответственно, на нём уже отработало достаточно большое число людей с высокой репутацией в мире программирования и математики. Тем самым он прошёл общественную верификацию.

Ещё одна принципиальная сложность в использовании квантового компьютера состоит в том, что он в некотором смысле воспроизводит механику расчётов, которая существовала в те уже, казалось бы, далёкие времена, когда вместо чипов использовались лампы, а математика, лежащая в основе вычислений, носила непрерывный, а не дискретный характер. Практически это означает, что **все программы, написанные для современных компьютеров, включая даже суперкомпьютеры, совершенно не подходят для квантового компьютера.** В этой области пока только делаются первые шаги программирования. Соответственно, все ныне работающие квантовые компьютеры, а они созданы в США, Китае, Южной Корее, Японии и в ЕС, — это специализированные машины, рассчитанные строго на определённый тип вычислений.

Иными словами, квантовый компьютер сегодня не может, подобно смартфону, сначала показать нам фильм, потом напомнить, что надо сходить в магазин, а в итоге провести расчёты оптимального выбора вложений в акции на рынках капитала. Пока все квантовые компьютеры — это специализированные, а не универсальные машины.

Пока полноценный квантовый компьютер — это дело будущего. Пока, и об этом надо говорить чётко и ясно, существуют лишь экспериментальные действующие макеты полноценных квантовых компьютеров. Макеты в том смысле, что они работать уже могут, но ориентированы на строго определённые операции.

Однако анализ динамики развития квантовых вычислений позволяет с уверенностью утверждать, что мы имеем дело с так называемой экспоненциальной технологией. **В 2019-2020 годах произошёл перелом. Если ещё пару-тройку лет назад наиболее продвинутые, имеющие за плечами выдающиеся достижения специалисты в области ИТ полагали, что практическое применение квантовых компьютеров — дело конца двадцатых — начала тридцатых годов, то сегодня с уверенностью они утверждают о приходе эры квантовых компьютеров буквально в течение ближайших четырёх-пяти лет.**

Решающее значение имеет то обстоятельство, что **никто не хочет опоздать на этот праздник. Всех беспокоит то, что кто-то, оказавшийся первым в этой гонке, сможет выбрать такой вариант: незаметно начать получать всю выгоду и не объявлять об этом всему миру.**

Выгоды и угрозы квантовых компьютеров

Как любая технология новой промышленной революции, квантовый компьютер несёт для общества серьёзные выгоды и катастрофические угрозы. Он может преобразить банковское дело, может создать мощную систему киберзащиты, может на порядок усовершенствовать систему защиты от любого военного нападения, а может стать страшным оружием в руках террористов или мафиозных структур.

Наиболее серьёзные угрозы глобальной и национальной безопасности, экономике и повседневной жизни несёт в себе использование квантовых компьютеров для взлома кодов. Специалисты по криптографии Агентства

Национальной Безопасности США ещё в 2015 году опубликовали на сайте АНБ отчёт, где выразили серьёзную обеспокоенность перспективой появления работающих квантовых компьютеров, поскольку это может привести к чрезвычайно быстрой расшифровке многих использующихся сегодня криптографических алгоритмов. Представители АНБ отмечали, что вопрос разработки криптостойких алгоритмов, способных эффективно шифровать данные в эру квантовых компьютеров, актуален как никогда. По мнению специалистов агентства, вполне реально появление работающего квантового компьютера, существование которого поставит под угрозу сохранность государственных и коммерческих данных во всех сферах. Хотя время от времени в ведущих мировых медиа появляются статьи об угрозах квантовых компьютеров для международных расчётных систем, процессинговых компаний, типа MasterCard, Visa и т. п., а также криптовалют и, в первую очередь, биткойна, реальная ситуация благоприятнее, чем описываемые сценарии.

Дело в том, что **к настоящему времени разработаны и через два-три года будут готовы к практическому использованию так называемые постквантовые методы криптографии.** Они базируются на сложнейшей математике, а их применение не позволяет квантовым компьютерам вскрывать корпоративные и федеральные сети, как консервный нож банку. Более того, **во второй половине 2020 года уже были проведены испытания прототипов квантоустойчивой системы шифрования,** выстоявшей перед атакой квантового компьютера Google.

Главный недостаток систем постквантового шифрования – это чрезвычайно высокая цена не только их разработки, но и огромные издержки, связанные с практической эксплуатацией для защиты данных как хранящихся в базах данных, так и передаваемых от телекоммуникационных систем.

Время от времени появляются публикации, предсказывающие конец биткойна и криптовалют при внедрении квантового компьютера. Такого рода статьи пишут обычно либо экономисты, либо журналисты. Не говоря уже о том, что биткойн является одной из самых неудобных мишеней для квантового компьютера даже в нынешнем виде, важно знать, что к следующему году будет подготовлена специальная система шифрования, обеспечивающая его устойчивую к атакам квантовых компьютеров.

Главная и самая большая угроза квантовых компьютеров мировой экономике и повседневной жизни состоит в следующем. **Даже на начальной стадии квантовые компьютеры могут практически мгновенно сломать любой антивирусник и получить доступ, согласно мнению АНБ, примерно к 97% индивидуальных компьютеров, смартфонов и ноутбуков и не менее 65% – корпоративных.** Поскольку постквантовое шифрование не только на стадии разработки, но и на стадии эксплуатации требует больших денег, оно, без сомнения, будет развёрнуто в ближайшие два-четыре года для федеральных органов власти, систем национальной безопасности и правопорядка, в ведущих научных центрах и крупнейших компаниях. Причём далеко не во всех странах. Среди них будут, безусловно, США, Китай, Япония, Южная Корея и Россия.

Что же касается всех персональных устройств, IT-инфраструктур малого и среднего бизнеса, они окажутся беззащитными против квантового компьютера в случае, если он попадёт в руки преступников, а тем более террористов или хакерских сетей, работающих на разведку того или иного государства. Это мало осознаваемая, но абсолютно реальная угроза, грозящая подорвать безопасность, коммерцию, а главное, угрожающая повседневной жизни граждан.

Квантовая мобилизация

Прогнозы The Economist в последние годы, несмотря на порой их причудливость, имеют удивительное свойство сбываться. Отставание в гонке за квантовыми компьютерами и квантовыми вычислениями может стать таким же опасным, как отставание в гонке по разработке новейших видов вооружения или в гонке по созданию “сильного” искусственного интеллекта.

Напомним также, что **АНБ забило тревогу пять лет назад и прогнозировало появление возможно опасных квантовых компьютеров и квантовых вычислений к 2030 году. Но всё случилось на 10 лет раньше.**

Россия располагает мощнейшим человеческим капиталом в области программирования, искусственного интеллекта и квантового компьютеринга.

Ещё в 2019 году в России для развития квантовых технологий утверждена “дорожная карта”, которая входит в состав национальной программы “Цифровая экономика”. Карта рассчитана на срок до 2024 года и включает три направления: вычисления, коммуникации и сенсоры.

Квантовыми вычислениями и разработкой отечественного квантового компьютера занялись в “Росатоме”, квантовыми коммуникациями – в РЖД, сенсорами – в “Ростехе”.

Ведущие российские компании сотрудничают с “Росатомом” в разработке квантового компьютера – Сбербанк и “Сбербанк-Технологии”, Газпромбанк, “Газпромнефть”, СИБУР и другие.

Разработкой квантового компьютера в “Росатоме” занимаются учёные ВНИИА имени Н. Л. Духова, МГУ имени М. В. Ломоносова, МФТИ, НИТУ МИСиС, НОЦ ФМН МГТУ имени Н. Э. Баумана, ФИАН, ряда академических институтов, а также РКЦ.

25 ноября этого года объявлено о создании **консорциума “Национальная квантовая лаборатория” (НКЛ)**. В него вошли структура госкорпорации “Росатом” (“СП Квант”), Российский квантовый центр, фонд “Сколково”, НИУ “Высшая школа экономики”, НИТУ “МИСиС”, МФТИ и Физический институт имени П. Н. Лебедева.

Одновременно с созданием квантового компьютера и развитием квантовых вычислений, не дожидаясь дня “Ч” (так у военных обозначается день наступления войск, или день нападения), **в России в мобилизационном режиме необходимо развернуть работу по минимизации потенциальных рисков и угроз применения квантовых компьютеров, связанную со взломом антивирусных систем.**

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО
директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Взаимоотношения Шостаковича и Свиридова, длившиеся почти сорок лет, имеют свою предысторию и, если можно так сказать, свою “генеалогию”. К примеру, Шостакович учился композиции у М. О. Штейнберга, ученика Н. А. Римского-Корсакова. Свиридов учился у Шостаковича, и он тоже имел академическую выучку. Но прежде чем попасть в класс Шостаковича, Свиридов получил навыки совсем иной, щербачёвской школы композиции у своего первого учителя в техникуме М. А. Юдина и особенно в классе П. Б. Рязанова. Класс Петра Борисовича Свиридов посещал в конце своего обучения в техникуме и потом к нему же подал заявление при приёме в консерваторию. И воспринял не только технику сочинения с опорой на простые формы без тематического развития, но и некоторые эстетические установки того же Рязанова 1930-х годов, особенно касающиеся мелоса и гармонии.

Между академической школой и щербачёвцами шла нешуточная конкурентная борьба в Ленинградской консерватории с середины 1920-х и вплоть до 1936 года, когда в консерваторию поступил Свиридов. Собственно, скрытое соперничество и противостояние двух школ продолжалось и в дальнейшем, даже когда школа Щербачёва оказалась не в чести после известных событий 1936 года в связи с выходом знаменитых статей в газете “Правда” с критикой оперы “Леди Макбет Мценского уезда” и балетов Шостаковича. И это косвенно отразится как на личных взаимоотношениях между ленинградскими композиторами – представителями разных школ, так и на творческих интересах, на музыкальных вкусах и предпочтениях. Всё это скажется и на истории взаимоотношений Шостаковича и Свиридова.

Известную роль в судьбе Шостаковича и Свиридова сыграли и ленинградские музыковеды, близкие к музыке люди. Так, в биографию Шостаковича вписался яркой страницей филолог и музыковед, человек универсальных знаний, полиглот И. И. Соллертинский. После войны на долгие годы, вплоть до смерти в жизнь Шостаковича вошел литературовед Исаак Гликман.

Молодой Свиридов, благодаря своему учителю, был знаком с И. И. Соллертинским, который способствовал тому, чтобы сочинения молодого композитора, ещё студента консерватории, стали исполняться в Ленинградской филармонии. Свиридов близко познакомился с И. И. Соллертинским в годы войны, когда они оба были в Новосибирске. Свиридов описывает свои встречи

и разговоры с Иваном Ивановичем. Благодаря Ивану Ивановичу Свиридов брал из нотной библиотеки партитуры симфоний Г. Малера. После кончины Соллертинского Свиридов пишет свою фортепианную сонату и посвящает её памяти Соллертинского. Шостакович, как известно, в том же 1944 году посвящает памяти своего близкого друга фортепианное трио.

С Гликманом Свиридова связывали многие годы дружеских отношений¹. В начале 1990-х годов Гликман опубликовал письма Шостаковича, адресованные ему². Я собирался ехать в Москву, и Исаак Давыдович попросил меня передать экземпляр Георгию Васильевичу, что я и исполнил. В тот момент я ещё не читал публикацию писем и, откровенно говоря, не понял, почему Исаак Давыдович сам не подарил книгу Георгию Васильевичу. Ведь он всегда приходил на концерты Свиридова в Ленинграде и, если ездил в Москву, то навещал его. Позднее я сообразил, он это сделал не случайно. В одном из писем³ Шостакович, сравнил автора оратории (не назвав его имени) с Ф. Булгариным. В комментарии Гликман написал: “О какой оратории идёт речь, выяснить не удалось”⁴.

О том, кого имел в виду Шостакович, Свиридов сразу догадался. В это время на Ленинскую премию была выдвинута Патетическая оратория, при её прохождении в Комитете по Ленинским премиям Шостакович вместе с коллегами по секции музыки был против её включения в список номинантов. И, конечно, Свиридов понимал, что Гликман прекрасно знал, о какой оратории идёт речь. Эта публикация сыграла свою роль в истории отношения Свиридова к Шостаковичу, да и к Гликману тоже. Но об этом – отдельный рассказ.

У Свиридова были и свои, близкие ему музыковеды. В 1940-е годы молодой композитор привлёк внимание музыковеда Юлиана Вайнкопа, после войны Свиридов сблизился со своим будущим биографом, музыковедом, эстетиком и социологом Арнольдом Сохором.

Помимо ленинградских коллег-композиторов и музыковедов, у Шостаковича и Свиридова были взаимоотношения с москвичами. Эти отношения были и хорошими, и плохими. У каждого из композиторов были свои друзья. Так, у Шостаковича были близкие отношения с Б. Яворским, М. Квадри, Н. Жиляевым, В. Шебалиным. Свиридов входил в иной круг близких Шостаковичу композиторов, составлявших известный кружок из учеников и подражавших ему композиторов молодого поколения. Этот шостаковичевский кружок сложился в Москве после переезда туда Шостаковича. В него входили М. Вайнберг, Р. Бунин, Б. Чайковский, Ю. Левитин, М. Кусс, О. Тактакишвили, Кара Караев, позже В. Рубин и ряд других.

Были и музыковеды. У Шостаковича были свои, писавшие о нём критики вроде М. Сокольского, Б. Штейнпресса, Д. Житомирского, историков музыки И. Мартынова, Л. Данилевича, И. Нестьева, теоретиков Л. Мазеля, В. Цуккермана, В. Бобровского и др. С М. Сокольским, Б. Штейнпрессом, И. Нестьевым жизнь столкнула Свиридова. Статьи их отчасти сказались на судьбе ряда его произведений.

Среди музыковедов были люди, вышедшие из рядов Ассоциации пролетарских музыкантов. Такие как Ю. Келдыш, Б. Штейнпресс, Д. Житомирский. О них и пойдёт речь дальше. В том числе и о лидере этой ассоциации, который был не только тесно связан с Шостаковичем, но и оказался в своём роде камнем преткновения между Шостаковичем и Свиридовым.

Имя этого человека Лев Николаевич Лебединский (1904–1988). Музыковед, фольклорист, общественный деятель, как пишут о нём в энциклопедических словарях, в Википедии. Человек незаурядный, с необычной для музыканта биографией. В юности успел повоевать на гражданской войне. Был чекистом. Видный деятель, идеолог и руководитель Российской ассоциации пролетарской музыки (РАПМ).

Когда он лично познакомился с Шостаковичем – сегодня сказать трудно. Изучавший вопрос об отношении Шостаковича к РАПМу Л. Акопян считает, что Шостакович с ним “подружился или, во всяком случае, установил тесные личные отношения” “в годы войны или вскоре после нее”⁵.

То, что Лебединский знал молодого, начинающего композитора, в этом нет сомнений. В журналах РАПМа о Шостаковиче писали неоднократно. Одна из первых, критических статей была написана Даниэлем Житомирским – рецензия на оперу “Нос”⁶. Об этой опере неодобрительно выскажется

и Л. Лебединский. Описывая ситуацию в Большом театре в 1929 году в связи с намерением дирекции по предложению Вс. Мейерхольтда ставить балет С. Прокофьева “Стальной скок”, Лебединский пишет: “Дирекция, или, вернее, Мейерхольтд, в плане переключения театра на современную упадочную декадентскую музыку (предполагались постановки “Новости дня” Хиндемита, “Машинист Гопкинс” Бранда, “Нос” Шостаковича, “Четыре Москвы” Мосолова и т. д., и т. п.) начал подготовку постановки балета “Стальной скок”⁷. И таких выпадов в адрес Шостаковича можно найти на страницах пролетарских журналов немало.

Конечно, подобные оценки не могли оставить равнодушным молодого и честолюбивого Шостаковича. Как пишет тот же Акопян, “отношение Шостаковича к “пролетарскому” направлению в музыке было презрительным”⁸. Но если он высказывался об одном из ведущих композиторов РАПМ А. Давиденко с пренебрежением в письмах своему другу В. Шебалину, то в своём публичном поведении молодой Шостакович был не так однозначен. В начале 1930-х годов Шостакович сумел найти общий язык с РАПМом⁹, и о нём Лебединский несколько раз отозвался с похвалой. И между прочим, когда рапмовец Ю. Келдыш написал разгромную статью о балете С. Прокофьева (о ней пойдёт ещё речь дальше), то, как известно, Шостаковичу статья понравилась¹⁰.

После 1932 года, когда пролетарские организации были ликвидированы, Лебединский на какое-то время оказывается в тени, уходит в академический институт на научную работу, в 1937 году уезжает в Башкирию изучать местный фольклор. В Москве в самом конце 1930-х годов он вновь обретает некоторое видное положение.

Обращает на себя внимание выступление Л. Лебединского на собрании московских композиторов по поводу статьи “Сумбур вместо музыки” 10 февраля 1936 года. Как пишет исследовательница Елена Кравцова, “парадоксально, но позиция бывшего противника Шостаковича – рапмовца Лебединского, от которого, казалось бы, Шостаковичу должно было достаться (за членство в АСМ, за презрение к РАПМу, за насмешки над Давиденко и т. д.) – оказалась Шостаковичу ближе и понятнее. Вместо нападок на композитора Лебединский обрушился на беспринципность музыковедов. “Наша музыкальная критика – трупы неприбранные”, – бесстрашно заявил он на собрании московских композиторов”¹¹. Основную часть своего выступления Лебединский посвятил памяти А. Давиденко.

В следующем, 1937 году Лебединскому предъявят серьёзное обвинение в авербаховщине¹². Тем не менее его не тронули, а уже в 1939 году он является сотрудником вновь созданного Оргкомитета Союза советских композиторов СССР. И вот здесь он мог уже более близко познакомиться с Д. Д. Шостаковичем.

Невольно возникает вопрос, как мог Шостакович сделать фактически доверенным лицом человека с такой биографией? О которой Шостакович прекрасно знал. Дмитрия Дмитриевича с ранних лет окружали люди, связанные с органами безопасности. Не говоря о профессиональных чекистах высокого ранга¹³, людей, так или иначе связанных с НКВД (КГБ), в том числе и из музыкантов, было в жизни Шостаковича достаточно много. И он знал или догадывался об этом. Что не мешало композитору вести себя с ними вполне корректно, любезно. Он находил возможным общаться с ними, среди них были музыковеды, которые писали о нём.

Но случай с Лебединским – исключительный. Скорее всего, их сблизило крайне негативное отношение к Сталину. Левон Акопян пишет, что в воспоминаниях вдовы Лебединского “он изображается как бескорыстный борец за революционные идеалы и ненавистник Сталина”¹⁴. Свиридов запомнил один разговор с Соллертинским в Новосибирске, во время которого Иван Иванович образно заметил, что “евреи, подобные Лебединскому, относились к революции как к любовнице, которая им изменила”.

Кажется, прав Акопян: вероятно, в годы войны Лебединский обретает некоторое доверие со стороны Шостаковича, и, в конце концов, они становятся едва ли не друзьями. В дальнейшем Лебединский обрёл большое доверие Шостаковича, стал входить в его дом и оказывал композитору (особенно после смерти первой жены Н. В. Варзар) свои услуги не только по творческой, но и по бытовой линии, как считал Свиридов¹⁵.

Лебединский не только писал статьи о симфоническом и хоровом творчестве Шостаковича¹⁶, он стоял стеной, защищая композитора в разного рода общественных собраниях, на пленумах и съездах композиторов. Кажется, последней, изданной при жизни Лебединского в России его статьёй была публикация в журнале “Новый мир”, вызвавшая споры¹⁷.

В архиве журнала “Музыкальная жизнь” должны храниться его воспоминания, известно, что он передавал их главному редактору журнала Я. М. Платеку. Увы, биография Лебединского до сих пор не изучена и полна загадок. Точно так же, как до сих пор не исследована и не описана история организации, с которой был тесно связан Лебединский. До сих пор нет обстоятельного исторического анализа Российской ассоциации пролетарской музыки (РАПМ), организации, которая оставила известный след в истории русской музыки советского периода.

“Генеалогическое древо” взаимоотношений Шостаковича и Свиридова невозможно составить без основательного знания истории музыкальной культуры Советской России 1920-х – 1930-х годов. Попытаемся по мере возможности описать события тех десятилетий почти столетней давности. Но обо всём по порядку.

Свиридов читает журналы 1920-х годов

В 1988 году Свиридов заказывает в библиотеке Союза композиторов ряд номеров журнала “За пролетарскую музыку” за 1930-й и 1931 годы. В самом начале его тетради “Разных записей” за 1988 год появляется заголовок: “Журнал “За пролетарскую музыку” 1930 год № 1”. Далее следуют ремарки: “Выписать из статьи “Как слушать оперу”¹⁸, Стр. 9 – от слов “Самая форма оперы” (то, что отмечено); Стр. 10 – абзац от слов “Слушая оперу”; Стр. 26-27 – переписать текст песни (слова и музыку) Чемберджи “Ну, и долой”¹⁹; Стр. 13 – переделка песни: “спекулянтов, кулаков, подкулачников, попов...” – вариант песни “Ну, и долой”²⁰.

Затем идут выписки и ремарки к статьям из № 1, 2 и 5 журнала за 1931 год. В начале выписок из пятого номера Свиридов ставит себе задачу: “Написать подробно о платформах РАПМа и РАППа, а также ЛЕФа и АСМа”. И тут же дана оценка этим организациям: “Все эти организации воевали против русского искусства”. После чего приводит для примера цитаты из этого (пятого) номера для своей будущей статьи.

Вот эти выписки: “Стр. 4 – “...Балет эмигранта Прокофьева...” “Музыка мракобеса-фашиста Стравинского”. Стр. 5-6 – “Вылазка реакции” – исполнение “Колоколов” Рахманинова. Рахманинов – белоэмигрант-фашист, заклятый враг Советского Союза. Бойкот музыке Рахманинова, государственный запрет на эту музыку. “Исполнение “Колоколов” в момент обостренной классовой борьбы, в момент прямого разоблачения интервенционистских стремлений мировой буржуазии является попыткой сплочения и организации враждебных нам сил реакции”. Овации аудитории – охотнорядцев, попов и старобюрократических зубров, собравшихся справлять “великий пост” в Большом зале б<ывшей> МГК (отдельно сказать, как называлась консерватория в это время), свидетельствуют о смысле концертов – как политической демонстрации. (Перепечатать всю 5-6 стр.)²¹.

(“Эпоха культурной революции”.)

Общее собрание (студентов и преподавателей).

“Матёрый враг Советской власти – белогвардеец Рахманинов”²².

Стр. 7-8 – выписать все цитаты из статьи Ленина “Товарищи рабочие, идём в последний и решительный бой”²³.

А в конце после краткой выписки из статьи о спектакле “Последний и решительный...” (“В конце весь зал встаёт”) ещё раз высказывает намерение “написать отдельно по материалам из журнала “Пролетарский музыкант”²⁴.

Статьи Свиридов так и не написал, но сам по себе факт его обращения к, казалось бы, совсем далёкому и забытому прошлому советской музыки интересен и симптоматичен. Постараемся понять причину этого интереса.

Но сначала – об упомянутых композитором организациях и журналах “Пролетарский музыкант” и “За пролетарскую музыку”. Журналы эти принадлежали творческой организации 1920-х – начала 1930-х годов Российской ассоциации пролетарской музыки (РАПМ).

Старшей и по возрасту, и по значению из пролетарских творческих организаций была РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей. Идеино-эстетическим противником РАППа был ЛЕФ, Левый фронт – литературно-художественная организация и одноимённый журнал футуристов. У РАППа основным антагонистом была Ассоциация современной музыки (АСМ).

Если внимательно читать тетради “Разных записей”, то можно заметить, что упоминания РАПП, деятелей этой организации, композиторов и музыковедов встречаются в других тетрадях конца 1970-х – 1980-х годов. То же самое относится и к АСМ. И почти при всех упоминаниях об этих организациях Свиридов даёт одну и ту же отрицательную оценку их идеологии, отмечая присущее обоим организациям негативное отношение к традициям русской культуры.

Как он пишет в тетради 1978–1980, “существовавшие в конце 20-х – начале 30-х годов музыкальные направления, несмотря на их большие внешние различия в их платформе, были в сущности родственными. Их объединяла ненависть к Русской традиции, к Русской культуре, которая объявлялась исчерпанной, недостаточной, изжившей себя, помещицкой, буржуазной, “национально-ограниченной” и т. д., и т. п.”²⁵. Намерение написать статью о платформах РАППа и РАППа, ЛЕФа и АСМа, выписанное в тетради 1988 года, Свиридов сопровождает репликой: “Все эти организации воевали против русского искусства”²⁶.

Об этих организациях Свиридов знал не только из литературы и понаслышке, он лично был знаком с деятелями некоторых из них уже позднее, после 1932 года, то есть когда эти организации уже не существовали. О РАППе и ЛЕФе, помимо литературы, Свиридов мог почерпнуть знания от знакомых литераторов, литературоведов, историков²⁷.

В наших встречах и разговорах в начале 1980-х годов Георгий Васильевич много рассказывал мне об этих организациях, причём упоминал такие подробности, которые невозможно было найти в литературе того времени, да и сейчас ещё некоторые из его воспоминаний я не встречал в современных научных статьях или в опубликованных воспоминаниях.

Поэтому помимо ссылок и цитат записей из тетрадей “Разных мыслей”, я буду опираться на сохранившиеся в моей памяти устные высказывания композитора, а также на имеющиеся в Звуковом архиве Г. В. Свиридова аудиозаписи его “размышлений вслух”. Разумеется, все сведения, услышанные мною от Георгия Васильевича, нуждаются в проверке, и их не стоит воспринимать как достоверно установленные факты.

Свиридов и “современничество”

С творчеством пролетарских и “современнических” композиторов Свиридов познакомился впервые ещё школьником, на рубеже 1920–1930-х годов. Массовые песни В. Белого, Н. Чемберджи, Б. Шехтера и других композиторов РАПП юный Свиридов пел в хоре музыкальной школы в конце 1920-х – начале 1930-х годов. А в нотном магазине в Курске знавшие его продавцы предоставляли ему возможность по нотам с листа читать только что изданные произведения советских композиторов, в том числе композиторов АСМ.

Это знакомство он продолжил в Ленинграде, куда приехал в 1932 году учиться музыке и поступил в Центральный музыкальный техникум. Как он вспоминал, “приехав в Ленинград, я с изумлением узнал, что здесь живёт и работает большая группа композиторов. Жадно стал я знакомиться с их музыкой. Моё внимание поначалу привлекало многое, но постепенно интересы откристаллизовались. Я сразу выделил для себя музыку В. Щербачёва и его учеников, узнал его блоковские романсы²⁸, Третью симфонию²⁹ (с фортепианными “Выдумками”³⁰ я познакомился ещё в Курске), сонату для фортепиано³¹ и хор “Скифы”³² М. Юдина, блоковские романсы П. Рязанова³³, “Большую сюиту” для фортепиано Г. Попова³⁴ – всё это играл я с большим увлечением, открывая для себя новый звуковой мир, о котором раньше не мог подозревать”³⁵.

Свиридов поступил в Центральный музыкальный техникум. Здесь преподавал В. Щербачёв, его соратники М. Юдин и П. Рязанов, у которых Свиридов учился соответственно в техникуме и на первом курсе консерватории. Курс истории русской оперы в техникуме читал Б. В. Асафьев, гармонию вёл Ю. Тюлин, оригинальный курс мелодики читал П. Рязанов. Это всё были

единомышленники, люди высокообразованные, профессионалы высшей пробы. И все они были членами уже к тому времени не существовавшей АСМ.

В Ленинграде АСМ была господствующей организацией, Ассоциация пролетарской музыки (ЛАПМ) была здесь слабо представлена. Ещё за год до создания АСМ в Москве, в 1922 году по инициативе И. Глебова (Б. Асафьева), В. Каратыгина, Н. Финдейзена, А. Оссовского, М. Климова и др. в Петрограде возникла организация “Общество пропаганды современной русской музыки”, сокращенно “Музпроп” или “Петромузинтерн”³⁶.

В Ленинграде отделение АСМ было официально зарегистрировано в январе 1926 года по инициативе Б. Асафьева, В. Каратыгина, М. Штейнберга, Н. Римского-Корсакова, А. Оссовского, В. Щербачёва, А. Пащенко и др. Председателем был избран Ю. Карпович, заместителем — Ю. Вейсберг, Н. Малков — секретарём. В художественный совет вошли Е. Борткевич и И. Шиллингер, среди членов-экспертов были А. Житомирский, Л. Николаев, А. Оссовский, М. Штейнберг. Были налажены контакты с культотделом Губпрофсовета, Филармонией, Капеллой, Консерваторией, Институтом истории искусств, Центральным домом работников просвещения. 12 мая 1926 года в Большом зале филармонии состоялся концерт, на котором были исполнены Первая симфония Д. Шостаковича, симфоническая картина “Поступь Востока” И. Шиллингера и кантата “Двенадцать” Ю. Вейсберга³⁷.

Состав ЛАСМ был довольно пёстрый, разнонаправленный. Достаточно сказать, что в него входили такие композиторы, как М. Штейнберг или А. Пащенко, чьи творческие установки были далеки от прогрессистских устремлений идеологов “современничества”. Поэтому в том же январе 1926 года возник Кружок новой музыки, во главе которого стал Б. Асафьев. Заместителем стал дирижёр В. А. Дранишников, членами правления — музыковед С. Гинзбург и композитор В. Дешевов, секретарём — М. Друскин, позднее — Ю. Вайнкоп. Из АСМ в Кружок перешла группа наиболее радикально настроенных музыкантов, в результате чего Кружок реструктурировался, председателем правления стал В. Щербачёв, его заместителем — И. Шиллингер, членами правления стали пианист А. Каменский и композитор П. Рязанов, в концертную комиссию вошли Ю. Вайнкоп, М. Друскин и Д. Шостакович, в редколлегию — Б. Асафьев, С. Гинзбург. После февраля 1927 года Кружок волился в ЛАСМ.

В 1925-1926 годах проходила реформа сети музыкальных учебных заведений, в итоге которой Кружок новой музыки переместился во вновь возникший Центральный государственный музыкальный техникум³⁸. Свиридов учился в этом техникуме с 1932-го по 1936 год. Дух “современничества” сохранился здесь, несколько модифицировавшись, продолжал существовать. И, конечно, Свиридов был под сильным влиянием этой идеологии.

Надо сказать, что, несмотря на филиппики в адрес асовцев, Свиридов понимал, в чём было дело в Ленинграде. В 1920-е годы здесь существовало резкое противостояние между традиционалистами и сторонниками новой музыки. Если во времена военного коммунизма это противостояние несколько поутихло и общая тяжёлая обстановка невольно сблизила композиторов разных музыкальных партий³⁹, то во времена нэпа былые распри вновь обострились.

Цитаделью старой композиторской школы была консерватория. И именно здесь развернулась борьба между “партиями”. Приход в консерваторию Щербачёва и Асафьева был встречен профессурой в штыки. Когда встал вопрос о включении Асафьева в состав правления консерватории, то Глазунов поддержал профессуру, которая выступила против Асафьева. Конечным итогом этой борьбы стал отъезд А. К. Глазунова за границу в 1928 году. Формально он ещё числился директором консерватории до 1930 года⁴⁰.

Б. Асафьев и В. Щербачёв объявили войну не русской школе, не кучкистам. Их критика была направлена на “весьма бесхитростные” “симфонии приснопамятной беляевской школы”, они понимали, что Глазунов и старая композиторская профессура, вышедшая из этой школы, являются носителями не живой, а академизированной кучкистской традиции. Кроме того, с 1914 года и до окончания гражданской войны Россия была оторвана от мировой музыкальной жизни. Асафьев и Щербачёв опасались, что русская школа может погрязнуть в академизме и провинциализме. Отсюда избранная ими стратегия.

С одной стороны, они подвергли критике наиболее уязвимые стороны корсаковско-глазуновской школы композиции. Ещё в 1918 году в программе курса русской музыки Асафьев отмечал «схематизм музыкального мышления» Римского-Корсакова, «пользу и вред влияния схем глазуновской музыки на творчество русских композиторов»⁴¹. Он противопоставлял «иллюзорный», картинно-эпический симфонизм Глинки, кучкистов, «течущую» форму симфоний Глазунова⁴² действительному лирико-драматическому симфонизму П. И. Чайковского. Асафьев боролся за подлинного Мусоргского, за постановку «Бориса Годунова» в авторской редакции⁴³. Он поддерживает симфонические опыты 1920-х годов Н. Я. Мясковского, пропагандирует С. Прокофьева, пишет книгу об И. Стравинском⁴⁴.

Щербачёв и Асафьев настаивали на том, что революционная эпоха должна получить воплощение в новом усложнённом языке, отражающем социальные катаклизмы, в форме музыкальной драмы. Как писал несколько тяжёловесно и с учётом газетно-журнальной лексики того времени асафьевский ученик С. Гинзбург, «мы стоим на грани новой эпохи музыкального мироощущения, очертания которой обрисовываются нам, современникам... Лишь дружная борьба с застоём поможет вывести музыку из того тупика, куда она теперь зашла... и нужно быть особенно осторожными со всеми теми, кто под благовидным предлогом «охраны старины» проповедует самую консервативную и реакционную художественную идеологию»⁴⁵.

С другой стороны, в своих поисках обновления языка АСМ обратилась к опыту современных европейских композиторов. Лозунг той эпохи «Учиться у Запада!» был вполне актуальным для АСМ. Ещё в 1922 году Л. Сабанеев писал: «Мы рискуем скоро выродиться», считал, что надо знать Дебюсси, Равеля, Рих. Штрауса, Регера, Шенберга, предупреждал об опасности провинциализма, о том, что наш композитор творит в замкнутом пространстве. «Уже война нарушила нашу связь с музыкой Западной Европы, нарушила её в тот момент, когда там показались эмбрионы каких-то значительных новобразований»⁴⁶.

И. Глебов в 1927 году указывал на характерную черту, свойственную ленинградской культуре последних пяти лет, — «интенсивное стремление к познанию и усвоению основных направлений и важнейших творческих завоеваний западной музыки последних десятилетий»⁴⁷.

Прозападнический уклон был сильным, тут Свиридов был прав. Впрочем, он сам в конце 1940-х годов «уклонился» в ту же сторону, пойдя явно по стопам своих учителей, изучал внимательно партитуры и клавиры И. Стравинского, П. Хиндемита, А. Берга, К. Шимановского, А. Казеллы, В. Риети. И точно так же пострадал в конце 1940-х годов за «формализм», что двумя десятилетиями раньше испытали на себе АСМовцы.

Контакт с Западом деятели АСМ осуществляли через Международное общество современной музыки, членом которого АСМ являлся. Благодаря этому, между прочим, произведения членов АСМ издавались и исполнялись за рубежом. В свою очередь, в Советскую Россию приезжали зарубежные исполнители, композиторы. АСМовцы устанавливали и поддерживали контакты с зарубежными музыкантами.

Молодой Шостакович после усвоения академической школы, которую он прошёл в классе М. Штейнберга, тяготел к современничеству, принимал участие в концертах АСМ и Кружка новой музыки, но никакой деятельности в работе ЛАСМ не предпринимал. Более того. Необходимость думать о заработке привела его в Театр рабочей молодёжи, тяготевший к Пролеткульту. Первым спектаклем, к которому писал музыку Шостакович, был «Выстрел» по пьесе пролетарского поэта А. Безыменского⁴⁸.

В середине 1920-х годов в связи с признанием СССР оживился культурный обмен. Советские музыканты-исполнители, театральные коллективы, режиссёры театра и кино имели возможность выехать на гастроли за границу. В научные командировки ездили литературоведы, историки, музыковеды. После отъезда, фактически — бегства, из России ряда писателей и композиторов эта категория деятелей культуры выпускалась за пределы СССР редко.

В 1923 году Щербачёв едет в Германию, во Франкфурте знакомится с П. Хиндемитом, интересуется не только его сочинениями, но и его педаго-

гическим опытом, его системой обучения композиторов. Несколько поездок по европейским странам осуществил Асафьев, в Вене познакомился с крупнейшим музыковедом, историком музыки Гвидо Адлером, во Франции он был избран членом-корреспондентом Французского общества музыковедения. Встречался с композиторами, в том числе с С. Прокофьевым и И. Стравинским. Он много слушал новой музыки в концертах, посещал крупнейшие библиотеки Вены, Парижа, Берлина, интересуясь современной литературой по музыке. В круг его знакомств входили композиторы Ф. Малипьеро, Б. Паумгартнер, Фр. Шрекер, он инициировал исполнение оперы “Воццек” А. Берга, вступил с ним в переписку.

С командировками в Европу ездили Р. Грубер, М. Друскин и другие. Слушали там новую музыку. Из каталогов разных издательств выписываются произведения зарубежных композиторов, классиков, раритеты старины и сочинения современных композиторов.

В Ленинграде в 1920-е годы исполнялись сочинения всех наиболее известных композиторов: Р. Штрауса, Фр. Шрекера, Э. Кшенека, А. Шенберга, П. Хиндемита, итальянцев Д. Малипьеро, А. Казеллы, В. Риети, французской шестёрки, Дж. Энеску и К. Шимановского и др. Из Москвы в Париж постоянно ездил Л. Сабанеев, так там, в конце концов, и остался...

В Ленинграде переводились исследования и статьи зарубежных авторов, посвящённые разным сторонам современной композиторской техники⁴⁹, И. Глебов и его сотрудники освещали творчество зарубежных композиторов. С 1922-го по 1925 год в Разряде истории музыки в Институте истории искусств проходили открытые собрания Разряда, так называемые “понедельники”, посвящённые новым течениям западной музыки. Роман Грубер в 1924 году привёз из-за границы массу нот, и в 1924 году Разряд устраивал серии публичных концертов под лозунгом “Новая музыка”⁵⁰. В Институте истории искусств он же вёл семинар по изучению новых течений в музыке.

К оперным спектаклям или к концертам зарубежных музыкантов с программой из новой музыки обычно подготавливались и издавались брошюры. К постановке в МАЛЕГОТе оперы Фр. Шрекера “Дальний звон” была специально подготовлена книжка⁵¹. Премьере оперы А. Берга “Воццек” был посвящён специальный выпуск альманаха “Новая музыка”⁵². Контакты с французскими композиторами нашли отражение в сборнике статей, куда была включена статья Дариуса Мийо в русском переводе⁵³. Не прошли асмовцы мимо входившего в моду джаза, о нём был издан отдельный сборник переводных статей западных специалистов с предисловием С. Гинзбурга⁵⁴.

Свиридов отдавал себе отчёт, что “современничество” в Ленинграде было наиболее активной и деятельной силой и состояло в основном из профессиональных композиторов с консерваторским образованием, высокообразованных людей. Он также понимал, что историческая заслуга ЛАСМ состояла в борьбе с академизмом и в намерении обновить стиль и язык русской музыки.

После того как в 1925 году в консерваторию пришли лидеры ленинградского “современничества” Щербачёв и Асафьев, здесь возникла необычная, уникальная ситуация. В старейшем высшем музыкальном учебном заведении России образовались и сосуществовали две кафедры композиции: академическая, которую возглавил после отъезда Глазунова из СССР М. Ф. Гнесин, и вторая, “современническая”, которую к моменту поступления Свиридова в консерваторию в 1936 году возглавлял П. Б. Рязанов, будучи заведующим композиторского отделения.

Между кафедрами шло соревнование, и хотя соревновательная атмосфера была отнюдь не безоблачной⁵⁵, но само наличие конкурентной борьбы давало стимул для совершенствования учебной работы. И в это же время композиторское обучение в Ленинградской консерватории было поставлено очень высоко, ленинградская композиторская школа была в 1920-е – первую половину 1930-х годов фактически лидирующей в Советском Союзе⁵⁶. Юный Свиридов, перед тем как отправиться в Ленинград, заглянул в Москву, встретился с рядом московских композиторов, послушал музыку и... всё же выбрал Ленинград.

Именно в Ленинграде совершилась настоящая реформа композиторского образования. Дело в том, что до 1925 года и позднее в той же Московской

консерватории шли значительные реформы, касавшиеся в основном исполнительского искусства, общего музыкального образования. Здесь шла усиленная борьба за рабфак, за инструкторский отдел, за институт “красной профессуры”, менялись программы обучения у исполнителей. В то же время на научно-композиторском факультете и на кафедре композиции Московской консерватории никаких решительных перемен в обучении композиторскому делу не происходило. В основном вводились новые научные предметы (та же акустика) или разные теоретические системы вроде “Теоретического курса гармонии” Г. Л. Катуара, теории метро-тектонизма Г. Э. Конюса или ладового ритма Б. Яворского.

Когда в декабре 1921 года состоялась первая Всероссийская конференция по вопросам художественного профессионального образования, и по реформе музыкального образования Б. Л. Яворский разработал “Положение о высшем музыкальном учебном заведении – консерватории”, то в нём не было никаких новаций относительно обучения композиции. В это время программа, планы кафедр композиции в консерваториях оставались без изменений, сама система занятий не менялась ещё с дореволюционного времени.

Эту традицию пытался нарушить один из наиболее радикальных лидеров московского современничества Н. Рославец. Он едва ли не первым сформулировал новый принцип обучения – от практики к теории, однако не сумел предложить убедительный метод обучения. Его доклад “О новых методах образования композитора-профессионала” в Творческом отделе Московской консерватории так и не получил поддержки⁵⁷.

То, что в это время задумал Щербачёв со своими соратниками, было настоящей революцией в композиторском образовании. Суть этой революции заключалась в том, что занятия по свободной композиции, сочинению было предложено начинать с первого курса обучения композиторов, а не в конце, как это было принято раньше, ещё с дореволюционных времён. А параллельно изучать все теоретические предметы, гармонию, контрапункт и т. д. Но главное – они сумели разработать методы обучения только начинающих студентов-композиторов.

Тетрадь Свиридова с первыми опытами сочинения 1932 года показывает, что начинали обучать с простых форм, давая задание написать период, прелюдию, жанровую пьесу, тему для вариаций. Причём не делалась попытка анализировать стиль какого-либо композитора и писать в этом стиле, что, по сути, предлагал Н. Рославец.

Насколько этот метод был эффективен, можно судить по тому, что через три года обучения Свиридов в 1935 году пишет свой цикл пушкинских романсов, ставший классикой русской камерно-вокальной литературы. В 1936 году он напишет своё первое произведение для оркестра – фортепианный концерт, а через год – партитуру своей первой симфонии.

Во время своего посещения Ленинграда в феврале 1927 года Прокофьев встречался с Щербачёвым. И в своём дневнике поделился впечатлением об этой встрече. Как он писал, “Щербачёв, который преподаёт теперь теорию композиции в Консерватории, с увлечением рассказывает про свою новую систему преподавания и про ещё более смелые планы дальнейших нововведений согласно этой системе. У меня в представлении ещё старая Консерватория с необходимыми и непререкаемыми звеньями – гармонией, затем контрапунктом, а потом фугой и формой, и мне страшно и любопытно теперь слушать новые теории Щербачёва, согласно которым все эти звенья летят к чёрту и устанавливаются совершенно новые принципы, о которых он с волнением рассказывал мне, считая меня главою современности в музыке”⁵⁸.

Н. П. Рязанова прокомментировала эту запись в дневнике Прокофьева, упомянув имена сотрудников Щербачёва: Прокофьев с интересом слушал рассказ Щербачёва о реформе консерваторского композиторского образования, проведённой Асафьевым и Щербачёвым совместно с группой молодых музыкантов, в которую входили П. Б. Рязанов, Ю. Н. Тюлин и Х. С. Кушнарёв⁵⁹. Рязанов после ухода Щербачёва из консерватории в начале 1930-х годов возглавил “реформаторскую” кафедру.

Свиридов при поступлении в консерваторию подал заявление в класс П. Б. Рязанова. С Петром Борисовичем у него сложились хорошие отношения ещё в техникуме⁶⁰. Как раз в 1936 году, после выхода в свет статьи “Сумбур вместо музыки” в консерватории почти два месяца длилась дискуссия

“по вопросам формализма в музыкальном образовании”⁶¹. И в этой дискуссии сошлись в открытом бою представители двух кафедр, главными были выступления М. Гнесина и П. Рязанова⁶².

И хотя Шостакович учился у Штейнберга, соратника Гнесина, на его кафедре, и, казалось бы, эта кафедра несла прямую ответственность за своего ученика, тем не менее удар был нанесён по “современнической” кафедре. Рязанова убрали с повышением, он был вынужден покинуть пост декана факультета и главы кафедры, получив приглашение в Москву, в Главное управление музыкальных учреждений (ГУМУ) в Комитете по делам искусств при Совнаркоме СССР. В результате этого Свиридов попал в класс Д. Шостаковича.

1920-е годы всё же отличались от второй половины 1930-х годов. Конечно, в условиях нового, советского режима Асафьеву и его ученикам приходилось учитывать особенности новой коммунистической идеологии, новые социальные условия. Поэтому в работах Асафьева, публичных выступлениях асмовцев был выбран соответствующий дискурс, соблюдались определённые правила игры, приходилось подстраиваться под новую идеологию, под новые вкусы, что-то подымать на щит, а чем-то жертвовать, предавать фигуре умолчания.

Точно так же, как в репертуарной политике музыкальных театров, и в мысли о русской музыке на долгое время была практически забыта первая национальная опера Глинки “Жизнь за царя”. Под определённым, “социологическим” углом зрения рассматривалось мировоззрение М. П. Мусоргского. На сцене Мариинского театра в постановках “Хованщины” в конце 1920-х – начале 1930-х годов, в разгар борьбы с религией, с церковью, Досифей и Марфа изображались как провокаторы, тайком бежавшие из объётого пламенем скита, оставив заживо сгорать обманутых ими староверов. В опере Н. А. Римского-Корсакова “Сказание о граде Китеже и деве Февронии” Асафьев в начале 1920-х находил “стилизацию религиозного начала”, акцент делал на пантеистических мотивах. В Симфонических этюдах Асафьев называет “Сказание о невидимом граде” христианской оперой, но при этом замечает, что “Китеж” не есть таинство, мистерия, в смысле противоположения его всему земному, бытовому, временному, условному. Наоборот, он глубоко связан с землёй <...> Надо помнить, что он – с к а з а н и е, и даже не волшебное. Просто сказание верующего, социально-религиозная утопия, спасение от земных бедствий и ужасов”⁶³.

Разумеется, в то время асмовцы не могли поднимать тему “национального своеобразия” русской музыки. Да, собственно, в этом не было никакой необходимости, русская классика оставалась в общем-то глубоко почитаема в широких кругах общества. Сабанеев, говоря о состоянии русской оперы в конце XIX – начале XX века, без задней мысли несколько легковесно отмахивается от “национального”. Как он пишет, “в конце XIX века опера начала разлагаться, и связано это было с общим кризисом театра, в котором началась пора исканий. Глазунов – убеждённый инструментальный симфонист. Скрябин ненавидел оперу. Проблема сюжета. И либретто. Надоели исторические и мифологические сюжеты. Национализм вообще, которому русская школа отдала такую исчерпывающую дань, больше уже не привлекал просто по закону эстетического контраста: он надоел и исчерпался. И Глазунов, и Танеев, и Скрябин, и Метнер, и даже менее их значительный Рахманинов – все они такое же отрицание национализма, как прежние композиторы – его утверждение”⁶⁴. Полагаю, что такого рода высказывание родилось как реакция на патриотическую риторику русской мысли о музыке в период “германской” войны 1914 года⁶⁵.

Свиридову никогда бы и в голову не пришло считать, что Рахманинов, автор Всенощной или Трёх русских песен, отрицал национальное содержание своей музыки. Для Свиридова водораздел в русской музыке шёл совсем по иной линии. Для него было важно, как художник откликнулся на вызов своего времени.

Причину упадка русской оперы в начале XX века, после “Китежа” он видел в духовном кризисе, охватившем русское общество. В движении русского модернизма. Рахманинов, по мысли Свиридова, “звал к духовному самоуглублению, звал к сочувствию человеческому страданию, судьбе Христа, ибо в этом видел то, что предстояло пережить его Родине”. Свиридов видел среди сходных рахманиновскому типу фигур Н. Метнера, С. Танеева и А. Глазунова.

В то время как иные композиторы, по Свиридову, услышали в зове времени “культ языческо-балетных жертвоприношений”. Он имел в виду Стравинского и Прокофьева. Скрябина критиковал за “богоборчество” Прометея, за Сатаническую поэму. Что, впрочем, не мешало ему любить того же “Петрушку” и “Свадебку” Стравинского, ценить “Мимолетности”, музыку к кинофильму “Иван Грозный” или балет “Ромео и Джульетта” Прокофьева. “Поэму экстаза” слушал, испытывая неподдельный восторг, о фортепианных прелюдиях ор. 74 заметил: “В хрупкой музыке Скрябина – предчувствие вселенской катастрофы. Мир – тонок, хрупок, беззащитен”⁶⁶.

Разумеется, и Танеев, и Глазунов, и Рахманинов, и даже Скрябин с его утопией “Предварительного действия” оставались русскими композиторами, несколько над этим не задумываясь. Перед русскими композиторами в 1920-е годы стояли совсем иные задачи, “национальное” как идея, как цель, скажем, создания национального языка или нового национального эпоса отнюдь не была в повестке дня.

Впрочем, такой взгляд на национальное не мешал тому же Сабанееву вполне убеждённо, с высоко поднятой головой утверждать: “Взгляд на Запад не утешителен: там мы видим наступление эпохи разложения. Если кризис Запада вообще есть признанный многими факт, то на примере музыкальной культуры он доказывается с особенной яркостью. Музыка – душа эпохи – стала разлагаться, стала давать какие-то фальшивые очертания и формы. Запад, более того, в области музыки сейчас учится у России, но не у России новой, а у старой, довоенной России: властителями дум музыкальных в мировом масштабе являются, с одной стороны, Рахманинов (Америка), с другой – Стравинский и отчасти Прокофьев”⁶⁷.

И это было сказано представителем современничества, одним из идеологов АСМ, очень далёким от официальной борьбы с идолопоклонничеством перед Западом, с формализмом. Которого, между прочим, его противники считали космополитом и формалистом⁶⁸.

Национальная политика большевиков в 1920-е годы и русская музыка

И всё же Свиридов в 1988 году и РАПМ, и АСМ назвал организациями, которые воевали против русского искусства. Надо иметь в виду, что Свиридов часто какую-либо историческую ситуацию или какой-либо факт, достоверный или воображаемый, примерял на себя. Говоря об АСМ и РАПМ и желая написать о них статью, Свиридов хотел воспользоваться приёмом аллюзии, объяснить через прошлое настоящее. Однако Свиридов обладал достаточными познаниями и чутьём, он понимал некоторые вещи не поверхностно, видя глубинные причины. В данном случае он хорошо понимал, что стояло за антирусскими взглядами некоторой части музыкальной общественности 1920-х годов.

Как известно, большевики приняли 2 ноября 1917 года “Декларацию прав народов России”, в которой было объявлено о равенстве всех граждан России независимо от их национальности, вероисповедания и социального положения. В качестве основополагающей для нового государства предлагалась политика добровольного союза равноправных народов России. И, главное, в этом декрете декларировалось право наций на самоопределение.

Документ этот был, бесспорно, прогрессивным актом, если его сравнивать с законодательством Российской империи в области национальной политики. Тем не менее он не был идеальным, носил отчасти декларативный характер. Что касается русской нации, то она переставала быть государствообразующей, Русская Православная Церковь была отделена от государства. Религии фактически была объявлена война, в противовес национализму декларировался “пролетарский интернационализм”.

И самое главное, нельзя забывать, что в 1920-е годы руководящей была точка зрения Ленина на русскую нацию. И хотя он писал “о национальной гордости великороссов”, вспоминая декабристов, Герцена или Чернышевского, тем не менее в известных записках “К вопросу о национальностях или об автономизации” Ленин убеждал: “Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетённой, национализм большой нации и нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми”⁶⁹.

Известна шутивная по тону, но серьёзная по смыслу записка вождя Л. Каменеву от 6 октября 1922 г.: “Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами. Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т. д. Абсолютно! Ваш Ленин”⁷⁰.

“Бывшая державная нация” (Ленин) должна была нести моральную ответственность и испытывать вину перед угнетавшимися народами Российской империи, отвечать за национальную политику царской России. Ленин выражал опасение, что нэп принесёт возрождение “великорусского шовинизма”, считал, что должна быть объявлена война старорежимной “шовинистической великорусской швали”⁷¹.

Разумеется, во многом высказывания Ленина по национальному вопросу диктовались политическими соображениями своего времени, когда речь шла о создании Союза советских республик. Тем не менее национальная политика большевиков 1920-х годов основательно отразилась на общественном сознании. Ни о каком русском национализме, культурном и уж тем более политическом, не могло идти и речи в то время, само слово “русский” было практически равнозначно понятию “буржуазный национализм”. История русского народа, история его культуры стала переписываться заново, достаточно вспомнить труды историка-марксиста М. Н. Покровского.

Парадокс заключался в том, что сразу после революции русский национализм в музыке поддержал представитель академизма, один из родоначальников новой еврейской композиторской школы М. Ф. Гнесин, ученик Н. А. Римского-Корсакова, пронесший через всю жизнь глубокое уважение к учителю, человек с чувством национального достоинства, испытывавший романтическую тягу к земле обетованной⁷².

В 1918 году он опубликовал в первом номере московского журнала “Искусство” статью с весьма примечательным названием “Интернационализм” и русская музыка”⁷³, взяв в кавычки слово, которое в тот момент было одним из важнейших в политическом лексиконе пришедших к власти большевиков.

В конце статьи он приходит к следующему заключению: “Желая предостеречь тех, кто дорожит будущим народа в различных проявлениях его жизни и творчества, от непродуманного переноса в область музыки восторжествовавших в настоящее время в России великих идей и рассчитывая, что голос музыканта, способного размышлять над судьбами своего искусства, может быть услышан, я пытаюсь здесь показать, как преломляются в музыкальном творчестве идеи националистические и интернационалистические и почему, с моей точки зрения, *принципиальный национализм*, в котором обвиняют русских композиторов, *есть путь к общечеловечески-ценному*, и следовательно — *путь к торжеству интернационализма*; *принципиальный же интернационализм в музыке — прямая дорога к творческому бесплодию*”⁷⁴.

Ни Асафьев, ни Щербачёв, а в Москве — тот же Мясковский не могли себе позволить говорить не то, что о принципиальном, а просто о русском национализме, о русской национальной музыке. Они были плоть от плоти русской композиторской школы и в своих действиях и мыслях стремились в новых социальных условиях спасти эту школу от провинциализма, придать новые импульсы её дальнейшему развитию.

Это понимал Свиридов, не случайно в одной из тетрадей у него появится следующая, несколько парадоксальная мысль: “О разработке проблем, связанных с Советской музыкой. Мясковский, Щербачёв, сыгравшие большую роль в сохранении традиций русского искусства, не давшие разрушить его ещё в 20-е годы деятелям АСМа”⁷⁵.

Читается это странно, так как и Мясковский, и Щербачёв как раз и были видными деятелями АСМа, и Свиридов, конечно, это хорошо знал. По всей видимости, Мясковского и Щербачёва Свиридов выделял особо, дистанцируя их от асовцев типа Н. Рославца, А. Мосолова, В. Половинкина, Д. Мелких, А. Шеншина и др. Не случайно в одной из тетрадей Свиридов написал, что Мясковский “... в 20-е годы нёс, как и Щербачёв, факел русской музыки”⁷⁶.

Свиридов был знаком со своими старшими коллегами. Они сыграли определённую роль в его судьбе. Именно Щербачёв выдвинул фортепианные трио и квинтет Свиридова на Сталинскую премию⁷⁷, Мясковский писал рецен-

зию на его фортепианное трио, отмеченное премией первой степени. Георгий Васильевич признавался, что очень жалел, что так и не сошёлся ближе с В. В. Щербачёвым, когда они в эвакуации жили, что называется, бок о бок в Новосибирске.

Свиридов знал, какая трудная судьба была у обоих. Он рассказывал мне о них. Отмечал, что оба они были из дворян, и, как он написал, они “не могли прославиться” из-за “принадлежности к чуждому социальному слою”⁷⁸. Рассказывал мне, что отец Н. Я. Мясковского был крупным военным инженером, фортификатором. Он строил фортификационные сооружения в Польше по так называемой линии русского Мажино. Его убили восставшие солдаты в крепости Ново-Георгиевске близ Варшавы. Николай Яковлевич узнал об этом, но не ожесточился и остался в России. Сам был офицер, воевал в Первую мировую, как её называли, “империалистическую”. Он прекрасно видел, что творится в стране, свои впечатления передал в своей Шестой симфонии, в финал которой включил духовный стих “Как душа с телом расставалась”.

Обоим композиторам пришлось несладко, их критиковали, в 1930-е годы им пришлось в своём творчестве реагировать на новый социальный заказ, тем не менее они сумели сохранить порядочность, благородство. Свиридов всегда с уважением отзывался о них, помнил, что когда после статьи “Сумбур вместо музыки” началась проработка Шостаковича, то на собрании в Ленинградском союзе композиторов Щербачёв был единственным, кто проголосовал против принятия резолюции с осуждением Дмитрия Дмитриевича. И это при весьма непростых отношениях к ученику своего конкурента Штейнберга.

Позиция Мясковского и Щербачёва во время дискуссий по поводу статьи “Сумбур вместо музыки” была замечена в ЦК ВКП(б). В своей докладной записке секретарям ЦК заместитель заведующего отделом культурно-просветительской работы ЦК ВКП(б) А. И. Ангаров высказывает своё подозрение: “Несомненно, что существует молчаливый сговор формалистов различных направлений, даже враждовавших в прошлом между собой. В качестве примера можно указать на ленинградского профессора Щербачёва, являющегося творческим противником Шостаковича, но в кулуарах выступающего в его защиту. Противником Шостаковича является также и Мясковский, в частных беседах ещё до появления статей “Правды” резко осуждавший балет “Светлый ручей”. На другой же день после выступления “Правды” Мясковский занял по отношению к Шостаковичу позицию “благожелательного нейтралитета”⁷⁹.

Впрочем, Свиридов не отличался терпимостью и критиковал даже своих учителей. Например, признался как-то мне в беседе, что смеялся над блоковскими романсами П. Б. Рязанова, написанными в модной в 1920-е годы атональной манере. Не нравились ему фортепианные “Афоризмы” Шостаковича⁸⁰, считал, что сам Дмитрий Дмитриевич правильно оценил свои 2-ю и 3-ю симфонии, назвав их “дерьмом”⁸¹.

К композиторам академической школы молодой Свиридов относился не то, что равнодушно, а, как он сам выразился, просто презирал сочинения того же Штейнберга и Гнесина. Это уже было в консерватории, когда он был в классе у Шостаковича. Шостаковичем он был увлечён сразу как приехал в Ленинград, ещё будучи учащимся техникума. И с высоты достижений своего учителя стиль композиторов-академистов казался ему старомодным, “старорежимным”.

Тем не менее, описывая соревнование между двумя композиторскими кафедрами и отдавая предпочтение “современнической” кафедре, Свиридов всё же сумел по достоинству оценить обучение Шостаковича у Штейнберга. Дмитрий Дмитриевич, как считал Свиридов, получил прекрасную выучку, усвоил классические формы, как раз то, что было слабым местом у композиторов щербачёвской школы и самого Щербачёва. Они искали новые сложные гармонии, осваивали политональность и атональность, линейную технику письма, но большая форма у того же Щербачёва в блоковских Второй и Третьей симфониях была всё же рыхловатой. Сказывалось тяготение Щербачёва к импровизационности в самом процессе сочинения, а главное – в поиске каких-то новых форм. По сути, его Вторая симфония представляла собой некий цикл романсов, оркестр в котором играл функцию цементирующего материала, выполнял скорее не конструктивную роль, а чисто выразительную, экспрессивную. Тем не менее, хотя Шостакович вышел с академической

кафедры, “современничество”, как известно, сыграло большую роль в его становлении.

На молодого Свиридова оказали влияние взгляды Асафьева и его коллег-композиторов на культуру мелоса, на значение музыки быта, “не только в плане ее изучения, но, что особенно важно, в плане включения её в круг музыкально-творческих проблем”⁸². Известные статьи Асафьева “Композиторы, поспешите” и “Кризис личного творчества” остались в его памяти.

Благодаря Асафьеву в Ленинградской консерватории возникла фольклористика, здесь трудились замечательные учёные Е. Гиппиус и З. Эвальд. Уже после войны, в то время, когда Свиридов увлёкся народными песнями, знакомился по публикациям Рудневой с народно-песенным творчеством своего родного Курского края, он не забыл годы своего консерваторского прошлого. Мелодию и слова для своей “Русской песни” он почерпнул в хранившемся в его библиотеке известном труде Гиппиуса и Эвальд, их публикации “Песни Пинежья”⁸³.

В развитии мелодического дара Свиридова сыграл свою роль уникальный курс по мелодике, который читал П. Б. Рязанов. Официально в 1936 году этот предмет уже не существовал в учебном плане композиторского отделения, тем не менее на своих занятиях в классе композиции Рязанов продолжал обучать молодых, начинающих композиторов искусству мелодии. Свиридов рассказывал, что Пётр Борисович анализировал со студентами ранний, до-глинчинский романс, народную песню, немецкую романтическую lied, а также классический русский романс вплоть до вокальных сочинений И. Стравинского. Свиридов отмечал, к примеру, его песни на слова С. Городецкого (“Весна” (Монастырская) и “Роснянка”, ор. 6), но особенно ценил “Свадебку”.

Надо сказать, что в Ленинграде Щербачёв и его соратники разрабатывали свою методику композиторского образования на совсем иных принципах, нежели в Москве. И курс мелодики, сопряжённый с курсом полифонии, интерес к линейному, интерес к исследованию Э. Курта “Основы линейного контрапункта” – всё это сильно отличало ленинградцев от московского современничества, которое исходило, прежде всего, из примата гармонии.

Огромную роль в Москве, в творчестве московских композиторов разных поколений сыграл Скрябин, его гармонические изыскания. В своей статье “Скрябин и будущее русской музыки” теоретик В. Беляев утверждает примат гармонии в логике музыкального мышления. Как он пишет, “можно утверждать, что обогащение словаря гармонических звучаний отражает в себе прогресс музыкального искусства, потому что этот словарь постоянно изменяется, и в разные эпохи он наполнен различным содержанием, носящим, конечно, на себе черты полной преемственности от словаря предыдущей эпохи. Гармонические звучания, звуковые комплексы входят в соединение между собой в музыкальном произведении на основании некоторых постоянных законов, которые могут быть названы законами логики музыкального мышления”⁸⁴.

И далее, анализируя построение аккорда “Прометей”, Беляев утверждает, что в звуковом комплексе “Прометей” Скрябин дал “новый план гармонического мышления” и что Скрябин “привёл нас на порог новой огромной эпохи развития гармонического языка”⁸⁵. Беляев видит огромные перспективы достижений позднего Скрябина. Как он пишет, “принципы логики музыкального мышления столь всеобъемлющи, а данные Скрябиным основы для создания нового музыкального языка столь широки, что, вероятно, вся современная музыка, несмотря на психологическое и иное отталкивание некоторых её течений от Скрябина, всё же вращается в том кругу возможностей, основы которого, нужно считать, незыблемо утверждены Скрябиным”⁸⁶.

Берём другой журнал и другого автора. Вот что пишет автор под псевдонимом Дialeктик в журнале “Музыкальная культура”. Описывая направления гармонических изысканий современных композиторов, автор невысокого мнения о мелосе у современных композиторов. “Что касается мелодического элемента современной музыки, то сейчас мы переживаем эпоху *помрачения значения мелодии, голоса* (курсив мой. – **А. Б.**); но несомненно, что с течением времени, когда закончится на известный период творческая изыскательная работа в области гармонии, музыканты снова почувствуют потребность выдвинуть на первый план проблему мелоса; конечно, это будет реформированная мелодия, несомненно, многоголосная, обогащённая ритмически,

насыщенная динамикой, органически вытекающая из того гармонического “роскошества”, которое обусловит введение новых многоступенчатых гамм”⁸⁷.

Разумеется, говоря о различии в творчестве московских и ленинградских композиторов в 1920-е годы, было бы слишком упрощённо, схематично разделять композиторов по отношению к тем или иным средствам музыкальной выразительности. Тем не менее некоторые заметные фигуры московского современничества явно тяготели к поискам в области гармонии. В журнале “Современная музыка” была опубликована статья одного из лидеров московского современничества, главы АСМ Н. Рославец, написанная по просьбе редакции, – “Ник. А. Рославец о себе и своём творчестве”.

В этой статье Рославец описывает свой творческий путь и путь исканий, и вот что он говорит о найденной им системе: “Я ясно вижу, как моё музыкальное сознание шло по пути нащупывания неких самостоятельных, довлеющих себе звуковых комплексов, своего рода “синтетических аккордов”, из которых должен был рождаться весь гармонический план произведения. Эти “синтетаккорды”, включавшие в себя от 6-ти до 8-ми и более звуков, из которых легко выстраивается большинство существующих в старой гармонической системе аккордов, очевидно призваны были взять на себя в общекультурном плане композиции не только внешнюю, звуко-красочную роль, но и внутреннюю роль заместителей тональности”⁸⁸.

И далее он описывает, как на основе этих синтетаккордов, представляющих собою “основные” звучания и выполняющих роль “тональности”, “выстраиваются горизонталы и вертикали, развёрнутые в плане 12-ступенной хроматической скалы по особым принципам голосоведения, логические законы которых мне также удалось найти”⁸⁹. При всём том, что “синтетаккорд” Рославца был его собственным изобретением, как и принцип построения вертикали и горизонталы из него, всё же он напоминал гармонический язык Скрябина, что, собственно, и сам Рославец не отрицал.

Надо сказать, что в Ленинграде не было такого культа Скрябина, как в Москве. Им, конечно, увлекались, к примеру, тот же Лурье, Вышнеградский, в начале 1920-х годов покинувшие Советскую Россию. Но как массовое поветрие скрябиномания в Ленинграде не процветала. Соллертинский называл Скрябина “космическим цыплёнком”, в кругу молодых композиторов Скрябин считался уже пройденным этапом русской музыки. Даже С. Прокофьев уже не казался последним словом в музыке. Всё же законодателем мод в Ленинграде были И. Стравинский и А. Берг, современный немецкий симфонизм (Р. Штраус, П. Хиндемит). В классе Шостаковича играли по партитуре “Симфонию псалмов”, анализировали оперу “Царь Эдип”. У Гавриила Попова есть Прелюдия, посвящённая А. Шенбергу. Атональная фактура в “Стихотворениях” А. Блока у П. Рязанова – далёкий отклик на вокальный цикл ор. 15 “Пятнадцать стихотворений из “Книги висячих садов” Стефана Георге” Шенберга. В Ленинграде ставился “Воццек” Альбана Берга. Свиридов уже в конце 1930-х годов взял в библиотеке Ленинградского Союза композиторов стеклографическое издание клавира “Воццека”. В 1980-е годы он играл наизусть последний антракт оперы.

Рязанов разрабатывал свой курс мелодики на основе тех идей, которые развивались в Ленинграде. Это и учение Курта, это и понятие “интонации” в его чисто музыкальном аспекте, которое Асафьев заимствовал у Яворского. В 1920-е годы ленинградцы были сильно увлечены линейной техникой, когда уже не классическая функциональная гармония руководила движением голосов, а сами голоса, их свободное развитие диктовали состояние многоголосия, аккорд возникал как производное от движения голосов. Стремление к полифонизации фактуры было характерной чертой ленинградской школы, достаточно вспомнить опыты молодого Шостаковича, его фортепианную сонату, полифонические куски во второй и третьей симфониях или чисто линейный Септет Гавриила Попова.

В 1930-е годы ситуация существенно изменилась. Сложилась новая аудитория, сформировалась новая публика, в музыку пришли люди с совсем иным слуховым опытом, нежели контингент выпускников консерваторий в дореволюционный период. И в самой музыке, и в обществе назрела потребность в новом демократичном музыкальном языке. И не случайно, что именно в этот момент на переднем плане интересов композиторов встало мелодическое начало, яркая песенная интонация. В 1930-е годы гармонические изыскания

в духе Скрябина уже выглядели старомодными. И в это время Рязанов развивает свой курс мелодики.

Конечно, поиски шли в разных направлениях, пытались использовать четвертитоновые созвучия, делались попытки отказаться от равномерной темперации и перейти к натуральному звукоряду или сконструировать новые звукоряды. Но уже к началу 1930-х годов ко всем этим изыскам постепенно утрачивался интерес. Главным, магистральным направлением обновления звуковой системы была расширенная тональность. В 1930-е годы на первом месте стоял вопрос о ярком, рельефном тематизме, в поисках композиторов чувствуется возросший интерес к мелосу, мелодическому началу.

И это вполне объяснимо. Дело в том, что к началу 1930-х годов завершилась сплошная радиофикация СССР, сложился опыт музыкального радиовещания. Кроме того, появляется “звуковая фильма”. Музыка обретает небывалую ранее по численности и пестроте своего этнического и социального состава аудиторию. В стране происходят огромные социальные перемены, небывалыми темпами растёт городское население, вырастают новые поколения рабочего класса, формируется новая, первого поколения советская интеллигенция. Музыка поневоле стала искать выход на нового, демократического слушателя.

Ещё когда Свиридов учился в техникуме, он увлёкся на какое-то время песенным движением. В том числе, между прочим, не прошёл мимо опытов композиторов РАПМа. Обычно теперь принято с пренебрежением относиться к творчеству рапмовских композиторов. А Свиридов считал, что пролетарские композиторы искали новую, песенную интонацию, нащупывали новые малые формы. Говорил, что рапмовцы тоже были левыми (в художественном, а не в политическом смысле), как и асмовцы, но опирались, с одной стороны, на опыт Мусоргского, а с другой – на Ганса Эйслера, с которым были в дружеских отношениях.

Свиридову была ненавистна идеология РАПМа, их демагогия и начётничество, но что касалось творчества того же А. Давиденко, то он считал, что это был талантливый композитор с ярким мелодическим даром. Помню, как Свиридов обратил моё внимание на удивительный запев песни “Конная Будённого” на слова Н. Асеева (“С неба полуденного жара не подступи”) с её необычным размахом, ходами на септиму и кварту. Подобные находки не встретишь ни у Мусоргского, ни у Стравинского. Или фортепианный отыгрыш-вступление к песне-романсу “Мать”. Как Свиридов вспоминал, “мне нравились песни М. Коваля “За окном стучится ветер”, “Москворецкая” на слова Н. Асеева, “Мать” А. Давиденко, его хоровые сцены “Улица волнуется”, “Подъём вагона” – тут схвачена фабричная застава, толпа, волнение, баяны, схвачен кусок русской жизни XX века”⁹⁰. И как это ни покажется странным, но когда Свиридов в зрелые годы пришёл к “примитиву”, к песенной форме, в его подсознании, в дальних закоулках феноменальной памяти его слуха отложился опыт композиторов РАПМа. Здесь сказались и влияние П. Рязанова, его курса мелодики.

Оратории Свиридова строятся из коротких сцен, по сути, картин, в них нет традиционных типовых форм, характерных для классических ораторий. В какой-то степени опыт композиторов-рапмовцев в создании крупных коллективных произведений ораториального типа оставался в памяти Свиридова, что давно уже подметили исследователи его творчества⁹¹.

Между прочим, в зрелые годы Давиденко оценил и Шостакович. Он сам сделал аранжировку для смешанного хора и симфонического оркестра двух хоров Давиденко из коллективной оратории “Путь Октября” – “На десятой версте” и “Улица волнуется” (соч. 124).

РАПМ

В отличие от АСМа, отношение Свиридова к РАПМу как к организации и особенно к её идеологии было резко отрицательным. К тому же у Свиридова сложились довольно драматичные отношения с некоторыми бывшими рапмовцами.

Долгое время о РАПМ была довольно скудная информация. обстоятельной монографии об этой организации нет до сих пор. Краткие, разрозненные сведения можно почерпнуть сегодня в некоторых книгах, например, в студиях

Е. Власовой “1948 год в советской музыке”⁹² или М. Раку “Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи”⁹³ и др. Важные персональные данные и отдельные документы можно найти в трудах Л. Макименкова⁹⁴. Большой материал о РАПМ содержится в основательной работе Н. И. Тетериной, посвящённой РАПМ и Ю. В. Келдышу⁹⁵. Песенному творчеству пролетарских композиторов в 1929 году посвятила статью литературовед Н. Корниенко⁹⁶.

И всё же в существовании этой организации много белых пятен. Пока не до конца ясна причина её краткого взлёта и хотя и недолгого, но достаточно высокого командного положения в истории отечественной музыки. Нет даже элементарной, связной истории этой организации.

Исторические корни идеологии пролетарских организаций и в том числе РАПМ (ВАПМ), как известно, восходят к идеологии Пролеткульта, а та, в свою очередь, базируется на трудах русского философа-марксиста А. А. Богданова. В предложенной Богдановым резолюции “Пролетариат и искусство” на Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций в сентябре 1918 года второй пункт гласил: “Пролетариату для организации своих сил в социальной работе, борьбе и строительстве необходимо своё, классовое искусство. Дух этого искусства – трудовой коллективизм: оно воспринимает и отражает мир с точки зрения трудового коллектива, выражает связь его чувства, его боевой и творческой роли”⁹⁷.

Пролеткульт в виде организации, ставящей задачу просветительства, образования рабочих, возник незадолго до Октябрьской революции. После Октябрьской революции Пролеткульт очень быстро вырос в массовую организацию, имевшую свои отделения в ряде городов. Основной формой работы были кружки, рабочие школы, рабфаки, разного вида самодеятельные коллективы, в том числе театры, музыкальные ансамбли. Были свои органы печати, издавалось около 20 журналов. Был создан и недолго просуществовал Рабочий университет, предполагалось издание энциклопедии.

Опасаясь, что Пролеткульт в силу своей популярности может стать влиятельной политической силой⁹⁸, Ленин постановлением ЦК РКП(б) “О Пролеткультах” от 10 ноября 1920 года и письмом ЦК от 1 декабря 1920 года добивается подчинения Пролеткульта Народному комиссариату просвещения.

Нарком просвещения Луначарский поддерживал Пролеткульт, Богданов был его давним другом. Имея государственное финансирование, эта организация просуществовала до 1932 года, но её значение постепенно ослабевало. Из её недр и частично с элементами её идеологии от неё отпочковались и самостоятельно существовали пролетарские творческие организации, в том числе РАПП и РАПМ.

После того, как 3 августа 1922 года Совнарком выпускает декрет “О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора над ними”, начали перерегистрироваться старые и возникать новые творческие объединения и ассоциации в области литературы и художественной культуры. Пролетарские писатели были одними из первых. Ещё в октябре 1920 года состоялся их Первый Всероссийский съезд, на котором был учреждён Всероссийский союз (ассоциация) пролетарских писателей (ВАПП), независимый от Пролеткульта. Конференцию созывала группа писателей объединения “Кузница”, имевшая одноимённый журнал. В 1921 году ВАПП был официально признан Наркоматом просвещения.

В начале 1920-х годов возникают разные литературные, театральные и музыкальные организации, в том числе АСМ и РАПМ⁹⁹. Среди литературных, помимо ВАППа, наиболее известными и громко о себе заявившими была организация “Левый фронт” (ЛЕФ) во главе с В. Маяковским и группа “Перевал”, возглавляемая А. Воронским, главным редактором журнала “Красная новь”. В Ленинграде в 1921 году появились “Серапионовы братья”.

Была масса других литературных групп: имажинисты, акмеисты, неоклассики, формалисты, экспрессионисты, конструктивисты, эвфуисты, ничевоки, были эго- и кубофутуризм, биокосмизм, фуизм, форм-литразм и др.¹⁰⁰. И всё же наиболее общественно значимыми были пролетарские писатели, левовцы и так называемые “попутчики” – писатели, сотрудничавшие с журналом “Красная новь” и издательством “Перевал”. И между этими объединениями шла ожесточённая борьба.

Пролетарские писатели развивали основную идею Пролеткульта о классовой дифференциации творцов слова и о создании пролетарской культуры. Старая культура и представители беспартийных и далёких от революции писателей и поэтов считались “буржуазными”, а значит, классово враждебными. В тезисах доклада Г. Лелевича, принятых на Первой московской конференции пролетарских писателей, пункт 3 гласил: “Явно буржуазная литература, начиная от эмигрантских погромных писателей, типа Гиппиус и Буниных, и кончая внутрироссийскими мистиками и индивидуалистами, типа Ахматовых и Ходасевичей, организует психику читателя в сторону поповски-феодално-буржуазной реставрации. Эта литература является отрядом классовых противников пролетариата, и деятельность её в Советской России, с точки зрения пролетарской революции, ничем оправдана быть не может”¹⁰¹.

К последователям традиций старой дореволюционной русской культуры непримиримо относились и левовцы. В. Маяковский в одной из своих программных статей “В кого вгрызается ЛЕФ”, помещённой в первом номере журнала “ЛЕФ”, писал: “Но мы будем бить в оба бока: тех, кто со злым умыслом идейной реставрации приписывает акстарью действительную роль в сегодня; тех, кто проповедует внеклассовое, всечеловеческое искусство; тех, кто подменяет диалектику художественного труда метафизикой пророчества и жречества”. В том же первом номере журнала за 1923 год выступил с программной статьёй с грозным названием “Контрреволюция формы” теоретик ЛЕФа Б. Арватов.

Л. ТРОЦКИЙ “ЛИТЕРАТУРА И РЕВОЛЮЦИЯ”

Свою роль в борьбе литературных и других творческих организаций сыграл Л. Троцкий. Вышедшая в 1923 году его книга “Литература и революция”, переизданная в 1924 году, имела большое распространение и популярность. В этой книге Троцкий, согласно своему “социально-классовому анализу”, предложил свой табель о литературных рангах. Таких писателей и поэтов, как И. Бунин, А. Куприн, А. Ремизов, Б. Зайцев, М. Алданов, К. Бальмонт, Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Цветаева и оставшихся в Советской России А. Ахматову, Ф. Сологуба, Е. Замятина, А. Белого и других Троцкий зачислил в разряд “вне-октябрьской литературы”¹⁰².

К признавшим революцию и пытавшимся обрести коммунистическое мировоззрение он отнёс футуристов¹⁰³ и пролетарских писателей. Но если к футуристам он отнёсся благосклонно, слегка пожурив их за “утрированное отвержение прошлого”, за их антипсихологизм и идею “жизнестроительства”, всё же выделив как большой талант В. Маяковского¹⁰⁴, то на пролетарских поэтов он обрушился с уничтожающей критикой. Он категорически отрицает само понятие “пролетарская культура”. “Пролетарской культуры не только нет, но и не будет”, – таков его вердикт. Буквально уничтожает опыты пролетарских поэтов: “слабые, а тем более безграмотные стихи не образуют пролетарской поэзии, ибо не образуют поэзии вообще”¹⁰⁵.

Достаётся от Троцкого пролетарским писателям из объединения “Кузница”, считавших, что “стиль – это класс”, и, согласно этому подходу, по их убеждению, социально чужеродные писатели не могут создать художественный стиль, отвечающий природе пролетариата. Троцкий иронизирует: “Отсюда как-то само собою вытекает, что именно группа “Кузницы”, пролетарская по составу и по тенденции, творит пролетарское искусство”¹⁰⁶. Троцкому претит их “классовый мессианизм, кружковое высокомерие”. Приговор его суров: “Искусство для пролетариата не может быть искусством второго сорта”¹⁰⁷. Впрочем, уделяет внимание В. Казину и А. Безыменскому, отметив сильно влияние футуризма на последнего.

Совсем иначе Троцкий высказывается о группе литераторов, которых он назвал “литературными попутчиками революции”. По мысли Троцкого, творчество “попутчиков” – “переходное искусство, более или менее связанное с революцией, но не являющееся в то же время искусством революции”¹⁰⁸. Это не мешает ему поддержать целую плеяду писателей и поэтов, защитив их тезисом, что они были бы невозможны без революции. К таковым он отнёс Б. Пильняка, Вс. Иванова, Н. Тихонова, “Сералионовых братьев”, Есенина “с группой имажинистов”, Клюева. Особо выделяет А. Блока: “Конечно, Блок не наш. Но он рванулся к нам. Рванувшись, надорвался. Но плодом

его порыва явилось самое значительное произведение нашей эпохи. Поэма “Двенадцать” останется навсегда”¹⁰⁹.

Троцкий осторожничает, увидев в “попутчиках” некое новое “советское народничество”, называет их “мужиковствующими интеллигентами” и не видит в них пока политических перспектив. “Относительно попутчика всегда возникает вопрос: до какой станции?” И признаёт, что “этого вопроса нельзя сейчас предпринять”¹¹⁰.

И всё же при всех оговорках, при всём осторожничанье Троцкий утверждает: “попутчики составляют ныне очень важный отряд русской литературы”. Собственно, само слово “попутчик”, широко вошедшее в словарный обиход 1920-х годов, принадлежит ему.

В конце седьмой главы “Партийная политика в искусстве” Троцкий полемически бросает “напостовцам” вызов: “Но если мы выкинем Пильняка с его “Голым годом”, “серапионов” с Всеволодом Ивановым, Тихоновым и Полонской, Маяковского, Есенина, — так что же, собственно, останется, кроме ещё неоплаченных векселей под будущую пролетарскую литературу?”¹¹¹.

И далее Троцкий даёт ясную установку — партия не может и не намерена вмешиваться собственно в процесс литературного творчества. Как он пишет, “пути свои искусство должно проделать на собственных ногах. Методы марксизма — не методы искусства. Партия руководит пролетариатом, но не историческим процессом <...>. Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна ограждать, содействовать и лишь косвенно — руководить. Она может и должна оказывать условный кредит своего доверия разным художественным группировкам, искренно стремящимся ближе подойти к революции, чтобы помочь её художественному оформлению. И уж во всяком случае, партия не может стать и не станет на позицию литературного кружка, борющегося, отчасти просто конкурирующего с другими литературными кружками”¹¹².

В 1923–1925 годах, когда в партии шли дискуссии и ещё не было ясно, чья линия в ЦК возьмёт верх, о культуре и искусстве шли непрекращающиеся споры. Помимо деятелей культуры, писателей, на эти темы откликнулись и видные деятели партии. Троцкий, помимо книги, неоднократно выступал в это время с речами, писал статьи в различных журналах и газетах. Не отставал от него и Н. И. Бухарин, по долгу службы и сам как пишущий драматург откликнулся нарком просвещения А. В. Луначарский. Партийные деятели понижали рангом, руководители отделов ЦК, профсоюзные лидеры, члены Всерабиса, директоры издательств, театральные деятели в эти годы неоднократно поднимали вопрос о дальнейших путях развития советской литературы и искусства, о роли партии в художественной жизни, деятельности союзов и ассоциаций.

“АНАРХИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ” НАПРАВЛЕНИЙ В 1924–1926 ГОДАХ

Полемика между литературными направлениями после смерти В. И. Ленина и начала “коллективного руководства” в партии в 1924 году накалялась всё больше и больше. Пролетарские писатели настойчиво требуют от партии проявить решительность и занять принципиальную позицию. 9 мая 1924 года при Отделе печати ЦК РКП(б) под председательством его заведующего Я. А. Яковлева прошло литературное совещание, на котором присутствовали около 60 человек, из членов ЦК были Л. Каменев, Н. Бухарин, Л. Троцкий, К. Радек, Г. Чичерин, М. Фрунзе.

С основными докладами выступили основатель группы “Перевал” и главный редактор журнала “Красная новь” А. К. Воронский и секретарь РАПП Ил. Вардин (И. В. Мгебров). Вардин выступал первым, основой ему послужила его же буквально погромная статья “Надо, наконец, ликвидировать воронщину”, опубликованная в пятом номере журнала “На посту” за 1924 год. Воронский отвечал ему.

И. Вардин в своём докладе, обвинив А. Воронского, что он ведёт “пораженческую линию” по отношению к пролетарским писателям, недвусмысленно дал понять, что пролетарские писатели претендуют на руководящее положение. Вот его слова: “Нам нужна большевистская фракция в литературе. Такой ячейкой, такой коммунистической фракцией является группа пролетарских писателей. Говорят, что среди них нет гениев. Верно, нет гениев. Это ещё молодая гвардия. Да и вообще было бы нелепо от класса, только что вышедшего из

подполья, на другой день после гражданской войны требовать гениальных писателей. Но группа, на которую партия может опереться при проведении своей политики, такая группа существует. Такой группой является Всесоюзная Ассоциация Пролетарских Писателей (ВАПП). Партия должна руководить ВАПП и вокруг неё группировать беспартийных писателей”¹¹³.

Воронский не стал напрямую отвечать Вардину, он “совершенно спокойно” обратился к собранию: “По предложению “напостовцев”, нужно взять от правным пунктом журнал “На посту” и его отношение к художникам. Они требуют также, чтобы “власть” в литературе передали МАППу, то есть одному определённом кружку, очень молодому и художественно почти себя не проявившему. Совершенно спокойно говорю и знаю, что ликвидировать т. Вардину сейчас ту позицию, которую ЦК РКП(б) занимает, нельзя, потому что она диктуется самой жизнью, ибо встать на точку зрения журнала “На посту” — это значит разгромить всю работу. Нужно помнить, что подавляющее большинство подлинных художников от А. Толстого и “попутчиков” вплоть до пролетарских писателей работают в “Красной нови”, а не с журналом “На посту”.

У Вардина тоже была поддержка, в основном от своей команды “напостовцев”, Л. Авербаха, С. Родова, Г. Лелевича. Сторону “напостовцев” взял Ф. Раскольников, полпред в Афганистане, в тот момент главный редактор издательства “Молодая гвардия”. Сочувственно отнеслись к выступлению И. Вардина К. Радек, М. Фрунзе, директор института К. Маркса и Фр. Энгельса Д. Б. Рязанов, пролетарский поэт из “Кузницы” Г. В. Якубовский.

И всё же “заезжалство” и угрозы Вардина вызвали у большинства присутствовавших на совещании негативное отношение. Даже такой сторонник пролетарского искусства, как Н. И. Бухарин (Троцкий назвал его на совещании “протектором Пролеткульта”), вынужден был в мягкой форме обозначить свою отрицательную позицию по отношению к сокровенной идее “напостовцев” стать во главе советской литературы. Вот его слова: “Лучшим средством загубить пролетарскую литературу, сторонником которой я являюсь, величайшим средством её загубить является отказ от принципов свободной анархической конкуренции (*голосо*: “Браво! правильно!”), потому что нельзя сейчас выработать хороших писателей, которые бы не прошли определённой литературной, жизненной школы, жизненной борьбы, которые не завоевали бы себе места, не отвоевали бы каждой пяди своей позиции в этой борьбе. Если мы, наоборот, станем на точку зрения литературы, которая должна быть регулирована государственной властью и пользоваться всякого рода привилегиями, то мы не сомневаемся, что в силу этого мы погубим пролетарскую литературу. Мы сделаем из неё бог знает кого. Разве, товарищи, мы не видим, что в области нашей пролетарской литературы есть большой грех, — писатель написал 2-3 произведения, и он уже начинает себя стричь под гребёнку Гёте?”¹¹⁴.

Воронского поддержали Н. Осинский (В. В. Оболенский), писатель А. Весёлый и многие другие. Но главной поддержкой для него стало выступление Л. Троцкого. Собственно, Троцкий ничего принципиально нового по сравнению с его книгой “Литература и революция” не сказал. Более того, он ссылаясь на эту книгу. В своём, как всегда, блестящем выступлении он иронично отозвался о поддержавших И. Вардина Ф. Раскольникове, о теоретике Пролеткульта В. Плетнёве, который напомнил собравшимся о критике Троцкого Лениным, о “напостовце” Г. Лелевiche и, наконец, о самом И. Вардине. И в конце ещё раз выразил своё скептическое отношение к пролетарским писателям, их объединениям. В частности, он заметил: “Кузница”, “Октябрь” и другие подобные объединения ни в каком ещё смысле не являются вехами культурного классового творчества пролетариата, а лишь эпизодами верхушечного характера. Если из этих группировок выделится несколько хороших молодых поэтов или беллетристов, — пролетарской литературы от этого ещё не получится, но польза будет. Но если вы будете тшиться превращать МАПП и ВАПП в фабрики пролетарской литературы, то вы непременно сорвётесь, как уже срывались до сих пор. Член такой ассоциации считает себя не то представителем пролетариата при искусстве, не то представителем искусства при пролетариате. ВАПП даёт как бы некоторое звание. Возражают, что ВАПП — это есть только коммунистическая среда, где молодой поэт получает необходимые внушения и пр. Ну, а РКП? Если это действительный поэт и подлинный коммунист, то РКП всей своей работой даст ему несравненно больше внушений, чем МАПП и ВАПП”¹¹⁵.

И в самом конце своего выступления иронично осадил “напостовцев”: “Вы хотите, чтобы партия от имени класса официально усыновила вашу маленькую художественную мануфактуру. Вы думаете, посадив фасоль в цветочный горшок, вы способны взрастить дерево пролетарской литературы. На этот путь мы не встанем. Из фасоли никакого дерева произрасти не может”¹¹⁶.

Помимо дискуссии в ЦК, свою определённую роль сыграло оглашённое на совещании письмо группы писателей, так называемых “попутчиков”, которых “напостовцы” считали врагами Советской власти. Письмо подписали видные писатели и поэты, А. Толстой, М. Пришвин, Б. Пильняк, Вс. Иванов, И. Бабель, С. Есенин, Н. Клюев, О. Мандельштам и др.¹¹⁷.

В конце совещания родился проект резолюции. В этом проекте отмечалась необходимость ориентации на рабочих и крестьянских писателей, поддержка пролетарских писателей, осуждалась кружковщина в литературных кругах, необходимость усиления критики с позиций партии. Особо в пункте третьем было сказано о “попутчиках” и воюющем против них журнале “На посту”. “Совещание считает необходимым продолжение прежней линии партии в отношении к так называемым “попутчикам”. Необходима систематическая поддержка наиболее даровитых из них, воспитывающихся школой товарищеской работы совместно с коммунистами. Приёмы борьбы с “попутчиками”, практикуемые журналом “На посту”, отталкивают от партии и Советской власти талантливых писателей, одновременно затрудняя действительный рост пролетарских писателей и подменяя серьёзную художественную и политическую работу их над собой хлётской критикой “попутчиков”. В то же время необходима более выдержанная постановка партийной критики, которая, выделяя и поддерживая талантливых советских писателей, вместе с тем указывала бы на их ошибки, вытекающие из недостаточного понимания этими писателями характера советского строя, и толкала бы их к преодолению буржуазных предрассудков”¹¹⁸.

В конце резолюции давалось чётко понять, что ни одна группа не может выступать от имени партии и что партия руководит всеми организациями через комфракции в них и через Отдел печати ЦК РКП, который должен периодически проводить совещания в ЦК.

Пролетарские писатели выразили протест против критики их журнала “На посту”. Проект резолюции попал секретарю ЦК В. Молотову. В результате 15 мая 1924 года возник следующий документ – № 90, п. 14 – О совещании при Отделе печати по вопросам художественной литературы (т. Молотов). “Отложить, предложить Отделу печати ЦК разослать членам Политбюро резолюцию совещания”¹¹⁹. Резолюция не получила движения. Вопрос с литературой и литературными направлениями после совещания в Отделе печати ЦК в мае 1924 года так и повис в воздухе, неопределённость положения продолжалась год.

Со стороны партии в течение года принимались решения по вопросам литературы разной направленности. В некоторых случаях эти решения были в пользу РАПП, а в некоторых случаях они принимались рапповцами в штыки.

2 октября 1924 года Политбюро ЦК РКП(б) отказывает ответственному редактору издательства “Недра” С. Ангарскому и заместителю заведующего отделом печати РКП, члену редколлегии журнала “Красная новь” В. Сорину в просьбе издавать новый журнал “Литература и критика”¹²⁰. Зато 23 октября ЦК принимает решение о выходе журнала “Новый мир” в качестве приложения к журналу “Красная новь”¹²¹. Учитывая, что именно с журналом “Красная новь” и его главным редактором А. Воронским пролетарские писатели вели самую ожесточённую борьбу, понятно, что такое решение они восприняли в штыки. И не зря. В 1926 году главным редактором “Нового мира” стал В. Полонский, пытавшийся урезонить напостовских критиков. Впрочем, от него досталось и В. Маяковскому, достаточно вспомнить его знаменитую статью “Леф или блеф?”¹²², послужившую поводом для диспута в Политехническом музее 23 марта 1927 года под тем же названием.

Пролетарские писатели намеревались провести свой съезд осенью того же 1924 года, но Оргбюро ЦК РКП(б) не увидело в этом целесообразности¹²³. В начале 1925 года в ЦК ВКП(б) обсуждаются вопросы о литературе. 5 февраля принимается решение создать комиссию по вопросу об отношении партии к пролетарским писателям. В тот же день Сталин принимает решение об освобождении Ф. Раскольникова¹²⁴ от должности члена редакции журнала

“Красная новь” и замене его на Ем. Ярославского. При этом “обязать т. Воронского работать в редакции”.

13 февраля состоялось заседание комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о пролетарских писателях. Был заслушан доклад И. Варейкиса и принято решение “поручить т. Бухарину составить проект резолюции о политике партии в художественной литературе, взяв за основу в качестве материала тезисы тов. Варейкиса”. Бухарин должен был свой проект резолюции представить специальной комиссии, после чего вынести его на обсуждение в ещё одном заседании, в котором наряду с членами комиссии должны были присутствовать представители литературных организаций, и уже после этого проект резолюции “перенести на окончательное рассмотрение Комиссии Политбюро “О пролетарских писателях”.

КАК РОЖДАЛСЯ РАПМ

В такой напряженной ситуации рождался РАПМ. Один из зачинателей РАПМ, секретарь бюро Ассоциации А. Сергеев назвал март 1923 года временем, когда “среди музыкантов-коммунистов Москвы возник почин создания ассоциации”¹²⁵. Первая “Идеологическая платформа” была опубликована в журнале “Музыкальная новь” в 1924 году¹²⁶. Она появилась в момент реорганизации первоначальной АПМ, из неё вышел ряд её основателей¹²⁷. Организация получила новое имя – Всероссийская Ассоциация Пролетарских Музыкантов. Возник новый орган – Совет ВАПМ, председателем был избран Л. Лебединский, секретарём – А. Любимов, членом Совета – Д. Черномордиков¹²⁸.

Платформа была ещё достаточно “робкой”, не такой “свирепой”, как у коллег-писателей, и к тому же декларативной. Задачи в ней прорисованы весьма неопределённо, общими фразами. В пункте 7 они охарактеризованы следующим образом: “Пролетариат, свершивший революцию в Октябре 1917 г., ставит перед собой задачи не только экономического переустройства общества, но и его социально-политического и идеологического перевоспитания. Расширяя своё идеологическое влияние, пролетариат самыми широкими методами агитации и пропаганды перевоспитывает человечество и ведёт его к новому быту – социализму. Одним из могущественнейших средств его классового воздействия и самоутверждения является искусство”¹²⁹.

И далее идёт обобщённое определение “пролетарской музыки”¹³⁰. Подобно своим литературным собратьям, РАПМ открывает свой собственный, “музыкальный фронт”, на котором предстояло сражаться пролетарским музыкантам. Противниками были объявлены две группы музыкальных деятелей. Первая – “старые музыканты”, представители академической школы, которые продолжают “упадочную линию буржуазного искусства”. Другая – “вся так называемая “современная” непролетарская музыка”. Вот с этими двумя группами музыкантов РАПМ затеял настоящую, нешуточную войну.

Основной удар был направлен на Московскую консерваторию. Собственно, ещё до возникновения РАПМ её будущие деятели, будучи студентами консерватории, активными комсомольцами, в союзе с комфракцией и красной профессурой свыше стали сражаться со старой “реакционной” профессурой. В течение 1920-х годов в консерватории проходили так называемые “чистки”.

История этой борьбы пока не описана. В работе историка Московской консерватории И. А. Мироновой только робко, без конкретики, упоминаний имён делается попытка обрисовать общую обстановку. Как она пишет, “за Московскую консерваторию “взялись” в 1922 году – позднее, чем за другие вузы, но сделать успели многое. Начали с удаления икон, которые все еще висели в классах, затем перешли к различного рода “чисткам” студентов и педагогов и формированию контингента учащих по классовому принципу, создали различные общественные организации (вплоть до пионерского отряда), а также фракцию красной профессуры и, наконец, открыли инструкторско-педагогический факультет.

Дело дошло до того, что “в горячке всякой организационной и политической работы” определённая часть студенчества начала забывать о музыке, а другая часть вообще стала сомневаться в общественной пользе профессии музыканта. Об этом пишут П. Смилга (Из воспоминаний о Московской консерватории двадцатых годов // Воспоминания о Московской консерватории.

М., Музыка, 1966. С. 227–228) и М. Брук (Первые комсомольцы Московской консерватории (Из воспоминаний). С. 242). Консерватория, как и в период основания, оказалась перед натиском агрессивного дилетантизма, угрожавшего самому её существованию¹³¹.

Первым относительным успехом РАПМ стало вхождение ряда её ведущих членов в руководство московским музыкальным издательством (Музсектор МОНО) и создание на базе этого издательства своего журнала “Музыкальная новь”. Основной формой деятельности Ассоциации была массовая работа в кружках, при клубах, организация самодеятельных хоровых коллективов, оркестров, проведение концертов. Что касается творчества, то в первоначальном составе Ассоциации были совсем уж скромные композиторы. В основном это были песенники, из них выделялся, пожалуй, только Д. Васильев-Буглай, автора ряда популярных песен, в том числе на слова Д. Бедного “Проводы”.

Ассоциация сумела выпустить только четыре номера журнала, на дальнейшее издание не хватило средств. К тому же изданию журнала препятствовала позиция главного государственного музыкального издательства “Музсектор Государственного издательства”. “Политкомиссаром” в издательстве был Н. Рославец, активный деятель Ассоциации современной музыки. Вот против Рославца, а также главы АСМ Л. Сабанеева РАПМ затеял войну не на жизнь, а на смерть.

1925-й – ГОД ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОДЕНСТВИЯ

Новым этапом в истории пролетарских организаций, в том числе и РАПМ, стал 1925 год. В январе проходит Первая Всесоюзная конференция пролетарских писателей. На первом заседании 6 января И. Вардин выступает с докладом “Идеологический фронт и пролетарская литература”. Тема всё та же – отношение партии к пролетарским писателям и попутчикам. Либо партия поддерживает и усиливает организацию пролетарских писателей, помогая консолидировать пролетарскую литературу и привлекая к пролетарским организациям часть колеблющихся, “мелкобуржуазных” “попутчиков”, либо писатели в основной своей массе подвергнутся разлагающему воздействию буржуазной идеологии. Выступали Д. Бедный, В. Маяковский, критик Л. Сосновский.

Принимается новый устав, и ассоциация получает новое название – Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Генеральным секретарём РАПП становится Л. Л. Авербах. Ведущими идеологами РАПП в этот момент были писатели Д. А. Фурманов, Ю. Н. Либединский, В. М. Киршон, А. А. Фадеев, В. П. Ставский, молодой критик В. В. Ермилов, организовавший уральскую ассоциацию пролетарских писателей в том году. Старый журнал группы “Октябрь” “На посту” обретает новое название – “На литературном посту” – и новое руководство. Ещё ранее из группы “Октябрь”, предтечи РАПП, в 1923 году вышла группа писателей и критиков, сочувствующих Троцкому.

И вот, наконец, в июне в Политбюро ВКП(б) состоялось совещание, посвящённое положению дел в советской литературе. Был заслушан доклад специальной комиссии Политбюро о пролетарских писателях. Комиссия была внушительной. В неё входили член Политбюро Н. И. Бухарин, нарком просвещения А. В. Луначарский, заведующий отделом печати ЦК РКП(б) и редактор журнал “Красная печать” И. М. Варейкис, редактор журнала “Молодая гвардия” Ф. Ф. Раскольников, литературный критик и теоретик пролетарских писателей Г. Лелевич (Л. Калмансон), за год до этого выпустивший сборник своих теоретических статей “На литературном посту”¹³².

Комиссией был разработан проект постановления о художественной литературе, Бухарину, Луначарскому и Лелевичу было поручено окончательно отредактировать текст Постановления, а Троцкому было предложено представить комиссии свои поправки в письменном виде.

В результате 18 июня 1925 года было принято и утверждено постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О политике партии в области художественной литературы”. Это очень важный документ, имевший историческое значение для советской культуры. Правда, на очень короткий период.

Текст постановления во многом совпадает по содержанию с резолюцией совещания 1924 года в Отделе печати ЦК РКП(б). Сначала отмечается рост

новой литературы, в первую очередь, пролетарской и крестьянской, в то же время указывается на сложность хозяйственного процесса и на процесс зарождения и укрепления новой буржуазии, что неизбежно отражается на литературе. Не отрицается классовая борьба на литературном фронте.

А дальше следуют пункты, явно не отвечающие интересам и чаяниям руководства РАПП. Прежде всего, даётся понять, что после захвата власти, после гражданской войны на новом, мирном этапе жизни партией вместо разрушительной “ставится теперь задача положительного строительства, в которое под руководством пролетариата должны вовлекаться всё более широкие слои общества”. При этом указывается, что “гегемонии пролетарских писателей ещё нет, и партия должна помочь этим писателям заработать себе историческое право на эту гегемонию”.

Также постановление недвусмысленно даёт понять, что, помогая росту пролетарских писателей и всемерно их поддерживая, “партия должна предупредить всеми средствами проявление комчванства среди них как самого губительного явления.

Партия именно потому, что она видит в них будущих идейных руководителей советской литературы, должна всячески бороться против легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследству, а равно и к специалистам художественного слова. Против капитулянтства, с одной стороны, и против комчванства, с другой – таков должен быть лозунг партии”.

Особо в постановлении обращено внимание на необходимость осторожно относиться к тем писателям и литературным направлениям, которые не стоят на явно антиреволюционных позициях. Ставится задача перед критикой: “Ни на минуту не сдавая позиции коммунизма, не отступая ни на йоту от пролетарской идеологии”, борясь с контрреволюционными проявлениями в литературе, “в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним. Коммунистическая критика должна изгнать из своего обихода тон литературной команды”.

И в заключение высказана позиция партии по отношению к литературному делу:

- партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы;

- руководя литературой в целом, партия мало может поддерживать какую-либо фракцию литературы.

И, наконец, самая важная директивная мысль постановления в конце:

- партия должна высказываться за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области. Всякое иное решение вопроса было бы казённо-бюрократическим псевдорешением;

- точно так же недопустима декретом или партийным постановлением легализованная монополия на литературно-издательское дело какой-либо группы или литературной организации;

- поддерживая материально и морально пролетарскую и пролетарско-крестьянскую литературу, помогая “попутчикам” и т. д., партия не может предоставить монополии какой-либо из групп, даже самой пролетарской по своему идейному содержанию: это значило бы загубить пролетарскую литературу, прежде всего;

- партия должна всемерно искоренять попытки самодельного и некомпетентного административного вмешательства в литературные дела; партия должна озаботиться тщательным подбором лиц в тех учреждениях, которые ведают делами печати, чтобы обеспечить действительно правильное, полезное и тактичное руководство нашей литературой.

Постановление Политбюро от 25 июня 1925 года – уникальный для истории советской литературы и художественной культуры в целом документ. Никогда ни раньше, ни позднее подобных либеральных “директив” Центральный комитет ВКП(б) или КПСС не выпускал. Притом, что ленинское учение о двух культурах оставалось аксиомой, что диктатура пролетариата не отменялась, партия сохраняла за собой руководящую роль в культурной жизни, проводила культурную революцию, политический сыск в ГПУ неустанно следил за работниками культуры, не покладая рук работала чуткая цензура в лице Главлита

и Главреперткомом, всё же на самом высоком уровне допускалось свободное соревнование различных группировок и направлений. И, главное, был дан окорот рвущейся к власти и жаждущей устроить гражданскую войну в литературе агрессивной ассоциации пролетарских писателей.

Это стало возможным только в тот короткий период, когда в партии сохранялось весьма зыбкое, чисто внешнее равновесие, сопровождавшееся ожесточенной внутренней борьбой. Подходило к концу “коллективное руководство” в ЦК партии. Борьба с Троцким сблизила Бухарина со Сталиным, в 1925 году они издают совместные сборники своих статей и речей против Троцкого¹³³. Бухарин был поставлен Сталиным во главе комиссии по вопросу о пролетарских писателях. Тем не менее и критика пролетарских писателей, и защита “попутчиков” в постановлении не расходилась с оценками Троцкого и тех, и других.

Постановление 1925 года не остановило РАПП. Сразу же после выхода в свет постановления на заседании комфракции ВАППа и МАППа 11 июля 1925 года Л. Авербах делает доклад, в котором интерпретирует постановление как документ, поддерживающий позиции пролетарских писателей в их борьбе с “попутчиками”. Он публикует свой доклад¹³⁴, а затем повторно издаёт его вариант в одноимённой брошюре, выпущенной к чрезвычайной конференции пролетарских писателей, состоявшейся 26–27 февраля 1926 года. К этому времени в РАПП наметился раскол. Сначала против Л. Авербаха выступил Д. Фурманов, но вскоре он скончался. Затем в результате резкого расхождения взглядов от руководства были отстранены И. Вардин, С. Родов и Г. Лелевич. Власть полностью была сосредоточена в руках Л. Авербаха, Ю. Либединского, В. Киршона, В. Ермилова и только ставшего в 1926 году членом РАПП М. Лузгина, назначенного в 1927 году заместителем главного редактора журнала “Октябрь”.

1925-й ГОД. РАЗБРОД В СРЕДЕ ПРОЛЕТАРСКИХ МУЗЫКАНТОВ

Сложная ситуация сложилась в 1925 году и у РАПП. Из Ассоциации вышла группа композиторов, не разделявших воззрений её идеологов (Д. С. Васильев-Буглай, М. И. Красев, К. А. Корчмарёв, Г. Г. Лобачёв). Вместе с ранее покинувшими В. Шульгиным и А. Сергеевым они образовали Объединение революционных композиторов и музыкальных деятелей (ОРКиМД). ОРКиМД пришло в Музсектор Госиздата и сумело организовать выпуск своего журнала “Музыка и революция”, который выходил в 1926–1927 годах.

В том же 1925 году в Московской консерватории возникает Производственный коллектив студентов-композиторов (Проколл)¹³⁵, в который входили А. Давиденко, В. А. Белый, Б. С. Шехтер, М. В. Коваль, Н. К. Чемберджи, Э. А. Левина, С. Н. Рязов и др. Они работали в основном в области массовой песни, писали хоры, пьесы для фортепиано, детскую музыку. Они остались в истории музыки как создатели коллективного музыкального действия “Путь Октября” для солистов, хора, инструментального ансамбля или симфонического оркестра, приуроченного к 10-летию Октября.

Уход ряда композиторов и образование ОРКиМД побудило руководство ВАПП к реорганизации. Один из основателей АПП Д. Черномордиков уходит в январе 1926 года на работу в Наркоминдел. В том же 1926 году была создана новая идеологическая платформа Ассоциации¹³⁶. Произошли очередные перестановки в руководстве. Л. Лебединский становится председателем ВАПП. В это время организация переживает кризис, о её деятельности в промежуток между 1926-м и 1928 годами мало известно.

Ассоциация пыталась создать свой печатный орган, удалось напечатать четыре номера журнала “Музыка и Октябрь”, но вновь из-за отсутствия средств вынуждена была прекратить его издание. Как раз в это время разворачивается необыкновенно активная деятельность Ассоциации современной музыки.

1927–1929: ПОДЪЁМ ВАПП

Положение пролетарских организаций резко изменилось уже в 1927 году. В том году Сталин окончательно выигрывает бой с троцкистско-зиновьевским блоком. 27 сентября 1927 года на совместном заседании Президиума ИККИ

и Интернациональной контрольной комиссии Троцкий был единогласно исключён из кандидатов в члены Исполкома Коминтерна. А Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 октября 1927 года освобождён от обязанностей члена редколлегии журнала “Красная новь” А. Воронский, сторонник Троцкого. Это был противник номер один РАППа¹³⁷.

11 ноября 1927 года Секретариат ЦК ВКП(б) даёт разрешение на проведение Всесоюзного съезда пролетарских писателей в марте 1928 года¹³⁸. Первый всесоюзный съезд пролетарских писателей, объединивший все писательские организации пролетарских литераторов в одну, единую Всесоюзную организацию пролетарских писателей (ВОАПП), проходит осенью 1928 года.

Новым этапом в истории ВАПМ стал 1928 год. Началась основательная перестройка организации. В мае 1928 года были избраны руководящие органы ВАПМ. Членами Совета стали Д. Гачев, А. Громан-Соловцов, Л. Калтат, Ю. Келдыш, С. Крылова, Л. Лебединский. Возник секретариат, ответственным секретарём стал Л. Лебединский, Л. Калтат и Ю. Келдыш – оргсекретарями¹³⁹.

2 февраля 1929 года на пленуме Ассоциации была принята новая, третья редакция Идеологической платформы. К этому времени ряд членов Ассоциации входят в качестве сотрудников или наблюдателей в различные учреждения. Лебединский и Громан-Соловцов вошли в состав музыкально-оперной комиссии Главискусства, Келдыш вошёл в состав Художественного совета массового отдела Музсектора Госиздата. Ряд членов ВАПМ были персонально введены в состав Комиссии по реорганизации Большого театра (ГОТОБ) и методической комиссии Главпрофобра¹⁴⁰. Д. Гачев был выдвинут в Художественно-политический совет ГОТОБ’а, Б. Штейнпресс – в Художественно-политический совет театра им. К. С. Станиславского, а Д. Рабинович – в Бетховенское общество¹⁴¹.

В разделе “Хроника ВАПМ” первого номера журнала “Пролетарская музыка” за 1929 год содержится следующая информация: “ВАПМ имеет своих представителей в следующих музыкальных учреждениях: Музыкально-оперная комиссия Главискусства – Лебединский и Громан-Соловцов; Художественный Совет массового отдела Музсектора – Келдыш; Редколлегия Музторга МОНО – Калтат. Кроме того, персонально введены члены ВАПМ в состав комиссии по реорганизации Большого театра и методической комиссии Главпрофобра”¹⁴².

5 мая 1928 года на очередном Пленуме Ассоциации принимается резолюция, которая вошла в Идеологическую платформу. Идеологическая платформа в её третьей и оказавшейся последней редакции весьма красноречиво говорит об идеологии и целях Ассоциации. ВАПМ в точности скопировало основную руководящую идею идейной платформы пролетарских писателей. В сущности, это была общая для пролетарских организаций идея – перенесение классовой борьбы в область художественного творчества и в литературу.

В пятой главе (“ВАПМ”) платформы сформулирована следующая цель существования этой Ассоциации: “Основная задача пролетарских художественных ассоциаций – осуществление гегемонии пролетариата в различных областях искусства.

В области музыки таковой организацией является Всероссийская Ассоциация Пролетарских Музыкантов (ВАПМ), объединяющая музыкантов, принимающих активное участие в борьбе пролетарского авангарда на различных, в том числе художественно-идеологических участках фронта классовой борьбы”¹⁴³.

Новую редакцию своей Идеологической платформы руководство ВАПМ апробирует в разных партийных органах и госучреждениях, начиная с ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, в наркомате просвещения, в МГСПС. В результате в Агитпропе (АППО) ЦК ВКП(б) готовится совещание по вопросам музыки.

Перед этим совещанием в мае 1929 года от Совета ВАПМ заведующему Художественным отделом Главнауки П. И. Новицкому и одновременно в Агитпроп ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ, в Наркомвнудел была направлена докладная записка о положении в советской музыке. Копии были также направлены персонально некоторым руководящим работникам, таким как нарком просвещения А. В. Луначарский, начальник Главискусства А. И. Свидерский, член коллегии Наркомата просвещения, председатель правления Госиздата А. Б. Халатов, завотделом массовой художественной работы, эстрады и цирка Главискусства Р. А. Пельше¹⁴⁴.

В докладной записке подробно изложена история РАПМ, её идеология, указаны общественные группировки в музыке, описана текущая работа, связь с учреждениями и организациями, творческие достижения композиторов РАПМ. И в конце, в разделе “Наши предложения”, буквально продиктованы Главнауке Наркомпроса (на минутку – госучреждению!) требования ВАПМ: “Привлекать Ассоциацию к различным совещаниям, конференциям и практической деловой работе” и “проводить в жизнь принятые им же различные постановления, резолюции, предложенные в своё время Ассоциацией Пролетарских Музыкантов”¹⁴⁵.

Помимо прочего, ВАПМ просит Художественный отдел Главнауки предоставить помещение для Ассоциации, выделить средства на издание журнала ВАПМ и на двух штатных сотрудников Ассоциации.

Платформа получает одобрение в АППО ЦК РКП(б), в комсомоле, в ведущих госучреждениях. Так, 9 марта 1929 года заместителя заведующего Главискусства Л. Оболенский на заседании своего ведомства заявил, что “Главискусство, руководящее всей художественной жизнью республики, должно занять совершенно твёрдую позицию в области осуществления государственной музыкальной политики, основывающуюся на чётком классовом подходе и твёрдой идеологической платформе”. И затем высказывает поддержку требованиям Ассоциации предоставить ей помещение, выделить средства на содержание небольшого аппарата и на организацию конференций, показательных концертов, на поездки за границу и встречу иностранных делегаций¹⁴⁶.

Впрочем, небывалый подъём и успехи пролетарских ассоциаций в то время вызывали недовольство среди широких кругов деятелей культуры, писателей, композиторов, художников. И на самом верху власти, в партии и в советских руководящих органах, отнюдь не все симпатизировали тем же ВАППу и ВАПМу.

БОРЬБА РАПМ ЗА “КОМАНДНЫЕ ВЫСОТЫ”. ГЛАВИСКУССТВО

Осенью 1928 года в Наркомате просвещения происходит реорганизация, положившая конец раздробленности в управлении всей сферой художественной культуры. Была создана новая управленческая структура – Главискусство. Первым возглавил его А. И. Свидерский, опытный партийный и государственный деятель, к тому времени член коллегии Наркомпроса.

Свидерский занял решительную позицию поддержки М. А. Булгакова, его пьес “Дни Турбиных” и “Бег”, дирижёра Н. С. Голованова и старой профессуры Московской консерватории, с которой боролся Л. Лебединский через партакцию консерватории и через возглавляемую им Ассоциацию. С другой стороны, Свидерский отнёсся критически к положению дел в театре ГОСТИМ и выразил своё недовольство Вс. Мейерхольду за его задержку за границей.

Взглядами на задачи главка Свидерский поделился в своём докладе на пленуме ЦК Всесоюзного профессионального союза работников искусств (ВсеРаБИС)¹⁴⁷. Надо сказать, что уже только по одной лексике можно понять, что Свидерский значительно отличался от других руководителей Главискусства своей интеллигентностью. В докладе нет привычных словесных штампов, вульгарно-политического волапюка, нет лозунгов и крикливого ораторско-агитационного стиля, чем отличалась стилистика как чиновников, так и представителей разных общественных организаций, в том числе и пролетарских.

Сначала он доложил о решении Совнаркома и процитировал соответствующее постановление: “Созрела потребность в создании такого органа, который мог бы осуществлять идеологическое и организационное руководство со стороны государства всеми отраслями искусства, с одной стороны, и с другой – настало время для того, чтобы этот орган мог согласовывать все мероприятия в области искусства, которые производятся различными учреждениями”¹⁴⁸.

Затем отдал должное официозу, отметив главные задачи нового главка. “Главискусство должно выработать и провести в жизнь такие мероприятия, которые бы приблизили искусство к рабоче-крестьянским массам. <...> Главискусство должно проводить такую политику, которая имела бы своей задачей вовлечение в дело развития искусства выделяемых рабоче-крестьянскими массами новых кадров работников в разных областях искусства”¹⁴⁹.

Процитировав лозунг “Искусство массам и при помощи масс руководство всеми видами искусства”, он больше в течение своего доклада ни разу не

произнёс слово “массы”, не говоря уже о том, что в его докладе нет любимых выражений пролетарских организаций о художественном фронте, о классовой борьбе в области искусства, о враждебных буржуазных влияниях и “попутчиках” и пр.

Пожалуй, самое важное место в докладе, которое вызвало дискуссию уже на Пленуме ЦК РаБИС и позднее стало притчей во языцех, это его высказывание относительно взаимодействия нового главка с творческими и общественными организациями. Как он сказал, “государство должно ставить своей задачей дать возможность всем тем течениям, которые отвечают советской платформе, которые в конечном итоге ведут к осуществлению принципов и задач, выдвигаемых социалистическим строительством, развиваться и оказывать им всяческое содействие. Вот та платформа, которая выдвигается советской властью”.

В сущности, Свидерский исходил из установок Резолюции ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 года “О политике партии в области художественной литературы”. Резолюция ещё не была отменена, однако на дворе уже был не 1925-й и даже не лето 1927 года, а первый год пятилетки, когда началась индустриализация и сплошная коллективизация. В стране было беспокойно, крестьянство сопротивлялось, раскулачивание сопровождалось бунтами. Мысль Сталина о том, что “классовая борьба будет обостряться”, высказанная им в речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 года, глубоко запала в сознание пролетарских писателей и музыкантов. Эту борьбу в сфере культуры они стремились усилить. Тесно связанные с ОГПУ, они прекрасно знали ситуацию в стране. И год 1929-й стал годом небывалого взлёта и успеха Ассоциации пролетарских музыкантов. Поэтому намёк Свидерского, что он не будет делать ставку на их творческую организацию, как, впрочем, и на какую-либо другую, не пришёл им по душе.

Свидерский дал ясно понять, что хотел бы собрать воедино все виды искусств, включая литературу, театр, музыку, кино, изобразительное искусство, музеи и массовую самодеятельность, художественное образование и науку об искусстве. Причём он сказал, что Совнаркомом была поставлена цель сделать Главискусство органом, не ограничивающимся в своей работе ведением только центральных учреждений культуры, но и по всей стране.

По сути, он пытался создать и создал прототип будущего министерства культуры. Но ему не всё удалось. Художественное образование осталось за Главпрофобром, кинодело ему тоже не удалось подчинить своему главку. Из музеев он сумел отвоевать только Третьяковку и Музей западного искусства в Москве. Были ложности и с изобразительным искусством, с организацией выставок и приобретением продукции у художников.

Будучи опытным государственным чиновником¹⁵⁰, он решил провести проверку квалификации руководителей театров, директоров, режиссёров, администраторов зрелищных предприятий. Это вызвало недовольство в театральной среде. На пленуме ЦК ВсеРаБИСа он высказал огорчение по поводу весьма скромного бюджета, выделенного Главискусству на 1928/1929 годы. Во ВсеРаБИСе были зарегистрированы безработные артисты, их было много. И это тоже легло тенью на Главискусство.

Доклад Свидерского на пленуме ЦК ВсеРаБИСа вызвал оживлённую дискуссию. Представители пролетарских организаций были настроены решительно против политики нового главка и его руководителя. На Свидерского посыпались жалобы. По поводу его защиты Булгакова незамедлительно просигналили Сталину пролетарские писатели и драматурги. Позиция Свидерского по Голованову и МГК была встречена в штыки Ассоциацией пролетарской музыки. У них оказались союзники, в том числе в лице заместителя заведующего АППО ЦК ВКП(б) П. Керженцева и руководителя Главреперткома Ф. Раскольников, председателя ЦК ВсеРаБИСа и члена Главреперткома пианиста и дирижёра Ю. Славинского, заместителя Свидерского по Главискусству Л. Оболенского, заведующего отделом театра и музыки П. И. Новицкого и ряда других высокопоставленных лиц.

Вопрос о “политических ошибках” Свидерского в деле руководства главком всплыл на секретариате ЦК ВКП(б) 24 мая 1929 года, на котором рассматривался доклад парткомиссии об итогах съезда союза РаБИСа. Заместителю заведующего АППО ЦК ВКП(б) П. Керженцеву было дано поручение представить свои соображения по поводу улучшения работы Главискусства.

П. Керженцев составил докладную записку 15 июля 1929 года. По поводу позиции Свидерского относительно пьесы “Бег” М. Булгакова Керженцев написал следующее: “В своей политической линии Главискусство допустило ряд отклонений от правильной классово-установки”¹⁵¹.

В начале июня состоялось совещание в АППО по вопросам музыки. Вёл совещание П. М. Керженцев, Главискусство представлял заместитель и оппонент А. И. Свидерского Л. Оболенский¹⁵². Он был основным докладчиком. На конференции было много выступавших, в основном представители ВАПМа, в том числе и из провинции. Были высказаны замечания и пожелания, в частности высказана была мысль о создании единой конфедерации разных музыкальных обществ, впрочем, отвергнутая Керженцевым. Было высказано пожелание к ВАПМу стремиться достичь “командных высот”.

На совещании была выработана и принята резолюция. Правда, она вызвала споры. Выступавший на совещании один из руководителей РАПП В. Сутырин сказал по поводу готовящейся резолюции: “Этот документ я не могу признать как документ, который мог бы лечь в основу партийного документа”¹⁵³. Ему возражали. С ним вступил в спор главный докладчик Л. Оболенский, но, вероятно, В. А. Сутырин был человеком, достаточно сведущим¹⁵⁴.

Это понимал Л. Лебединский, тоже человек достаточно сведущий. Он не стал возражать Сутырину. В своём выступлении глава РАПП предложил следующее: “Помогать мы должны только пролетарским и близким пролетариату музыкальным росткам, нужно стремиться к тому, чтобы пролетарские группировки органично могли противопоставлять свою идеологию, свой принцип работы и творчества враждебным группировкам и вытеснили бы их. Такой помощи в музыке у нас ещё нет. В этом отношении плохо или хорошо, но проект резолюции, которую здесь представил т. Оболенский, пытается дать такую установку. Тов. Сутырин говорит, что в прошлом Главискусство абсолютно не помогало пролетарским группировкам. Правильно. Так вот и давайте, во-первых, это зафиксируем, а во-вторых, вспомним, что партия считает необходимой такую помощь. Кроме того, доклад ведь идёт не от Главискусства, а от Оболенского как члена ВКП(б). Тезисы, по-моему, нужно взять за основу. Многое в них нужно уточнить с точки зрения редакционной, кое-что выбросить и т. д., но если мы основные положения примем, мы очень сильно двинем дело пролетарской музыки, мы двинем вперёд дело завоевания рабочим классом командных высот в области музыки”¹⁵⁵.

Впрочем, совещание в АППО не возымело непосредственно своего воздействия на Главискусство. Оно стало преамбулой перед крупной акцией, которая через несколько дней открылась в Ленинграде. Здесь 14 июня 1929 года начала работу Первая Всероссийская музыкальная конференция. Она была организована Главискусством Наркомата просвещения. Но не музыкальным отделом, а культмассовым. Поэтому глава культмассового отдела Р. Пельше и его заместитель С. Корев были официальными представителями Главискусства на конференции, и формально основным был доклад главы этого отдела Р. Пельше¹⁵⁶.

Руководитель Главискусства А. И. Свидерский демонстративно отсутствовал на конференции. Он дал понять, что не видит в ней важного мероприятия, связанного с проблемами музыкального искусства в целом, а лишь музыкальной самодеятельности.

Открывал конференцию Л. Оболенский. С докладом, каким-то академичным и вялым, выступил А. В. Луначарский¹⁵⁷. Трудно представить его состояние в тот момент, его уход с поста наркома просвещения был уже фактически предreshён, и он об этом знал¹⁵⁸.

Наиболее боёвито выступил Керженцев. Вот тут он и “выстрелил” по Главискусству, затронув большие вопросы о “командных музыкальных высотах”, имея в виду “область композиции, область музыкального театра, консерватории, школы высшего музыкального образования”. Керженцев настаивает на решительном переломе в этих учреждениях. “Консерватория, высшее учебное музыкальное заведение, оказалась оторванной от пролетарских масс и пролетарских запросов, и музыкальный театр оказался отставшим от общего роста”. В итоге “получился резкий разрыв между широким творчеством пролетариата и крестьянства в нашей стране и той музыкальной культурой и музыкальной работой высокого ранга, которая протекает в этих центральных музыкальных организациях”¹⁵⁹.

И делает вывод: чрезвычайно важным является “вопрос о том, чтобы новые наши пролетарские кадры действительно могли войти в музыкальную работу, чтобы консерватория могла широко открыть двери всем пролетарским силам, чтобы самодеятельная работа кружков органически сочеталась с работой оперы и консерватории, с концертной работой. Вся система музыкального образования, очевидно, требует такого пересмотра, чтобы низовые волны, идущие от пролетариата и деревни, находили себе выход и дальнейшее движение вплоть до самых вершин музыкальной культуры”¹⁶⁰.

Надо сказать, что при всех своих “завихрениях” и “вывихах” идейного порядка РАПМ была едва ли не единственной организацией, которая не только всерьёз ставила вопросы массового музыкального воспитания и образования, но и сама предпринимала конкретные шаги в этом направлении.

Круг затронутых вопросов на конференции был обширен. Были заслушаны доклады о клубной самодеятельности, по вопросам музыкального воспитания и образования, о культмассовой работе в деревне, о задачах современного музыкознания, о музыкальных театрах, музыкальной эстраде, о музыке в кино, о музыкальном радиовещании.

Были приняты резолюции, основная и по докладам¹⁶¹. В Основной резолюции конференции содержится намёк на Главискусство: “В отдельных областях музыкальной практики налицо открытые попытки враждебным рабочему классу элементов сохранить своё реакционное руководство и гегемонию”¹⁶².

Там же отмечаются следующие моменты в музыкальной жизни СССР: “В области музыкального творчества наблюдаются, с одной стороны, тенденции проташить под видом формальных и технических “достижений” явно враждебное нам творчество современной буржуазии, отражающее период социального вырождения и эмоционального опустошения господствующих классов. С другой стороны, наблюдается стремление провести под видом революционной музыки эклектическое, псевдоревolutionное, упрощенческое творчество”¹⁶³. Это одновременно удар по “современничеству” и композиторам из ОРКиМД.

Особо стоит сказать о резолюции по Софилу. Советскую филармонию в то время возглавлял В. Н. Чайванов, партийный функционер. Он занимал позицию, близкую Свицерскому, в комиссии по ГАБТу защищал Н. С. Голованова. Он делал доклад¹⁶⁴, который был, что называется, принят к сведению. По нему был выражен ряд критических замечаний, претензий и порицаний. Была принята и опубликована отдельная резолюция “О работе Софила”. В конце её, в пункте 9, указано: “Конференция считает целесообразным специальное и исчерпывающее обследование работы Софила, его руководящего аппарата, с последующим освещением результатов перед общественностью”¹⁶⁵.

Свицерский так и не сумел одержать верх в навязанной ему пролетарскими организациями борьбе. В год великого перелома, в августе он был уволен¹⁶⁶, а вслед за ним в сентябре Наркомат просвещения покинул А. В. Луначарский. Наркомом был назначен А. Бубнов, а Главискусство возглавил Ф. Раскольников.

Свицерскому не простили много разных вещей, в том числе и его участие в так называемой “головановщине”. Когда в 1928 году началась очередная травля Н. С. Голованова в “Московском комсомольце”, поддержанная Рабисом, Свицерский встал на его защиту и обратился с письмом к Сталину 27 декабря 1928 года. В постскрипуме письма он дал разъяснение, что стоит за травлей выдающегося русского дирижёра. “В последний момент мне удалось выяснить, что инициатором проводимой кампании является тов. Лебединский, который, обучаясь в Консерватории, пытался играть в ней руководящую роль. Это ему не удалось. За склоку и ещё за что-то он выведен из ячейки консерватории Хамовническим райкомом”¹⁶⁷.

Свицерский недооценил силу РАПМа. И просчитался с Лебединским. Семён Корев, член РАПМа и одновременно сотрудник Главискусства, в своей истории руководства музыкальной жизнью главком даёт следующую оценку ошибкам Свицерского и, в первую очередь, упоминает историю с Головановым и с Московской консерваторией.

Вот что он писал: “Назначение тов. Свицерского и организация Главискусства совпали с моментом обостренной классовой борьбы на отдельных участках музыкального фронта. В первые дни существования Главискусства закончила работу правительственная комиссия, обследовавшая Большой театр

в связи с явным неблагополучием внутри этого театра. Комиссия возложила на Главискусство большую и ответственную работу по реорганизации театра.

Разумеется, осуществить эту задачу, не имея твёрдой принципиальной установки, не делая различия между классовой природой различных сил, борющихся в музыкальной жизни, оказалось невозможным, и Главискусство продолжало проводить в отношении Большого театра ту же реакционную политику, которая была и до него, никак не влияя на мертвечину, закостенелость в деятельности этого театра, никак не реагируя на отсутствие хоть сколько-нибудь заметных сдвигов в репертуарно-художественной области, на бездеятельность и, в конце концов, на распад комиссии по реорганизации, на продолжающееся затирание молодых и прогрессивных сил, на катастрофическое падение качества работы и т. д., и т. д. <...>

Ещё более отрицательную роль сыграло Главискусство в борьбе, происходившей в стенах Московской консерватории. Когда деятельность правой профессуры МГК достигла той точки, откуда началась самая неприкрытая реакция, против этой политики сплотились все лучшие и передовые элементы музыкальной жизни.

Борьба шла за правильную постановку дела подготовки кадров, за пролетаризацию МГК, за её педфак и рабфак, за пролетарское воспитание музыкальной смены. Против немногочисленного ядра лучших преподавателей студенчества и профессуры, а также Ассоциации пролетарских музыкантов, объединились как старые зубры музыкально-педагогической реакции и оппортунистическое руководство внутри консерваторских общественных организаций, так и бюрократические силы вне консерватории.

Была создана правительственная комиссия, долго и основательно обследовавшая консерваторию. В этой комиссии участвовало и Главискусство. Но как участвовало? Прежде всего, кандидаты в комиссию дважды отводились из комиссии начальником Главискусства за свои недостаточно “выдержанные” взгляды, вернее, за то, что они солидаризировались с передовыми элементами консерватории и ВАПМ¹⁶⁸.

Общая итоговая оценка Корева первоначального периода работы Главискусства во главе со Свицерским была весьма суровая: “На Главискусство возлагались надежды. Отношение со стороны художественной общественности было самое благожелательное. Тем острее и болезненней были восприняты первые ошибки руководства нового главка, которые в дальнейшем привели к резкому и длительному конфликту между начальником Главискусства тов. А. И. Свицерским и почти всей советской общественностью, особенно её пролетарской частью. <...> Таким образом закончился первый период жизни Главискусства, длившийся около года (осень 1928 – осень 1929 года), принесший этому учреждению дурную славу рассадника правых дел и бюрократизма. Этот период сыграл отрицательную роль в деле развития нашего искусства и перехода его на службу пролетариату”¹⁶⁹.

На место Свицерского пришёл Ф. Раскольников. Каково было его отношение к пролетарским организациям, красноречиво говорит его выступление на совещании по пролетарской литературе в ЦК ВКП(б) в 1924 году. В 1925 году Сталин Раскольникову назначил в комиссию по вопросу о литературных организациях в помощь Бухарину. Затем был период, когда Раскольников был редактором журнала “Молодая гвардия”, а затем и “Красная новь” после падения А. Воронского. При Свицерском Раскольников был главой Главреперткома в Наркомпросе.

Период руководства Главискусства Раскольниковым, длившийся всего пять месяцев, деятели РАПМ приветствовали, правда, сдержанно. Тот же Коров писал: “Мы видим во всей деятельности Главискусства за этот период определённое желание опереться на пролетарские художественные объединения, в частности, на Ассоциацию пролетарских музыкантов”¹⁷⁰.

Раскольников с середины октября 1929 года начал решительно менять кадры, в феврале 1930 года затеяв чистку аппарата Главискусства. РАПМ оценил положительно одну из первых акций его – увольнение главы правления акционерного общества Софил В. Н. Чайванова. Основой для увольнения послужило обследование деятельности Софила ЦК РаБИС.

На результаты этого обследования не замедлил откликнуться журнал “Пролетарский музыкант”. Один из руководителей АПМ Л. Калтат разразился

разгромной статьёй “Заметки о Софиле”. Как он писал, “Софил существует всего около года. Но и за этот сравнительно небольшой срок старое руководство в лице возглавлявших его гг. Чайванова и Красина умудрились привести дело к полному идеологическому и финансовому краху. Самое беспринципное делячество, стремление увеличить количество концертов во что бы то ни стало (хотя бы путём продажи марки Софила частному антрепренёру) в ущерб качеству, ставка на “кассового” слушателя, полное пренебрежение к художественным запросам рабочих и крестьянских масс, перманентная вражда со всей советской общественностью (пресса, профсоюзы, комсомол, ВАПМ и т. д.) – подобная политика в условиях социалистического строительства не могла долго продолжаться.

Обследование ЦК РаБИС, выводы которого затем были подтверждены Главискусством и НКРКИ, выявило картину вопиющего искажения классовой линии во всей политике Софила”¹⁷¹.

В заслугу Раскольникову Корев ставит также начало борьбы с Ассоциацией московских авторов (АМА). АПМ видела в АМА рассадник “нэпманской” музыки. Пролетарские музыканты затеяли громкую кампанию по борьбе с цыганщиной и фокстротчиной. Под борьбу с пошлостью и низменными вкусами была подложена идеологическая “подкладка”. Авторы модных танцев и эстрадных романсов были названы “частниками”, вся их деятельность рассматривалась как “нэпманская”, рассчитанная на буржуазные вкусы и идеологически вредная для рабочего класса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я помню И. Д. Гликмана с детских лет, он был постоянным гостем у Елизаветы Ивановны Свиридовой, матери Юрия Васильевича, моей бабушки. У неё была комната в коммунальной квартире на Литейном пр. в доме 15 (его уже нет, там разбит сквер), и Свиридов в начале 1950-х годов, бездомный, часто приходил со своими друзьями к матери, и среди них всегда был Исаак Давидович.

² Письма к другу: Письма Д. Д. Шостаковича к Д. И. Гликману / Сост. и коммент. И. Д. Гликмана. – М.: DSCH – СПб.: Композитор, 1993.

³ Письмо от 26 февраля 1960 г. Там же. С. 153–154.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Акопян Л. Шостакович, Пролеткульт и РАПМ. В кн.: Д. Д. Шостакович: Pro et contra Д. Д. Шостакович в оценках современников, композиторов, публицистов, исследователей, писателей / Сост. Л. О. Акопян. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 293.

⁶ Житомирский Д. “Нос” – опера Д. Шостаковича // Пролетарский музыкант. 1930. № 7–8. С. 33–39.

⁷ Пролетарский музыкант. 1930. № 5. С. 11.

⁸ Там же. С. 289.

⁹ Л. Акопян приводит пример ответа Шостаковича на вопрос анкеты журнала “Пролетарская музыка” по поводу “лёгкого жанра”. См. Акопян Л. Шостакович, Пролеткульт и РАПМ. В кн.: Д. Д. Шостакович: Pro et contra Д. Д. Шостакович в оценках современников, композиторов, публицистов, исследователей, писателей / Сост. Л. О. Акопян. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 289–290. Более подробно об этой анкете и ответе на неё Шостаковича см. далее в этом очерке.

¹⁰ “Я солидаризировался со статьёй Келдыша о “Стальном скоке” (Шостакович Д. Д. Письма И. И. Соллертинскому. – СПб.: Композитор СПб., 2006. С. 53 (письмо от 10. II. 1930. Ростов-на-Дону)

¹¹ Кривцова Е. “Антиформалистические” альбомы Шостаковича. Как композитор собирал ругательные отзывы о себе: материалы из архивов // Культпросвет. 31 марта 2014 г.

¹² 4 апреля 1937 года идеолог РАППа Л. Авербах как родственник Г. Ягоды был арестован по обвинению в участии в антисоветской террористической организации, 14 августа того же года расстрелян. В статье “Ликвидировать остатки рапмовщины” в пятом номере журнала “Советская музыка” за 1937 г. Лебединскому было предъявлено обвинение в “авербиховщине”: “Рапмовская верхушка, прежде всего, в лице Л. Лебединского являлась настоящей агентурой Авербаха в музыке” (Сов. музыка. 1937. № 5. С. 12).

- ¹³ Свиридов обратил внимание на связь молодого Шостаковича с достаточно влиятельной в 1920-е годы польской общиной. Не случайно среди знакомых делающего первые шаги композитора были Тухачевский, Яворский, Соллертинский. Среди них был и чекист В. Домбровский, в 1929–1932 – начальник Секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ по Ленинградскому военному округу.
- ¹⁴ Акоюн Л. Шостакович, Пролеткульт и РАПМ. В кн.: Д. Д. Шостакович: Pro et contra Д. Д. Шостакович в оценках современников, композиторов, публицистов, исследователей, писателей / Сост. Л. О. Акоюн. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – С. 293. (Акоюн ссылается на следующую публикацию: Конисская М. Злые годы // Новый мир. 1992. № 6. С. 101-102).
- ¹⁵ Свиридов знал, что Ирина Антоновна Супинская обязана знакомством с Д. Д. Шостаковичем Льву Лебединскому.
- ¹⁶ Он писал, к примеру, об 11-й симфонии (см. его работу Седьмая и Одиннадцатая симфонии Д. Шостаковича – М.: Сов. композитор, 1960), о цикле 10 хоро-вых поэм на слова революционных поэтов (Его же. Хоровые поэмы Шостакови-ча. Пояснение / Л. Н. Лебединский. – М.: Сов. композитор, 1957).
- ¹⁷ Л. О некоторых музыкальных цитатах в произведениях Д. Шостаковича // Новый мир. 1990. № 3. С. 262–267. Перепечатан в кн.: Pro et contra Д. Д. Шостакович в оценках современников, композиторов, публицистов, исследователей, писа-телей / Сост. Л. О. Акоюн. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 367-377 с коммен-тариями Л. Акоюна (с. 780).
- ¹⁸ Кр. Сар. Как слушать оперу // За пролетарскую музыку. 1930. № 1. С. 8–10.
- ¹⁹ Песня “Ну, и долой” (слова и музыка Н. Чемберджи) помещена на с. 26–28.
- ²⁰ Такой строки в тексте песни, опубликованном в журнале, нет. В печатном вари-анте эта строка выглядит следующим образом: “Спекулянтов, кулаков, / Да рас-тратчиков воров...” (см.: За пролетарскую музыку. 1930. № 1. С. 28).
- ²¹ Цитата из статьи Н. Выгодского “Небесная “идиллия”, или Фашизм в поповской рясе (К концертам А. Коутс 5 и 6 марта <1931 г.>”, которую Г. В. Свиридов упорно приписывал перу Л. Лебединского. Я не исключаю, что статья могла быть инспирирована Л. Лебединским. Вполне возможно, что это был “соцза-каз”, учитывая, что 15 января 1931 года в газете “Нью-Йорк таймс” появилось вы-ступление С. В. Рахманинова с критикой советской власти. Примечательно, что в качестве эпиграфа Н. Выгодский приводит цитату из “Путешествия моего бра-та Алексея в страну крестьянской утопии” А. В. Чаянова, над которым уже шёл судебный процесс.
- ²² В этом же номере журнала “За пролетарскую музыку” помещена резолюция Об-щего собрания ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ Высшей музыкальной школы имени Ф. Кона (как тогда называлась Московская консерватория), посвящённого осуж-дению концерта в Большом зале Консерватории под управлением Альберта Ко-утса и исполнения “Колоколов” С. В. Рахманинова. Из этой резолюции Свири-дов приводит цитату (с. 6).
- ²³ В опубликованной стенограмме выступления ответственного секретаря ВАПМа Л. Лебединского на диспуте о спектакле Театра имени Мейерхольда “Последний решительный” в Институте ЛИЯ Комакадемии 17 февраля 1931 года приводятся цитаты из статьи В. И. Ленина “Товарищи рабочие, идём в последний и реши-тельный бой” (1918). См.: Лебединский Л. Последний решительный // За пролетарскую музыку. 1931. № 5. С. 7–12. Цитаты эти следующие: “...Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанав-ливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталис-тов” (с. 7). “Никакие сомнения невозможны. Кулаки – бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа про-тив власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царём и попом, но с рабочим классом – никогда” (с. 8). “Беспощадная война против этих кулаков. Смерть им. Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, мень-шевикам и теперешним левым эсерам. Рабочие должны железной рукой разда-вить восстание кулаков, заключающих союз против трудящихся своей страны с чужеземными капиталистами” (с. 8).
- ²⁴ В конце спектакля “Последний решительный” по пьесе Всеволода Вишневского по замыслу режиссёра актёр обращается в зал с предложением встать всем тем, кто считает себя мобилизованными советской властью. Л. Лебединский не за-медлил отреагировать на эту режиссёрскую “находку”. Иронизировать на эту те-му было невозможно, и он вполне серьёзно замечает: “...Вы вводите в конце

- актёра и говорите: “Встаньте такие-то, встаньте такие-то”. Вы подымаете людей механически, причём внетеатральными, внехудожественными средствами” (там же, с. 11). Свиридов ошибочно указывает здесь вместо журнала “За пролетарскую музыку” название журнала “Пролетарский музыкант”.
- ²⁵ Свиридов Г. В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. — М.: Мол. гвардия, 2002. С. 233 (в дальнейшем ссылки будут делаться на это издание).
- ²⁶ Там же. С. 460.
- ²⁷ Круг знакомств Свиридова был весьма велик, и сейчас трудно его восстановить. Среди писателей это могли быть и М. Зощенко, А. Прокофьев, Н. Тихонов, А. Твардовский, Л. Леонов, позднее В. Солоухин, В. Кожин, Ст. Куняев. Но это могли быть люди других профессий. Например, много знающие кинорежиссёр М. Швейцер и его жена С. А. Милькина, с которыми у Свиридова были дружеские, доверительные отношения.
- ²⁸ Щербачёв В. Четыре стихотворения Александра Блока. Соч. 11. — Л.: Тритон, [б. д.]; Пять романсов на слова А. Блока. Соч. 11. — М.; Пг.: Госиздат, Музсектор, 1924. Свиридов особенно выделял романс “Косы Мери распущены...”
- ²⁹ Щербачёв В. Симфония № 3 для большого оркестра: партитура — М.: Музгиз, 1935.
- ³⁰ Щербачёв В. Выдумки. Для фортепиано. — Л.: Тритон, 1928.
- ³¹ Юдин М. Соната для фортепиано. — М.: Музсектор ГИЗа, 1930.
- ³² Юдин М. Скифы. Для большого смешанного хора. Сл. А. Блока. Партитура а саррелла. — М.: Музсектор ГИЗа, 1929.
- ³³ Рязанов П. Б. Четыре стихотворения Александра Блока. Соч. 3. — Л.: Тритон, 1925–1926. Содерж.: № 1. “Улица, улица...”; № 2. “Кошмар”; № 3. “В глазах ненужный день...”
- ³⁴ Попов Г. Большая соната для фортепиано. Ор. 6. — М.: Музсектор ГИЗа, 1931.
- ³⁵ Белоненко А. Начало пути (К истории свиридовского стиля). В кн.: Музыкальный мир Георгия Свиридова / Сост. А. С. Белоненко. — М.: Сов. композитор, 1990. С. 157.
- ³⁶ Декларация общества была опубликована в Еженедельнике Петроградских государственных академических театров (1922, № 3). В состав правления входили: М. О. Штейнберг (председатель), А. Пашенко, Ю. Карпович, И. Покровский, Н. Малков (секретарь). Первые концерты Общества состоялись 24 февраля и 4 марта 1922 года в Малом зале Петроградской консерватории. См.: Малков Н. Общество пропаганды современной русской музыки // Новая музыка. 1927. Сб. 1. С. 29–31.
- ³⁷ Богданов-Березовский В. Ленинградская Ассоциация современной музыки // Новая музыка. 1927. Сб. 1. С. 37–41.
- ³⁸ Об истории создания Кружка см. статью Ю. Вайнкопа “Кружок новой музыки” в первом сборнике альманаха “Новая музыка” (1927).
- ³⁹ Как писал московский идеолог “современничества” Л. Сабанеев, “та общая нужда, в которую был повергнут в целом профессиональный мир музыкантов, много способствовала их сплочению и их известному солидаризированию даже в вопросах искусства” (Сабанеев Л. Л. Музыка после Октября. — М.: Работник просвещения, 1926. С. 35).
- ⁴⁰ С момента отъезда Глазунова из Советской России и до назначения директором консерватории пролеткультовца, поэта А. И. Маширова-Самобытника, и. о. директора был М. О. Штейнберг.
- ⁴¹ Асафьев Б. Русская музыка (её психологические основы, формы воплощения и основные моменты развития). Программа курса. 1918 г. В кн.: Материалы к биографии Б. Асафьева / Сост. А. Крюков. — Л.: Музыка, 1982.
- ⁴² “Схема в них, порой, самодовлеет, а широкая пространственность планировки утомляет из-за своей расплывчатости” (Асафьев Б. Глазунов. — Л., 1924. С. 25–26).
- ⁴³ Против чего решительно восставал А. К. Глазунов, и это послужило ещё одним из поводов для обострения отношений между Глазуновым и Асафьевым. Мне говорил А. А. Гозенпуд, что история с постановкой “Бориса Годунова” в авторской редакции стала причиной отъезда Глазунова из России (он, кажется, писал об этом в какой-то своей статье). Не думаю, что только из-за этого Глазунов бежал из страны Советов точно так же, как бежали Рахманинов, Бунин, Шаляпин и многие другие деятели русской культуры. Свиридов вспоминал обложку журнала ЛЕФ, на которой были изображены лица К. Станиславского, А. Белого,

- А. К. Глазунова, И. Е. Репина и ряда других русских художников, перечёркнутые жирным чёрным крестом с надписью “Такие нам не нужны”.
- ⁴⁴ Первой работой, в которой Асафьев дал оценку русской музыке в лице её представителей — М. И. Глинки, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского и И. Стравинского, — были изданные в Петрограде Государственной филармонией “Симфонические этюды”. Именно здесь с наибольшей отчётливостью нашла выражение асафьевская концепция русского музыкального процесса конца XIX — начала XX века, дана оценка Римскому-Корсакову и Чайковскому. Здесь, наряду с отдельной монографией, изданной в том же 1922 году, есть и творец “Хованщины”, и Бородин. Здесь же Асафьев воздаёт должное балетам И. Ф. Стравинского. Эта книга — дань памяти учителям, своим близким современникам, дань памяти музыке “уходящей Руси”, она ещё кровно связана с традициями и оценками русской мысли о музыке. Впоследствии, в начале 1930-х годов Асафьев вынужден был отдать дань вульгарно-марксистскому “социологизму”, его взгляды на русскую композиторскую школу несколько видоизменились. См. его монографию: *Русская музыка от начала XIX столетия* (М.; Л.: Academia, 1930).
- ⁴⁵ Гинзбург С. Новая музыка // Новая музыка. 1927. Сб. 1. С. 19. Пожалуй, такие как С. Гинзбург в АСМ были самыми ретивыми противниками русской школы. Но их было совсем мало, считанные единицы. В 1940-е годы он занимался историей русской музыки XVIII века и был одним из основателей курса истории “музыки народов СССР”.
- ⁴⁶ Сабанеев Л. Остров блаженных (Размышления на музыкальные темы) // *Культура и жизнь*. 1922. 1–15 марта. № 2-3. С. 66.
- ⁴⁷ Глебов И. От “новой музыки” к новому музыкальному мировоззрению // *Новая музыка*. 1927. № 1. С. 20.
- ⁴⁸ Во Второй симфонии (“Октябрю”) Шостакович ещё раз воспользуется поэтическими строками А. Безыменского.
- ⁴⁹ См., напри., Казелла А. Политональность и атональность. — Л.: Тритон, 1926 (Книги по музыке под редакцией Игоря Глебова); Фехнер В. Техника струнных инструментов в современной музыке // *Новая музыка*. Сб. III. Современный инструментализм. — Л.: Тритон, 1927. С. 27–29.
- ⁵⁰ Друскин М. Концерты Государственного института истории искусств // *Новая музыка*. — 1927. Сб. 1. С. 32–36.
- ⁵¹ Франц Шрекер и его опера “Дальний звон. (Статьи С. Гинзбурга, Игоря Глебова и Сергея Радлова) — Л.: Academia, 1925.
- ⁵² *Новая музыка*. Сб. IV. “Воцтек” Альбана Берга. — Л.: Тритон, 1927. Содержание: Гинзбург С. Альбан Берг (с. 5–11); Радлов С. Георг Бюхнер (с. 12–17); Дранишников В. “Воцтек” (с. 18–28); Глебов И. Музыка “Воцтека” (с. 29–39).
- ⁵³ “Шесть”. Сб. ст. Игоря Глебова, С. Гинзбурга и Дариуса Мило. — Л.: Academia, 1926.
- ⁵⁴ *Джаз-банд и современная музыка*. Сб. ст. П. О. Грэнджера (Австралия), Л. Грюнберга (Нью-Йорк), Дариуса Мило (Париж), С. Сергенгера (Лондон). Под ред. и с предисл. С. Гинзбурга. — Л.: Academia, 1926.
- ⁵⁵ Помню рассказ Свиридова, как он ещё в техникуме на экзамене по композиции показывал фортепианные пьесы (впоследствии он их издал, это “Семь маленьких пьес для фортепиано”) и получил за них удовлетворительную оценку. Смущённый такой несправедливой, как ему казалось, оценкой, он спросил у своего педагога М. А. Юдина о ней, и Михаил Алексеевич признался, что на этой оценке настаивал Асафьев, вынеся строгий вердикт: “За цинизм”. Это слово прозвучало не случайно, Б. В. Асафьев услышал в этих пьесах отголосок увлечения музыкой Шостаковича. Сам Свиридов позднее отмечал, что “эти пьесы — результат моего знакомства с сочинениями Щербачёва, Попова, Юдина, Рязанова и особенно Шостаковича (“Леди Макбет” и др.)”. “Циничность, грубый натурализм и издёвка” — этими словами Б. Асафьев уже публично охарактеризовал Шостаковича во время кампании по обсуждению статьи “Сумбур вместо музыки” (Асафьев Б. Волнующие вопросы (Вместо выступления на творческой дискуссии) в ж. “Сов. музыка”, № 5 за 1936 г., с. 24–27). Но за эти качества стиля он осуждал Шостаковича и ранее, эта оценка была, вероятно, характерна для круга Асафьева и Щербачёва, которые ревниво относились к карьере Шостаковича, ученика их соперника Штейнберга. Как мне говорил Свиридов, Щербачёв и Асафьев делали ставку на Гавриила Попова, предполагая, что он станет лидером ленинградской композиторской школы. Примечательно, что подобные

характеристики некоторых сторон творчества Шостаковича в 1980-е годы можно встретить и в тетрадях “Разных мыслей” Свиридова. Это отдельная, деликатная тема, которой я посвятил опубликованные части моего исследования в разных номерах “Нашего современника” с 2016-го по 2019 г.

- ⁵⁶ К этому следует добавить, что в Московской консерватории в 1920-е годы наиболее авторитетным преподавателем по композиции был Н. Я. Мясковский, воспитанник Санкт-Петербургской консерватории.
- ⁵⁷ См. выдержки из доклада Н. Рославца и из выступлений в прениях по нему: Власова Е. С. 1948 год в советской музыке. — М.: Классика-XXI, 2010. С. 30–34.
- ⁵⁸ Прокофьев С. Дневник 1907–1933 (часть вторая). Paris: PRKFV, 2002. С. 498.
- ⁵⁹ Рязанова Н. П. Встречи С. Прокофьева с ленинградскими композиторами в 1927 г. Диалог П. Рязанова и С. Прокофьева о постановке “Огненного ангела” // Общество. Среда. Развитие. 2015, № 1. С. 98. Важно иметь в виду, что специально для новой системы преподавания композиции соратники Щербачёва приготовили свои методики и курсы. П. Рязанов создал уникальный курс “мелодики”, Ю. Тюлин разработал новый учебник по гармонии, Х. Кушнарёв написал работу по полифонии строгого стиля и по методике обучения этому предмету.
- ⁶⁰ Как мне рассказывал Свиридов, его педагог в техникуме М. Юдин раскритиковал его пушкинские романсы. Свиридов обиделся, он стал захаживать в класс к Рязанову. Петру Борисовичу был посвящён романс “Подъезжая под Ижоры”.
- ⁶¹ Дискуссия под председательством директора консерватории В. С. Бухштейна началась 3 марта 1936 года. Она проходила по четвергам каждую неделю, сохранились стенограммы выступлений от 3 и 31 марта, 6, 13 и 17 апреля. Последнее заседание состоялось 17 апреля (ЦГАЛИ СПб, ф. 380, оп. 4, ед. хр. 31).
- ⁶² В анналах истории советской музыки осталась дискуссия в Ленинградском союзе композиторов, которая была фактически продолжением конференции в консерватории. Об этой дискуссии историки очень мало знают. А между тем, она была не менее драматичной, и её последствия оказались важными для судеб композиторского образования в Ленинграде. После ухода Рязанова с поста ведущего композиторским отделением “современническая” кафедра стала терять своё значение и реноме. Её возглавляли замечательные музыканты, но всё же больше теоретики, нежели композиторы, — Ю. Тюлин, Х. Кушнарёв. В конце тридцатых Рязанову было вновь предложено возглавить кафедру, но он в это время перебрался в Тбилиси. В конце концов, после войны она была преобразована в кафедру оркестровки. Работающие на этой кафедре композиторы были лишены права преподавать композицию. Я помню, как в конце 1980-х годов композиторы кафедры боролись за это право. С большим трудом удалось добиться этого Ю. А. Фалику и В. И. Цытовичу.
- ⁶³ Глебов И. Симфонические этюды. — Пб.: Гос. филармония, 1922. С. 43-44.
- ⁶⁴ Сабанеев Л. Музыка после Октября. — М.: Работник просвещения, 1926. С. 59-60.
- ⁶⁵ См. обзор статей о музыке и войне в разных журналах и газетах 1914–1915 годов в статье: Mitchell R. Music and Russian Identity in War and Revolution, 1914–22.
- ⁶⁶ Свиридов Г. В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. — М.: Мол. гвардия, 2002. С. 462.
- ⁶⁷ Там же. С. 155.
- ⁶⁸ И позднее, в 1940-е — начале 1950-х годов Сабанеев числился формалистом. В программе курса истории советской музыки 1950 года ему дана следующая характеристика: “Откровенное утверждение формализма в печатных выступлениях “идеологов” АСМа Сабанеева, Рославца и других (История русской советской музыки. План-проспект / Под ред. д-ра искусствоведч. наук, проф. Ю. В. Келдыша, д-ра искусствоведч. наук, проф. С. С. Скребкова, проф. И. Я. Рыжжина. — М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 21).
- ⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. — М.: Госполитиздат, 1970. С. 358-359.
- ⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Госполитиздат, 1970. С. 214.
- ⁷¹ “При таких условиях очень естественно, что “свобода выхода из союза”, которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской

швали, как муха в молоке” (Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об “автономизации”. Продолжение записок. 30 декабря 1922 г.).

⁷² Как известно, Гнесин дважды, в 1913-м и в начале 1920-х годов, совершил поездки на Ближний Восток, посетил Палестину, интересовался тамошними очагами музыки, возлагая надежды на то, что в Палестине сформируется новая еврейская композиторская школа.

⁷³ В новой редакции статьи, опубликованной в одной из советских газет, слово “интернационализм” в заглавии было без кавычек.

⁷⁴ Гнесин М. Ф. “Интернационализм” и русская музыка // Искусство. 1918. № 1. С. 11. Цит. по экземпляру журнала с авторскими пометами, хранящемуся в РГА-ЛИ (Ф. 2954, оп. 1, ед. хр. 117. М. Ф. Гнесин. “Интернационализм” и русская музыка”, “О музыкальном национализме”, “Русская музыка”, “Музыка и движения”, “И. А. Алчевский”, “А. Г. Рубинштейн”. Статьи. Лекции. Черновой автограф, машинописная копия и листы из журнала. Крайние даты: 1918-1919 г. г. На 70 л. Л. 5).

⁷⁵ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... с. 542-543 (из тетради 1989-1990, I).

⁷⁶ Там же. С. 486.

⁷⁷ См. о выдвигании квинтета во вступит. статье к тому XXVIA Полного собрания сочинений Г. В. Свиридова (Мамаева Е., Белоненко А. Камерно-инструментальные ансамбли Г. В. Свиридова 1940-х годов. Квинтет. Квартет. – Свиридов Георгий. Квинтет для фортепиано, двух скрипок, альты и виолончели (1945). Квартет для двух скрипок, альты и виолончели (1946). Т. 26А. – М.; СПб.: Национальный Свиридовский фонд, 2002. С. IX-XXIV).

⁷⁸ Там же. С. 496 (из тетради “Заметки 1989-1993”).

⁷⁹ № 11. Докладная записка заместителя заведующего отделом культурно-просветительской работы ЦК ВКП(б) А. И. Ангарова секретарям ЦК ВКП(б) о дискуссии среди музыкантов по поводу статей в “Правде” о формализме в музыке. 20 марта 1936 г. В кн.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917-1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002 (Россия XX век. Документы). С. 304.

⁸⁰ Между прочим, “Афоризмы” не были признаны в кругу Щербачёва и Асафьева. Ученик Асафьева М. Друскин ещё в 1928 году в своей книге о современной фортепианной музыке (Новая фортепианная музыка с систематическим обзором современной фортепианной литературы / Предисловие Игоря Глебова. – Л.: Тритон, 1928, с. 112) отозвался о них прохладно. Сравнивая фортепианные сочинения Шостаковича и Попова, он писал: “Совсем ещё юные Д. Шостакович и Г. Попов заставляют возлагать большие надежды на развитие их любопытнейших дарований: первый отличается мастерской отделкой и отчётливостью композиционного плана, второй – эмоционально крепче и “нутрянее”. “Фантастические танцы” (ГИЗ) Шостаковича значительно уступают его “сонате” (ГИЗ) – произведенному острому и захватывающему своим стихийно разворачивающимся, но механизированным движением. Его интересная пианистическая фактура, однако, недостаточно полно использована автором. Более примитивное разрешение этой проблемы механизированной музыки – десятичастная (афористическая) сюита ор. 13 (Тритон)”. И позднее, в статье 1935 года в журнале “Советская музыка” он также критиковал это сочинение Шостаковича. Впрочем, и поклонник творчества Шостаковича М. Гринберг тоже не жаловал “Афоризмы”, назвал их самым слабым и самым неискренним сочинением (Гринберг М. Дмитрий Шостакович // Музыка и революция. 1927. Ноябрь. № 11. С. 19).

⁸¹ Трудно представить себе, что Шостаковича увлекли стихи С. Кирсанова или А. Безыменского. Впрочем, как и сами темы – “Октябрю” или “Первомайская”. Это были первые “окациональные” сочинения Шостаковича, в которых он ставил и не без блеска решал чисто технические задачи. Конечно, рамповцы были правы, называя эти сочинения “формалистическими”.

⁸² Глебов И. Бытовая музыка после Октября // Новая музыка. 1927. Год 2-й, сб. I. С. 29.

⁸³ В библиотеке Г. В. Свиридова хранилось первое издание известного труда Е. Гиппиуса и З. Эвальд “Песни Пинежья. Материалы фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд / Под общ. ред. Е. В. Гиппиус. Книга II – М.: Музгиз, 1937.

⁸⁴ Беляев В. Скрябин и будущее русской музыки // К новым берегам. 1923. Май. № 2. С. 9.

⁸⁵ Там же. С. 12.

- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Диалектик. О реакционном и прогрессивном в музыке // Музыкальная культура. — 1924. № 1. С. 51.
- ⁸⁸ Рославец Н. Н. А. Рославец о себе и своём творчестве // Современная музыка. — 1924. Ноябрь-декабрь. V. С. 134.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Белоненко А. Начало пути (К истории свиридовского стиля). В кн.: Музыкальный мир Георгия Свиридова, с. 156.
- ⁹¹ Биограф композитора, близкий ему человек и знаток его творчества А. Н. Сохор считал, что Свиридов “подхватил традицию Кастальского и Давиденко и развил её дальше” (Сохор А. Георгий Свиридов. 2-е изд., доп. М.: Сов. композитор, 1972. С. 298).
- ⁹² Власова Е. С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. — М.: ИД “Классика-XXI”, 2010.
- ⁹³ Раку М. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. — М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- ⁹⁴ См.: Максименков Л. В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. — М.: “Юридическая книга”, 1997; Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов 1917–1991 / Сост. Л. Максименков. — М.: МФД, 2013.
- ⁹⁵ Тетерина Н. И. Хронология РАПМ (1924–1932) и деятельность Ю. В. Келдыша (1929–1932). В кн.: Юрий Всеволодович Келдыш. Воспоминания, исследования, материалы, документы. — М.: ГИИ, 2015. С. 64–122.
- ⁹⁶ Корниенко Н. Пролетарские музыканты в год великого перелома. В кн.: Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Фёдоровича Егорова / ИРЛИ РАН, СПбИИ РАН; Союз писателей Санкт-Петербурга / Ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. — СПб.: Издательство “Росток”, 2016. С. 486–496.
- ⁹⁷ Цит. по след. изд.: Литературные манифесты: От символизма к Октябрю / Сост. Н. Л. Бродский, В. Л. Львов-Рогачевский, Н. П. Сидоров. — М.: Федерация, 1929. С. 130.
- ⁹⁸ На Первом Всероссийском съезде Пролеткультов (3–12 октября 1920) большевистская фракция осталась в меньшинстве.
- ⁹⁹ В 1920-е годы существовало много различных музыкальных объединений вроде Московского и Ленинградского городских союзов композиторов, Ассоциации московских авторов (АМА), Московское объединение драматургов и композиторов (МОДПик) и др.
- ¹⁰⁰ Литературные манифесты. I. Россия. От символизма до “Октября” / Сост. Бродский Н. Л., Сидоров Н. П. — М.: Новая Москва, 1924; Северюхин Д., Лейткинд О. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932). — СПб.: изд-во Чернышёва, 1993.
- ¹⁰¹ “Октябрь”. 1. Идеологическая и художественная платформа группы пролетарских писателей “Октябрь”. Принята по докладу тов. Сем. Родова: “Современный момент и задачи пролетарской литературы” в качестве платформы Московской ассоциации пролетарских писателей. 2. Об отношении к буржуазной литературе и промежуточным группировкам. Тезисы доклада т. Лелевича, принятые на I Московской конференции пролетарских писателей, 16 марта 1923 г. Цит. по изд.: Литературные манифесты: От символизма к Октябрю / Сост. Н. Л. Бродский, В. Л. Львов-Рогачевский, Н. П. Сидоров. — М.: Федерация, 1929 С. 56.
- ¹⁰² Сюда же он отнёс и МХАТ во главе с К. С. Станиславским
- ¹⁰³ В компанию с футуристами он отправил Вс. Мейерхольда.
- ¹⁰⁴ “Революция для Маяковского — подлинное, несомненное, глубокое переживание, ибо своими громами и молниями она обрушилась на то, что Маяковский по-своему ненавидел, с чем не успел ещё примириться, — и в этом сила его” (Троцкий Л. Литература и революция. 2-е доп. изд. — М.: Госиздат, 1924. С. 111).
- ¹⁰⁵ Там же. С. 154.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 156.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Троцкий Л. Литература и революция..., с. 44.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 93. Без связи с Троцким, не могу не отметить, что в многочисленной блокиане Свиридова оратория по поэме “Двенадцать” занимает центральное

- место. Её ещё предстоит поднять, проанализировать и по возможности воссоздать хотя бы частично. Свиридов высоко оценивал поэму Блока.
- ¹¹⁰ Там же. С. 45.
- ¹¹¹ Там же. С. 165.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ “К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе” – М.: Красная новь, 1924. С. 23.
- ¹¹⁴ К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе”. М., 1924. С. 37.
- ¹¹⁵ К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе”. М., 1924. С. 69.
- ¹¹⁶ Там же. С. 70.
- ¹¹⁷ К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе”. М., 1924. С. 106–107.
- ¹¹⁸ Взято из статьи А. Воронского “Ответ Вардину”, помещённой в ж. “Красная новь”, 1924, № 3. Приношу признательность ведущему сотруднику ИМЛИ им. М. Горького С. И. Субботину, указавшему мне этот источник.
- ¹¹⁹ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о совещании по вопросам развития художественной литературы. 15 мая 1924 г. В изд.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. – М.: МФД, 2002. С. 46.
- ¹²⁰ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о журнале “Литература и критика” 2 окт. 1924. № 26, п. 12 – О журнале “Литература и критика” (тт. Ангарский, Сорин). Считать нецелесообразным издание журнала “Литература и критика”. В кн.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. Артизов А. и Наумов О. – М.: МФД, 2002. С. 48. Издательство “Недра” специализировалось на издании художественной литературы, в нём публиковались В. Вересаев, А. Толстой, С. Сергеев-Ценский, пролетарские поэты из “Кузницы”. В. Сорин был “левым коммунистом”, за что впоследствии был репрессирован.
- ¹²¹ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об издании журнала “Новый мир”. 23 окт. 1924 г. № 30. П. 25 – О журнале “Новый мир” (тт. Стеклов, Луначарский, Канатчиков). Разрешить тт. Стеклову и Луначарскому издание журнала “Новый мир” в виде приложения к “Красной нови” (там же). С. Канатчиков был заведомом печати ЦК ВКП(б). Инициатива издания нового журнала принадлежала редактору “Известий ВЦИК” Ю. Стеклову. Стеклов и нарком просвещения А. Луначарский возглавили новый журнал. Журнал публиковал произведения разных писателей и поэтов, стремился к консолидации литературных сил.
- ¹²² Полонский В. Заметки журналиста. Леф или блеф? // Известия. 1927. 25 февр. № 46. С. 5; 27 февр. № 48. С. 3.
- ¹²³ Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) о нецелесообразности проведения съезда пролетарских писателей. 3 ноября 1924 г. № 40, п. 9. О съезде пролетарских писателей (пост. ОБ от 31.Х с. г., пр. № 39, п. 34 (тов. Канатчиков). Не возражать против созыва небольшого совещания пролетарских писателей, относящихся к группе “Октябрь”. Там же, с. 49.
- ¹²⁴ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Об изменениях в редакции журнала “Красная новь” 5 февр. 1925 г. № 47, п. 24 – О редакции “Красная новь” (Сталин). В кн.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. Артизов А. и Наумов О. – М.: МФД, 2002. С. 50. Ф. Раскольников был в это же время редактором журнала “Молодая гвардия”, занимал позицию, близкую пролетарским писателям.
- ¹²⁵ Сергеев А. Ассоциация пролетарских музыкантов (композиторы, исполнители и педагоги) // Музыкальная новь. – 1923. № 1. С. 27. Благодарю кандидата исторических наук, научного сотрудника ИРИ РАН К. В. Вершинина, любезно предоставившего мне сканы журналов пролетарских музыкантов.
- ¹²⁶ См.: Музыкальная новь. – 1924. № 12. С. 24 (<https://vivaldi.nlr.ru/pm000014798/view/#page=>). Её же воспроизводит в своей книге Е. Власова (1948 год в советской музыке... С. 81–83).
- ¹²⁷ Среди выбывших наиболее активными были А. Сергеев и В. Шульгин, партиец. Как выяснилось в дальнейшем, между основателями Ассоциации возникли разногласия, которые привели к созданию новой организации, ОРКИМД, в известной мере конкурирующей с РАПМ.
- ¹²⁸ Хроника ВАПМ // Там же. С. 26.
- ¹²⁹ Там же. С. 24.

- ¹³⁰ “Пролетарской музыкой является только такая, которая “уходит своими глубочайшими корнями в самую толщу народных масс, объединяет чувство, мысль и волю этих масс, поднимает их для дальнейшей борьбы и строительства и организует их сознание в сторону конечных задач пролетариата как устроителя коммунистического общества”. Там же, с. 25.
- ¹³¹ Миронова И. А. Московская консерватория. Истоки (Воспоминания и документы. Факты и комментарии). — М.: МГК им. П. И. Чайковского, 1995. С. 59. Позднее о чистке 1924 года напишет Е. Власова. См. также: Власова Е. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. — М.: Классика-XXI, 2010. С. 34–38.
- ¹³² Лелевич Г. “На литературном посту”: Статьи и заметки. — М.: Парт. изд-во “Октябрь”, 1924.
- ¹³³ В 1925 году на труд Троцкого “Уроки Октября” последовал коллективный ответ. См.: Бухарин Н. и др. За ленинизм. Сб. статей. — М., Л.: Госиздат, 1925; Об “Уроках Октября” тов. Троцкого. Сб. статей и речей тт. Сталина, Бухарина и др. — Ростов-на-Дону: Буревестник, 1925. В том же году Бухарин выступает сам с критикой Троцкого. См., например: Бухарин Н. К вопросу о троцкизме. — М.-Л., ГИЗ, 1925; его же. Коммунистическое воспитание молодежи. — М.-Л., 1925; его же. Борьба за кадры. — М.-Л.: Молодая гвардия, 1926.
- ¹³⁴ Авербах Л. За пролетарскую литературу. О политике РКП(б) в области художественной литературы. — Л.: “Прибой”, 1925.
- ¹³⁵ Творческая программа “Проколла” изложена в № 1 журнала “Музыкальное образование” за 1926.
- ¹³⁶ Была опубликована в первом номере журнала “Музыка и Октябрь” за 1926 год.
- ¹³⁷ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. Артизов А. и Наумов О. — М.: МФД, 2002. С. 77.
- ¹³⁸ Там же. — С. 77.
- ¹³⁹ См. Хроника ВАПМ // Пролетарский музыкант. 1929. № 1. С. 35.
- ¹⁴⁰ Там же. — С. 36.
- ¹⁴¹ Пролетарский музыкант. 1929. № 2. С. 40.
- ¹⁴² Пролетарский музыкант. 1929. № 1. С. 35–36.
- ¹⁴³ Идеологическая платформа ВАПМ (1929). В кн.: Всероссийская Ассоциация Пролетарских Музыкантов. — М.: Музсектор Госиздата, 1929. С. 10.
- ¹⁴⁴ См.: Докладная записка Совета ВАПМ о положении советской музыки. Оpubл. в кн.: Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / Сост. Л. Максименков. — М.: Международный фонд “Демократия” (МДФ), 2013. С. 72–83.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 82.
- ¹⁴⁶ Пролетарский музыкант. 1929. № 2. С. 3.
- ¹⁴⁷ Сви́дерский А. И. Задачи Главискусства: Доклад нач. Главискусства т. Сви́дерского на пленуме ЦК ВсеРаБИС (октябрь 1928 г.), прения по докладу и постановлению Пленума ЦК ВсеРаБИС / Под ред. А. А. Алексеева и А. А. Гольдмана. — [Москва]: изд-во ЦК Всерабис, 1929.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 8.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ До прихода в Наркомпрос Сви́дерский имел большой опыт административной работы, был членом Наркомпрода (1918–1922), членом коллегии НК РКИ (1922–1928), заместителем наркома земледелия и ректором сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.
- ¹⁵¹ См. сн. 31 на с. 746 в кн.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Науков. — М.: МФД, 2002.
- ¹⁵² О конфликте между заместителем заведующего АППО ЦК ВКП(б) Керженцевым и руководителем Главискусства Сви́дерским Сталину сообщал секретарь ЦК ВКП(б) А. П. Смирнов в своей докладной записке от 5 августа 1929 года. См.: Докладная записка секретаря ЦК ВКП(б) А. П. Смирнова в ЦК ВКП(б) о работе Главискусства РСФСР. 5 авг. 1929 г. В Секретариат ЦК ВКП(б). К вопросу об улучшении работы Главискусства (по поводу записки т. Керженцева). Оpubл. в кн.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. — М.: МФД, 2002. С. 115–123. О взаимоотношениях в кругах партийной

и государственной верхушки см. главу “Агитпроп ЦК против Главискусства” в кн.: Огрызко В. В. Лицедейство, страх и некомпетентность: Советская модель управления культурой и искусством. — М.: Литературная Россия, 2020 С. 240–249.

¹⁵³ Там же. С. 23.

¹⁵⁴ В то время он был секретарём ВОАПП и членом секретариата ФОСП. Прошёл школу гражданской войны, после войны служил в Тбилиси заместителем начальника Политуправления армии в Закавказском военном округе. В 1933 году Г. Ягода порекомендовал пригласить его на строительство Беломоро-Балтийского канала, где он был начальником лагеря на Кольском полуострове. Простых писателей, даже членов партии, на такую должность не рекомендовали.

¹⁵⁵ Лебединский Л. О музыкальной практике, обществ. группировках музыкантов и нашей политике по отношению к ним // Пролетарский музыкант. 1930. № 2. С. 6.

¹⁵⁶ Пельше Р. О путях продвижения музыкальной культуры в массы. В кн.: Наш музыкальный фронт: Материалы Всероссийской музыкальной конференции (июнь, 1929 г.) / Под ред. С. Корев. — М.: Музсектор ГИЗа, 1930. С. 28–37. Как впоследствии написал С. Корев, “конференция в Ленинграде <...> была созвана не по линии музыкальной части Главискусства, а по линии массового отдела, в котором были сплочены работники, несогласные с линией руководства” (Пролетарский музыкант. 1930. № 3. С. 28).

¹⁵⁷ Луначарский А. В. Социальные истоки музыкального искусства. Там же, с. 16–27.

¹⁵⁸ Летом 1929 года Луначарский пишет письмо Сталину, в котором просит о переводе его на работу в Наркоминдел, а также предоставить ему небольшой отпуск со следующей мотивировкой: “Может быть, это стыдно, но моё здоровье заметно пошатнулось в результате знака недоверия ко мне партии”. Вопрос об освобождении Луначарского с поста наркома просвещения был предрешиён 15 июля 1929 года Постановлением Политбюро. См.: текст письма Луначарского Сталину и ссылку на Постановление Политбюро от 15 июля 1929 г. в кн.: Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. — М.: МФД, изд-во Материк, 2005. С. 160–161.

¹⁵⁹ Керженцев П. Основные вопросы музыкальной жизни и работы. Там же, с. 9.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Тексты резолюций были опубликованы. См.: Корев С. И. На путях к пролетарской музыке. Резолюции I Всероссийской музыкальной конференции (июнь 1929 г.). — М.: Музсектор ГИЗ, 1929. Статью С. Корев, посвящённую итогам I Всероссийской музыкальной конференции см. там же, с. 3–34.

¹⁶² Основная резолюция конференции. В кн.: Наш музыкальный фронт: Материалы Всероссийской музыкальной конференции (июнь, 1929 г.) / Под ред. С. Корев. — М.: Музсектор ГИЗа, 1930. С. 213.

¹⁶³ Там же, с. 213–214. Текст редактировал С. Корев, член РАПМ, который в скором времени войдёт в состав преобразованного Главискусства, Совета по делам искусства и художественной литературы в качестве завсектором музыки, эстрады и цирка.

¹⁶⁴ Чайванов В. Н. О концертной деятельности Советской филармонии (там же, с. 64–72).

¹⁶⁵ Резолюции Всероссийской музыкальной конференции. О работе Софила. В кн.: Наш музыкальный фронт: Материалы Всероссийской музыкальной конференции (июнь, 1929 г.) / Под ред. С. Корев. — М.: Музсектор ГИЗ. С. 259.

¹⁶⁶ Одновременно был переведён в Ленинград на должность директора Эрмитажа его заместитель и оппонент Л. Оболенский, а из АППО уволен П. Керженцев.

¹⁶⁷ Цит. по кн.: Огрызко В. В. Лицедейство, страх и некомпетентность: Советская модель управления культурой и искусством. — М.: Литературная Россия, 2020. С. 236–237.

¹⁶⁸ Корев С. Главискусство и руководство музыкальной жизнью // Пролетарский музыкант. 1930. № 3. С. 27–28. Помимо этого, в комиссию А. И. Свидацкий назначил В. Н. Чайванова, что тоже было поставлено ему в вину.

¹⁶⁹ Корев С. Главискусство и руководство музыкальной жизнью // Пролетарский музыкант. 1930. № 3. С. 26–27.

¹⁷⁰ Там же. С. 29.

¹⁷¹ Калтат Л. Заметки о Софиле // Пролетарский музыкант. 1929. № 7–8. С. 13–19.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 16

ТАК ЖИЛИ ПОЭТЫ...
(продолжение)

Когда Наум Коржавин вспомнил о своей статье, напечатанной в 1961 году, с которой “Кожинов хотел спорить”, он имел в виду статью “В защиту банальных истин”, опубликованную в “Новом мире”, где использовал крайне неудачное сопоставление пушкинского стихотворения “Я вас любил: любовь ещё, быть может...” со стихами Андрея Вознесенского, естественно, отдавая предпочтение Пушкину.

Само по себе это сравнение поднимало Вознесенского на недостижимую высоту, чего стихотворец никак не заслуживал. И Кожинов в начале книги “Как пишут стихи” подробно и въедливо разобрал аргументы Коржавина, указывая на очевидные его ошибки.

“Истина не может быть банальной, — утверждал Кожинов. — Банальной может быть только частная, односторонняя правда. Н. Коржавин прав, что сами по себе формальные ухищрения не ведут к поэзии. Но это именно банальная и узкая правда. Истина гораздо сложнее, и она никогда не станет банальной, всегда будет заставлять думать, искать, сомневаться...”

Отсюда Кожинов переходил непосредственно к коржавинскому “разбору”: “Н. Коржавин считает, что в этом стихотворении поэта — в отличие, например, от сочинений А. Вознесенского — нет никакой искусности, никакой изощрённости.

Для меня совершенно ясно... что стихотворение Пушкина неизмеримо искуснее стихов А. Вознесенского. Более того, в “Я вас любил...” перед нами предстаёт принципиально иная ступень, иной, неизмеримо высший уровень искусности...

... Стихи Пушкина предельно стройны и организованы с ритмической точки зрения. Конечно, само по себе это ещё не является свидетельством искусности поэта. Чудо искусности обнаруживается в том, что при всей стихотворной упорядоченности и организации речь поэта совершенно естественна... Русская речь как бы сама, естественно, непринуждённо, без усилий вылилась в строгую и музыкальную ритмическую форму! Но на самом-то деле это совершило несравненное искусство Пушкина... Странно заблуждается Н. Коржавин, полагая, что здесь нет никакой формальной искусности, никакой “техники”. Нужно обладать удивительной искусностью, чтобы создать такое стихотворение...”

Продолжение. Начало в №№ 1-7,9 за 2019 год, 1-5,7-12 за 2020 год, 1-3,5-7,11-12 за 2021 год, 2 за 2022 год.

Далее Кожинов привёл несколько строф на выбор из разных стихотворений Вознесенского и сформулировал свой неоспоримый “диагноз”: “В этих крепко сделанных строках “мастерства”, казалось бы, хоть отбавляй. Сложно завинченные ритмы, диковинные сравнения и ассоциации, изощрённейший фонетический строй... Эти фонетические эффекты, эта звуковая инструментовка рифменного типа может показаться верхом искусства, полной и свободной властью над речью. Однако на самом деле такие стихи писать неизмеримо легче и проще, чем те, которые мы только что рассматривали... Почему же легче? А потому, что в таких стихах заранее приняты определённые ограничения, определённые “правила игры”. У А. Вознесенского нет речевой свободы; он именно и только слагает стихи, занимается стихосложением... Чем отличается вообще всякая игра от человеческой деятельности в собственном смысле? Тем, что она выговаривает себе известные условия, которые кардинально упрощают и облегчают исполнение поставленной цели...”

...Сама эта искусство Пушкина спрятана, скрыта, утаена от нас столь искусно, что далеко не всякий её заметит. Вот почему неправ Н. Коржавин, когда он утверждает, что прекрасные стихи Пушкина созданы “без всяких ухищрений”, всё в них высказано “прямо”, “максимально ясно”, в них нет никакого собственно “формального” мастерства.

Н. Коржавин противопоставляет Пушкина как поэта с богатым и глубоким “содержанием” тем авторам, у которых содержание бедно и поверхностно, хотя они и “владеют стихом виртуозно”. Но это совершенно ложное противопоставление. Не владея стихом, нельзя создать поэтическое произведение с богатым и глубоким смыслом... Ведь именно Пушкин-то как раз и владеет стихом... виртуозно. Он так творит сложный и стройный ритм и инструментовку, что мы с трудом их замечаем, настолько органически и естественно рождаются они в речи...”

Эта полемика послужила Кожинову отправной точкой для последующего разговора, в котором гармонично соединились размышления литературоведа и переживания прелести классической поэзии читателем, который составляет свой путеводитель по чудесному и таинственному миру русского стиха.

От вдохновенных рассуждений о роли искусства в деле поэта он переходит к вопросу о соотношении содержания и формы в поэзии, подчёркивая, что в слове поэта, “которое, по существу, является уже не словом как таковым, не языком, не речью, а *формой искусства*, создаётся и существует то, что мы называем поэзией... Подлинной поэзии нельзя не “поверить”, ибо переживание в ней, как показал это Кожинов на примере Пушкина, “не просто выражено, а сотворено, осуществлено, создано в *стихотворении*”.

“Стих не только даёт общему смыслу произведения особенную, поэтическую жизнь, обаяние, ценность; он всегда необычайно сильно обогащает и углубляет этот смысл... Единство содержания и формы несёт в себе “скрытую теплоту”, “внутриядерную энергию”, которая рассеивается, исчезает при разрушении этого цельного единства, этого “ядра” поэзии”.

“Преобразование обычной речи... в великое лирическое произведение только благодаря стихотворному воплощению... кажется настоящим чудом... Именно это чудо творчества при поверхностном его истолковании порождает многообразные ложные представления об искусстве, в частности, *формалистическую* теорию поэзии. Логика проста: раз именно стихотворная форма “превращает” обычную речь в великое произведение — значит, всё дело в ней. Но такого рода теории основываются, в конечном счёте, на примитивном представлении о творчестве как ритмизации и зарифмовывании речи. На самом же деле поэт... создаёт органическое единство слова и стиха или, точнее, поэтическую форму, которая не есть речь (хотя бы и ритмизованная) и в которой осуществляется глубокий и богатый поэтический смысл... Само стихотворение — это переживание в его художественном бытии, в том инобытии, в котором оно обретает высшую красоту, раскрывает свой глубокий и всеобщий смысл, свою жизненную гениальность...”

Я остановился на ключевых мыслях Кожинова, хотя на самом деле эту небольшую книжку следует внимательно читать с первой до последней строки, следя за кожиновской мыслью, кожиновским проникновением в мир великой поэзии... И тогда благодарный читатель не будет объят волной скуки даже тогда, когда перейдёт к главам, воплощающим в себе такую “скучную” материю, как “Стих и ритм”, “Проблема стиховой интонации”, “Стих и метр”... Он

будет заморожен полётом мыслечувства автора, раскрывающего ему всю прелесть пушкинского “Я вас любил...”, тютчевского “Вот бреду я вдоль большой дороги...”, фетовского “Только встречу улыбку твою...”, поэтического мира Николая Языкова, Евгения Боратынского, Николая Некрасова.

Как пишут стихи... Кожинов пишет о том, как создаётся, сотворяется стихотворение, и поневоле создаётся впечатление, что он словно подсматривает за поэтом, за движением его пера, входит в его поэтическую лабораторию в процессе создания шедевра.

В то же время он ни на секунду не забывает и не даёт забыть читателю, что речь идёт о тайне творчества, о тайне претворения жизни в словесно-художественное бытие, “при котором стихия жизни, поднимаясь в сферу искусства, в то же время не теряет своего естества, и в форме это непосредственно воплощается именно в органическом слиянии естественности и искусности слова...” Наиболее отчётливо это проявилось в разговоре о поэзии Фета, великое достоинство лирики которого, по словам Кожинова, “состоит в его способности схватывать природу и жизнь в их безграничном вечном содержании, проникать сквозь пространственные и временные оболочки как бы в самое сердце бытия...”

В книгу органически вошли и рассуждения о поэзии и стихотворной беллетристике, и тончайший разбор стихотворения Есенина “Прощай, Баку! Тебя я не увижу...”, и критическое повествование о стихотворении Передреева “Окраина”, свидетельствующее о том, что классическая нить не прерывается и сегодня.

Кожинов демонстрировал, как в поэзии пушкинской эпохи уже были “предвосхищены и воплощены с наибольшей *цельностью* и *естественностью* едва ли не все ведущие стремления” последующих времён, наглядно показывая, как Александр Одоевский предвосхищал Блока и Хлебникова, Дельвиг — Кольцова, Катенин — Некрасова, Жуковский — Фета, Кюхельбекер — Заболоцкого, Языков — Есенина, Вяземский — Твардовского... Он подвёл читателя к осознанию возможности удивительного опыта, говоря о неповторимости стиховой формы каждого подлинного поэта: “Один из участников этого опыта как можно более точно “исполняет” самый стих какого-либо заведомо известного слушателю произведения. Так, скажем, можно исполнить без слов (и даже без звуков) пушкинский “Зимний вечер” (“Буря мглою небо кроет...”), произнося только безличные “та”... Голос исполняющего — разумеется, после определённой подготовки, репетирования — способен воссоздать тончайшие изменения силы ударных и безударных звуков, еле заметные различия пауз и интонационных сдвигов, мельчайшие ускорения и замедления темпа и т. д. Таким образом, слушатели так или иначе воспримут метрический, грамматический, силлабический (то есть связанный со слогоразделами), а отчасти даже фонетический и семантический ритмы... стихотворения... Люди, помнящие наизусть даже сотни стихотворений, всё же способны по такому исполнению узнать (пусть после нескольких повторений), что имеет в виду исполняющий. И если они даже и не узнают это стихотворение, они всё же при должном внимании никогда не спутают его с другим, не смешают, скажем, написанные одним и тем же размером “Зимний вечер”, “Бесы”, “Утопленник” Пушкина, не говоря уже о хореических стихах других поэтов... Слушая бессловесное (и даже не передающее звукового многообразия) исполнение незнакомого нам стихотворения, мы способны более или менее определённо схватить его общую настроенность, какие-то основные контуры его смысла. Этого нельзя сделать, восприняв одну лишь метрическую основу стиха, но стиховой рисунок в его цельности (даже без фонетической окраски), несомненно, раскрывает нам некую общую содержательность”.

Он категорически отверг слишком распространённое тогда мнение об “исчерпанности” ямба и хоря, утверждая неисчерпаемое богатство этих классических стихотворных размеров.

Он писал о стихотворении, как о живом организме, которое вбирает в себя “живое естество” общего бытия и личности автора.

Наконец, он писал о стихотворении, как о воплощении творческой судьбы и творческого поведения автора. И здесь я не могу не привести кожиновского размышления о младшем брате Пушкина — Льве, раннюю поэтическую одарённость которого отмечали многие его современники:

“Александр Пушкину было тринадцать лет, когда над Россией разразилась гроза Отечественной войны, и пятнадцать, когда русские войска вошли в Париж. Отсвет этой грозы и этой победы лёг на его ранние стихи и определил первое его серьёзное произведение “Воспоминания в Царском Селе”. Без этого грозного и величественного переживания, поразившего поэта в преддверии юности, он, быть может, не стал бы Пушкиным. А Лев в ту пору был ещё семилетним ребёнком, и его души не коснулось это могучее и высочайшее переживание. Конечно, и это различие судьбы никак не может объяснить всего, но, как мне кажется, оно очень существенно...”

Мне думается, что здесь Кожин думал и о себе, и о поэтах своего поколения, встретивших Великую Отечественную в подростковом возрасте, их “грозное и величественное переживание” Великой Победы и Великой Трагедии, что, безусловно, отразилось на их творческом пути.

* * *

Книг о поэзии тогда выходило много, но книжка “Как пишут стихи” стала подлинным событием. Через 10 лет после её выхода в свет Анатолий Жигулин, ведший семинар молодых поэтов при издательстве “Молодая гвардия”, после обсуждения подборки одного из семинаристов сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

– Ребята, если вы хотите не просто разбираться в поэзии, а почувствовать её, отыщите книгу Кожина “Как пишут стихи” и сделайте её настольной. Поэзия в ней как бы сама о себе рассказывает.

Как в своё время словно сам о себе рассказывал роман в книге “Происхождение романа”...

И через много лет, когда книга “Как пишут стихи” была переиздана, на это событие восторженно отозвалась Ирина Роднянская, уже стоявшая на диаметрально противоположной идеологической позиции: “Ещё одна веха, ещё одно значимое переиздание – книга тридцатилетней давности литератора и теоретика, изначально не согласного ни с “формальной школой” (несогласие было подкреплено “личным” открытием М. М. Бахтина и последующей дружбой с ним), ни с методиками “реальной критики”. О “шестидесятниках” (минувшего века) у нас толкуют весьма избирательно, забывая, к примеру, что коллективный труд “Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ. Метод. Характер”, изданный под эгидой ИМЛИ в 1962 году, тоже был типично “шестидесятическим” прорывом, но в другую, нежели “вечера в Политехническом”, сторону: он исподволь восстанавливал в правах идеалистическую эстетику Гегеля – Шеллинга – раннего Белинского – Ап. Григорьева (о Страхове и Конст. Леонтьеве ещё глухо молчали). Кожин наряду с С. Г. Бочаровым, Г. Д. Гачевым, П. В. Палиевским был одним из лидеров направления, единственно близкого тогда моему литературному сердцу. Потом все если не разбежались, то разошлись в соответствии с по-разному понимаемой злобой дня, опрокинутой и на историю словесности. И новейшие последователи своего почившего идеологического вождя вряд ли будут растроганы моими воспоминаниями о человеке, умевшем уловить и вынести на свет в каждом образчике русской лирики любого века и десятилетия душу, мысль и мелодию, – чему отнюдь не мешал огромный массив познаний, которым он так и сяк ворочал в разные фазы своей деятельности.

Книга о стихах, – что называется, популярная, нацеленная на воспитание умного слуха у поэтов и читателей поэзии. В ней важен незыблемо правильный баланс между понятиями “творчество” и “мастерство”, “вдохновение” и “умение”. Название же вскользь полемично по отношению к известной статье Маяковского: не “как делать” и даже не “как писать” стихи, а – “как пишут”. Прекраснейшие страницы – это “разборы” лирических пьес и фрагментов Языкова и Боратынского, Фета и Некрасова: извлечение сокровенного смысла из звучащей материи стиха, слежение за изгибом строки как постижение самой природы поэзии. Точность филологической формулы (“восторженная стремительность Языкова”; “строка буквально задыхается от обилия согласных, от противоречия размера и звукового состава” у Боратынского) только предваряет или итожит то, что дано прочувствовать при совместном с Кожинным чтении самих стихов (“Не могу отказать себе в наслаждении

привести здесь ещё...” – и приводит, и учит разделить наслаждение). Кожинов – знаток и собиратель избранных шедевров незначительных русских поэтов; чудные стихи Дельвига “Когда, душа, просилась ты / Погибнуть иль любить...” так и хранятся у меня в памяти в кожиновской “аранжировке”...

Но далеко не все отозвались об этой книге с восторгом и далеко не все приняли её целиком.

Олег Васильевич Волков, русский дворянин, убеждённый “февралист” в молодости, соратник Вадима Валериановича по Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры, прочитав, книгу, с негодованием отозвался о её “некрасовских” страницах. “Он готовил революцию”, – с негодованием произнёс этот высокий, стройный, седобородый человек. “Олег Васильевич, Вы просто Некрасова не знаете!” – убеждённо возразил Кожинов, не один вечер проведший в разговорах о русском классике-демократе с Анатолием Передревым, делившимся с другом своими проницательными наблюдениями.

Но ещё более любопытна реакция Варлама Шаламова.

5 января 1977 года он отправил Кожинову письмо:

“Дорогой Вадим Валерьянович!

Скорость московской почты легко компенсирует непоправимую частичную утрату слуха.

Я, как говорится, тугоух. Но я не тугоух ни на стихи, ни на статьи о стихах.

Ваша книжка “Как пишут стихи” – пример верного подхода к самой сути стихов. Стихи – это ведь особый мир, очень далёкий от, скажем, прозы. В Вашей книжке можно рассматривать отдельные имена, но не метод, не суть метода.

И “Как пишут стихи” – ярчайший пример именно серьёзного и умного подхода к роковому вопросу русского стихосложения...”

Это письмо было написано через несколько лет после выхода книги. А по горячим следам Шаламов сделал следующие записи своим невозможным, чрезвычайно трудно читаемым почерком:

“Отзыв на книгу В. В. Кожина “Как пишут стихи”.

Книга Кожина – уникальный человеческий документ.

Её теоретические выводы, его практические наблюдения с историей русской поэзии велики, глубоки... – сама книга чуть не успела, ибо о законах поэтического творчества разумного написано мало.

А “Как пишут стихи” написана со знанием дела, с любовью к русскому стиху, с верой в его великий канон.

Думаю, едва Кожинов спускается с теоретической высоты на почву практического анализа... имён, стихотворений, строк – стиховед становится абсолютно глухим и слепым... и не может нам помочь отделить плевелы от сорняков (без этого... мы увеличиваем наши сомнения).

Все примеры современности – ужасны...

Утверждения Кожина, что имеют... современники Блока и Есенина – просто бред сивой кобылы.

Такие выводы разрушают всё целое...

Кожинов не видит, что сейчас нет стихов. Нет, и всё. Всё, что печатает в... тиражах – всё это не стих....

Блок и Есенин названы Кожинным правильно. Оба эти великих лирика русской поэзии.

Начнём с Есенина.

Удивительным образом в качестве примера высшего мастерства Есенина приводит его Бакинский стих, которые якобы и настоящий... высший поэтический успех.

Бакинский стих Есенина – это самый плохой его стих.

Персидский мотив, искусственность которого бросается в глаза.

... Именно “Чёрный человек” и “Москва кабацкая” представляют собой высший уровень мастерства...”

До какой степени Шаламов был неправ в отношении и современной поэзии, и Есенина, показал в книге... сам Кожинов.

“Не просто обстоит дело... со славой Есенина. Ещё и до сих пор его слава во многом зиждется на некоторых стихах (в частности, из цикла “Москва кабацкая”), которые не выражают самого глубокого и ценного существа его поэзии и, кроме того, понимаются поверхностно и ложно. Далеко не всякий

почитатель Есенина воспринимает то “высшее, моцартовское начало” и тот трагедийный смысл, которые составляют сердцевину творчества поэта и определяют его величие. Слава, таким образом, оказывается отчасти случайной...”

Это уже окончательный вывод. А вот слова Кожина о стихотворении “Прощай, Баку!...”, слова, в которые Шаламов, судя по всему, не дал себе труда вчитаться:

“... Поэтическую форму следует понимать, как инобытие, как бытие в стихе самой жизни поэта (“нужно давать самую жизнь”, говорил Есенин). Слово — “это другая природа”. Тогда оказывается, что поэт мог себе позволить или, точнее, не мог не позволить творить в русле традиционного романского стиля потому, что, прощаясь с миром, имел право “не выбирать выражений”, брать лежащее под рукой — ну, скажем, то, что каждый вечер пели на два голоса его сёстры. Он, который несколько лет назад написал:

Я нарочно иду нечѣсаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах...

мог ныне позволить себе сказать просто так:

Теперь в душе печаль...

И даже утвердить это, как закон:

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая...

Сама “стёртость” и безобразность слов как раз и обнажает с пронзительной ясностью весь строй души, всю её внутреннюю правду, всю её “песнь простую”. Но чтобы услышать это, надо слушать не слова, а стих. Только тогда можно воспринять в Есенине то “высшее, моцартовское начало”, “моцартовскую стихию”, о которой говорил Пастернак и носителей которой в поэзии XX века можно перечислить по пальцам...”

Впрочем, Шаламов, слава Богу, не остановился на упреках, а вернулся к своей самой высокой оценке кожиновского труда:

“Книга Кожина “Как пишут стихи” — отличная. Первая книга на русском языке. Сегодня нет такого... очень тонкого... ещё сколько-нибудь серьёзного исследования”.

А самую серьёзную рецензию опубликовал в журнале “В мире книг” будущий сотрудник нового Музея Маяковского Александр Николаевич Захаров:

“С громадной любовью к Поэзии с большой буквы написана книга Кожина. Такая любовь обуславливает и ту суровую требовательность, с которой критик подходит даже к известным, популярным именам. Любви и самоотверженности требует поэзия и от каждого, кто решается писать стихи; понимания и умения отличать истинные ценности — от каждого человека... И если авторы зрелых стихотворений, жаждущие быстрой славы и признания, внимательнее прочтут книгу “Как пишут стихи”, они не станут торопиться с обнародованием своих сочинений. Они будут знать, что поэзия — это искусство. А искусство требует серьёзного отношения”.

Предсказуемо отреагировал Евгений Евтушенко.

— Привет консерваторам! — так в последнее время он обращался к Кожину, слыша в ответ соответствующее: “Привет прогрессистам!” Но тут было уже не до шуток. Встретив в очередной раз Вадима Валериановича в ЦДЛ, он подступил к нему без экивоков:

— Читал твою реакционную книгу!

И услышал в ответ:

— А ты знаешь, что такое “реакция”?

Ответить не пожелал. Гордо вскинув голову, удалился.

* * *

Дискуссия о поэзии продолжилась в “Комсомольской правде”, и началась она статьёй Льва Аннинского “Атака стилем”, который выделил две тенденции в современной поэзии: одну, представленную стихами Александра Кушнера, другую — Ивана Лысцова.

Кожинов совершенно логично указал, что “ни та, ни другая, ни обе вместе не определяют существа современной поэзии... в стихах и Кушнера, и Лысцова нелегко разглядеть черты живого лица...”, ибо Лысцов – это “типичная “клюевщина”, то есть малоплодотворное стилизаторство”, а Кушнер – “типичнейший “мандельштамп”...”

(Если учесть, что Клюев тогда в отечественных пенатах практически не печатался и тем более не издавался – можно понять подобную реакцию, даже учитывая и позднее достаточно прохладное отношение Кожинова к этому уникальному поэту XX столетия... К стати сказать, по его отношению к стихам Лысцова видно: никто не мог бы никогда упрекнуть Кожинова в похвалах “сопливеньким, но своим”... Год спустя он с хохотом зачитывал друзьям строки из поэмы “молодогвардейца” Валентина Сидорова “Урочный час”, опубликованной в “Огоньке”: “Спасая Русь, я объявлял аврал, / но был смешон я в рвении прекрасном, / когда вперёд, ни ведая преград, / я шёл с лицом, повернутым назад”... Особой иронии удостоилась последняя строка: быстро, однако, стихотворец “сменил вехи” после дементьевской статьи “О традиция и народности” и разгона старой редакции “Молодой гвардии”...)

Продолжился разговор в “Вопросах литературы”. Открылся он статьёй Кожинова “Новое поэтическое поколение”, где говорил о новом качестве стихов Эдуарда Балашова (его первая книга “Гонец” была высоко оценена в “кожиновском кругу”), Владимира Леоновича, Александра Плитченко, Бориса Примерова, Николая Рубцова, Александра Черевченко, Олега Чухонцева, Игоря Шкляревского...

Надо сказать, даже подчеркнуть, что кожиновский круг чтения был весьма широк. Он писал в это время о Николае Глазкове, подчёркивая его своеобразие: “Поэзия Глазкова отличается удивительной непосредственностью взгляда на мир, даже своего рода “детскостью”: поэт умеет увидеть вещи как бы впервые. Он видит так, как видел бы выросший в глухой деревне “мужик” – человек сам по себе вовсе не простой, но впервые столкнувшийся с “цивилизацией” и попросту замечающий в ней то, чего другие уже не могут заметить...”

Он благожелательно отозвался на книгу Евгения Винокурова “Жест”, посвятив часть своего отзыва уважительному спору со Станиславом Куняевым – с его жёсткой статьёй о Винокурове “Упорствующий до предела”, опубликованной в “Нашем современнике”: “Он (Куняев. – С. К.) выступает против “театральности” в поэзии. Но такое безоговорочное отрицание “театральности”... едва ли справедливо. Театральность нетерпима тогда, когда она стремится выдать себя за жизнь. Но осознанная и художественно оправданная “театральность” характерна, например, и для некоторых значительнейших вещей Лермонтова, Некрасова, Блока...”

Он буквально восторженно писал в это время о поэзии Кайсына Кулиева.

Он первый среди критиков обратил внимание на дебютные публикации Александра Величанского.

А в “Вопросах литературы” с ним полемизировали Александр Михайлов (“...от высот классических примеров и великой литературы XIX века В. Кожинов твёрдыми шагами шёл к доказательствам в пользу сперва независимости искусства от общественных страстей, что в наше время заставляло улыбаться наивности критика, а потом к поискам и рекомендациям – весьма осторожным на первых порах – таких “страстей”, которые иначе не назовёшь, как отжившими”), Владимир Огнев, Виктор Перцов.

Отметился и во многом чисто иронической по тону статьёй Анатолий Ланщиков: прежде всего, он резко возразил тем критикам, которые заводили его “под знамёна Кожинова”: “Не скрою, многие взгляды Кожинова мне очень близки, но всё-таки не все. И слишком уж неожиданный он человек: изобретёт опять какой-нибудь “приём”, а потом его же самого при помощи этого “приёма” вместе со знамёнами и теми, кто под ними окажется, вынесут за пределы литературного бытия. Кожинов в таком случае сможет утешаться хоть собственным изобретением, а мне-то чем в этом случае утешиться? Я за товарищескую солидарность, но против круговой поруки...”

Вероятно, когда Ал. Михайлов, В. Огнев и их сторонники постараются выяснять цели и намерения В. Кожинова и увидят, что их оппонент никогда не претендовал на звание консерватора, да и никогда им не был, то они, возможно, искренне удивятся, а удивившись, наконец, поймут, в каком столетии они живут...”

Понял ли это Огнев? Если и понял, то весьма своеобразно.

В “Вопросах литературы” он полемизировал ещё в “литературных” пределах. Но на страницах “Нового мира” он, что называется, разошёлся. Его статья “Поиски “духовности” или боязнь реализма?” была своеобразным продолжением дементьевского “наезда” трёхлетней давности.

Здесь он обрушился на авторов анкеты “Дня поэзии – 1969”, выделяя особенно Чалмаева, Ланщикова и Кожинова. А к ним “подцепил” и Станислава Куняева, используя его стихи из только что вышедшей книги “Ночное пространство”, преимущественно “Калужскую хронику”.

“... Отметим про себя его явно иронический тон по отношению к “новому”...” В подтверждение этого тезиса цитировались строки “Всё тот же ветер над Окой, / всё те же звёзды, багровея, / как и во время Птолемея, / горят над нашей головой...” – и соответствующим образом комментировались: “Имя старика Птолемея, считавшего, что мир должен вертеться вокруг нас, а мы можем чесать пуп, считая себя центром вселенной без особых к тому усилий и излишних хлопот, очень согласуется с определённой традицией, когда-то понимавшейся, как “русская” самобытность мышления...” Далее злая ирония звучала в словах критика о “тоске по утраченной духовности”, предварявших цитату из стихотворения, посвящённого памяти бабушки: “Нашу провинцию, нашу Украину / так переделали, что не узнать...” Огнев был безжалостен: “Верно, что не узнать. Но в том ли беда, что метла прошлась по затхлым углам...” И вот тут критик переходит к главному:

“Ну, волю-то мы всегда ценили больше законов. Но как же примирить эти мотивы с иными, красноречиво выраженными в стихотворении “Карл XII”... В “Карле XII” сделана попытка объяснения. “А всё-таки нация чтит короля...” За что же?

За то, что он уровень жизни понизил,
За то, что он уровень славы повысил...

Но не забываем ли мы при этом истину о “двух нациях” в “каждой нации”? (излюбленный мотив “ленинских” ортодоксов того времени. – С. К.) И ещё вопрос: откуда это пренебрежительное отношение к “уровню жизни”?..

Полностью понять эти выпады можно, если знать, что стихотворение “Карл XII”, написанное в середине 60-х во время туристической поездки в Швецию при виде немногочисленных почитателей шведского короля, отдающих ему дань памяти возле его погребения, иные наши “либералы” сочли за вуалированным панегириком Сталину (до того были скручены у них мозги!)...

“Не хочется приводить никаких параллелей”, – вещал Огнев, незамедлительно начиная ими пользоваться. Тут же следовала цитата из катковского “Русского вестника”, следом – солидный отрывок из Бердяева, “из тьмы прошлого”, как выразился критик... И на закуску:

“Позиция моя проста. Показать, что стезя широких и размашистых концепций не так широка, как кажется некоторым молодым критикам, – на ней можно столкнуться с уже известным. Боязнь реализма, неверие в силу фактов действительной жизни способны вызвать те тли иные переключки с философией даже столетней давности”...

Огнев, конечно, не Дементьев. И труба пониже, и дым пожиже. Но стремление “соответствовать”, что называется, на уровне.

Ещё больше вопросов у нашего “неистового ревнителя” новой формации накопилось к Кожиннову.

Здесь в ход пошло всё: и ответы Кожиннова на поэтическую анкету, и статья “К методологии истории русской литературы”.

“Здесь противопоставление “духовного” и “утилитарного” особенно отчётливо, – выходил критик из себя. – Автору кажется, что мы явно переоценили роль и значение Белинского, Чернышевского, Герцена, Добролюбова... Внутренняя свобода, “высшее творческое состояние” литературы здесь противопостоят обстановке “острой борьбы”...”

Это ещё цветочки. Ягодки начинают вырастать там, по мнению Огнева, где Кожиннов “неправильно” цитирует Чаадаева:

“Народ, нация, культура понимают В. Кожинновым в каком-то чересчур недифференцированном смысле. Отсюда и Чаадаев у него, например, носит, скорее, латы “культуртрегера”, а не борца за свободу против рабства...”

“...Странное заблуждение считать безграничную свободу необходимым условием для развития умов. Взгляните на Восток! Разве это не классическая страна деспотизма? И что ж? Как раз оттуда пришёл миру всяческий свет...”

Похоже, здесь наш критик чуть не лишился сознания:

“Да как же сегодня можно такое цитировать благожелательно? Ну, положим, во времена Чаадаева ещё не было хунвэйбинов и тотального уничтожения национальной культуры в некоей “классической стране деспотизма”...”

Нет, такое рассуждение Чаадаева и для того времени не было прозорливым и тем более “замечательным”. Такого никогда не было, чтобы культура создавалась в стороне от народных интересов в кабинетах мыслителей...”

Интересная вещь: Чаадаев, совершенно иначе, не по-“либеральному” прочитанный Кожинным, уже становится чуждым для либерала, облечённого в ортодоксальные марксистско-ленинские доспехи... И надо сделать вид, что Кожин размышляет не о перипетиях русской мысли в первой половине XIX века, а, по сути, ведёт разговор, наподобие самого Огнева, о сугубой современности. Здесь и “народные интересы”, как карта, достаются из рукава.

“В статье Кожинна, в контексте бесконечных выпендреностей насчёт “национальной самокритики”, “народной субстанции”, “ренессансности” “Мёртвых душ”... есть какая-то удивительная крайность...: получилось, что в величии русской литературы отделилось от её п а ф о с а, “уровень славы”, говоря словами известного уже нам стихотворения С. Куняева, “превысил” “уровень жизни” – и не только в материальном её выражении, а в самом расширительном... Вот вам методология: страшная, порождённая варварством крепостной системы история ревизских душ по мановению теоретической палочки исследователя превращается в “безобидные” “плутни” этакого русского Скапена... Мысль о “безобидности” гоголевской сатиры принадлежит самому Гоголю, но не тому, который написал “Мёртвые души” и “Ревизор”...”, а тому, кто, по мнению Огнева, находился в состоянии “религиозного затмения”...

“Новый мир” в этом отношении оставался в своём репертуаре, что при Твардовском, что при Косолапове.

...Критик ещё долго не мог успокоиться. Через несколько месяцев после публикации он выступил на секции критики, продолжая “долбать” и Кожинна, и Куняева (опять цитируя строки из “Калужской хроники”, где речь идёт о свершении православной литургии в калужском храме в годы Великой Отечественной, и снабжая их своими размышлениями, что, дескать, “брезгливость, а не умиление” вызывает у него эта сцена... Дмитрий Голубков, сидевший в зале, записывал в дневнике:

“...Выступление в ЦДЛ (после доклада Огнева – почти 35 минут, не прерываемый никем, кроме 2-3 выкриков наглового головастика Лесневского и трусливо-примирительного брюзжания Воли Соколова – председателя). “Бил” Огнева; вступился за Куняева и Кожинна – и за Розанова и Леонтьева.

Пылко благодарили и жали руку самые разные: Кожин, Куняев, Ал. Марков, незнакомый паренёк из Иркутска (выпросивший книжку на память), Женя Храмов, Поделков, Е. Исаев – и потом, уже в ресторане – Б. Окуджава, П. Вегин и Войнович, с коими и просидел, выпивая до закрытия “заведения”.

Ни одного звонка и ни одного (кроме глупо-остроумного Кожинна) выступления в поддержку; Ал. Михайлов пожурил за резкость и недостойный тон по отнош. к Огневу; все выступатели (даже те, кто только что в антракте пламенно и сурово жали руку) не обмолвились ни словечком в защиту...”

Последние строки, честно говоря, вызывают некоторое недоумение... Чисто ироническое слово Кожинна ещё можно было принять за “глупо-остроумное”, но, думается, большинству собравшихся было понятно и так, чего стоит огневское выступление... Причина подобного авторского раздражения, думается, следующая.

Чтение дневника Дмитрия Голубкова (дневника интереснейшего) приводит к одному наблюдению: он чрезвычайно ревностно относился к своей писательской репутации и чрезвычайно остро реагировал на любое (кажущееся или действительное) невнимание к себе. Если это так – тем более удивительно, что он полностью проигнорировал в своих записях конкретную помощь Кожинна в издании одной из своих книг, на рукопись которой Вадим Валерианович написал “внутреннюю рецензию”:

“ИСТОРИЯ СЕМЬИ СКВОРЦОВЫХ

... Книга воспринимается, прежде всего, как хроника жизни трёх поколений большой семьи... как история самого “духа” этой семьи, его сложного и противоречивого развития.

От самого начала века до наших дней прослеживает писатель жизнь своего многоликого героя – Скворцовых. Семья эта почти не выходит непосредственно на арену истории. Её жизнь развёртывается главным образом на “окраине” – и в прямом, и в переносном смысле слова. Но в XX веке почти невозможно изолироваться от хода истории; она неотвратимо вторгается в любое захолустье. И писатель не просто знает это: история как бы движет самим его пером. Его повествование о “скворцовщине” по самой сути своей предстаёт как историческая живопись, или – что гораздо вернее – историческая графика, ибо Дмитрий Голубков создаёт мир своей книги не столько красками, сколько тонкими и точными штрихами... В книге много запоминающихся лиц и событий; ярко воплощено в ней и изменяющееся во времени лицо Москвы и её предместий.

Писатель осязаемо и остро раскрывает характер целой семьи, суть “скворцовщины”. Это характер, живущий более воображением, чем деятельностью, характер созерцающий и мечтательный, способный подчас к решительному, бескомпромиссному поступку, но и способный вдруг сразу сломаться и потерять себя...

Да, гнутся и ломаются “скворцовские”, рассыпаются в прах их жизненные замыслы. Вновь и вновь проступает в этих людях “всё путаное, страстное, что было в роду”.

Но есть в “скворцовщине” и неистребимые жизненные силы, пусть они не проявляются мощно и ярко; живёт в семье непобедимое стремление к полноте добра и красоты.

Полувекковая история московского бытия, повествование о судьбах скворцовщины и развивающийся образ “духа семьи” сливаются в его книге. Прошлое не умирает, продолжает жить.

Есть ли в книге очевидные недостатки? Да, есть. Точная в её лучших местах историческая графика подчас подменяется внешними приметам времени... Есть в книге эпизоды, где истинная художественность сменяется беллетристической легковесностью...

Но в целом книга Дмитрия Голубкова порадует каждого ценителя серьёзной прозы.

В. Кожинов”.

Этот роман под названием “Милёля” вышел в “Советском писателе” в 1969 году.

(Продолжение следует)

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

ЛЮДИ НА ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Свидетельские показания соучастника

Глава 5 Дом в деревне с землёй

Как я уже писал, перевод в Москву удовлетворял ещё по одной причине: появлялась возможность осуществить давнее желание – купить в деревне дом с землёй. Я родился и вырос в частном доме. Приусадебный участок у нас был небольшой. Тем не менее на нём разместились несколько плодовых деревьев – яблони, вишни. По краям, вдоль заборов, – кусты смородины. Кроме того, сажали помидоры, огурцы. А в том климате не нужно никаких парников, всё росло и созревало в открытом грунте. Зелень росла. И даже небольшой кусок земли занимало картофельное поле. Ну, не поле, а скажем так, участочек. Это как бы на усадьбе за домом. А впереди, не знаю почему и что меня подтолкнуло, я когда-то притащил саженец сирени, посадил, и потом он вырос в приличный сиреневый куст. Запах сирени я люблю с детства. Вдоль дорожки к калитке бабушка сажала цветы – душистый табак. Вечером они пахли прекрасно. Поэтому для меня дом с землёй был символом уюта.

Я не раз подходил к этой затее, чтобы её реализовать. Но в Волгограде это дело я не собирался осуществлять. Вообще я не собирался жить в этом жарком и сухом климате. Меня все время тянуло в леса, куда-то севернее. В других городах – в Ярославле, Костроме... Скажем, Кострома была очень эпизодическим городом, в Ярославле было не до дома в деревне с землёй, потому что дома обычного даже не было. И только в Смоленске забрезжила какая-то надежда.

Я познакомился с одной председательницей сельсовета, немолодой уже женщиной, хорошей, деловой женщиной, у которой, как она говорила, есть такой дом. Земли сельсовета включали в себя небольшой полуостров, который образовывался на стыке рек Днепра и, по-моему, реки Берёзы. И там можно было купить пустующий дом. Я загорелся, думаю: ну, вот хорошо. Правда, у меня денег не было даже на велосипед. Но, думаю, заработаю, найду и куплю дом. Очень уж понравилось место. В километре через лес проходила шоссейная дорога Москва – Брест, а за рекой, тоже примерно в километре, была железная дорога и станция. Железная дорога шла на запад. И я размышлял: в этот дом ко мне будут приезжать друзья с девушками, вечером будем гулять, говорить, песни петь – я играл на гитаре, говорят, неплохо пел.

Продолжение. Начало в № 2 за 2022 год.

А рано утром буду вставать и на втором этаже садиться писать. Друзья же будут внизу ещё спать... И вот такие планы уже начали меня волновать. Но тут, как известно, мой двоюродный брат прислал телеграмму о том, что мама тяжело больна. Я все бросил и уехал в Волгоград.

Теперь, оказавшись в Москве и понимая, что больше отсюда никуда не тронусь, не буду переезжать, я решил сразу заняться поисками дома в деревне. Я понял, что надо искать через представителей местной власти. Поездил по некоторым районам. Побывал в районах к югу от Москвы, мне показалось там неинтересно. Съездил в Клинский район. Там была возможность, домик можно было купить, но мне не понравилось место, и я его отдал одному из наших ребят из охотничье-рыболовной компании – Владимиру Страхову.

Поскольку до Казахстана я жил в Ярославле, там у меня были друзья и знакомые, то решил искать в этом направлении. Зашёл в отдел писем “Известий”, порылся в почте, нашёл какое-то письмо из Загорска – там какая-то жалоба была ничтожная, пустяковая. Я за неё зацепился. Позвонил председателю горисполкома, а им оказался Геннадий Филиппович Попов. Говорю: в “Известия” пришло письмо, пишет жительница района, вот такая проблема. Попов отвечает: “Присылайте письмо, мы решим проблему”. Но мне же надо познакомиться с председателем горисполкома! Говорю ему: “Знаете, я, наверное, сам приеду”.

Приехал. Познакомился. Впоследствии мы стали близкими товарищами, понимающими друг друга, и вдвоём нам было интересно.

Во время первой же встречи я заговорил о своей давней мечте – о доме в деревне с землёй. Я понимал, что одно дело – деревня рядом с Ярославлем, даже рядом с Волгоградом, другое – рядом с Москвой. Это совершенно разные возможности. А Загорский район был близко к Москве. Мы начали с Поповым, как говорится, контактировать. Я ему напоминал, дёргал его, приезжал. Как-то он звонит: приезжайте. Мы поехали в одну деревню. Хорошее место, на границе Московской и Владимирской областей. Но оказалось, что дом пока пустой и без людей, однако есть наследники. Где они, кто они – неизвестно.

Тем более, один наследник вроде как не совсем нормальный умом. Я понял, что тут может быть много возни. Говорю: “Нет, Геннадий Филиппович, это не будем рассматривать”.

Через некоторое время он снова звонит и говорит: “Есть тут одна деревня – Слотино (тогда, да и сейчас ещё пишут про населённые пункты с храмами – деревня, хотя на самом деле это всегда село), там стоит домик, он на балансе сельсовета”. Ну, мы взяли председателя сельсовета и поехали. А была зима, даже, я бы сказал, близко к весне, где-то, наверное, начало марта. Снегу!.. Идём от “бетонки” (это Большое московское кольцо – БМК, называется в народе “бетонкой”). Снегу по колено, еле-еле пробираемся. Местами, правда, поменьше. Вдалеке – церковь. Подходим к участку: ни забора, ничего нет, так просто стоит какая-то полуразвалина, да и другие дома не очень ухоженные. Вот, говорит председатель, этот дом. Ну что же: место нормальное. Я заключил договор с этим сельсоветом. И, кажется, рублей за 800 купил эту руину.

Когда летом приехал, домик нельзя было разглядеть за крапивой. Крапива поднималась до самой крыши.

Дом я купил. Но не дом, конечно, – рухлядь. На крыше – дыра. Дожди, тающий снег – всё протекало вниз. Размер избышки-руины 3 на 4 метра. Пол тоже с дырой, и под ним стоит вода.

Сначала надо было домик разобрать. Нашёл троих ребят, чтобы они разобрали, как говорит знакомый профессор-экономист, эту “халабуду”. И вот двое подрубают стропила, а третий – Саша Маркелов – сидит на “коньке” крыши и что-то около трубы колдует. Вдруг стропила рушатся, и он, чтобы не упасть, цепляется за трубу. Висит, как ангел на известном шпиле в Москве. Слава Богу, всё это было низко.

С той поры мы знаем с Сашей друг друга больше тридцати лет. Он много сделал для моего дома. Имея художественный вкус, предложил, а главное, своими руками сотворил целый ряд интересных деталей во внутренней отделке. Будучи человеком творческим, ищущим, как-то незаметно для меня занялся бизнесом. Сначала продавал сделанные другими диваны, кресла, деревянные кровати. Потом организовал собственное производство, расширил

его до приличной фабрики, выдержал жестокую борьбу с бандитами, которых опекали правоохранители, взялся строить храм и, наконец, не оставляя остальных дел, вернулся к увлечению своей молодости — к фотографии. При этом стал таким мастером, что его снимки начали печатать журналы, а самого Сашу Маркелова приглашают представители разных стран, чтобы он прославил их пейзажи.

Но я ушёл слишком далеко вперёд от купленного в деревне дома. О земле пока речь не шла. Я знал, что в Советском Союзе земля в частной собственности быть не могла. Она являлась или колхозной, или совхозной. Даже приусадебные участки, на которых семьи сельских жителей из поколения в поколение сажали сады и огороды, находились у них в пользовании. Ушёл из колхоза-совхоза, дом можешь продать, а землю верни. Кому, зачем — это никого не интересовало.

“Деревня”, где я купил домик, оказалась селом Слотино. К нему я ещё не раз вернусь — уж очень оно интересно, а сейчас — о начале строительства.

Строиться в то время, а это шёл 1987 год, было большой-большой проблемой. Я завёл внушительную общую тетрадь, где стал записывать: за перевоз брёвен — три пол-литра, за привоз земли — два пол-литра и так далее. Ведь надо было найти материалы, найти исполнителей. В общем, колупался-колупался, но потом товарищи, знакомые, друзья стали помогать, и у меня дело пошло. Правда, на то, чтобы дом приобрёл нынешний вид, потребовались многие годы. На фронтоне дома, обращённом в сад, в кирпичной кладке выложены цифры: 1987–1999. Последняя дата показывает, когда дом из бруса был обложен кирпичом. А после этого столько ещё надо было сделать!

Село Слотино очень необычное, даже место необычное. Оно расположено среди холмов, впадин, оврагов Клинско-Дмитровской гряды, которая, в свою очередь, является частью Московской возвышенности. Автомагистраль Ярославль–Москва как раз пересекает южную часть гряды. Места здесь красивые и самой природой “сделаны” для горнолыжного отдыха. В Дмитровском районе, на склонах глубоких оврагов уже построены спортивные базы.

Вот в одном из таких красивых мест лет шестьсот назад, — а есть основания полагать, что ещё раньше, — возникло селенные Слотино. Одна из версий его названия означает “небольшое, вязкое болото”. Есть ещё одно объяснение: местность с родниками и крутыми берегами. Насчёт болот сегодня проблематично — одно маленькое за селом есть, а больше нигде не встречал. А вот второе толкование — в самый раз. Речушки и ручейки по оврагам как раз родниками и питаются. Два родника находятся совсем близко от села. С одному надо идти через небольшое совхозное поле. Родник выходит на поверхность в лесу возле края поля. Вода бежит ручьём в давно запруженную речку, образовавшую большой водоём. Сейчас тут частное охотхозяйство. Берега ручья обрывистые. Люди туда ходят редко.

А вот второй родник — прямо у дороги от “бетонки” к селу. Когда я здесь поселился, им, по рассказам местных жителей, пользовались мало. В селе было несколько колодцев с хорошей водой. Зато сейчас, чтобы набрать несколько бутылей родниковой воды, — а с меньшим количеством “тары” никто не ездит, — иногда приходится выстоять очередь. Срабатывает легендарность родника. Будто бы вода сюда какими-то неведомыми подземными путями приходит от знаменитого источника “Гремячий ключ”, находящегося, если по прямой, километрах в пяти от села.

Об источнике “Гремячий ключ” надо сказать особо. Как уверяет церковная информация, льющийся с горы в глубокий овраг водопад открыл во время одного из своих странствий Сергей Радонежский. Говорят, вода целебная, поскольку содержит радон. Не знаю, насколько это верно, но я дважды сдавал воду на анализ в лаборатории. Оценки были высокие. Не помню деталей, но одно известно: вода из нашего родника совершенно не оставляет накипи в чайнике, в то время как вода из колодца, тоже прекрасная на вкус, покрывает дно чайника белым налётом кальция.

Именно вера людей в целебность источника, открытого Святым Сергием, не одно столетие притягивает сюда паломников. Считалось, что очень полезно не только напиток благодатной воды, но и совершить, как говорится, омовение. Самые рукастые из паломников, как могли, обустроили святое место. Представьте себе: с вершины холма, с высоты метров пятидесяти, по склону бегут нескончаемые потоки из четырёх родников. Три струи не очень сильные,

а четвёртая, по словам моего односельчанина Владимира Александровича Чеканова, могла сбить с ног. Ему 61 год. Он вырос в деревне Ляпино, которая рядом с источником. Пацанами всё время пропадали там. Говорит, никаких загородок вроде купален – кабинок, которые уже увидел я, – тогда не было. Люди раздевались возле струй, становились под них, где самые стойкие могли выдержать ледяной водопад, в лучшем случае, минуту.

Так было раньше. Я уже застал некоторые перемены. На разных уровнях из простых жердей огородили кабинки: отдельно женская, отдельно мужская. Из обычных брёвен была сделана лестница с перилами из лесин. В каждую кабинку течёт своя, отдельная струя. Вода даже жарким летом холодная. Как говорят знатоки, не больше 6 градусов.

Вот таким я увидел “Гремячий ключ” вскоре после того, как начал строить дом в Слотине. Ездил туда с женой Людмилой, с друзьями. А едва ли не самым первым моим попутчиком к водопаду был сын Андрей. Поездка могла бы не врубиться в память, если бы не ситуация с Андреем.

Однажды я встретил его с московской электрички в Сергиевом Посаде. Глажу: глаз заплыл, красный и даже не открывается. А мы уже собрались ехать к водопаду. Приехали, сразу поднялись по крутой лестнице к вершине холма. К тому месту, откуда били ключи. Я говорю Андрею: “Помой глаз холодной водой. Может, полегчает”. Он помыл, сам умылся, и мы о чём-то заговорили. Прошло минуты две. Вдруг Андрей восклицает: “Пап, у меня всё прошло!” Глажу: глаз нормальный, сын смотрит и смеётся. Что помогло? Холод воды или её целебность – не знаю. Ведь до этого он глаз пытался промыть.

Сегодня обустройство и самого источника, и территории рядом совсем иное. Наверх, к четырём ключам построена комфортная лестница. Да и всё здесь носит отпечаток комфорта. Большая купальня, где могут плавать и нырять сразу несколько человек. Вода сюда падает с горы, а потом в бурливо журчащую внизу речушку Вондюга. Берега её, как и положено, обрывистые. Поблизости от берега русские предприниматели, кажется, ещё в 90-е годы построили деревянную церковь. Какие-то негодяи сожгли её. Не знаю, нашли мерзавцев или нет, а надо бы, и наказать сурово, как это сделали бы мусульмане за поджог мечети. Питерские ребята построили новую церковь, и тоже из дерева. Вообще здесь всё деревянное и всё комфортное. Мостки и тротуары от источника до стоянки машин, а их сюда прибывают сотни, часовенка, где можно помолиться. Трапезная с монастырскими блюдами. Единственно, что не деревянное, построенная, наконец, дорога – ещё недавно машины здесь вязли в грязи. Всё благоустраивается. Это хорошо, но немного грустно. Когда было по-простому, людьми двигало желание – через испытание трудностями, неуютом прикоснуться к святому. Сейчас побывать здесь – для многих – просто съездить в турпоездку. Хотя, может, я и не прав...

Среди оврагов и ручьёв

Теперь о Слотинé. Клинско-Дмитровская гряда даёт о себе знать ещё при подъезде к селу. “Бетонка”, идущая по краю Московской области, заходящая во Владимирскую и Калужскую области, строилась в пятидесятые-шестидесятые годы XX века как военно-стратегическая. У неё до сих пор есть ровные, прямые участки. Это чтобы, в случае необходимости, могли садиться военные самолёты. И дорожное покрытие местами состоит из нескольких бетонных плит, как слоёный пирог: нужно выдержать многотонные тягачи с межконтинентальными ракетами, ибо дорога входила в кольцо противовоздушной обороны Москвы. Сейчас, полагаю, “бетонка” часть своих задач потеряла. Современные ракеты долетят из Польши, Румынии и, не дай Бог, с Украины за считанные минуты. Они спалят нас, мы их, дураков, сожжём дотла под смех американцев и улыбки наблюдающих с холма китайцев. Но хочется надеяться, что разум никому не доставит такого удовольствия.

А “бетонка” будет служить ещё одной транспортной магистралью, перехватывающей многотонные фуры за десятки километров от Москвы. Правда, спуски и подъёмы Клинско-Дмитровской гряды делают жизнь прилегающих к дороге сёл и деревень напряжённой от шума. Значительно ослабленный, он доходит до Слотина, хотя, когда я начал здесь строиться, тишина была, аж уши закладывало. Проходило немного малотоннажных грузовых машин, ещё меньше легковых. Сейчас дорога забита фурами. Недавно на “бетонке”

поставили указатель, что до нас расстояние 1,8 километра. Но поскольку Слотино расположено, как седло на горбе верблюда, то тем, кто за “горбом”, вообще ничего не слышно.

И вот тут я подошёл к описанию слотинской местности. Представьте себе неглубокую, обширную впадину, в дальнем конце которой поднимается тот самый “горб”. По нему, снизу до вершины, где стоит церковь, идут два ряда изб. Здесь их раза в четыре больше, чем на другой стороне “горба”. От Ярославского шоссе, проходящего над “бетонкой”, до поворота к нам всего около семи километров. Но на этом небольшом отрезке – несколько холмов и впадин. Кое-где впадины “приподнимали”, когда строили дорогу. Однако всё равно овраги остаются глубокими. Два из них пересекают “бетонку” сразу за поворотом к нам. Причём, по дну одного из них течёт та самая речка Вондюга, которую наполняют родники “Гремячего ключа”. Сливаясь с другими речками и ручьями родников, наша “землячка” впадает в Оку, а та, как известно, в Волгу.

Воды в окрестностях Слотина хватает. Метрах в двадцати ниже родника, который выходит рядом с дорогой к селу и о котором я уже говорил, течёт речка Карповка. Не речка даже, скорее, ручей. Но весной он так вздувается, что дважды размывал мост. Поэтому легко верилось рассказам старожилов, что за последними домами села до сих пор есть болотце, из которого тихо струилась почти невидимая речушка. Она заполняла тоже невидимые ямы – бочаги. Но весной сюда стекались с возвышенных краёв впадины ручьи, активно подключались родники, и всю низину заполняла вода. Да так много, что люди катались на лодках. Место это называлось “Гусли”. Почему, мне толком так никто и не объяснил. Может, сказала староста Евдокия Ивановна Чернега, потому что в половодье здесь много веселились. Правда, по словам Чеканова, был и грустный момент. В одном из невидимых бочагов утонула девочка.

Слотино интересно тем, что на протяжении столетий оставалось примерно в одном размере: 40–50 домов. Евдокия Ивановна, с её потрясающей памятью, как-то составила мне список всех, кто где жил и где чьи дома стояли. Теперь от некоторых из этих изб не осталось никаких следов. Даже промышленные строения посчитала: в Слотине хорошая гончарная глина. Если нужно печку обмазать или потребовалось, как мне, камин сложить, глину берут рядом. Также и на гончарных кругах работали: в своём сарае, со своей глиной. Всех вроде посчитала Чернега – всё равно выходило в районе 40 домов.

Как убрать бесправье горожанина в деревне

А вот жители обновляются. И помогла этому отмена запрета покупать в деревне дома с землёй. Конечно, горожане и раньше использовали приусадебные участки купленного дома. Но таких везунчиков было мало. Едва горожанин, на взгляд председателя колхоза, слишком “задирает нос”, как тут же возникает угроза “обрезать под углы”. Это значило, что владельцу дома оставляли от выпестованного им приусадебного участка тропинку от калитки до дома и от дома до туалета. Остальное обрезалось “под углы дома”. Земля зарастала бурьяном, ибо никто не мог ею воспользоваться. А председатель ходил героем: на его стороне закон. Я помню, как нам с моим ярославским другом Лёвой Матвеевым приходилось ублажать председателя колхоза, где Матвеев, с моей помощью, купил в деревне дом. И поили-то мы его, и писал я в газете про дела его хозяйства, дарили “бутылки”, когда трудно было достать спиртное. Лёвина жена Люся чуть ли не падала от усталости – после работы инженером на шинном заводе до темноты лелеяла деревенский участок, – всё для того, чтобы земля была ухожена. А председатель, приезжая к ним в гости, “валял ваньку”: помните, я ваш благодетель. И меня всегда возмущал этот запрет. Неужели стране лучше, чтобы люди в свободное время сидели в железобетонных коробках, а не дышали свежим воздухом в деревне и не трудились на благо семьи?

Слотино тоже не обошла эта “война города и деревни”. Соседний, справа от меня, дом когда-то купила семья горожан. Видимо, поначалу отношения местной власти и “дачников” (так с отчуждением называют некоторые сельские жители “деревенских горожан”) были неплохие. Но потом что-то произошло. И небольшой участок, по-моему, в 10 соток, где женщина выращивала цветы,

огурцы, разную зелень, обрезали “под углы”. Я сам видел документ прокуратуры на этот счёт. Владелец дома так и умер, не дождавшись права пользоваться землёй.

Как уже говорилось, после перевода в Москву я стал заместителем редактора “Известий” по отделу Советов. Редактором был Юрий Васильевич Феофанов – в своё время известный журналист, писавший на правовые темы. Это был человек без возраста. Среднего роста, плотный телом, с полным лицом, из-за чего на нём было мало морщин, и до блеска бритой головой. Опять же, отсутствие волос мешало определить возраст. Он любил повторять какую-то классическую цитату типа “Закон суров, но это закон”. Когда кто-нибудь возмущался какой-то узаконенной несуразностью жизни, Феофанов говорил: “Пока закон не отменён законным путём, нельзя нарушать его”. Когда зимой 91-го года трица паскудников разрушила Советский Союз, я спросил Феофанова, который приветствовал Беловежский сговор, как же это так? На референдуме большинство граждан страны высказались за сохранение Союза; воля народа есть высший закон, а они этот закон нарушили. Выходит, они преступники. Феофанов на это заявил: “Ну что ж, бывает необходимость пренебречь законом”. Такая вот принципиальность была у него.

Однажды в наш отдел пришла корреспонденция собкора “Известий” по Смоленской области Вадима Летова. Вадим был хороший журналист, писал интересно. Впоследствии уехал в Израиль. А в тот раз он описал конфликт горожанина-дачника с председателем местного колхоза. Горожанин купил дом в одной деревне, и председатель поначалу разрешил ему пользоваться приусадебным участком.

Мужчина навозил плодородной земли, посадил сад, сделал дорожки. В общем, вложил. И вдруг по какой-то причине у них случилась ссора. Дальше – больше. Председатель “закусил удила”. Подключил прокурора. Землю обрезали “под углы”. Горожанин стал сопротивляться, припомнил, чем одаривал председателя. Однажды ночью дом сгорел.

Мы напечатали эту корреспонденцию. Пришла масса писем. В буквальном смысле мешок из крафт-бумаги. У меня у самого такое было, когда я написал статью из Казахстана под названием “Паутина”, где рассказывал, как ректор одного института за взятки принимал в студенты молодых людей своего жуза (жуз – это казахский род) с уровнем знаний за 7-8 класс. Тогда в “Известия” пришло полтора мешка писем.

А здесь письма шли не только из Смоленска. Со всей страны. Было ясно: проблема государственная. В том числе, моя личная. Дом-то я купил, а земли официально не имел. Спасибо, директор племптицезавода “Смена”, на чьей территории было Слотино, Лев Ипполитович Тучемский подсказал заключить договор с хозяйством о том, что я буду выращивать корма, то есть сено, а за это мне отводился участок. Кстати, по той же схеме получил землю и мой друг по охотничье-рыболовной компании, “известинский” фельетонист Владимир Дмитриевич Надеин, с которым мы поселились в Слотине. А корма что было не выращивать? Отличная трава росла прямо на задах участка: приезжай и коси.

Про Льва Ипполитовича – особый разговор. Нынешние властители, большие и маленькие, то и дело трындят о том, что до них в Советском Союзе и промышленности не было, и толковых хозяйственных руководителей не существовало. Когда каждый из них был, как говорится, сам никто и звать никак, Тучемский уже был фигурой европейского масштаба. Он возглавлял один из лучших в Европе племптицезавод “Смена”, где выращивались элитные породы кур, которые расходились потом по многим хозяйствам.

Но не одними курами славилась “Смена”. Тучемский собрал, купив за границей, большое стадо высокоудойных коров, и каждое утро в московские магазины уезжали сверкающие цистерны с молоком. А какой посёлок Березняки, где была центральная усадьба, сделал Лев Ипполитович! Жилые дома не только этажные, но и коттеджные, магазины, поликлиника, аллеи и цветники. Всё там было: и детский сад, и школа, и Дом культуры, и свой зоопарк, и забава для детей – катание на лошадях.

Однако вернусь к откликам на корреспонденцию Вадима Летова. На мой взгляд, появился шанс громко сказать о гучей проблеме, затрагивающей интересы если не миллионов, то сотен тысяч людей. Я решил, что надо опубликовать большую подборку писем. Говорю об этом Феофанову. Он меня,

прищурившись, спрашивает: “Зачем?” У него была привычка: прищурит и без того маленькие глазки, взгляд становится усмешливый, как будто он наперёд знает всё, что ему скажут. Ну, я, горячась, начинаю рассказывать, как важно отменить этот, прямо говоря, антинародный закон. “Дадим большую подборку, я сам её подготовлю, прочитает Горбачёв, поручит разобраться”. На счёт Горбачёва Феофанов не ожидал. Прищур приоткрыл, усмешка осталась. “Ты что, Слава! Будет тебе Горбачёв читать! Ему кладут столько бумаг”. Я не отступаю. “Если напечатаем, может быть, прочитает. А не опубликуем, конечно, не прочитает”.

В “Известиях” редактор отдела – значительная фигура. Его решение может отменить только главный редактор, даже не все заместители. А Феофанов возглавлял ведущий отдел, к тому же был человек с именем. Поэтому я понимал: улаживать надо его. А он чего-то боялся. Ясно, чего, – не поднять бы опасную волну. Каменные люди в Политбюро могли зарычать: это что же? Предлагается отменить фундаментальный закон, запрещающий продавать землю в частные руки?

Я выискивал разные способы повлиять на Феофанова. На одной из ближайших “летучек” вспомнил корреспонденцию Летова и сказал, что идёт обвальная волна писем. Приводил Феофанову примеры из жизни, говорил: вот вы захотите купить дом в деревне, а земли вам не дадут. Он щурил глаза, почти смыкая веки, и насмешливо парировал: “У меня, как ты знаешь, хорошая “известинская дача”. Мне было видно: побаивается человек. Сейчас он член редколлегии “второй” газеты страны (хотя многие считали её по влиянию на общество первой, важнее “Правды”), а случись что, все блага отнимут. С другой стороны, он, чувствую, понимал: есть интересы огромного количества людей и есть несовершенный закон. А тут ещё я наступал: “Чего вы боитесь, Юрий Васильевич? Ведь вы же были на фронте разведчиком... смелым человеком были – вон сколько наград!” Он хмурился: “Тогда, Слава, было другое время”

А я уже подготовил подборку. Однажды Феофанов, прищурившись, сказал: “Ну-ка, чего ты там написал?” Юрий Васильевич убрал пару резких, на его взгляд, фраз из писем и сдал материал в секретариат. Без всяких трений обзор писем был напечатан. А через какое-то время случилось невероятное. В редакции стало известно, что правительство Российской Федерации, опираясь на принятые поправки в закон, разрешило горожанам покупать дома в деревне вместе с приусадебными участками. Была прописана процедура оформления земли в собственность. А вскоре разрешили покупать уже не дома, а фундаменты их, ибо было ясно, что людям нужна земля, чтобы строить новый дом. Запрет, существовавший много десятилетий, был отменён. После этого друзья стали шутить: тебе, старик, тысячи людей должны каждое утро наливать... Правда, здесь мнения расходились. Одни говорили, что наливать должны 100 граммов водки, другие – стакан хорошего чая. Но я сам купил пол-литра водки, и мы выпили её втроём: Игорь Карпенко, мой друг по охотничье-рыболовной компании, который через некоторое время стал редактором отдела Советов, и Юрий Васильевич Феофанов, бывший детдомовец, в 18 лет ушедший на фронт и долгие годы проработавший в “Известиях”. Ему дали возможность заниматься любимым делом. При газете создали журнал “Закон”, где Феофанов стал главным редактором.

В тот раз, выпивая, а он это дело весьма уважал, Юрий Васильевич, как всегда, прищурил глазки и хитровато проговорил: “Ну, и настырный у тебя друг, Игорь”. Карпенко – малословный, сильный мужчина – кивнул: “Мы знаем. В редакции говорят, если Щепоткин захочет, он слона за хобот к себе на пятый этаж приведёт”.

Сельские горожане

В Слотине раньше меня появились только две семьи горожан. Первой – семья Кофтовых: Леонида Георгиевича, Тамары Викторовны и их ещё юного сына. Дом они получили в подарок в 1981 году от работника Загорского горисполкома Евгения Фёдоровича Маркина. Маркин жил в городе, имел дачу и дом, который после смерти матери стал ему не нужен. А за некоторое время до того он подружился с Кофтовым. Леонид Георгиевич был коммуникабельным человеком, из семьи заместителя сталинского наркома. Да и сам

занимал приличную по тому времени должность – заместитель генерального директора Всесоюзного объединения “Внешторгиздат”. В советские годы руководители подобных структур, как правило, имели тесные контакты с КГБ, а то и сами были в званиях. Но, как бы то ни было, дом Кофтовы получили, а земля им была совсем не нужна. “Приедем на Первое мая, – вспоминает Тамара Викторовна, – шашлыки, музыка... Побыли и уехали”. За лето они появлялись в Слотине раза три–четыре. Отдыхали не здесь, а в основном на море и за границей.

Однако земля всё-таки привлекла внимание Кофтовых. После отмены закона они выкупили участок, взялись за посадки деревьев, кустарников. Позднее появился даже парник. Сейчас за насаждениями ухаживает Тамара Викторовна – муж несколько лет назад умер. Немолодая женщина, где сама, где с помощью соседней стрижёт ёлочки, приглашает работника прорезивать кустарники, обрезать виноград, стричь траву. Жить в Слотине ей нравится.

Только очень скучает по самой дорогой своей подруге Лилии Александровне Смирновой, которой не стало несколько лет назад. Их всё время видели вместе, Лилия Александровна была тоже горожанкой. Но выросла здесь, в Слотине. Она мне рассказывала про начальную школу – небольшой деревянный дом, который стоял на краю пруда между берёз рядом с церковью. А в пруду купалась детвора.

Сначала Лилия Александровна часто приезжала из города в родное село. Потом насовсем переехала сюда. Домик её тоже на берегу пруда, только с другой стороны от места бывшей школы. Сейчас в нём хозяйкой её внучка Варя – наша активная староста. Сзади большого участка выстроен чуть ли не замок. В нём живёт дочь Лилии Александровны Светлана с мужем Эдуардом Галлямовым. Он известный хирург, профессор.

А Тамара Викторовна ходит теперь в лес одна. И вспоминает дорогу по-другому.

А через год, в 1982-м, здесь появилась вторая семья горожан. Недавний пенсионер, а до этого классный токарь одного из московских заводов Иван Андреевич Покровский попросил родственника, который имел дачку в кооперативе за “бетонкой”, напротив поворота к Слотину, поискать место где-нибудь у соседей, чтобы пережить лето старшей дочери с мужем и их сынишкой. У соседей ничего не оказалось. Тогда родственник сходил в Слотино, до которого было рукой подать. Там ему показали домик, где жил одинокий старик. Он согласился пустить москвичей. Так семья Покровских – Иван Андреевич, жена Татьяна Михайловна, две старшие дочери с мужьями и незамужняя младшая поселились у старика Василия Ивановича. Осенью одинокий старик попросил главу семейства взять его на зиму в Москву – очень тяжело ему стало жить в селе. А 31 декабря Василий Иванович умер, завещав деревенский дом Ивану Андреевичу. Большая семья сразу стала использовать приусадебный участок. Но сажали, растили, обихаживали с оглядкой: на дом документы были, на землю – нет. И только с отменой запрета оформили всё чин по чину. Теперь уже владеет землёй следующее поколение “деревенских горожан” – Цыбиковы.

С Владимиром Дмитриевичем Надеиным мы поселились в Слотине почти одновременно. Я немного раньше, поскольку искал два места. Сначала предлагал ему селиться в разных деревнях. Но недалеко друг от друга. “Будем, как помещики, ездить в гости”. Он категорически отказывался: “Давай в одном месте”. Так как я выбрал Слотино, стал искать дом здесь. Увидел избушку за маленьким сельским кладбищем. Помню, мы стояли на задах села. За спиной – за деревьями кладбища, за церковью, за домами села – садилось солнце. Тень накрывала нас, а ближайший лесок ещё доставали последние лучи. И вдруг, как по команде, в разных кустах, ближних и дальних, разом защёлкали соловьи, Надеин встрепенулся, повёл взглядом перед собой. “Славка, какая красота! Вот где жить...” – “А умерев, лежать рядом”, – сказал я.

Но место не понравилось Володиной жене Ольге (у него три Ольги: жена, дочь и внучка). Она врач и, думаю, справедливо отреагировала: вы что, ребята! Разве можно бурить скважину или рыть колодец неподалёку от могил? И я нашёл им место, где когда-то стоял чей-то дом. Оно оказалось почти напротив меня. Всего лишь на другой стороне улицы. От калитки до калитки 40 шагов. Однако мы иногда по полгода не бывали друг у друга.

А потом началось бурное “освоение” Слотина новыми горожанами. В 1994 году в селе высадили целый десант железнодорожников – шесть человек из депо Москва-Киевская. Кто-то из них случайно заехал в Слотино. Место понравилось красотой, необычным рельефом. Сразу стали покупать кто домик, кто остатки от него, а Сергей Иванович Плахов, бывший тогда заместителем начальника депо, просто купил небольшой участок земли, где когда-то была изба. Он заказал проект, остальные стали строить, как подсказывала фантазия. Все вместе начали закупать материалы: бетон, брус, кирпич – так выходило дешевле. И уже через два года – в 1996-м – заселились.

Обустроивали участки в соответствии со своими вкусами. Один засадил половину территории соснами, другой привёз откуда-то, как ему сказали, редкие яблони. А Плахов, за участком которого была горловинка оврага, куда жители набрасывали мусор и откуда весной неслись потоки воды, прикупил эту землю, облагородил её, вырыл пруд, а на берегу построил ветряную мельницу. Декоративную, но по размерам – как настоящая. Теперь въезд в Слотино встречает дом с мельницей. Как в Голландии.

Впрочем, для села Сергей Иванович сделал очень важную работу. Я говорил, что с горы в овражек весной и в дожди неслись потоки воды, размывая и без того никудышную дорогу. Плахов построил водоотводные канавы и проложил под дорогой трубы.

Почти одновременно с железнодорожниками в селе появилась семья Латышевых – Игорь Иванович и Наталья Валерьевна. Оба имели востребованные в советское время профессии. Игорь – физик-ядерщик, Наталья – инженер-программист. Но в начале 90-х всё развалилось. Жить стало не на что, а в семье ещё двухлетняя дочь. Игорь, по примеру других жертв развала, создал торговую фирму и начал возить продукты, соки, водку. Наталья, как оказалось, способный дизайнер, стала работать с сирийской компанией и создавать рисунки для гобеленовых тканей.

В Слотине они оказались случайно и сразу влюбились в эти места. Купили землю, где не было никаких строений. В 1996 году построили свой дом. Недавно расшарили его: выросла семья. Сын Даниил уже студент, дочь Олеся вышла замуж за немца из ФРГ и не поймёшь, где они больше живут: в Германии или в России. Год назад Латышевы стали дедом и бабушкой. Внучку крестили в нашей церкви. Кстати, и зять Доминик тоже крещён у нас: стал православным.

Недавно я спросил Наталью, что для тебя Слотино? Она сказала, не задумываясь: “Как ответить на вопрос, что для меня мать? Я люблю Слотино, я здесь дома, я не хочу отсюда уезжать”.

На самой вершине “горба”, или, если хотите, холма, выросшего у дальнего края обширной котловины, в лучшем месте села, метрах в ста от церкви стоял дом Ивана Никитича Малышева. Дом из старых, звенящих от возраста сосен, срубленных в окрестных дремучих лесах, как положено, зимой, когда прекращается сокодвижение. Тёплому, хорошо проконопаченному дому, чему я всегда завидовал, сейчас больше ста лет. А завидовал потому, что наняв местного жителя конопатить мой дом, получил только переживания. Поработав немного, он запил и бросил дело. Поэтому я, по-горьковски, выпивающих уважаю, но алкоголиков ненавижу. Их надо отправлять на принудительное лечение. Малышевский же дом, сразу видно, делали настоящие мастера. И вот эту историческую реликвию в 2000 году купил бывший инженер-геодезист 35-летний Сергей Николаевич Чистяков. В советском прошлом он изъездил с экспедициями Союз, потом Россию, её Крайний Север. Работал в Норильске, Уренгое, прошёл Ямальскую тундру. Когда новой власти стали не нужны ни геологи, ни геодезисты, Сергей Николаевич ушёл в бизнес. На паях купил помещение, открыл там магазин. Потом стал помещение сдавать в аренду. Этим и живёт.

А купив малышевский дом, не стал его ни ломать, ни перестраивать. На задах большого участка – у Ивана Никитича было 30 соток земли – построил новый дом. Старый обустроивал не спеша, основное время отдавал земле.

Я много лет, думая о доме в деревне с землёй, невольно наблюдал за жизнью дачников с разрешёнными шестью сотками. Слышал нередкие жалобы, злые слова о том, как приходится там “вкалывать и горбатиться”. Но стоило мне сказать: тогда, мол, брось эту землю, если на ней так тяжело, как в ответ получал поток гневной отповеди. Мне говорили, что я не способен увидеть

счастья, как растёт огурец, не умею радоваться выращенной твоими руками яблоньке, а цветы, цветы! Вот где красота! И вообще, если бы имел землю, то знал бы, как она облагораживает.

Теперь я знаю, как облагораживает земля, как она расширяет кругозор человека. Ни одна женщина-горожанка из получивших землю в Слотине никогда раньше землёй не занималась. А сейчас попробуйте хоть часть участка у неё отобрать! Глаза, наверное, не выцарапает, но плохих слов наговорит. И не отдаст. Можно ли было предположить, что Ольга Владимировна Губенко – дочь Володи Надеина, врач-кардиолог – станет садоводом-селекционером, а входившие в её кабинет в клинике пациенты первые взгляды бросали на прекрасные, выращенные ею цветы и лишь потом на симпатичного доктора. Сейчас Ольга Владимировна ушла на пенсию и поселилась в Слотине.

А цветы – это страсть, пожалуй, всех слотинских горожанок. Однако, как говорится, и среди исключений есть исключения. Надо увидеть, как пестует свои цветы Наталья Латышева, чтобы задуматься, что ближе её страстной душе: огородное изобилие или клумбовый разноцвет.

Про свою Людмилу мне даже говорить неловко. Я в саду-огороде – гость, она – душевная хозяйка. Иногда слышу, с кем-то негромко говорит. Затем вдруг начинает шептать. Было время – настораживался. Потом увидел и услышал: говорит с огурцами-помидорами, шепчет цветам. И сама расцветает рядом с ними.

А ведь до Слотина на земле почти не работала. У родителей была дачка на шести сотках, куда приезжала отдыхать. Родители у Людмилы – уникальные люди. Отец Николай Алексеевич воевал на Дальнем Востоке с японцами. Был авиационным техником. Вернувшись в Москву, поступил работать в Центральный институт авиационного моторостроения имени Баранова. Там же, когда женился, стала работать и жена – Галина Давыдовна. Человек немногословный, требовательный, Николай Алексеевич вскоре стал бригадиром и проработал в этой должности не один десяток лет. За труд был награждён орденом Ленина. Кстати, и сын их, брат Людмилы – Сергей – тоже пошёл работать в ЦИАМ. А Людмила Николаевна с первых же приездов в Слотину полюбила здешнюю красоту и стала всё более увлечённо работать с землёй. Сейчас очень скучает, когда несколько дней не видит дома и ухоженного участка.

Земля облагораживает, чем бы на ней ни занимались. Сергей Чистяков и жена его Маша решили вдруг стать фермерами. Сначала держали кроликов, а потом осмелились растить свинью. Всё можно купить в магазине, но своё – оно и есть своё.

Сейчас полностью перешли на огородничество. И грибной лесок создали на участке. Сергей на задах посадил сосны, под ними стали расти маслята. Бывает год, когда удаётся намариновать банку-другую собственных грибов.

Вот что такое дом в деревне с землёй.

Глава 6

Как возвращали народу храм

Евдокия Ивановна Чернега из той породы советских людей, которым до всего есть дело. Одному надо сделать замечание, что неправильно поставил забор, другого отругала за то, что загородил часть общественного пруда, третьему сделала выговор за перекопанный прогон. Прогонов в селе было два. Они пересекали главную улицу – дорогу, чтобы совхозная техника могла переезжать с одних полей, которое справа от села, на другие поля, что слева или впереди.

Евдокия Ивановна, маленькая, сухонькая старушка, которую я почти никогда не видел без платка. Из-под платка виднелись черные, как смола, волосы с редкой-редкой сединой. В сочетании с тёмной одеждой всё это как-то увязывалось с фамилией Чернега.

Евдокия Ивановна много лет, благодаря своей активности, избиралась депутатом сельского Совета. Когда я поселился в селе, она уже не была депутатом. Но считалась старостой. Причём считалась по линии сельсовета, а в Слотине её знали как активную, шустрю бабку.

Жила она почти напротив храма – красивой церкви. Надо сказать, этот храм Иоанна Богослова был первое, что я увидел, когда поднялся из карьера между “бетонкой” и дорогой к Слотину; церковь стояла, казалось, прямо

среди дороги. Кстати, так оно и вышло: дорога упиралась в храм и тут расходилась надвое. Перед храмом была площадка. В то время, даже в дни церковной службы она пустовала. Сейчас не хватает места для машин.

О названии церкви я узнал несколько позднее. Причём в интересной ситуации. Я очень люблю историю и везде, где бываю, стараюсь зайти в какой-нибудь местный краеведческий музей или поговорить со стариками.

Так, например, я восстановил в памяти события периода Сталинградской битвы, когда наша семья с тысячами других, не сумев подойти к пылающей Волге, чтобы переправиться на другой берег, — горел мазут и керосин, — побежала к Дону, а через него — по понтонному мосту. Мы, я имею в виду моя мама, бабушка, тётка, родная сестра матери, её сын, мой двоюродный брат Вовка — ему было два с половиной, а мне — три с половиной года. По мосту двигалась плотно сжатая, живая лента людей. Все шли с левого, пологого берега на правый гористый. И вдруг налетели немецкие самолёты. Сначала с одной стороны моста поднялся белый столб воды, потом с другой — белый столб воды, а потом бомба попала в мост. И какие душераздирающие вопли, крики, визг после этого! А мы уже поднимались в людской ленте по тропинке вверх, в степь. И тут я впервые увидел живых немцев на мотоциклах, грязных, запыхлённых, но уверенных в себе.

Всё это, конечно, осталось в памяти. Но где было точное место, я узнал, лишь когда приехал в город Калач-на-Дону корреспондентом “Волгоградской правды”. Поговорил со стариками, и они мне показали, где это было. Так что для меня интересоваться историей — нормальное дело.

Поэтому однажды я зашёл в Троице-Сергиеву лавру, где размещался Загорский историко-художественный музей. Тогда ещё была советская власть, ещё город был Загорск. Ходил из комнаты, в комнату, из кельи в келью, смотрел карету Елизаветы Петровны, которая бывала когда-то в Слотине, поднимался то в одну, то в другую келью. Смотрел старинные одежды, иконы. И уже собираясь уходить, подумал: дай-ка зайду в последнюю келью. Поднялся по нескольким ступеням, вошёл... даже не вошёл ещё, встал на пороге комнаты, поражённый. С дальней стены лился какой-то розово-апельсиновый свет. Я остановился, думаю: какая красота! Подошёл и читаю надпись: икона из храма Иоанна Богослова села Слотино.

Вот так я узнал, что храм имеет имя Иоанна Богослова, что эту икону спасли работники музея, когда в 1961 году вторую антицерковную кампанию развернул Хрущёв. Церковь снова закрыли, разграбили. Большинство икон свезли в ближайший овраг и там сожгли. А жители Слотина и окрестных деревень брали, кто что мог.

Мне рассказывала Евдокия Ивановна такую историю. Особенно ретивы в этом разграблении были два мужика. Оба из деревни Ботово. Один даже сбросил колокол на землю, другой прихватил рулон какой-то ткани. Довольные, пошли по домам. К тому, который сбросил колокол, через две недели пришли домой. Он лежал мёртвый и уже начинал разлагаться. Мужчина жил один, и никто к нему не приходил. А второй вроде бы почти дошёл до деревни, а там есть место, называется “Кустики” — пруд, а вокруг камыши и кусты. Погода была хорошая, ясное небо. Вдруг на этом небе появляется одинокая тучка. Она идёт, и неожиданно из неё — единственная молния. И бьёт в этого мужика. Он падает замертво. Вот такую историю рассказала мне Евдокия Ивановна.

Однако сначала мне было не до храма. Я начал строиться, а в советское время это было, как я уже говорил, очень непростое дело. Но всё же, выбрав время, однажды зашёл в храм. Вернее, сначала обошёл его.

Первое, что было видно, как говорится, невооружённым взглядом, — церковь стояла брошенная. Ограды вокруг не было. Лишь кое-где в ямках виднелись следы битого кирпича. Как я выяснил позднее, кирпичное основание ограды растащили местные жители, что-то для своих нужд взял местный племптице завод “Смена”, который все называли совхозом. Крыша, слава Богу, была, купол — тоже, но краска давно облезла, железо сильно проржавело. На главном куполе не было креста. Когда я открыл двери и осмотрелся, оказалось, подняться на колокольню нельзя было и думать: все ступени лестницы сгнили.

Я вошёл внутрь помещения, в так называемый главный придел, где обычно идёт церковная служба. На красивом мозаичном полу лежала большая

куча травяной муки. А за ней был иконостас, видимо, также, как пол, старой работы. Пустые глазницы вместо икон вызывали жалость. И снова остро захотелось всё это вернуть к жизни.

Во время очередной встречи с Геннадием Филипповичем Поповым я завёл такой разговор. Что мы, говорю, за люди — русский народ? В какой-нибудь Литве или Польше какой-нибудь князёк даже не битву выиграл, не храм построил, всего лишь пописал где-то, как говорится, нужду справил, и там ему потомки ставят отметину. Здесь был наш великий. . . Памятник не всегда, а мемориальную доску повесят. “У нас память так старательно отшибали, — сказал Попов, — что мы дальше дедов редко кого помним”. “Да, вы правы, — соглашаюсь я. — Но иногда не надо больших усилий, не надо преодолевать преграды. Вот рядом с Загорском село Деулино. А многие ли знают, чем оно знаменито в нашей истории?” Попов улыбнулся: “Немногие, но знают. Деулинское соглашение”. “Вот именно! Деулинское соглашение с Польшей. По сути дела, им закончилось Смутное время на Руси. А какая-нибудь отметина об этом есть? Или вот село Слотино, где я благодаря вам купил дом и сейчас строю новый. Там есть хорошая церковь. Стоит, бедолага, с выбитыми окнами, внутри закопчённая. Туда завезли для временного хранения травяную муку, а она легко загорается. Конечно, был пожар. Всё потому, что хозяев нет. Как бы её людям вернуть, Геннадий Филиппович?” — “Для начала надо создать церковную “двадцатку”. Это будет организация граждан, которая обратится к светским властям с ходатайством открыть церковь. А дальше будут обращения к властям церковным. Без них ничего не получится. Но главное — нужна “двадцатка”.

Я понял: надо собирать людей. Приехал в Слотино. Пришёл к Евдокии Ивановне. Объяснил задачу.

А надо сказать, как старосте я постарался, чтобы у неё поставили телефон. Связисты районные сопротивлялись: ой, у нас провода гнилые идут вдоль “бетонки” много километров, то и дело будут рваться. Тем не менее я их добавил, они поставили ей телефон. А поскольку её дом был дальше моего от “бетонки”, причём столбы шли как раз по моей стороне и потом переходили на другую сторону, где был дом Евдокии Ивановны, то мне поставили телефон тоже. И вот она однажды мне звонит, телефон всюду надрывается, а я во дворе чем-то занимаюсь. Беру трубку: “Вячеслав Иванович, — кричит Чернега, — Петрович хочет продать колокол с церкви”. Я бросаю трубку, бегу. А Петрович. . . Ну, фамилию его я не буду называть, человек умер, в своё время был известный в этом селе, работал даже председателем колхоза. Кстати говоря, в этом небольшом селе, где только в отдельные периоды было около 50 домов, а чаще — не больше 40, тем не менее какое-то время существовал свой колхоз. Сзади дома, где жила Евдокия Ивановна, была молочная ферма, довольно крупная. И Чернега заведовала ею.

“Петрович хочет продать колокол с церкви!” — всё ещё звучал в ушах голос Чернеги. Он был любопытный человек — этот Петрович.

Возле поворота от “бетонки” к Слотину, немного в кустах, стоит памятник жителям девяти деревень и одного села, погибшим в годы войны при защите страны. Много мужчин из этих десяти населённых пунктов не вернулись домой. Петрович возвратился в Слотино. Я спрашивал его о войне. Он говорил неохотно. Был санитаром, вывозил раненых на собаках. Даже в старости Петрович был видным мужчиной. Что тогда говорить о молодых годах: рослый, привлекательный. К тому же председатель колхоза, где мужиков раз-два — и обчёлся. Многие не только вдовы-солдатки, но и созревающие женщины хотели бы лечь с ним в постель. Однако Петрович почему-то женился на женщине старше него не то на семнадцать, не то на восемнадцать лет. У них был единственный сын, который в четырнадцать лет умер от инфаркта.

Я видел жену Петровича. Хотя были незнакомы, но по-деревенски здоровался с ней: старуху звали тётя Ньюша. Она часто сидела на скамеечке у дома: очень полная, если не сказать до безобразия толстая, с жирными складками, словно оплывшая, но с привлекательным печальным лицом.

Старожилов в селе оставалось уже немного, и спросить об этой семье, чтобы не попасть впросак, было уже не у кого. А Евдокия Ивановна почему-то о Петровиче говорила с некоторым раздражением.

Вот и сейчас она сердито повторяла при мне слова о том, что “Петрович хочет с церкви колокол продать”. Я понял: надо вмешаться. Строгим,

но заинтересованно спокойным голосом спросил: “Что здесь происходит?” Чернега опять было завела про колокол, однако Петрович зло её перебил: “Кому он нужен — этот колокол? Треснутый... А так хоть пользу принесёт”. На задах Петровичева участка я увидел зелёный “Москвич-412” и двух мужиков. “Эт кому принесёт? Тебе? Али вон им?” — ткнула она неразгибающимся пальцем — результат многолетней работы дояркой — в сторону мужиков с машиной. Они услышали скандальный голос Евдокии Ивановны и засуетились. “Колокол может пригодиться церкви, — сказал я. — Мы будем возвращать её народу, а у храма даже такого колокола нет”.

Пока я говорил, пока сходил в Петровичев “двор” — пристройку к крестьянской избе, где содержится скот, зелёный “Москвич” сорвался с места, и только пыль сдувалась ветром с сельской дороги. “Ну вот, — с удовлетворением сказал я. — Инцидент исчерпан”.

Мы привязали колокол к черенку от лопаты, принесли на веранду Евдокии Ивановны и поставили возле старой койки, где я поначалу спал, квартира у старушки, пока у меня не появилась лежанка на керамзите в собственном доме.

Когда я приехал на следующие выходные из Москвы, Чернега уже была готова к нашей акции. Надо сказать, как человек общественно активный, она увлеклась идеей открыть в селе старую церковь. В последнее время Чернега, привыкшая быть в центре внимания, в кругах людских дел и забот, явно скучала. Ну, придут за молоком — она всё ещё держала корову, — расскажут какие-то новости, и опять бабка одна. А тут появлялась возможность снова кого-то организовывать, убеждать, может, даже прикрикнуть своим резким, громким голосом.

Мы сели в мои “Жигули”, и Евдокия Ивановна стала прикидывать, куда ехать в первую очередь. Народ она знала, как мне показалось, во всех окрестных деревнях. Но начинать надо было с тех, где больше старух. “Это самый податливый материал”, — произнесла она фразу, от которой я чуть не обалдел. Видать, не даром прошли депутатские годы.

Приехали в деревню Ботово. Ту самую, где когда-то жили два активиста церковного разрушения, которых, если верить рассказу Чернеги, так покарала судьба. Подходим к опрятному дому: голубые ставни, в палисаднике цветут георгины, на скамейке сидит старуха. “Здравствуй, Михална”. — “Здрасьте, Евдокия Иванна”. — “Мы к тебе по делу”. — “Тогда пойдём в дом. Чего об деле на улице говорить”.

Когда вошли в горницу, Евдокия Ивановна оглядела её цепким взглядом, без приглашения села на стул. “Мы вот к тебе зачем, Михална. Церкву надо в Слотине открывать. Ты как, “за”?” — “Конешно, конешно, Евдокия Иванна”. — “Тогда надо это как положено оформить”. — “Я понимаю. Я сейчас”.

Старушка идёт к сундуку, достаёт откуда-то со дна завернутые в белую тряпочку деньги: “Берегла на похороны, но на такое святое дело отдам”. — “Да нет! — говорю я. — Деньги не нужны. Надо только вашу подпись, что вы в числе двадцати человек будете просить возвратить верующим храм. Вы верующая?” — “А как же!” — постаралась выпрямиться старушка.

Здесь мы получили ещё две подписи. Причём одна бабка тоже стала доставать “похоронные” деньги. Но тут уж понявшая, что к чему, Евдокия Ивановна, которая сначала тоже думала, что нужны деньги, отчитала растерявшуюся бабульку. “Убери свои деньги. Пригодятся тебе”.

Ещё два раза, приехав из Москвы и отложив дела по обустройству дома, я забирал Евдокию Ивановну, и мы ездили по деревням. Однажды, выезжая из какой-то деревни, попали под дождь. А мой “жигулёнок” в одном месте не выносил слотинской дороги. Место это — подъём из небольшого карьера. Мой сосед слева, Алексей Александрович Спирин, как-то сказал мне, что в начале строительства “бетонки” здесь был лагерь и заключённые добывали песок для дороги. Проезжая через карьер, я с сомнением оглядывал его. Слишком крохотное место для лагеря, хотя выходы песка виднелись.

Позднее мне объяснили: здесь, действительно, брали песок для строительства дороги, и в бараке жили рабочие.

Но самое коварное у этого карьера был подъём — сплошная глина. Маленький дождь, и “жигулёнок” елозил, как по маслу. Я стискивал зубы, гневно бросал в адрес глиняной невозможности: “Ты хочешь, чтобы я не ездил сюда? Всё равно буду ездить!”

С этим подъёмом мучились все. Тогда железнодорожники сбросились и купили железобетонные плиты. Но прямой участок до села трактора разбивали вдрызг. А тут Плахову поручили на месте старого депо строить новое. Битый кирпич, строительный мусор надо было куда-то девать. Куда? В Слотино, на дорогу. Больше двухсот машин привёз Сергей Иванович в топи слотинской дороги.

Сейчас она надёжна при любой погоде для любых машин. Не один раз выходили и горожане, и селяне благоустраивать её. Выходили те и другие даже с детьми. Но не зря говорят: в семье не без урода. В слотинской “семье” их оказалось несколько. Я сам не раз говорил с двумя. Убеждал, стыдил. “Смотри, – говорил я одному, – двенадцатилетний пацан везёт тачку кирпичного “боя”, а ты будешь ездить по дороге, сделанной им, не приложив труда”. Здоровый, почти двухметровый верзила только ухмылялся: “Пусть работает, если ему надо. Мне не надо”.

Но я отвлекся – такие есть во все времена. Церковную “двадцатку” мы с Евдокией Ивановной собрали. Чернега стала во главе её. Несмотря на возраст, она была бабка энергичная, что не по её, могла отругать, а то и послать матом. Я снисходительно укорял старушку: “Ну разве так можно, Евдокия Ивановна? Ты же глава церковной “двадцатки”. Бог услышит – осудит”. – “Ай, Вячеслав Ивановыч! Бог судит не по словам, а по делам”.

Я сам был не святоша. Вырос в послевоенной шпанской среде, рано попал в рабочие коллективы, а там могли так сказать, что у неподготовленного слушателя мозги закипали. Поэтому мог загнать будь здоров. Однако никогда не позволял себе ругаться при женщинах и детях. Когда слышал от других, встревал, порой до скандала и даже драки. Да и просто так, особенно по молодости, избегал матерщины. У меня был случай, при воспоминании о котором долго краснел. Работая в “Волгоградской правде”, я начал большую кампанию по подъёму со дна Волги пожарного парохода “Гаситель”. Сейчас он установлен в Волгограде как памятник речным судам, которые внесли огромный вклад в Сталинградскую победу и погибли в той жестокой битве. А тогда решил сам спуститься на дно реки в водолазном костюме. Личные впечатления, уверен, только помогают журналисту лучше понять героев. Поэтому я то спускался в шахту, то поднимался на верхушку строящейся трубы Костромской ГРЭС и вместе с монтажниками раскачивался в фанерном “фонаре” на высоте двести метров.

Переехав на левый берег Волги, по раскалённому песку (идти пришлось босиком) дошёл до мостков с берега на водолазную станцию. Старшина водолазов, коренастый, плечистый мужчина, – к сожалению, забыл его имя, – помог с ребятами надеть на меня резиновый костюм, на ноги обули свинцовые башмаки, а на голову накрутили круглый медный шлем со стёклами. Однако перед этим старшина предупредил: “Не забывай нажимать головой кнопку в скафандре. Выпускай воздух, а то перевернёт тебя кверху задницей”.

Я спустился на несколько ступенек по железной лестнице и пошёл на дно. Вода сначала была жёлтая, потом жёлто-зелёная, а возле дна – сильно мутная. “Ну как?” – раздался в скафандре голос старшины. “Нормально. Только плохо видно”.

Нагнувшись вперёд, чтобы преодолеть сильное течение, подошёл к чему-то тёмному. Дотронулся рукой: железо. Так, передвигая руку, прошёл до носа, лежащего сильно на боку “Гасителя”. И вдруг почувствовал, что ноги мои поднимаются вверх, а голова оказывается вниз. Я некоторое время повозмущался вслух, пока не нащупал головой кнопку. Ничего интересного больше не увидел, и меня подняли на палубу. Когда сняли скафандр и окончательно “размундирили”, старшина покачал головой: “Ну, ты и материшься, корреспондент...”

Я перед тем готовился обрушить на водолазов поток благодарности, а тут онемел. От стыда готов был провалиться сквозь железную палубу. Мне-то думалось, что я один в этой мутной волжской воде, а оказалось, меня слышали все водолазы. Чтобы знать, что происходит под водой, что человек там видит и делает, на палубе устанавливается столб с репродуктором, и мощный динамик широко разносит слова водолаза.

Несдержанность Евдокии Ивановны в какой-то мере можно объяснить – слишком много тяжестей вынесла она в жизни. Из семерых детей – пять дочерей и два сына – остались одна дочь и один сын. И не война опустошила

семью Чернеги, а нелепости жизни детей, которые затронули и некоторых внуков. Потому и понимал я её эмоциональные всплески, оттого если критиковал за матерное слово, то сдержанно.

А вот нынешние молодые девицы-матерщинницы для меня просто шалавы.

К делу, начатому нами с Евдокией Ивановной, стали подтягиваться и другие люди. Довольно быстро просьбу созданной нами “двадцатки” удовлетворили городские власти при активном участии лично Геннадия Филипповича Попова. О нём, считаю, нужно сказать особо, ибо, на мой взгляд, он пример настоящего руководителя, которого уважал и уважает народ. В отличие от всех его последователей на посту руководителя города и района, он, как получил ещё в советские годы обыкновенную квартиру в обыкновенном доме, так и жил всё время там. Даже не достроил себе дачу из старого какого-то разобранного дома. Он ничего себе не сделал, не взял, а всё только отдавал городу и району. Недавно Геннадий Филиппович умер, но, думаю, все, кто его знал, будут помнить Попова как очень порядочного человека.

Несколько медленнее решали проблему власти церковные. Но оно и понятно: им надо было найти достойного настоятеля. Тем не менее в 1992 году храм народу вернули.

И здесь есть смысл сказать немного о его истории. Нынешняя каменная церковь была построена в 1822 году на средства прихожан. Приход тогда был большой, скажем, он и в начале XX века был немаленький – 1000 человек, а до этого ещё больше. И денег собрали столько, что хватило не на маленький каменный храм, а на большой. И его решили построить на месте прежней деревянной церкви.

Некоторые авторы, работы которых мне приходилось читать, пишут, что храм в селе Слотино построен в начале XVII века (в тысяча шестьсот каком-то году). Однако это совершенно не так. Историческая справка, с которой мне удалось ознакомиться, говорит, что храм в селе Слотино Кинельского стана Переславского уезда известен с середины XV века. Село Слотино в середине XV века принадлежало великой княгине Софье Витовтовне – снохе Дмитрия Донского. Дальше упоминается, что село Слотино она завещала Троице-Сергиеву монастырю. То есть несколько раз повторяется “село Слотино”. А как известно, селом является только тот населённый пункт, где есть церковь. Значит, храм этот существует с середины XV века. И потому версии о том, что в нём молился Иван Грозный, очень даже правдоподобны.

Кроме того, я говорил с нынешним настоятелем храма отцом Сергием (Дидковским) об иконах. Он сказал, что ряд икон, которые были в этом храме, написаны в XVI веке, то есть во времена Ивана Грозного. В том числе с изображением Иоанна Богослова. Естественно, она не могла быть ни в каком другом храме, кроме того, который носит это имя.

Я пишу эти строки в 2021 году. Значит, через год, в 2022-м, каменному храму будет 200 лет.

Последним настоятелем, который служил здесь до 1961 года, был Пётр Липягов. После этого 30 лет храм был брошен, разграблен и превращён в склад. Теперь надо было восстанавливать все то, что утратилось в годы церковного лихолетья.

Глава 7 Возрождение

После возвращения церкви встал вопрос о назначении сюда настоятеля. И в 1994 году им стал отец Сергей Мельникас.

О. Сергей Мельникас

Это была ранняя осень. Он пришёл в Слотино пешком от “бетонки”. Нашёл дом Евдокии Ивановны Чернеги. Сели, поговорили. Он сказал: “Я здесь буду священником”. Она: “Очень хорошо, вот тебе бумаги все наши, печать. Мы – люди старые, ты – молодой, тебе надо это дело всё и восстанавливать”.

Восстанавливать было много чего. Хотя внешне церковь выглядела более или менее пристойно по сравнению с десятками и сотнями тех храмов, от которых остались или части стен, или вообще одни фундаменты. Эта церковь

сносно смотрелась. Но только при беглом взгляде. При внимательном рассмотрении дел предстало много.

На главном куполе не было креста. На колокольне крест был, но не закреплённый: стоял, как будто поставленный в стакан. Крыша церкви текла, железо проржавело за 30 лет. И когда шёл дождь или таял снег – всё лилось внутрь храма. Не было окон. Вместо них – большие дыры в стенах, через них запросто можно было войти внутрь. Вместо больших входных дверей, почти ворот, были поставлены маленькие обыкновенные двери, а остальное пространство вокруг них забито досками.

Отец Сергей всё это осмотрел и решил начать с того, что необходимо для проведения службы. А именно – сделать хотя бы два стола.

Напротив церкви стоял дом Ивана Никитича Малышева. Они познакомились. Отец Сергей пригласил его помочь. А Иван вообще был человек, как я его запомнил, типично русский: крупный, широкоплечий, с большими руками, кулакастый. И что особенно запомнилось, часто ходил босиком. Однажды он пришёл ко мне без всякой обуви, а была уже поздняя осень, иней на траве появился. Вот такой был Иван закалённый человек!

Вдвоем они сделали престол и жертвенник, или, попросту говоря, два стола сколотили. На них можно было что-то поставить и провести хотя бы первую службу. Тем более что осенью престольный праздник в честь Иоанна Богослова. Он два раза в году – весной и осенью.

Потом надо было начинать с крыши, закрывать её. Отец Сергей сходил в пионерский лагерь. Их было два неподалёку от села – между “бетонкой” и Слотиним. Один принадлежал объединению “Химавтоматика”, которым руководил Юрий Михайлович Лужков. В этом лагере строительным делом заведовал Пётр Григорьевич Гусев, уже очень молодой, но отзывчивый человек. Он закрыл крышу церкви рубероидом. Течи прекратились. Начал восстанавливать лестницу на колокольню.

Поскольку храмы восстанавливаются в основном на средства прихожан, то отец Сергей Мельникас опирался на их помощь. Правда, приход у него был маленький. Потому что это была его первая самостоятельная большая служба. Родом он из Сергиева Посада, как сам мне говорил, отсюда все его корни по матери. Прадед был игрушечником. Такой промысел существовал здесь – игрушки делать. После семинарии, а затем академии его послали по обмену в Штаты, в Нью-Йорк, в Богословскую академию. Там он пробыл год. Вернулся и стал просить церковное начальство дать место настоятеля где-нибудь поближе к Сергиеву Посаду, всё-таки там дом, родители. Ему предложили Слотино. Ни об этом селе, ни о храме в нём он ничего не знал. Говорит: “По “бетонке” ездил за грибами во Владимирскую область, она тут рядом начинается, а вглубь не уходил”.

Теперь ему пришлось ездить на автобусе, выходить на остановке и пешком около двух километров идти до храма. И одновременно искать спонсоров, людей, которые могли что-то сделать. Удалось заказать окна. Но сначала нашли решётки, красивые церковные решётки, которые увидели на разрушенном дотла храме в бывшем селе, а теперь деревне Гальнево. Это село было знаменито тем, что в здешнем храме венчался Фёдор Иванович Шалапин. Сейчас этот храм в Гальневе возрождён с помощью Большого театра. А решётки гальневские, с согласия церковного начальства, поставили в церковь Иоанна Богослова в селе Слотино.

Потом заказали восемь окон – больших, красивых. Стали проводить первые службы. А как начинается служба, что предвещает о ней? Звон колоколов. На этой церкви на колокольне был единственный колокол, маленький, треснутый, который, как говорит отец Сергей, только блямкал. С этим колоколом связана интересная история, которую я рассказал в предыдущей главе. Мы его, по сути дела, отбили у человека, собравшегося продать колокол. И вот этот блямкающий, небольшой колокол возвестил о начале новой жизни храма.

Постепенно у священника Сергия Мельникаса образовывался круг спонсоров. Один из них выделил деньги на покупку большого колокола. А мне хорошо было из окон слышно, как они работали, эти два колокола: зычно, громко – большой и этот – треснутый, блямкающий. Пётр Григорьевич Гусев сложил печку в большой части церкви, где в холодное время года шли службы. Вместе с другими новыми помощниками Мельникаса, среди которых одним из самых активных стал житель села Ботово Сергей Махов, начали крыть

крышу железом. Также железом стали покрывать купола – большой и на колокольне.

А потом Пётр Григорьевич Гусев построил часовню около родника. Сделал памятник себе, ибо вскоре умер. К сожалению, кроме отца Сергия Мельникаса, о создателе часовни не знает никто. А ею пользуются. Здесь на Крещение освящают воду. К роднику едут люди. Причём чем дальше, тем больше, и уже выстраиваются очереди, потому что вода хорошая, а течёт тонкой струйкой. Но о Гусеве, думаю, на часовне где-то надо написать.

Вот так начал возрождаться, приходиться в жизнь храм Иоанна Богослова. Сергей Мельникас заказал новые кресты на большой купол и на колокольню. Причём сделал их копией старых. А прежние, подобно доморощенным престолу и жертвеннику, сохраняются новым настоятелем как память о прошлом времени. Большой крест на куполе удалось покрыть сусальным золотом. И сейчас, когда его освещает солнце, открывается очень красивая картина: на фоне лесов, неба сверкает этот крест с золотой короной наверху.

Когда Сергей принял, говоря военным языком, пост, вокруг храма не было ограды. Её разрушили и растащили. Но до ограды не доходили руки. А вернее – деньги. Их у отца Мельникаса зачастую не было совсем.

Он один был на всю округу. Ходил пешком по деревням, отпевал покойников, крестил новорождённых, освящал дома. Но это всё давало ничтожный доход. А священники зарплат не получают, они живут только на пожертвования прихожан. Люди приходят на службу, покупают свечи, что-то жертвуют, кто-то небольшие деньги, а есть богатые, которые очень могут помочь храму. От собранных пожертвований священник должен отдать 20 процентов епархии, из оставшихся – платить за коммунальные услуги: свет, тепло, если есть вода, за воду. На них же покупать своё облачение, свечи, масло для лампад, вино, просвирки. И всё это из оставшихся денег, которых, конечно, у отца Мельникаса не было. Хорошо ещё, что ему не нужно было тратиться на оплату певчих. Его жена Тамара и две дочери имели музыкальное образование и составляли хор церковный. Он как-то вскользь обронил своему сменщику отцу Сергию (Дидковскому), что за пять лет не смог купить никакой светской одежды – не было денег.

Тем не менее храм восстанавливался. На дверях появился замок. На главный крест вернули корону, поскольку храм был коронован Екатериной Второй. И, кстати говоря, таких храмов в России всего несколько: в московском Кремле, в Троице-Сергиевой лавре и вот в селе Слотоно.

При входе в церковь были сделаны большие ажурные ворота. Над ними прикреплена красивая необычная икона Иоанна Богослова, изготовленная реставратором Еленой Сорокатою. Сделана, как предполагает отец Сергей, из фаянса, которому не страшны ни морозы, ни жара, ни дожди. Словом, икона на века.

Кстати говоря, женщины села тоже помогали священнику – участвовали в уборке храма. Выбросили весь мусор, подмели полы, стены, как могли, на уровне своего роста попытались отмыть от копоти. Это и Валентина Чернега – дочь Евдокии Ивановны, и Валентина Ивановна Килькина, и родственница Ивана Малышева Анастасия Васильевна Малышева. В общем, были помощники – сказал отец Сергей – в том числе и вы. А всех уже не вспомнишь.

Вот так Мельникас прослужил девять лет. Зимой здесь службы не проходили, потому что не было света, нормального тепла. Зимой вообще никакого заработка у него не существовало. А уже повзрослели дочери, поступили в Плехановский университет на бюджетные места. Впоследствии младшая вышла замуж за дьякона.

Однако жить семье почти на одну зарплату жены, которая работала в районном управлении связи, становилось совсем трудно. И Сергей несколько раз писал прошения о том, чтобы его перевели в другой какой-нибудь храм. Через девять лет просьбу Мельникаса удовлетворили – перевели в Москву. На его место пришёл новый священник.

О. Сергей Дидковский

Судьба его тоже проделала определённые зигзаги. Родом он с Украины, из Житомирской области. Прадед его, по словам священника, был кулаком. У него было десять десятин земли, а это больше десяти гектаров. Он содержал

лошадей, разводил и торговал ими. А вот дед уже участвовал в гражданской войне на стороне красных, был кавалеристом в отряде Николая Щорса. Потом воевал в Отечественной, форсировал Днепр, Одер. На Одере сильно ранили и контузили. Вернувшись домой, через некоторое время стал регентом церковного хора. И вообще вся семья Сергея была верующей: мать, бабушка и дед. Хотели, чтобы и отец Сергея пошёл по церковной линии, но оказалось, что у него нет слуха. И то ли его не приняли в семинарию, то ли он сам не захотел этого, в конце концов, отец стал агрономом.

Библию Сергей начал читать, по его словам, с восьмого класса. Просто было интересно узнать, что и как. Школу закончил на “четвёрки” и “пятерки”. И была мечта – стать военным лётчиком. Он поехал в Ставропольское лётное училище, прошёл строгую комиссию. Стал сдавать экзамены. Сдал, но не прошёл по конкурсу: было много человек на одно место. Вернулся в Житомир, и тут его взяли в армию, как он говорил, в Советскую армию и отправили на Северный флот. Из Житомира в Москву, из Москвы в Архангельск. Проезжая мимо Загорска, впервые в окно поезда увидел Троице-Сергиеву лавру и был поражён её красотой.

На Северном флоте попал в специальную роту, которая охраняла на острове Новая Земля самолёты Су-27 – на них он мечтал летать. Во время службы, переписываясь с родными, узнал, что в лавре монахом служит его дальний родственник. Стали писать друг другу. Когда отслужил в армии, попросил у житомирского митрополита рекомендацию для поступления в семинарию.

Таким образом, судьба его сделала очередной зигзаг. Дидковский поступил в семинарию в Троице-Сергиевой лавре, потом окончил духовную академию, написал диссертацию, стал кандидатом богословских наук. Начальство отметило старания молодого священника, и его взяли в Сергиево-Посадскую Ильинскую церковь. А этот храм особый. Во-первых, он никогда не закрывался. Даже в годы самых свирепых гонений, когда и лавру – этот центр духовной жизни – закрыли. Во-вторых, Ильинская церковь является храмом, где настоятелем сам благочинный. Благочинный же – это начальник над всеми священнослужителями того или иного района. Отец Сергей был дьяконом, помощником благочинного.

Кстати говоря, в это время произошёл интересный случай. В Сергиево-Посадский район приехали с Новой Земли офицеры на переподготовку или медобследование. И руководство познакомилось с отцом Сергием. Узнали, что он служил у них на острове. Через год там построили церковь и стали его звать. Но ехать туда уже не мог – родился сын Елисей, но отпустила служба в Сергиевом Посаде. Единственное, что сделал, – это подействовал на значению на остров священнослужителя из Архангельской епархии.

Три года отец Сергей Дидковский прослужил в Ильинской церкви, а потом его назначили настоятелем храма Иоанна Богослова в селе Слотино. Там он сменил отца Сергея Мельникаса. В отличие от предшественника, для которого это была первая самостоятельная служба, Дидковский прошёл некоторую школу и у него уже появились меценаты, те, кто жертвовали, кто поддерживал его материально. Так судьба свела нового слотинского священника с Юрием Владимировичем Петровым.

Юрий Владимирович был ближайшим сподвижником Ельцина ещё по Свердловской области. Когда Ельцин перевели в Москву, Петров стал первым секретарём обкома партии. Перед концом советской власти его назначили послом на Кубу. А с началом новой России Ельцин вызвал Петрова в Москву и предложил должность главы администрации президента.

Юрий Владимирович недолго поработал на этом посту. Через два года была создана государственная корпорация “Госинкор”, цель которой, как декларировалось, – привлечь иностранный капитал, инвестиции в Россию. И эту корпорацию возглавил Петров. Он был руководителем корпорации и созданного ею “Гута Банка” несколько лет. А в 2003 году “Госинкор” ликвидировали.

Дидковский с ним познакомился так. В селе Малинники был когда-то небольшой Никольский храм. Его возвели в самом начале XIX века. Но в 1937 году церковь разрушили. И только в последние годы начали восстанавливать. К сожалению, назначенный туда настоятель, как говорят, больше интересовался делами земными, сельскохозяйственными, нежели обустройством церкви. Он стал почти фермером: развёл кур, свиней, коз. А самое главное – начал конфликтовать с руководством охотхозяйства, которое когда-то называлось

Загорское и было создано Минсельхозом Российской Федерации ещё в конце 50-х годов XX века, а в новое время куплено “Гута Банком”. Когда здесь запрудили маленькую речку, образовался большой серповидный водоём. В хозяйстве стали разводить уток для охоты. Я сам однажды там был, видел эту охоту. Уток приучали лететь кормиться на звук трубы. Гигантская стая летела вдоль этого водоёма, довольно узкого, мимо охотников, которые стояли на берегу. Пальба была такая, аж раскалялись стволы. Потом стая поднималась и летела в обратную сторону, ибо теперь оттуда раздавался звук трубы.

Это охотхозяйство, как я сказал, приобрёл “Гута Банк”. Там были домики красивые на косогоре, а внизу, поблизости от водоёма, находилась Никольская церковь. Охотники то и дело обращались к благочинному в Сергиев Посад с жалобами на священника, просили, чтобы настоятель храма не скандалил, не устраивал сцены. В итоге священника перевели в другое место, а Дидковского, скажем так, по совместительству, назначили настоятелем и храма Никольского.

Надо заметить, что Никольский храм имеет довольно интересную судьбу. Его построил в 1803 году Амвросий Подобедов. Он в это время был главой Священного Синода и возглавлял его при Екатерине Второй, при Павле Первом и при Александре Первом. Подобедов освящал Казанский собор в Петербурге, он же благословлял Кутузова на войну с Наполеоном.

А почему Подобедов построил именно здесь этот храм? Да потому, что тут когда-то было маленькое село Стогово, где в деревянной церкви служил настоятелем его отец. То есть Подобедов построил храм на своей родине.

Сергий Дидковский приехал в Малинники, хотя и пешком идти недалеко. Расстояние, если по прямой от храма Иоанна Богослова до церкви в селе Малинники, через поле и неширокий лес, километра два. Дидковский познакомился с Петровым. Они, по его словам, попили чаю, поговорили. И отец Сергей сумел расположить Юрия Владимировича: тот стал помогать в возрождении храма в селе Слотино. При этом сказал: сначала надо эту церковь довести до ума, а потом возьмёмся за Никольскую в Малинниках.

Своё слово он держал, как говорится, крепко. На его средства была сделана ограда вокруг церкви Иоанна Богослова, красивая, прочная, стилизованная под старину. Вместо сгоревшего иконостаса был изготовлен новый. На его средства люди отмыли копоть со стен и купола храма, и открылась полуторавековая красота. Петров провёл от магистральной трубы газ к церкви. В селе газа ещё не было. Я знаю по себе, что такое провести газ. Столько мучился с этими газовиками. Мы вели тяжбы всякого рода. Хотя власть наша, в том числе самая верховная, клялась и божилась, что Россия скоро вся будет газифицирована. Тем не менее до сих пор люди топят избы дровами. А храм, благодаря Петрову, обогревается, и службы идут в любое время года. Оплачивает этот дорогой обогрев один из новых жителей села.

Но вернусь к делам Петрова. На его средства провели электричество в церковь. Поставили столбы, светильники повесили. И вместе с телеведущим Юрием Николаевым, как рассказывает Дидковский, Юрий Владимирович поехал выбирать так называемое паникадило, а проще говоря, люстру. Выбрали, купили. Но какую! Сейчас эта люстра – одно из главных украшений храма. Огромная красивая, достойная столичного театра, а не сельской церкви. Вес её – 450 килограммов. Недавно, на “Медовый Спас” в храм пришла приятельница нашей семьи Таисия Михайловна Щербинина. Она живёт в соседней деревне Марино, которая также, как Малинники, оказалась на берегу того самого охотничьего водоёма. Таисия Михайловна инженер-дорожник из “Автодора”. Профессия, прямо скажем, не сентиментальная. Но наша приятельница – городская крестьянка: квартира в Сергиевом Посаде, а дом – в деревне с землёй. Часто бывает в лавре, знает церкви. В том числе с давних пор – нашу, Иоанна Богослова. И вот, сходя в на освящение мёда, позвонила нам в Москву – мне пришлось на несколько дней уехать из Слотина. Хотя она женщина эмоциональная, я давно не слышал от неё таких восторгов о нашем храме. Особенно её восхитила люстра. “Солнце попало через окно на люстру, и она засверкала, как из бриллиантов”.

Теперь снова о Петрове. Он был некрещёный, и когда зашёл разговор о том, что ему надо креститься, оказалось, в храме нет крестильной чаши. Он купил и чашу эту. Таким образом, Петров, можно сказать, не просто продолжил возрождение, а дал новую жизнь старому храму.

Что двигало им? Может, желание замолишь какие-то грехи или ошибки, а у кого из нас ошибок нет и не бывает? Или задушевные разговоры с этим священником с негромким, глуховатым голосом, который убежден в том, что чем больше храмов на Земле, тем меньше грязи на ней и в душах людей, сейчас трудно сказать. Юрий Владимирович умер несколько лет назад. Но священник Дидковский о нём всё время вспоминает с большой теплотой.

Я не слишком разбираюсь в церковных званиях и чинах. Поэтому, узнав, что оба настоятеля храма Иоанна Богослова, оба отца Сергия являются протоиереями, как-то спокойно и даже равнодушно встретил это известие. Однако оказалось, что по военной табели о рангах царской армии оба они подполковники.

Когда я впервые увидел и услышал отца Сергия (Дидковского), меня, прежде всего, поразил его голос. Немного я знал священнослужителей, но большинство из них имели мощные, громкие голоса. Да тот же Мельникас, у него, как в народе говорят, горло, что иерихонская труба (пусть он не обижается на меня за это хорошее сравнение). У Дидковского же голос глуховатый, проповеди слышат очень хорошо, я думаю, только те, кто стоит близко. И, честно говоря, у меня раза два появлялось желание подарить ему микрофон, как у артистов. Чтобы слышнее было. Недавно мы с ним об этом заговорили. Он улыбнулся: “Вы что, хотите, чтобы меня вся округа слышала?”

Мне кажется, ему есть что сказать и округе. И вот этот человек, с головы которого спадают длинные чёрные волосы, достигают такой же чёрной бороды и как бы соединяются с ней, в итоге образуя овал, из этого чёрного овала глядят пристальные глаза с острым взглядом, на губах часто задерживается добрая улыбка. Но, судя по его деятельности, к тому же имеется у него и гибкий ум. Иначе бы ему не удалось, наверно, набрать себе столько помощников. На меценатские деньги отапливается храм зимой. На эти же деньги куплены прекрасные колокола для храма.

Что будет дальше? Трудно сказать. Но я думаю, если до Подмосковья не доберутся китайцы или воинствующий ислам не захватит наши территории, то храму этому стоять ещё долго и долго.

Глава 8 **На холмах истории**

Слотино – село старое, с богатой биографией. Но прежде, чем о биографии, надо закончить с географией.

Я уже упоминал о Клинско-Дмитровской гряде, которая является частью Московской возвышенности и идёт на юг, огибая два этих района, пересекая юг Ярославской области и задевая Сергиево-Посадский район. Так вот, село Слотино находится примерно в конце этой гряды, перед Владимирским ополем. Тем не менее и здесь ещё овраги, речушки, ручьи, причём овраги, поросшие густыми лесами, где есть всякие грибы. Природа очень красивая, здешние места считаются одними из интересных и привлекательных в Московской области.

Сразу за селом – овраг и низина, памятные людям одновременно с мрачной и весёлой стороны. Мрачное прошлое – это, как я говорил, то, что здесь сжигали иконы, когда в 1961 году закрыли церковь. А веселились во время весенних половодий. Место называли Гусями, катались на лодках, что для сухопутной местности было редкостью. По преданию, здесь на лодке каталась дочь Петра Первого – Елизавета, которая останавливалась в Слотине по пути в Александровскую слободу.

Из глубины веков

Теперь о биографии. Первое упоминание о селе, более надёжное, чем разные фантастические и документально не подтверждённые, относится к 1451 году. Речь о духовном завещании великой княгини Софьи Витовтовны. Она была снохой Дмитрия Донского, женой его старшего сына Василия. Село Слотино вместе с другими принадлежавшими ей деревнями завещалось Троице-Сергиеву монастырю. Правда, через некоторое время оно снова вернулось в великокняжеское владение и с той поры считалось только царским селом.

Софья Витовтовна была дама интересная. Дочь литовского князя, красивая, решительная. Именно она, не понимая сама того, развязала двадцатилетнюю междоусобную войну между двумя удельными князьями. А причиной стал, как ни странно, ...пояс. В 1433 году её сын, внук Дмитрия Донского, Василий Васильевич женился. Ему устраивали пышную свадьбу. На неё пригласили много разных гостей, в том числе родню второго, младшего сына Дмитрия Донского. Старший был Василий, отец жениха и муж Софьи Витовтовны, а второй – Юрий Дмитриевич – владел Звенигородом. Короче, пригласили всю эту родню. И вот на свадьбе Софья Витовтовна увидела на племяннике, сыне Юрия Василии, золотой пояс. Ей подсказали, что этот пояс принадлежал Дмитрию Донскому. Как он оказался на Василии Юрьевиче, неизвестно. А тогда пояса, тем более такие, конечно, считались не тем, чем сейчас. Сейчас – только для поддержки штанов, а в то время это был признак величия, славы и достоинства.

Она подошла к племяннику и при всех сорвала с него золотой пояс. Тот возмутился и, придерживая падающие штаны, заявил, что отныне знать не знает таких родственников. Взбеленилась и вся остальная родня. Гости собрались и уехали в Звенигород, по пути разграбив Ярославль. Юрий Дмитриевич объявил войну Москве. То есть своему племяннику Василию Васильевичу, великому князю Московскому.

Началась затяжная, волокитная война. Юрий захватил Москву, объявил себя великим князем Московским. А через год умер, оставив этот титул своему сыну, тоже Василию. (Там, похоже, не очень фантазировали в выборе имён.) Однако Василий Васильевич, подлинный, скажем так, великий князь Московский, собрал рать и выбил Юрьевича из Москвы. Потом тот снова захватил Москву. И так они ходили туда-сюда, грабя народ одной веры и, возможно, одной нации.

Во время этих побоищ Василию Юрьевичу выкололи глаз за предательство, и он вошёл в историю как Василий Косой. Но и великому князю Василию Васильевичу тоже не повезло со зрением. Ему выкололи оба глаза. Его стали называть Василием Тёмным.

Только через 20 лет закончилась эта разорительная междоусобная война, которая отодвинула Русь от столбовой дороги развития. Глядя вперёд, надо помнить об этом, ибо желающих разделить Россию на удельные владения у нас сегодня хватает.

Оболганный великан

А примерно через сто лет Слотино стало интересным по другому поводу. Тридцатичетырёхлетний царь Иван IV, кстати, первый русский царь – до этого были великие князья, что понижало статус правителя государства на международном уровне, рассорился с боярством и уехал из Москвы. Сначала на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда в Александровскую слободу (сейчас это город Александров Владимирской области). Одной из главных причин была политическая. Подавляющее большинство бояр выступали против развёрнутой царём централизации государственной власти. Не разрозненные владения удельных князей, а монолитное государство может успешно противостоять внешним угрозам и способствовать внутреннему развитию, считал Иван Васильевич. К этим идеям он пришёл ещё в ранней молодости, намереваясь продолжить дело отца по собиранию русских земель. Отца, Василия III, он не помнил, тот скоропостижно умер от заражения крови, когда сыну Ивану было три года. А вскоре при странных обстоятельствах умерла и мать, Елена Глинская. Однако выросший сиротой молодой царь, где по рассказам, где самостоятельно по документам усвоил стратегические замыслы отца. Ведь по свидетельству современников, он был очень одарённым человеком. Иван много читал, прекрасно играл в шахматы, уже проявлял себя хорошим оратором и, как показало время, имел литературный дар.

Входя в зрелые года, Иван IV всё больше укреплялся в необходимости централизации, не забывая о внешней безопасности. В 1552 году взял Казань и присоединил Казанское ханство. Через четыре года так же поступил с Астраханским ханством. Уходили угрозы с юга и с востока. Можно было сосредоточиться на внутренней политике, на проведении реформ.

Однако сопротивление боярства не снижалось, наоборот – росло. В декабре 1564 года Иван Васильевич, собрав всю семью, двор, доверенных бояр, взяв казну, драгоценности, книги, иконы и много другого имущества, с огромным обозом из двухсот телег и карет выехал из Москвы. Сначала на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда – в Александровскую слободу.

От монастыря до Слободы 40 километров. Ровно посередине стояло старое, обжитое село Слотино с древней церковью. Для Ивана Васильевича это имело огромное значение: царь с юности до смерти был очень набожным человеком. Часами простаивал на службах, не хуже церковников знал обряды. Однажды долго не могли начать подготовленный штурм Казани – ждали команды царя, который всё это время стоял на церковной службе.

Дневной пробег ямщицкой лошади был 60–70 километров. Пример тому – расстояния между нынешними городами на дороге от Москвы до Ярославля. Лошадь в обозе шла со скоростью около 20 километров в день. Вполне вероятно, что царский двор заночевал в Слотине.

В Александровской слободе Иван IV жил 17 лет. И все эти годы она считалась неформальной столицей государства российского. Оттуда царь выезжал на богомолья. К нему сразу начали ездить депутации духовенства, некоторые бояре с просьбами вернуться в Москву. Дело в том, что, приехав в Слободу, Иван Васильевич (пока ещё не Грозный!) отправил в Москву два послания. В первом обвинял представителей знати в измене, в сопротивлении своей политике и заявлял, что отказывается от трона. Во втором, адресованном простому народу, сообщал, что на него гнев его не ложится.

Депутации умоляли царя не отказываться от трона (вот интересные времена: сейчас умоляют отказаться – не уходит), давали право карать отступников по своей воле. Иван Васильевич согласился и на короткое время вернулся в Москву, по пути, скорее всего, заночевав в Слотине. Ведь село было единственным возможным пристанищем на единственной дороге между Троице-Сергиевым монастырём и Александровской слободой. Вернувшись в новую резиденцию, начал её обустроить. В Слободу появились некоторые приказы, по-нынешнему – министерства. Здесь заработала типография, где стали выпускать листовки, обличающие Стефана Батория. Они пошли по Европе. Так началась первая печатная контрпропаганда. По распоряжению царя в Слотине выстроили путевой дворец для отдыха. Поскольку вскоре к государю поехали иностранные послы, большие чиновники российских приказов, для их временного пребывания – приёма у царя порой приходилось ждать долго – рядом с селом стали строиться добротные дома. Не будет же иностранный гость или российский боярин ночевать в поле или в крестьянской курной избе, где нередко рядом с людьми бытовал скот. На этих местах по сей день ходят с металлоискателями разные люди и, видимо, что-то находят. А другие, после вспашки поля на том месте, где, по предположению стоял царский дворец, собирают осколки от печных изразцов.

В связи с этим я хотел бы задержаться на одной спорной истории. В 1684 году был издан указ царей Ивана и Петра Алексеевичей, где, в частности, говорилось о закупке изразцов для ремонта 20 печей в государевых хоромах царского дворца в Александровской слободе и для 17 печей в селе Слотино. На основании этого документа и попадающихся осколков изразцов XVII века делался вывод, что ни в Слободу, ни тем более в Слотине никаких царских дворцов при Иване Грозном не было. Ведь изразцов того времени не находили. Значит, и печей не было, а как без них жить во дворце? Никак нельзя.

Логика в таких суждениях, на первый взгляд, есть. Но я решил начать с поиска ответа на вопрос: а почему это 34-летний царь поехал со всей семьёй и двором, да ещё суровой зимой не куда-нибудь, а именно в Александровскую слободу? Оказалось, всё объясняется просто. Его отец Василий III ещё в 1505 году выбрал Александровскую слободу как загородную резиденцию. Ну, что-то вроде хрущёвско-брежневского и горбачёвско-ельцинского Завидово середины XX–начала XXI веков. Время от времени он там бывал. Но поскольку из Москвы дорога шла через Слотино, то великий князь, наверняка, знал село.

Восемь лет Василий III ездил в Слободу. Где жил, где ночевал, неизвестно. Но 11 декабря 1513 года в Александровской слободе, говоря нынешним языком, был сдан в эксплуатацию царский дворец.

Дороги на Руси, что тогда, что сейчас – аховые. Недавно участок “бетонки” от Ярославского шоссе до Владимирской области длиной километров 10 ремонтировали полгода. В Китае за это время 100 километров скоростной магистрали сделают. Но там нет бояр. У нас же бояре богатеют, а на дороги денег нет. Не зря Иван Грозный с боярами воевал. Однако вернусь на 500 лет назад. Весной и осенью – в распутицу – старались ездить меньше. Ездили летом и зимой. Летом, конечно, красота: тепло, прекрасная природа. А зимой можно ли при нашем суровом климате жить в помещении без обогрева? Если только недолго. Тем не менее дворец, как говорится, функционировал 17 лет до смерти Василия III. Потом перешёл по наследству его жене Елене Глинской, а затем достался их сыну Ивану. И все эти десятилетия, он, конечно, отапливался. Не обязательно изразцовыми печами. Класть отопительные печи из кирпича с декоративной отделкой их глиной в холодной Руси умели испокон веков.

Царский дворец в Слободе был не маленький. Двадцать печей, даже если в каком-то помещении их было две, всё равно площадь внушительная. И судя по количеству печей – семнадцать(!) – почти такой же был в царском селе Слотино. Кто мог сблизить масштабы? Разумеется, только переселившийся в Александровскую слободу Иван Васильевич.

Мне в последние годы не раз приходилось слышать такое выражение: из всех правителей нашего государства от Рюрика до Путина больше всего растоптаны Иван Грозный (Иван IV) и Иосиф Сталин.

Ну, имя Сталина начал топтать паскудник Хрущёв, обвинив его в многомиллионных жертвах репрессий, хотя в действительности у самого руки в крови не по локоть, а по плечо. Сталин же, согласно прежде недоступным, а теперь открытым архивам спецслужб, жестоко оклеветан. Я рассказал об этом в своей повести “Разговор по душам с товарищем Сталиным”. Созданная в 1989 году по поручению Горбачёва и Александра Яковлева комиссия Академии наук СССР должна была подтвердить запущенные Хрущёвым и всё время увеличиваемые либералами цифры людских потерь во время якобы сталинского террора. Ей открыли наглухо запечатанные раньше архивы ОГПУ, НКВД, МВД и МГБ. В её состав включили доктора исторических наук, профессора Виктора Николаевича Земскова, который в научных кругах слыл за антисоветчика. Видимо, надеялись, что этот учёный с именем если не увеличит называемые вроде как видными людьми цифры, то хотя бы подтвердит их. А цифры официально назывались такие. Общество “Мемориал” – 12 миллионов невинно уничтоженных Сталиным. Александр Яковлев – 32 миллиона. Рой Медведев – 40 миллионов. И больше всех называл Солженицын – 55 миллионов человек. Треть всего взрослого населения страны.

Но когда учёные и, прежде всего, Земсков стали публиковать открывшиеся цифры, думаю, инициаторы создания комиссии упали в обморок, а придя в себя, сильно пожалели о сделанном. Ведь при Сталине искажения отчетности не допускалось даже в мыслях – вот за это точно могла быть суровая кара. Поэтому статистические данные были точны до одного человека. В 1991 году Земсков опубликовал в журнале “Социз” такие цифры: с 1921 года до 1 февраля 1954-го было осуждено за контрреволюционные и другие тяжкие государственные преступления 3 777 980 человек. Из них приговорены к расстрелу 649 980 осуждённых. И это за 33 года! Причём к категории тяжких преступлений относились убийства, бандитизм, активное сотрудничество с немцами на оккупированных территориях и ряд других.

Я мог бы привести количество осуждённых на каждые 100 тысяч населения в 30-х годах в СССР и в современной России, а также в США – разница ощутимая. И не в пользу последних – ГУЛаг отдыхает. Но либеральное негодование никак не остановится, повторяет облыжные, лживые цифры. А всё, думаю, потому, что ни общечеловечность, ни, тем более, власть не используют закон. Закон о наказании за искажение истории. Топтать имя Сталина начал, как известно, тот, у кого рыльце из-за пуха не видно.

А вот к искажению личности первого русского царя приложил руку далеко не его современник, работавший на зарплате династии Романовых, историк Николай Михайлович Карамзин. Именно он запустил, а так называемые либералы того и нынешнего времени стали усиленно, порой до визга и слюнных брызг, втискивать в умы и души народа образ первого русского царя как человека кровожадного, детоубийцы, маньяка, наслаждавшегося казнями огромного количества людей, страшнее которого не было нигде и никогда.

При жизни же Ивана Грозного, как свидетельствуют тогдашние источники, народ любил царя. Тогда на каком основании тот же Карамзин считает его деспотом, который направо-налево уничтожал людей? Современный историк Руслан Григорьевич Скрынников, который занимался исследованием времени Ивана Грозного чуть ли не всю свою жизнь, посчитал казнённых по его приказу людей. Это 3-4 тысячи человек. За всё время правления Ивана Васильевича Грозного. Вообще-то он был у власти 50 лет – стал царём в детстве. Однако если отбросить его детские и юношеские годы, то это количество жертв приходится лет на 35. То есть примерно по 80–100 человек в год.

Конечно, и одну жизнь жалко, и одна душа бесценна. Но посмотрим, как ценили души людские правители так называемых просвещённых стран Европы – современники русского царя? Вся Европа знала о Варфоломеевской ночи, когда только в Париже и только за одну ночь по приказу матери-королевы Екатерины Медичи и короля Карла IX было убито около 3 тысяч человек – генотов. А во всей Франции – 30 тысяч.

Или возьмём английскую королеву Елизавету Первую. Она правила в те же десятилетия, что и Иван Васильевич Грозный. Только по его приказу было предано казни 3-4 тысячи человек, а она казнила 82 тысячи. 82 тысячи! Почти в 25 раз больше! И её называют Великой!

Все эти людоедские цифры Карамзин знал наверняка, ибо и сам довольно долго был в Европе, и за двести с лишним лет до его писаний сведений о жизни зарубежных правителей, их делах в Россию поступило немало. Путь многих из них был таким кровавым, что на этом фоне “жестокость” Ивана Васильевича Грозного для нормального историка выглядела бы результатом подростковой драки. Но не для Карамзина. Почему? Ответ надо искать в его идеологических воззрениях.

Совсем молодым человеком, в 18-летнем возрасте он вступил в масонскую ложу “Златого венца”. Масоны не любили всё русское – Карамзин не стал исключением. Зато перед тиранами французской революции, которые залили страну кровью, благоговел. Робеспьер, Дантон и другие деятели были его кумирами. А то, что велели убить заключённых в тюрьмах, дабы не трагиться на их пропитание, на это можно было не обращать внимания – необходимость!

С восторгом Карамзин говорил и о Наполеоне. В своём журнале “Вестник Европы” писал, что только безумец может не видеть счастья для Франции в лице Бонапарта.

Получив официальный статус придворного историографа вместе с солидным жалованьем, он решил славить династию Романовых против прежней – Рюриковичей. Последним великим Рюриковичем был Иван Грозный. Ошельмовать его, показать самым кровавым злодеем династии означало дискредитировать всю династию. Так формировался взгляд Карамзина на Ивана Грозного, выстраивался подход к оценкам его личности. Знаменитый церковный историк Николай Дмитриевич Тальберг говорил, что Карамзин буквально ненавидел Грозного. Можно ли при таком отношении ожидать объективного, беспристрастного, как это свойственно нормальному историку, показа исторической личности? Поэтому в источниках Карамзин старался найти то, что отвечало его замыслу: представить Ивана IV в уродливом свете. Неудивительно, что серьёзные учёные и сразу после выхода карамзинского труда, и позднее отрицательно отнеслись к методам его работы. Советский историк Даниил Натанович Альшиц очень жёстко критиковал выбор Карамзиным источников. Подлинных документов в виде актов и других объективных материалов было мало. Зато тенденциозных сведений, порождённых острой политической борьбой второй половины XVI века, лживых записок случайных иностранцев, политических памфлетов, откровенно клеветнических, сознательно изображающих Россию в чёрном цвете, – этого “добра” появилось в изобилии. Чего стоила продукция полевой типографии польского короля Стефана Батория! Он раньше других понял стратегическую роль информационной войны и открыл поток печатной лжи о русском государстве и царе Иване Грозном, с которым воевал. По всей Европе стали распространяться картинки с изображением улюсов, которые якобы творят русские в захваченных городах. Они отрезают головы мирным жителям, грабят их, бесчинствуют. Никакой контрпропаганды поначалу не было, и эти фальшивки, где в зверском виде изображался русский царь, становились лжесвидетельствами.

Или возьмём переписку князя Андрея Курбского с Иваном Грозным. Ну, какая может быть объективность в посланиях Курбского, бежавшего в Литву и начавшего сотрудничать с врагами российского государства? Карамзин и его либеральные сообщники объясняют бегство Курбского летом 1563 года опасением за свою жизнь от беспричинного гнева Ивана Грозного. Однако историки выяснили, что он бежал, боясь разоблачения. Открылась его тайная переписка с литовской властью, где на него рассчитывали как на ценного информатора. Ведь князь входил в близкое окружение царя, знал военные и другие стратегические секреты государства. Первое, с чего он начал, – выдал людей, сочувственно относящихся к России.

Выдающийся русский учёный, сподвижник Петра Великого Василий Никитич Татищев создал первую основательную “Историю России”, где обобщил все известные к тому времени документы и критически проанализировал их. Взгляды Курбского Татищев резко критиковал, считая его чрезмерно пристрастным и потому необъективным. По тем же причинам Василий Никитич призвал не обращать внимания на мемуары иностранцев об Иване Грозном.

А вот правление Ивана IV оценивал весьма положительно. Он считал, что о доблести царя и о значении его для русской истории сказано очень мало. При этом Татищев ругал тех, кто видел в Грозном лишь жестокого тирана.

Но именно таким выводил ненавистного царя Карамзин, опираясь на всякого рода сомнительные, а то и просто фальшивые свидетельства. Один из примеров тому – якобы убийство Иваном Грозным своего сына Ивана. Об этом Европа узнала из сочинения папского посла Поссевино.

Иван Грозный хотел заключить перемирие с Польшей и для содействия в этом обратился к Папе Римскому. Тот решил, что наступает удачный момент, чтобы в русском государстве православную веру сменить на католическую. Для обработки царя Ивана IV послал своего легата Поссевино. Перемирие было заключено, и посол подумал, что его задача скоро будет выполнена. Но русский царь заявил ему, что веру отцов менять не пристало.

Обозлённый и возненавидевший Грозного из-за провала стратегического задания Поссевино ни с чем уехал из Москвы. А через несколько лет выпустил книгу, где обрисовал, как Иван Грозный ударом посоха убил своего сына Ивана. Сам Поссевино, естественно, при этом не присутствовал. Его в это время не было не только в Александровской слободе, где умер царевич, но даже в Москве.

Но версия пошла гулять по миру, хотя никакой другой источник смерти наследника престола в Александровской слободе от руки отца не подтверждает. Однако Карамзин включил версию озлобленного огромной неудачей Поссевино в свою “Историю” как истину в последней инстанции. И она тиражируется по сей день, несмотря на то, что различные исследователи опровергают её, в том числе состоянием здоровья царя. Он в это время сильно болел, каждое движение причиняло ему нестерпимую боль, и дело дошло до того, что его стали носить в кресле.

Версию Поссевино, описанную Карамзиным, подхватил художник Илья Ефимович Репин. В 1885 году на выставке была представлена его картина, которая впоследствии получила название “Иван Грозный убивает своего сына Ивана”.

Писатель и историк Константин Петрович Победоносцев был возмущён ею. Он написал Александру III, что картина полностью выдуманная, фальшивая, ничего этого не было, и представлять её широкой публике никак нельзя. С ним был согласен и митрополит Иоанн Кронштадтский. Нет этому доказательств ни в одном источнике.

И сегодня не все верят в реальность этой драмы. В прекрасном фильме Леонида Гайдая “Иван Васильевич меняет профессию” есть примечательный эпизод, Иван Грозный, перенесённый машиной времени в наши дни, ходит по комнате изобретателя этой машины Тимофеева, осматривает её. На одной голой стене висит репродукция картины Репина. Взгляд царя даже на секунду не задерживается на ней. С большим интересом Иван Васильевич разглядывает другие предметы. А эта картинка не заслуживает и мимолётного внимания. Тем самым режиссёр показывает, что изображённое на ней не имеет к Грозному никакого отношения.

Надо сказать, что эту картину немало общественных деятелей России считают русофобской, оскорбляющей ложью сюжета одного из выдающихся

правителей государства. Недавно к министру культуры и руководительнице Третьяковской галереи обратился Русский культурно-просветительный фонд имени Василия Великого с письменной просьбой убрать картину из экспозиции как выдуманную. Ещё в 1903 году видный российский историк, академик Николай Петрович Лихачёв (не путать с советским академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым) опубликовал исследование о приезде в Москву Антонио Поссевино. В нём он подтвердил отсутствие каких-либо достоверных источников о смерти царевича от ранения головы. Такой же точки зрения в 1922 году в книге «Иван Грозный» придерживался академик, доктор исторических наук Роберт Юрьевич Виппер, получивший ещё в царское время за свою исследовательскую деятельность дворянство.

На такой же позиции стоят учёные конца XX века и наши современники. Их много, поэтому перечислять не буду. Скажу только о самом Репине. Он рассматривал свою картину как удар по самодержавию и НИКОГДА НЕ НАСТАИВАЛ НА ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ. Так что место ей, считали авторы обращения, было в запасниках. Однако русской общественности отказали. Остаётся надежда, что под этой картиной появится адресованная зрителям подпись: «Изображённое здесь – неправда».

«Историю» Карамзина отвергали и отвергают не только за сознательное искажение личности Ивана Грозного. Многие критикуют его за отступление от исторической непредвзятости в сторону литературной расцветки. Он не историк. Он тенденциозный писатель. Так считали разные специалисты. Литературовед Векслер Иван Иванович отметил, что «История» Карамзина более тяготеет к художественной интерпретации, чем к точному историческому анализу. В этом нетрудно убедиться, читая страницы о том же Грозном. Например, описание расправы с двоюродным братом, князем Владимиром Старицким в селе Слотино, при всём трагизме происходящего, напоминает отрывок из литературного произведения в любимом Карамзиным сентиментальном жанре.

Конечно, это печальная страница в истории села Слотино и мрачная – в биографии Ивана Васильевича. Но как оказалось, наказание Старицкого имело очень серьёзные причины. В прекрасно аргументированной книге Вячеслава Манягина «Грозный. Апология русского царя», созданной исключительно на документах (вот что надо читать про Ивана IV, а не Карамзина!), подробно рассказывается о подлом поведении братца, возглавившего заговор против царя, чтобы самому занять престол.

С подобными претендентами не церемонились нигде, ни раньше, ни позже. Елизавета Первая отрубила голову шотландской королеве Марии Стюарт за смутные намерения попасть на английский трон.

К сожалению, созданный Карамзиным сознательно искажённый облик первого русского царя подтолкнул Александра II вычеркнуть Ивана Грозного из скульптурных изображений на памятнике «Тысячелетие России».

И, наконец, ещё одно свидетельство, вызывающее сомнение. Известный скульптор – антрополог Михаил Михайлович Герасимов, вылепивший по черепам портретные бюсты многих давно умерших людей, подлинных изображений которых не существует, сделал и портрет Ивана Грозного. Академик Юрий Александрович Галушкин высказывает сомнения в точности изображения портрета царя Ивана. По его словам, лицо на портрете не соответствует антропологическим данным экспертизы, которую сделал сам же Герасимов. Портрет был выполнен по слепку с черепа, выдержанного в растворе, который размягчил кости и деформировал пропорции. Поэтому, как отмечает Галушкин, ничего исторического в скульптуре нет. Кроме того, считает он, такой образ Грозного мог быть представлен по заказу, правда, заказчиков не называет.

Академик вообще сомневается в точности изображения созданных портретов реальных людей. В доказательство этому приводит результаты закрытого исследования. Умерших в больницах пациентов, бездомных и не имевших родственников, после захоронения в земле эксгумировали через некоторое время, достаточное для исчезновения мягких тканей. Черепа, не объясняя их происхождения, передали Герасимову и его ученикам. Точное сходство созданных портретов с прижизненными изображениями оказалось только в трёх случаях из десяти.

Двойное убийство царя

Подготовленная Карамзиным описанием Ивана Грозного либеральная публика с нетерпением ждала портрета царя, изготовленного Герасимовым. Ожидала увидеть лицо тирана, детоубийцы, душегуба и злодея. Словом, чудовище. Однако Герасимов представил калеку. А ведь Ивану IV, когда он умер в 1584 году, не было и 54 лет. Возраст даже по тем временам совсем не старый.

Однако организм его, действительно, был разрушен. От того мужчины, каким его увидел посол германского императора, мало что осталось. “Он очень высокого роста, – сообщал посол, – тело имеет полное силы и довольно крепкое. Большие узкие глаза, которые наблюдают всё самым тщательным образом, челюсть, выдающаяся вперёд, мужественная. Борода у него рыжая с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая. Волосы на голове, как большая часть русских, бреет бритвой. В руке – посох с тяжёлым набалдашником, символизирующий крепость государственной власти на Руси и великое мужское достоинство самого царя”. Конечно, годы берут своё. Но в данном случае не годы, а яды.

Всю жизнь Иван Васильевич подозревал, что его самого и его семью отравляют. Внутренние недруги, а с ними и зарубежные описатели со злым ехидством заявляли: это необоснованная, маниакальная подозрительность – маньяк, да и только. Но вот в 1963 году в Архангельском соборе Кремля вскрыли гробницу Ивана Грозного и его сына Ивана. Исследователи были потрясены: в костях сына обнаружилось чудовищное количество солей ртути, мышьяка. Количество, несовместимое с жизнью.

Точно так же был “напичкан” скелет Ивана Грозного. А на позвоночнике царя тот же Герасимов зафиксировал большое количество наростов – результат отложения этих солей. Герасимов признал, что наросты при любом, даже малейшем движении вызвали невыносимую боль. И не только. Некоторые учёные считают, что эти яды могли вызывать резкие перепады настроения: от внезапного гнева к столь же быстрому раскаянию.

Работая над этой главой, я, среди прочих материалов и книг, прочитал в интернете анонимную заметку одного из сегодняшних последышей Карамзина. Они боятся называть своё имя и фамилию – вдруг встретят на улице и плюнут в морду. Поэтому предпочитают прятаться за всякими никами, типа собачьих кличек. В данной заметке я прочитал такие слова о боли от ядов: “Может, поэтому он так любил делать больно другим”. В этой заметке Иван Грозный и деспот, и мучитель жён, и убийца сына – типовой набор клейм. Впрочем, другие авторы, не скрывающие своих имён и фамилий, пишут, что в таком состоянии царь не мог ударить сына тяжёлым посохом. Он не способен был поднять руку.

Но вернёмся к отравлениям. Когда вскрыли захоронение первой жены царя Анастасии, там тоже обнаружили огромное количество солей ртути. Они были и в костях, и в прекрасно сохранившейся русской косе царицы, и даже в саване. Подозрения Ивана Васильевича в убийстве любимой жены, надломившем ему жизнь, тоже мания?

Наконец, ещё об одном лживом обвинении. Вернее, оскорблении. Четыре столетия негодяи распространяли версию, что ртутью и другими ядами царя лечили якобы от сифилиса. После анализа останков выяснилось, что это очередная клевета. Ни малейших следов болезни не выявили. Значит, просто убивали. Причём, заодно с отцом и сына.

До нашего времени дошло несколько икон с изображением Ивана Васильевича с нимбом на голове. В сохранившихся святцах одного из монастырей Иван IV упоминается как великомученик. Это означает, что церковь тогда подтверждала факт убийства первого русского царя.

Почитал Грозного царь Алексей Михайлович Романов, а его сын Пётр Первый считал себя последователем Ивана Грозного. “Этот государь, – говорил он, – мой предшественник и образец. Я всегда представлял себе его образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел ещё в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великие его заслуги, называют его мучителем”. Чтила Ивана Грозного Екатерина Вторая и защищала его от нападков. Я думаю, коронованная ею деревянная церковь в селе Слодино,

предшественница нынешнего храма, где, по преданию, молился Иван Грозный, одно из подтверждений тому.

Ценил Грозного и простой народ. Это отразилось во многих песнях, сказаниях того времени. Эти явления отметил и наблюдательный посол германского императора Сигизмунд Герберштейн: “Тому, кто занимается историей его, Иоанна IV, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки. Причём должен заметить, что народ не только не возбудил против него никаких возмущений, но даже во время войны проявлял невероятную твёрдость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще было мало. Много, напротив, нашлось таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам”.

К сожалению, созданный Карамзиным сознательно искажённый облик первого русского царя подтолкнул, как я уже говорил, Александра II вычеркнуть Ивана Грозного из скульптурных изображений на памятнике “Тысячелетие России”. Объясняли так: неэтично ставить фигуру царя в Новгороде, где Иван Грозный казнил боярскую знать.

В истории это событие получило название “Новгородский погром”. Возмущением отметились, разумеется, Карамзин и даже Карл Маркс. Сначала о причинах. Екатерина II, полемизируя с Радищевым, говорит о том, что боярская верхушка Новгорода собралась присягнуть польскому королю. То есть оторвать древний русский город от России. А этому название – сепаратизм, за что всегда и везде следовали серьёзные наказания. Вы думаете, из-за чего разгорелась гражданская война между Севером и Югом в США? Из-за освобождения рабов-негров? Это потом придумали, как благородный лозунг. На самом деле, из-за стремления южан создать своё государство и выйти из США. Одиннадцать южных рабовладельческих штатов образовали конфедерацию, определили даже столицу и заявили о выходе из Союза. Вроде бы даже имели право: в конституции США не было запрета на выход. Однако президент Авраам Линкольн во главе 20 северных и четырёх пограничных рабовладельческих штатов начал войну против южан. Она длилась с 1861-го по 1865-й. Ценой большого количества жизней сепаратизм был остановлен. А недавние две войны в российской Чечне? Тут какая причина? Всё тот же чистейший сепаратизм. Так что Иван Грозный не дал оторвать от России большой кусок её исконной территории. А дело шло как раз к этому. Боярская знать письменно заявила польскому королю Сигизмунду о готовности передать город и все прилегающие земли Речи Посполитой.

Наказание было жёстким. Но не таким, каким его рисовал перебежчик Курбский, который сам там не был, а описывал со слов иностранных “очевидцев”, тоже в Новгороде не присутствовавших. Ну, можно ли верить “свидетельствам”, что было убито 700 тысяч человек, если во всей тогдашней России – во всей (!) – насчитывалось около двухсот тысяч. В Москве – примерно сто тысяч, в Новгороде – 26 тысяч. И также с другими “фактами”. С целью оболгать Ивана Грозного заведомые лжецы выдумывали не только фантастические цифры убитых, но и абсурдное количество пришедших с царём опричников. Один “свидетель” называл 25 тысяч, другой – 15, третий 10 тысяч, хотя официально известно, что их было в несколько раз меньше: 500 человек – личная гвардия – и около полутора тысяч остальных. Также и с жертвами. Тот же Руслан Скрынников, которого нельзя заподозрить в любви к Грозному и который, как известно, десятилетия научной работы посвятил Ивану IV, насчитал 1505 человек. И примерно столько же в списке самого Ивана Грозного, который он отправил для поминовения. Это бы подтвердили и подлинные документы, которые хранились в архиве. Но в XIX веке, когда там, как пишет Вячеслав Манягин, работали масон Бантыш-Каменский и его верный ученик Карамзин, они исчезли. Впрочем, были случаи, когда работавшие в наших архивах иностранные специалисты, по словам писателя-историка, вывозили целые сундуки русских летописей. Вот за что надо карать жёстко! Не менее строго, чем за воровство золота, ибо архивы – это золото нашей истории, а значит, нашего места в мировой цивилизации.

Так кем же он был – Иван Васильевич Грозный? Не в искажённом, кривозеркальном изображении Карамзина и в тысячах повторений лжи

его либеральными последышами, а хотя бы в небольшом перечне дел, укрепивших Россию.

Первый русский царь в два раза расширил территорию страны. После покорения Сибирского ханства Россия стала больше всей Европы. На 50 процентов увеличилось население. Были проведены несколько стратегических реформ. Юридическая, в результате которой создан свод законов – “Судебник”. Земская реформа ликвидировала так называемое кормление, когда назначенные властью на места управленцы “кормились” за счёт населения. Введена всеобщая выборность населением местной администрации.

Проведена военная реформа. В России впервые образована регулярная армия – стрельцы. Они были вооружены огнестрельным оружием – пищальями, за спиной – бердыш, на боку – сабля. При Иване Грозном в России была создана лучшая в Европе артиллерия.

Кроме того, были проведены и другие реформы: местного самоуправления, денежная. Ивана Грозного справедливо называют царём-реформатором. Причём, всё это было сделано им в молодом возрасте: до 30 лет. До того момента, когда отравители убили его жену Анастасию.

По личному распоряжению царя построены 40 церквей, 60 монастырей. Основано 155 новых городов и крепостей. Создана государственная почта. Появилось около трёхсот почтовых станций. Установлены дипломатические и торговые связи с Англией, Персией, Средней Азией.

При Иване IV начали собираться Земские соборы – своего рода всероссийский совещательный орган при государе. Созданы две типографии. Таким образом, началось книгопечатание в России. Была собрана знаменитая библиотека Ивана Грозного, которая пропала и которую ищут до сих пор. Создана сеть общеобразовательных школ. Появилась первая аптека.

Даже части сделанного Иваном Грозным хватает, чтобы согласиться с Петром Первым в оценке его предшественника как великого деятеля России. Но дважды убитый царь – сначала ядами современных ему отравителей, а потом фальсификацией Карамзина и ядовитой ложью либеральной стаи – двести лет предаётся организованной анафеме, как изверг и садист.

Однако попробуйте в Англии назвать Елизавету Первую кровожадной убийцей, уничтожившей 82 тысячи человек, – сразу вызовут полицию. Скажут: оскорбляете великую историческую личность нашего государства, а значит – само государство. При этом пояснят, что нельзя судить прошлое мерками позднего времени. Такие, мол, были времена, такие были нравы.

Так же скажут об убийцах Варфоломеевской ночи Екатерине Медичи и её сыне Карле IX, об “английском мяснике” Кромвеле, по свидетельствам историков, уничтожившем из полутора миллионов ирландцев около 800 тысяч. Такие были времена – и ставят памятники. Кромвеля после смерти пышно похоронили, потом выкопали, повесили, снова захоронили, а затем поставили в Лондоне у парламента памятник.

И только Ивану Грозному в России ставить памятники непозволительно. Не так давно в городе Любиме Ярославской области, в городе, который основан Иваном Грозным (есть об этом документы), городские власти при поддержке народа решили поставить памятник Ивану Васильевичу. Однако против этого решительно выступил ярославский архимандрит Кирилл, который написал письмо губернатору, прокурору области и федеральному инспектору, где просто-напросто потребовал не устанавливать памятник Ивану IV. А в обосновании привёл абсурдные доводы: это ухудшит криминогенную обстановку и приведёт к непредсказуемым результатам.

Как известно, у нас Церковь отделена от государства. И почему светская власть должна выполнять предписания служителя культа?

После любимской истории, как говорится, слава Богу, ситуация кое-где стала меняться. По указу правительства Владимирской области установлен памятник Ивану Грозному в городе Александрове. А недавно был воздвигнут грандиозный памятник царю в городе Орле, который и основан по велению Ивана Васильевича. Да, противники этих действий бешено сопротивлялись и сопротивляются. Причём так сопротивляются, что, кажется, верещат, аж брызги слюны летят. Но идею памятника в Орле поддержал даже Патриарх Кирилл, что весьма знаменательно. А само обогаление царя признал и президент Путин. Повторяю, далеко не во всём я с ним соглашаюсь, но в этом полностью поддерживаю. Больше того. Думаю, пора плюнуть на организуемое

сопротивление хулителей и поставить памятники Ивану Грозному в основных им городах.

Так называемые либералы настойчиво призывают Россию равняться на цивилизованную Европу и не хотят видеть бревна в европейском глазу. А вот в нашем — соринку раздувают до размеров бревна. Так что же, нам в угоду этой крикливой стае — откройте интернет, и вы убедитесь в словно заказанной травле — надо отказываться от своего прошлого, от нашей истории? На этот счёт, я думаю, хорошо сказал Пушкин в письме к Чаадаеву: “Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблён, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог её дал”.

Пётр Первый и Слотино

Отметился своим пребыванием в царском селе Слотино, причём, судя по раскладу событий, неоднократно, Пётр Алексеевич Романов, будущий Пётр Великий. Но тогда до величия было ещё далеко.

В ночь с 7-го на 8 августа 1689 года в село Преображенское, где был тогда 17-летний Пётр, прискакали, говоря по-нынешнему, симпатизирующие молодому царю двое стрельцов. Они сказали, что в Москву пришли стрелецкие полки. Готовится расправа над Петром и его семейством. За всем этим стоит сводная сестра Петра царевна Софья и её люди. Испуганный Пётр в одной ночной рубашке бросился в ближайший лес. Вскоре туда ему принесли одежду и седло. Всю ночь он скакал в Троице-Сергиев монастырь под защиту этой неприступной цитадели, которую дважды не смогли взять поляки. Вслед за царём туда пришли Преображенский и Семёновский потешные полки — будущая российская гвардия.

Несколько дней в монастырь для защиты и поддержки молодого царя приходили перешедшие на его сторону стрельцы, военные из Немецкой слободы. 17 августа Пётр направил второму царю — сводному брату Ивану — послание с предложением-требованием исключить имя Софьи из всех официальных документов как царевны. Под охраной её отправили в Новодевичий монастырь, где она прожила до конца своей жизни в 1704 году.

А Пётр немедленно поехал в Александровскую слободу обучать свои потешные полки военному делу на профессиональной основе. Руководителем обучения стал командир Бутырского пехотного полка, находившийся на русской службе шотландец, генерал Патрик Гордон. Именно его дневник является ценным документом об этом периоде жизни и занятиях молодого Петра.

Так же, как с Иваном Грозным, возникает вопрос: почему именно в Александровскую слободу? Как известно, это была царская вотчина. То есть она передавалась по наследству. После смерти Алексея Михайловича короткое время царствовал его старший сын Фёдор III. Сохранились документы о его поездке в Александровскую слободу и остановке на обратном пути в Слотине. После ранней смерти Фёдора Слободу унаследовали провозглашённые царями Иван и Пётр. Им даже сделали двухместный трон. Но Иван, который был старше брата на шесть лет, имел “здоровье хилое и ум не государственный”. На резиденцию внимания не обращал. Зато Пётр там стал бывать с ранней юности. Сохранилась запись о его поездке туда в июле 1688 года. Когда в 1725 году он умер, Слободу унаследовала недолго правившая Екатерина I, а после неё их с Петром дочь Елизавета. Эта красивая, рослая царевна любила веселье, балы, переодевания. Некоторые её поездки, даже на недалёкие расстояния, вроде как в Троице-Сергиев монастырь и в Александровскую слободу, длились неделями. Наверняка и в Слотине Елизавета бывала не накоротке.

Однако, в отличие от дочери, Пётр с молодости не любил тратить время попусту. Отправив сестрицу-заговорщицу в монастырь, он немедленно, как уже сказано, поехал в Александровскую слободу. Не только потому, что хорошо знал её и окрестности, где можно было лучше тренировать полки, но ещё и потому, что поехал туда с большой кучей своих родственников и их obsługi. Взял мать, жену, сестёр, тёток и массу придворных. Разместить их всех можно было только в царском дворце, для ремонта 20 печей которого пять лет назад они с братом велели закупить изразцы.

О том, как шли тренировки, день за днём записывал Гордон. 17 сентября он отметил: “Я тренировал восемь шеренг солдат перед Его величеством”. После этого состоялся долгий разговор с царём. Потом были тренировки конницы, стрельба, в том числе из пушек. А 22 сентября генерал Гордон отметил: “Царь Пётр и сопровождавшие его лица покинули Александрову слободу, ночевали в Слотине и 23 сентября прибыли в Троице-Сергиев монастырь”.

Хочу обратить внимание на то, как упоминает Гордон о Слотине. Как о давно знакомом селе, где и он, и другие “сопровождающие лица” бывали не раз — ведь царь Пётр то и дело ездил из Слободы в монастырь, из монастыря в Слободу. А дорога была единственная. И село с царским дворцом ровно на середине пути тоже было единственным пристанищем. Его ни обойти, ни объехать. Поэтому ни в каретах, ни на телегах, ни верхом, ни пешком Слотина не миновали. Даже просто напиться отличной колодезной воды люди останавливались.

Слотино — киносело

В ноябре 1978 года на экраны страны вышел фильм “Трясина”. Он, как свидетельствовали зрители, потряс их. Но прошло немного времени, и картину сняли с проката. Отобрали её высшую категорию и положили на полку.

В чём же дело? Режиссёром был знаменитый Григорий Чухрай, артисты — великолепные: Нонна Мордюкова, Валентина Теличкина, Валерий Носик, Владимир Заманский, Вадим Спиридонов, Владимир Гусев. Что случилось?

История такова. Однажды кто-то из артистов принёс Чухраю заметку в “Комсомольской правде” о том, что где-то обнаружили человека, который всю войну просидел в подполье, прятался там. Чухрай был фронтовиком, он прошёл Сталинградскую битву от первого боя до последнего, был трижды ранен. Воевал и дальше, дошёл до Европы. Он, конечно, ненавидел и презирал таких предателей. Но потом задумался, решил сделать картину об этом. Связался с молодым тогда сценаристом Виктором Мережко и попросил написать сценарий.

История, которая в этом сценарии рассказана, примерно как та, только более драматичная. Простая крестьянка Матрёна Быстрова получает “похоронку” на мужа. Потом приходит сообщение, что пропал без вести её старший сын. А через некоторое время вызывают на пункт сбора и младшего сына. Она везёт его на лошади зимой, привозит в райцентр. В это время начинается бомбёжка. Всё горит, взрываются бомбы. Она, в ужасе за жизнь последнего сына, разворачивает лошадь и мчит домой. Там, в селе, она прячет сына в своей избе, и всю войну он в ней живёт, таясь от людей.

Съёмки проходили в селе Слотино, и когда я там начал строиться, сохранились все дома, снятые в картине. Хотя и сегодня немало осталось.

Фильм, конечно, драматичный. Но самая тяжёлая роль — у Мордюковой. Я читал одно интервью Нонны Викторовны, где она говорила, как тяжело ей было сниматься в этом фильме. Настолько тяжело, что казалось, будто она никогда его не закончит. Актриса чуть ли не падала в обморок. Однажды она пришла на съёмочную площадку, там женщина собирала реквизит. Мордюкова упала ей на грудь и кричала, что не может больше сниматься. “Я умру!” — рыдала она, настолько были тяжелы и убийственны переживания матери, которая стала потом разрываться между двумя сыновьями. Оказалось, старший сын не пропал без вести, а вернулся домой. Правда, невеста, которая обещала его ждать, вышла замуж. Для Чухрая это было тоже предательство. А невесту играла Валентина Теличкина, и к ней, я где-то читал, Чухрай относился чуть ли не как к той героине.

Жила Мордюкова в доме, который теперь напротив меня. Он и сейчас сохранился. Тогда стоял пустой. И его просто отдали артистам. Я разговаривал с добрым десятком свидетелей того времени, читал интервью Мордюковой.

В одном из них она рассказала такую историю. До “Трясины” три года была в простое, хотя перед тем уже снималась в прекрасных фильмах: “Они сражались за Родину”, “Чужая родня” и другие, не говоря о “Молодой гвардии”. А тут её перестали брать. Она вынуждена была ездить с выступлениями по стране. Как-то в одном городке увидела храм. Зашла в него и расплакалась. Сквозь слёзы проговорила: “Да что ж это происходит?” Потом воскликнула: “Господи, помоги мне! Я уже не могу, я устала, вся измучилась ездить с этими

выступлениями, с рассказами на тему “Товарищ кино”. Сделай что-нибудь!” Через некоторое время группа вернулась в Москву. И в тот же вечер, когда Мордюкова приехала домой, раздался звонок. Её пригласили сниматься в фильме “Трясина”.

Это сейчас село Слотино довольно доступно в транспортном отношении. Туда можно добраться в любое время года, потому что мы и дорогу сделали своими руками, и “бетонка” близко. Съёмочная группа обосновалась на берегу Торбеева озера. Сейчас на том месте частная база отдыха – несколько симпатичных коттеджей, судя по отзывам, приличный сервис. Тогда же стоял один трёхэтажный дом Мособлтура. В нём и разместилась группа Чухрая.

Нынешняя юристка племптицезавода “Смена” Людмила Павловна Шилина не один год руководила Березняковским органом местной власти. Многим из нас она помогала оформить нужные документы для приобретения дома в деревне с землёй. А в пору съёмки “Трясины” была молодой специалисткой: недавно закончила институт и работала в филиале научно-исследовательского института резиновой промышленности. Жила с такими же молодыми девушками в деревне “Смена” – по прямой это недалеко от озера, куда они ходили купаться.

Узнав, что на турбазе живут артисты и снимают фильм в Слотине, девушки однажды вечером пошли на базу. Познакомиться, потанцевать. Пришли и застали только часть съёмочной группы. Остальные уехали в Слотино. “А в этот день, – рассказала мне Людмила Павловна, – прошёл сильный ливень. Он размыл когда-то ухоженный царский тракт, давно превратившийся в дорогу ям и колдобин, до такой степени, что машины съёмочной группы не могли тронуться с места. Слотино стало островом, до которого можно было добраться только на тракторе. А он – в соседней деревне Малинники – там отделение совхоза”.

Однажды в какой-то заметке я прочитал, что в Слотине тогда жили десять человек. В другой публикации писали, что шесть стариков, и за хлебом они ходили 12 километров. В действительности это не так. Не только староста Евдокия Ивановна Чернега, но и Шилина, которая по должности знала все населённые пункты и количество жителей там, опровергают такие сведения. Почти во всех домах, а их было больше тридцати, жили люди. Да и начальные кадры фильма, где крестьяне серпами убирают хлеб, показывают немало людей. А ведь там снимались местные жители, в том числе Евдокия Ивановна Чернега, Анастасия Васильевна Малышева и другие. Магазины в Слотине, правда, не было. Он был в большой соседней деревне Малинники, где находилось отделение совхоза. Была там и почта – к нам, в Слотино, ещё в начале нулевых ходила женщина-почтальон. Так что до Малинников было, как говорится, рукой подать. 12 километров – это до центральной усадьбы племптицезавода “Смена” в красивом, благоустроенном посёлке Березняки.

Поэтому, когда ливень кончился, кто-то из местных жителей пошёл за трактором в Малинники – вырывать артистов.

А в селе о них позаботилась Евдокия Ивановна. Нажарила две огромных сковороды картошки, нарвала с грядки зелёного лука, редиски, поставила большую миску сметаны – у неё и ещё в двух дворах были коровы. Для полноты беда достала две бутылки самогона. Артисты поставили водку, и начался незапланированный пир.

А сельский посланец пришёл в Малинники, разыскал управляющего отделением совхоза Николая Ивановича Щербинина, рассказал о ситуации в Слотине. Первым делом решили позвонить на базу, Григорий Наумович Чухрай в тот день не поехал на съёмки. Щербинин его успокоил, сказал, что пошлёт трактор.

Я не был знаком с Николаем Ивановичем. Знал его сына Александра. Удивительный был человек. В молодости работал на заводе. По комсомольской путёвке – был такой способ участия общества в подборе кадров для органов внутренних дел – его направили в милицию. Учился в специализированном институте. Стал офицером и поступил работать в ГАИ. Прошёл все ступеньки служебной лестницы и несколько лет был начальником Сергиево-Посадского ГИБДД. Именно он помог мне собрать материал для статьи в парламентском журнале “Российская Федерация сегодня” о бессмысленном, но очень затратном переименовании ГАИ в ГИБДД, где я критиковал тогдашнего председателя правительства России Михаила Касьянова.

На мимолётный взгляд, внешне Александр Николаевич выглядел простым мужиком. Коренастый, плотный телом, уже полнеющий, большая, круглая, заметно лысеющая голова. Глаза небольшие, но всё схватывающие. Профессия наложила отпечаток быстро реагировать. Но в отличие от некоторых других людей этого рода занятий — чванливых, глядящих как бы мимо человека, если человек им не нужен, — Александр Николаевич был ко многим добрым и отзывчивым. Имея квартиру в городе, они с женой Таисией Михайловной жили в деревне Марино, поблизости от Слотина и тех самых Малинников, где отец Александра Николаевича был управляющим отделением, когда к нему пришёл посланец артистов за трактором.

Трактор он направил. Но вытащить машины съёмочной группы на “бетонку” было непросто. Зато на базе успокоились. Людмила Павловна вспоминает, как они начали танцевать, веселиться, как ей оказывал знаки внимания артист Владимир Гусев, высокий, завидный красавец.

Поздно вечером приехала группа из Слотина. Но девушкам уже надо было уходить.

Дом, в котором, по сценарию, жила Матрёна Быстрова и где шли съёмки, до приезда артистов был пустой, но принадлежал семье Килькиных. О них скажу позднее, а сейчас про многолетнюю депутатку и старосту Чернегу. Евдокия Ивановна, тогда ещё не старая, но любознательная тётка, повадилась ходить сюда и при случае поговорить с Мордюковой. Бывало так: посидят на ступеньках, потом идут в избу — выпить по рюмочке. Однажды Евдокия Ивановна пришла, смотрит: выходит Мордюкова и падает со ступенек. “Что с тобой?” — спрашивает Чернега. “Не мешай”, — говорит Нонна Викторовна, снова поднимаясь на ступеньки. Начинает сходить и тут же опять падает. Так повторилось несколько раз. Обеспокоенная Чернега хотела было помочь, но Мордюкова остановила её. “Это я репетирую. Мне надо так упасть, чтобы был синяк”.

Разумеется, съёмки вызвали большой интерес у жителей не только Слотина, но и окрестных селений. Мне рассказывала дочь Евдокии Ивановны Валентина, живущая в соседней деревне Марино, как она, ещё молодой женщиной, вместе с двумя бабками-родственницами пришла на поле, где стоял вагончик съёмочной группы. Хотели сняться в массовке. Стали ждать, когда их вызовут. Ждали-ждали — не зовут. “Вдруг посмотрим, — говорит Валентина, — в вагончик вошла молодая женщина. Проходит немного времени и оттуда появляется старуха старухой. Я сильно удивилась, как же её так здорово загримировали”. Она ещё подождала и ушла домой. Карьера артистки не получилась.

А карьера эта, если ей отдаваться сполна, очень тяжёлая. На мой взгляд, роль Мордюковой в “Трясине” — одна из лучших в её карьере. Если не самая лучшая. Это поняли не только ценители кино, но и простые зрители. Нонна Викторовна, говорят, всегда старалась работать без дублёров, многое умела делать сама. Мне рассказывала жена моего, к сожалению, рано умершего друга, Александра Сергеевича Килькина, Людмила Михайловна о том, что некоторые зимние эпизоды снимались на её глазах. “У меня недавно родился Серёжа, и я переехала из Загорска к Сашиним родителям в Слотино”. Их дом стоит на возвышенной стороне села. Из него просматривается значительная часть Слотина. Людмила Михайловна хорошо запомнила, как Мордюкова носилась на санях по селу, сама управляя лошадей.

Ровесник фильма Серёжа, о котором она сказала, теперь Сергей Александрович Килькин, высокий, симпатичный мужчина, подполковник МЧС. Живёт больше в Слотине, чем в Сергиевом Посаде.

Меня давно занимает вопрос: как появилась в абсолютно сухопутном месте фамилия, связанная с большой водой? Я спрашивал об этом своего сельского друга Сашу Килькина. Ничего толком он мне не сказал. Даже про деда упоминал едва-едва. Прав был Геннадий Филиппович Попов: память нам усердно отшибали. Да и сами мы не слишком старались передавать семейные истории от дедов внукам. Помню, как меня поразила заметка в какой-то газете о еврейской семье, которая знала своих предков, если не ошибаюсь, чуть ли не со времени распятия Христа. Помнят несколько поколений предков горцы Кавказа. А мы не всегда дедов помним... Спрашивал я Владимира Александровича Чеканова, которого называл местным Пименом. Он многое

знает о людях села, бывших и нынешних. Знает в том числе о том, что у деда – отца его матери, в девичестве Килькиной, – было около десяти братьев и сестёр. Все они когда-то жили в Слотине, и Володя даже называл мне их дома, сказал, что от деда по матери перенял благородное дело: стал хорошим пасечником. Но откуда пошла фамилия Килькиных, не знал. Оставалось искать другие пути.

Интересно изучать происхождение фамилий. Моя, например, думаю, базируется на двух основаниях. Кто-то из предков был скуповат, соль – этот древний дефицит – щепотками давал займы. Второе основание могло быть связано с церковной реформой XVII века, когда Патриарх Никон отменил правило креститься двумя перстами, то есть двумя пальцами. Было велено – тремя. Иначе говоря, щепотью. Или щепоткой.

Фамилия “Щепоткин” со средних веков часто встречается в архангельских местах. Там для рыбаков соль – важнейший продукт. Так что тут могло появиться первое основание. Однако предки моего отца были из Волжского казачьего войска, расформированного и расселённого Екатериной II за участие в пугачёвском бунте. Наиболее продвинутые казаки могли первыми начать креститься щепотью.

А Килькины? То ли кто-то из предков был маленький, как килька. То ли занимался промыслом этой небольшой, вкусной рыбёшки. Главное, он должен жить там, где она водится.

Однажды Володя Чеканов принёс мне краеведческий журнал. В нём потомок коренных жителей села, сын реставраторов и сам реставратор Николай Сорокатый вскользь упомянул о русском учёном Степане Петровиче Шевырёве, который, оказавшись в 1847 году в Слотине, обратил внимание на необычный для здешних мест говор. Он напоминал новгородский. Как здесь оказались новгородцы, задумался я. Узнать удалось легко. Дед Ивана Грозного великий князь Иван III в борьбе с Великим Новгородом насильно переселял, то есть депортировал, строптивых новгородцев на владимирские земли. А они – в двух километрах от Слотина. Оставалось понять, известна ли была новгородцам килька? Выяснилось, знали они её. Килька водится в основном в Балтийском, Северном, Норвежском морях. Балтика же через Неву, Ладожское озеро, реку Волхов соединяется с озером Ильмень, которое находится поблизости от Новгорода. Здесь рыбку ловили предки Килькиных, и она падала на стол новгородцам. Вот и разгадка необычной озёрно-речной и морской фамилии в сухопутном Слотине.

Но я отвлёкся на эти поиски, в том числе, потому, что они имеют отношение к фильму “Трясина” и его создателям. Дом, в котором снималась Мордюкова, где прятался, издеваясь над матерью, младший сын (артист Андрей Николаев), из-за которого она прогнала старшего (артист Вадим Спиридонов), чтобы тот не увидел дезертира, куда постоянно заходил Григорий Чухрай и другие актёры, сохранился в том же виде. Сейчас в нём живёт Валентина Ивановна Килькина. Наша старшая дочь Наталья, которая имеет дар художника, зарисовала его. Валентина Ивановна не местная. Она из другого района Московской области. Вышла замуж за старшего сына Килькиных Алексея Сергеевича. Они долго мыкались без хорошего жилища в Загорске. Дом и до съёмки, и после них стоял пустой. Валентина только приезжала сажать огород – нельзя было бросать землю. Однажды в дом забрались воры. Ничего особенно не взяли – ценностей здесь не хранили.

Единственный нанесли урон, да такой, что Валентина Ивановна до сих пор вспоминает с сожалением, – испортили старинный, обитый металлом сундук. Когда его открывали, раздавался красивый, мелодичный звон. На этом сундуке любила сидеть Нонна Мордюкова, с интересом оглядывал его Григорий Чухрай.

Сегодня о том, что в доме Килькиных снимался драматичный фильм “Трясина”, что здесь работал выдающийся советский режиссёр Григорий Наумович Чухрай с командой великолепных артистов, среди которых звездой первой величины сверкала Нонна Викторовна Мордюкова, знают только жители села Слотино. А это не совсем справедливо. В 1992 году редакционный совет Британской энциклопедии “Кто есть кто?” включил Мордюкову в первую двадцатку самых выдающихся актрис XX века. В какой-нибудь другой стране знаменитости такого уровня поставили бы памятники, открыли музей. В Слотине

сегодня сделать это пока невозможно. Я как-то завёл с Валентиной Ивановной разговор о фильме, о Мордюковой. Спросил: “А не хотела бы ты, Валя, переехать в город?” Муж у неё умер. Она отрицательно покачала головой: “Нет, Вячеслав Иванович. Что мне там делать? Сидеть да в окно глядеть? Тут у меня хозяйство”. Помолчала и добавила: “Природа”.

У неё, действительно, есть хозяйство. Три козы, куры, кошки, собака Чубайс. Козье молоко, яйца дают хорошую добавку к пенсии. Плюс своя картошка, огородно-парниковые овощи. При нынешних, зверски растущих ценах – тоже неплохо. Наконец, природа. Для Валентины Ивановны она и красота, и польза. С козами идёт в лес, дышит свежестью и собирает грибы. И она не скучает: её часто навещает дочь и сын.

Но всё же, пока исторический дом живой, его надо как-то отметить. Хотя бы повесить мемориальную доску.

(Продолжение следует)

ПАМЯТЬ

К 100-летию со дня рождения

Готовится к изданию новая книга Фёдора Сухова, которая предполагается быть изданной к его столетнему юбилею в Нижнем Новгороде, под названием “Взыскуемый Град”, книгу с этим названием подготовил поэт перед своей кончиной для издания в Москве, но она тогда не вышла. Последняя книга стихов Ф. Сухова “Вербное воскресенье” вышла в Волгограде в 2012 году, ровно через сорок лет, как там же был рассыпан по цензурным соображениям набор книги с тем же названием. Нижегородцы давно уже, с 2005 года не видели стихотворных сборников поэта. Москвичи не видели стихотворных сборников с 1989 года, тогда книжечка “Мать и мачеха” вышла в издательстве “Современник”. Удивительно, вот уже 30 лет, как с нами нет поэта, но оказывается, что к любому сегодняшнему событию у него можно найти подходящие стихи. Вот и я подобрала совершенно неизвестное читателю стихотворение “ПЕРЕСВЕТ И ОСЛЯБЯ”, которое, на мой взгляд, очень современно.

Е. Сухова

ФЁДОР СУХОВ

ПЕРЕСВЕТ И ОСЛЯБЯ

1

То ли в белой росе, то ли в ладане
Утопает глухое урочище,
Та потайная пустынь, тот Радонеж,
Что березовой светится рощицей.

А во рощице скиния видится,
Старец Сергей выходит из скинии.
Два монаха, два братца, два витязя
С ног обувь келейную скинули.

Ноги босые греют на солнышке,
У развесистой топчутся ивины.
А обоколь-то чуются совушки,
А обоколь-то чуются филины.

Дикомыть поверх ивины чудится,
Вроде к синему небу возносится,

И откуда-то крикает утица,
Оглашает глухое урочище.

Старец двинулся к дряхлой колодине,
Он к святой приобщился проточине.
Нет, не в ладане — в белой смородине
Вся трава на кочкастой обочине.

Все-то птенчики, все-то бубенчики
Голос свой повсеместно возвысили.
Облака — как небесные вестники —
Припадают к сияющей лысине.

Осенённый великими думами,
Старец к братцам легонько приблизился.
Сразу ветры тревожные дунули,
Чьё-то вдруг притемнили обличие.

Всю-то пустынь они пригорюнили,
Всполошилась плакучая ивина,
Приклонилась к болотной угрюмине,
К дикой ночи зловещего филина.

2

Не ковыль мельтешит — кони по полю,
По увалу они, по угорине.
По заклёкшей земле кони топают,
В воробьином пластаются гомоне.

Вроде нет, не предвидится удержу,
Сам Мамай по угорине движется,
Сам подстрелил залётную утицу
Над рекой омутовой, ярыжистой.

По-над Доном тревожилась утица,
Окликала возлюбленных чадушек.
Значит, что-то зловещее сбудется,
Ни дроздов не увидишь, ни дятлушек.

Только чёрные-чёрные вороны
Будут каркать с усохшего деревца...
“Где вы, где, православные воины?” —
Голосит белоликая девица.

А и впрямь, где вы, русские ратаи,
На какой затаились околице?
У какой вы летуете радости,
У какой вы горюете горести?

Непроглядная видится ископоть
От нежданно нагрянувшей допоти.
Сам Мамай по угорине рыскает,
Сам Мамай по угорине топает.

“Нет, нет, не взлетит, не возвысится,
Есть узда и на чёрного ворона”, —
Возглаголют два братца, два витязя,
Два на солнце вззрившихся воина.

Загудел — да так слышно! — не бухалень,
 На всю Русь растревожился колокол,
 По дворам, по соломенной рухляди
 Расплескался возвышенным всполохом.

Созывалось великое воинство,
 Осенялось походными стягами.
 Тут любая берёза — как звонница,
 Тут любая рябина — как благовест.

Тут Москва, тут её ополчение
 По зелёной шагает поёмине,
 Тут великое благоволение
 Даже в птичьём учуется гомоне.

В щебетне воробьиной услышится
 Снизошедшее благословение...
 Есть она, голубиная книжица,
 Есть потайное стихотворение.

Песня дивного-дивного голоса,
 В лете есть она, есть она в осени.
 Пусть московской заставы околица
 В лебедином купается озере.

Не кручинится пусть, не печалится,
 Есть узда и на чёрного ворона.
 Ивняковая хрупкая чащица
 Перекатной волной уговорена.

Убаюкана тихую зорюшкой,
 Что вставала над мгливой околицей,
 Что роняла последнее зёрнышко
 Из ржаного несжатого колоса.

Непроглядная темень. Из темени
 Только звёзды — как кроткие ласточки
 Как озябшие листья на дереве,
 Бьют и бьют они в белые ладушки.

Вроде радость какую учуяли,
 Посредь темени просветь увидели,
 Наклоняются к хмурой прищурине,
 Прикасаются к горькой обидине.

Утешение вроде предвидится,
 Всей земли, всей Руси озарение.
 Пересвет да Ослябя...
 Два витязя
 Разгадали ночное знамение.

А когда развиднелось, услышали,
 Как походные стяги глаголали,
 Как туманом повитое вишеньё
 Трепетало на дикой угорине.

И Непрядва, что поблизь кручинилась,
Встрепенулась от утренней озари.
Показались задумчиво синие
Очи ранней встревоженной осени.

Братец к братцу вплотную приблизился,
Пересвет попрощался с Ослябею...
Всем своим существом, всем обличем
Приглубил поникшую яблоню.

Вышел на поле, что облюбовано,
Куликами обжито, оплакано, —
Есть узда и на чёрного ворона,
На его на поганое карканье.

Пересвет с Телебеем увиделся,
С Голиафом померился силою.
Очи славного русского витязя
Закатились под горькой осиною.

Затуманились и Телебеевы,
Схолодели раскосые буркалы.
На пески, на прибрежины белые
Тяжко стонет полуденный бухалень.

И дергач надрывается. Ведает,
Сколько кровушки на поле пролито.
Не искупит под небушком ведренным
Никакое червонное золото.

5

Все леса в червонеющем золоте,
Все поляны в калине, в терновине.
Не понять — то ли слёзы, то ль жёлуди
Ронит дуб на зелёной поёмине.

Заливную печалит поёмину
Невеликая эта дубровина.
Пусть по-своему, пусть не по-моему
Вспоминает двух братцев, двух воинов.

Князя Дмитрия видит дубровина,
Отдаёт превеликие почести,
Дабы крылья поганого ворона
Не чернели в берёзовой рощице.

Ни Мамаевы, ни Телебеевы
Не зверели раскосые буркалы.
На пески, на прибрежины белые
Не стонал опечаленный бухалень.

Не рыдал над замшелой колодиной,
Там, где ранние зори полощутся,
И не ладаном — белой смородиной
Медовеет глухое урочище.

1987

СОЛОВЬИНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

Станиславу Куняеву

В отдалении от большой
Асфальтированной дороги
Утопаю я всей душой,
В луговой пропадаю вологе.

В непроглядном тумане бреду,
По незримой тропе ступаю,
Усыпляю свою беду,
Соловьиной врачую падью.

Как наяривают соловьи,
Ах, какие выводят колена!
Песня выстраданной любви
Торжествует над всей вселенной.

Над угрюмой гремит водой,
Неуёмное грохает диво.
Неуёмный слышу задор
Самодетельного коллектива.

Самодетельный коллектив,
Как он сладился, как он спелся!
На подмостках зелёных ив
Обнажённое дышит сердце.

Страстью взбалмошной обуян,
Лист живой говорит-органит,
Раздвигает сплошной туман,
Будто занавес раздвигает...

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

ПРАВДА ФЁДОРА СУХОВА

1

Ни одна поэтическая антология о Великой Отечественной войне не обходится без этого стихотворения:

Провожали меня на войну,
До дороги меня провожали,
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, —
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

А какая стояла пора!
Лето в полном цвету медовело.
Собирались косить клевера,
Рожь от жаркого солнышка млела.

Поспевала высокая рожь,
Наливалась густая пшеница,
И овёс, что так быстро подрос,
Прямо в ноги спешил поклониться.

Заиграла, запела гармонь,
Всё сказала своими ладами,
И платок с голубою каймой
Мне уже на прощанье подарен.

В отдалении гром грохотнул,
Был закат весь в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.

Автор этих строк поэт Фёдор Сухов, датированы они 1954 годом. Прошло уже почти десять лет, как закончилась война. Но, видимо, прощальный день проводов на фронт волновал, тревожил, жёг и, наконец, вылился

в пронзительное стихотворение, ставшее классикой военной поэзии. Хотя в этом небольшом произведении, по сути, нет ни боёв, ни героизма, ни подвига, лишь предощущение чего-то, ещё не понятного, неизведанного и в то же время великого.

Смею предположить, что повесть “Усвятские шлемоносцы” (1977) курянин Евгений Носов написал под впечатлением этого стихотворения. Фёдор Григорьевич и Евгений Иванович много раз встречались, были хорошо знакомы, даже больше — дружили. Оба фронтовики, артиллеристы, воевали в местах, которые потом назвали Огненной дугой. В повести Носова тоже не происходят батальные события, рассказывается о том, как уходили защищать Родину курские селяне. И интонация повествования тревожно-печальная, и в то же время одухотворённо-жизнеутверждающая.

Об “Усвятских шлемоносцах” критик Валентин Курбатов сказал так: “Мы ещё не осознали в подлинном величии эту книгу, где не раздаётся ни единого выстрела, но где война впервые явлена в зияющей смертной силе, вставшей против векового порядка жизни”. Эти слова в полной мере можно отнести и к стихотворению “Провожали меня на войну...”.

2

Желание написать данную статью возникло, когда я нашёл старый блокнот, датированный 1990 годом, “Встреча с поэтом Фёдором Суховым в городской библиотеке им. Н. Островского”. Даты нет, но, вероятно, это было в конце июля — начале августа.

Предыстория встречи такова. Поэт Владимир Молчанов побывал в Доме творчества писателей в Переделкино и рассказал, что познакомился с Суховым. Это был год 45-летия Победы, проходили различные юбилейные мероприятия, и Володя предложил белгородским библиотекарям пригласить Фёдора Григорьевича в наш город, тем более что тот воевал неподалёку от наших мест.

“Приходи, дядя Федя приехал”.

Сухов оказался на самом деле сухим, то есть совсем не богатырского телосложения. Среднего роста, волосы чёрные, заметно припорошённые седой. Пытливый взгляд из-под густых бровей. Рассказал, что побывал в Курской области, там, где воевал. Показал на сучковатую отполированную до блеска палку, вырезанную самолично: “С нею я все памятные места прошёл. У Жени Носова погостил”.

С собой у поэта был небольшой томик Ивана Бунина, изданный “Молодой гвардией”. Я спросил: “Почему Бунин?” Сухов ответил примерно так: “Что-нибудь этакое, так сказать, новаторское, авангардистское накрутить несложно, а вот на основе традиционной поэзии написать своё, о своём и по-своему — задача посложнее”.

А потом была встреча в библиотеке. В моём блокноте сохранились записи того, что говорил Фёдор Григорьевич. Они несколько сумбурные, но, думаю, будут интересны тем, кто не глух к поэзии и кому интересны поэты как личности.

— *Первый бой принял в районе станции Суджа, куда мы выдвинулись из-под Воронежа. Это был июнь-июль 1943 года. В звании лейтенанта командовал взводом пушек-сорокапятков. Об этом рассказал в романе “Ивница”, он выйдет в издательстве “Молодая гвардия”. Дошёл до Пруссии. Дважды был ранен. Имею награды, в том числе медаль “За отвагу”.*

— *На фронт взял тетрадку, куда были переписаны стихи Есенина, Бунина, Ахматовой и других поэтов. На вокзал явился с чемоданом, на что лейтенант сказал: “На войну с чемоданами не ходят, ими мы немцев не победим”. Я чемодан бросил, а тетрадку и некоторые книги переложил в вещмешок и носил всю войну.*

— *Пожалуй, на поле боя никто не мог надеяться, что выживет. Около Обояни немцы, наступая, вели огонь термитными снарядами. Солдаты горели, многие вставали из окопов и бежали, но это было ещё хуже, ибо они становились мишенями.*

— *Однако мне казалось, что меня не убьют. Втайне, конечно. Потому что пишу стихи. 14 апреля 1944 года была первая публикация моих стихов в газете “Красная армия”. Вырезку из газеты я положил в карман гимнастёрки и уже*

всерьёз думал: уж точно не убьют. А замполиту не признался, что это мои стихи.

— В начале войны до слёз было обидно, что так далеко немец залез к нам. Бывало, в окопах фрицы крутили на патефоне пластинки с нашими песнями, с той же “Катюшей”, и мне казалось, что враги взяли в плен нашу русскую песню. Хотелось им за это отомстить.

— На фронте я читал солдатам стихи Есенина “Мы теперь уходим понемногу / В ту страну, где тишь и благодать...”, и они воодушевляли больше, чем призывные стихи того же Симонова. Так почему же их считали упадническими? На войне надо было быть всегда готовым к смерти, и стихи Есенина помогали быть к ней готовым, не отчаиваться, если подобное случится.

— В 1949 году я поступил в Литературный институт и сразу пошёл на могилу Есенина. Она была усыпана цветами и письмами. О том, что, вернувшись с фронта, побывали на могиле поэта, мне рассказывали многие фронтовики. А в декабре того же года я встречался с матерью Есенина. Это произошло на литературном вечере. Я, студент Литинститута, сидел рядом с Татьяной Фёдоровной. Сборник великого русского поэта я и сейчас всегда вожу с собой.

— Когда учился в Литинституте, видел и слушал Пришвина, знал Смелякова, бывал у него в гостях. Во дворе института часто встречал Платонова. Тогда его почти никто не знал и не ценил, но некоторые преподаватели говорили нам, что это великий писатель.

— До сих пор для меня звание поэт как что-то высшее — это Пушкин, Тютчев, Есенин... Я писательский билет старался лишний раз не показывать, даже в милиции (приходилось, увы, там бывать) не признавался, что поэт, — стыдно было.

— У нас почти не было честной литературы о том, как жил и живёт наш народ, и только деревенская проза сказала правду, то есть то, что выше литературы.

— Последние тридцать лет я говорю только правду, всегда и всем, о том, что думаю и что знаю. И мне стало легче жить. Морально.

— Улучшение старого уже есть новаторство. Русский язык в поэзии ещё далеко себя не исчерпал, даже при помощи одного ударения можно делать новое. Так, все новаторства Хлебникова созданы на основе русского языка, на его глубине, а не от хотения автора что-то эдакое придумать. Как человеку нельзя приспособливаться к жизни, так и нельзя приспособливаться к языку — иначе не сохранишь своё “я”, то есть поэту надо творить свой язык.

— Стихи мне всегда помогали в жизни — на войне, в сложных, а порой, как казалось, и в безвыходных ситуациях. А обретение поэтического мастерства — долгий и, может быть, бесконечный процесс. Но молодым поэтам надо обязательно печататься. Для меня первая публикация и сейчас самая памятная.

— Я отрицаю любую идеологию. Единственная идеология, которую признаю, — это духовно-религиозное мировоззрение, направленное на формирование человека как личности.

Читал поэт и свои стихи. Спокойно, слегка нараспев, предельно сосредоточенно, не размахивал по-эстраднему руками. Было понятно, насколько продуманы и прочувствованы его слова. Читал, вероятно, самые ему дорогие, в том числе и “Провожали меня на войну...”.

Есть в моём блокноте и автограф Сухова. Я попросил Фёдора Григорьевича что-нибудь написать на память. Он улыбнулся, взял у меня ручку и в мгновение нарисовал автопортрет-шарж, подписав его.

3

Фёдор Сухов начал писать стихи на фронте. Одно из первых опубликованных стихотворений “Чёрный снег” датировано ноябрём 1944 года.

Мы спали так — спина к спине,
Теплом друг друга грея,
Своим теплом ведь на войне
Товарищ всех теплее.

Оттаивали зелена,
Стихал любой мороз,
Но что-то на исходе дня
Ударилось, разорвалось.

И нет товарища, и нет
Тепла среди метели,
Остался только чёрный снег
На ледяной постели.

А вот строки из стихотворения “Давным-давно я не слышал кукушки...”, написанного в 1956 году:

Я всякий раз, когда ударит залпом,
Когда гроза приблизится ко мне,
С мешком походным ухожу на запад,
К своей не замилившейся войне.

А стихотворение “Просыпаюсь вместе с петухами...” заканчивается трагически:

И тогда-то грохнет надо мною,
Вздрагнет потемневшая земля, —
Новую неслыханной войною
Ополчится небо на меня.
Только я без стога и без крика
Сгину в полыхающем огне, —
Я давно убит на той великой,
На своей единственной войне.

Фёдор Григорьевич Сухов умер в 1992 году в возрасте 69 лет. Похоронен в родном селе Красный Оселок Нижегородской области, откуда уходил на войну и где, вернувшись из Волгограда, прожил последние годы.

Смею высказать ещё одно предположение. Главный герой культового советского кинофильма “Белое солнце пустыни” — красноармеец Фёдор Сухов. Думаю, это не просто совпадение. Один из авторов сценария Валентин Ежов родился в Самаре, отсюда же родом и герой кинофильма. А в 1970 году, когда лента вышла на экраны, в Поволжье, пожалуй, не было более известного поэта, чем фронтовик Фёдор Сухов. К тому же Ежов — тоже участник Великой Отечественной войны и, вероятно, был знаком с поэтом. Вот и решил увековечить его имя посредством кинематографа.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН И ВЛАДИМИР МАКАНИН: В ТИСКАХ ВЕЛИКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

1

Валентин Распутин и Владимир Маканин родились в одном году (и как-ком – 1937!), с разницей в 2 дня. Оба – далеко на востоке от Москвы. Ещё десять лет назад, когда оба классика были живы, Павел Басинский заметил на этот счёт: *“Распутин и Маканин – дети немислимых исторических и географических пространств, от которых дух захватывает! Ведь Урал и Сибирь – два величайших географических региона в евроазиатской части мира. Война, которую пережили эти “дети 1937 года”, была величайшей войной в мировой истории. Русская революция, которая определила судьбы этих “детей” через их “отцов”, была, разумеется, главным политическим событием XX века”*. “Дети 1937 года” – это название книги Владимира Бондаренко, в которой он объединил не только наших героев, но и много кого. Добавлю – Революция затронула всех будущих писателей не столько лично, сколько всем строем жизни, коренным образом изменившимся незадолго – по историческим меркам – до их рождения. Но было то, с чем дети 1937-го, как и предшествующих, и последующих лет, столкнулись непосредственно, с чем пришлось иметь им дело всю жизнь. Это прямое следствие Революции, порождённая ею Великая Модернизация.

Собственно, сегодня именно в модернизации часто находят оправдание, смысл и 1917 года, и последующего террора. Поговорка про Сталина: “Принял с плугом – передал с атомной бомбой” – тоже об этом.

В России пишем “модернизация” – читаем “переведение всего и вся на западный образец”. Это вполне закономерно. Именно Запад есть изобретатель и владелец “эталоны модерна” как комплексного социополитического понятия. Потому что модернизация – это не частичное “осовременивание” экономических и управленческих механизмов. Модернизация есть приведение общества к стандартам универсального западного Модерна. Юрген Хабермас, знаменитый теоретик Модерна, находящий его истоки аж в поздней Античности, пишет про *“функциональные законы экономики и государства, техники и науки, которые как бы соединились в единую, не поддающуюся никакому влиянию систему”*. Под знаком победившей рациональности. Эта система

и есть Запад. Поэтому, повторю: в любой незападной стране модернизация равна вестернизации. То есть насильственной попытке поместить традиционное содержание в отлитые где-то далеко формы и с жёстким удалением всего лишнего. Политическая риторика тут ни при чём, все социалистические годы власть имущие, проклиная Запад, у Запада учились, перед Западом преклонялись и ужасно комплексовали, что у нас так не выходит.

Когда в конце 80-х советские модернизаторы сдали власть последователям, страна была решительно неспособна продолжить свой путь, насильственно прерванный за 70 лет до этого (в отличие от “стран народной демократии”, которые потрясли 40-летний морок – и только). “Своё” благополучно истребили. Насколько удалось насадить чужое?

Ответ ясен всякому: насильственная модернизация могла породить только гибридные нежизнеспособные формы в части социальных институтов, культуры, не говоря уже об экономике. Всё это мы видим в нашей стране и сегодня. Что-то по сравнению с 80-ми годами прошлого века даже стало гармоничнее – когда перестало притворяться чем-то иным, нежели является в действительности: например, социальные отношения, построенные на откровенно прагматичной основе. Что-то остаётся гибридным и уродливым, например, массовая культура, не дающая шанса культуре национальной. Но это тема отдельного разговора.

“Мы воспитали поколения людей, которые не восприимчивы к культурно-историческому наследию, догматически не только мыслят, но и чувствуют, с начисто отмершим органом, который позволял бы отделить временное от вечного”, – писал Валентин Распутин в 1988 году. Так что да, кое в чём модернизация удалась.

И Распутин, и Маканин, как и все их современники, оказались в тисках насильственных модернизационных процессов. Разумеется, было в творчестве писателей много и другого. Но рефлексия по поводу этих процессов, определяющих долговременную повестку советской жизни, была во многом содержательной основой их прозы. И уж тем более – публицистики. Мне показался интересным тот факт, что в модернизационных процессах советского времени Распутин и Маканин оказались как будто по разные стороны баррикад. Но эта разница мнимая. В той большой игре выигравших быть просто не могло.

2

С Распутиным, кажется, всё понятнее: “Прощание с Матёрой” навсегда останется голосом протеста против насильственных модернизационных преобразований. И в самом деле, в вестернизованном СССР русской деревне просто не было места. Нет его в Германии, Штатах, Великобритании? Не должно быть и в Советском Союзе.

При этом дело было отнюдь не в технологиях, не в тех же ГЭС, что тогда поняли немногие, а многие записали писателя в “новые луддиты”. Уже в 1999 году Распутин напишет, что в своё время *“выступал не против строительства гидроэлектростанций, как тогда представляли”,* а против ненадлежащего отношения к человеку, проявившегося, в частности, при проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию гидроэлектростанций на Ангаре. Что значит гидростанция сама по себе – сложный интересный технический механизм. А вот неодошвлённая ГЭС вместо деревни как символ модернизации – это и правда страшно.

И потому характерными кажутся слова того же Павла Басинского, сказанные 30 лет назад: *“Распутин – это эхо протопопы Аввакума и – шире – всей раскольничьей традиции”.* Аввакум – несомненный контрмодернизационный символ, духовный вождь сопротивления Модерну (таким было старообрядчество на протяжении всей своей истории).

В публицистике Распутина образ “Запада” есть, как мне представляется, символ Модерна. Не только ГЭС не были виноваты в его глазах, но и “антинародная”, как было объявлено на рубеже 90-х, советская власть (её краху Распутин никогда не радовался). В конце концов, советские модернизационные усилия, прикрытые идеологическим флёром, были ничем в сравнении с либеральным прозападническим террором конца века.

Именно в 90-х накал публицистики Распутина вырастает многократно. Он последовательно выступает против краеугольных камней Модерна. Таких как

политическая свобода: “Если натасканные к нам свободы убивают жизнь и их не представляется возможным обуздать, на кой нам нужны эти свободы!” И таких, как свобода высказываний: “Выключить беснующийся телевизор, не раскрывать развратные газеты; не внимать злонамеренным речам. Без зрителей, читателей и последователей они всё равно не останутся, но пусть обходятся без нас”. Прямо-таки “Великий Отказ”, по терминологии знаменитого критика Модерна Герберта Маркузе. Ну и, разумеется, особую ненависть вызывает у него современный универсализм: “Издавательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба, и оголтелая (вот уж к месту слово!) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки – всё чужое, будто ничего у нас своего не было”.

Интересно сопоставить эти утверждения с теми, что Хабермас приписывает консервативным критикам модерна. Якобы, по их мнению, модерн является “великим соблазнителем, который выдвигает на первый план принцип беспрепятственной самореализации, требование аутентичного самопознания, субъективизм чрезмерно возбуждённой чувствительности, – и тем самым высвобождает гедонистические мотивы, несовместимые с профессиональной дисциплиной и вообще с моральными основами целерационального образа жизни”. Как видим, совпадение базовых оснований очень велико.

Доходит до того, что Распутин призывает, по сути, к сегрегации жителей страны на принявших и не принявших новые порядки, новый строй жизни: выделяется население – та часть народа, которая приняла “чужую и срамную” жизнь – “денационализированное (то есть современное. – М. Г.) общество”. И собственно народ – “... коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, вращённые нации при рождении”.

О народе западные теоретики Модерна думали и думают, конечно, менее всего – эта категория для них попросту не существует. Поэтому в интеллектуальном смысле русский писатель просто “навязывает бой” оппонентам на своей территории. Но, боюсь, его просто не услышали, а если и услышали, так отнесли к понятной консервативной категории.

3

Маканин, кажется, был по другую от Распутина сторону модернизации – с теми, кто занимался НТР, то есть модернизацию в техническом плане двигал вперёд. Наконец, с теми, кто просто жил в городах (а города – это нормально, по логике модернизаторов, их надо оставить, усовершенствовать). Однако это был не капитанский мостик, но места гребцов на каторжных галерах. Маканин, как мне представляется, понял, к чему всё идёт, достаточно рано. Такая горькая вещь как “Безотцовщина” уже показывает бессилие даже рядовых представителей власти (милиции) и, шире, сообщества горожан существенно повлиять на что-нибудь. Для них происходящее обернулось тотальным разрушением микросоциальной ткани, одиночеством и разочарованием. Много говорилось в своё время о символичности названия этой повести. Символично оно и в нашем смысле – у героев нет нормальных семей, нет дома, потому что всё сметено не столько внешними (война), сколько внутренними непрекращающимися модернизационными проектами. Вспомним монолог детдомовского воспитателя, обращённый к героям, тогда ещё детям. Скромный педагог подан в образе некоего громовещателя, изрекающего последние истины в соответствующем антураже: “Вы дети Будущего. – Тут глаза его начинали блестеть, а за окном блистали молнии. Павел Ильич прохаживался, ожидая, пока все усядутся, пока перестанут елозить и ёрзать на детских своих худеньких задках. – Вы ведь знаете, в обществе Будущего не будет отцов и матерей. Не будет неравенства, денег не будет. Вот вы и есть первые дети Будущего. Разум – ваш отец, и отечество – мать ваша единственная. Вы не должны чувствовать себя отщепенцами, а наоборот”. Получилось страшновато – и как бы ни был велик соблазн списать такое малоприятное будущее именно на советский утопизм, прорицание очевидное больше универсально. Тотальная рациональность – это целиком и полностью по части Модерна, а местечковый утопизм, если он тут и есть, не более чем частный случай.

“Один и одна” – это вообще маканинский “Пожар”, реквием своему поколению рядовых модернизаторов, последнему, которое могло надеяться, что его усилия не пропадут даром.

В начале 90-х Маканин ещё мог несколько наивно удивляться, почему не стало лучше после падения советской власти: *“Не мыслитель и не писатель (традиционная российская фигура, палочка-выручалочка чуть ли ни во всех областях духа), не учёный и не практик-строитель, а скорый журналист, телекомментатор, оседлавший информационный процесс и толкующий его, как ему кажется, – вот чем мы живём”*. Потом и ему, как мне кажется, стало ясно, что разницы между этими агентами Модерна, может быть, никогда и не было.

Не поэтому ли так горько звучал “Андеграунд”, главная вещь 90-х, горше прежних вещей. Вспомним описание “последнего парада” рядовых модернизации, живо напоминающих сборище отвратительных “йехху”: *“...старики ролились возле дверей, настырные, как слепни. Бойцы до упора. Постарели, но пришли. Едва к ним войдя, я слотнул эту давнюю липкую горечь нашего тщеславия... Лыбые. Беззубые. Больные. Вот они все. Когда-то это была (как выразился господин Ловяников) армия литераторов, и значит, сейчас я воочию видел то, что осталось после похода: инвалидов, калек, оборванцев, жалкий сброд, остатки великого ополчения”*. Неважно, что здесь идёт речь о литераторах – точно такое же впечатление производили бы и инженеры.

Притом, что самые известные повести Маканина советского периода – это истории выламывающихся, уходящих, сбегающих из этих рядов: наступившее будущее уравнило всех. “Герой нашего времени” – солдат разбитой армии, в прошлом тот, кто проектировал ГЭС, кто разрабатывал проекты универсализации жизни, пытался улучшить жизнь на своём малом участке по заимствованным рецептам. Теперь ему и сказать нечего, некого обвинить в своём поражении. А оно было неизбежно.

Дело даже не в том, что рядовые интеллектуалы были в роли тех, чьими руками разрушались традиционные структуры и ставились гибридные уродливые конструкции. Оказалось, что интеллектуалам было отказано в праве на рефлексию по этому поводу. Хабермас говорит об “уязвимости” интеллектуалов в Модерне, именно потому, что они пытаются подвергнуть происходящее проверке. А это совершенно не нужно. Парадокс в том, что Модерн, эта длящаяся и длящаяся Эпоха Рациональности, построенной на Разуме, отнюдь не благосклонен к тем, кто разум пытается использовать для критического анализа. Распутин с точки зрения современной логики был консерватором, Маканин – интеллектуалом. И те, и другие – враги Модерна.

* * *

И ещё одно, что роднит Распутина и Маканина. Это способность в своих книгах передавать самое главное, самое насущное. Истории современности “по Маканину” и “по Распутину” не противоречат друг другу, но дополняют одна другую, становясь важной составляющей истории всего народа.

НАТАЛЬЯ МЕЛЁХИНА

В ЗЕРКАЛЕ ПРОВИНЦИИ

Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков. — Вологда: Древности Севера, 2017.

Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1917–1953 годов. — Вологда: Древности Севера, 2019.

Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1953–1985 годов. — Вологда: Древности Севера, 2019.

Трилогия “Осколки времени” – это серия краеведческих фотоальбомов, рассказывающих об истории города Тотьма Вологодской области и прилегающего к нему района. Казалось бы, подобное издание имеет исключительно местное значение и предназначено, в первую очередь, для жителей этого старинного русского городка и многочисленных туристов, охотно посещающих Тотьму*.

Но в строгом понимании “Осколки времени” – это не совсем фотоальбом, или, точнее, это гораздо больше, чем фотоальбом. Просто пролистать трилогию, как обычно пролистывают издания для туристов, не получится: она создана не для того, чтобы полюбоваться видами города, не с целью поверхностно ознакомить с тотемскими достопримечательностями. По сути, “Осколки времени” – глубокое исследование истории страны на примере Тотемского района, подтверждённое фактами, цифрами и уникальными фотодокументами. Читателю совершенно не обязательно быть туристом или иметь какое-либо иное отношение к тотемской земле, чтобы с интересом изучить “Осколки времени”. Настаиваю на слове “изучить”, а не только “прочитать” и уж точно не “просмотреть”.

Трилогия будет понятна и близка аудитории из любой точки России, потому что всюду в указанные периоды времени происходили одни и те же исторические процессы, только, может быть, с некоторыми региональными особенностями. А раз так, то почему бы и не тотемскими особенностями? В конце концов, анализируя тенденции эпохи, чаще говорят о больших городах или сильно обобщают – до уровня области, края, республики, страны.

* Прежде всего, Тотьма привлекает любителей архитектуры. Тотемские храмы не спутаешь ни с какими другими, потому что в этом городе активно развивался стиль барокко. Как он появился в вологодской глубинке? Этот вопрос немало помучил искусствоведов, а ответ кроется в истории: в XVIII веке, в эпоху великих географических открытий тотемские мореходы начинали свои путешествия по реке Сухоне, а заканчивали в неизвестных на тот момент землях, например, на берегах Северной Америки, где было основано русское поселение Форт Росс.

Тем ценнее, что авторы “Осколков времени” написали именно о глубинке, именно точно, без обобщений, а главное, беспристрастно – обращаясь исключительно к фактам.

Исследование выполнено в неожиданном формате – написано не сухим языком научных трудов, а в ярком публицистическом стиле. Трудился над трилогией коллектив Тотемского музейного объединения во главе с его руководителем Алексеем Новосёловым, который является редактором и составителем всех трёх книг.

Собрали по осколкам

Первый том называется “Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков”. Заметим, что слово “осколки” в названии – это не метафора. Оно имеет буквальное значение: фотографии той эпохи на стёклах делали негативы будущих снимков: *“Главными нашими проводниками по удивительному миру старой Тотьмы будут фотографии начала XX века из фондов Тотемского музейного объединения. Мы поэтично назвали их “осколками времени”, и в этом нет никакого преувеличения: подавляющее большинство видов эпохи отражено на стеклянных негативах. Значительная часть этих изображений, запечатлённых на тёмных пластинах, покрытых бромжелатиновым слоем, ещё нигде не публиковалась, потому, уважаемый читатель, Вы держите в руках издание, во многом уникальное”*. Создатели первого тома не преувеличивают: действительно уникальное, потому что даже сама по себе оцифровка стеклянных негативов представляет собой большой вклад в изучение истории XX века. В настоящее время первая книга уже стала букинистической редкостью, и в интернете нередко встречаются объявления от коллекционеров, желающих её приобрести. В томе опубликованы фотографии, сделанные разными людьми на переломе эпох, когда царская Россия уже уходила в прошлое, и на смену ей шествовала под громкими лозунгами будущая советская страна.

В наши дни в интернете популярны фотоподборки с названиями вроде “За минуту до трагедии”. То есть снимал человек, скажем, цунами, а потом – ап! – и сам был убит этой гигантской волной. При разглядывании таких фотографий захватывает дух в ожидании чего-то неотвратимого, неизбежного, чему отдельный человек противостоять не в силах. Революции 1905 и 1917 годов – чем не цунами?

И мог ли остановить историю или повернуть её вспять купец Александр Киренков, автор многих фотографий из этой книги, гимназистка Наташа Дилакторская или крестьянин Замараев, чьи дневниковые записи использованы в издании? Ответ очевиден.

Острое ощущение грядущего апокалипсиса авторы книги создают последовательно, уже начиная с эпиграфа – с цитаты Леонида Парфёнова: “В советские времена любили приводить статистику “по сравнению с 1913 годом”, – мол, вот настолько стало больше чугуна и стали на душу населения в стране. “А чего стало меньше?” – теперь-то мы вправе сказать: меньше стало России. А той, 1913 года, не стало вовсе”. Как приговор, звучит его фраза: “Мы сами на свою цивилизацию изверглись”.

В первом томе рассказывается о значении реки Сухоны в формировании социального и экономического статуса Тотьмы, описан внешний облик города, его планировка и застройка, храмы и околородья. Отдельная глава посвящена Спасо-Суморину монастырю. Это всё местные особенности, но ведь город – это не только архитектура и не только экономика. Авторы описали повседневную жизнь всех слоёв населения – от крестьянства до тотемской интеллигенции, от духовенства до ссыльных. В книге помещены биографии, воспоминания и дневниковые записи конкретных людей.

Из учебников истории мы выносим представление о сословиях в царской России как о некой статичной системе, где всякое сообщество замкнуто внутри себя и живёт лишь своими проблемами и чаяниями. “Осколки времени” показывают эту социальную систему в динамике. Сословия не существовали сами по себе, а органично “вживались” в единое время-пространство. Так, провинциальное духовенство не отделяло себя от главных событий в городе, стране и за рубежом. *“Деятельность священников была достаточно многогранна: будучи миссионерами, они работали над повышением образовательного уровня прихожан, принимали участие в судьбе обездоленных детей, курируя*

детские приюты, занимались нравственным и духовным воспитанием заключённых, создавали общества трезвости и попечительские советы о бедных. Неоценимым был и вклад духовенства в благотворительную деятельность в годы Первой мировой войны. Служители Церкви участвовали в сборе средств по подписным листам, отчисляли от 1 до 5 процентов жалования на содержание раненых и больных, а также в пользу семейств лиц, призванных на фронт», — пишут создатели книги (кстати, радуется, что в издании есть и отдельная статья «Первая мировая война и её влияние на жизнь уездного города», поскольку обычно эта тематика остаётся в тени). Ту же картину мы видим и в дневниках крестьянина Замараева. Он не замыкается внутри проблем крестьянства. Его волнуют не только события внутри своей сельской округи, а широчайший спектр тем вплоть до гибели «Титаника».

Когда вчитываешься в описание быта и бытия людей, живших на границе XIX и XX веков, ловишь себя на мысли, что это были представители не только иной эпохи, но и иного мировоззрения. К примеру, они иначе воспринимали само течение времени. Если судить по дневнику крестьянина Замараева, для него год — это череда сельскохозяйственных забот, прерываемых лишь на короткий срок в зимние месяцы. Если судить по записям гимназистки Наташи Дилакторской, для неё время — это не годичный цикл, а собрание ярких и неповторимых дней её юности. Для художника Феодосия Вахрушова течение дней и лет — это живописные образы с его полотен. И никто из этих людей не страдает от суеты и информационной перегруженности, как страдаем мы, люди начала XXI века. Они жили неспешно, созерцательно, со вкусом к самой жизни. Мы, современники, так уже не умеем, но, благодаря первому тому «Осколков времени», можем прочитать отрывки из дневников и документов, вдуматься в факты и цифры, можем увидеть фотографии, чтобы получить представление, как это было.

Большим достоинством книги является сам стиль изложения: простой, понятный, но не легковесный. К месту использованы цитаты, интересные истории из биографий жителей Тотьмы, противопоставления, пейзажные описания и т. п. Подобные издания нередко грешат тяжеловесностью слога. Стиль научных диссертаций, сухость изложения, отсутствие ярких цитат и образов — это вовсе не достоинство в книгах, рассчитанных на массовую аудиторию. Это недостаток, с которым следует безжалостно бороться. Как бы ни было в книге много фактов, цифр, ценных сведений, всё это впустую, если воспользоваться информацией смогут исключительно люди, имеющие профессиональное историческое образование. В первую очередь, такие книги пишутся не для тех, кто и без авторов всё знает, а для тех, кто знает мало или не знает ничего.

Впрочем, и «те, кто всё знает» могут быть удивлены некоторыми фактами. Например, принято считать, что крестьяне на рубеже веков в массе своей были бедны, забиты и неграмотны. На самом деле всё гораздо сложнее. Не существовало единой тенденции, поскольку каждая деревня Русского Севера была сродни суверенному государству из-за больших расстояний между ними, неравной удалённости от городов, разнице в плодородии земель, близости к реке Сухоне, которая играла огромную роль в экономике, и т. д. *«Грамотность была распространена среди населения Тотемского уезда неравномерно. К примеру, в Погореловской волости число грамотных составляло более 60% всего населения, там действовали народная читальня и две библиотеки: при волостном правлении и в сельском училище. На 218 жителей Погорелова приходилось более 1200 книг (в личном пользовании), два крестьянина даже выписывали газету «Сельский вестник»! А вот в Калининской волости чуть больше тысячи книг было на 39 селений и почти 3400 жителей; едва четверть часть от общего количества детей имела возможность посещать начальное училище или церковно-приходскую школу, а из взрослого населения грамотой владели всего около 10%»,* — такие цифры приводятся в книге. И тут же сделано замечание: огромная часть культуры крестьян была устной. То есть деревенские жители могли не уметь читать, но при этом знали наизусть стихи поэтов-классиков и отрывки из Библии, сюжеты главных романов своего времени, хорошо ориентировались в событиях эпохи. Почему? Потому, что принято было читать книги и газеты вслух для тех, кто не владеет грамотой, а затем ещё и коллективно обсуждать услышанное. Эту традицию трудно представить в наши дни, но только помня о ней, стоит делать выводы, насколько «тёмным» было крестьянство Русского Севера.

Связали нить

Второй краеведческий фотоальбом называется “Осколки времени: Тотма на фотографиях 1917–1953 годов” и является естественным продолжением первой книги. Он спасает из бездны забвения очень важный исторический период – с 1917 года и до смерти Сталина.

До развала СССР вся информация об этом отрезке времени подвергалась жесточайшей цензуре. После развала, за 90-е годы выросло целое поколение, которое училось вообще без учебников истории: старые школьные пособия в одночасье стали неприменимыми из-за идеологических штампов, а новые попросту не успели написать.

Нынешние 35–40-летние россияне, будучи учениками, запоминали фактологию этого периода, но не вникали в исторически обоснованную преемственность царской и ленинской, а затем сталинской страны, потому что сама система образования не была готова к такому подходу в преподавании истории. Ныне предпринимаются попытки выстроить линейную связь: царская Россия – революционная Россия – Советский Союз – Российская Федерация, но предпринимаются робко и не всегда удачно из-за огромного числа непрекращающихся политических споров и откровенных спекуляций даже достоверными фактами. В итоге от 1917-го до 1953 года – это время *incognito*.

Создатели диалогии “Осколки времени” постарались решить эту фундаментальную проблему на примере всего лишь одного провинциального района – Тотемского, однако многие выводы, сделанные ими, будут верны и для всей страны.

Так, потрясающе глубока и трагична глава “Тотемская деревня. Коммуны, коллективизация”. Из первой книги мы помним, как широко и свободно, пусть и не без проблем, жили тотемские крестьяне. Как же сложилась их судьба после Революции? – Несчастливо. Голод, болезни, разруха. Делами деревни начали заниматься люди, ничего не смыслящие в сельском мире. И встретили их по заслугам. Из дневника крестьянина А. А. Замараева в 1918 году: “Народ стонет от большевизма, потому что у народа всё взяли, а взамен ему ничего не дали”.

Отныне сельчане воспринимаются как подозрительный и даже чуждый классовый элемент. Лозунг “Земля – крестьянам!” обернулся глобальным обманом. Для новой власти крестьянство – расходный материал, нужный лишь постольку, поскольку большевики строили промышленную империю, а работников “великих строек” надо же откуда-то привезти и чем-то кормить.

Деревню безжалостно, кроваво и неумело принесли в жертву прогрессу. Рачительных, инициативных, работающих сельчан клеймили как кулаков и репрессировали, крепкие хозяйства – разоряли, трезвое и мудрое отношение к природе – искореняли, уважение к земле – высмеивали, семейные основы – подрывали, постулаты веры – заменяли идеологическими пустышками.

Автор главы Вера Галушкина пишет: “В целом можно сказать, что коллективизация в масштабах страны решила проблему свободной перекачки средств из аграрного сектора в промышленность, обеспечила снабжение армии и индустриальных центров продуктами сельского хозяйства... Вопрос о том, какой ценой были осуществлены эти достижения, наверное, самый болезненный... Коллективизация кардинально нарушила сельскую жизнь и была началом трагического процесса “раскрестьянивания”, уничтожения всех хозяйственных и нравственных традиций, живших в сельской среде и передававшихся из поколения в поколение. Это был первый и главный удар по миру русской деревни, после которого ликвидация неперспективных деревень в 1970-е и экономический кризис в 1990-е годы стали только отдельными эпизодами в общей картине стремительной урбанизации и оттока людей из сельской местности”.

Если хотите узнать, почему умер “Лад”, описанный классиком Василием Беловым, то эта глава из “Осколков времени-2” написана для вас. Она поможет уяснить, что сельчане на долгое время стали фактически людьми “второго сорта”, а судьбу их решали люди, которым сам дух “Лада” был ненавистен. Показательный момент – отъём паспортов, а вместе с ними права свободного передвижения, то есть впервые за всю историю страны крестьянство Русского Севера, по сути, было поработщено, а ведь такого не бывало даже в порицаемой большевиками царской России!

Эта глава имеет огромное значение: она восстанавливает историческую справедливость. У каждого города есть свой музей, хотя бы маленький, своя летопись более или менее полная, но деревни похвастаться этим не могут, они уходят в небытие тихо и незаметно, не оставляя после себя ничего, кроме пустырей на месте изб и огородов да заросшей кустами пашни. “Осколки времени-2” помогают понять, какой же была деревня в целом в момент своей гибели. В фотографиях, описаниях, документах, воспоминаниях мы видим, как мучительно проходило “раскрестьянивание”.

Этот раздел книги – добротная основа для последующего более чуткого прочтения всей деревенской прозы, для более тонкого восприятия произведений Фёдора Абрамова, Василия Белова, Василия Шукшина, Валентина Распутина, Виктора Астафьева и других, ведь не случайно гибель деревни – одна из главных тем в художественной литературе XX века. Это тот самый “перелом”, который навсегда изменил Россию.

Два краеведческих альбома неразрывно связаны между собой, и вместе с ними оказывается связанной и нить двух эпох – царской империи и советской. На примере главы про крестьянство мы видим, как эту связь большевики попытались оборвать, и отчасти им это удалось.

Точку невозврата фиксирует глава “События Революции и гражданской войны в Тотемском уезде”. Последствия этого разрыва в преемственности исторической памяти описаны в главах: “Тотемские фотографы Дмитрий Петров и Еверест Баландин – летописцы эпохи”, “Тридцатые годы. Индустриализация и повседневность”, “Репрессии и репрессированные в судьбе Тотемского края”, “Церковь. Антирелигиозная борьба”.

Стоит подчеркнуть, что в разделе “Репрессии и репрессированные в судьбе Тотемского края” автор обращается к не часто поднимаемой в вологодском краеведении теме – переселению украинцев на Север. Коренева Н. И. приводит такие цитаты-воспоминания свидетелей эпохи, от которых у читателя кровь стынет в жилах. Из письма “всесоюзному старосте” Михаилу Калинин: “... Отправляли... в ужасные морозы – грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге, и тут же женщины рожали своих детей (это ли не издевательство); потом выкидывали из вагонов, как собак, а затем разместили в церквях и грязных, холодных сараях, где негде пошевелиться. Держат полуголодными, в грязи, во вшах, холоде и голоде, и здесь находятся тысячи детей, брошенные на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания”. На территории Тотемского района в 30–50-е годы XX века было размещено 23 спецпосёлка, куда переселено 4329 семей украинцев. Коренева Н. И. рассказывает и о судьбах конкретных людей, и о том, что стало с посёлками после окончания периода репрессий.

Несколько особняком стоит раздел “Двадцатые годы. Картины быта”. Уж слишком это десятилетие, исполненное мечтаний и надежд, “выпадает” из общей картины XX века по своей исторической фактуре. Автор главы Алексей Новосёлов так и говорит: “Его в полной мере можно назвать исчезнувшим не столько из литературы, мемуаров, воспоминаний, сколько из коллективной памяти... Об этом даже слегка растерянно пишет, пожалуй, лучший хроникёр последнего столетия, журналист Леонид Парфёнов: а откуда ли мы, из этой ли мы эпохи, есть ли связь между эпохой, революционной романтикой, интернационалом и нами сегодняшними?”

Слегка выбиваются из общей структуры книги ещё две главы: “Образование. Ликвидация неграмотности” и “Здравоохранение”. Это два самостоятельных очерка. Они вполне могли бы быть опубликованы в виде отдельных брошюр, поскольку каждый раздел даёт полную картину развития образования и здравоохранения в указанный период.

В главе “Здравоохранение” особый интерес вызывает рассказ о костно-туберкулёзном санатории на Десятине. Когда-то эта страшная болезнь была бичом нации, и этот эпизод из истории Тотемского района передаёт сам дух времени: выжить в первую половину XX века было нелегко не только из-за риска быть убитым или репрессированным, но также из-за общей неустроенности быта, из-за тяжёлых болезней и голода.

Глава про образование – одна из самых больших в “Осколках времени-2”, что закономерно: краеведческого материала по такой тематике, как правило,

сохраняется много (документов, воспоминаний педагогов и выпускников, фотографий классов и курсов, экспонатов школьных музеев и т. д.). Вызывает огромное уважение объём проделанной работы. Ясно, что автор главы В. А. Притчина стала настоящим экспертом в заявленной теме. Однако, возможно, раздел будет скучноват для тех читателей, которые не специализируются на истории образования Тотемского района. Причина – в обилии специфических деталей и упоминаемых фамилий. Кроме того, стоило бы “почистить” главу от перечней и цифр.

Возьмём для примера фрагмент об истории лесного техникума на стр. 180–183. На стр. 180 – количество значкистов, комсомольцев и т. д. К сожалению, рядовому читателю эти цифры ни о чём не скажут. Мы узнаем, что “подготовлено 20 ворошиловских стрелков”. Для читателей, рождённых и воспитанных не в СССР, само это понятие “ворошиловский стрелок” требует пояснений. Трудно ли было им стать? Как понять “не рождённым в СССР”: 20 стрелков – это много или мало для тех лет? Или: “техникум выпустил 170 человек”. Что это значит: этих специалистов хватило для лесной отрасли или надо было больше, и если больше, то насколько и почему?

В подобных очерках, если они адресованы широкой аудитории, а не только историкам и специалистам-краеведам, цифры стоит называть с осторожностью, непременно объясняя, что они значат, а также используя вместо текста средства современного книжного дизайна: инфографику, вынос на поля, вёрстку отдельным информационным блоком и т. д.

На стр. 181 перечисляются через запятую темы в студенческой стенгазете и тут же, на стр. 182, фамилии педагогов и директоров даны списком. Скорее всего, неподготовленный читатель эти перечни, поставленные рядом, просто перелистнёт. Во-первых, списки читать попросту скучно. Во-вторых, сами по себе ФИО педагогов не несут ни эмоциональной, ни смысловой нагрузки, если только читатель не был лично знаком с тем или иным учителем. Было бы уместнее добавить в текст пару абзацев о самых ярких личностях среди этих педагогов, сделать так, чтобы за безликими фамилиями аудитория увидела живых людей.

Дотошная фиксация деталей хороша для научного труда, но не всегда органично смотрится в документальной литературе, а серия “Осколки времени”, безусловно, к ней и относится. Именно поэтому глава “Образование”, без сомнений необходимая во втором томе, всё же несколько выбивается из общей стилистики двух книг. Раздел “Жизнь тылового района в годы Великой Отечественной войны” сбалансирован и краток. Создатели книги вполне справедливо замечают, что нельзя уместить в эту главу всё, что написано о войне, и потому они постарались отразить лишь самое главное и малоизвестное. У авторского коллектива выполнить эту задачу получилось. Завершает книгу глава “Послевоенные годы. Восстановление хозяйства” – вполне логичная кода для подобного издания. Далее, после 1953-го, наступает совсем иная, более свободная и светлая эпоха.

В целом “Осколки времени-2” сохраняют структуру первого краеведческого альбома и последовательно описывают все сферы жизни Тотемского района, а также самые главные события за исследуемый исторический период.

Примечательно, что две книги связаны между собой ещё и на уровне “персонажей”: в “Осколках времени-1” мы познакомились с семьёй Дилакторских, крестьянином А. А. Замаараевым, художником Феодосием Вахрушовым и т. д. В “Осколках времени-2” читатель узнаёт, как сложилась их судьба в “эпоху перемен”. Замечательный ход, редкий в документальной литературе! Через биографии реальных жителей Тотемского района подчёркивается историческая преемственность досоветского и советского периодов, и, таким образом, два тома окончательно становятся единым текстом-монолитом.

Стоит ещё раз подчеркнуть, что второй том хоть и повествует о Тотемском районе, но затрагивает при этом болезненные вопросы, до сих пор актуальные для всей страны. Не случайно “Осколки-2” стали дипломантом в номинации “Диалог со временем: лучшая книга мемуарно-биографического и историко-документального характера” в общероссийском конкурсе Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ) “Лучшие книги года-2019”.

Вышли из застоя

В 2021 году был издан третий том “Осколки времени”, и кажется, что к третьей книге коллектив, состоящий из сотрудников Тотемского музейного объединения, поневоле набрался писательского опыта и вошёл во вкус. Появилась лёгкость, которая у любого автора вырабатывается с опытом, а также в диалоге с читателем. Это самая удачная книга серии по уровню языка и стилю изложения. Написана она попросту увлекательно, читается на одном дыхании, не требует никакой специальной подготовки, помимо школьной. В первом томе авторы как бы “борются” с привычкой писать наукообразно и официозно, видно, с какими усилиями специалисты-“музейщики” эту привычку преодолевают. Во втором – это ещё похоже на статьи и доклады, но наполовину уже публицистика. А в третьем – публицистика высокого образца, а местами и документальная проза. Любопытно, что весь путь “через три книги” проделали не все авторы, а только четверо, но, очевидно, что каждый последующий том ориентирован на предыдущий. Проект обрёл свой стиль: авторы первого тома его обозначили, второго – развили, а третьего – отшлифовали.

К примеру, в третьей книге больше не встретишь нудных безликих списков фамилий (как перечисление педагогов в главе про образование тома “Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1917–1953 годов”). Таблицы, цифры, списки отныне отделены от общего повествования. Так к главе “Городское хозяйство и строительство” сделано приложение – перечень строительства жилых и общественных зданий в Тотьме 1953–1985 г.г. Да, не все читатели до тошны, не все по этой таблице будут сверять адреса, “пароли и явки”, но есть и такая часть аудитории, для которой это важно. При таком подходе – текст отдельно, а таблица отдельно – учтены вкусы всех сторон.

В третьем томе правильно расставлены знаки читательского интереса. Для этого в тексты включены мини-истории людей, сами по себе это вроде бы незначительные эпизоды, но как метко они характеризуют эпоху! Используются эти “рассказики” всегда к месту. Так, в главе “Торговля, общественное питание и бытовые услуги” повествуется о периоде дефицита товаров, о распределении ценных вещей по благу. И тут же приведено воспоминание жительницы Тотьмы Е. В. Федотовской, которая выстояла длинную (в половину суток!) очередь за цветным телевизором, и была уверена, что получит его, поскольку стояла всего лишь четвёртой. *“И вот она, долгожданная машина, приехала! Стали разгружать... Я, как и все другие, провожала каждый телевизор взглядом до дверей магазина. Только телевизоров оказалось не двенадцать, а всего шесть. Но ничего, я-то четвертая! Ждали, ждали, и наконец-то магазин открылся. Все рванули к прилавку, соблюдая очередь. Но продажа закончилась очень быстро, так как продали всего два телевизора. Кому не досталось, начали возмущаться, просить объяснения. Оказалось, что другие четыре телевизора оказались “неисправными”, – поведала Е. В. Федотовская.* Далее не дано никаких особых пояснений, но читателю и без них становится совершенно очевидно, что “неисправные” телевизоры были распределены “из-под прилавка” среди “своих”. Как тут не посочувствовать покупательнице, как не возмутиться произволом продавцов?

Авторы “Осколков времени” соблюдают закон последовательности. В каждом новом томе, в каждой главе они не забывают дать отсылки к предыдущему периоду и намекнуть на будущее. Вот и очерк “Торговля, общественное питание и бытовые услуги” заканчивается отсылкой ко второму тому, где были описаны тяготы военного и послевоенного времени. *“Обидно то, что для представителей поколения, пережившего войну или взрослевшего в послевоенные годы, дефицит был чем-то само собой разумеющимся. Блат тоже был делом обыденным или считался нормой. Люди верили, что это только сейчас плохо, а потом, когда страна оправится, у всех всё будет замечательно”,* – констатирует автор этой части Вера Галушкина. Заметьте, читая эти строки, любой человек знает, что в будущем страна не просто не “оправится”, а исчезнет с географических карт, и вместе с Верой Николаевной от души переживает несправедливость, от всего сердца сочувствует поколению, которое вынесло столько тягот.

Как и предыдущие две книги, третья рассматривает жизнь тотьмичей все-сторонне. Об этом можно судить даже по названию глав: “Власть и идеология.

Тотемский край в судьбе страны”, “Промышленность”, “Транспорт”, “Образование”, “Культура и досуг” и т. д. Авторы проанализировали, как основные события эпохи отразились в истории Тотемского района: освоение целины, Олимпиада-80, введение войск в Афганистан, укрупнение колхозов, строительство автодорог по направлению к Вологде, реабилитация “врагов народа” и т. д. — ничто из главного не упущено.

Третий том, наверное, самый непростой из всей серии. Он посвящён так называемой “эпохе застоя”. Говорить о ней особенно сложно по многим причинам. Во-первых, она вызывает жесточайшие споры, особенно в соцсетях. Одни люди по ней ностальгируют, другие — чуть ли не проклинают. Во-вторых, она ещё остро жива в памяти целых поколений. И это, с одной стороны, хорошо, потому что исследователи Тотемского музейного объединения имели возможность для третьей книги найти гораздо больше “живых”, воспоминаний, документов, снимков и пр. А с другой — плохо, так как при такой близости бывает трудно отделить объективное от субъективного в тех же воспоминаниях тотьмичей. В-третьих, боюсь, столичным читателям будет сложно понять и принять тот факт, что в глубинке многие процессы, характерные для периода 1953–1985 годов, практически не ощущались или ощущались, но совершенно иначе, чем в центре страны.

Алексей Новосёлов, директор Тотемского музейного объединения, в финале рассуждает: *“Перевернув страницу и увидев заголовок “Послесловие”, некоторые из вас, уважаемые читатели, наверняка подумают: как? Уже всё? А где же, собственно, такие важные темы, как диссиденты, “самиздат” и “тамиздат”, где рассказы о каких-то оппозиционных настроениях?.. Ответ сложнее, чем можно представить. Конечно, нельзя сказать, что тотьмичей середины 80-х годов всё устраивало в окружающем их мире. Но при всех этих минусах — благе и очередях, заорганизованности, отживающей своё идеологии, афганской кампании — люди не могли не заметить, что город сильно меняется”*.

Видите ли, парадоксальным образом “эпоха застоя” в глубинке вовсе не воспринималась “застойной”. В ней, кроме отрицательного, было множество положительных процессов, не заметных, и, скорее всего, даже не известных, к примеру, москвичам или петербуржцам. Опираясь на факты из третьего тома, попробуйте представить, как должны были “ощущать” это время тотьмичи. К примеру, до “застоя” в их районе мало существовало дорог с твёрдым покрытием, а лишь непролазные от грязи “направления”. Добраться от Вологды до Тотьмы можно было либо теплоходом по реке Сухоне (этот путь занимал почти сутки), или по воздуху, но билеты на самолёт стоили очень дорого, и их не хватало. И вот, наконец, построили настоящее автомобильное шоссе! Разве это не значительный шаг вперёд? В наши дни путь от Вологды до Тотьмы займёт не более трёх часов, и все уже привыкли к этому, а тогда это воспринималось как революционный прорыв: не ночь на тепलोходе, а считанные часы по автодороге. Невиданное удобство!

В указанный период электрическое освещение появилось там, где ранее знали лишь свечи и керосинки. И вот вам снова факт из книги — в колхозе “Большевик” Середского сельсовета электричество провели только к 1970 году. Представляете, какая это была радость для сельчан? Построили школы в сёлах, откуда дети по 10–16 км ходили на учёбу ежедневно туда-обратно. Открыли клубы и библиотеки. Колхозникам дали паспорта, освободив от “советского закрепощения”, и увеличили уровень зарплат. Обеспечили медицинское обслуживание. Вот таким, оказывается, “ощущался” “застой” в провинции — периодом медленного, но безусловного улучшения качества жизни. Это, мягко говоря, совсем не те условия, в которых люди становятся оппозиционерами и начинают бунтовать, зачитываясь “самиздатом”. Здесь, именно в этой точке, намечается будущий разрыв мегаполисов и провинции в восприятии не только и не столько “застоя”, но и истории страны, а также в целом жизни в России. Если вдуматься, это трагедия: город и деревня, столица и провинция ещё никогда не были так далеки друг от друга, как при процессах глобализации, что и логично, и грустно. И мы ещё не знаем всех последствий случившейся беды.

Добавим, что весь третий том пронизан рубцовской поэзией. Действительно, жизнь Тотьмы, начиная с периода 1953–1985 года и далее, уже не представить в отрыве от имени поэта. О чём бы ни шла речь, вдруг с удивлением

обнаруживаешь, что Рубцов об этом либо писал, либо был непосредственным свидетелем и/или участником событий, либо размышлял и т. д. Рубцововедам и просто поклонникам таланта Николая Михайловича обязательно стоит прочитать третий том “Осколков времени”. Книга многогранно и очень глубоко покажет ту среду, в которой вырос и сформировался поэт, и после чтения третьего тома восприятие рубцовской лирики непременно дополнится совершенно новыми смыслами и эмоциональными нюансами. Вряд ли авторский коллектив стремился к такому эффекту специально, но тем не менее он возник сам собой (а ведь так бывает только в произведениях, созданных на высоком художественном уровне). Эта “ненарочность”, “ненамеренность” особенно восхищает. Благодаря ей вдруг осознаёшь, что Николай Рубцов поистине “народный поэт”, что это не штамп из учебников и официальных речей, это объективная данность.

Будем надеяться, что проект “Осколки времени” не останется трилогией, а вырастет до тетралогии, ведь издавать каждые два года по тому для Тотемского музейного объединения стало традицией, а читатели, в свою очередь, эту традицию полюбили и поддержали. Каждый новый том – событие! *“Создавайте свои исследования, публикуйтесь в газетах и сборниках, рассказывайте о том, что Вы хотите оставить в коллективной памяти, приносите фотографии, документы и предметы эпохи в наш музей. Мы всегда готовы помочь. И вместе, сообща, – продолжение обязательно следует”*, – подводит итог Алексей Новосёлов, составитель и редактор серии.

В КОНЦЕ НОМЕРА

28.02.2022 г.
Президенту
Российской Федерации
В. В. Путину

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

В 1991 году в Беловежской пуще три Иуды Славянского мира совершили то, что не удавалось ни хану Мамаю, ни Наполеону, ни Антанте, ни Гитлеру, – разорвали единую, неделимую Святую Русь, собираемую тысячелетие нашими предками. На их совести – последовавшие за этим и длящиеся 30 лет нестроения и кровопролитие.

Восемь лет мы с болью наблюдали, как националисты и фашисты, захватившие в заложники народ нашей родной сестры Украины, убивают наших братьев и сестёр в Киеве, Одессе, Донецкой и Луганской Республиках, не признавших власть наползающей на Русский мир тьмы, по традиции поддерживаемой заокеанскими и европейскими кукловодами.

У Руси единые духовные истоки и корни, история и культура, фундаментальные ценности и язык. Единство наших народов должно иметь прочное будущее.

Вы приняли единственно верное решение, единодушно поддержанное Государственной Думой, Советом Федерации и большинством нашего народа, за исключением тех “миротворцев”, которые сокрушались, что мы не отдали Гитлеру Ленинград, не склонили свои головы перед очередной ордой. Сегодня врагам России удалось столкнуть родных братьев в масштабном военном противостоянии. Был ли у нас выбор? Наблюдать, как наши “коллеги” стягивают петлю на нашем горле, размещая базы вокруг нас и в доме, завещанном нам нашими предками, или сказать наконец своё решительное слово. Вы – лидер, поддержанный народом, – его сказали. Кровопролитие, убийство братом брата – страшно, но промедление было бы подобно смерти, уничтожению единой Руси. Великий миротворец, объединитель земли Русской преподобный Сергей Радонежский, завещавший нам, своим потомкам: “Любовью и единением спасёмся”, благословил на Куликово поле Дмитрия Донского, сказав ему: “Иди, ты победишь!”.

Россия всегда была против войн, никогда их не начинала, но всегда их заканчивала.

Мы, деятели культуры, заявляем о поддержке позиции Президента Российской Федерации.

Да укрепит Вас Господь и да сохранит братский народ Малой Руси!

С глубоким уважением

Н. П. Бурляев – Народный артист России, Президент Славянского творческого союза “Золотой Витязь”, первый заместитель Председателя Комитета по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Государственной Думы ФС РФ;

Захар Прилепин – писатель, филолог, публицист, телеведущий, лауреат Золотой медали имени А. С. Пушкина “За выдающийся вклад в литературу”;

Раков В. В. – Народный артист России;

Богданович Е. В. – лауреат золотой медали имени Н. Д. Мордвинова “За выдающийся вклад в театральное искусство”, лауреат Премии М. Бежара;

Максимов В. Э. – Народный артист РСФСР;

Михайлов А. Я. — Народный артист России, лауреат Государственной премии РСФСР, лауреат Золотой медали имени С. Ф. Бондарчука “За выдающийся вклад в кинематограф”, профессор ВГИКа;

Ливанов А. Е. — Народный артист России, лауреат Государственной премии РСФСР;

Кара Ю. В. — кинорежиссёр, Заслуженный деятель искусств, член Общественного совета при Министерстве культуры РФ, лауреат международных фестивалей;

Шукшина М. В. — Заслуженная артистка России, телеведущая, общественный деятель;

Певцов Д. А. — Народный артист России, лауреат Государственной премии РФ, первый заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы ФС РФ;

Степанов А. Д. — главный редактор портала “Русская народная линия”, председатель Международной общественной организации “Русское Собрание”, член Союза писателей России, Санкт-Петербург;

Казин А. Л. — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей и Союза кинематографистов России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Санкт-Петербург;

Кравчук Т. В. — председатель Общероссийского общественного движения “Русский мир”, Москва;

Сагал Д. А. — секретарь Общероссийского общественного движения “Русский мир”, кандидат педагогических наук, Москва;

Алмазов А. В. — Заслуженный художник России, член Попечительского совета ООД “Русский мир”, Москва;

Протодиакон В. В. — доктор исторических наук, кандидат филологических наук, кандидат богословия, профессор, член Синодальной богослужебной комиссии, член Союза писателей России, Санкт-Петербург;

Сошенко А. В. — публицист, секретарь Международной общественной организации “Русское Собрание”, Калуга;

Карасев В. П. — детский врач реаниматолог, исполнительный директор православного благотворительного фонда поддержки материнства и детства, Санкт-Петербург;

Сдобняков В. В. — председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России, главный редактор журнала “Вертикаль. XXI век”, лауреат международных и всероссийских литературных премий, Нижний Новгород;

Скотникова Г. В. — доктор культурологии, профессор, Санкт-Петербург;

Чавчавадзе Е. Н. — Заслуженный деятель искусств России, лауреат премии Правительства России;

Куняев С. Ю. — главный редактор журнала “Наш современник” (Москва), лауреат Патриаршей литературной премии имени равноапостольных Кирилла и Мефодия, лауреат международных и всероссийских литературных премий;

Семенюк А. Г. — кинокритик, киновед, директор кинопрограмм МКФ “Золотой Витязь”;

Малягин В. Ю. — лауреат Патриаршей литературной премии имени равноапостольных Кирилла и Мефодия и международных литературных премий;

Николаев В. Н. — лауреат Патриаршей литературной премии имени равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Набокова А. Г. – директор театра “Витражи”, Самара;

Крюков А. – художник, выпускник академии Ильи Глазунова, автор выставки “Донбасс. Память сердца”;

Астахов Н. С. – художественный руководитель Русского духовного театра “Глас”, Заслуженный деятель искусств РФ, кавалер ордена Почёта и ордена Дружбы за вклад в Отечественную культуру;

Белевич Т. Г. – директор Русского духовного театра “Глас”, Заслуженная артистка РФ, лауреат международных театральных фестивалей;

Дворцов В. В. – заместитель председателя Правления – генеральный директор Союза писателей России, лауреат всероссийских и международных премий;

Петин П. Г. – кандидат исторических наук, Москва;

Петракова Т. И. – доктор педагогических наук, профессор, Москва;

Бойко-Великий В. В. – президент Русского Просветительского Фонда имени Святителя Василия Великого, Москва;

Сюхин С. Н. – Заслуженный художник РФ, член Союза художников РФ;

Орлов Б. А. – председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, секретарь Союза писателей России;

Лебедев С. В. – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО Высшая школа народных искусств (Академия), Санкт-Петербург;

Галенин Б. Г. – военный историк, писатель, действительный член Общества изучения истории Отечественных спецслужб;

Пашутин А. С. – Народный артист России;

Карпова Т. М. – редактор, режиссёр документального кино, лауреат и член жюри международных кинофестивалей;

Роженцев С. В. – кинорежиссёр, лауреат международных кинофестивалей;

Лис Л. В. – журналист;

Сафонов Г. Л. – художественный руководитель и Главный регент Праздничного хора Данилова монастыря;

Поздняков Н. И. – почётный работник науки и техники РФ, координатор Гражданской инициативной группы “Морской Санкт-Петербург”;

Щеглов М. Ю. – председатель Общества русской культуры Республики Татарстан, кандидат технических наук;

Болотин Л. Е. – историк, журналист, научный редактор проекта “Царское дело”;

Ребров А. Б. – главный редактор журнала “Родная Ладога”, поэт, член Императорского Православного Палестинского Общества, лауреат многих литературных премий и медалей;

Ефимовская В. В. – заместитель главного редактора журнала “Родная Ладога”, поэт, литературный критик, руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности.

Уважаемые читатели!

Публикуя коллективное письмо деятелей культуры РФ, подписанное ими в связи с началом освободительной борьбы народа Украины с киевской “хунтой” и её покровителями с “коллективного” Запада, мы уверены, что его подписал бы Александр Сергеевич Пушкин. В доказательство чего печатаем его знаменитую оду “Клеветникам России” – это был бы его приговор нашим оголтелым “западникам”.

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

*О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.*

*Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.*

*Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бесмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...*

*За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..*

*Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

БОРИС ОЛЕЙНИК

* * *

*Радостно кричат в небесной сини
Над днепровской гладью журавли,
Только хлопец, что убит своими,
Не подыметя с сырой земли.*

*Смерть над ним раскинула объятия,
Он лежит в ничейной полосе,
На него глядят как волки — братья,
Зыряка глазами вдоль шоссе.*

*Так зачем же мы в родной державе
Выбрали безумную судьбу?
Приглядимся, кто же нами правит,
Кто сидит на нашенском горбу?*

*Нам они по языку чужие
И по вере тоже не родня...
Перед кем же мы склонили выи,
Как рабы, оковами звеня?*

*Но когда над украинским миром
Встанет смерть — то упорхнут лжецы...
Нам же, обездоленным и сирым,
Горевать над пепелищем милым:
— Кто же нас послал под хвост овцы?!*

2015

*Перевод с украинского
Станислава КУНЬЕВА*